

ТАЙНЫ

Бек XIX

Г. Кениг

КАРНАВАЛ
КОРОЛЯ
ИЕРОНИМА

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XIX

Г. Кениг

КАРНАВАЛ КОРОЛЯ ИЕРОНИМА

Исторический роман

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1995

ББК 84.4Г
Г38

- Кениг Г.
Г38 Карнавал короля Иеронима: Исторический роман / Пер. с нем. — М.: ТЕРРА, 1995. — 464 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).
ISBN 5-300-138-4

В романе немецкого писателя Г. Кенига раскрывается малоизвестная страница истории Германии начала девятнадцатого столетия. Действие происходит в Вестфальском королевстве, созданном в 1807 году Наполеоном для своего младшего брата Жерома (Иеронима). Волею судьбы в центре хитросплетенной интриги и заговора оказывается главный герой романа доктор философии Герман Тейтлебен. О том, как сложилась судьба Германа, узнают читатели этого увлекательного историко-приключенческого повествования.

Г 4804010000-185 Без объявл.
А30(03)-95

ББК 84.4Г

ISBN 5-300-138-4

©Издательский центр «ТЕРРА», 1995

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Студент из Галле

В ясный весенний вечер молодой путник достиг цели своего многодневного странствования. Перед ним виднелся город, раскинувшийся на восточном склоне лесистых гор и окаймленный живописной речной долиной. Хотя для полноты картины недоставало древних церковных башен, но тем величественнее казались вершины ближайших гор; на самой высокой из них рельефно обрисовывались в ярком отблеске солнечного заката темные очертания гигантского памятника.

Усталый путник невольно выпрямился и ускорил шаги. Навстречу ему неслись торжественные звуки тяжелого вечернего колокола, он вспомнил церковь и приходский дом своего отца и почувствовал тяжесть на сердце, какой не испытывал за время всей дороги. Но впечатление это рассеялось по мере приближения к городу, взгляд его задумчиво перебежал от зеленых лугов на соседние холмы и деревни. Все чаще попадались ему пешеходы, всадники и экипажи с сидевшими в них мужчинами и веселыми, наряженными дамами. Он мысленно спрашивал себя: «Кто это? Завяжутся ли между ними и мной какие-либо отношения?.. Удастся ли мне иметь успех в этом обществе, приобрести любовь и дружбу?..»

При этом прекрасные карие глаза юноши блестели от нетерпеливого ожидания, по лицу пробежала улыбка. Минувив длинное здание лазарета и небольшую церковь с пристройками, он достиг ряда однообразно построенных домов, обшитых тесом, которые имели вид шинков или извозчичьих дворов. В одном из них на двух звонких инструментах наигрывали вальс, по двору взад и вперед сновали солдаты и девушки, а между ивами еще веселее кружились в лучах вечернего солнца рои комаров.

Под приятным впечатлением всего виденного и хорошей погоды, молодой путник дошел до городских ворот. Офи-

цер, бывший на карауле, которому он должен был заявить о себе, смерил его с ног до головы благосклонным взглядом.

— Этот студент годился бы в гвардию! — заметил он стоявшему возле него капралу.

Действительно, прибывший юноша обращал на себя общее внимание публики не столько студенческим платьем, палкой и котомкой за плечами, сколько своим высоким ростом и широкоплечей фигурой.

Проходившая мимо красивая женщина в ярком и довольно странном наряде, так ласково взглянула на него, что он решился спросить ее:

— Где гостиница «Лондон»?

Она тотчас же предложила ему указать дорогу и доверчиво пошла рядом с ним. Когда они вступили на мост, юноша стал оглядываться по сторонам, услужливая незнакомка сказала:

— Вы видите этот старый замок? Тут живет наш молодой король Иероним, или Жером. А этот большой парк у реки Фульды называется Ауэ, вы часто будете прогуливаться в нем... А вот здесь, направо, мрачное здание — остерегайтесь его! Это крепость. Вы можете легко попасть сюда, а жить в этих ямах — не приведи Бог! Особенно в нижнем этаже...

Юноша с испугом взглянул на свою собеседницу.

— Разве вы занимаетесь пророчеством? — спросил он.

— Нет, — возразила она со смехом, — тогда я, наоборот, предсказала бы вам много счастья... Не правда ли, Кассель производит на вас приятное впечатление?

— Да, очень! Здесь, кажется, люди живут весело, авось и мне будет недурно. Первые приятные встречи на новом месте принимаю я охотно за хорошие предзнаменования, исключая, разумеется, крепость...

В это время они проходили площадь по другую сторону моста, и молодой человек все внимательнее прислушивался к звучному голосу своей словоохотливой спутницы, который даже больше нравился ему, нежели ее наружность. Но тут к ним подошел человек в штатском платье, с большой треугольной шляпой на голове, и последовал за ними на Жидовскую улицу.

Немного погодя, он прикоснулся рукой к плечу женщины и спросил ее вполголоса:

— Куда это вы идете, мамзель Ленхен? Да еще с таким хорошим призом!

Та, к которой были обращены эти слова, бросила смущенный взгляд на молодого человека, но тотчас же овладела собой и сказала громко:

— Пожалуйста, оставьте ваши шутки, господин комиссар, я не знаю, о каких призах вы говорите!

— Недурно! — ответил комиссар, стараясь придать веселый вид своему медно-красному лицу и вынимая из кармана табакерку, причем обнаружилась украшавшая его серебряная бляха.

— Этот господин просил меня указать ему гостиницу «Лондон»... Идите за мной, — добавила она, обращаясь к молодому человеку, — это совсем близко! — и ускорила шаги, чтобы избавиться от комиссара.

— Потихе, Ленхен, — сказал тот с усмешкой, останавливая ее за руку, — предоставьте мне оказывать днем услуги прохожим. Ступайте прочь и торчите у ворот дома, где вам дозволено заниматься вашим ремеслом. Господин пройдет мимо и будет знать, где вы живете. Вы всегда забываете, что не должны заговаривать с прохожими... Помните также, что вы обязаны тотчас же ретироваться по приказу любого из нас...

Молодой человек не дослушал конца этого двусмысленного разговора и, поспешно пройдя вперед, обратился к проходившему мимо горожанину с вопросом о гостинице. Но комиссар нагнал его:

— Пойдемте, милостивый государь, — сказал он, — я проведу вас самой близкой дорогой. Я желал бы знать, почему выбрали вы такую отдаленную гостиницу...

— Мне рекомендовали ее в Галле.

— А, так вы из Галле? Гм... Этот город некогда принадлежал Пруссии.

— Сюда же, я хочу сказать, в гостиницу «Лондон», адресован мой кофр.

— Кофр! Значит, вы намерены прожить здесь некоторое время! Вероятно, у вас есть и рекомендательные письма...

Испытующий взгляд, нахальный тон и вся наружность комиссара не понравились путешественнику. Не отвечая на его вопросы, он пошел быстрее по узкой покато́й улице, выходившей на небольшую оживленную площадь.

— Это Бринк, — заметил комиссар более учтивым тоном, — а этот красивый угловой дом — гостиница «Лондон».

Молодой человек поблагодарил комиссара, который простился с ним со словами: «До свидания!..», а затем, глядя ему вслед, пробормотал сквозь зубы:

— Прусский шпион! Видна птица по полету! Гостиница «Лондон» — главное гнездо приверженцев старого курфюрста... Не следует упускать этого молодца из виду!..

Путешественника встретил приличный на вид господин со спокойными и вежливыми, без подобострастия манерами.

— Я хозяин гостиницы, Керштинг, — представился он новоприбывшему.

— А вот и мой кофр! — воскликнул молодой человек, прерывая его.

— Значит, вы господин доктор Герман Тейтлебен? Милости просим. Ваш багаж привезен сегодня утром. Идите за мной! Маттей, внеси вещи!

Хозяин повел молодого человека по лестнице и открыл ему дверь в уютную комнату, выходившую окнами на улицу Паули, а затем, когда все вещи были внесены, учтиво простился с ним.

Герман опустился на кожаное кресло и, протянув усталые ноги, предался приятному отдыху после благополучно оконченного путешествия. Шум и смех, которые слышались у старого колодца на площади, еще более способствовали его спокойному настроению, но, когда вслед затем раздались по соседству звуки кларнета и он узнал мелодию знакомой песни Брентано:

Komm'heraus, komm'heraus, o! du, schöne Braut!
Deine guten Tage sind nun alle, alle aus»...¹

Он вскочил на ноги. Усталость была забыта, ходя взад и вперед по комнате, он запел в такт кларнету сильным, чистым баритоном свою любимую песню, лицо его сделалось задумчивым. Взволнованное сердце уже не давало ему наслаждаться покоем, он открыл кофр и, вынув верхнее платье, наскоро переоделся, чтобы в сумерках побродить по улицам города, который привлек его своей своеобразной суетливой жизнью.

Сходя с лестницы, он встретил Керштинга, который казался вездесущим в своей гостинице.

— Вы уходите, господин доктор, — спросил он, — могли я сказать вам несколько слов?

Он повел Германа через приемную в отдаленную комнату, подвинул ему стул и сел возле него.

— Вместе с вашими вещами я получил письмо от господина пастора, вашего отца, — торопливо начал хозяин, — он просит меня при случае оказать вам помощь

¹ Выходи о ты, прекрасная невеста, Прошли для тебя все хорошие дни...

советом и делом. Один из служивших здесь чиновников, переведенный в Галле, познакомил меня заочно с вашим отцом, что, вероятно, и побудило его удостоить меня таким лестным доверием. Поэтому вы не должны удивляться, господин доктор, если подчас я позволю себе вмешиваться в ваши дела. В нашем францужско-немецком городе много соблазнов для молодого образованного человека, но будьте осторожны. Французские шпионы шныряют по городу, и вы встретите их там, где всего менее можно ожидать этого. Когда вы будете писать родителям, то знайте заранее, что письма ваши будут вскрыты на почте. Я не знаю, как вы относитесь к Наполеону I и вообще к французам, и что думаете о нашем короле Жероме, но берегитесь чем-либо выразить свое несочувствие. Не доверяйте также немецко-патриотическим речам незнакомых вам людей. Считаю, кроме того, своим долгом предупредить вас, как молодого человека и вдобавок привлекательной наружности, что немало женщин служит в тайной полиции. Вот вы, господин доктор, желаете получить место домашнего учителя или воспитателя в знатном доме. Что сказать вам по поводу этого? Наши знатные дамы легко смотрят на жизнь: любовные интриги заменяют им вязанье, тут предстоят вам опасности иного рода. Все это говорю я в общих чертах. Но, что бы ни случилось с вами, знайте, что вы всегда найдете во мне искренно расположенного к вам человека, готового во всякое время служить вам!

С этими словами Керштинг встал и протянул руку молодому человеку.

Герман с живостью пожал ее и обещал быть осторожным. Нарисованная перед ним картина кассельской жизни навела его на раздумье, он вернулся в свою комнату. Ближайшее будущее представилось ему в самых мрачных красках, он слишком хорошо знал себя, чтобы особенно надеяться на собственную осмотрительность. Наступавшие сумерки набросили свою тень на эти неопределенные опасения и еще более усилили их. Он потребовал свечей, начал раскладывать вещи и, между прочим, вынул несколько привезенных с собой книг. Это были сочинения Гете и Фихте, Шеллинга, Тика и Новалиса. Но ни поэзия, ни наука не находили в нем отголоска при его теперешнем расположении духа; наконец усталость взяла свое, и благодатный сон рассеял овладевшие им тяжелые сомнения, навеянные словами почтенного хозяина гостиницы.

II

Собака и комиссарская шляпа

На следующее утро Герман проснулся в самом радужном настроении, прежняя беззаботность вернулась к нему. За завтраком он мысленно распределил, что должен сделать в этот день, и так как не предполагал долго оставаться в гостинице, то решил прежде всего отнести рекомендательное письмо к господину, который мог помочь найти ему подходящее место и дать совет, как устроиться наиболее экономным способом. Подобно большинству неопытных юношей, он был вполне уверен в готовности даже незнакомых людей помогать ему во всех отношениях, а тем более в его стремлении к деятельности и в желании выйти на видную дорогу.

Герман мечтал заранее, как ему предложат, в ожидании чего-либо лучшего, учительское место в каком-нибудь знатном французском или немецком семействе, куда он тотчас же переселится из гостиницы. Между тем в этом не было особенной необходимости, потому что родители его были небедные люди; также трудно сказать, что собственно побуждало его стремиться к учительству. Нельзя сказать, чтобы он особенно кичился своими многосторонними знаниями или рассчитывал на свою привлекательную наружность, он занимался ею только в той мере, насколько требовала этого привычка появляться в обществе в приличном виде.

Едва успел он окончить свой туалет, как послышался сильный стук в дверь, и в комнату вошел вчерашний комиссар в треугольной шляпе. Он уже успел слегка выпить, и его обычное испытующее выражение лица сменилось надменным чиновничьим видом, который показался еще неприятнее Герману.

— Я полицейский комиссар, — заявил он, — и прошу дать мне ваш паспорт.

— Паспорт? — повторил Герман. — По какому поводу? Разве вы успели занести меня в список приезжих?

— Мне известно о вашем прибытии еще со вчерашнего вечера, — грубо заметил комиссар Штейнбах.

— Значит, вы явились сюда по собственной инициативе, — сказал молодой человек, вставая с места, чтобы достать портфель, — вам также должно быть известно, что я из Галле, и как вестфальский подданный не нуждаюсь в паспорте. Вот вид, который мне выдали на родине.

С этими словами он вынул из портфеля толстое письмо и положил на стол, затем подал свой вид комиссару; но тот

не взял его и, быстро схватив письмо, повертел его в руках, прочитал адрес и воскликнул:

— Запечатано! Знаете ли вы, милостивый государь, что вам придется заплатить 50 дукатов штрафа?

Только теперь вспомнил Герман, что еще в Галле его предупреждали относительно этого, но он сделал над собой усилие, чтобы скрыть свое смущение, и холодно заметил, что это не более как рекомендательное письмо.

— Что же из этого? — возразил Штейнбах. — Если бы в письме было только написано: «Здравствуйте! Рад, что вы хорошо провели ночь!» или «Приглашаю вас на чашку кофе», то все-таки оно стоит 50 дукатов, потому что пришло сюда запечатанным, не по почте, и я обязан вручить его генерал-директору высшей полиции Легра де Берканы.

— Вы должны мне его возвратить! — воскликнул Герман, вспомнив, что его настоятельно просили вручить письмо лично ввиду его содержания.

Но так как полицейский, вместо ответа, засунул письмо между жилетом и скрутком, который застегнул на все пуговицы, то Герман схватил его за руку с намерением отнять у него пакет силой.

— А теперь я велю арестовать вас! — закричал Штейнбах. — Вы нанесли мне оскорбление во время исполнения моей должности. Понимаете ли вы это?

Эти слова озадачили Германа.

— Прошу извинить меня, господин комиссар, — сказал он, — возьмите мой вид и возвратите письмо; я совершенно не опытен в подобных вещах и буду вам очень благодарен...

Одну минуту Штейнбах вопросительно смотрел на него, но так как никакой вещественной благодарности не последовало, то он воскликнул:

— Как! Вы хотите меня подкупить! Я доложу об этом начальству. За кого принимаете вы меня?.. Такого рода оскорбления, которые... — кричал Штейнбах, размахивая руками.

Но так как Герман, очевидно, не догадывался в чем дело, то комиссар нахлобучил свою треуголку на голову и грозно произнес:

— Вы вспомните обо мне, милостивый государь! Будете знать, как обращаться с людьми... Вы!..

— А вы убирайтесь к черту! — крикнул Герман, открывая дверь в коридор. — Вы можете там надеть свою шляпу!

С этими словами Герман сбил рукой с головы своего противника раздражавшую его треуголку, которая тотчас же сделалась добычей хозяйской собаки.

— Что это значит? — спросил Керштинг, который слышал все происходившее из соседней комнаты и теперь загородил собой дорогу рассвирепевшему комиссару, между тем как собака, в свою очередь, бросив шляпу, кинулась на него с громким лаем и стала теребить за фалды сюртука. Штейнбах с проклятием оттолкнул ее и попытался высвободить свое платье из острых зубов шпица. В это время толстое письмо, заложенное за сюртук, незаметно соскользнуло на пол, Керштинг быстро откинул его ногой под тяжелый платяной шкаф, а затем, отогнав собаку, поднял треуголку и подал ее полицейскому.

— Успокойтесь, — сказал он дружеским тоном, взяв под руку Штейнбаха. — Пойдемте, выпьем стаканчик старого вина, которое мы впишем в счет господину студенту. Ручаюсь, что это будет ему недешево стоить. После такого моциона вам необходимо освежиться! Я вас угощу таким бургонским, какого вы никогда не пивали!

В этих последних словах было столько соблазна, что комиссар, после некоторого колебания, последовал за хозяином гостиницы в отдаленную комнату, где вино не замедлило оказать на него свое действие. Тем не менее он вспомнил об исчезнувшем письме и стал шарить по своим карманам.

— Ну его к черту! — сказал со смехом Керштинг. — Когда я шел за вином, то видел, что собака грызла какие-то клочки бумаги. Должно быть, вы потеряли письмо, а мой шпиц завладел им. Но вам нечего беспокоиться: молодой человек поневоле будет молчать о конфискованном письме, — мы также. Этим дело и кончится... Знаете ли вы по крайней мере, кому оно было адресовано?

— Этому проклятому капельмейстеру Рейхардту, который и без того у нас на примете, сносится с Пруссией, ненавидит французов. Таков и Тейкер... Кто знает, что открылось бы через это письмо! Это был бы удобный случай выдвинуться, да, кроме того, я получил бы свою долю из штрафной суммы. Ведь письмо было запечатано! Проклятая шавка!.. Где видели вы ее, Керштинг? Может быть, уцелел какой-нибудь клочок!..

— Да бросьте это дело, Штейнбах! Охота вам заниматься такими пустяками... Допивайте стакан, я принесу вам еще бутылочку.

— Такая рекомендация не в пользу молодого человека, — продолжал комиссар, — я буду иметь его в виду и доложу о нем своему начальству... Да, я непременно сделаю это!

— Я убежден, что вы ошибаетесь, — заметил с досадой Керштинг. — Насколько мне известно, молодому человеку дана была рекомендация к французскому посланнику барону де Рейнгарду, а вам померещилось Рейхардт. А с французским посланником вы не шутите, он здесь по назначению самого Наполеона. Можете попасть впросак и наделать себе лишних хлопот!.. Проверка паспортов также вас не касается, я сам представляю вид молодого человека в бюро, а вы молчите и пейте.

Керштинг не ошибся в расчете, вскоре комиссар окончательно забыл о занимавшем его деле, что случалось с ним при всякой выпивке. Речь его становилась все более и более бессвязной, наконец, он, шатаясь, поднялся с места и стал уверять хозяина, что сообщит ему нечто весьма важное и вернется опять к нему, как только припомнит, в чем дело.

III

Надежды на будущее

Герман не без труда достал из-под шкафа письмо, уже порядочно запыленное, и решил немедленно отнести его по назначению. Приятное сознание счастливо избегнутой опасности привело его в прежнее веселое настроение, он улыбался, припоминая комичную сцену с комиссарской шляпой.

Герман принадлежал к числу тех счастливых натур, у которых глубина ума уживается с легкомыслием здоровой и полной сил юности. Он много учился и обладал основательными знаниями, серьезно относился к принципам нравственности и общественной этики, но никогда не задумывался он над событиями повседневной жизни и, подобно большинству идеалистов, в некоторых случаях поступал не только неосторожно, но даже не умно.

Еще рано утром он не без волнения уложил свою студенческую дорожную одежду и теперь достал из кофра те вещи, которые считал нужными для предстоящего визита.

Лицо его, отражавшееся в зеркале, перед которым он завязывал свой белый галстук и поправлял бант, не отличалось правильностью, но могло казаться красивым, помимо прекрасных, выразительных карих глаз, благодаря свежему цвету лица и ряду ровных белых зубов. Полосатый жилет, короткие казимировые панталоны и сапоги с отворотами плотно облегли его высокую, стройную фигуру, которая при всей своей пропорциональности была

слишком крупной, чтобы ее можно было назвать классической.

Герман, накинув широкополый зеленоватый фрак, прошелся по комнате, он чувствовал себя не совсем ловко в новом узком платье, со стороны могло показаться, что он держится слишком прямо и скованно, другие нашли бы его осанку немного горделивой. Он надел шляпу и вышел из дому. Чем ближе подходил он к церкви св. Мартина, тем более усиливалось у него впечатление, что он находится в заграничном городе. На многолюдных улицах только и слышался французский говор, беспрестанно попадались прохожие, которые по наружности, одежде и живости имели мало общего с местным немецким населением, из чего можно было заключить, какое огромное количество иностранцев потянулось в Кассель за французским двором. Везде виднелись новые лавки с французскими вывесками, а некоторые только готовились к открытию: тут была *Marchande de modes et de nouveautés*, там *Traiteur* или *Cafetier*, здесь *Marchand de comestibles et liqueurs*, *Tailleur breveté* или *Maitre de langue francaise*.

Наконец после долгих поисков Герману удалось отыскать квартиру капельмейстера Рейхардта. Поднявшись по лестнице, он увидел через открытую дверь богато убранную комнату, где женщина, занимавшаяся стиранием пыли, заявила ему, что господин капельмейстер отправился в театр на репетицию. Герман сказал, что зайдет еще раз после обеда, и просил передать письмо хозяину дома.

Он отправился бродить по улицам, теперь ничто не отвлекало его внимания и не мешало любоваться прелестным расположением города или причудливыми очертаниями гор и долин. На каждом шагу перед ним открывался новый, еще более привлекательный ландшафт. Над холмистой низменностью виднелись деревни, полузакрытые лесом, от которых тянулась длинная полоса полей, примыкавших с одной стороны к обширным лугам, с другой — к парку Ауэ, раскинувшемуся вдоль берегов Фульды. Группы могучих деревьев и бесконечные аллеи представляли издали сплошную массу зелени, и только террасы фруктовых деревьев, гряды овощей и цветочные клумбы спускались до низкой стены, отделявшей общественный сад от улицы.

Здесь долго прогуливался Герман, он находился в каком-то восторженном состоянии, окружавшая его очаровательная природа действовала на его воображение, перед ним рисовались самые фантастические образы. Пение, слышанное им из окна соседнего дома, и стройная фигура

девушки, которая неожиданно появилась на балконе среди цветущих растений, пробудили в его сердце целый мир юношеских желаний и надежд. Он мечтал о любви, почестях и богатстве, этих наиболее сильных стимулах всякого общества. До сих пор все это мало занимало его, он жил в уединении, среди своих научных занятий, но теперь эти мечты будоражили его душу, хотя в неясных формах, так как представляли резкое противоречие с его прежними взглядами на свет и людей.

Герман после обеда снова отправился к капельмейстеру, который, видимо, ожидал его, так как встретил с шляпой в руке.

— Вы опоздали, господин Трейлебер, — сказал он. — Мы отправимся вместе, семейство мое уже уехало; надеюсь, вы ничего не имеете против того, чтобы провести жаркие часы дня в парке Ауэ, который как будто создан для этого. Я уверен, что вам понравится там.

Сходя с лестницы, они встретили француза в поношенном платье, который предложил им свои услуги для стрижки и дрессировки собак.

— Убирайтесь к черту! — крикнул на него Рейхардт по-французски; затем, обращаясь к Герману, добавил на немецком языке: — Эта чужеземная сволочь воображает, что все должны говорить на их языке. Вот вам небольшой образчик!.. За нашим милостивым королем Иеронимом нахлынула сюда целая толпа французских оборванцев. Они стригут и дрессируют собак, продают румяна, белила и притирания, чинят шелковые чулки и т. д. Но, разумеется, все это лучше того, что творит брат нашего короля, великий император... Не мешало бы ему оставить стрижку немцев, или скорее было бы желательно, чтобы немцы не поддавались этому...

Рейхардт мог часами рассуждать на эту тему, он говорил громко, не обращая внимания на прохожих, быстро переходя от одного предмета к другому, что особенно поражало в человеке за пятьдесят лет, с лысиной во всю голову и несколькими локонами на затылке. Но тем не менее приятное впечатление производил образованный композитор своим умным лицом, светскими манерами и даже некоторой небрежностью в изысканном туалете.

Наконец, от французов он перевел разговор на Германа.

— Зять мой, — сказал он, — отзывается о вас с большой похвалой, господин Дрейлебер. Он был знаком с вашим отцом, когда тот... Кстати, он, то есть мой зять Стефенс, хочет опять вернуться в Галле и знаете — с какой целью?..

Герман ответил отрицательно.

— А я знаю, но об этом поговорим после... Да, он пишет о вас самые лестные вещи, а мнение такого человека, как Стефенс, имеет для меня значение. Насколько я ценю его, вы можете видеть из того, что я отдал за него мою любимую дочь... Положим, я не менее люблю свою Луизу, она старшая дочь моей покойной жены и такая же хорошая певица, как ее покойная мать, а от меня наследовала талант к композиции. Она много испытала в жизни, моя бедная Луиза...

В это время экипаж остановился у входа в парк. Они вошли в ворота и, сойдя с лестницы, повернули в боковую аллею. Рейхардт обратил внимание своего гостя на величественные деревья парка:

— Вот старая ландграфская гвардия, — сказал он, — оставленная курфюрстом полтора года тому назад; он удрал отсюда со своими сокровищами и бросил страну на произвол судьбы...

Эти слова напомнили Герману о письме, он сообщил Рейхардту неприязненный отзыв о нем комиссара, который был передан ему хозяином гостиницы. Композитор замолчал и казался задумчивым, но лицо его опять прояснилось, когда он увидел издали свою семью на холме, обсаженном деревьями в виде кулис и названном вследствие этого «зеленым театром».

Рейхардт представил молодого человека жене и дочери:

— Господин... как его... Герман Вейслебер из Галле, друг нашего дорогого Стефенса!

— Фамилия совсем не та, папа, — сказала Луиза Рейхардт, приветливо протягивая руку гостю.

— Как — не та! Каким образом? — воскликнул композитор.

— Моя фамилия Тейтлебен! — возразил Герман с улыбкой.

— Ах, да, правда! Припоминаю. Но я все-таки посоветовал бы вам, мой дорогой друг, бросить эту фамилию. Она не годится для нашего времени, будут отыскивать в ней особое значение, выдумают угрозу, чуть ли не заговор против французов...

— Тише, не говори так громко, — сказала госпожа Рейхардт, лицо которой показалось знакомым Герману.

— Мы уже виделись с вами, господин Тейтлебен, — сказала она. — Сегодня утром вы могли убедиться, что я также ловко обметаю пыль, как мой муж выбивает такт своей палочкой...

Герман, краснея, заявил, что тотчас же узнал ее. Все его внимание было поглощено Луизой, которая произвела на него особенно приятное впечатление. Хотя легкие следы оспы на лице не давали права назвать ее красавицей и она была не первой молодости, но Герман впервые ощутил на себе обаяние духовной женской красоты, чуждой чего-либо чувственного. Ему понравилась ее стройная, изящная фигура, звучный голос, плавные, несколько торжественные движения и задумчивый, как бы рассеянный взгляд ее добрых глаз. Еще в Галле ему приходилось слышать, что она замечательно умна и обратила на себя особое внимание нескольких выдающихся людей, и, хотя он был слишком скромнен, чтобы поставить себя в один ряд с ними, но с первого же дня знакомства поддался влиянию ее нравственной силы.

Парк в эти часы был, как всегда, переполнен публикой. Перед гостиницей играла полковая музыка, но воздух был настолько душен, что гуляющие преимущественно толпились под тенью деревьев у маленького озера с плавающими лебедями.

Холм, на котором расположилась семья капельмейстера, находился в стороне, и здесь можно было чувствовать себя свободнее, чем в каком-либо другом месте парка.

— Этот холм недаром назван театром! — объяснила Луиза молодому гостю. — При ландграфе Фридрихе, отце нынешнего курфюрста, здесь на открытом воздухе разыгрывались театральные пьесы; говорят, что он вел веселый полуфранцузский образ жизни, и несколько подготовил нас к тем порядкам, какие заведены королем Иеронимом. Отец любит это уединенное место, мы часто занимаемся тут музыкой...

— Господин Рейхардт!

— Будь ты проклят с твоей шарманкой, у нас свои инструменты, без тебя нас всюду преследуют шпионы.

Эти слова относились к человеку, стоявшему за деревьями, который тотчас же вышел на аллею. Рейхардт продолжал браниться вслед удалявшемуся шарманщику.

— Оставь его в покое папа, за нами в фазаньем доме граф Фюрстенштейн со всей компанией...

— Не беда, это все знакомые, вдобавок они не понимают немецкого языка. Теперь, в отсутствие короля, они стараются развлечь себя невинными удовольствиями. Да будет вам известно, любезный доктор, что наш король Иероним путешествует по стране и представляется бюргерам и крестьянам своего государства. Обыкновенно он всюду брал с собой Ле-Камю, нынешнего графа Фюрстенштейна, но на

этот раз его сопровождают только представители старинного местного дворянства... Кстати, Луиза! Я слышал, что генерал Сала ищет для своей дочери Мелани учителя немецкого языка. Как ты думаешь, не представить ли нашего молодого друга госпоже Сала; он хорошо говорит по-французски, и через это попал бы в высшее общество...

Проект, видимо, не понравился дочери капельмейстера.

— Не знаю, папа, — сказала она, понизив голос, — но весь этот кружок...

— Именно этот кружок и может быть полезен молодому человеку, потому что состоит из самых богатых и влиятельных фамилий, — прервал Рейхардт, затем, обращаясь к Герману, добавил, — примите к сведению, что этот Фюрстенштейн принадлежит к немецкой партии, быть может, вследствие того, что получил немецкое дворянство и женится на дочери генерала Сала. Он желает, чтобы его невеста выучилась немецкому языку, а супруга генерала вполне сочувствует этому браку, а следовательно, готова подчиниться всем требованиям жениха.

— Я нахожу не совсем удобным, если ты, я хочу сказать, мы все предложим им свои услуги в этом деле, — сказала Луиза.

— Почему это? — воскликнул Рейхардт. — Я знаком с ними; Германа рекомендовали нам с наилучшей стороны, мы рекомендуем его другим... Тут нет ничего предосудительного. Но довольно об этом, не заняться ли нам музыкой?

С этими словами Рейхардт подал дочери гитару и стал настраивать свою скрипку. Луиза пропела несколько песен Гете сильным, прекрасно поставленным голосом, исполненным выражения. Герман, увлеченный личностью певицы, был глубоко взволнован.

Капельмейстер начал настойчиво просить его также спеть что-нибудь.

— Стефенс пишет, что у вас замечательный баритон и вы прекрасно владеете им.

— Певцу невыгодно, если его хвалят заранее, — сказал Герман, взяв гитару.

— От вас зависит оправдать эти похвалы, — заметил с улыбкой капельмейстер.

Герман пропел вчерашнюю песню Брентано, занятый пением, он не заметил, что число его слушателей все увеличивается, ни смертельной бледности, внезапно покрывшей лицо Луизы, еще минута, и можно было ждать, что она лишится чувств. Рейхардт едва дождался конца песни, чтобы заключить артиста в свои объятия, и шумно выразил

ему свой восторг, но речь его внезапно оборвалась, когда он заметил, в каком состоянии его дочь. Наступила минута общего смущения. Но всего более озадачен был Герман, не ожидавший такого впечатления от своего пения.

— Успокойтесь, молодой человек, — шепнула ему пожилая прилично одетая женщина, из стоявшей около него публики. — Вы не можете ни в чем упрекнуть себя, но эта песня, вероятно, вызвала в Луизе Рейхардт тяжелые воспоминания. После вы узнаете, в чем дело... Вы видите ей лучше... Позвольте поблагодарить за то удовольствие, какое вы доставили нам, — добавила она вслух.

Действительно, Луиза скоро овладела собой, тем более что явились неожиданные посетители: граф Фюрстенштейн, который шел под руку с Мелани Сала, за ними следовали генерал Сала и сестра графа мадемуазель Ле-Камю — хорошенькая креолка. Генерал Сала, бывший моряк, недавний лейтенант, с грубыми и неотесанными манерами, извинился перед Рейхардтом за непрошенное появление и просил познакомить его с новым замечательным певцом.

— Давно пора, господин капельмейстер, — сказал он, — обновить наш театр новыми певцами. Месье Теодор потерял голос, он пережил много противных ветров, года и климат сделали свое дело, уже не законопатишь ему горло. Ха!.. ха!.. ха!.. — засмеялся генерал, довольный своим остроумием.

— Имею честь представить моего друга Германа Гейтлебена, — сказал капельмейстер, подводя его к посетителям. — Это редкий баритон, ваше превосходительство, у него замечательный голос. К несчастью, он не певец по профессии, а хочет быть домашним учителем. Кстати, не хотите ли пригласить его давать уроки немецкого языка мадемуазель Мелани? Я слышал, что вы искали учителя...

Французы были несколько озадачены и переглянулись между собой, а живые глаза креолки ясно выражали, что она также желала бы брать уроки немецкого языка у такого учителя.

— Вы говорите по-французски? — спросил граф Фюрстенштейн, обращаясь к Герману.

— Я мог бы даже преподавать грамматику на этом языке, если бы представился случай, — ответил тот по-французски.

Хороший французский выговор молодого немца, видимо, произвел приятное впечатление на знатных посетителей.

— Приведите к нам молодого человека, — сказал граф Фюрстенштейн, обращаясь к Рейхардту, — ваша дружба с ним служит лучшей рекомендацией.

Затем, поговорив немного с женой и дочерью капельмейстера, гости удалились.

— Теперь мы примемся за завтрак, — сказал Рейхардт, — но прежде всего я должен извиниться перед вами, мой молодой друг, что рекомендовал вас, не заручившись вашим согласием. Но думаю, что учительское место послужит вам ступенью для дальнейшей деятельности. Во всяком случае послушайте моего совета, не будьте слишком скромны, французы не ценят этого качества. Только гордым сознанием собственного достоинства можем мы противодействовать унижительному чужеземному игу, а между тем трудно себе представить до чего ступевались немцы: они точно соперничают друг перед другом в подлостях.

— Я думал, что граф Ле-Камю гораздо старше! — сказал Герман.

— Нет, он еще молодой человек, но все-таки старше нашего короля Иеронима, который избрал его своим поверенным и наперсником и во всех делах спрашивает у него совета. Иероним познакомился с ним на Мартинике, где он был мелким торговцем или чем-то в этом роде. Скажите, случалось ли вам когда-нибудь слышать о прежней судьбе нашего короля?

— Мне, собственно, не известно сколько правды и лжи в том, что мне сообщали о нем, — ответил Герман.

— Я могу кратко рассказать его действительную историю. Жером, младший и самый избалованный из сыновей Летиции Бонапарт, из всех членов семьи выехал последним с Корсики. По прибытии во Францию, он посещал college Juilly, затем против своего желания был определен Наполеоном в морскую службу, участвовал в экспедициях в Сан-Доминго и других. Генерал Сала из числа его тогдашних товарищей по морской службе. Однажды Жером, преследуемый англичанами, спасся на торговом судне купца Паттерсона из Балтимора. Так он познакомился с его дочерью, красивой, милой и образованной девушкой. Дело кончилось свадьбой, что совершенно противоречило плану Бонапарта, который решил не признавать заключенного брака. Впоследствии, когда Наполеон стал императором и сделал французскими принцами своих остальных братьев, Жером вернулся в Европу весной 1805 года, в надежде, что Наполеон будет настолько очарован Елизаветой, что признает его брак. Но, по повелению императора, все порты материка — от Нидерландов до Португалии — были закрыты для жены Жерома. Тогда Жером вместе с Ле-Камю поспешил

в Милан, где тогда находился Наполеон, в надежде умиротворить последнего. Но ничто не могло поколебать воли императора; он воспользовался Ле-Камю, чтобы убедить Жерома развестись с женой. Слабохарактерный человек дал свое согласие, а Ле-Камю взялся отвезти несчастную Елизавету в Англию, где она родила сына, названного при крещении также Жеромом.

За эти услуги Ле-Камю был щедро вознагражден. Когда в декабре прошлого года Жером прибыл в Кассель,¹ то незадолго перед тем умер бездетным последний потомок фамилии Диде в Фюрстенштейне, и все его владения сделались достоянием государства. Жером решил разделить их между своими любимцами, что он и сделал накануне Рождества, во время елки, которую он устроил по немецкому обычаю, а на другой день за парадным обедом перед столовыми приборами этих господ разложены были графские и баронские титулы. Не правда ли, как мило? Теперь все эти вновь пожалованные графы и бароны хотят во что бы то ни стало казаться немцами — особенно Фюрстенштейн. Король покровительствует такому направлению и сам старается освоиться с немецким языком, согласно обещанию, которое он дал еще в Париже вестфальским депутатам. Мы должны поневоле придерживаться этих людей и пользоваться ими для наших целей, вследствие чего мне и хочется пристроить вас учителем в доме генерала Сала. Вы будете честно служить делу нашей общей родины и в то же время можете быстро выдвинуться вперед.

— Прекрасно! — воскликнул Герман. — Я начну с немецкой грамматики, увидим, получатся ли те блестящие результаты, на которые вы рассчитываете.

— Пью за ваше счастье! — сказал Рейхардт, поднимая стакан. — Немецкая грамматика имеет больше значения, чем вы думаете, молодой друг; язык играет важную роль в смысле поддержания нации, особенно при тех условиях, в каких мы находимся. Делайте свое дело, а там увидим...

¹ Кассель сделался главным городом так называемого Вестфальского королевства, которое было создано Наполеоном для его младшего брата Иеронима, или Жерома. Это новое государство было утверждено по Тильзитскому договору 7 июня 1807 года, в его состав вошли курфюршество Гессенское и часть Ганноверского, герцогства — Брауншвейг и Магдебург, княжество Гальберштадское, часть Саксонии, а также прежнего Вестфальского округа Эльба отделяла владения короля Иеронима от Пруссии, они граничили с великим герцогством Гессен-Дармштадтским и территорией Франкфурта-на-Майне. Вестфальское королевство просуществовало около шести лет и было уничтожено в декабре 1813 года. *Прим. переводчика*

Внезапный удар грома прервал речь капельмейстера и спугнул некоторых гуляющих. Несмотря на удушливый воздух погода с утра была совершенно ясная, и только павлин в фазаньем доме предсказывал дождь своим неприятным криком. Вдали еще играла музыка, говор и смех то тут, то там становились все оживленнее и громче. Но вот раздался второй еще более сильный удар грома, огромная темная туча стала подниматься из-за деревьев и нарушила общее веселье. Все пришло в движение: пешие, всадники, экипажи разом устремились из парка, все спешили добраться до города, пока не полил дождь.

IV

В прихожей и на лестнице

Уже начал накрапывать дождь, когда Герман достиг гостиной. Войдя в свою комнату, он расположился у окна в большом кресле и стал прислушиваться к шуму проливного дождя и ударам грома, которые быстро следовали один за другим. По странному противоречию, чем сильнее бушевала гроза, тем спокойнее становилось на сердце молодого человека, тем яснее мог он дать себе отчет в тех мыслях и ощущениях, которые разом нахлынули на него с момента первой его встречи с талантливым композитором. Все было ново для него, все занимало. Он благодарил мысленно профессора Стефенса за его рекомендацию. Как дружелюбно приняли его Рейхардты, даже сам композитор, резкий и нетерпимый в своих суждениях, не оттолкнул его от себя, и в самом совете его «не быть слишком скромным» заключалось очевидное желание ободрить его.

Как очаровательна была Луиза, представлявшая полную противоположность своего отца, этого живого, шумливого человека, с его вечными политическими задачами и смелым вызовом преследовавшей его полиции. Герман невольно вспомнил сцену в саду. Почему песня Брентано произвела на нее такое потрясающее впечатление? Разве она также была невестой, и слова песни пробудили в ней тяжелые воспоминания?... От отца и дочери мысли Германа перешли к жене Рейхардта. Сколько простоты, сердечности и веселости было в этой женщине, некогда известной красавице. Избалованная своим первым мужем, поэтом Генслером, и теперешним, которые старались оградить ее от всего неприятного, она едва ли могла выносить мужествен-

но житейские невзгоды, но это не мешало ей относиться с живым сочувствием к страданиям даже совершенно посторонних ей людей, быть доброй и приветливой со всеми.

Естественно, что Герман, который не особенно любил одиночество, решил как можно чаще посещать дом капельмейстера. В гостинице за *table d'hôte* ом он познакомился с многими местными низшими и высшими чиновниками, все они были очень вежливы с ним, но при этом до крайности осторожны. В гостинице «Лондон» останавливались также депутаты из провинции, и тогда являлись к ним гости из города, но весьма немногие; в этих случаях все уходило в отдаленную комнату, куда не допускался никто из посторонних. Герман по всему, что ему пришлось слышать по приезду, догадывался, в чем могли заключаться эти таинственные совещания; и поэтому не позволил себе обратиться с каким-либо вопросом к Керштингу, чтобы не выказать неуместного любопытства.

После грозы опять надолго установилась прелестная майская погода. Семейство Рейхардтов воспользовалось ей, чтобы познакомить Германа с городом и его живописными окрестностями. Прогулки эти большей частью совершались в экипаже, по желанию госпожи Рейхардт, которая не любила утруждать себя долгой ходьбой. Кроме того, Герман в качестве хорошего певца неизменно получал приглашение участвовать в музыкальных вечерах, происходивших в доме капельмейстера, причем ему удалось познакомиться с несколькими знатными дамами.

Однажды вечером, когда никого не было из посторонних, Рейхардт стал усердно уговаривать своего молодого друга не откладывать далее своего визита к генералу Сала.

— Луиза знакома с его семейством и могла бы представить вас, — сказал он, — но у нее каприз, и поэтому отправляйтесь один. Я предупредил генерала о вашем приходе. Сам он довольно ограниченный и неотесанный моряк, и едва ли может быть вам полезен в чем-либо. Но он муж очень умной и проницательной женщины и вдобавок пользуется большим значением у короля как его бывший товарищ по морской службе. Впрочем, цель вашего визита получить уроки, и вы можете рассчитывать на вежливый прием. Помогите нам онемечить этих господ или по крайней мере сделать их нейтральными!..

— Пожалуйста, не требуйте от меня ничего подобного! — сказал, улыбаясь, Герман. — Мне нужно сперва познакомиться с людьми и обстоятельствами и составить о них более или менее беспристрастное суждение. Завтра ут-

ром явлюсь к генералу, но пока только в качестве миссионера нашего языка и литературы.

— Ну, мы посмотрим; надеюсь, что в следующий раз вы будете уступчивее! — воскликнул Рейхардт.

Луиза молча слушала этот разговор и только время от времени покачивала головой, что всегда служило у нее знаком неодобрения. Но отец на этот раз не обратил на нее никакого внимания.

На следующее утро Герман собрался сделать визит генералу Сала, и, припоминая все, что он слышал о нем от Рейхардта, почувствовал некоторую бодрость духа, которая начала было оставлять его, что всегда бывает с молодыми людьми, недавно оставившими студенческую скамью, когда им приходится являться в переднюю высокопоставленного лица.

Герман спокойно закончил свой туалет и отправился на квартиру генерала; встретивший его лакей провел в соседнюю комнату, где уже было много просителей, и посоветовал подождать, пока генерал выйдет из ванны. Мертвая тишина, царившая в приемной, доказывала, что комната с ванной находится где-то поблизости. Стройный молодой человек аристократической наружности, с тонкими чертами лица, стоял в амбразуре окна, опершись на подоконник. Гордая поза, принятая им, показалась Герману несколько искусственной, так как молодой человек, видимо, стыдился своего униженного положения. Остальные посетители не представляли ничего особенного, тут были ремесленники с какими-то счетами и разного рода просители.

Время от времени за стеной слышалось плескание воды и грубый отрывистый голос. Наконец, дверь открылась, и появился генерал Сала без сюртука, он окинул взглядом присутствующих и заметил Германа.

— А это вы! Как вас... господин тенор! Учитель немецкого языка, идите за мной!

Молодой человек, стоявший у окна, воспользовался этой минутой, чтобы подойти к генералу, и, краснея, подал ему прошение.

— Я представлялся военному министру, — сказал он по-французски, — и хотел просить ваше превосходительство обратить милостивое внимание на мою просьбу...

Сала посмотрел через плечо на молодого человека, прочитал поданную бумагу, написанную на французском языке, и спросил надменным тоном:

— Барон фон Мирбах?

— К услугам вашего превосходительства.

— Древняя гессенская фамилия?.. Вы были в университете?

— Как упомянуто в прошении: я слушал лекции в Марбурге и Геттингене.

— Знаю, в Германии все занимаются наукой. Значит, вы знаете латинский язык?

— Разумеется, — ответил с легкой усмешкой молодой барон.

— Ну, так скажите мне по-латыни: «Я надел сегодня штаны»!..

Барон молчал.

— Видите, господин барон, вы ничего не смыслите в латинском языке! — воскликнул Сала с громким хохотом.

Те из просителей, которые понимали немного по-французски, сочли нужным также рассмеяться, в надежде заручиться милостью его превосходительства. Сала, совершенно довольный собой, направился в свой кабинет и сделал знак Герману следовать за ним.

Герман был возмущен до глубины души всей этой сценой, он чувствовал оскорбление, нанесенное потомку древней немецкой фамилии. Он был в нерешительности: не повернуться ли и уйти, как это сделал барон, или последовать приглашению. Благоразумие победило; он решился на последнее из опасения, что его горячность может привести к новым неприятностям для Рейхардта.

Когда он вошел в кабинет, генерал оканчивал свой туалет.

— Ну что, ушел латинский барон? — спросил Сала.

— Да, ваше превосходительство. Вы глубоко огорчили его, но можете утешить его офицерским патентом...

Сала громко расхохотался.

— Такого утешения, пожалуй, потребует от меня все гессенское дворянство. Нужно проучить этих надутых баронов с их глупыми притязаниями; в своем высокомерии они мечтают о восстании... Кроме того, его величество решил раз навсегда — давать офицерские места только тем, которые прошли известные военные чины, были пажами или окончили курс в военной школе. Барон не подходит ни под одно из этих условий; но он красивый малый и может иметь успех у дам! Здесь, при дворе, благоволение дам часто имеет больше значения, чем всякие военные заслуги... Вы совсем другое дело, у вас прекрасный французский выговор, и в этом вы уже имеете преимущество над гессенскими баронами... Дочь моя говорит немного по-немецки. Король спрашивает ее иногда: «Как ваше здоровье, мадему-

азель Сала?» — а она отвечает ему без запинки: «Gut, Eure Majestät!» (хорошо, ваше величество). О, у вас будет талантливая ученица! Но моя жена хочет сперва видеть учителя! Вы понимаете... я хозяин дома, но воспитание дочери меня не касается.

— Жако! — приказал он своему камердинеру. — Доложи генеральше, что, если ей угодно, я сейчас приведу к ней учителя!..

Генерал удалился в соседнюю комнату и через минуту вышел в полной парадной форме со шляпой в руке и пригласил Германа следовать за ним.

Когда они проходили по анфиладе комнат, Сала сказал многозначительно: «Прежде всего, молодой человек, советую вам представиться генерал-директору полиции Берканьи. Понимаете... король через него желает иметь сведения о лицах, которые попадают в высшее общество... Это представление не может повредить вам...»

Герман был настолько доверчив, что не обратил особенного внимания на тон, каким генерал произнес последнюю фразу, ему и в голову не приходило, что рекомендация такого человека, как Рейхардт, уже сама по себе могла казаться подозрительной. Он думал о предстоящей встрече и вспомнил отзыв Луизы о госпоже Сала, что эта женщина хитрее и проницательнее, чем может показаться с первого взгляда.

Генерал открыл дверь в богато убранную комнату с парижской мебелью. На кушетке, так называемой «pommier», полулежала дама в нарядном домашнем платье и тюлевом чепчике с гроденаплевыми лентами.

Когда Герман вошел в комнату, она была, видимо, удивлена его приличной наружностью и манерами и сделала движение, чтобы привстать с кушетки, но тотчас же опомнилась и только надменно кивнула ему головой. У кушетки на низком стуле сидела хорошенькая креолка Ле-Камю и ласково взглянула на Германа своими большими блестящими глазами. На ней было простенькое платье и шляпа с перьями, в руках она держала веер.

Генерал представил учителя, коротко осведомился о здоровье жены и, громко чмокнув ее руку, поспешно удалился с видом человека, который не желает слышать переговоров о деле уже решенном, или боится чем-либо уронить свой авторитет.

Между тем дама, сидевшая на кушетке, несколько выпрямилась и опустила ноги. Она указала молодому человеку на кресло, поставленное для посетителей, и окинула его

внимательным взглядом. Манеры ее, при всей сдержанности, не были особенно изысканны, видно было, что замашки знатной дамы усвоены ей недавно, так что она не всегда выдерживала свою роль. После обычных расспросов: откуда он, где живет и что намерен делать? — она неожиданно переменила тему разговора, заметив, что глаза молодого человека устремлены на хорошенькую креолку.

— Вас интересует моя милая приятельница, — сказала она с едва заметной улыбкой. — Простите, я забыла познакомиться с вами: это сестра графа Фюрстенштейна, мадемуазель Адель Ле-Камю... Но скажите, пожалуйста, где вы научились так хорошо говорить по-французски? Надеюсь, не в Касселе?

Слова эти были сказаны таким тоном, что Адель громко рассмеялась.

Герман объяснил, что отец его был несколько лет учителем в доме одного дипломата в Берлине, где все говорили по-французски. Там же познакомился он с молодой швейцаркой из Лозанны и впоследствии женился на ней, когда получил место пастора в одном приходе.

— Насколько я помню, — продолжал он, — родители мои говорили между собой не иначе, как по-французски; отец мой всегда любил французский язык, постоянно следил за французской литературой и не смущался тем, что я и сестра в раннем детстве с трудом объяснялись по-немецки и только впоследствии окончательно усвоили родной язык.

— Это большое счастье для вас, — изрекла генеральша, — знание французского языка пригодится вам в Касселе. Муж мой очень интересуется вами и будет покровительствовать. Но знаете ли — что? Вы должны непременно сделать визит господину Легра де Беркани.

— Генерал уже говорил мне об этом! — сказал Герман.

— Я даю вам этот совет, — продолжала она, — не потому, что он начальник полиции, но король оказывает ему особое доверие и, назначая кого-нибудь на должность, всегда спрашивает его мнение. Отправьтесь к нему поскорее, он уже слышал о вас и примет любезно.

Герман поблагодарил госпожу Сала за ее участие, и она заговорила о цели его прихода.

— Дочь моя очень желает брать у вас уроки... Не правда ли, Адель?

Вопрос этот, заданный с особенной интонацией, сконфузил креолку, она покраснела и приложила веер к губам в знак молчания. От внимания Германа не ускользнул этот немой разговор, но он не имел никакого основания

принять его на свой счет. Между тем дело близко касалось его: при первой же встрече в парке, он произвел такое сильное впечатление на мадемуазель Ле-Камю, что она, руководимая ревностью, после того несколько раз приходила к генеральше и под видом дружбы советовала ей не приглашать учителя, потому что у него слишком красивая наружность, и Мелани может увлечься им, а это, конечно, не понравится ее брату, при его матримониальных намерениях.

Госпожа Сала знала, что дочь ее не обладает пылким темпераментом и не упустит такой блестящей партии, как граф Фюрстенштейн; поэтому она сразу заметила невинную хитрость молодой девушки и решила проучить ее. Теперь она не спускала с нее глаз, а во время разговора беспрестанно обращалась к ней то с тем, то с другим вопросом, в которых заключался более или менее ясный намек на сделанное ей предостережение.

— Дочь моя очень любит немецкий язык, в чем сочувствует ей и граф Фюрстенштейн. Мелани уже говорит немного по-немецки, только никак не может справиться с выговором, но я уверена, что она сделает у вас большие успехи. Что вы скажете на это, Адель?.. Я переговорю об остальном с графом Фюрстенштейном, он живо интересуется образованием Мелани.

Многозначительная улыбка, сопровождавшая эти слова, окончательно смутила Адель, на выразительном лице которой отражалось всякое мимолетное ощущение. Она беспрестанно краснела и выказывала явные знаки нетерпения. Герман в свою очередь увидел в словах хозяйки дома желание поскорее выпроводить его. Досадуя на себя за продолжительный визит, он встал и сказал с живостью:

— Вы сами решите, ваше превосходительство, насколько мои уроки подходят вашим требованиям и когда начать их. Я надеюсь, что у меня останется на это достаточно времени, хотя рассчитываю вскоре заняться другим, более подходящим для меня делом. Но во всяком случае сочту себя счастливым, если смогу услужить вам своими знаниями.

— Нет, вы придаете другой смысл словам ее превосходительства! — воскликнула Адель. — Напротив!.. Вы должны начать тотчас же уроки со мной, пока Мелани...

Громкий смех хозяйки дома прервал ее, она замолчала. Большие темные глаза ее блеснули, пурпуровая краска выступила на щеках.

— Вы не можете себе представить, какое доброе сердце у нашей милой благоразумной Адели, — продолжала госпожа Сала, — она сама готова подвергнуться опасности, от которой предостерегает других...

Адель была настолько задета этой явной насмешкой над собой, что совершенно растерялась в первую минуту, затем быстро встала и, не простившись, пошла к двери.

— Мадемуазель Адель, остановитесь на минуту! — сказала хозяйка дома повелительным тоном, затем с любезной улыбкой обратилась к Герману. — Прошу вас, милостивый государь, проводите этого милого ребенка по коридорам и по лестнице. Прощайте, до свидания!

Герман поклонился и последовал за Аделью, которая поспешно взяла его под руку и бросила торжествующий взгляд на оскорбившую ее женщину.

— Мадемуазель Ле-Камю, вы не будете брать этих уроков, я надеюсь на ваше благоразумие!.. — сказала ей госпожа Сала строгим голосом.

Герман чувствовал себя, как во сне, проходя по длинным коридорам под руку с хорошенькой креолкой. Когда они сошли с лестницы, она остановилась и высвободила свою руку.

— Не правда ли, — сказала она взволнованным голосом, — вы не верите тому, что она сказала обо мне?..

— Что у вас доброе сердце?

— Ах, нет, значит, вы не поняли ее слов, — воскликнула молодая девушка, видимо, обрадованная, и прямо взглянула на него своими большими глазами. — Какая она злая женщина! А я все-таки буду учиться немецкому. Брат мой также желает этого; я живу у него, хотите, зайдите к нам, вы должны представиться моему брату, он уговорится с вами насчет моих уроков...

Она говорила торопливо и со свойственной ей живостью быстро сняла перчатку с правой руки и начала наматывать ее на свой веер. Герман, не понимая причины ее робости и того волнения, в каком она, очевидно, находилась, молча стоял перед ней. В следующую минуту, желая заручиться его согласием относительно немецких уроков, она протянула ему руку. Герман вздрогнул, почувствовав прикосновение ее нежной, как бархат, кожи, он не знал, что делать с маленькой, протянутой ему ручкой, наконец в смущении наклонился и поцеловал.

Адель быстро отдернула свою руку.

— Вот вы дали мне слово, не забудьте этого, — сказала она, слегка ударив его перчаткой.

Герман приободрился и схватил перчатку, которую она не хотела выпустить и тянула к себе. Оба засмеялись. Свет, падавший из широкого окна, освещал стройную фигуру девушки, ее смуглое личико с алой окраской нежных щек. Только теперь, стоя так близко около нее, он мог разглядеть живую игру ее лица, по которому можно было предположить в ней пылкую, увлекающуюся натуру.

— Брат мой, — шепнула она ему, — очень любит немцев, я люблю брата и разделяю его вкусы. Госпожа Сала объявила мне: «Мадемуазель Ле-Камю вы не будете брать этих уроков!»... А вы все-таки будете учить меня немецкому языку, хотя, по-видимому, и не отличаетесь любезностью! Увидим, мадам Сала, чья возьмет!..

Креолка засмеялась веселым смехом и ласково прильнула к плечу Германа. Он уже готов был заключить ее в свои объятия, но в эту минуту вверху на лестнице послышались чьи-то шаги, Молодая девушка быстро отскочила в сторону, в руке Германа осталась перчатка, он в смущении бросился на улицу.

V

Давнее горе

Герман, не помня себя от счастья, бессознательно шел по оживленным улицам и неожиданно очутился перед квартирой Рейхардта. Что привело его сюда, он сам не мог дать себе ясного отчета и, только несколько минут спустя, припомнил, что хотел переговорить со своими друзьями относительно совета, данного ему генералом Сала и его супругой, чтобы он немедленно представился генерал-директору полиции. Маленькая перчатка была все еще в его руке, он с улыбкой спрятал ее в карман своего жилета и прошел в комнату Луизы, так как ее родителей не было дома.

С первых же слов Герман заметил, что пришел не вовремя; Луиза имела какой-то особенно печальный и торжественный вид, глаза ее были заплаканы. У нее на коленях лежала рукопись в красивом переплете из голубого сафьяна. За цветочной вазой был поставлен чей-то портрет, на который Луиза набросила носовой платок, как только услышала шаги Германа.

Она пригласила его сесть и с принужденной веселостью спросила его:

— Что с вами случилось? Вы чем-то взволнованы?

— Ничего особенного, милая Луиза, — ответил он, — или, лучше сказать, из немецких уроков ничего не вышло. Я сейчас был у генерала Сала...

— В самом деле? — воскликнула она. — Знаете ли, что это меня искренно радует...

— Меня также! Как-то легче стало на сердце, а вы и прежде были против моих уроков...

— Но, мне кажется, мой дорогой друг, что вы не совсем довольны этим, — сказала Луиза, пристально взглянув на него, — не падайте духом; кто хочет пробить себе дорогу в свете, тот должен знать, что встретит не одно препятствие. При вашей молодости, вы можете смело рассчитывать, что счастье рано или поздно улыбнется вам. Я советую во всяком случае откровенно рассказать отцу моему, чем они оскорбили вас...

— Оскорбили! — повторил он с удивлением. — Ничуть... напротив!

Он замолчал, вспомнив сцену у лестницы, ему не хотелось упоминать о креолке в разговоре с Луизой.

— Значит, вам было приятно с ними... Впрочем, я не сомневалась, что их отказ будет в приличной форме... Но я не ожидала, что какая-нибудь любезность со стороны этих французов может в такой степени взволновать вас, вы моложе душой, чем я думала.

Герман покраснел, ему живо припомнился прием у генерала Сала и его обращение с молодым бароном. Он до малейших подробностей описал всю сцену, которой, по мнению Луизы, было совершенно достаточно, чтобы взволновать такого молодого и неопытного человека, как Герман.

— Вы могли убедиться на деле, до чего доходит наглость и надменность этих чужеземных господ и каковы результаты нашей покорности. Вот до чего дошло наше дворянство, которое всегда приписывало себе все гражданские доблести, хвалилось мужеством и любовью к родине. Они постыдно бежали в Пруссию, передав крепости наши неприятелю, а теперь сыновья их вымаливают чины у гордых победителей. Вот, например, бывший министр, старый Шуленбург-Кэнерт, заседает теперь в вестфальском государственном совете, чтобы доказать, что покорность — первая обязанность немецкого дворянства... Затем вся эта распушенность, отсутствие всякого нравственного чувства охватили, как чума, всю Германию... Как бы мне хотелось уехать отсюда!..

Она взяла рукопись, лежавшую у нее на коленях, и переложила ее на стол.

— Какое это сочинение? — спросил Герман.

— Мелкие стихотворения и переводы некоторых од Горация...

— А имя автора?

Луиза, не ожидая этого вопроса, смутилась, но, сделав над собой усилие, ответила тихим голосом:

— Вы, может быть, слышали от Стефенса или кого другого о молодом Эшене, или даже читали сами его стихотворения?

— Нет, я знаю только, что этот многообещающий поэт умер в ранней молодости и не мог достигнуть полного развития своего таланта... Но это было несколько лет тому назад...

Глаза Луизы наполнились слезами, она поспешно вышла из комнаты.

Герман не знал: уйти ли ему или дожждаться ее возвращения? Он взял со стола рукопись и на первом же заглавном листе прочел восторженное стихотворение, посвященное Луизе Рейхардт, от 20 мая 1800 года, с подписью Ф. А. Эшен.

«С этих пор прошло восемь лет! — подумал Герман без некоторой досады. — Она не может забыть его...»

Закрыв книгу, он взялся за шляпу и хотел уйти, как вернулась Луиза. Он извинился, что пришел не вовремя, и добавил в свое оправдание, что хотел посоветоваться с ней по одному делу.

— Что такое? — спросила Луиза с обычным участием.

— Генерал Сала, а равно и его жена советовали мне представиться генерал-директору Берканьи, через него я мог бы...

— Говорите тише! — прервала она его и добавила шепотом. — Да, вы должны сделать это... непременно...

— По словам госпожи Сала, он ожидает моего визита!

— Чем скорее вы покончите с этим, тем лучше. Мне совершенно понятно, почему вас заметили и считают подозрительным. Мой отец слишком поторопился со своей рекомендацией. Но будьте настороже и не попадитесь на удочку. Не соглашайтесь ни на что сразу, как бы заманчиво ни казалось вам сделанное ими предложение. Сперва обдумайте...

Герман обещал следовать ее советам и, простившись с ней, отправился к себе в гостиницу.

Невольный шпион

На другой день утром Герман явился в приемную генерал-директора полиции; едва назвал он свою фамилию, как подошел к нему человек с бумагами, вышедший из соседней комнаты, и заговорил с ним по-немецки.

— Генерал-директор, — сказал он, — занят в настоящую минуту важной депешей, которую он посылает королю. Я доложу ему о вашем приходе и спрошу: может ли он принять вас?

Герман был удивлен такой предупредительностью со стороны незнакомого человека и, когда он удалился, спросил слугу: кто этот вежливый чиновник?

— Господин Саванье, главный секретарь высшей полиции, он эльзасец родом и одинаково хорошо говорит на немецком и французском языках.

Это был широкоплечий человек, который, по-видимому, обладал цветущим здоровьем. Всегда любезный со всеми посетителями, он принял какой-то особенно подобоострастный вид, когда вошел в кабинет своего начальника.

— Молодой человек из Галле, — сказал он, — тот самый, о котором вы меня спрашивали вчера; он ожидает в приемной.

— Хорошо, я хотел его видеть, потому что этот несносный капельмейстер навязывает его генералу Сала и графу Фюрстенштейну. Вы, Саванье, ничего не могли сказать о нем вчера, он не был даже занесен вами в список. Вероятно, это один из прусских агентов... Каков он на вид?

— Очень красивый и статный молодой человек, как будто создан для того, чтобы совращать с пути добродетели наших дам, но едва ли он принадлежит к прусскому Тугендбунду, судя уже потому, что у него нет козлиной бородки, которую, по слухам, носят все члены этого зловредного союза.

— Что за вздор! — прервал его с нетерпением Берканы. — Теперь эти бородки в большой моде и не имеют никакого значения. Меня гораздо больше интересует самый союз, до сих пор наш берлинский посланник Линден не мог сообщить мне о нем никаких точных подробностей... Однако пошлите ко мне этого молодого человека.

Саванье сделал несколько шагов и остановился.

— Что касается меня лично, ваше превосходительство, — сказал он, — то я скорее готов принять его за

крайнего идеалиста и мечтателя, судя по выражению его глаз...

— Тем лучше, — ответил Берканьи.

Войдя в приемную, Саванье пригласил Германа следовать за собой. Пройдя гостиную, они вошли в кабинет генерал-директора полиции. И здесь было то же богатое убранство, как в доме генерала Сала, но на всем лежал отпечаток более высокой степени образования и известного понимания искусства. По крайней мере везде были разбросаны газеты, географические карты и книги, на столах и этажерках виднелись модели и снимки античных вещей, так что Герман сразу составил себе высокое мнение о личности начальника полиции.

Берканьи принял его с изысканной вежливостью. Это был красивый человек средних лет, из его слов можно было почти тотчас вывести выгодное впечатление о его уме и знаниях.

— В бумагах, посланных нам из полицейского бюро, — обратился он к Герману на французском языке, — вы означены студентом и доктором философии. Поэтому мне было желательно лично познакомиться с вами, тем более что, по слухам, вы прекрасно владеете французским языком. Мы нуждаемся в таких людях, как вы, потому что у нас много дела и всяких хлопот с устройством нового государства «*se goûaite à deux nations!*» Помимо этого, меня крайне интересует научная Германия, которая, к сожалению, при плохом знании немецкого языка недоступна для меня.

Затем Берканьи начал расспрашивать Германа о его занятиях и планах, о студенческой жизни в Галле, о задачах буршества и пожелал узнать имена наиболее влиятельных профессоров. Он говорил необыкновенно быстро, переходя от одного предмета к другому, так что Герман не имел ни малейшей возможности обдумывать свои ответы. Берканьи, при своей опытности и знании людей, очень скоро составил себе безошибочное понятие о молодом немце; он убедился в его совершенном незнании действительной жизни, при крайнем идеализме и склонности к мечтательности. Он ясно видел, что Герман не мог быть прусским политическим агентом и решил в уме, что хорошо было бы обратиться в вестфальского шпиона этого простодушного идеалиста. До сих пор он напрасно искал человека, который, по его мнению, годился бы для литературного шпионажа.

— Мне очень нравятся ваши взгляды и суждения, — продолжал Берканьи. — Таких молодых людей, как вы, нет в Касселе! Я с каждым днем все более убеждаюсь, что немецкая литература представляет неистощимый и разно-

образный материал и только недостает зодчего, который бы создал из этого на вечные времена нечто стройное и целое — «monumentum aere perennius», как выражается Гораций. Это было бы как бы résumé того, что дало ваше национальное образование. Существование французского двора в Германии само по себе может благотворно отразиться на вашей литературе; французы внесли бы в нее свою долю умственного богатства. Но, к сожалению, непреодолимым препятствием для взаимодействия обеих литератур служит ваш язык, изучение которого для нас крайне затруднительно, скажу более — невозможно. Вследствие трудности языка немецкая нация стояла до сих пор особняком в Европе. Теперь, когда мы победили Германию, мы не можем долее игнорировать ее литературу, и поэтому мы ищем людей, которые бы помогли нам познакомиться с ней. Наш король желает этого, а для достижения такой благой цели мы не будем жалеть денег... Что можете вы возразить мне, господин доктор? Вы приехали вовремя в Кассель, вас ожидает здесь блестящая карьера!..

Взгляд, высказанный Берканьи, не был новостью для Германа и не удивил его. Такие идеи распространялись даже немецкими учеными и дипломатами и находили некоторое сочувствие в публике в это печальное время общего упадка духа, когда люди, не чувствуя в себе достаточно сил для протеста, искали успокоения в бесплодных мечтаниях. Герман еще не перешел того юношеского возраста, когда сердце готово увлекаться всякой идеей, облеченной в блестящую оболочку трескучих фраз, и не спрашивал себя, что кроется в ее основе. Ему было несколько странно слышать все это от француза, но и тут он увидел только справедливое признание великих заслуг его соотечественников в области мысли.

— Благие намерения вестфальского правительства глупо радуют меня! — воскликнул с живостью Герман. — Немецкие курфюрсты и короли, за исключением немногих из них, не избаловали нас особенной благосклонностью к нашей литературе. Сам Фридрих Великий дискредитировал ее у французов, хвалясь тем, что не читает ни одной немецкой книги. Но это не помешало нашей литературе сделаться великой и могущественной, к ней вполне подходит прекрасное французское выражение: «La republique des lettres». Если ей можно пожелать большего совершенства формы, то французской литературе не мешало бы приобрести большую глубину со стороны мысли и содержания. Обе великие нации, связанные теперь блестящей лентой Рейна,

призваны понять и пополнить друг друга, недавняя ненависть может перейти в обратное чувство...

Эти слова вызвали улыбку на лице Берканьи.

— Вы улыбаетесь, — сказал Герман, — но, как вам известно, еще Карл Великий господствовал над обеими нациями, он как бы провидел огромную империю, которая, тысячу лет спустя, создалась при Наполеоне. Мне кажется, что сам Наполеон, основывая смешанное Вестфальское королевство, имел в виду сделать из него очаг для объединения двух наций...

— Как глубоко и основательно поняли вы задачи нашего правительства! — сказал Берканьи тоном, в котором более тонкий наблюдатель, чем Герман, увидел бы явное нетерпение. — К сожалению, масса всяких дел лишает меня возможности долее и чаще беседовать с вами. Вы должны непременно получить кафедру в Геттингенском университете, и вы получите ее. Я сам буду хлопотать об этом, а пока у вас будет здесь приятное и выгодное занятие, которое вполне соответствует вашим способностям. Мы должны начать с ближайшего, чтобы не усложнять дела, я прежде всего приступлю к точному исполнению приказаний нашего короля. Видите ли, мне поручен надзор... нет — это не подходящее выражение, — я должен следить, насколько литература согласуется с политикой, главная задача которой счастье народов. Император Наполеон ясно видит, что немецкая мысль по эту сторону Рейна представляет силу, с которой он должен считаться. Известны ли вам слова Наполеона: «Свобода мысли — завоевание нынешнего столетия; я хочу иметь свободную прессу, но желаю также знать, какие мысли и идеи бродят в головах!»

Герман усмехнулся.

— Этого легко достигнуть, — сказал он, — стоит только императору предоставить свободу прессе, и он узнает, что бродит в головах.

Берканьи был на минуту озадачен, затем добавил с живостью:

— Верное замечание! Нужно только переставить фразы! Император желает сперва узнать, что думают немцы, а затем перейти к свободе прессы. Но поймите, что он может узнать мысли, занимающие немцев, только через тех, кто следит за движением прессы. Вы должны помочь нам в этом, милостивый государь, потому что представляете собою того талантливого человека, которого я так долго и напрасно отыскивал. Мы совершенно сходимся в образе мыслей, но я не имею тех сил, какие даны вам.

— Вы очень добры ко мне, ваше превосходительство, — ответил Герман, — но я не совсем понимаю, чем я могу служить вам.

— Вы должны представлять мне краткие отчеты о немецкой литературе, содержании и направлении тех сочинений, которые оказывают наибольшее влияние на читающую публику, руководят ее мыслями и ощущениями. Понимаете ли вы, чего я хочу?

— Письменные отчеты? — спросил нерешительно Герман, не потому, что у него появились какие-либо сомнения относительно чистоты намерений начальника французской полиции, но скорее от недоверия к собственным силам.

— Разумеется, письменные! — воскликнул Берканьи. — Я прошу у вас кратких, точных отчетов, без всяких лишних подробностей, в них должны заключаться сведения об авторах, их общественном положении, направлении и прочее.

— Это нелегкая задача! — заметил Герман, — Не знаю, буду ли я в состоянии...

— Мне кажется странным, как может быть подобная нерешительность у человека с таким смелым полетом мысли! — прерывал своего собеседника Берканьи. — Умственное объединение двух великих наций, живших до этого своей самобытной жизнью, не может совершиться без затруднений. Если французы нередко поступают топорливо и необдуманно, то немцы слишком много думают и везде видят невозможность. Возьмите пример с Виллье. Это — замечательно умный человек, который пользуется одинаковым уважением во Франции и в Германии... Принимайтесь за дело без всяких колебаний и раздумий. Когда я увижу то, что вы представите, мне будет легче объяснить вам, что именно нужно. Вам представляется возможность оказать великую услугу вашему отечеству, а я могу доложить о его нуждах и стремлениях королю, как только с вашей помощью дело достаточно выяснится для меня!.. Вы будете обеспечены с денежной стороны, и потому можете спокойно работать. Выписывайте все книги и газеты, какие сочтете нужным, а затем подадите мне счет, не исключая, разумеется, стоимости корреспонденции. Имейте также в виду, что теперешние занятия послужат прекрасной подготовкой для вашей будущей профессорской деятельности. Со временем я отрекомендую вас историку Миллеру, он, как вам, вероятно, известно, вышел из министерства и назначен попечителем всех высших учебных заведений в государстве. Но об

этом поговорим впоследствии, теперь мне необходимо знать: согласны ли вы на мое предложение?

Герман ответил почтительным поклоном.

— Я не задерживаю вас долее и надеюсь увидеть в скором времени, тогда мы коснемся подробнее некоторых вопросов. Вы получите на днях письменную инструкцию, из которой увидите, чего именно мы желаем.

Герман простился и вышел в соседнюю комнату, но Берканьи опять позвал его в кабинет и сказал ему:

— Прошу настоятельно никому не сообщать о нашем разговоре и ваших будущих занятиях, вы должны соблюсти тайну ввиду собственных интересов. Не забывайте, что это не более как проба; если ваша работа не удовлетворит нас, и мы не сойдемся, то всякая огласка послужит только оружием для ваших противников, и вам трудно будет получить какое-нибудь место. Многие предлагали мне свои услуги, но они принадлежали к той или другой политической партии, а мне не нужно никаких тенденций. Я особенно дорожу тем, что вы, как говорят по-латыни, integer. Особенно будьте осторожны при Рейхардте и не проговоритесь о нашем общем деле; он человек увлекающийся и крайне неосторожный на словах, хотя я сам сердечно люблю и уважаю его... Повторяю еще раз, будьте немые относительно всего, что касается вашей работы...

Берканьи протянул руку и, заручившись обещанием Германа, что он безусловно исполнит его требование, вернулся к своему письменному столу.

Едва дверь закрылась за посетителем, как вошел Саванье с большим запечатанным пакетом в руках.

— Деша от его величества из Брауншвейга! — доложил он.

— Там большие празднества, — сказал Берканьи, пробегая глазами бумагу, — вчера утром был «grand lever», при котором полковник Дернберг принес присягу его величеству в качестве командира стрелков-карабинеров...

— Знаете ли что, Саванье, — продолжал он, — молодой философ в наших руках. Занесите его в список донощиков, но отведите ему почетное место и примите меры, чтобы он никогда не услышал бранной клички «touchard!» Он доходит до лунатизма в своем фантазерстве, и, если кто-нибудь назовет его вслух «полицейским шпионом», по роду деятельности, принятой им на себя, то, пожалуй, он бросится с крыши.

Саванье усмехнулся.

— С каким содержанием? — спросил он.

— Ну, об этом я подумаю, мне сперва нужно познакомиться с его работой. Теперь одновременно, в виде аванса, пошлите ему 300 франков и сделайте это поскорее: деньги удобная приманка, чтобы связать человека, хотя я не знаю, насколько он дорожит ими, потому что витает в облаках. Жаль, что вы не слышали, Саванье, какую чепуху нес он о слиянии наций, но говорил бегло, точно с кафедры, и вдобавок на прекрасном французском языке.

— Мне сдается, что он будет очень полезен нам, — сказал секретарь.

— Дай-то Бог! Император настойчиво требует, чтобы учрежден был надзор за немецкими писателями и разными идеалистами, которые стараются открыто и тайно вывести нацию из ее полусонного состояния и возбудить в ней патриотизм. Дело становится серьезным, король в беспокойстве, и пишет, что все зависит от нашей деятельности. Мы не должны ничем пренебрегать, я надеюсь, что молодой философ, по своей наивности, укажет нам тех ученых и литераторов, которых можно будет успокоить орденом Почетного легиона, а против остальных мы примем более крутые меры... Теперь вы можете идти; эта тяжеловесная немецкая философия отняла у меня много времени.

VII

Две невесты

Герман вышел веселый из кабинета начальника полиции, но дорогой на него напало раздумье. Наложенный на него обет молчания тяготил его, он вспомнил, но слишком поздно, предостережение Луизы, и чем дальше шел он по улицам, тем более усиливалось его беспокойство и недовольство собой.

Но он уже почувствовал некоторое душевное облегчение, когда вернулся в гостиницу и расположился в своей комнате. Недоверие было настолько чуждо его простодушному сердцу, что он мало-помалу стал успокаиваться. Одно только несколько волновало его, что он своей нерешительностью мог произвести невыгодное впечатление на Берканьи, который увлек его своим умом и красноречием. Но он утешал себя мыслью, что ему представляется такой удобный случай сделать надлежащую оценку выдающимся произведениям немецкой литературы, которая, по его мнению, могла иметь особенное значение в данный момент

ввиду политического преобладания французов. Нечто подобное высказал однажды Рейхардт в разговоре с ним, следовательно, честный капельмейстер, вероятно, отнесся бы сочувственно к тому делу, которое он принял на себя. Но почему Луиза смотрит так враждебно на Берканьи? Быть может, она боится за своего отца, но ей, конечно, и в голову не может прийти, что начальник французской полиции дружелюбно относится к талантливому капельмейстеру и смотрит сквозь пальцы на его неосторожные речи. Как жаль, что он связан обещанием и не может передать Луизе отзыва Берканьи об ее отце...

Размышляя таким образом, Герман окончательно успокоился и стал мечтать о блестящей будущности, какая открывалась перед ним. С полной самонадеянностью юности, он решил немедленно приняться за работу, так как не сомневался, что попал на настоящую дорогу и вскоре займет видное место среди выдающихся личностей своей родины.

Прежде всего он считал необходимым перейти на частную квартиру, где ничто не мешало бы его занятиям. Хозяин гостиницы Керштинг, к которому он обратился за помощью, на другой же день указал ему на дом вдовы своего бывшего приятеля, бургграфа Виттиха, где сдавалась хорошая комната со спальней.

— Эта комната дочери хозяйки, — сказал он, — она невеста и на днях выходит замуж. Они не хотели пускать жильцов и решились на это из опасения, что к ним будут постоянно напрашиваться на квартиру разные французские мелкие *employés, commis* и всякая голодная саранча, которая с каждым днем становится все многочисленнее, так что скоро не будет доставать квартир в нашем городе. Виттихи примут вас по моей рекомендации самым приветливым образом.

После обеда Герман отправился в указанный ему дом. Ему пришлось пройти двор и подняться по двум плохо освещенным и крутым лестницам, так что у него мелькнула мысль: не отказаться ли от квартиры с таким мрачным ходом? Но он тотчас же изменил намерение, когда увидел веселую, добродушную хозяйку, и она отворила ему дверь в светлую комнату с большим окном, из которого открывался освещенный вечерним солнцем ландшафт, так приятно поразивший его в первый день прибытия в город.

— Не правда ли, это искупает крутую лестницу? — заметила с улыбкой хозяйка. — Утром в этой комнате вас будит солнце, а по вечерам здесь всегда прохладно, и вы можете любоваться видом, который теперь перед вами...

Обстановка комнаты была приличная; кроме письменного стола, дивана и другой мебели, стояло фортепьяно, которое, по словам хозяйки, останется в его пользовании, потому что жених дочери купил ей новый инструмент.

— Господин Гейстер, мой будущий зять, — рассказывала хозяйка, — из богатой фамилии и состоит начальником бюро в министерстве внутренних дел. Теперь у нас все такие названия, что нам, старым людям, трудно выговорить их... Гейстера все считают знающим человеком и говорят, что он выйдет в люди...

Герман слушал рассеянно, ему хотелось скорее устроиться в этой уютной, комфортабельной комнате, особенно соблазняло его фортепьяно, которое дало бы ему возможность упражняться в пении. Он тотчас же согласился на условия найма и изъявил желание переехать на следующий день. Хозяйка ответила, что эта комната пока занята ее дочерью, и потому она не может дать ответа, не переговорив с ней.

С этими словами она повела будущего жильца в нижний этаж.

— Лина! — крикнула она с лестницы.

Из кухни появилась красивая, стройная девушка с темными волнистыми волосами, которые рельефно оттеняли нежный цвет ее лица и розовые щеки, глаза и губы весело улыбались. Герману показалось, что он никогда не встречал такого классически правильного профиля, только подбородок немного выступал вперед.

Все вышли на балкон, и его пригласили сесть для переговоров о времени его переезда.

— Я могу перейти на два дня в желтый кабинет, — сказала молодая девушка. — Наверное, Людвиг ничего не будет иметь против этого?

— Я думаю, что нет! — отозвалась мать.

— Вы назвали Людвига... Разве еще кто-нибудь живет с вами? — спросил Герман.

— Это мой жених! — ответила Лина с кокетливой улыбкой красивой девушки, когда она объявляет постороннему молодому человеку, что помолвлена с другим, и этим как бы дает знать, что ее сердце недоступно для него.

— Я должен был бы догадаться! — сказал Герман с вежливым поклоном. — Потому что слышал о предстоящей свадьбе. Я искренно поздравляю незнакомого мне Людвига, а вас, фрейлейн, поздравляю тогда, когда увижу его.

— Это не совсем любезно! — заметила со смехом Лина. — Вы должны заранее быть уверены, что я буду счастлива и сделала прекрасный выбор.

— Вы уже могли убедиться в моей невежливости! — сказал он. — Я выживаю вас из вашей комнаты, но не думайте, что меня особенно мучит раскаяние, потому что иначе я не мог бы провести несколько дней в вашем обществе. У меня в Галле осталась сестра, ее тоже зовут Линой и она почти также хороша собой, как вы; я повторяю — «почти!»...

— В самом деле! Как бы я желала познакомиться с ней. Я была бы очень рада, если бы она приехала на мою свадьбу... А вот и Людвиг! Я слышу его шаги...

Она ласково встретила своего жениха и представила ему Германа.

Людвиг Гейстер был красивый, немного слишком серьезный человек, со степенной осанкой, все напоминало в нем важного чиновника, начиная от сдержанного обращения до тщательного, изысканного туалета, бледное лицо и известная нервность в движениях свидетельствовали о ежедневной усидчивой работе. Он приехал за Линой, чтобы повезти ее на новую квартиру, где их ожидал обойщик для выбора гардин.

— Я рад, что дело подвигается вперед, — сказал Людвиг, — король возвращается из своего путешествия 26 числа, а к этому времени мы уже будем за городом. Надеюсь, что ты, Лина, ничего не имеешь против этого?

Девушка покраснела и кивнула головой в знак согласия.

— Теперь поговорим о нашем жилье, — сказала госпожа Виттих и сообщила о намерении Лины переселиться в другую комнату.

По этому поводу между молодыми людьми, которые откровенно симпатизировали друг другу, завязался оживленный разговор. Людвиг был хорошо образован и знал языки. Он с большим интересом слушал рассказы Германа о лекциях некоторых профессоров в Галле, которых знал только по их сочинениям, так как был несколько старше своего собеседника. Наконец, он поднялся с места, видя, что Лина уже надела шляпу и перчатки.

— Да будет тебе известно, мой милый Людвиг, — сказала она, взяв его под руку, — что я могу считать нашего гостя моим братом, у него есть сестра Лина, которая почти также красива, как я; но только — п о ч т и!

— Во всяком случае мы можем считать господина Германа членом нашей семьи, потому что он будет жить у твоей матери, — сказал, улыбаясь, Людвиг, — будем часто видеться и, надеюсь, подружмся с ним.

Когда Герман остался наедине со старушкой, она опять заговорила о своем зяте.

— Вы, вероятно, заметили, господин доктор, — сказала она, — что Гейстер торопит свадьбу, чтобы справиться ее до приезда короля и успеть, хоть на время, уехать отсюда. Его величество большой поклонник женской красоты, а при его дворе немало таких господ, которые гоняются за всеми хорошенькими женщинами. Дочь моя до сих пор жила в уединении и не имеет понятия о большом свете. Людвиг не ревнив, и я уверена, что он никогда не будет иметь к этому повода, но вы не можете себе представить, что творится при дворе. Наши знатные дамы слишком избаловали короля своей податливостью, они стараются друг перед другом заслужить его милость; поэтому положение мужа-чиновника, имеющего красивую жену, крайне затруднительно. Все средства считаются годными, чтобы обольстить ее, а для порядочной женщины такого рода предложения сами по себе оскорбительны... Что касается меня лично, то я не знаю, какая польза в том, что свадьба совершится втихомолку! Им все-таки придется сделать визиты знакомым, пойдут толки о моей Лине, не правда ли?..

Герман, погворив еще немного со своей будущей хозяйкой, отправился к капельмейстеру, у которого в этот день по обыкновению назначен был музыкальный вечер. Он пришел пораньше, так как, в виду их неизменного участия к нему хотел сообщить им о своем переезде на частную квартиру. Они знали понаслышке о вдове Виттих и вполне одобрили его выбор, затем разговор перешел к его свиданию с генерал-директором французской полиции. Его засыпали вопросами. Герман заранее обдумал, как ему связать обещание, данное Берканьи, со своими нравственными обязательствами относительно преданных ему друзей. Но тем не менее он был сильно смущен и преднамеренно равнодушным тоном начал свой рассказ, при этом беспокойно ходил по комнате и время от времени брал аккорды на фортепьяно.

— Прежде всего, — сказал он с принужденной улыбкой, — я должен заметить, что Берканьи показался мне крайне тщеславным человеком...

— В этом не может быть никакого сомнения! — воскликнул Рейхардт. — Лучшее доказательство этого, что к своему прежнему буржуазному прозвищу Легра он прибавил дворянскую фамилию своей жены «де Берканьи». С ним нужно быть настороже, Герман, он по натуре вспыльчив до бешенства и вдобавок деспот в полном значении слова. Прежде он был монахом, вы могли заметить это по тону его разговора и даже всем движениям... Однако продолжайте, мы слушаем, интересно знать, что ему было нужно от вас!

— Он начал с того, что изложил мне свои взгляды на литературу, немецкую науку и ее значение...

— Каков! — воскликнул Рейхардт. — Да он ни слова не знает по-немецки, что даже не совсем удобно для него, потому что ему приходится ограничиваться сообщениями его негодных агентов!

— Однако ему нельзя отказать в уме и знаниях, — заметил Герман, — он прекрасно говорил о характерных особенностях обеих наций, их духовной жизни и той солидарности, какая в этом отношении может возникнуть между ними. Естественно, что ему было желательно также узнать, с какой целью я приехал в Кассель, чем намерен заняться, хотя, по-видимому, ему многое уже было известно от генерала Сала. Он настойчиво советовал мне познакомиться с историком Миллером, к которому, видимо, относится с большим уважением, это знакомство, по его мнению, будет крайне полезно для моих будущих литературных занятий...

Герман замолчал, так как ему показалось, что он рассказал достаточно.

Луиза с удивлением взглянула на него.

— Все это кажется мне очень странным! — сказала она. — Наверное, у Берканьи какие-нибудь другие затаенные цели; он не стал бы тратить времени, чтобы беседовать с вами о литературе...

Герман покраснел и, чтобы выйти из затруднительного положения, тотчас же придумал ответ, хотя не совсем близкий к истине.

— Берканьи упомянул и о вас, господин Рейхардт, — сказал он торопливо, — и расспрашивал о ваших новых композициях, а бывший при этом секретарь Саванье заметил, что генерал-директор очень любит ваши мелодии...

Рейхардт расхохотался.

— Весьма обязан ему за эту честь! — воскликнул он. — Как может человек интересоваться тем, чего не понимает! Вероятно, Берканьи называет мелодиями мои политические пассажи, ну, а дальше...

— Я ничего не возражал, и Берканьи прекратил расспросы... Скажите, пожалуйста, какого вы мнения о Миллере? — добавил Герман, чтобы переменить тему разговора.

— Он теперь в Геттингене, — ответил капельмейстер. — Вам известно, что он по нездоровью должен был отказаться от должности секретаря министерства. Этот важный пост совсем не годился для него, потому что он применял кропотливость исторического исследования к такому делу, как быстрое созидание нового государства, где прихо-

дится дорожить каждой минутой. Король назначил его теперь членом государственного совета и попечителем всех университетов нашего государства. Ах, если бы ученый Миллер был таким же хорошим дельцом, как историком! Но у него нет ни проницательности, ни силы воли, чтобы постоять за истину, а также «savoir faire» и знания людей...

— Бедняга постоянно противоречит себе! — добавила Луиза. — Двадцать пять лет тому назад он состоял здесь при «Karlsschule», затем, снедаемый честолюбием, пустился в погоню за высшими должностями в Майнце, Вене, Берлине и наконец — по собственной ли инициативе или по приказу Наполеона — пристроился в Касселе. А теперь он плачется, что не может кончить своей истории Швейцарии, и чувствует себя несчастным, что изменил своему призванию!

— В словах Луизы нет ничего преувеличенного, — сказал Рейхардт, — такой исход неизбежен, когда человек идет против своих природных склонностей! Поэтому мы не будем насиловать Германа и затягивать в политику; своим пером он также может принести немалую пользу нашему угнетенному народу...

— Другими словами, отец советует вам пуститься в литературу, — сказала Луиза с горькой усмешкой. — В самом деле, у нас ничего не осталось, кроме чтения и мечтаний о лучшем будущем; всякая честная практическая деятельность закрыта для гессенцев...

Приезд гостей прервал интимный разговор друзей. На музыкальный вечер собралось по обыкновению несколько семейств коротко знакомых с хозяевами дома; две знатные дамы приехали без своих мужей, которые, по их словам, были очень заняты. Но в действительности, по своему официальному положению, они не считали удобным бывать в доме Рейхардта, который своими смелыми речами и неуважительными отзывами о разных лицах навлек на себя подозрение французской полиции.

Одна из этих дам была жена министра финансов, баронесса Бюлов, красивая молодая женщина, веселая и разговорчивая; другая — жена французского посланника при вестфальском дворе, баронесса Рейнгард, казалась серьезнее и сдержаннее первой дамы и несколько старше ее годами. Она была высокого роста и производила приятное впечатление своим простым и приветливым обращением, хотя ее нельзя было назвать красивой, так как на ее бледном лице заметны были следы оспы. Герман уже прежде был представлен обеим дамам, которые очень благосклонно отнеслись к нему благодаря его представительной наружно-

сти и приличным манерам, Из музыкального мира была только одна госпожа Шюллер, придворная певица, давнишняя знакомая хозяйки дома, искренно привязанная к ней.

Разговор тотчас же зашел о путешествии короля, которое живо интересовало тогда все кассельское общество.

— Замечательно, с какими оvationами всюду встречают нашего короля! — заметила с улыбкой баронесса Бюлов. — Все города и деревни, через которые приходится проезжать его величеству, разукрашены триумфальными арками. Везде толпится народ и приветствует его криками: «Да здравствует наш добрый король!» «Горное эхо, — по выражению одной местной газеты, — вторит этим радостным возгласам»...

— Не знаете ли вы, о каких горах тут идет речь! — заметил со смехом Рейхардт. — Не о Гарце ли и неизменном Брокене, хотя это несколько далеко от тех мест, где проезжает король?

— Рейбель, сопровождающий его величество в качестве адъютанта, — продолжала баронесса, — пишет моему мужу: «*Notre marche est cella d'un triomphe ou le vainqueur est adoré!*» — вероятно, он употребил ту же фразу в своем донесении императору...

— Иероним так любим народом, что иначе и быть не может, — сухо заметил пруссак, бывший в числе гостей. — В «*Moniteur*» описано посещение его величеством Геттингентской библиотеки: оказывается, что все профессора были удивлены верностью взглядов и глубокомысленными вопросами молодого короля...

— Интересно было бы узнать, кто взял на себя роль суфлера? — спросил Рейхардт.

— Об этом мы не имеем никаких сведений, — продолжал спокойным голосом пруссак, — но, по-видимому, король, со своей стороны, остался доволен научными трудами профессоров и велел передать им, что одобряет их усердие...

Беседа продолжалась еще некоторое время на эту тему, затем зашла речь о музыке. Баронесса Бюлов заметила с улыбкой хозяину дома, что гости приглашены на музыкальный вечер и не хотят быть обманутыми в своих ожиданиях.

Госпожа Шюллер взяла ноты и пропела два немецких романса, но она была не в голосе и, ссылаясь на нездоровье, вернулась на свое место. Капельмейстер обратился к дочери и просил ее пропеть что-нибудь из ее новых сочинений. «Вчера ты напевала какую-то мелодию, — добавил он, — я хотел бы еще раз прослушать ее, она показалась мне в высшей степени своеобразной».

Луиза села за фортепьяно и после нескольких могучих аккордов пропела превосходную, только что сочиненную ей пьесу, а затем, как бы не замечая присутствия гостей, вышла из комнаты, задумчиво опустив голову.

В зале водворилась мертвая тишина, так как все еще находились под впечатлением слышанного пения; наконец Рейхардт счел нужным объяснить уход дочери. «Луиза всегда расстроена, — сказал он, — когда ей приходится пропеть перед публикой свое новое произведение. Хотя мне, как отцу, не следует расхваливать ее, но я должен сказать, что давно не слышал ничего подобного. Сколько глубины и прелести в этой мелодии и какой оригинальный аккомпанемент!..».

Гости отнеслись с полным сочувствием к словам хозяйна дома, но несмотря на все его усилия разговор не клеился; дамы одна за другой поднялись со своих мест и стали прощаться. Экипаж баронессы Бюлов почему-то запоздал, и она попросила Германа проводить ее.

Дорогой баронесса сказала своему спутнику:

— Луиза показалась мне сегодня печальнее, нежели когда-либо, она, вероятно, опять предалась старым воспоминаниям, а между тем ее внезапный уход поставил нас в довольно неловкое положение.

— Тут кроется непроницаемая для меня тайна, — ответил Герман. — Я помню, раз в парке она была так расстроена пропетою мною песней, что едва не упала в обморок...

— В этом собственно нет никакой тайны, — прервала баронесса, — потому что история Луизы известна многим, а вы, как близкий, хотя и недавний друг Рейхардтов, должны знать ее. Вы, конечно, слышали о молодом Эшене и читали его стихотворения?..

— Мне известны только его переводы Горация, если не ошибаюсь, то ему пророчили блестящее будущее, но затем с ним случилось несчастье в Швейцарии. Я был тогда очень молод и не помню никаких подробностей.

— Это было восемь лет тому назад, — продолжала баронесса. — Эшен отправился из Иены в Берн в качестве воспитателя какого-то юноши. Оттуда летом 1800 года он предпринял путешествие на ледник, но имел неосторожность взять неопытного проводника, и провалился в трещину. Помощь подоспела не скоро, и его нашли мертвым...

— Какой ужасный случай! — воскликнул Герман. — Я начинаю догадываться... Бедная Луиза!..

— Эшен был ее первой любовью, и я слышала, что они были помолвлены. Однако время сделало свое: Луиза мало-помалу утешилась и стала невестой живописца Гарейса, но вскоре после того лишилась и этого жениха, который внезапно умер во Флоренции. С тех пор ничто не может рассеять горя несчастной девушки; насколько можно понять из ее слов, у нее появилось странное убеждение, что неожиданная смерть Гарейса была карой за ее измену памяти покойного поэта...

В это время они дошли до главного подъезда министерства финансов. Герман был так занят своими мыслями, что машинально простился с баронессой и не слышал ее изъяснений благодарности за оказанную любезность.

VIII

Вопрос будущего

Герман вернулся домой под впечатлением услышанного рассказа. Луиза предстала перед ним в новом, еще более привлекательном свете. Трагическая судьба несчастной девушки глубоко тронула его, он удивлялся, что после таких тяжелых испытаний сердце ее могло сохранить любовь к людям и сочувствие к их страданиям. Припоминая подробности своего знакомства с Рейхардтами, он упрекал себя за то, что недостаточно ценил дружбу Луизы к нему и не понял ее значения. Под влиянием своей разгоряченной фантазии, он готов был приписать ей всевозможные добродетели, представлял себе ее каким-то высшим существом, ниспосланным с неба, чтобы наставить его на путь истины. У него явилась твердая решимость обращаться к ней во всех затруднительных случаях жизни и слепо следовать ее советам, хотя подобно большинству мечтателей он не думал осуществить этого намерения. Ему и в голову не приходило, что было бы не лишним узнать мнение Луизы относительно работы, взятой им на себя по поручению генерал-директора французской полиции, забыв он также, как настойчиво убеждала его Луиза быть осторожным в беседе с Берканьи и не доверять его словам.

На следующее утро Герман уложил свои вещи и, дав носильщику, отправился пешком на новую квартиру. Госпожа Виттих провела его в отведенную ему комнату и, убедившись, что все в порядке, тотчас же удалилась.

Герман начал разбирать свои вещи, но вскоре послышался стук в дверь, и появилась дочь хозяйки. Она поздоровалась с ним с веселой, простодушной улыбкой, которая особенно шла ее хорошенькому личику.

— Я пришла, господин доктор, чтобы помочь вам устроиться. Вероятно, вы не умеете обращаться с бельем, потому что этим всегда заведовала ваша сестра Лина.

— Вы забываете, что я был в университете, и в это время никто не заботился обо мне, — возразил Герман, невольно поддаваясь веселому настроению своей собеседницы.

Лина рассмеялась.

— Неужели вы думаете, — воскликнула она, — что я имею такое высокое мнение о хозяйстве студента? У вас, несомненно, был такой же порядок в квартире, как у моего Людвига. Говоря откровенно, я убеждена, что он женится на мне потому, что, имея на руках столько бумаг, не может более справиться с домашним хозяйством. Примите это к сведению, когда сами будете в таком же положении. Вот посмотрите, что вы наделали с этим комодом! Оставьте, я все приберу, вообразите, что я ваша сестра Лина.

Герман предоставил молодой девушке распорядиться его вещами, а сам сел за фортепьяно.

— В благодарность за ваши хлопоты обо мне, — сказал он, — я вам спою что-нибудь.

— Ах, вы поете?!

— Да, фрейлейн, говорят, что пою недурно.

Лина прервала его после первых взятых им нот.

— Слово «недурно» не может быть применимо к вашему пению! — воскликнула она с живостью. — Я не ожидала ничего подобного...

Ему пришло в голову пропеть «Песню невесты», чтобы видеть, произведет ли она такое же впечатление на эту счастливую девушку, как на Луизу Рейхардт.

Но она не дала ему кончить песни.

— Бросьте ее, — проговорила она взволнованным голосом, — не прошли мои хорошие дни, и я не омочу слезами моей подвенечной вуали!.. Спойте лучше песню Гете: «При отблеске вечерней зари шел я вдоль леса»...

Герман повиновался, и она опять занялась уборкой его вещей, но через минуту послышалось ее восклицание.

— Ах, какая красивая перчатка, и вся пропитана духами!

Герман вскочил со своего места смущенный, вспомнив, что при укладке вещей положил перчатку Адели между носовыми платками.

— Неужели у вашей сестры такая крошечная рука? — спросила Лина. — Эта перчатка слишком мала мне.

Герман молчал. Она стала искать другую перчатку, но, убедившись, что поиски ее напрасны, воскликнула: «А, понимаю! Это залог любви! Какая-нибудь романтическая история... Видите, как я догадлива».

Поддразнивающий тон хорошенькой девушки вывел Германа из смущения, но так как он не намерен был говорить правды, то придумал объяснение, которое могло показаться правдоподобным.

— Почему вы не предполагаете, что у меня есть знакомые дамы, и вот одна из них дала мне эту перчатку для образца, чтобы я мог послать сестре такие же перчатки...

Лина ничего не смогла ответить на это, потому что слышался голос госпожи Виттих, которая звала ее вниз. Она бросила перчатку в комод и, пожав руку Герману, поспешно вышла из комнаты.

Тонкий аромат, распространившийся в комнате от перчатки, пробудил в Германе воспоминание о молодой креолке с большими блестящими глазами. Он упрекал себя в неблагодарности и решил, что ему необходимо немедленно представиться графу Фюрстенштейну, чтобы заручиться милостью такой влиятельной особы. Немецкие уроки, которые хотела брать у него сестра графа, могли служить благовидным предлогом для такого визита; и, быть может, ему удастся передать втайне перчатку, а тогда...

Неизвестно, на чем остановилась бы фантазия юноши, если бы мечты его не были прерваны появлением знакомого полицейского.

На этот раз Штейнбах явился к нему в своей парадной форме, застегнутый на все пуговицы, его обычная грубость исчезла, в манерах и тоне было нечто подобострастное и заискивающее.

— Я уже имел честь являться к вам, милостивый государь, — сказал он с поклоном, — не помню в точности с каким требованием, а теперь — вот что я принес вам!

С этими словами Штейнбах положил на стол большое запечатанное письмо и сверток с деньгами.

Герман сломал казенную полицейскую печать и развернул письмо с подписью генерал-директора полиции Легра де Берканьи. В письме заключались инструкции относительно его будущей работы; при этом его уведомили, что ему посылается аванс в 300 франков впредь до назначения ему ежемесячного жалованья.

— Действительно, вы явились сегодня совсем по другому делу! — заметил Герман, сложив письмо. — Да и вид у вас совсем иной.

— Еще бы, — сообщил, охорашиваясь, полицейский, — я числюсь теперь на службе у генерал-директора полиции и состою у него по особым поручениям. Вы не можете себе представить, какой обширный ум у нашего генерал-директора! Кстати, скажу вам по секрету, что я женюсь на его молоденькой экономке, мадемуазель Бетти Бренцель...

— Ну, поздравляю вас с таким благополучием, — сказал Герман, опустив несколько франков в руку Штейнбаха.

Полицейский, видимо, довольный подарком, отвесил низкий поклон, затем распространился о прекрасных душевных качествах Бетти Бренцель, которая, по его словам, была не только из хорошей семьи, но и вполне достойная особа. «К сожалению, — добавил рассказчик, — ей приходится оставить свое место, потому что на днях приедет из Парижа супруга нашего генерал-директора с дочерью; говорят, что госпожа де Берканьи несколько своенравна и, кроме того, она везет с собой свой штат прислуги...»

Герман слушал рассеяннo болтовню полицейского, и, когда наконец тот избавил его от своего присутствия, он еще раз внимательно прочитал полученную инструкцию, которая была написана в довольно загадочных выражениях. Но он не обратил на это внимания и, по своему простодушию, не нашел в ней ничего особенного; затем сосчитал не без удовольствия присланные деньги. Хотя Герман не особенно нуждался в них благодаря щедрости своего отца, и мог существовать безбедно до получения места, но вид первого заработка наполнил его сердце гордым сознанием собственного достоинства.

— Да, — мысленно рассуждал он, расхаживая взад и вперед по комнате, — эти деньги служат лучшим доказательством, что я недаром учился, и люди начинают ценить меня. До сих пор я жил только для самого себя и стремился к достижению личных целей, теперь наступила пора сделать что-нибудь для других, для общества... Мне предстоит тяжелая борьба, но это не будет бессильная борьба пролетария; судя по началу, я на прямой дороге, чтобы занять видное место в свете. В одном я могу поручиться за себя, что буду служить, но не прислуживаться. В нынешнее время не унижительно приняться ни за какую работу, когда дело идет о достижении высокой цели... Но во всяком случае никому не позволю злоупотреблять мной...

Среди этих размышлений Герман начал одеваться, чтобы идти к графу Фюрстенштейну. Мысль об Адели не покидала его, он улыбался, глядя на себя в зеркало. «Как бы я хотел знать, что ожидает меня впереди?» — думал он, хотя самодовольное выражение его свежего молодого лица ясно доказывало, что будущее не страшит его.

IX

Неожиданное приглашение

Ле-Камю, граф Фюрстенштейн, первый друг и советник короля Иеронима еще со времени его пребывания в Америке, на этот раз не сопровождал его величества в путешествии и остался в Касселе, занимаясь делами вверенного ему министерства иностранных дел. Но и в этой чуждой для него деятельности, особенно трудной ввиду придворных интриг и постоянного вмешательства Наполеона, граф Фюрстенштейн умел держать себя с достоинством, что свидетельствовало о его недюжинных способностях, ловкости и знании людей. Он имел красивую, представительную наружность, и если его осанку нельзя было назвать аристократической, то манеры были безукоризненны. Во время разговора он постоянно следил за собой и употреблял хотя и несколько вычурные, но правильные выражения. Близкие знакомые не без основания считали его холодным, безучастным человеком и крайне расчетливым. Быть может, вследствие этих свойств его характера, ухаживание его за дочерью генерала Сала подвигалось медленно, тем более что по своему высокому положению он считал более личным для себя вступить в брак с представительницей какой-нибудь старинной немецкой фамилии.

В это утро Ле-Камю, граф Фюрстенштейн, угощал завтраком *à la fourchette*, поданным на севрском фарфоре, военного господина в парадной форме, увешанного орденами. Это был также один из любимцев короля, бригадный генерал Морио, который приехал с ним из Франции в качестве его адъютанта и теперь занимал важный пост военного министра. Он был человек талантливый, с некоторым военным образованием, но крайне легкомысленный и настолько раздражительный и бесцеремонный, что при веселом вестфальском дворе все боялись его и избегали каких-либо столкновений с ним. Хотя Ле-Камю всячески старался занять разговором своего гостя, но на лице последнего заметны

были явные признаки нетерпения. Морио давно ухаживал за Аделью и благодаря ее кокетливому обращению не сомневался, что она также увлечена им; сегодня утром он явился в парадной форме, чтобы просить руки молодой девушки. Между тем чувства Адели изменились после ее первой встречи с Германом, который поразил ее своей красивой наружностью; вдобавок у нее появилось желание идти наперекор воле брата, вследствие намека генеральши Сала, что он не позволит ей брать немецких уроков у Германа.

Ле-Камю, в ожидании визита Морио, все утро напрасно уговаривал сестру дать согласие на брак и только добился от нее обещания принять жениха и не отказывать ему наотрез, чтобы не упустить такой блестящей партии.

Неожиданный приезд обер-гофмейстерины ее величества вывел его из затруднения, так как можно было ожидать, что знатная посетительница, при своей дружбе с Аделью, долго пробудет у нее, что действительно и случилось. Ле-Камю воспользовался этим временем, чтобы намекнуть влюбленному генералу, что, хотя он и не получит тотчас согласия молодой девушки, но не должен терять надежды. Затем он нашел не лишним высказать свое предположение относительно цели визита гофмейстерины.

— Вам известно, что королева недолюбливает мою сестру, но графиня Антония надеется помочь беде и, вероятно, приехала сегодня для переговоров по этому вопросу. Не скрою, что мне было бы очень приятно, если бы Адель после своего замужества была назначена статс-дамой королевы... Кстати, я слышал, что король после отъезда своей возлюбленной сблизился с гофмейстериней.

— Неужели? — воскликнул Морио. — Действительно, гофмейстерина никому не уступит в любезности, хотя далеко не так красива, как графиня Франциска...

— У нее не такие роскошные формы, хотите вы сказать, — прервал Ле-Камю, — и нет такого цвета лица, но, с другой стороны, она не так груба и высокомерна... Гофмейстерина очарует короля своим умом, и, поверьте мне, генерал, что это новое увлечение Иеронима нам на руку...

— Но она, если не ошибаюсь, старше короля! — заметил Морио.

— А графиня Франциска и королева разве не старше его? — возразил Ле-Камю. — Это и должно представлять особенную прелесть в возрасте Иеронима...

— Быть может, короля привлекает и то обстоятельство, что Антония принадлежит к старинному княжескому роду... ну, опять забыл эту проклятую немецкую фамилию...

— Знаю! — воскликнул со смехом хозяин дома. — Заметьте, что гофмейстерина в наилучших отношениях с господином фон Бюловом, что также имеет значение... Но вернемся к нашему вчерашнему разговору: я опять буду убеждать вас, генерал, возобновить с Бюловом прежние дружеские отношения. Это замечательно умная голова — «un homme universel»!.. Мы должны радоваться, что он заменил Беньо, эту длинную мрачную фигуру с ее революционными традициями. Хотя Беньо своего рода гений, но ему недоставало знакомства с финансовым положением края, да и вообще он не мог освоиться с общим ходом дел в Германии. Между тем Бюлов, при его умении находить новые источники доходов, необходим для Вестфалии ввиду наших широких потребностей, сверх того, он обладает особым даром изложить кратко и ясно всякое дело нашему доброму Жерому, так что его величеству остается достаточно времени на удовольствия...

— Вы правы, граф, — отвечал Морио, — я сам нахожу, что Бюлов полезнее своего предшественника, при этом у него нет такой глупой надменности, как у всех этих гессенских и брауншвейгских баронов. Но я не совсем доверяю политическим симпатиям этого вежливого пруссака: разве вы не видите, сколько у него приверженцев, которые открыто причисляют себя к немецкой партии.

— Полноте, Морио! Мы сами называем их так! Вы забываете, что Вестфалия немецкое государство, и, следовательно, не может быть и речи о немецкой партии, когда немцы составляют здесь *le tout*... Да и мы сами, министры немецкого королевства, не должны оставаться здесь чужеземцами; король уже начинает любить немцев, а гофмейстерина постарается усилить в нем это чувство... Подумайте, какую силу приобретет так называемая немецкая партия благодаря графине Антонии и Бюлову. Надеюсь, что вы, мой будущий зять, не перейдете на сторону Берканьи и не очутитесь во враждебном лагере!.. Вы, кажется, давно знакомы с Бюловом и могли бы простить ему...

— Если вы так желаете этого, то я готов сделать ему визит, — сказал Морио, протягивая руку своему собеседнику. — Но теперь бросим этот разговор...

Под окном слышался шум экипажа.

— Ну, еще кто-то явился сюда! — воскликнул с раздражением генерал.

Вошел слуга-француз и доложил с улыбкой, что графа желает видеть какой-то молодой доктор с такой мудреной немецкой фамилией, что ее выговорить невозможно.

— Доктор! — повторил в недоумении Ле-Камю. — Он, вероятно, приехал в экипаже?

— Нет, ваше превосходительство, это экипаж графини! — ответил слуга.

Морио поспешно встал с места в ожидании скорого отъезда гофмейстерины, но к своей величайшей досаде услышал, что хозяин дома приказал слуге принять господина доктора.

Сам Ле-Камю заметно смутился, когда вошел Герман; он вспомнил о немецких уроках, ему было неприятно заговорить о них при Морио. Но ему было бы еще неприятнее, если бы он знал, что в эту минуту в дверях, за тяжелой шелковой портьерой стоит его сестра и наблюдает за ним.

Адель провела свою гостью в залу, соседнюю с кабинетом; когда подъехал экипаж, обе подошли к открытому окну и видели, как Герман вошел на крыльцо. Волнение, овладевшее молодой девушкой, не ускользнуло от внимания ее приятельницы, графиня спросила, кто этот красивый молодой человек?

— Я случайно познакомилась с ним, — сказала Адель, — и все расскажу вам... это странная история!.. Наверно брат сухо примет его, а тут еще Морио! Простите, я оставлю вас на одну минуту.

С этими словами она поспешно подошла к открытым дверям кабинета и слегка приподняла край портьеры.

Граф Фюрстенштейн сделал несколько шагов навстречу посетителю:

— Ах, это вы... Слуга не мог выговорить вашей фамилии... Вы, вероятно, желаете спросить относительно немецких уроков... Сестра говорила мне... Но... разумеется...

— Прошу извинения у вашего превосходительства, — сказал Герман, — если я решился воспользоваться вашим позволением явиться сюда, то с единственной целью выразить вам свое уважение. Мне было бы желательно заручиться вашей благосклонностью, граф, так как я не теряю надежды поступить на службу его величества.

Непринужденные манеры Германа и ловкость, с какой он отклонил прямой отказ от уроков, расположили графа в его пользу. Он ответил любезным обещанием сделать все от него зависящее, чтобы устроить наилучшим образом судьбу молодого человека, но, заметив нетерпеливое движение Морио, обратился к нему со словами:

— Позвольте представить вам, генерал, молодого ученого, которого рекомендовали мне для немецких уроков сестры...

— А, вот в чем дело! — прервал его Морио, обращаясь к Герману, красивая наружность которого произвела на него неприятное впечатление при одной мысли, что он мог сделаться учителем Адели. — Вы не должны рассчитывать на эти уроки, милостивый государь, ищите себе других учениц...

Ле-Камю был поражен не менее Германа грубой выходкой генерала и поспешил вмешаться в разговор.

— Уроки немецкого языка, — сказал он, — собственно, предназначались для мадемуазель Сала; вы, может быть, слышали, что она невеста, Адель также почти помолвлена...

— Я должен напомнить вам, граф, — заметил с раздражением Морио, — что этот господин просил вас о месте. Занесите его в список кандидатов, хотя таких проходимцев здесь несметная толпа, они собрались сюда со всего света. Вас, молодой человек, запишут в числе первых кандидатов.

При этих словах Морио сделал движение рукой по направлению к двери.

Герман заметил смущение хозяина дома и сказал вежливым, хотя дрожащим голосом:

— Прошу прощения, если я помешал вашему превосходительству своим появлением! Но решаюсь заметить вам, что я из Галле, немецкого города, принадлежащего к нашему королевству, и не могу причислить себя к чужеземным искателям приключений, наводнившим собой Вестфалию. Моя фамилия также немецкая, и генералу, вероятно, будет трудно выговорить ее.

С этими словами Герман поклонился и вышел из комнаты. Генерал, не помня себя от бешенства, хотел броситься за ним в прихожую, но Ле-Камю загородил ему дорогу.

— Что с вами, Морио! — воскликнул он с едва скрываемой досадой. — Вы забываете все приличия!

— Черт бы его побрал! Кто он такой! Разве вы не слышали, что этот господин осмелился оскорбить меня, почти назвал меня искателем приключений, он...

— Успокойтесь, я был так смущен вашим обращением с ним, что не расслышал его слов, — сказал Ле-Камю. — Вы сами нанесли ему оскорбление в моем доме, самовольно указали на дверь порядочному человеку, который явился ко мне лично, и этим поставили меня в неловкое положение, генерал. Но довольно об этом! Если он дерзко ответил вам, то, сознайтесь, что вы сами виноваты во всем... Одним словом, «*faites bonne mine á mauvais jeu*», и пойдем к Адели, вероятно, графиня уехала...

Герман, войдя в прихожую, увидел Адель, занятую разговором с незнакомой дамой; она слегка кивнула ему головой и, подождав к себе, сказала холодно, с чувством собственного достоинства:

— С вами обошлись невежливо, и я виновата в этом, так как вы явились сюда по моему приглашению. Я должна вам объяснить причину и с позволения графини сделаю это в ее доме. Она назначит вам день и час, когда...

— Вы ошибаетесь, мадемуазель Ле-Камю, — ответил Герман, — ваш брат принял меня очень милостиво, только генерал...

— Это безразлично! — возразила Адель. — Но мне необходимо переговорить с вами и получить от вас мою перчатку, которую вы подняли с пола.

Герман опустил руку в карман жилета, чтобы достать перчатку, но Адель остановила его.

— Вы отдадите мне ее в следующий раз... Когда позволите вы, графиня?..

Обер-гофмейстерина обратилась к Герману и, пригласив к себе, назначила день и час, когда может принять его. Адель проводила ее до дверей и, не обращая больше внимания на Германа, вернулась в залу, где ее ожидали брат и Морио.

Герман вышел на улицу растерянный и взволнованный. Приглашение знатной дамы казалось ему загадочным, равно и рассчитанная холодность молодой девушки, которая так поразила его при первом знакомстве своей наивностью и развязными манерами. Он задал себе вопрос: что могло скрываться за всем этим? — И невольно улыбнулся. Самолюбие его было польщено, и даже неприятная сцена с Морио получила в его глазах иную окраску: теперь представлялся удобный случай отомстить генералу за нанесенное им оскорбление.

Х

Попытка приняться за работу

Герман, ввиду полученного вперед гонорара, решил немедленно приняться за работу, заказанную Берканьи. Но перед ним открывалась такая широкая и неопределенная задача, что он не мог сразу охватить ее и долго носился с ней, как художник, который не скоро может найти место, чтобы не только верно передать красивый ландшафт, но и воспроизвести нечто художественно целое. То он старался

вникнуть в новые великие идеи, волновавшие в то время Германию, то мысль его останавливалась на знаменитых людях, у которых зародились эти идеи, или на тех, кто наиболее увлекался ими. Естественно, что в его памяти всего живее представлялись профессора и те уважаемые личности, которых он привык считать авторитетами. Он был знаком с лучшими профессорами в Галле и продолжал общаться с теми из них, которые удалились в Берлин после насильственного закрытия университета Наполеоном. Ему казалось теперь, что он исполнит долг благодарности относительно этих почтенных людей, если заставит врагов оценить их ученые работы, а также их воспитательное значение и оказанные ими услуги в деле предполагаемых преобразований для народа. Цель эта, по мнению Германа, была тем достижимее, что из слов Берканьи можно было заключить, что французское правительство само желает сближения обеих наций и хочет загладить прошлое путем признания заслуг ученых Германии...

Сердце Германа болезненно сжималось при воспоминании о родине и годах студенчества. Теперь, более чем когда-либо, он был воодушевлен стремлением сделать что-нибудь великое, облагодетельствовать своих соотечественников. Предстоящая работа могла, по-видимому, служить прекрасным началом для дальнейшего... Он брался за перо, но не мог придумать слов для выражения мысли, перечитывал инструкцию Берканьи, но все было напрасно. Мысли путались в его голове, он был слишком взволнован, чтобы справиться с наплывом всевозможных ощущений.

Но и помимо этих, так сказать, внутренних препятствий, были и чисто внешние причины, отвлекавшие его от работы. Хозяйка и ее дочь, занятые приготовлениями к свадьбе, не раз являлись к нему в комнату, в особенности последняя. Когда вещи молодой девушки были отправлены на новую квартиру, ею овладело лихорадочное беспокойство и боязнь будущего, так что она не в состоянии была оставаться на одном месте.

— Что с вами, фрейлейн Лина? — поддразнивал ее Герман. — Вы как будто взволнованы и задумчивы? Вы не хотели тогда слушать моей песни о плачущей невесте, — смотрите, не пролейте слез в день свадьбы.

— Этого никогда не случится! — возразила она с улыбкой. — Но меня смущает серьезный и молчаливый характер Людвига. Я знаю, что он занят бумагами и разными делами, и все-таки не могу быть спокойной. Иногда мне кажется, что я во всем виновата, и он не верит, что мы

будем счастливы. Но я так люблю его, что он, глядя на мое счастье, сам почувствует себя счастливым... Спойте что-нибудь, и мне опять будет весело!.. Бросьте вашу работу, она не уйдет от вас, а меня скоро не будет здесь...

Герман сел за фортепьяно, но пение и музыка не могли рассеять беспокойства молодой девушки, она подошла к столу и указала на стоявший возле стул.

— Садитесь и слушайте, — сказала она. — Послезавтра у нас будет девичник и соберутся гости; я надеюсь, что вы примете самое деятельное участие в нашем празднике; затем вы позволите унести от вас фортепьяно и уступите на один вечер вашу комнату. В верхнем этаже соберутся пожилые мужчины, друзья Людвига и покойного моего отца — это все приверженцы старины, и мы приготовим для них угощение на французский лад, чтобы они привыкали к роскоши. Внизу будет веселиться молодежь, а здесь, наоборот, все будет просто, как в старину, чтобы молодые не забывали прежних кассельских обычаев. Вы можете присоединиться к кому хотите: к старикам или молодым, но я должна предупредить вас, что некоторые из моих подруг очень хороши собой, и если вы поклонник красоты, то вам не будет скучно...

Герман ответил, что он заранее уверен в этом и что никакие препятствия не мешают ему быть на девичнике.

На другой день, вечером, он отправился на квартиру обер-гофмейстерины в довольно тревожном состоянии духа. Загадочное приглашение знатной дамы настолько смущало его, что он почти готов был отказаться от него, и старался успокоить себя мыслью, что ему нечего стесняться, так как в нем, очевидно, нуждаются. Но он должен был убедиться, что в большом свете не особенно церемонятся с людьми его положения и не дорожат ими. Вместо обер-гофмейстерины его встретила молодая горничная-француженка и небрежным тоном объявила ему, что графиня у королевы и ждет его завтра вечером.

— Очень жаль! — сказал Герман. — Но я не могу прийти в это время.

Француженка с удивлением посмотрела на молодого человека, который отказывается от приглашения обер-гофмейстерины королевы, но сделалась учтивее. Заметив неудовольствие на лице Германа, она объяснила ему, что его адрес был не известен, и поэтому не было возможности известить его заранее.

— А сегодня, — сказала она, — графиня должна была отправиться к королеве по поводу приготовлений к прибы-

тию его величества, которого ожидают на днях... Но чем должна я объяснить ваш отказ прийти завтра вечером?

— Я приглашен на девичник дочери моей хозяйки.

— Девичник! Qu'est ce que c'est? — спросила горничная.

Герман улыбнулся и кратко объяснил немецкий обычай праздновать последний вечер, проводимый невестой в доме матери. Француженка нашла это «*charmant*»; ей особенно понравилось, что в честь нового хозяйства разбивают старые глиняные горшки.

— А через двадцать пять лет, — почему-то добавил Герман в назидание горничной, — празднуют серебряную свадьбу: супруги подкрашивают себе лица, чтобы казаться молодыми, и все кушанья варят в старой посуде...

Затем он сообщил свой адрес и сказал, что будет ожидать дальнейших приказаний графини.

— Я передам ваши слова! — объявила горничная, надменно кивнув ему головой на прощание.

XI

Девичник

На тесной улице, где жил Герман, уже начинало темнеть, когда стали съезжаться гости, приглашенные на девичник. Жених и невеста принимали их. Прежде всех появились подруги Лины, некоторые были недурны собой, но ни одна из них не могла сравниться с невестой, ни фигурой, ни красотой. Затем мало-помалу собралось и остальное общество; свадебные подарки складывались на особый стол.

В числе гостей обращал на себя внимание барон Рефельд, человек лет тридцати, худощавый и среднего роста. Он был первый раз в доме и, хотя явился с одним из старых знакомых госпожи Виттих, который рекомендовал его, как своего приятеля, но к нему отнеслись с недоверием. При том подавленном состоянии, в каком находилось тогдашнее гессенское общество, присутствие всякого незнакомого человека считалось стеснительным. В нем видели или тайного агента нового правительства, или проходимца, извлекавшего выгоду из чужеземного господства. Угловатые манеры барона возбуждали подозрение, так как они не соответствовали его стройной и гибкой фигуре и необычайной живости движений. Платье его, сшитое по последней моде, выказывало претензию на изысканный вкус и оригинальность. Из разговора барона можно было заметить, что

он хотел выдать себя за светского человека, знатока живописи и вин, и при этом хорошего дельца, поглощенного биржевыми операциями. Он сделал попытку присоединиться к молодежи, придумывал разные «*petits jeux*», но все его предложения были отвергнуты, так что под конец он со смехом присоединился к зрителям.

После «*petits jeux*» начались танцы под визгливые звуки скрипки нанятого музыканта, и в двух комнатах, открытых для гостей, стало настолько тесно, что часть общества удалилась наверх. Госпожа Виттих с помощью служанки приготовила в соседней комнате незатейливое угощение для молодежи, которое состояло из пирожных и горячего красного вина. Но и это казалось ей роскошью.

— Мне хотелось устроить все по нашим старым касельским обычаям, — сказала она, обращаясь к служанке, — но Людвиг воспротивился этому. В старину у нас подавали на свадьбах картофель, яблочный мусс и кофе; положим, теперь конец мая, яблоки и картофель не особенно вкусны, а кофе в такой цене, что мы скоро благодаря распоряжениям Наполеона забудем, когда пили его... Все ли ты приготовила там наверху, Катерина? Старики взыскательнее молодежи относительно угощения, что и понятно, как говорил мой покойный муж: на все свое время!..

Герман, принимавший деятельное участие в танцах, почувствовал усталость и отправился для отдыха наверх в свою комнату, где застал довольно многочисленное общество, сидевшее вокруг стола, уставленного винами и холодными закусками. К старым друзьям дома присоединились несколько молодых чиновников, приятелей жениха. Между теми и другими завязался горячий спор, и дело не обошлось без колких замечаний. Когда Людвиг Гейстер стал уговаривать одного из стариков выпить еще стакан вина, тот сказал с усмешкой:

— Видно, что счастливый жених находится на службе нового правительства и усвоил нравы победителей, которые привыкли не пить, а лить вино... Как переменялся весь строй жизни в Касселе благодаря этим легкомысленным французам, а давно ли маршал Мортье в первый раз появился у ворот нашего города!

— Это было осенью 1806 года, — заметил старый друг дома Шмерфельд, с целью перевести разговор на более общую почву. — А сколько тревог пережили мы перед этим роковым событием! Помню, 4 октября Блюхер получил приказ выступить из Гессена, так как наш курфюрст с разрешения Наполеона объявил себя нейтральным...

— Однако это не помешало нам готовиться к войне! — заметил один из гостей. — Солдаты, получившие отпуск, и резервисты были призваны, кавалерию снабдили фуражом...

— Быть может, — добавил другой, — это и было причиной, что после битвы под Иеной французский посланник Биньон был вызван из Касселя, и перед отъездом объявил нашему курфюрсту требование Наполеона, чтобы он вступил в Рейнский союз и присоединился со своим войском к французской армии.

— Конечно, этим требованием Наполеон хотел выяснить для себя, в каком положении дело, — сказал барон Рефельд. — Ваш вооруженный нейтралитет показался ему подозрительным, и он решил принять меры, чтобы гессенцы не перешли на сторону Пруссии, если та окажется победительницей. А что ответил курфюрст на заявление французского посланника?

— Он сослался на предоставленное ему право остаться нейтральным. Но...

— Но не нашли нужным признать ваш нейтралитет! Не так ли?.. возразил со смехом барон Рефельд. — Не думайте, господа, что я поклонник французов, но перед вами, почтенными гессенцами, скажу откровенно, что нельзя одобрить политики наших мелких немецких князей, которые потому, быть может, и губят Германию, что слишком ничтожны. Они ненавидят и льстят в то же время, готовы на все согласиться, все одобрить и позволяют распоряжаться собой, как угодно!..

Эта непрощенная откровенность со стороны совершенно не знакомого человека многим показалась неуместной, хотя все знали, что серьезный и осторожный Шмерфельд не решил бы ввести в дом своих друзей сомнительную личность.

На минуту водворилось молчание. Шмерфельд поспешил вывести своего приятеля из неловкого положения.

— Таким образом, — сказал он, — 31 октября, вечером, маршал Мортве со своим авангардом подошел к одним воротам нашей столицы, а голландский король к другим, так что курфюрсту предстояло или вступить в Рейнский союз, или увидеть страну, занятую неприятелем. Тогда он решил для блага преданных ему гессенцев спасти свою особу и, нарядившись в штатское платье, как-то выбрался из города вместе с наследным принцем, и нашел убежище у своей сестры, настоятельницы монастыря.

— Бегство курфюрста вызвало сильный ропот в армии, — сказал один из присутствовавших молодых лю-

дей. — Напрасно считают нас, гессенцев, такими покорными! В это время никто не поручился бы, что спокойствие может продолжаться.

— Однако спокойствие не было нарушено! — заметил с усмешкой барон Рефельд.

— Не совсем... Если бы вы видели, что происходило следующим утром на королевском плацу! Солдаты открыто высказывали свое неудовольствие, когда им пришлось сложить оружие, а храбрый майор Миллер с проклятием сложил свою шпагу, затем отправился к вновь назначенному губернатору Лагранжу и поступил на французскую службу.

— Назначение такого человека, как Лагранж, весьма знаменательно: вероятно, имели в виду захватить прославленные сокровища курфюрста, но я надеюсь, что несмотря на поспешное бегство он не бросил их на произвол судьбы, как это сделал со своими солдатами.

— К счастью, значительная часть богатств спасена, но все-таки осталось довольно много ценных вещей. Все, что было в арсенале, перенесено в Майнц, а лучшие произведения искусства, картины Клода Лоррена, Рембрандта, Поттера и другие вывезены из галереи и отправлены в Париж...

— Что за сброд занял тогда Кассель! — сказал старый гессенец, заметно охмелевший. — Тут были бретонцы в деревянных башмаках, провансальцы в соломенных шляпах, и всю эту дрянь обмундировали с ног до головы за наш счет!

— Если не ошибаюсь, то в некоторых местах были возмущения? — спросил барон. — До нас доходили слухи...

— Да, военный постой был слишком тягостен для местного населения; из гессенцев формировали батальоны. Восставшие крестьяне забирали, где могли, оружие, выбрали какого-то Услара себе в предводители и произвели беспорядки. Лагранж вызвал войска из Майнца, сам курфюрст из своего уединения отдал приказ мятежникам сложить оружие. Несколько отправили на поселение, других казнили, и спокойствие было восстановлено!..

В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошел вестфальский штаб-офицер.

— Миллер, это вы! — воскликнуло несколько голов. — Как мы рады видеть вас!

Гостю тотчас же подали стул и пригласили сесть.

— Какие у вас серьезные и торжественные физиономии! — заметил Миллер. — Никто не скажет, глядя на вас, что здесь свадебная пирушка...

— Мы толковали о печальной судьбе нашей родины, вспоминали прошлое, — ответил Шмерфельд. — А тут вы явились, полковник, также неожиданно, как привидение!

Миллер грустно улыбнулся.

— Я пришел проститься с вами, друзья, и, к счастью, увидел здесь всех вас! Мне отдан приказ двинуться с войском в Испанию... император торопит нас, так как еще не вся Европа у ног его...

— В Испанию? — удивились некоторые из присутствующих.

— Испанцы восстали! — заметил с пафосом барон Рефельд. — Оттуда через Пиренеи благородная нация подаст руку помощи нашему угнетенному отечеству. Господа, я предлагаю тост за освобождение Германии!

При этих словах, неуместных в присутствии офицера в вестфальском мундире, Миллер поставил стакан на стол, глаза его с видимым недоверием остановились на незнакомом человеке, затем он вопросительно взглянул на своих друзей.

Шмерфельд счел нужным вмешаться:

— Простите, господин Миллер, мы забыли представить вам барона Рефельда: он прусский землевладелец, рекомендованный мне с наилучшей стороны, и при этом веселый собеседник, почему я и привел его с собой.

— К несчастью, для первого знакомства, я предложил не совсем ловкий тост, господин полковник, — сказал барон Рефельд, — но это случается иногда со мной. Я хотел выказать свой патриотизм, и вышло некстати, впрочем, что толковать о политике при таком прекрасном *chambertin*! А теперь на прощание с храбрым воином выпьем за его здоровье немецкого рейнвейна и чокнемся с ним.

Тост этот встретил общее сочувствие, все взялись за стаканы, но разговор не клеился, лица стариков казались озабоченными. Миллер чокался с друзьями, но не предлагал сам никаких тостов, наконец, он поднялся с места и стал прощаться, на глаза его навернулись слезы. Он поспешно вышел из комнаты в сопровождении своих друзей.

Сойдя с лестницы, они встретили в дверях жениха и невесту.

— Вы уже собрались домой, господин полковник! — воскликнула Лина.

— Я должен спешить... До свидания, дорогая фрейлейн, — сказал Миллер, пожимая руку молодой девушке; затем, обращаясь к Гейстеру, добавил, — Я уверен, что вы будете счастливы с такой женой.

В передней он еще раз обнял своих друзей и сказал им взволнованным голосом: «Прощайте, быть может, мы не увидимся больше. По ту сторону Пиренеев мне предстоит принести кровавую жертву за мой необдуманный поступок: в гневе на курфюрста я сломал свою гессенскую шпагу и изменил родине! Смерть на поле битвы была бы для меня наилучшим исходом, потому что иначе мне придется обратиться против вас это оружие, если вы по примеру испанцев решите сбросить с себя иноземное иго! Не возражайте мне... Господь да благословит ваш союз и поддержит в борьбе! Думайте только об оставшихся и не жалеете о выбывших из ваших рядов»...

С этими словами Миллер скрылся за дверью, его опечаленные друзья молча вернулись на прежние места.

Герман подошел к открытому окну. Вино расположило его к мечтательности; была лунная ночь, вдали слышались звуки музыки. Голос барона Рефельда вызвал его из задумчивости.

— Я слышал, вы студент Галльского университета! — сказал барон. — Вероятно, вы были в Галле в то время, когда профессора должны были прекратить свои лекции по приказанию Наполеона?

Герман ответил утвердительно, и барон продолжал:

— В таком случае позвольте познать вашу руку, нас должны сблизить общие воспоминания. Я также был свидетелем этого события, потому что находился в Галле и даже случайно попал в число участников происходивших вслед затем беспорядков. Помню, 19 октября, вечером, я зашел в пивную, где обыкновенно собирались студенты, мы выпили достаточно вина и вышли разгоряченные. Нам пришлось идти по мрачным, пустынным улицам, только что разграбленным неприятелем, и это еще более раздражило нас, так что, когда мы дошли до дома Мекеля, где расположился Наполеон, и увидели ярко освещенные окна, то вздумали дать концерт победителю и пропели «Regeat». Вы не были при этом? Вероятно, уехали в Берлин?

— Да, я отправился туда с некоторыми из моих товарищей, но скоро опять вернулся назад, когда мой отец получил место в Галле.

— Трудно себе представить, что происходило тогда в городе! Ограбленные жители голодали в буквальном смысле слова, профессора, лишенные жалованья, оказались в нужде. Университет был закрыт, и студенты собирались по вечерам у знаменитостей, таких, как Вольф, Шлейермахер, Курт, Шпренгель или у таких людей, как Стеффенс и

другие. Никогда не забуду я этих вечеров: молодые и старые толковали вместе о положении Пруссии и Германии, выражали свои желания, мечты и надежды, обсуждали со-обща способ действий... А имеете ли вы понятие о Тугенд-бунде и речах Фихте? — Последние слова барон произнес шепотом.

Герман ответил, что не слышал об этом.

— Значит, вы не занимаетесь политикой! Тем лучше... Но оставим этот разговор. Надеюсь, вы навестите меня, вот мой адрес!..

Барон поспешно удалился, так как Шмерфельд звал его, гости собирались уходить. В нижнем этаже скрипка давно уже смолкла, молодежь разошлась по домам.

Госпожа Виттих, проводив гостей, принялась убирать комнаты с помощью служанки.

У открытого окна стояли жених с невестой и Герман; перед ними открывался знакомый ландшафт, освещенный луной. Это была последняя ночь, которую влюбленные про-водили порознь; избыток счастья заставлял усиленно бить-ся их сердца, вместе с неопределенной боязнью неведомого будущего. Герман молча смотрел на их оживленные, счаст-ливые лица и их взаимные ласки, и это еще сильнее вол-новало его, чем выпитое вино. Он взял обоих за руки и сказал:

— Я завидую вам! Нет, счастливым не следует зави-довать, а только желать, чтобы как можно дольше длилось их счастье. Судьба свела меня с вами в лучшие минуты вашей жизни, и я не чувствую себя чужим, считайте и вы меня своим близким другом. Я не в состоянии выразить словами, насколько мое сердце переполнено самой искрен-ней преданностью вам, как горячи мои пожелания! Люблю-бите меня, как я люблю вас...

— Вы не можете сомневаться в этом! — воскликнул Гейстер, глубоко тронутый, и, изменив своей обычной сдер-жанности, заключил Германа в объятия. — Да, мы будем друзьями на всю жизнь. Выпьем за наш братский союз!

Гейстер подошел к столу и наполнил три стакана рейн-ским вином, после первого тоста «Bruderschaft» с обычными в этом случае церемониями, он предложил выпить за осво-бождение Германии.

Затем новые друзья расстались. Герман, вернувшись в свою комнату, сел у окна, вид спящего города, погружен-ного в синеватую мглу весенней ночи, усилил его мечта-тельное настроение, луна придавала предметам фантастические очертания, но мало-помалу все начало сли-

ваться в его глазах в неясную туманную картину, его отяжелевшая голова опустилась на грудь. Он слышал сквозь сон, как часы на соседней церкви пробили полночь.

XII

Учить или учиться?

Герман проснулся на следующее утро с мыслью о Галле. Среди различных впечатлений вчерашнего вечера, разговор с бароном Рефельдом всего живее запечатлелся в его памяти, так как вызвал воспоминания о студенческих годах с такой отчетливостью, что теперь он не затруднился бы описать их. Он решил, что это может служить как бы вступлением к его работе для Берканьи: он прежде всего изложит все то, что было пережито им самим или что ему приходилось слышать от других. Его особенно поражало то обстоятельство, что начало работы, которое так затрудняло его, само собой пришло ему в голову, как ему казалось, во время сна. В Галле он вращался среди молодежи и выдающихся людей Германии, и рассказ его не будет лишен живого интереса. Он взял письмо Берканьи и прочел параграф инструкции, который почти знал наизусть: «Познакомьте нас со знаменитыми людьми Германии и их патриотическими стремлениями; заставьте нас защищаться пером и опровергать ваши умозаключения научными доводами. Наши маршалы и воины возбуждают удивление в Германии, укажите нам на вожakov мысли и слова, которые руководят общественным мнением в вашем отечестве, и мы, признав их заслуги, исполним лежащий на нас нравственный долг. Тогда только мы поймем друг друга, и наступит мир, плодотворный для обеих наций».

— Какой благородный образ мыслей у этого Берканьи! — подумал Герман. — Вероятно, Наполеон разделяет его взгляды, и только желает найти подходящих людей, чтобы воспользоваться их способностями на той или другой должности. Вестфалия также не будет забыта, этот созданный им самим пункт сближения немецкого и французского народов.

Герман так увлекся своими размышлениями, что готов был тотчас приняться за работу, но он должен был отправиться на свадьбу хозяйской дочери. Одеваясь, он опять вспомнил о загадочном бароне, который расположил его к себе своими сочувственными отзывами о научных деятелях Германии. Несомненно, думал он, в словах барона много

противоречий, и вчера за столом то он серьезно говорил о политике, то как будто издевался над ней. Но, прежде всего, это *bon vivant* и добродушный эгоист, и вовсе не похож на французского шпиона, как предполагали некоторые из господ. Герман решил, что он во всяком случае сделает визит барону Рефельду и постарается завести с ним более близкое знакомство. От него он может заимствовать кое-какие сведения и, между прочим, спросит об одном немецком сочинении: «Наполеон Бонапарт и французский народ». Берканьи упоминал в своей инструкции об этой книге, и если Рефельд читал ее, то сообщит свое мнение о ней и даже, быть может, назовет имя автора.

Герман, окончив свой туалет, сошел вниз, где его ожидали жених и невеста, и он вместе с ними отправился в церковь.

Венчание происходило при большом стечении народа. Тут были представители всех классов общества, так как Лина считалась одной из первых красавиц в Касселе, и все желали видеть церемонию. Платье невесты, сшитое по последней французской моде, составило для дам предмет самых оживленных разговоров; о женихе говорили, что у него хорошее состояние, хвалили его, что он женится на кассельской уроженке, а не на дочери какого-нибудь высокопоставленного чиновника.

— Только бы он держался подальше от двора, чтобы не нарушили спокойствия его семейной жизни, — заметил один из толпы.

— Ну, у Гейстера хватит на это ума! Ему известны здешние порядки, а эти легкомысленные французы охотятся за всеми хорошенькими женщинами!

— Он честлюбив и знает, что имея красивую жену, можно всего скорее сделать карьеру.

— Вы забываете, что он честный человек и приверженец старого курфюрста. Действительно, ему, как вестфальскому чиновнику, состоящему при министерстве остается на выбор: пожертвовать женой или отказаться от всяких честлюбивых планов.

— Все зависит от взгляда! Многие при случае выигрывают большую игру, становятся тузами и побивают своей дамой короля, а там, смотришь, еще пригласят в крестные отцы Жерома. Разумеется, не всякий может рассчитывать на такое счастье...

В это время обряд венчания подходил к концу; толпа устремилась к выходу, чтобы видеть, как молодые сядут в карету.

Вернувшись домой, Герман нашел на своем столе записку обер-гофмейстерины, которая приглашала его к себе в этот вечер. Молодые уехали после завтрака, на котором присутствовали только близкие друзья, так что время показалось бы бесконечным Герману, если бы его не поддерживала надежда на свидание с мадемуазель Ле-Камю.

В назначенный час он явился к графине и велел доложить о себе. Его провели в богато убранную комнату, где он застал хозяйку дома, сидевшую на кушетке с «*Journal de luxe et des modes*» в руках. Она любезно встретила Германа, хотя в ее обращении проглядывала некоторая снисходительность, и пригласила его сесть на стоявший около нее табурет.

Графиня была небольшого роста и не первой молодости, ее скорее можно было назвать пикантной, чем красивой, в глазах было мало оживления, но в благородных очертаниях рта и в улыбке была необыкновенная привлекательность. Манеры ее отличались изяществом и выдержкой, но в первую минуту несмотря на свое самообладание графиня была, видимо, смущена, когда Герман вошел в комнату, так как ей предстояло не совсем удобное объяснение. Из бессвязного рассказа мадемуазель Ле-Камю и некоторых намеков она сделала заключение, что Герман нравится ее любимице. При этом своенравная креолка хотела назло Морио брать втайне уроки немецкого языка в доме графини и как бы под ее покровительством, и настойчиво добивалась исполнения своего желания. Графиня вполне сознавала все неприличие подобной протекции, в особенности при ее видном общественном положении. Но маленькое любовное приключение имело свою прелесть для ее женского сердца, тем более что представлялся удобный случай досадить Морио, которого она ненавидела, как и все придворные дамы. Однако несмотря на все убеждения Адели она не дала решительного ответа и хотела сперва познакомиться с молодым человеком, чтобы составить о нем мнение по тому впечатлению, какое он произведет на нее.

— Не должно ли вам показаться странным, господин доктор, — сказала графиня с улыбкой, — что вас все приглашают учить невест? Если узнают в Касселе, что с вашими уроками связано такое благополучие, то у вас скоро появится множество учениц...

Шутливый тон хозяйки дома ободрил Германа, он решился спросить: действительно ли мадемуазель Ле-Камю выходит замуж?

— Пока нет! Но Морио сделал формальное предложение Адели в то самое утро, когда вы представлялись ее брату, графу Фюрстенштейну. Адель не дала окончательного ответа, потому что теперь ее всего больше занимают немецкие уроки. Морио такая блестящая партия, что граф уговорил сестру не отказывать генералу; он, по-видимому, хочет поскорее выдать ее замуж. Не знаю, действует ли он в этом случае по своему желанию или по совету своей будущей тещи, генеральши Сала.

— Вероятно, мадемуазель Ле-Камю сама хочет этого брака и не желает упустить такого выгодного жениха!

— Мы, женщины, как вам известно, не всегда можем следовать влечению сердца в таком деле, как выбор мужа.

— Но при этих условиях возможно ли рассчитывать на счастье? — спросил Герман.

Лицо графини приняло серьезное выражение.

— Многое можно сказать о счастье и несчастье в супружестве! — ответила она. — Кто может поручиться за счастье даже в том случае, если в день свадьбы сердце и рука положены вместе на одну чашу весов! Пройдет первая пора увлечения, и наступает томительно скучная супружеская жизнь. Но если весы в колебании, сердце и рука лежат на весах порознь, то обе стороны чувствуют себя прекрасно. В колебании вся прелесть жизни.

— В особенности, если вмешаются посторонние люди и будут управлять весами, как им вздумается! — заметил с улыбкой Герман.

— *C'est charmant!* — воскликнула графиня, видимо, довольная своим собеседником. — Мы поговорим об этом в другой раз, а теперь я должна сообщить вам наш проект. Адель не дала решительного ответа генералу Морио и желает назло ему учиться немецкому языку. Я не прочь принять участие в этой забавной выдумке Адели, и поэтому согласилась, чтобы она брала тайно немецкие уроки в моем доме. Вот теперь я все объяснила вам...

— Значит, немецкие уроки будут только забавой! — заметил Герман, несколько обиженный. — Если граф Фюрстенштейн узнает об этом, то будет вправе остаться недовольным подобной забавой!

Графиня слегка покраснела.

— Позвольте заметить вам, господин доктор, — сказала она, — что если вы желаете составить счастье в Касселе, то постарайтесь быть сговорчивее. Это не помешает вам остаться честным человеком. Вы увидите здесь немало всяких козней и интриг и не должны приходить в ужас, а мы

предлагаем вам принять участие в совершенно невинном фарсе. При этом неизвестно, будете ли вы разыгрывать роль учителя или сами научитесь чему-нибудь... Положим, вы доктор философии, но вы мало знакомы с жизнью и во многом вам придется начать с азбуки. Что же касается неудовольствия графа Фюрстенштейна, то эта боязнь кажется мне излишней, и вы ничего не достигнете, если будете всего опасаться...

Герман не успел ответить, потому что в эту минуту вошел камердинер и доложил о приезде министра финансов, барона фон Бюлова.

Графиня попросила Германа перейти в соседнюю комнату.

— Господин Бюлов останется недолго, — сказала она, — займитесь чем-нибудь, тут на столе лежат журналы...

С этими словами графиня закрыла за собой дверь и сделала несколько шагов навстречу почетному гостю. Бюлову было около сорока лет, выразительное оживленное лицо и непринужденное обращение производили приятное впечатление.

— Я приехал доложить вам, графиня, что сумма, требуемая королевой, уже ассигнована.

— Весьма благодарна вам, мой дорогой барон. Вы доставите этим большое удовольствие королеве, потому что она хочет устроить домашнее празднество к приезду своего супруга.

— Я сам буду вполне счастлив, — отвечал с улыбкой Бюлов, — если ее величество удовлетворится надолго этой суммой.

— Или, другими словами, нескоро обратится к вам с новым требованием! Я могу легко представить себе, как тяжело управлять нашими финансами.

— Действительно, с тех пор как я сделался министром, у меня нет ни одной спокойной минуты. Мудрено управлять государственной казной в таких условиях! Вот теперь получен далеко не милостивый приказ императора о немедленной присылке военной контрибуции. Между тем все доходы поглощаются беспутной жизнью, какая ведется здесь, а тут еще нет покоя от этих оборванцев, разных французских авантюристов, которые ежедневно являются сюда в надежде поживиться деньгами и достигнуть видного общественного положения. Но довольно об этом, простите, графиня, что я нарушаю весь строй вашего беззаботного существования такими разговорами...

Он собрался идти, но графиня остановила его:

— Неужели нет никаких средств остановить этот наплыв французских попрошайек? — сказала она, понизив голос, как бы из опасения, что Герман может услышать происходивший разговор, хотя знала, что закрытая дверь и тяжелая шелковая портьера настолько заглушали звуки, что до соседней комнаты могли долетать только отдельные слова.

Бюлов ничего не ответил и казался задумчивым.

— К королеве постоянно обращаются с различными просьбами, и она, чтобы угодить своему супругу, слишком милостива к этим французам. Я давно хотела поговорить с вами об этом, барон, и узнать ваше мнение...

— Что касается меня лично, — сказал Бюлов, — я решился по мере сил противодействовать этому злу и душевно рад, что мы сходимся во взглядах. Мне кажется, что при известной настойчивости многое можно сделать и устранить... Вам известно, графиня, что я против воли очутился в Касселе после заключения Тильзитского договора, я умолял тогда прусского короля оставить меня на своей службе. Но злополучный монарх, потеряв половину государства, не мог даже отстоять своих верных слуг, которые отошли к неприятелю вместе с утраченными провинциями...

— Вы, кажется, в первый раз увидели короля Жерома в Магдебурге?

— Да, и имел счастье, или, вернее, несчастье, понравиться ему. Он призвал меня в государственный совет и назначил министром финансов, и если я решился принять эту трудную должность, то с единственной целью — содействовать благу несчастной страны. Я поставил себе задачей выдвигать наиболее способных немцев и устранять чужестранцев. Будете ли вы содействовать мне в этом, графиня?

— С величайшей радостью! — воскликнула она с живостью. — Но в чем будут заключаться мои обязанности?

— Мы должны сообщать друг другу наши наблюдения, обдумывать, что каждый из нас должен делать в том или другом случае. Прежде всего, воспользуйтесь вашей близостью к особе ее величества: французская партия постоянно толчется около нее, а королева Екатерина, к сожалению, выражает явное предпочтение французам. Ведь она принимает прошения, только если они написаны по-французски; между тем сам король дал торжественное обещание учиться немецкому языку! Таким образом нам приходится

постоянно бороться, чтобы французский язык не был признан официально государственным языком. Напоминайте ее величеству, что она родилась в Вюртемберге и вестфальская королева, и что это два коренных народа Германии.

— Да, я сделаю это, — произнесла задумчиво графиня. — Располяйтесь мной, Бюлов, и руководите моими действиями.

Он поцеловал протянутую ему руку.

— Я считаю особенным счастьем, графиня, — сказал он, — что случай привел меня сегодня к вам, и я заручился такой союзницей, как вы! Будем поддерживать наш язык, наши немецкие обычаи... Я глубоко убежден, что это Вестфальское королевство, созданное по капризу Наполеона, просуществует недолго...

— Я слышала, у вас был Морио?

— Граф Фюрстенштейн рекомендовал его мне, как приверженца немецкой партии. Вы почему-то не доверяете ему?

— Я вообще не люблю этого грубияна! — ответила она.

— Ему было, видимо, неприятно явиться ко мне с визитом. Мы были прежде приятелями, но король Иероним перед своим вступлением на вестфальский престол вздумал прислать сюда Морио, чтобы познакомиться заранее с положением страны. Адьютант короля, разъезжая по провинциям нового государства, собирал сведения о различных статьях дохода в гостиницах, корчмах, у пастухов, торгующих жидов и т. п. Разумеется, вышел довольно оригинальный бюджет, и мне стоило большого труда доказать его нелепость, тем более что королю понравились высокие цифры мнимых доходов. Морио узнал, что я поднял на смех составленный им доклад, и с тех пор дулся на меня. Но вообще я считаю его одаренным человеком и весьма сведущим по своей специальности. Говорят, он женится, правда ли это?

— Вероятно, сам Морио распустил этот слух при своей самоуверенности! Действительно, он усердно добывается руки маленькой Ле-Камю, но она еще не решается...

Графиня замолчала, потому что в эту минуту в комнату вошла Адель. Бюлов, сказав ей несколько любезных фраз, простился с обеими дамами.

Едва закрылась за ним дверь, Адель бросилась на шею своей приятельнице и спросила ее шепотом:

— Он не приходил еще?

— Он, вероятно, давно ушел бы отсюда, если бы я не арестовала его! — ответила вполголоса графиня.

— Меня задержал Морио. Мы позволили ему бывать у нас, и он является ежедневно и воображает, что, если целует мою руку, то это значит, что она уже принадлежит ему. Посмотрите, как покраснела моя рука — борода Морио жесткая, как щетина.

Графиня улыбнулась.

— Генерал действует решительно, будьте настороже, мы не успеем опомниться, как он овладеет этой маленькой ручкой. Однако пора выпустить на свободу узника!

Она отворила дверь и, позвав Германа, сказала:

— Пожалуйста сюда, господин доктор, государственный бюджет уступил место немецкой грамматике, теперь мы можем заняться ею.

Герман и Адель чувствовали себя неловко и церемонно раскланялись друг с другом. Но мало-помалу разговор ожил. Адель была в самом веселом расположении духа и ни минуты не могла оставаться на одном месте. Легкое весеннее платье, сшитое по последней моде, очень шло ей. Ее наивная болтовня и бесцеремонное обращение сначала смущали Германа, но вскоре он незаметно перешел на тот же тон. Они говорили между собой по-французски, и поэтому многое, что было сказано, могло показаться пустым или слишком смелым и многозначительным на всяком другом языке.

Графиня, видимо, забавлялась, наблюдая, как Адель и ее будущий учитель поддразнивали друг друга и употребляли напрасные усилия, чтобы скрыть от нее свое взаимное расположение. Время от времени, со свойственным ей тактом, она вставляла свои замечания или давала тот или другой оборот разговору. Наконец она завела речь об уроках немецкого языка и назначила понедельник и пятницу.

Герман понял, что ему пора уходить, и, против своего желания, поднялся с места.

— Но так как меня могут неожиданно потребовать к королеве, — продолжала графиня, — то эта ваза, поставленная на окне, будет сигналом, что урок отменяется до следующего раза...

Герман так серьезно слушал ее, что графиня невольно улыбнулась. Она заметила также, как он укрادкой положил на стол перчатку Адели, и, не выдержав своей роли, сказала:

— Узнаю добросовестность немца, он считает преступлением держать у себя чужую вещь!

ХІІІ

Сомнительное донесение

Для Германа наступило несколько дней затишья, которые он провел дома в уединении. Ему хотелось воспользоваться ими и заняться работой для Берканьи, но пока это были только одни попытки. Хотя исходная точка была найдена, и он решил начать с описания своей жизни в Галле, но что писать дальше? С тех пор произошло столько новых событий!.. Теперь даже воспоминания о далеком прошлом стусhevывались в его памяти, так как он был весь поглощен таинственными свиданиями с хорошенькой креолкой. Неопределенные желания волновали его кровь и наполняли голову роскошными, несбыточными фантазиями. До сих пор во всех его увлечениях любовь существовала только в его воображении, теперь он впервые испытал ее в действительности. Креолка точно околдовала его, образ ее неотступно представлялся ему во сне и наяву, так что по временам мысли путались в голове. Комната его казалась ему подчас настолько тесной и душной, что он брал шляпу и целыми часами ходил по улицам.

Тем не менее мысль о заказанной работе не покидала его. Однажды, вернувшись с прогулки, он сделал еще одну и такую же напрасную попытку взяться за перо и решил, что ему, собственно, не достает материала. Он вспомнил о приглашении барона Рефельда, который, по-видимому, имел обширный круг знакомых, и у него явилась надежда получить от него необходимые сведения.

Барон занимал комфортабельную квартиру вблизи городских ворот. В тот вечер, когда его посетил Герман, он сидел на балконе с длинной трубкой в руках и казался в наилучшем расположении духа. Перед ним на столе были разбросаны бумаги и множество только что полученных распечатанных писем. Он радушно встретил молодого гостя, предложил сесть и велел подать вина.

— Очень рад, что вы наконец посетили меня, — сказал он, пожимая еще раз руку Герману. — Мне уже приходило в голову, что в тот вечер вы почувствовали ко мне антипатию и потому не являетесь. Меня считают многие чудачком, и это имеет свою хорошую сторону... Здесь, на балконе, мы можем говорить, не стесняясь. В Касселе стены имеют уши, но тут перед нами только старые липы, которые не выдадут нас; моих милых соседей также остерегаться нечего, они сами так боятся тайной полиции, что даже между собой

говорят шепотом. Я только вчера вернулся в город. Мне удалось познакомиться с некоторыми из окрестных помещиков — какие у них прекрасные леса! Непременно зимой буду охотиться там, если только меня не погонят отсюда!.. Кассель не дает никакого понятия о том, что происходит в остальной стране! В резиденции короля царят роскошь и веселье, а кругом стонет народ и общее недовольство... Как вам жилось это время? Много ли у вас знакомых? Что слышали нового?

Герман ответил, что в последнее время вел довольно уединенную жизнь, а затем, как бы случайно, завел разговор на занимавшую его тему.

Барон рассмеялся.

— Я не ошибся, — сказал он, — молодой человек с таким умом и образованием, как вы, не может относиться безучастно к великим стремлениям и задачам нового времени. Но имеете ли вы о них надлежащее представление? Я сообщу вам некоторые вещи, так как рассчитываю на вашу скромность и честность...

С этими словами барон пристально посмотрел на Германа, но так как открытое, добродушное лицо юноши не представляло ничего подозрительного, то он продолжал:

— Вы мне сказали тогда, что ничего не слышали о Тугендбунде, речах Фихте и патриотическом движении в Пруссии... Насколько мне известно, Тугендбунд только что начинает возникать и уже возбуждает сильное беспокойство французов. Между тем существование этого союза не составляет тайны, и прусский король открыто утвердил его. Союз добродетели учреждается якобы с нравственно-научными целями, чтобы восполнить потерю земель и денег поднятием духовных сил народа. По-видимому, можно было рассчитывать, что такое предприятие, которое должно облегчить бедствия войны и уменьшить общую нужду, не покажется французам предосудительным и они не увидят в нем заговора. Но вышло наоборот. Они убеждены, что существуют какие-то тайные параграфы, которых, быть может, не знает сам король, что готовится народное восстание, как в Испании, а Тугендбунд учреждается с тайной целью освободить Германию от французского ига.

Герман захотел узнать имена основателей и членов союза. Барон назвал ему некоторых лиц, которых он знал лично.

— Имена наиболее уважаемых и знаменитых людей должны остаться неизвестными, — продолжал барон. — Хотя им принадлежит самая деятельная и влиятельная

роль в союзе, но по своему общественному положению они не могут открыто объявить себя его членами.

— Я вполне понимаю, — сказал Герман, — насколько таинственность и сплоченность Союза, его цели и даже сами имена главных участников должны воодушевлять единомышленников по всей Германии. Это такая могучая духовная сила, с которой мы смело можем выступить против военной силы наших врагов!

— Разумеется! — воскликнул с живостью барон Рефельд, предлагая Герману тост за процветание Тугендбунда. — Это воодушевление уже сказалось в речах нашего великого учителя Фихте, и вы видите, что, несмотря на громадное число его слушателей из всех сословий, не нашлось ни одного предателя, который бы огласил содержание его речей.

— Он говорил их прошлую зиму? — спросил Герман.

— Скажите лучше — он громил ими! — сказал Рефельд. — И заметьте в то самое время, когда французы заняли Берлин; нередко слова оратора были заглушаемы барабанами проходивших мимо академии полков. Все слушатели были поражены смелостью Фихте. Но, разумеется, трон Наполеона не пал от его речей, как некогда стены Иерихона, а скорее можно было ожидать, что французы направят свои пули против немецкой философии.

— Речи Фихте еще не напечатаны?

— Нет, — отвечал барон, — но они ходят по рукам в рукописи. Некоторые из них присланы мне, я укажу вам на лучшие места, прочитайте...

С этими словами он достал из своих бумаг небольшую мелко исписанную тетрадь и подал Герману, который с жадностью принялся за чтение. Через несколько минут он воскликнул с восторгом:

— Какие высокие идеи! Что за глубина мысли!.. Надеюсь, барон, вы позволите мне прочитать их целиком!

— Вы можете взять с собой эту тетрадь, хотя я сам еще не дочитал ее, но вы должны возратить ее мне, как можно скорее. Завтра у меня без того пропадет целый день, так как нужно ответить на полученные письма, а ночью едет посланец. Барон запнулся и торопливо добавил: — Возьмите тетрадь, но постарайтесь скорее прочитать ее.

Герман поблагодарил и собрался уходить.

— Все это, конечно, мысли философа-идеалиста, — сказал барон, — но они могут быть плодотворны среди угнетенного народа и при наличии такого союза, как Тугендбунд. Если идея Фихте справедлива, что каждый народ имеет за-

конное, самой природой данное ему право «на самобытное существование, без вмешательства и посягательства со стороны какого-либо другого, чуждого ему народа», то из этого мы можем сделать прямой вывод, что восстание против иноземного владычества составляет обязанность нации!

Герман ушел под впечатлением последних слов барона. В липовой аллее, по которой ему пришлось идти, уже становилось темно, из соседних садов веяло вечерней сыростью и чувствовался сильный запах сирени и цветущих кустарников, где-то вдали пел соловей.

Герман встретил множество гуляющих, но против своего обыкновения не обратил на них никакого внимания и, вернувшись домой, тотчас принялся за чтение принесенной тетради. Из нее выпали листки, написанные той же рукой, с весьма важными заметками относительно некоторых тайных предприятий в Пруссии и Северной Германии; тут был и список участвующих лиц; это были большей частью люди известные, занимающие видное общественное положение. Не подлежало сомнению, что листки попали случайно в тетрадь, и что Рефельд при всем своем доверии к Герману не мог с намерением отдать их в его руки.

До своего визита к барону Герман был убежден, что остановка в работе происходит от недостатка материала, а на следующее утро, когда он сел за письменный стол, то пришел в смущение от избытка его. Он был в восторге от речей Фихте, а также от всего, что сообщил ему барон; перед ним открылся новый, неведомый мир, который возбуждал в нем глубокий интерес. В то же время он чувствовал какое-то неопределенное беспокойство, в котором не мог дать себе отчета, но при своем простодушии и высоком мнении, какое составилось у него о личности Берканьи, мысль о предательстве не приходила ему в голову. Его также затрудняла форма сочинения. Нужно было представить не ученую работу, а деловое донесение, для которого требовались особые приемы. Когда он обдумал общий план работы и взвесил все данные, бывшие в его распоряжении, многое оказалось не подходящим. По временам им овладевала робость, которую он не мог уяснить себе и приписывал ее недостатку своего развития и писательского таланта.

Недовольный собой, он несколько раз бросал перо, вскакивал с места и решался немедленно идти к Берканьи, чтобы отказаться от работы. Но его остановила мысль, что во всяком деле труден первый шаг и что вопрос чести представить заказанную работу, за которую он вперед получил гонорар. Теперь ему стало ясно, что он ни в коем

случае не должен исчерпать весь материал в одном донесении, а составить целый ряд их, и решил на этот раз ограничиться одним общим обзором. Идеи Фихте, изложенные в его речах, представляли богатый источник для умозаключений о немецкой национальности и народном образовании. Затем, чтобы исполнить требование Берканьи относительно фактических данных, Герман перечислил наиболее влиятельных немецких писателей, с особенным уважением отозвался о Гейнрихе Стеффенсе и, упомянув о его сочинении «Идея университетов», добавил, что это настольная книга студентов. У него в голове осталось только общее впечатление от книги, так как он давно читал ее и совершенно забыл многие подробности, которые должны были показаться предосудительными французам и восстановить их против автора.

Герман переписал начисто свое сочинение и, вложив в конверт, отправил в главное полицейское бюро. Теперь у него отлегло от сердца, он с удовольствием потер руки:

— Быть может, Берканьи найдет сообщаемые мной сведения недостаточными, — сказал он себе, — но нельзя упрекнуть меня, что я писал на скорую руку и необдуманно.

XIV

Новые знакомые

Герман, окончив дело, которое так тяготило его, находился в самом благодушном состоянии духа, у него даже явилось некоторое самодовольство относительно исполненной им работы, которую он находил теперь вполне удовлетворительной. Одиночество казалось ему томительным, он хотел видеть людей и сожалел, что в этот вечер не может идти на урок; Людвиг Гейстер и Лина еще не возвратились в город, а к Рейхардтам ему идти не хотелось. В последнее время он чувствовал себя неловко, когда оставался наедине с Луизой, и он объяснял это невозможностью быть вполне откровенным с ней.

Наступило воскресенье. Был ясный майский день, Герман, выйдя на улицу, последовал за нарядной толпой, которая направлялась к городским воротам. Едва сделал он несколько шагов, как услышал вдали звуки военной музыки и невольно ускорил шаги. Это был Шомбургский сад, усердно посещаемый публикой средней руки, для которой общественные сады составляли тогда единственное доступ-

ное увеселение. Но в те беспокойные времена приходилось довольствоваться немногим и не быть особенно взыскательным как относительно общественных увеселений, так и всего уклада домашней жизни. Роскошь и веселье господствовали только при дворе. Тогдашний Кассель, хотя и служил резиденцией короля, но в нем не было еще красивых зданий, возникших в последние десятилетия. Небольшой город, достаточный для прежнего населения, теперь с трудом мог вместить многочисленный придворный штат, различные правительственные учреждения, сильный гарнизон и целую толпу нищенствующего праздного люда, нахлынувшего с разных сторон.

Герману еще ни разу не приходилось бывать в Шомбургском саду. Он был теперь переполнен народом: тут были бюргеры со своими семьями, приказчики, ремесленники, модистки, мелкие чиновники, унтер-офицеры и т. п. Около буфета теснилась публика, постоянно слышались два языка со всевозможными оттенками местных наречий. Также различны были и деньги, бросаемые на прилавок: тут были и французские франки, и пятифранковики, и монеты многочисленных немецких государств. Сидевшая за буфетом хозяйка быстро меняла деньги, подавала сдачу и опускала полученное в стоявшую около нее глиняную вазу.

Герман, пробравшись с трудом сквозь толпу, наполнявшую залу, подошел к окну, из которого открывался вид на большую дорогу и поляну, зеленевшую на откосе холма. У подножия его виднелся сад с раскинутыми в нем небольшими палатками. Герман подумал, что это, вероятно, какой-нибудь семейный праздник, на который собралось многочисленное общество, и поэтому обратился к стоявшему около него молодому человеку с вопросом: кто владелец сада?

— Разве вы не знаете, господин доктор, что это новый ресторан «Sans-Souci»?

— Я слышал о нем, — отвечал Герман, — но не знал, где он находится.

— Он устроен совершенно на новый лад и открыт одним берлинцем по фамилии Дюфрен, который некогда служил в министерстве финансов. «Sans-Souci» сделался сразу модным местом, так как им овладела наша знать. Пойдемте туда, вам понравится! Вот сейчас вышла генеральша Сала, вероятно, она не встретила того, кого хотела видеть! Вы знаете ее?

Герман ответил, что был раз с визитом у генеральши.

Молодой человек улыбнулся.

— Это ловкая женщина, — сказал он, — теперь ей всего желательнее выдать дочь за графа Фюрстенштейна, и она старается устранить все, что может помешать ей в достижении этой цели.

— Что представляет собой мадемуазель Сала?

— Это холодная девушка, с отсутствием воображения, с ограниченным умом и образованием и вдобавок расчетливая до скупости...

Герман старался припомнить: видел ли он где-нибудь этого молодого человека, который обращался с ним, как со старым знакомым. На вид ему казалось не более двадцати лет, он был худощав, с неприятным выражением глаз, следами оспы на лице и весьма приличными манерами.

Молодой человек как будто угадал его мысль:

— Вас, может быть, удивляет, что я знаю, кто вы, но мне случайно указали вас и назвали вашу фамилию. Теперь позвольте мне представиться: меня зовут Вильке, я служу в бюро у барона де Бонгара. Очень рад, что представился случай ближе познакомиться с вами. Я пришел сюда, чтобы немного развлечься и выпить стакан вина, если найдется товарищ... Кстати, получены хорошие вести из Испании. Восстание подавлено. Генерал Дюпон навел спокойствие и порядок в Толедо, а там сторонники освобождения устроили было костры и виселицы и грабили богатых под тем предлогом, что они друзья французов. Вот вам и свобода!

Вильке говорил с воодушевлением, но глаза сохраняли то же безучастное, холодное выражение.

— Все несчастье, — продолжал он, — что Испания досталась австрийскому дому! Если бы страной управлял французский принц, то она достигла бы высшего блеска и процветания...

Эта политическая мудрость в устах двадцатилетнего юноши была комична, так как производила впечатление заученного урока, и показалась Герману подозрительной. Он не знал, что ответить молодому дипломату и как избавиться от его общества. На его счастье в нескольких шагах от них начался горячий спор между двумя унтер-офицерами, сидевшими за бутылкой вина. Оказалось, что оба ухаживали за генеральской горничной, которая, по-видимому, поощряла одинаково обоих поклонников, в надежде окончательно покорить кого-либо из них.

Вильке внимательно слушал спорящих, затем ловко вмешался в разговор и какой-то двусмысленной шуткой

рассмешил обоих соперников, так что они с хохотом предложили ему стакан вина.

Герман воспользовался этой минутой, чтобы незаметно выбраться из залы. Он вышел на большую дорогу и направился к «Sans-Souci», так как хотел послушать игру арфистки, которая издали показалась ему недурной. Он вошел в сад и, пройдя главную аллею, увидел у одной палатки даму с двумя детьми, игравшими в мяч. Это была баронесса Рейнгард, которую он встречал на музыкальных вечерах у капельмейстера. Она приветливо поздоровалась с ним и представила своему мужу, сидевшему в палатке с книгой в руках, который тотчас же пригласил его сесть на соседнюю скамейку. Герман чувствовал себя смущенным в присутствии этого человека, занимавшего в Касселе важный пост французского посланника, тем более что он произвел на него сильное впечатление своей внушительной наружностью.

Барон Рейнгард пользовался большой известностью как дипломат. История его жизни была весьма интересна. Сын небогатого пастора в Вюртемберге, он изучал богословие в Тюбингенском университете, был домашним учителем в доме одного богатого купца, затем приехал в Париж, где получил место в министерстве иностранных дел. В начале революции он был назначен посланником в Гамбург и Флоренцию; во время директории занимал пост министра иностранных дел, пока его не заменил Талейран. Отсюда он отправился в Берн в качестве уполномоченного посланника, а вскоре после того Наполеон послал его в Яссы, где Рейнгард был захвачен в плен русскими и побывал в разных местах империи. Наконец он был освобожден, и Наполеон, который его ненавидел, но считал не лишним воспользоваться его услугами, дал ему титул барона и назначил своим посланником в Кассель.

Рейнгард был человек высокого роста, худощавый, с желтоватым цветом лица, волосы его были напудрены, на ногах башмаки с пряжками и чулки, что придавало ему вид старого маркиза.

— Жена сообщила мне, — сказал он, — что вы знаток музыки и прекрасно поете, но что это не мешает вам заниматься философией. Я также имею о ней некоторое понятие, но всего больше знаком с Кантом, даже хотел в извлечении переводить его на французский язык. Теперь, конечно, я не имею достаточно досуга, чтобы заниматься этим, и в свободное время читаю Гете и других поэтов.

— Особенно Гете! — заметила баронесса. — Вы видите у него в руках «Германа и Даротею».

— Мы познакомились с Гете в прошлое лето. Он был тогда в Карлсбаде, и много толковал со мной о своей теории цветов, которая так увлекала его. Вы никогда не встречали его?

— К несчастью, нет! — воскликнул Герман с таким искренним сожалением, что барон улыбнулся, и так как молодой соотечественник произвел на него приятное впечатление своей наружностью и приличными манерами, то он спросил его, чем он занимается и что намерен делать?

— Насколько мне известно со слов Луизы Рейхардт, — заметила с улыбкой баронесса, — политика всего меньше занимает господина доктора.

— Действительно, — сказал Герман, — до сих пор она мало интересовала меня, и причина этого вполне понятна. Отец мой, прусский уроженец, слишком любил французский язык и литературу, чтобы сделаться врагом французов. В семейном кругу он никогда не говорил о политике, так что друзья считали его совершенно индифферентным к ней. Затем науки, которыми я занимался: философия, древняя литература, а равно поэзия и музыка — не имеют ничего общего с политикой. Но в последнее время ход политических событий начинает все более и более занимать меня, внутренняя сила национальных идей Германии и патриотизм, воодушевляющий ее представителей, получают особенное значение ввиду военного преобладания французов. Духовное единение обеих наций или, так сказать, слияние двух враждебных элементов может совершиться только на научной почве и привести к важным последствиям...

Рейнгард спокойно выслушал своего собеседника:

— Это настолько же возможно, как утишить бурные морские волны, полив на них масло, хотя древние твердо верили в непреложность этого средства; философ также может попытаться остановить всемирную революцию пропагандой научных истин! В конце концов он может только утешить себя старой поговоркой: «*Oleum et oreganum perdidit*». Но простите, господин доктор, я должен оставить вас, вот идет Лефевр! Мне необходимо переговорить с ним...

С этими словами барон Рейнгард сделал несколько шагов навстречу красивому молодому человеку в изящном дорожном платье и пожал ему руку. Разговор их нельзя было расслышать, потому что они говорили шепотом.

— Это секретарь посольства, — объяснила баронесса Герману, — он сопровождал короля в его путешествии и теперь сообщит моему мужу точные сведения о времени возвращения его величества. Но вот они идут сюда!

— Его величество прибудет сегодня вечером! — объявил барон по-французски, обращаясь к жене. Она протянула руку Лефевру, тот почтительно поцеловал ее.

— Нам пора домой, — сказал барон, — становится сыро. — Затем, обращаясь к Герману, он, приветливо пожал ему руку со словами: — Доброго вечера, надеюсь — до свидания, господин доктор!

XV

Летучая мышь

Лефевр вел подробный дневник путешествия короля, по которому доверенный чиновник министерства должен был составить донесение и отправить Наполеону, за подписью посланника. Барон Рейнгард поблагодарил секретаря посольства за добросовестное исполнение возложенного на него поручения и обещал, со своей стороны, дать о нем наилучший отзыв императору.

Лефевра ушел. Посланник сел к письменному столу, чтобы исполнить свое обещание. Доклад его уже был написан заранее, ему оставалось только сообщить Наполеону, что король Жером, желая сделать сюрприз супруге, отменил свой торжественный въезд и явится в Кассель запросто, верхом, в сопровождении нескольких человек свиты. В заключение барон хотел просить императора о пожаловании Лефевру ордена Почетного легиона за оказанные им услуги, но не находил нужным упоминать о назначении молодого человека на какую-нибудь высшую должность, так как не желал расстаться с ним.

Лефевр был образованный, благовоспитанный юноша из хорошей семьи, он знал основательно французскую историю и литературу, но имел довольно смутное понятие о положении дел в Германии и немецких нравах. Вследствие этого секретарь посольства, которому, вероятно, было поручено следить за самим посланником, был в полной зависимости от последнего и обращался к его помощи во всех затруднительных случаях. Это было тем удобнее для Рейнгарда, что французская партия в Касселе неблагосклонно относилась к нему, так как ее стремления и цели шли

вразрез с его честным образом мыслей и действий, и она только ждала случая, чтобы расставить ему сети. Барон Рейнгард не любил Наполеона и, будучи немцем в душе, невольно сочувствовал стремлению своих соотечественников освободиться от чужеземного ига. От его внимания не ускользнуло, что в Пруссии и Гессене начинается какое-то политическое движение, которое может быть небезопасным для французов и вестфальского правительства. Но о чем, собственно, он считал нужным донести императору в качестве французского посланника и о чем умалчивал, было делом его совести и чести; и в этом сказывался его тонкий ум дипломата и широкий взгляд великодушного и образованного гражданина.

В этот вечер щекотливое положение, занимаемое бароном в Касселе, представлялось ему в особенно мрачных красках. Он с тоской думал о будущем и не раз, положив перо, предавался своим невеселым размышлениям. Уже наступили сумерки, когда он окончил свой доклад и вышел в гостиную, чтобы провести остаток вечера с семьей.

Едва успел он сесть в кресло, как слуга доложил о приходе какого-то посетителя, который не хотел сказать своей фамилии.

Рейнгард вернулся в кабинет. Перед его письменным столом стоял человек в шинели и почтительно поклонился ему.

— Добрый вечер, месье Саванье! — сказал барон по-французски. — Вижу по вашему лицу, что вы явились ко мне с важным известием. Но, пожалуйста, снимите ваше серое одеяние, вы имеете в нем вид летучей мыши.

Саванье снял шинель, затем тайнственно и торопливо начал свой доклад, как он это всегда делал в тех случаях, когда имел сообщить нечто важное.

— Да, господин барон, я пришел к вам с важным известием. Мы напали на след Тугендбунда и различных прусских тайн!

— Я не понимаю вас, месье Саванье, говорите яснее.

— Другими словами, господин Берканьи отыскал молодого ученого из прежней Пруссии, который, по-видимому, посвящен во многое и будет делать нам письменные донесения. Вот копия первого донесения, представленного им в наше бюро, но генерал-директор нашел, что оно недостаточно подробно, и потому велел возвратить обратно господину доктору его работу вместе со списком весьма сбивчивых вопросов, на которые он должен немедленно ответить.

— Почему сбивчивых? — спросил Рейнгард, который слушал докладчика с напряженным вниманием.

— Потому что молодой ученый не догадывается и не должен знать, какое назначение имеют его донесения. Я не знаю, какую благовидную цель придумал Берканьи, чтобы заставить простака приняться за это дело! Но одно несомненно, что генерал-директор, судя по его лицу, сгорает от нетерпения сообщить королю о сделанных открытиях и даже самому императору, но, разумеется, помимо вас, так как рассчитывает на большую награду. Простите, господин барон, что эта копия написана так неразборчиво! Мне пришлось писать украдкой и второпях... Берканьи дал мне оригинал всего на несколько минут.

— А кто этот молодой человек? — спросил Рейнгард.

— Доктор Герман Тейтлебен, рекомендованный капельмейстером Рейхардтом. Но так как у нас капельмейстер на дурном счету, вследствие своих отношений с Пруссией, то Берканьи велел пригласить господина доктора к себе, чтобы лично переговорить с ним.

Посланник взял бумагу из рук Саванье и подошел к стоявшей в углу этажерке, чтобы скрыть свое смущение, затем, овладев собой, спросил равнодушным тоном:

— Молодой человек, вероятно, не устоял против подкупа?

— Нет, господин барон, я убежден, что тут дело не в подкупе, а его попросту обманули. Это какой-то мечтатель и даже, пожалуй, фантазер, не знаю, как назвать его, а Берканьи долго жил в иезуитском монастыре... Остальное можно себе легко представить!.. Мне кажется, что молодой человек сделался полицейским шпионом, сам не подозревая этого...

— И вы думаете, Саванье, что этот господин ответит чистосердечно на предложенные ему вопросы?

— Не вижу причины, почему ему ответить иначе! Вопросы сделаны в самых умеренных и даже сбивчивых выражениях, как я имел честь докладывать вам. Он не найдет в них ничего особенного при своей наивности.

— Вы тотчас доставите мне его ответы, как только они будут получены. Я рассчитываю на вас, Саванье!

Волнение, с каким посланник произнес последние слова, ясно доказывало, какое значение он придает сообщенным известиям, и Саванье, довольный произведенным впечатлением, продолжал:

— Постараюсь исполнить ваше приказание, господин барон. Император, как известно, ждет с большим нетерпе-

нием этого открытия... Но, со своей стороны, могу ли я рассчитывать на ваше великодушие!..

При этих словах Саванье отвесил низкий поклон. Посланник презрительно взглянул на него.

— Будьте покойны, — сказал он, — ваши услуги будут оценены на вес золота!

— Бесконечно благодарен, господин барон! Но позвольте заявить вам, что мое величайшее желание поскорее уехать отсюда: я занимаю здесь положение, которое не соответствует ни моему происхождению, ни характеру и даже, до известной степени, моим способностям. Вдобавок генерал-директор с каждым днем становится раздражительнее, и мне приходится страдать от того. Как будто моя вина, что его супруга едет из Парижа... Он все упорнее отстаивает французские интересы в Вестфалии и с ненавистью относится к немецкой партии, особенно к Бюлову и, насколько я мог заметить, роет ему яму...

— Весьма возможно! — сказал Рейнгард. — Но Бюлов в большой милости у короля, да и сам император высоко ценит его! Однако, до свидания, месье Саванье! Еще раз благодарю вас...

Едва удалился Саванье, как посланник поспешно вышел из кабинета, чтобы сообщить своей жене неожиданную новость.

— Странные случаи бывают в жизни, Христина! Подчас невольно веришь предопределению, — сказал он с невольной улыбкой, так что она с недоумением взглянула на него. — Сегодня ты как будто нарочно представила мне своего protégé, чтобы расположить меня в его пользу, потому что иначе я мог бы составить о нем самое невыгодное мнение по его злополучной работе. К нему совсем нельзя применить пословицу, что «птицу можно узнать по полету!» Теперь его политические убеждения выяснились для меня. Этот Берканьи недаром был в иезуитском монастыре! Настоящий Мефистофель... Но я вижу, что ты ничего не можешь понять из моих слов, слушай!

Рейнгард передал жене весь свой разговор с Саванье и прочитал принесенную им копию с донесения Германа. Жена посланника была так озадачена, что не могла выговорить ни слова от удивления.

— Теперь весь вопрос в том, — продолжал Рейнгард, — как вытащить из западни этого нерассудительного юношу, из которого хотят насильно сделать политического деятеля, да еще в таком направлении! Я решительно не знаю, как сделать это, не подвергая его опасности, а равно и самого

себя. Это нелегкая задача! Вот теперь Саванье из-за личных расчетов сообщил мне важные сведения из тайной полиции, но у него хватит подлости подставить мне ногу при малейшей неосторожности с моей стороны. Что же касается молодого предателя, то мудрено предостеречь его: он так чужд всего житейского и так плохо понимает людей, что может помимо своей воли употребить во зло оказанное ему доверие или, что еще хуже, в порыве благородного негодования решиться на какую-нибудь невероятную нелепость!

— Да, об этом нужно серьезно подумать, — сказала баронесса Рейнгард, — но во всяком случае мы должны принять те или другие меры, прежде чем он успеет ответить на предложенные ему вопросы. Как жаль, что этот благородный, богато одаренный юноша, с высокими стремлениями, попал таким образом в ловушку при первом столкновении с действительностью. Но до утра еще много времени, быть может, мне придет в голову какая-нибудь счастливая мысль, которая выведет нас из затруднения. Недаром я жена дипломата...

— Прощай, моя дорогая, — сказал барон, — ложись спать, уже поздно. Я пойду в кабинет и прочитаю еще раз политический трактат нашего неapolитичного философа. Будущность не должна больше страшить нас, — добавил посланник с иронической улыбкой, — потому что твой *protégé* открыл секрет, как примирить обе враждебные нации несмотря на их взаимное ожесточение! Он считает это такими пустяками, что смело взялся прописать рецепт...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Утренний прием у короля

27 мая громкие звуки военной музыки, игравшей с раннего утра, возвещали о прибытии короля, хотя он приехал еще накануне вечером, отменив заранее все торжественные приготовления к его приему. Но вместо сюрприза, который он хотел сделать своим неожиданным приездом, он сам неожиданно попал на домашний праздник, устроенный для него королевой. В городе вопреки сделанному распоряжению также собирались чествовать короля, потому что после всех оваций, какие делались ему во время путешествия, жители хотели, со своей стороны, выказать такое же усердие. Повсеместно шли приготовления к иллюминации и чрезвычайно оживляли улицы. И так как было известно, что к полудню все лица, имевшие по своему чину или общественному положению доступ ко двору, будут съезжаться в загородный королевский дворец по случаю утреннего приема у его величества, то множество праздных и любопытных толпилось у городских ворот.

Ночью шел дождь, и в воздухе чувствовалась живительная прохлада, свежая зелень полей, влажные изгороди, цветы — все блестело при ярком утреннем солнце, которое мало-помалу опять подернулось легкими облаками. Публика под влиянием музыки и теплой весенней погоды находилась в каком-то праздничном настроении. Королевский парк был еще заперт в этот ранний час, и поэтому садики кофеен были особенно переполнены посетителями.

В это время король и королева уже встали и сидели рядом в покоях ее величества.

Вестфальская королева Екатерина занимала нижний этаж летнего дворца, что представляло немалое удобство при ее полноте, так как, возвращаясь с прогулки по парку или роскошному цветнику, убранному фонтанами, она должна была подняться всего на несколько ступеней по широ-

кой отлогой лестнице. Покои королевы отличались простой отделкой и комфортом. Комната, где теперь находилась королевская чета, была двух цветов: бледно-голубого и оранжевого, из открытой портьеры виднелась полукруглая спальня, белая с голубым, у окон и альфов были белые шелковые драпир с тисненым голубым бордюром, но старинная высокая кровать была без занавеси.

Екатерине было не более двадцати пяти лет. В тоне ее голоса и движении красивой головы, с правильными, приятными чертами лица, проявлялось по временам нечто надменное и повелительное, что, быть может, перешло к ней по наследству от ее отца, короля Вюртембергского, или было делом привычки, усвоенной ею с детства. Но в это утро королева была особенно мила и проста в обращении со своим молодым и добродушным супругом; его внимание и ласки заставляли радостно биться ее любящее, но слишком доверчивое сердце. Иероним вернулся в свою резиденцию в веселом расположении духа и, хотя по свойственным ему легкомыслию и ветрености он довольно часто изменял своей супруге, но никогда не давал ей поводов упрекнуть его в малейшем невнимании, и даже подчас он сам как будто чувствовал к ней необъяснимое сердечное влечение. Сегодня, на радости свидания, он был более обыкновенного нежен с ней, в его ласках было столько горячности, что королева невольно вспомнила ясное, солнечное утро на другой день их свадьбы. Это было девять месяцев тому назад, но все так живо предстало в ее памяти, что она покраснела и сказала с улыбкой:

— Я сама не знаю, Жером, почему именно сегодня пришло мне в голову утро 21 августа прошлого года?

— Разве можно забыть, как тот старый франт торжественно венчал нас в Тюильрийской капелле!.. А помнишь ли, Като, ту ночь и следующее утро?..

— Да, помню, — ответила она уклончиво. — Какие великолепные празднества устраивал нам тогда Наполеон в Фонтенбло! Казалось, что им не будет конца, нам не давали ни минуты отдыха...

— Ну, эти празднества были достаточно утомительны, — заметил Иероним, — и вдобавок не могли доставить мне ни малейшего удовольствия, потому что император все время сердился на меня.

— Еще бы! — рассмеялась королева. — Ты никак не мог угодить ему своими манерами и обращением. Он требовал, чтобы ты вел себя степенно, имел важную осанку, как подобает вестфальскому королю, и сам в разговоре с

тобой постоянно величал тебя с особенным ударением: «ваше величество!» Но это не производило на тебя никакого впечатления, ты оставался таким же милым и веселым Жеромом, как всегда. Разумеется, Наполеон не мог быть доволен тобой...

— Кроме того, он хотел, чтобы я проводил целые часы с Камбасаресом, Реньо, старым эльзасским публицистом Кохом и другими скучнейшими господами и слушал их рассуждения об устройстве нового Вестфальского государства. Но, говоря по совести, они не могли похвалиться моим вниманием, потому что я думал только о тебе, Като! На столе уже лежала приготовленная для меня конституция, и этого было совершенно достаточно, мне оставалось только изучить ее, так как я решил соблюдать в точности все, что в ней написано. Разве я не исполнил этого, когда правление перешло в мои руки?.. Надеюсь, что и вестфальская королева не имеет также поводов пожаловаться на своего супруга...

Королева улыбнулась и погрозила ему пальцем. Но это была не более как шутка с ее стороны, потому что она не сомневалась в его супружеской верности. При своей безграничной любви к нему она принимала за чистую монету его любезное обращение с ней и знаки нежного внимания, которые часто служили прикрытием его так называемых «*écarts*». Хотя ей не всегда нравилось его открытое ухаживание за некоторыми придворными дамами, но она старалась оправдать его в своих собственных глазах и приписывала это общительному характеру короля, который все еще не мог освоиться со своим высоким положением. В это утро недоверие менее, чем когда-либо, могло найти доступ к сердцу королевы, которая была в наилучшем настроении, ее полное красивое лицо с ярким румянцем на щеках дышало здоровьем и весельем.

Голубые глаза королевы засветились от удовольствия, когда Иероним согласился назначить свой утренний прием в ее парадной зале, которая находилась в нижнем этаже, как и все остальные принадлежавшие ей комнаты. Хотя она робко и как бы мимоходом обратилась к нему с этой просьбой, но он видел, что глубоко огорчил бы ее отказом. Для него было ясно, хотя он не дал ей заметить этого, что назначение приема на ее половине было заранее задумано ею с целью торжественно показать перед двором и целым городом их хорошие супружеские отношения.

— Ты не можешь себе представить, моя дорогая, с каким удовольствием я вернулся сюда! — сказал Иероним. — Во время моего путешествия, особенно в Брауншвейге, который

еще так недавно был королевской резиденцией, я окончательно убедился, что ничто не может сравниться с нашим великолепным загородным дворцом и здешними окрестностями! Как бы ни изменились обстоятельства, но я всегда буду проводить лето в Касселе, потому что нигде я не чувствую себя так хорошо, как здесь, среди зелени и цветов.

— Я не поняла тебя, Жером, ты упомянул о какой-то перемене обстоятельств. Объясни, что это значит?

— Разве я не сказал тебе, что император хочет расширить границы Вестфальского королевства до Одера? Тогда наша столица будет перенесена в Берлин. Надеюсь, что теперь все ясно для тебя.

— Неужели это правда? — сказала она задумчиво. — Несчастный прусский король! Разве недостаточно урезали его государство!

— Урезали! Как ты странно выражаешься! — воскликнул с неудовольствием Жером, слегка возвысив голос. — Император не допустит дальнейшего существования Пруссии, на которую он не может положиться. Вместо того чтобы хлопотать о восстановлении государства мирным путем и расположить к себе императора покорностью и точным соблюдением предписанных им условий, она занимается планами мести и возмущениями. Нам известно, что там затевается тайный заговор. Положим, прусский король добродушный и честный человек, но он сам придет в ужас, когда узнает, в чьих он руках. Наполеон ждет только благоприятного предлога, чтобы уничтожить государство, которое коварно противодействует его обширным планам.

— Я не совсем доверяю тому, что говорят о Пруссии, — возразила королева. — Люди, которым платят большие деньги за доносы, хотят чем-нибудь выслужиться. Здесь, в Касселе, целая толпа шпионов; и всякое, хотя бы самое мелочное обстоятельство получает важное значение благодаря множеству противоречивых показаний. Хотя, быть может, Берлин и кажется тебе заманчивым, Жером, но не верь всяким инсинуациям. Я не думаю, чтобы император считал Пруссию опасной для своих целей, она не в состоянии бороться против него. Мой отец и другие немецкие монархи, примкнувшие к Рейнскому союзу...

— Ah, madame! — воскликнул с нетерпением Жером, который не любил, когда ему противоречили. — Как вы плохо понимаете политику! В настоящее время, ввиду событий в Испании, когда Австрия поднялась против нас, мы должны опасаться Пруссии, в особенности, если ей удастся поднять возмущение в Северной Германии... Однако до свидания!

В это время к дворцу подъехало несколько экипажей. Иероним поспешно удалился, чтобы по своему обыкновению принять ванну из воды и одеколона. В городе ходили слухи, что он принимает ванны из красного вина и бульона, и что с этой целью ежедневно закалывают телят.

Королева также встала с места и занялась своим туалетом с помощью баронессы Оттерштедт, которая явилась из соседней комнаты. Баронесса была фрейлиной Екатерины еще в Штутгарте, и тогда уже заслужила расположение вюртембергской принцессы, так как оказала ей немало разных услуг, особенно в одной запутанной сердечной истории, которая без ее вмешательства могла получить слишком большую огласку. Теперь при вестфальском дворе она и графиня Антония были самыми приближенными дамами королевы и пользовались ее безграничным доверием.

Туалет королевы был делом нелегким и требовал большого внимания со стороны баронессы. Принцесса вюртембергская, которая при первом своем приезде во Францию поразила парижан своими простыми и старомодными нарядами, с тех пор стала одеваться с особенным изяществом и вкусом. Сутуловатость ее спины была совершенно не заметна в корсете, и составляла тайну, в которую была посвящена только одна камер-фрау, хотя придворные дамы уже давно знали об этом физическом недостатке королевы, который давал богатую пищу их злословию.

Между тем зала нижнего этажа стала мало-помалу наполняться лицами, которые должны были присутствовать на утреннем приеме короля. Это была большая изящно убранная комната, стены которой были обиты шелковой пурпурной тканью, затканной золотыми звездами, занавеси и портьеры состояли из двух разноцветных половин: одна пурпурная, другая белая с пурпурным бордюром.

Составились пестрые группы из самых разнообразных мундиров и придворных костюмов. Тут были штатские, военные и духовные лица, посланники иностранных держав, различные сановники, кавалеры и дамы. Вновь прибывшие обменивались приветствиями с приехавшими раньше, слышался тихий говор, который по временам сливался в какой-то неясный гул. Барон Рефельд, следивший с любопытством за этой нарядной толпой, стоял в стороне; генерал-директор полиции обещал представить его королю, а затем выхлопотать ему частную аудиенцию.

Король заставил долго ждать себя, потому что был занят беседой со своим лейб-медиком Цадигом.

Это был еврей из Шлезвига. Иероним познакомился с ним в Бреславле в 1806 году, во время похода против Пруссии, когда он вместе с Вандаммом прибыл в Шлезвиг во главе девятой французской дивизии. Здесь, среди веселой гарнизонной жизни, в обществе актрис, при неумеренной трате денег и здоровья, он серьезно заболел и должен был обратиться к помощи Авраама Цадига, который вылечил его в непродолжительное время. Впоследствии, когда Цадиг явился ко двору нового вестфальского короля, чтобы осведомиться о здоровье своего бывшего пациента, то был назначен лейб-медиком, и вскоре заслужил доверие королевы.

По уходе лейб-медика, король велел призвать к себе в кабинет для частной аудиенции бригадного генерала фон Ревбеля и начальника полиции Берканьи. Но так как первый пробыл у короля несколько минут, а генерал-директор полиции оставался после него довольно продолжительное время и вернулся в залу с многозначительной улыбкой, то это не могло ускользнуть от внимания придворных. В группе мужчин, стоявших в нескольких шагах от барона Реффельда, начался шепотом разговор, который он мог слышать от слова до слова благодаря своему тонкому слуху. Говорили, что напали на след тайного союза в Пруссии и найдены возмутительные воззвания к немецкому народу какого-то Фихте и прочее. Долгое отсутствие короля придавало особенное значение этому обстоятельству.

Наконец обе половинки дверей открылись настежь, и появилась королевская чета в сопровождении дежурного камергера графа Паппенгейма. Король Иероним был по обыкновению в белом гвардейском мундире гренадерского полка, с оранжевым воротником, обшлагами и нашивками. Он был среднего роста, худощавый и бледный, с легким желтоватым оттенком кожи, черные волосы были коротко острижены. Лицо его, с впалыми щеками и выступающим подбородком, казалось таким утомленным, что никто не принял бы его за двадцатичетырехлетнего юношу. Медлительность движений и нерешительная походка еще более усиливали это впечатление. Но в то же время в изящной и характерной наружности молодого короля, в связи с его романической судьбой, было нечто, располагающее в его пользу. В глазах был виден ум, лицо его принимало особенно приятное выражение, когда оживлялось улыбкой. В манерах и осанке не было ничего надменного, что напоминало бы о его высоком сане; он обращался одинаково просто со всеми.

Королева была годом старше своего супруга и представляла полный контраст с ним своей здоровой, немного до-

родной фигурой и свежим, румяным лицом. В ее манерах и осанке было известное величие, которое выделяло ее из толпы, и придворные не без основания жаловались подчас на ее высокомерное обращение с ними. Но сегодня она была особенно милостива со всеми, даже с Аделью Ле-Камю, к которой она вообще относилась довольно враждебно. Эту неприязнь приписывали тому обстоятельству, что Адель была соотечественницей Елизаветы Паттерсон из Балтимора, первой жены Иеронима, и находилась с ней в дружеских отношениях.

Королева обратилась с благосклонной улыбкой к мадемуазель Ле-Камю и, намекнув на сватовство Морио, сказала:

— Король любит генерала Морио и говорил, что, после его женитьбы, при дворе будет у нас новая статс-дама...

В это время Иероним разговаривал с бароном Рейнгардом; несмотря на почтительную позу французского посланника, видно было, что в его словах заключалось нечто неприятное для короля, лицо которого омрачилось и приняло задумчивое выражение. Он был так занят своими мыслями, что по рассеянности не обратил никакого внимания на многих лиц, к которым относился всегда с особенной благосклонностью. Но когда ему представили вновь прибывшего голландского посланника ван Гюнгена, то он любезно обратился к нему и стал расспрашивать о впечатлении, какое произвел на него Кассель. Затем Берканьи представил его величеству барона Рефельда.

Иероним невольно улыбнулся, так как, по описанию генерал-директора полиции, ожидал встретить чудака, которого, по известным данным, можно было считать агентом тайного прусского союза. Он хотел сделать попытку под видом шутки выведать что-либо у барона о положении дел в Пруссии.

— Вы, кажется, из Пруссии? — спросил король.

— Я считаюсь прусским землевладельцем, — ответил Рефельд, — но в действительности я подданный вашего величества, потому что мой родовой замок в Гарце, среди дикой местности.

— Вероятно, у вас там прекрасная охота, барон?

— Да, ваше величество, трудно себе представить лучшую охоту и при этом со всякими собаками: легавыми, гончими, таксами, волкодавами и прочее. Кроме того, я мог бы снабдить королевскую кухню наилучшими трюфелями, которые у меня в изобилии. Если когда-нибудь ваше величество будет охотиться поблизости от моих владений, то я провел бы вас в такие леса, где водятся кабаны и дикие кошки!..

При этих словах Рефельд окинул внимательным взглядом худощавую фигуру короля, а затем, как бы спохватившись, отвесил низкий поклон. В голове у него мелькнула мысль, что в случае открытого восстания было бы недурно захватить в плен Иеронима, который, по-видимому, не отличался силой. Этот проект особенно улыбался ему, тем более что он чувствовал в себе достаточно смелости, чтобы привести его в исполнение.

Короля сместили угловатые манеры Рефельда и его беглая французская речь, в высшей степени комичная по неправильному выговору и построению фраз, но он был смущен его смелым, вызывающим видом и поэтому принял более серьезный тон.

— Объясните мне, пожалуйста, барон, в чем состоит прусский Тугендбунд? Я слышал, что вы приехали из Пруссии, вероятно, вам известна настоящая затаенная цель союза и как узнать...

Король остановился и, повернув голову, громко сказал: — Генерал Бонгар, пожалуйста сюда!

Военный в жандармском мундире поспешил на зов короля. Это был человек лет шестидесяти, высокий, худощавый, немного сгорбленный, с коротко остриженными седыми волосами и выразительным лицом. На груди его красовался голландский орден.

Неожиданный вопрос короля совершенно озадачил Рефельда, но появление шефа жандармов заставило его прийти в себя и возвратило ему чувство собственного достоинства.

— Чем отличаются члены Тугендбунда, генерал? — спросил Иероним.

— Они носят, ваше величество, бороду у подбородка! — ответил Бонгар.

Король вопросительно взглянул на барона, у которого была именно такая борода.

— Прошу прощения, — сказал барон Рефельд, обращаясь к шефу жандармов, — но я позволю себе заметить, что ваше определение не совсем верно. Многие с давних пор носят такие бороды, и они едва ли могут служить знаком отличия союза, который, впрочем, вовсе не нуждается в чем-либо подобном. Союз добродетели не составляет тайны, и никто не думает скрывать его существования. Такие бороды, ваше величество, носили прусские генералы в битве при Иене и в осажденных крепостях, хотя, как известно, они далеко не отличались добродетелью. Вот и моя борода оказывается теперь подозрительной, но я не замедлю сбрить ее, потому что генерал, наверное, отдал приказ своим жандармам преследо-

вать бороды, и можно попасть в беду. Между тем я ношу этот мнимый знак отличия со времени первого прусского Тугендбунда.

— Как, господин барон? Разве в Пруссии существовал еще другой союз? — спросил с живостью король.

— Да, ваше величество, основательницей его была графиня Лихтенау, приятельница покойного короля. Тогда записывали в члены союза даже умерших людей, известных своей добродетельной жизнью. Заседания происходили в «Sans-Souci», но теперь, разумеется, все это давно забыто!

— Вы назвали «Sans-Souci», — сказал король, — это невольно напомнило мне Фридриха Великого; я не могу понять, как после такого могущественного короля могли наступить для Пруссии такие печальные времена!

— Это произошло от недостатков самой формы правления, — ответил барон. — Сила Пруссии заключалась не в государстве, а в короле, и поэтому все рушилось с его смертью. Министры, которые привыкли действовать по мановению его твердой руки, очутились в беспомощном положении, что, разумеется, не замедлило отразиться на всех уровнях администрации.

— Говорят, нынешний король, очень скуп на слова! — сказал Иероним. — Быть может, он втихомолку обдумывает, каким способом выгнать французов из Германии?

Явная насмешка, которая заключалась в словах короля, задела барона, лицо его приняло серьезное выражение.

— Я ничего не могу возразить на это, ваше величество! — сказал он с низким поклоном. — Но в присутствии счастливого вестфальского короля я должен относиться с уважением к несчастью другого короля!

— Вы умный человек, барон Рефельд, — заметил король и, проходя далее по зале, сказал мимоходом генерал-директору полиции: — Советую вам следить за этим прусским бароном: он выдает себя за чудака и может провести всех нас.

По удалении их величеств зала тотчас же опустела. Барон отыскал в толпе Шмерфельда и вышел вместе с ним в боковую аллею парка.

— Ну, Шмерфельд, — сказал барон взволнованным голосом, — вы должны как следует выбрать меня за мое сегодняшнее поведение. Уже не говоря о том, что я не выдержал своей роли, но был настолько глуп, что серьезно отвечал Жерому на его вопросы и нагородил много лишнего!

— Пожалуйста, успокойтесь и говорите тише, — сказал Шмерфельд. — Признаюсь, я и сам немного струсил,

когда увидел вас в оживленной беседе с королем и шефом жандармов.

— Вот это собственно и смущает меня! — воскликнул барон. — Черт знает, что у меня тогда происходило в голове и в душе, хотя я не чувствовал ни страха, ни смущения перед этой красивой подставной куклой. Поэтому мне еще досаднее, что его слова могли оскорбить меня. Нужно же быть таким олухом, как я!

— Ради Бога, замолчите барон, уйдемте поскорее отсюда! Вы обратите на себя общее внимание, смотрите, сколько тут народу, а вот и Бонгар, он, очевидно, следит за нами. Я доведу вас в моем экипаже, и мы поговорим дорогой... Не приходите в отчаяние, иногда лучший актер плохо исполняет свою роль, но это не мешает ему прекрасно играть в следующем акте.

— Вы правы! — отвечал со смехом Рефельд. — Еще не все потеряно!..

II

Совещание по поводу шпиона

Французский посланник, вернувшись домой, застал у жены Луизу Рейхардт, к которой чувствовал особенную симпатию. Он познакомился с ней на музыкальных вечерах ее отца, когда еще находил возможным посещать их; общие взгляды, вкусы, сходство убеждений сблизили их, чему также способствовала дружба баронессы с Луизой.

Посланник сердечно приветствовал желанную гостью и спросил жену: сообщила ли она фрейлейн Рейхардт о занимавшем их деле?

— Разумеется, — ответила баронесса, — и мы уже обдумали план действий. Луиза написала несколько слов молодому предателю, чтобы он повременил с ответами на вопросы Берканьи, вдобавок она просила его зайти к ней сегодня вечером. Посланный не застал дома господина доктора и оставил записку.

— Прекрасно! — произнес Рейнгард. — Но прежде чем мы приступим к совещанию, позвольте мне избавиться от этих мнимых украшений, которые слишком живо напоминают мне мою зависимость от Наполеона.

Он указал на свой парадный мундир со стоячим вышитым воротником и шляпу с перьями и вышел в соседнюю комнату, чтобы переодеться. Туалет его продолжался не-

долго, он вернулся через несколько минут в гостиную в простом домашнем платье и сел возле Луизы.

— Вы знаете, моя дорогая фрейлейн, — сказал он, — что я безусловно доверяю вашему уму и сердцу, но прежде чем мы начнем сообща игру, позвольте мне заглянуть в ваши карты. Настоящий случай требует особенной осмотрительности. Иероним узнал об этом деле через Берканьи и хотел озадачить меня неожиданной новостью, но я сделал вид, что мне давно все известно, и, чтобы немного умерить его восторг, сообщил ему не совсем приятные вещи от имени императора. Но вопрос не в этом. Меня особенно заботит то обстоятельство, что сведения об измене этого господина доставлены мной и могут быть легко обращены в виде орудия против моей особы, так что при малейшей неосторожности с вашей стороны я останусь в сильном проигрыше.

— Не беспокойтесь, господин барон, я вполне понимаю всю трудность предстоящего мне объяснения, и начну с того, что укажу молодому человеку, на какую дорогу он попал по своей ветрености и насколько он виноват, что скрыл все это от своих друзей. Если он спросит, от кого я узнала о его измене, то я могу смело ответить, что это моя тайна, и, если неизвестность будет мучить его, то он вполне заслужил такую кару! Поверьте, что ему и в голову не придет разглашать то, что он услышит от меня. Но, если пойдет речь о том, как выпутаться ему из западни, то я буду в большом затруднении. Вы дипломат, барон, скажите, что посоветовать ему...

— Я уже думал об этом, — сказал посланник. — Саванье сообщил мне, что молодой человек получил аванс в 300 франков: деньги эти он должен оставить у себя и сделать вид, что все осталось по-старому. Если посланное им донесение уже возвращено ему из полицейского бюро, то пусть он разорвет его и напишет новое, вроде того, например, что говорил Тацит о древней Германии и Юлий Цезарь о Галлии, или о том, насколько отвлеченные идеи удовлетворяют немцев и, отвлекая от действительности, приводят их к космополитизму. О Фихте, разумеется, следует упомянуть только мимоходом и, наоборот, возвеличить значение какой-нибудь пустой книжонки, вроде «Lucinde» Фридриха Шлегеля, и даже, пожалуй, сделать из него выписки... Вы понимаете, фрейлейн Луиза, что я говорю все это для того, чтобы дать понятие в общих чертах, в каком духе должно быть написано второе донесение этого несчастного юноши. Одним словом, пускай он напустит побольше немецкой туманной философии как в этом случае,

так и в следующих, чтобы трудно было понять что-либо из его донесений. Тогда, быть может, Берканьи, потратив час или два на подобное чтение, убедится, что юноша совсем не годится в полицейские шпионы и оставит его в покое!

— Не знаю, насколько это будет удобно, — заметила Луиза, — вы сами сказали, что Берканьи требует самых точных показаний о некоторых лицах, как, например, о моем зяте Стефенсе...

— Неужели у Германа не хватит ума сказать, что он не знаком с ними? — возразила баронесса.

— Разумеется, это не так трудно! — сказал Рейнгард, обращаясь к Луизе. — Вероятно, вам говорила жена, что молодой человек очень понравился мне. Даже эта неприятная история, которая случилась с ним, говорит в его пользу: на подобное увлечение способен только идеалист с самыми благородными стремлениями. Я не теряю надежды, что все это послужит ему хорошим уроком для будущего; но все-таки он наделал нам немало хлопот, и необходимо принять меры, чтобы устранить последствия его неосторожности. Хотя Тугендбунд не составляет тайны, и король открыто покровительствует ему, но французы убеждены, что добродушный Фридрих-Вильгельм не знает его настоящих целей. Наполеон недоверчиво относится к Пруссии и вообще ко всей Германии. Вот и теперь, по поводу событий в Испании, мне пришлось в одном из моих донесений высказать такой взгляд, что в более северных странах, где бедная природа едва вознаграждает человека за его тяжелый труд, всякий политический переворот грозит народу не только временным расстройством, но и долгой нуждой. Отсюда я шаг за шагом старался убедить императора, что в Германии немыслимо такое патриотическое воодушевление, которое создало народную войну в Испании, и что здесь он может быть уверен в прочности своей власти. Но, разумеется, мне только отчасти удалось рассеять опасения Наполеона; хотя он убежден в безошибочности моих политических взглядов, но не верит, чтобы я, немец по происхождению, мог быть искренно предан интересам Франции. Поэтому я должен быть постоянно настороже, так как окружен его шпионами, и я ничем не гарантирован против ложных доносов, особенно со стороны Берканьи, который хочет выдвинуться этим путем.

— Неужели вы в самом деле думаете, барон, что немцы не способны на патриотическое воодушевление! Я не разделяю этого взгляда и уверена, что рано или поздно Германия также восстанет против своих утеснителей; мы

прогоним этих чужеземцев, и с оружием в руках возвратим себе свободу и прежнее самобытное существование!

— Я сам желаю этого не менее вас, моя дорогая фрейлейн, потому что несчастная Германия разорена вконец. Повсеместное опустошение, военные постой, все эти реквизиции, контрибуции и, наконец, алчность Наполеона и его сподручников лишают народ всякой возможности заниматься торговлей, промышленностью, даже земледелием. Мы находимся в самом постыдном, унижительном положении, и только сила меча может воскресить и облагородить нас, спасти от нравственного рабства. Национальная война была бы для нас спасением, заставила бы немцев отрешиться от узкого эгоизма, пробудив в них сознание, что такая борьба требует тяжелых жертв. Но я глубоко убежден, что для этого нужно много времени, всякая поспешность может погубить дело. Немцы не скоро могут решиться на что-нибудь, так что приходится подчас жалеть, что нашим соотечественникам недостает некоторых свойств французского характера...

— Ты, кажется, начинаешь проповедовать ту же философию, что и наш юный полицейский шпион, — заметила со смехом жена посланника. — Из твоих слов можно вывести заключение, что ты также желаешь объединения обеих наций, их взаимодействия и прочего.

— По моему убеждению, — сказала Луиза, — мы прежде всего должны стремиться к самопознанию, это одно может заставить нас понять требования времени...

— Вы смотрите слишком серьезно на вещи, моя милая Луиза, — возразила баронесса. — Перед нами разыгрывается грандиозная трагикомедия, но мы еще далеки до того момента, когда можно предвидеть развязку, здесь, в Касселе, ничто не мешает нам спокойно ожидать ее...

— Да, если бы эта трагикомедия не касалась так близко нашей родины, — сказала Луиза, — мы могли бы оставаться безучастными зрителями!.. Однако мне пора идти, завтра я сообщу вам о результате моих переговоров с Германом.

Посланник проводил ее до дверей и, дружески пожимая ей руку, сказал:

— Прежде всего постарайтесь внушить вашему приятелю, чтобы он бросил свою нелепую затею о слиянии двух наций, так как потеря самобытности была бы гибелью для Германии. Наше дворянство и немецкие дворы слишком легко освоились с французским языком и нравами, и мы видим, к чему это привело нас.

III

На перепутье

В это утро Герман, не подозревая о случившемся, встал раньше обыкновенного и поспешил к городским воротам, чтобы взглянуть на парадный съезд по случаю приема у короля. По дороге он зашел в Кейлгольский сад, где несмотря на ранний час уже застал нескольких посетителей. Из боязни докучливых разговоров он выбрал уединенную беседку, откуда открывался обширный вид на окрестность, и принялся за чтение шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». До сих пор он не испытывал никогда того восторга, какой овладел им дня два тому назад, когда эта книга случайно попала ему в руки. Быть может, впечатление было тем сильнее, что он находил сходство между своим душевным состоянием и настроением Ромео: язык страсти и юношеской любви теперь волновал его более, чем когда-нибудь. В его собственных чувствах не было прежней неопределенности — это уже было не предвкушение любви, а настоящая любовь со всеми ее радостями и муками. Едва ли мог он встретить в Касселе существо, более опасное для его сердца, чем хорошенькая креолка, при ее детской доверчивости, наивной страстности и умении держать себя с чувством собственного достоинства. Резкое различие их общественного положения и таинственность свиданий имели для него особенную прелесть. Все нравилось ему в любимой девушке, он приходил в восторг, когда она теряла терпение за немецким уроком и сердилась на учителя. Она поддразнивала его, но в то же время в ее темных выразительных глазах было столько вызывающей ласки, что только присутствие графини заставляло его подавлять свои ощущения. Теперь, читая трагедию, он невольно вспомнил некоторые пережитые им сцены, ему казалось, что Ромео выражает его собственные чувства. Фантазия все более и более увлекала его, он закрыл книгу и вышел из сада, так как не в состоянии был выносить долее своего одиночества.

На одной из главных улиц мимо него проехал экипаж, в котором сидела Адель с братом и генералом Морио, они не заметили его, потому что смотрели в другую сторону. Но эта встреча не смутила его, потому что еще накануне он получил уведомление от графини Антонии, что немецкий урок назначен на сегодняшний вечер.

Он вернулся домой и нашел на своем письменном столе записку Луизы Рейхардт следующего содержания:

«Не торопитесь с отсылкой вашего второго донесения, пока не переговорите со мной, а также задержите у себя то донесение, которое возвратил вам Берканьи. Жду вас непременно сегодня вечером в семь часов. Вы пройдете прямо в мою комнату.

Луиза».

Герман, прочитав записку, не мог прийти в себя от удивления, что Луиза имеет такие точные сведения о его работе у Берканьи. Он чувствовал себя виноватым относительно семьи, которая выказала ему такое искреннее расположение и которая теперь имела полное основание упрекать его за скрытность. Во всяком случае ему следует объясниться со своими друзьями, чтобы оправдать себя в их глазах. Он особенно был озадачен тем обстоятельством, что Берканьи, который так настойчиво требовал соблюдения тайны, сам разглашает ее.

Двойное приглашение на один и тот же час также доставило ему немало беспокойства, тем более что он не мог отказаться ни от одного из них. После долгого колебания, он решил идти к Луизе немного раньше семи часов и упротить ее отложить объяснение до следующего утра, а затем поспешить к Адели.

Согласно своему решению, он отправился сперва к Луизе Рейхардт и прошел прямо в ее комнату, так как по тону записки было видно, что она настоятельно требовала этого.

Луиза была одна и с волнением ожидала его. Хотя она была возмущена до глубины души поведением Германа, но хотела по возможности щадить неопытного молодого человека, в полной уверенности, что он будет сильно смущен при встрече с ней. Но когда она увидела его веселое, самодовольное лицо, то чувство жалости к невольному преступнику сменилось гневом. Она так сухо поздоровалась с Германом, что он был совершенно озадачен такой переменной в ее обращении и спросил:

— Что с вами, Луиза? Вы пугаете меня своим серьезным видом.

— Я действительно в серьезном настроении, а так как вы, наоборот, чересчур веселы сегодня, то я могу смело сообщить вам, в чем дело!

— Я в полном недоумении! — воскликнул Герман и, забыв о своем намерении избегнуть объяснения на сегодняшний вечер, сел в кресло.

— Вы обманули мои ожидания, господин доктор, но об этом нечего распространяться; я хочу переговорить с вами

о донесении, которое вы представили Берканьи. Надеюсь, вы теперь поняли меня!

— Да, Луиза, — ответил он с добродушной улыбкой, которая ясно показывала противное. — Но для меня загадка, каким образом вы...

— Как я знаю об этом! — прервала она его с нетерпением. — Во всяком случае не вы сообщили мне это, иначе... но тут является другой и более важный вопрос: вам, кажется, и в голову не пришло, что подобные сомнительные сообщения могут повести к пагубным последствиям.

— Говорите яснее, Луиза! Я не понимаю вас.

— Извольте! Не думаю, чтобы это было приятно для вас, господин доктор. Да будет вам известно, что у генерал-директора полиции вы внесены в список шпионов первого разряда, то есть наиболее интеллигентных. Вы уже получили аванс в 300 франков из кассы тайной полиции!

Герман, вне себя от ужаса, вскочил с места.

— Кто говорит это! — произнес он взволнованно. — Кто осмеливается называть меня...

— Тише, ради Бога! Не кричите так!.. Никто не должен слышать нашего разговора. Вы только думаете о своей особе, а не о том, что можете повредить другим. Вы получили обратно ваше донесение с требованием дополнить его; кроме того, вам придется ответить на вопросы Берканьи относительно разных лиц и в особенности моего зятя Стефенса, через которого вы познакомились с нами. Затем все это вместе с вашим вторым донесением будет отправлено Наполеону, и весьма возможно, что вместо ордена Почетного легиона, на который вы намекаете, некоторые из этих почтенных людей будут осуждены на смертную казнь, как это случилось полтора года тому назад с книготорговцем Пальмом.

— О Боже! — воскликнул с отчаянием Герман, опускаясь в изнеможении на стул.

Луиза была тронута его горем, она взяла его за руку и с участием стала уговаривать, чтобы он успокоился.

— Я знаю, — сказала она, — что вы сделали это не с дурным намерением, Герман, к тому же опасность миновала...

Он сидел неподвижно, опустив голову на грудь, и не понял ее последних слов.

— Но как могли вы, Луиза, — сказал он, — быть настолько беспощадны со мной, одно ваше предположение приводит меня в ужас! Вы были всегда так добры ко мне...

— Я точно также отношусь к вам и теперь, Герман, но поймите, что вы глубоко огорчили меня своим необдуман-

ным поступком. Но, успокойтесь, еще не все потеряно, хотя из этого не следует, что я стала бы пугать вас воображаемой опасностью. Берканьи действительно хотел воспользоваться вашим донесением для известных целей.

— Поверьте, — сказал он, — что это невозможно! Разумеется, вы сами не могли иметь никаких сношений с Берканьи; и потому скажите мне, от кого слышали вы все это, чтобы мне было ясно, как могло произойти подобное недоразумение...

— Теперь, — прервала его Луиза, — я могу сказать вам одно, что ваше донесение по счастливой случайности попало в руки доброжелательных и вполне честных людей. Кроме полиции, только они двое и я третья знают об этой истории. В наших глазах вы оправданы!

— Я оправдан! — возразил с горячностью Герман. — Значит, эти доброжелательные люди и вы, Луиза, считали меня способным принять на себя должность полицейского шпиона.

— Умоляю вас, говорите тише, отец может услышать наш разговор! Если я сказала, что вы оправданы в наших глазах, то на том основании, что мы глубоко убеждены в том, что вы не поняли скрытых намерений Берканьи и он обманул вас!

— Еще этого не доставало! — возразил с раздражением Герман. — Нечего сказать, прекрасные доброжелатели, которые считают меня, если не совсем негодяем, то дураком! Но тут есть еще другая сторона вопроса: никто из вас не имеет понятия о благородном образе мыслей Берканьи, а потому вы дурно истолковываете его намерения. Если он хотел соблюсти тайну, то из участия ко мне — в настоящее время, какие бы то ни было сношения с французской полицией кажутся у нас подозрительными.

— Нет, Герман, вы находитесь в полнейшем заблуждении! Нам известно в точности, для какой цели заказана вам эта работа; вы скоро убедитесь сами, что Берканьи сознательно обманул вас и с самыми дурными намерениями!

Уверенный тон Луизы подействовал на ее собеседника.

— Клянусь небом, — воскликнул он в порыве негодования, — что я отмщу этому подлецу, хотя бы моя жизнь зависела от этого...

— Остановитесь! — прервала его с живостью Луиза. — Не произносите никаких клятв и не делайте никаких безумных предположений! Не хотите ли вы призвать к суду начальника полиции или вызвать его на дуэль? Вы забываете, что он имеет власть арестовать вас во всякое время,

обвинив вас в сношениях с Пруссией; вы же сами дали ему такие опрометчивые указания, что ему нетрудно будет воспользоваться ими. Успокойтесь и будьте рассудительны! Как вы думаете: не лежит ли на вас прямая обязанность спасти тех, которым грозит серьезная опасность из-за вашей опрометчивости.

— Но что могу я сделать? — спросил Герман, беспокойно расхаживая взад и вперед по комнате.

— Прежде всего, не приходите в отчаяние и не падайте духом; мы не теряем надежды выпутать вас из этой неприятной истории. Простите, я была беспощадна относительно вас, но не могла поступить иначе! Вы помните, я предостерегала вас, просила быть осторожным с Берканьи, а вы решились на такой важный шаг, не сообщив об этом ни мне, ни моему отцу. Такое недоверие оскорбительно для ваших друзей!

— Могу ли я не доверять вам, моя дорогая Луиза! — проговорил он, глубоко тронутый, взяв ее за обе руки. — Тут не может быть и речи о недоверии, я благоговею, преклоняюсь перед вами, но у вас свое горе, и я не хотел занимать вас своими личными делами. Кроме того, я дал слово Берканьи!..

Луиза невольно улыбнулась.

— Какой вы мечтатель! — сказала она. — Вам необходимо познакомиться с действительной жизнью, чтобы не играть глупой роли среди плутов. Вместо того чтобы сердиться на Берканьи, поймите, в каком ложном положении находится этот человек среди нас. Французы не могут доверять нации, которая терпит от них всякие преследования, покрыта позором и доведена ими до последнего разорения. Они опасаются мести, и не без основания! Естественно, что при этих условиях они стараются прямыми и косвенными путями выведать о том, что может рано или поздно повести к их гибели, если ими не будут приняты своевременно известные меры. Но перейдем к делу: необходимо тотчас же уничтожить ваше первое донесение, чтобы эта опасная бумага не попала опять в руки наших врагов.

— Это легко исполнить, потому что бумага возвращена мне! Но что должен я сделать с деньгами, полученными от Берканьи? Они мучат меня, как горький упрек, и я с величайшим удовольствием уничтожил бы их или бросил в лицо этому негодяю!

— Вы не должны делать этого, потому что погубите и себя, и других. Я передам вам совет опытного человека, и настоятельно требую от вас, чтобы вы в точности исполни-

ли его. Вы говорили, что уважаете меня, теперь докажите это делом и безусловно слушайте меня...

— Вы правы, — горько усмехнулся Герман, — возьмите под свою опеку человека, который мог так глупо попасть в подобную ловушку! Я стыжусь своей наивности.

— Напрасно! — сказала Луиза, ласково положив руку ему на плечо. — В доказательство моего полного доверия к вам, я открою вам одну тайну, но, предварительно, вы должны сказать мне, что хотели ответить на вопрос Берканьи относительно автора книги «Наполеон Бонапарт и французский народ»?

— Я хотел написать, что мне не известны ни сама книга, ни имя ее автора.

— Автор этой книги — мой отец! — сказала Луиза едва слышным шепотом.

Герман побледнел его била нервная дрожь.

— Только теперь, — сказал он, — мне стало вполне понятно, в какую пропасть я мог попасть по своей неосмотрительности. Вопрос был так ловко поставлен, что если бы мне был известен автор этой книги, то я гордился бы возможностью назвать его. Одна мысль, что я мог сделаться предателем вашего отца, приводит меня в ужас: мог ли я существовать после этого! Я должен на коленях благодарить вас, Луиза...

В это время с лестницы послышался голос Рейхардта, который звал дочь.

— Сию минуту, иду! — отозвалась Луиза, затем, обращаясь к Герману, торопливо добавила: — До свидания! Я не задерживаю вас, идите домой и уничтожьте ваше злополучное донесение, а потом возвращайтесь сюда, мы пойдем смотреть иллюминацию. Вы будете моим кавалером, и мы поговорим о вашем дальнейшем плане действий. Отец ждет меня. Прощайте!

С этими словами они расстались.

IV

За городом

Иллюминация погасла, затих уличный шум и город погрузился в полумрак весенней ночи. На следующий день, рано утром, Герман переезжал верхом мост через Фульду, миновав городские ворота, он направился по дороге в Мельзунген. Восходящее солнце ярко освещало верхушки де-

ревьев и зеленеющую долину, под его теплыми лучами редел серебристо-белый туман, окутывавший западные склоны гор. Деревья и изгороди были еще покрыты росой, воздух был настолько свеж, что Герман плотнее укутался в свой плащ. Восточный ветер доносил до него смолистый запах молодых листьев, роскошный вид весенней пробуждавшейся природы успокоительно действовал на его сердце, взволнованное тяжелыми впечатлениями вчерашнего вечера. Хорошее расположение духа опять вернулось к нему, он дружелюбно ответил на поклон проходивших мимо рабочих и запел первую пришедшую ему на память песню.

Дорога шла лесом, он незаметно доехал до Мельзунгена, где намеревался позавтракать и дать отдых лошади. Войдя в гостиницу, он застал хозяина в споре с несколькими французскими унтер-офицерами, которые еще накануне явились со своим отрядом и, пользуясь правами военного постоя, не считали нужным в чем-либо стеснять себя. Через час они должны были снова выступить в путь и теперь, сидя за завтраком, заявляли все новые требования, так что хозяин, потеряв терпение, вступил с ними в горячий спор, а один из унтер-офицеров обнажил саблю. Герман, войдя в комнату, бросился между ними и благодаря своей представительной наружности и прекрасному французскому выговору прекратил неприятную сцену. Среди оживленных переговоров и барабанного боя, вторично призывавшего отряд к выступлению, Герман прибегнул к хитрости, чтобы выводить непрошенных гостей:

— Хозяин, — сказал он, обращаясь к французам, — утверждает, что он доставил вам больше того, что предписано в постановлении. Я чужой человек и не знаю, господа, кто из вас прав и кто виноват, но вслед за мной едет из Касселя генерал Морио, я переговорю с ним, и он решит дело.

Все, видимо, перепугались и вскочили со своих мест, даже воинственный унтер-офицер поспешил вложить саблю в ножны.

— Пойдем, — сказал он, обращаясь к товарищам, — встретим нашего генерала — вероятно, этот господин знает Морио, так как встречался с ним на улице и изучил его мундир!..

Это дерзкое замечание встретило одобрение остальных французов, которые громко расхохотались, затем все они один за другим вышли из комнаты с вежливым поклоном.

Хозяин гостиницы, поблагодарив Германа за оказанное им участие, воспользовался удобным случаем, чтобы пожаловаться на тяжелые времена:

— Гнет становится настолько тяжелым, — сказал он, — что скоро нельзя будет существовать. Пока этот проклятый народ не выберется из Пруссии, не будет конца этим военным передвижениям. Они хозяйничают у нас, как у себя дома, портят чужое добро и все, что ни подашь на стол, недостаточно хорошо для них! А того и гляди наступит голод и падеж скота... Еще прибавьте ко всему этому старые и новые налоги, разные проклятые нововведения, не говоря уже о таких мудреных фамилиях и титулах, которых не выговоришь! Одному Богу известно, чем кончится все это!..

— Мне кажется, что вам лично нет особенной причины жаловаться на судьбу! — заметил Герман, садясь к столу, на которых ему подали завтрак. — Вы живете вблизи столицы, проезжих много, так что и денег, вероятно, зарабатываете достаточно.

— Пожалуй, что и так, — сказал хозяин, поправляя на голове свой вязанный белый колпак. — При всяком передвижении войск в наших руках перебивает немало золота, только от этих денег нет прока, потому что тут замешан черт. Говорят, он торгует душами, по крайней мере об этом долго распространялся один почтенный путешественник, который на днях останавливался здесь и сидел как раз на том месте, где вы сидите. Вот и теперь опять появилось откуда-то золото, и, поверьте, что тут дело не совсем чисто!

— Скорее можно думать, — заметил с улыбкой Герман, — что это деньги курфюрста, который во время бегства не успел захватить с собой всех своих сокровищ!

— Ни в каком случае! — возразил с горячностью хозяин гостиницы. — Какая была надобность для него тащить с собой все богатства, собранные им во время многолетнего правления. Разве у него мало верных подданных, которым он мог отдать их на хранение до своего возвращения...

Хозяин неожиданно замолчал, видимо, испуганный, что проболтался при незнакомом человеке, который так хорошо говорил по-французски.

— Впрочем, — добавил он сквозь зубы, не зная, как замять разговор, — теперь все взваливают на курфюрста... А, вот и ваша лошадь стоит у крыльца!

Герман расплатился с хозяином и отправился в путь. Предстоящее свидание с друзьями настолько занимало его, что он несколько раз прищипывал свою лошадь и, наконец, с радостью увидел перед собой небольшой городок Гомберг с его древней церковью и старинными постройками. Кругом, на далеком пространстве, были рассеяны небольшие домики с садами, деятельно работали водяные

мельницы у обоих берегов реки. Герман, миновав город, направился к группе домов так называемого Нейгофа и, не зная, в котором из них живут Гейстеры, обратился с расспросами к проходившей мимо крестьянке, но тут он услышал знакомый голос, который назвал его по имени. Это была Лина, она приветствовала его радостным возгласом и, протянув ему руку через низкую решетку палисадника, указала на дом, у которого он должен был остановиться. Затем она побежала садом, чтобы известить своего мужа о неожиданном прибытии дорогого гостя.

Когда Герман соскочил с лошади, то молодые супруги уже стояли на крыльце и встретили его с распростертыми объятиями.

— Как это мило с твоей стороны, — сказала Лина, — что ты вздумал провести с нами остаток мая! Видишь ли, я не забыла, что мы пили на «Bruderschaft», и говорю тебе «ты», как брату!

— Иначе и не может быть, если ты не хочешь платить штраф. Теперь весь вопрос в том, осталось ли у моих друзей от их медового месяца немного меда на мою долю? — спросил с улыбкой Герман.

— Разумеется! — воскликнула Лина. — Кроме того, я тебя угощу настоящим медом, потому что здесь у Людвига своя пасека. Теперь идите в дом завтракать; обед еще не так скоро будет готов — нужно сделать лишнее блюдо для неожиданного гостя.

— Какой у тебя здоровый вид, моя дорогая сестра! — заметил Герман. — Должно быть, деревенский воздух тебе в пользу! Я не могу сказать этого о Людвиге...

— Немудрено, — сказала она, — Людвиг почти не выходит из своего кабинета, не знаю, что они высиживают там.

Гейстер бросил недовольный взгляд на свою жену, который, видимо, смутил ее, она поспешно удалилась, из боязни услышать какое-нибудь резкое замечание.

Слуга взял лошадь Германа и повел ее в конюшню.

— Я удивляюсь, как мог ты доехать так быстро на этом Росинанте! — сказал Гейстер. — Должно быть, ты не жалел хлыста или, чего доброго, не гнались ли за вами волки?

— Нет, — отвечал Герман с принужденно улыбнулся. — Вчера вечером мне пришлось в голову навестить вас, я велел привести себе лошадь...

— И взял первую попавшуюся! — добавил Гейстер. — Ну, а теперь пойдем в комнаты, ты, вероятно, устал.

Молодые супруги занимали простой сельский домик, но настолько уютный и комфортабельный, что сюда можно

было с удовольствием возвращаться с прогулки в хорошую погоду и даже оставаться в нем целый день, когда лил дождь в горах и долинах. Комнаты были высокие и просторные. Нижний этаж был занят кабинетом, залой и столовой, наверху расположены были спальни, одну из них отделил Герману.

— Теперь расскажи мне об иллюминации, — сказала Лина, когда они сели к столу, на котором был подан завтрак. — Вчера вечером, я несколько раз выходила из дома в надежде увидеть на небе отблеск огней, но, конечно, этого не могло быть, потому что отсюда до Касселя восемь часов езды...

— Не стоит почти говорить об этой иллюминации! — отвечал Герман. — Много было потрачено на нее денег, но все вышло как-то натянуто и неостроумно, а лжи и притворства было вдоволь. Улицы были переполнены народом, раздавались громкие приветствия королю и королеве, во французских ресторанах и кафе посетители бражничали и шумели всю ночь до утра. К тому же, говоря откровенно, я был в таком расположении духа, что на все мало обращал внимания и не находил ни в чем удовольствия, так что я решил приехать к вам, чтобы немного развлечься...

При этом Герман невольно вспомнил все подробности своего вчерашнего разговора с Луизой, и лицо его приняло такое печальное выражение, что Лина с беспокойством спросила его:

— Что с тобой, Герман? Куда делась твоя веселость? Верно тебя постигла какая-нибудь беда, и ты скрываешь ее от нас!..

— Мы ничем не заслужили такого недоверия, — заметил Гейстер, — и я надеюсь, что он, зная, насколько мы расположены к нему, расскажет, в чем дело.

— Разумеется, хотя это такая неприятная история, что мне не следовало бы сообщать ее вам и омрачать лучшие дни вашей жизни подобными впечатлениями. Но я буду эгоистом, потому что ваши дружеские утешения и советы имеют теперь для меня особенную цену. К несчастью, судьба свела меня с этим негодяем Берканьи, который не только обманул меня, но навязал мне унижительную и глупую роль. Вы должны знать все до малейших подробностей, как бы ни страдало от этого мое самолюбие. Слушайте...

Затем Герман с возрастающим негодованием рассказал всю историю своих отношений с генерал-директором французской полиции, голос его несколько раз прерывался от волнения.

— И от этого ты приходишь в такой ужас? — спросил Гейстер, когда Герман кончил свой рассказ. — Неужели ты так мало знаешь людей? — Действительно, Берканьи тонкий плут, но разве он виноват в том, что ты не заметил этого? Может ли он поступать иначе, ввиду той ответственности, которая лежит на нем как относительно вестфальского короля, так и Наполеона, который также заявляет свои требования. Французы должны быть осторожны из-за последних событий в Испании... Радуйся, что тебя предостерегли вовремя, а то могло быть еще хуже. Теперь все дело в том, что намерен ты предпринять, ведь ты еще не освободился от сетей, которыми опутали тебя.

— Я для того отчасти и приехал сюда, чтобы узнать ваше мнение, потому что считаю невыполнимыми те советы, которые даны мне, или, вернее сказать, я не желал бы выполнить их... Первое мое донесение сгорело в печке твоей матери, Лина.

— Прекрасно! — заметила она с улыбкой. — Значит, все кончено, и ты можешь успокоиться...

— Но мне советуют, — продолжал Герман, — написать второе донесение в таком духе, чтобы оно совсем не годилось для целей Берканьи и не имело для него никакого значения.

— Тебе дают умный совет, и ты можешь, не задумываясь, следовать ему, — сказал Гейстер. — Этим невинным, но плутовским способом, ты избавишься от козней такого плута, как Берканьи...

— Значит, ты также хочешь, чтобы я унизил себя! — возразил Герман.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать этим?

— Вы хотите, чтобы я сам добровольно выставил себя глупым, неспособным человеком.

— Да ведь это единственный выход для тебя! Разве ты желаешь, чтобы пользовались твоими услугами? — заметил со смехом Гейстер.

— Мне теперь не до шуток, — сказал Герман. — Я думаю, что было бы гораздо удобнее прямо объявить Берканьи, что я понял его коварный замысел и не желаю браться за такое подлое дело, а затем бросить к его ногам тридцать сребреников...

— Это был бы геройский поступок, годный для чувствительного романа, — вздохнул Гейстер, — но неприменимый к действительной жизни! Я понимаю твое раздражение, но не считал тебя способным на такое безумие. Другое дело, если бы ты сразу отказался от работы,

но ты охотно взял ее на себя и исполнил по мере сил. Тебя ловко провели, и ты можешь в свою очередь выказать такие же дипломатические способности.

— Успокойся, мой милый Герман, — сказала Лина, — стоит ли волноваться из-за пустяков. Не все ли равно, какого мнения будет о тебе Берканы!..

Все это Герману говорила еще накануне Луиза, когда они ходили по городу во время иллюминации, она опровергла все его доводы, но он стоял на своем, и их объяснение не привело ни к каким результатам. Когда он вернулся домой, и госпожа Виттих заговорила с ним о своей дочери, по поводу полученного ею письма, у него появилось болезненное желание видеть своих друзей, чему немало способствовала надежда, что они сочувственно отнесутся к его плану действий.

Теперь ему приходилось убеждаться в противном; чувствуя себя отчасти побежденным, он находился в нерешительности: послушаться ли совета своих друзей или остаться при своем мнении?

Гейстер, заметив колебания Германа, стал уговаривать его пробыть с ними несколько дней, чтобы успокоиться, и доказывал ему, что поспешностью в данном случае он может испортить всю свою будущность. Лина присоединила свои просьбы с такой настойчивостью, что он наконец согласился. Лошадь отослали обратно в город со слугой, который должен был завернуть на квартиру Германа и привезти для него белье и другие необходимые вещи.

— А теперь, — сказал Гейстер, — бросим пока все дела и поговорим о том, как нам провести остаток дня. Я предлагаю после обеда отправиться на развалины Гомберга, а на обратном пути мы завернем в женский монастырь.

— Чем он замечателен?

— Это так называемый Валленштейнский монастырь, он основан лет 60 тому назад последней представительницей этой фамилии по женской линии, баронессой Герц. В настоящее время монастырь находится под попечительством госпожи фон Гильза, гессенской уроженки, которая теперь в отсутствии. Хотя ее помощница носит название настоятельницы, и заведение это подчинено известному уставу, но оно имеет мало общего с монастырем. Поступившие в него девицы дворянских фамилий могут жить и в другом месте, пользоваться всеми светскими удовольствиями и даже выйти замуж. Настоятельница замечательно умная женщина; я познакомлю тебя с нею: ее зовут Марианной, она любимая сестра известного прус-

ского министра Карла фон Штейна... Однако до обеда еще довольно времени, пойдем, я тебе покажу наш сад и пчельник.

V

Неожиданные известия

После обеда молодые супруги повели своего гостя к развалинам Гомберга, Лина старалась обратить его внимание на красоту окружавшего их ландшафта, между тем как Людвиг припоминал исторические события, связанные с той или другой местностью.

В это время на крыльцо Валленштейнского монастыря вошел военный и велел слуге доложить настоятельнице, что он желает видеть ее. Это был высокий человек в зеленом мундире с желтыми отворотами егерского карабинерского полка, его наружность носила аристократический отпечаток, черные волосы оттеняли бледное лицо с орлиным носом и выразительными черными глазами. Войдя в залу, он начал рассматривать картины, висевшие по стенам; но ему недолго пришлось ожидать приема, потому что слуга вернулся с ответом, что настоятельница просит его в свой кабинет.

Здесь его встретила дама лет пятидесяти, небольшого роста, худощавая, сутуловатая и с заметной проседью в волосах.

— Очень рада вас видеть, полковник Дернберг, — сказала она с живостью, протягивая ему руку, которую он почтительно поцеловал. Говорите скорее: с дурными или хорошими вестями явились вы сюда?

— Пока только с надеждой на лучшую будущность!

— Да благословит вас Господь! — проговорила она, садясь на диван и приглашая его сесть на стоявшее рядом кресло.

— Прежде всего, скажите, что вы слышали о моем брате?

— Я хотел было заехать к нему из Брауншвейга, где Жером проездом произвел меня в полковники своего егерского карабинерского полка... — ответил Дернберг с легкой усмешкой, указывая на свой новый мундир с аксельбантами.

Она насмешливо поздравила его с такой неожиданной милостью вестфальского короля.

— Конечно, мне необходимо было взять отпуск, чтобы отправиться в Берлин, — продолжал он, — но, заметив,

что король и придворные недоверчиво относятся ко всяким сношениям с Пруссией, я решил отказаться от этого намерения, потому что мне нельзя навлекать на себя подозрение. Кроме того, мне сообщили, что прусский король вызвал министра фон Штейна в Кенигсберг.

— В Кенигсберг? Разве король не думает вернуться в Берлин?

— Нет, пока город не будет очищен от неприятеля.

— Теперь я редко получаю известия от брата. Разумеется, у него много дел, а также, быть может, он боится, чтобы письма не попали в руки вестфальской полиции... Вы говорите, что король вызвал моего брата?

— Да, потому что готовятся важные события... В Пруссии и Германии чужеземный гнет невыносимее, чем где-либо. Помимо всеобщего разорения и дурной администрации, нас постигли другие беды, как, например, полный упадок земледелия и торговли; курс наш понизился до последней степени и прочее. В Берлине уже было народное возмущение, которое встревожило даже такого хладнокровного человека, как Дару. Кто может поручиться, что это не повторится в других городах Германии! Ввиду этого, король обратился к помощи министра Штейна, который доказал свое мужество и находчивость в это бедственное время...

— Вы не договариваете, Дернаберг, — сказала настоятельница, — я уверена, что ваше дело приближается к развязке, и вы не без цели явились сюда.

— Я приехал, чтобы сообщить здешним патриотам о нашем положении и плане действий, надеюсь, что и вы не откажете нам в своей помощи.

— Разумеется, — ответила она, — вы не можете сомневаться в моем сочувствии и желании сделать все от меня зависящее. Но вы не сказали мне, известно ли все моему брату и принимает ли он участие в вашем деле?

— Министр Штейн должен держаться в стороне от таких дел как по своим отношениям к королю, так и в виду других обстоятельств, — ответил уклончиво Дернаберг. — Но я не сообщил вам самого главного. Некоторые из прусских офицеров составили между собой тайный союз и поклялись отомстить Наполеону за постыдный для них 1806 год. Шарнгорст и Гнейзенау, оставаясь в тени, руководят нами и стараются повлиять на короля и его приближенных. Но только весьма немногие посвящены во все подробности дела, потому что из-за общего раздражения нужно быть настороже и стараться по возможности избежать безумных предприятий, не приносящих никаких результатов, кроме

гибели нескольких смельчаков... Затем существует тайный комитет под председательством графа Шассо, с которым мы имеем сношения через агентов из низших классов общества, переписка ведется по особой условленной азбуке.

— Я была убеждена, что у вас большие связи и что дело ведется разумно, но я желала бы знать: какая ваша главная цель и имеете ли вы достаточно средств, чтобы привести в исполнение задуманный вами план?

— Для нас особенно важно в данный момент, — сказал Дернберг, понизив голос, — что готовится общее народное восстание против французов, по крайней мере в Северной Германии. Пример Испании поучителен для нас...

— Испанцы благородная нация! — воскликнула Марианна Штейн. — К несчастью, при раздроблении Германии в нашем народе не может быть такого единодушия, да и кровь не та...

— Разумеется, — ответил Дернберг, — кроме того, немало и других неблагоприятных условий, которые мешают нашему делу, но мы не в состоянии устранить их, потому что они лежат в характере немецкого народа, как, например, наше фантазерство и беспочвенный идеализм, который, между прочим, побуждает нас считать себя всесветными гражданами и т. п. Но в действительности большинство не чувствует никакой любви даже к собственной родине и неспособно отрешиться от своих узких, личных интересов. Нам могут помочь внешние обстоятельства: во французской армии начались раздоры, образуются тайные общества, ходят слухи о заговоре против Наполеона, в котором принимают участие агенты его полиции. Быть может, соединенные силы Испании и Германии избавят человечество от чудовища, которое до сих пор все считают непобедимым.

— Я не имею никакого основания сомневаться в верности сообщаемых вами известий, но, простите за невольный вопрос: откуда можете вы иметь такие сведения о настроении французской армии?

— Мои слова относились к той части французской армии, которая находится в Испании, а сведения о ней мы имеем из Англии через Гельголанд, — объяснил Дернберг. — С закрытием европейских портов для английских кораблей этот остров сделался средоточием всемирной торговли. Здесь купцы завели свои конторы, и происходят тайные конгрессы дипломатов и генералов, которые...

— Простите, если я прерву вас, — сказала настоятельница, — но я желала бы знать: какую роль принял на себя

граф Мюнстер в этом деле? Не думаю, чтобы он остался безучастным зрителем...

— Он пересылает нам из Лондона известия об Испании, которые иначе доходили бы до нас в искаженном виде. Кроме того, он употребляет все силы, чтобы склонить британского министра оказать нам денежную помощь и произвести вооруженную диверсию на Эльбе и Везере, между тем как мы, со своей стороны, будем наготове в Пруссии, Гессене и Брауншвейге. Удар должен быть нанесен в благоприятную минуту, когда подан будет сигнал... Разумеется, я говорю о нашем плане в общих чертах, а равно о способах и средствах исполнения... Я должен сговориться с нашими здешними сообщниками, так как особенно рассчитывают на восстание в Гессене: это французско-немецкое королевство, искусственно построенное по фантазии завоевателя, не может быть особо прочным. Падение трона Иеронима послужит сигналом к общему освобождению...

Лицо Марианны фон Штейн сделалось задумчивым. Вдали предприятие казалось ей заманчивым и она отнеслась к нему с живым сочувствием, но теперь, когда оно так близко коснулось ее и ей предстояло принять непосредственное участие в борьбе, все получило в ее глазах более мрачную окраску. Дернберг молча наблюдал за ней.

Наконец, она подняла голову и, пожимая ему руку, сказала:

— Если Гессен не минует своей судьбы, то я все-таки благославляю небо, что вы являетесь посредником в этом деле, Дернберг, потому что знаю ваше мужество, благоразумие и искреннюю любовь к родине! Но пусть это останется пока между нами: я должна сперва переговорить с попечительницей нашего заведения. Ваше имя известно здешней молодежи и когда она узнает о цели вашего прибытия, то может слишком шумно выразить свой восторг, а мы окружены шпионами! Вы долго намерены пребыть здесь?

— Только завтрашний день, потому что кончается срок моего отпуска.

— Вы, конечно, остановитесь у здешнего лесничего, это тем удобнее, что с ним и господином Мартином вы можете переговорить обо всем. Завтра приходите ко мне обедать, и мы отправимся вместе к Бутлару...

В комнату вошел слуга и доложил о прибытии господина Гейстера с женой и доктором Тейтлебенем.

— Проси в гостиную, я сейчас выйду, — сказала хозяйка.

— Гейстер! Кто это? — спросил недоверчиво Дернберг.

— Он обыкновенно живет в Касселе, где занимает должность начальника отделения в министерстве внутренних дел. Это умный, образованный человек и приятель Шмерфельда, вы можете смело ему довериться...

Монастырь помещался в старом небольшом здании, в это время никто почти не жил в нем, кроме попечительницы, настоятельницы и двух молодых девушек из местного дворянства. Тем не менее никогда не было недостатка в приезжих из города и окрестностей, так и теперь в гостиной было много посетителей и шел оживленный разговор, но все смолкло при неожиданном появлении Дернберга. Настоятельница поспешила представить своего гостя и стала расспрашивать его о недавнем путешествии короля. Дернберг рассказал несколько забавных случаев, бывших в Брауншвейге во время приема его величества, приправляя их юмористическими замечаниями. Затем Герман по просьбе настоятельницы должен был сообщить некоторые подробности об иллюминации в Касселе, на которой не был никто из присутствующих. Лина, чтобы заставить его разговариваться, обращалась к нему то с тем, то с другим вопросом, и он невольно удивлялся той непринужденности, с какой она держала себя в этом аристократическом обществе, которое относилось к ней с особенным расположением. Она подошла к фортепьяно и предложила Герману пропеть с ней дуэт Гайдна «*Holde Gattin*», так как ей, видимо, хотелось похвастать его голосом перед своими знакомыми. Дамы уже не раз слышали пение Лины, но голос Германа поразил их и привел в восторг, даже слуга, разносивший кофе, остановился с подносом посередине комнаты.

— Что, Иоганн, — спросила настоятельница с улыбкой, — тебе, верно, понравилось пение?

Но он даже не слышал этого вопроса.

В это время в дальнем углу залы между Людвигом Гейстером и Дернбергом завязался вполголоса оживленный разговор, но никто не обращал на них внимания. Герман остался с дамами. Одна из них под впечатлением слышанного дуэта обратилась к нему с вопросом, где теперь находится Гайдн?

— В Вене, — ответил Герман, — в последние годы Гайдн совсем впал в детство. Капельмейстер Рейхардт недавно был у него с двумя дамами — он живет в отдаленном предместье города, в небольшом одноэтажном доме с садом. Целые дни сидит в маленькой комнате у стола, покрытого зеленым сукном, молчаливый и неподвижный, как воско-

вая фигура, в платье из зеленого сукна с белыми пуговицами и в тщательно завитом и напудренном парике. Одна из дам подошла к Гайдну и, чтобы вывести его из апатичного состояния, громко назвала фамилию посетителя.

— Рейхардт, — повторил он, подняв голову, — очень рад познакомиться с ним! — затем протянул обе руки капельмейстеру, обнял его и, пристально всматриваясь в его лицо, сказал: — Однако, как вы моложавы и бодры до сих пор, а я стал дряхлым стариком и могу винить только самого себя... я слишком напрягал свои силы... — Слезы прервали его речь. Присутствующие старались успокоить его, но Гайдн грустно покачал головой и сделал знак рукой, чтобы его оставили одного. Этим кончилось свидание Рейхардта с великим композитором.

Безыскусный рассказ Германа произвел грустное впечатление на его слушательниц, все смолкли. Гейстер воспользовался этой минутой и сказал жене, чтобы она шла домой с Германом, так как он обещал полковнику Дернбергу проводить его к лесничему. Лина тотчас же встала, за ней поднялись и другие гости; хозяйка любезно простилась со всеми и пригласила к обеду на следующий день.

VI

Герман в роли утешителя

Вечернее небо было покрыто легкими облаками, которые принимали все более и более розоватый оттенок от ярких лучей заходящего солнца, воздух был теплый и влажный, издали слышался звонкий голос молодой девушки, нагружавшей тачку скошенной травой.

Лина шла некоторое время молча около своего спутника по гладкой тропинке, ведущей с горы. Она сердилась на Людвига. Теперь у нее не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он принимает участие в каком-то таинственном предприятии против вестфальского правительства. В этом, собственно, она не находила ничего предосудительного, потому что слишком верила в безупречную честность Людвига, но ее глубоко оскорбляла его скрытность. Он ежедневно посещал разных лиц, особенно часто бывал у лесничего и мирового судьи Мартина и проводил с ними целые вечера, но никогда не сообщал ей, о чем они беседовали между собой. Пока она была невестой, ей приходилось редко разговаривать с ним о чем-либо серьезном, он был занят

делами и хлопотами об устройстве их будущего хозяйства или же старался покорить ее сердце ухаживанием, доставлял ей разные удовольствия в виде прогулок, катания, зрелищ и прочего. После свадьбы она поехала с ним в деревню и надеялась, что будет наслаждаться вместе с ним счастливой, безмятежной жизнью среди цветущей весенней природы. Но мечты ее не осуществились, он часто оставлял ее одну и всецело предавался своей таинственной деятельности, которая, очевидно, более поглощала его, нежели любовь.

Сердце молодой женщины болезненно сжималось от этих печальных размышлений. Но боязнь, что Герман может угадать причину ее задумчивости, заставила ее овладеть собой. После свадьбы она не приглашала его приехать к ним в деревню, так как хотела провести это время наедине с Людвигом. Между тем Герман явился по собственной инициативе и неизбежно, думала она, возьмет на себя роль утешителя, благодаря Людвигу, который будет оставлять их вдвоем на целые часы, да и теперь совсем некстати поручил он приятелю проводить ее домой. К счастью, Герман не придает этому никакого значения или по крайней мере делает вид, что ничего не замечает, и она невольно обратила на него избыток нежности, который был, по-видимому, лишним для ее мужа.

— Как ты был мил сегодня, Герман, — сказала она с ласковой улыбкой, вызванной ее нервным возбуждением. — Мне было приятно видеть, с каким вниманием все слушали твой рассказ и восхищались твоим пением. Я первый раз испытывала удовольствие иметь брата, хотя мне все-таки кажется, что если бы я была твоей родной сестрой, то мое чувство к тебе было бы иное...

— А какое, позвольте вас спросить? — сказал Герман, тщеславие которого было польщено. При этом он взял ее под руку.

— Во-первых, я не решилась выказать моей дружбы к тебе в присутствии дам и называть тебя «ты»...

— Иначе и не могло быть, я сам невольно обращался с тобой, как посторонний человек.

— Кроме того, по той же причине я не передам лестных отзывов некоторых дам о тебе.

— Почему? — Этого я совсем не понимаю!

— Я тоже, — сказала она, краснея. — Жаль, что между ними нет ни одной, за которой ты бы мог ухаживать, по крайней мере в то время пока гостишь у нас.

— А фрейлейн Баумбах? Она недурна собой, ее также зовут Каролиной, как и тебя.

— Значит, она понравилась тебе! Но, к сожалению, она меньше всех хвалила тебя.

— Это хороший знак! — возразил Герман со смехом. — Если она не высказала того, что думает, как другие, то это имеет еще большее значение. Все барышни поступают так в известных случаях.

— Нельзя сказать, чтобы господин доктор был скромного мнения о своей особе, — заметила Лина. — Хорошо еще, что ты прямо высказываешь своей сестре то, что думаешь, ничто не может быть хуже скрытности между людьми, которые любят друг друга...

Тут молодая женщина невольно вспомнила о Людвиге и, упрекая себя за неосторожность, неожиданно замолчала.

В это время они уже подошли к дому. Весенний вечер был так хорош, что в ожидании ужина они отправились в сад.

— Знаешь ли, что меня особенно поразило в этих дамах? — сказал Герман. — У них, по словам Людвига, монастырский устав, между тем они носят модные платья с вырезанными лифами.

— Какая противная мода! — сказала Лина. — Это так называемое «*decolleté*» может нравиться одним французам...

— Почему? — спросил Герман. — Многие восстают у нас против этой моды, вследствие своих бюргерских предубеждений. Приличие вещь условная! В Турции женщины закрывают себе лицо и, быть может, в высшем турецком обществе также неприлично распространяться о лице, как у нас о бюсте. Невольно вспомнишь итальянские гипсовые фигуры, но это не более как слабое подражание природе, потому что женский бюст...

— Молчи и не говори глупостей! — сказала молодая женщина, и наклонилась к клумбе, чтобы сорвать цветок.

— Позволь мне сделать только одно замечание с художественной точки зрения. Скульпторы утверждают, что у весьма немногих женщин формы тела достигают соразмерности и совершенства классических статуй...

— Еще раз прошу тебя, Герман, прекрати этот разговор, — сказала Лина серьезным тоном, затем добавила с улыбкой: — Ты чувствуешь запах блинов, пойдем ужинать, примени свои знания к кулинарному искусству, и я буду внимательно слушать тебя!

— А я все-таки того мнения, что ты, Лина, сложена, как классическая статуя, и никто не может запретить мне думать это.

Она сделала вид, что не расслышала его слов.

За ужином разговор не клеился. Молодая женщина, видимо, поджидала своего мужа, с приближением ночи грусть опять овладела ею, так что Герман делал напрасные усилия, чтобы развлечь ее — его предложение пропеть дуэт было отвергнуто под предлогом усталости. Наконец он поднялся и, пожелав ей покойной ночи, ушел в свою комнату.

Он был слишком взволнован, чтобы лечь спать, и сел у открытого окна, так как ему хотелось насладиться тишиною теплой майской ночи. В кустарнике слышались трели соловья среди неумолкаемого однообразного шума отдаленных мельниц, все сильнее становился аромат цветов, наполнявших клумбы в саду. Герман чувствовал неопределенное томление вместе с неясными мечтами, в которых он не мог дать себе отчета, но в это время у крыльца послышались мужские шаги и привлекли его внимание. Это был Людвиг, который вошел в дом. Мысли Германа невольно обратились к молодой чете. Людвиг в деревне имел еще более серьезный и озабоченный вид, чем в городе, среди дел и приготовлений к свадьбе. Что могло так занимать его? Между тем Лина была свежее и красивее, чем когда-либо, или, быть может, она осталась у него в памяти такой, какой он видел ее в момент прощания с матерью, когда она казалась особенно бледной и печальной. Несомненно, в ней произошла какая-то перемена; каждая девушка меняется после свадьбы, рассуждал про себя молодой философ, но в чем заключалась эта перемена, он не мог решить. В ней была та же непринужденная веселость, что и прежде, хотя она по временам стала задумчивее. «Счастлива ли она?» — задал себе Герман невольный вопрос, но так как он был слишком молод и занят собой, чтобы задумываться над чужой судьбой, то эта мысль недолго занимала его.

VII

Новое знакомство

На следующее утро Людвиг нашел нужным объяснить жене причину своего позднего прихода домой и поэтому сообщил ей в общих чертах, о чем говорилось на совещании, на котором он присутствовал накануне. Лина внимательно выслушала его, но не стала расспрашивать о подробностях и ни слова не сказала о том, что показалось ей несообразным в его рассказе, как, например, то, что человек в положении Дернаберга мог принимать участие в

предприятии, которое имело вид заговора против короля. Она была довольна оказанным ей доверием и с живым интересом отнеслась к делу, которое имело такое важное значение для Людвига. Невольное раздражение, которое она чувствовала против него в последнее время, исчезло бесследно, и в этом отношении ей не приходилось делать над собой насилия, потому что никакие практические соображения не руководили ею.

Когда они услышали шаги Германа, то Гейстер сказал жене, чтобы она до времени ничего не сообщала их общему другу, потому что нужно выждать, пока он не выпутается из когтей французской полиции.

— Разумеется! — отвечала она. — Хотя история с Берканьи служит лучшим доказательством его честности... Знаешь ли, Людвиг, мне кажется, что не следует вовсе говорить с ним об этом деле, ни теперь, ни после. Прости, если я осмеливаюсь давать тебе советы, но послушайся меня и не посвящай его в ваши тайны.

В это время Герман вошел в комнату и, не обращая внимания на поданный завтрак, указал им на человека, стоявшего на дороге, который расспрашивал о чем-то крестьянина и по временам поглядывал на дом. Это был бодрый широкоплечий старик лет семидесяти, с загорелым лицом, по осанке и покрою одежды его можно было признать за бывшего солдата или охотника.

Лина и Герман подошли к окну, Гейстер остался за столом и казался смущенным.

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, — сказал он, — это подполковник Эммерих, наш соотечественник, родом из Ганау, который прославился во многих партизанских войнах своей безумной храбростью. Во время Семилетней войны он обратил на себя внимание Фридриха Великого, который, по заключении мира, дал ему выгодное место в Пруссии, но Эммериху не сиделось на месте, он отправился в Новый Свет, дрался за освобождение Америки и, предводительствуя шайкой таких же храбрецов, как он сам, наводил ужас на неприятеля. После того он вернулся на родину и вел ту же романтическую жизнь, исполненную всяких приключений. Однако ни в Старом, ни в Новом Свете Эммерих не сумел обеспечить себя с материальной стороны; теперь он живет в Кельне в крайне стесненных обстоятельствах и несмотря на свои преклонные годы все также полон сил и по-прежнему готов принять деятельное участие в каждом смелом предприятии. Я познакомился с ним вчера у лесничего, где

мы засиделись долее обыкновенного, захваченные рассказами этого замечательного человека.

Лина слушала своего мужа с возрастающим волнением, ее тревожила мысль, что Эммерих посвящен в тайну Людвига и его друзей. Этот авантюрист, проводивший всю жизнь в рискованных предприятиях, мог, по ее мнению, погубить всякое дело своей безумной смелостью и увлечь за собой самых рассудительных. Она решила при первом удобном случае предостеречь своего мужа или по крайней мере расспросить его о некоторых подробностях для собственного спокойствия.

После завтрака Лине подали письмо от матери, которая извещала, что доктора Тейтлебена требуют в полицию по очень важному делу.

«Дай Бог, — добавляла она, — чтобы не вышло какой-нибудь неприятной истории, потому что полицейский, который явился ко мне по этому поводу, имел какой-то важный, таинственный вид. Я обрадовалась, когда он ушел, потому что от него вся комната пропахла *o der Bourge*»...

— Что это такое? — спросил с недоумением Герман.

Лина расхохоталась.

— Я понимаю в чем дело, — сказала она, — моя добрая мама слышала, что существуют духи *Eau de bouquet* и переделала это название в «*O der Bourge*»... Но что может значить это требование в полицию?

Герман был встревожен и хотел на следующий день вернуться в Кассель, но друзья стали настойчиво уговаривать его пробыть с ними еще несколько дней, чтобы окончательно успокоиться, так как, по мнению Людвига, он мог при малейшей неосторожности нажить себе опасного врага в лице Берканы.

Они вышли в сад, где их разговор продолжался на ту же тему. В это время по дороге проехал верхом Дернберг, возвращаясь с утренней прогулки, и поклонился им издали.

Герман стал расхваливать наружность Дернберга и спросил:

— Откуда он?

— Он из Гессена, — ответил Людвиг, — и принадлежит к зажиточной дворянской фамилии. Сначала Дернберг служил в прусской армии, в 1806 году попал в плен, затем был освобожден и принял участие в восстании в пользу курфюрста, которое вскоре было подавлено. Затем он отправился в Англию и сблизился с такими влиятельными государственными людьми, как лорд Кестльри и Каткорт, граф Мюнстер, русский посланник Алопеус и другие. Между тем прусская

армия настолько уменьшилась, что Дернбергу не оставалось другого выхода, как явиться к Иерониму, который в это время приглашал к себе на службу всех дворян своего королевства. Он так понравился королю, что тот назначил его батальонным командиром, а теперь произвел в полковники егерского карабинерского полка.

— Судя по твоему рассказу, Людвиг, — сказала Лина, — Дернберг имеет большие связи и может рассчитывать на блестящую будущность, так что Эммериху едва ли удастся завлечь его в какое-нибудь отчаянное предприятие...

Гейстер понял намек, который заключался в этих словах, но ничего не ответил и поспешил переменить разговор. Лина ушла в свою комнату, чтобы одеться к предстоящему званому обеду и, немного погодя, вернулась в шелковом платье из клетчатой шотландской материи, сшитом по последней моде.

Гейстер был, видимо, доволен туалетом жены.

— Вот и ты наконец примирилась с этим фасоном платья! — воскликнул он.

— Ты сам заказал этот вырезанный лиф, против моего желания, — сказала молодая женщина, краснея. — Если хочешь, то я сейчас переодеюсь.

— Напротив, — возразил он с улыбкой, — я рад видеть тебя такой нарядной, и не раз настаивал на том, чтобы ты не отставала от моды, которой следуют даже пожилые женщины. Ты не можешь себе представить, как тебе идет этот вырезанный лиф!

— Пожалуйста, не говори таких вещей при Германе или при ком бы то ни было, — сказала она с досадой. — Я знаю, что ты любишь поддразнивать меня всякими пустяками!

— Что с тобой, Лина? — спросил с удивлением Гейстер. — Я никогда не видел тебя в таком дурном расположении духа. Ты точно помешалась, нарядившись в это платье!

Это замечание заставило ее улыбнуться.

— Ну, положим, ты сам не всегда бываешь особенно умен, — сказала она, обнимая его. — А теперь походи, одевайся скорее, чтобы нам идти, не торопясь. Я приготовила тебе наверху зеленый фрак с полосатым жилетом и новое жабо, недостает только к этому костюму хохла *a la Titus*, сдвинутого набок *«comme un coup de vent»*, как говорят парикмахеры. Поторопись и ты, Герман!

Когда мужчины кончили свой туалет, все трое двинулись в путь. Солнце скрылось за облаками, и было настолько прохладно, что они незаметно дошли до монастырского сада, расположенного террасами. Настоятельница встретила

их в нижнем саду и пригласила в беседку, откуда открывался вид на дорогу и окрестности.

Вскоре внимание их было привлечено оригинальной парой, которая, видимо, направлялась к монастырю. Широкоплечая полная дама, лет сорока, шла под руку с кавалером, который казался вдвое моложе ее и по своей худобе и бледному лицу представлял полный контраст с ней. Она была в белом полосатом платье, затканном красными и серебристыми сердцами и сшитом по последней моде, белая соломенная шляпа, по обилию украшавших ее розанов, напоминала корзину с цветами. Нежные взгляды, которые она по временам обращала на своего спутника, были особенно комичны при ее нескладной фигуре.

— Они идут сюда, — сказала Марианна Штейн. — Это Филиппина фон Каленберг и Отто из Мальсбурга, поэт, не лишенный таланта, он служит теперь в Мюнхене при вестфальском посольстве. Вы познакомитесь с ними, это милые люди, хотя их дружба поражает всех — смотрите, с каким увлечением они разговаривают друг с другом. Дружба их началась с нежной переписки, хотя до этого они не были знакомы между собой, наконец с взаимного согласия назначили они себе rendez-vous в Касселе и теперь делают визиты разным лицам в окрестностях города. Нужно заметить, что Филиппина также пишет стихи...

В это время влюбленные подошли к беседке; молодой дипломат казался слегка смущенным, в его манерах проглядывала сдержанность светского человека, между тем как его экзальтированная подруга поздоровалась со всеми с каким-то особенным жаром и порывистыми движениями, которые далеко не отличались грацией.

К обеду прибыло еще несколько гостей, в том числе полковник Дернберг. Когда все сели за стол, сначала шел довольно оживленный разговор о разных предметах, но вскоре оригинальная пара овладела общим вниманием. Не стесняясь присутствия посторонних людей, они припоминали некоторые случаи своего заочного знакомства и говорили друг другу любезности. Поэт в высокопарных выражениях благодарил свою подругу, что она познакомила его с Кальдероном, «королем испанской сцены», и навела на мысль заняться переводом гениальных произведений испанского поэта: «Это нелегкая задача, — добавил он, — но я надеюсь, что вы, Филиппина, поможете мне справиться с рифмами и размером стихов, так как в этом отношении я не могу сравниться с вами».

Филиппина довольно улыбнулась и, обращаясь к настоятельнице, спросила: имеет ли она понятие о Кальдероне? И, получив отрицательный ответ, продолжала:

— Это новинка у нас! Ничто не может сравниться с его божественными драмами! Я дам вам прочитать перевод Шлегеля... Испания грезится мне во сне и наяву!

— Также как и мне, хотя в другом отношении, — сказал Дернберг.

— Неужели! — воскликнула Филиппина и, занятая своей мыслью, не обратила внимания на смысл его слов. — Действительно, испанцы замечательно богаты драматическими произведениями. Что касается мелких произведений Кальдерона, то не все они равного достоинства, но несомненно, что одно лучшее из них «Жизнь не более как сон», и перевод такой вещи может осчастливить Германию.

— Не думаю, чтобы перевод подобного стихотворения был кстати в настоящее время, — заметил с раздражением Дернберг. — У нас в Германии издавна существует оригинальная вещь в том же роде «Грезы наяву»; но пора покончить с ними, для нас наступила суровая действительность, и едва ли поэтам удастся уверить нас, что она «не более как сон»! В Испании теперь поставлена на сцене пьеса «Жизнь — борьба», и, сознаюсь, что при моем грубом вкусе я готов скорее сочувствовать этому, нежели мириться с тем, что жизнь — сон. Что скажете вы на это, господин Гейстер?

— Я того мнения, полковник, что мы слишком долго спали, и чем скорее наступит пробуждение, тем лучше!

Эти слова, видимо, смутили всех, наступила минута общего молчания. Никто не решался возобновить прерванный разговор, и так как обед подходил к концу, то настоятельница предложила своим гостям пить кофе на открытом воздухе. Она поднялась и, взяв под руку Дернберга, вышла в сад, все последовали их примеру.

— Как вы резко возражали Филиппине Каленберг! — сказала Марианна Штейн. — Я не узнала вас сегодня, полковник, вы всегда отличались утонченной вежливостью в обращении с дамами...

— Если вы желаете, то я готов извиниться перед ней, — ответил Дернберг, — но я потерял всякое терпение. Объясните мне, что могло связать этих двух людей, так мало подходящих друг другу? Эта старая мечтательница своими сладкими речами деморализирует молодого человека, вместо того чтобы возбудить в нем мужество.

— Вы слишком нетерпимы, господин Дернаберг, — заметила хозяйка с упрёком.

— Простите, моя дорогая приятельница, — сказал он, целуя ее руку, — но мне казалось, что ввиду печального положения Германии не время заниматься нам такими пустяками, как переводы Кальдерона...

VIII

Маргаритка

Общество опять собралось в беседке, где подан был десерт и кофе, но все чувствовали себя неловко. Дернаберг, ссылаясь на свой скорый отъезд, отправился к лесничему, пригласив с собой Гейстера, на прощание он сказал какую-то любезность Филиппине Каленберг, чем привел ее в наилучшее расположение духа. Чтобы заставить своего друга принять участие в разговоре, она спросила его, давно ли он лишился своей любимой тетки, которая впервые пробудила в нем поэтический талант.

— Это была замечательная женщина! — сказал Отто. — Она окружила мое детство нежными заботами и своим чутким, любящим сердцем предугадала во мне проблески поэтического дарования. Ей обязан я своим первым вдохновением, она благословила меня на этот тернистый путь. Если вы позволите, то я прочту вам небольшое стихотворение, посвященное ее памяти...

С этими словами он достал из вышитой записной книжки листок бумаги и начал читать. Все общество слушало с большим вниманием молодого поэта, но, когда он дошел до последних строф, в которых, намекая на смутное предчувствие близкой смерти, выражал надежду разделить вечное блаженство с несчастной страдальцей, сентиментальная Филиппина разразилась громкими рыданиями.

Марианна Штейн была окончательно смущена этой сценой и старалась навести разговор на более общую тему, но это не удалось ей, потому что влюбленная пара продолжала занимать собой общество. Наконец Лина, потеряв терпение, поднялась со своего места и стала прощаться, Герман последовал ее примеру. Беседуя о впечатлениях дня, они незаметно подошли к дому, и так как в комнатах было довольно прохладно, то Лина плотнее укуталась в платок, который был накинут на ее плечи.

— Неужели, Герман, ты в самом деле хочешь завтра вернуться в Кассель? — спросила она, садясь к столу и указывая ему на стоявший рядом табурет.

Он ответил утвердительно.

— Людвиг думает, что тебе следовало бы пожить еще несколько дней с нами, потому что теперь ты едва ли будешь в состоянии хладнокровно говорить с Берканьи. Но мать беспокоится, как видно из ее письма, и я не стану удерживать тебя. Ты, вероятно, уже принял какое-нибудь решение и, надеюсь, не станешь скрывать его от меня!

— О! разумеется, могу ли я скрыть что-либо от тебя, Лина! — воскликнул с горячностью Герман, так как предстоящая разлука с друзьями расположила его к откровенности. — Я последую совету Людвига и буду вести себя с голубиной кротостью относительно Берканьи, так что ему и в голову не придет, что я понял его коварство. Но во всяком случае я не могу оставить у себя деньги, представив негодную работу: это противно моей совести...

— Я вполне разделяю твое мнение, — сказала она, ласково взглянув на него, — мне кажется, что в этом отношении ты должен следовать голосу твоего сердца.

— Но я еще не придумал, под каким предлогом возвращу я эти деньги Берканьи, не возбудив его подозрения, также трудно будет объяснить ему, почему я не хочу больше принимать от него денег и продолжать работу, хотя не теряю надежды выпутаться как-нибудь из этого затруднительного положения...

— Пойми, Герман, что, если я оправдываю твое решение возратить полученные деньги, то из этого не следует, что совет Людвига был дурен: у него замечательно верный взгляд, он настолько честен и умен, что ты всегда можешь слушаться его. Я знаю, что нелегко следовать голосу рассудка, когда это противно нашим чувствам! В такие минуты человек чувствует все свое ничтожество, он как бы утрачивает сознание собственного я.

— Как ты мила, Лина, когда философствуешь с таким серьезным видом! — воскликнул Герман, с увлечением прерывая ее. — И какая ты красавица! Знаешь ли, я желал бы со временем иметь жену, которая хотя бы наполовину была похожа на тебя!

— Как вы любезны, мой дорогой брат, — сказала она, снимая перчатки. — Теперь вы мне говорите комплимен-

ты, а они, вероятно, были предназначены фрейлейн Баумбах, которая почему-то не была в монастыре!

— Перестань, Лина, оставь твои шутки, ты знаешь, я говорю то, что думаю; сегодня, мне придется проститься с вами, потому что я уеду завтра рано утром, когда вы еще будете спать. Пользуюсь случаем, чтобы высказать тебе, насколько я счастлив, что сошелся с вами, заслужил ваше доверие, и вы принимаете такое живое участие в моей судьбе. Без вас я чувствовал бы себя одиноким в Касселе, а теперь у меня есть родные, к которым я могу явиться в хорошие и тяжелые минуты моей жизни. Тысячу раз спасибо за вашу дружбу, моя добрая Лина, передай все это Людвигу, ты лучше меня сумеешь выразить то, что я чувствую. Пожалуйста, возвращайтесь скорее в город, я буду с нетерпением ожидать вас...

С этими словами он нежно поцеловал руку молодой женщины, она инстинктивно отшатнулась от него, и в это время платок соскользнул с ее плеч.

Герман поднял его с полу и, подавая, сказал взволнованным голосом:

— У меня есть еще одна просьба к тебе, Лина!

— В чем дело?

— Не надевай больше этого платья или по крайней мере носи его, как можно реже.

— Ты находишь, что оно мне не к лицу? — спросила она с удивлением.

— Нет, напротив! — возразил он в смущении. — Я сам не знаю, зачем я прошу тебя об этом...

— Едва ли такое объяснение может показаться достаточным, — заметила она с кокетливой улыбкой.

— Ну, не делай этого ради твоего мужа, — сказал он вполголоса. — Сегодня за обедом Дернберг так дерзко смотрел на тебя!

— Ради Людвига? Да ведь он сам желал, чтобы я надела это платье, и уже не раз упрекал меня, что я отступаю от моды. — При этих словах она покраснела, так как в глубине души сознавала, что надела модное платье, чтобы понравиться Герману.

— Если это желание Людвига, то и говорить нечего, — сказал он, выходя в сад.

Молодая женщина в раздумье остановилась у открытого окна, но через минуту выбежала в сад и крикнула:

— Герман!

Он молча подошел к ней.

— Даю тебе слово, — сказала она, — никогда больше не надевать этого платья!

— Благодарю! — ответил он, подавая ей сорванную маргаритку, которую держал в руках.

Она, краснея, взяла цветок и пошла в свою комнату, чтобы переодеться.

IX

Перед полицией

Герман выехал перед рассветом из Нейгофа и прибыл довольно рано в Кассель, так что мог отдохнуть и собраться с мыслями до своего визита к генерал-директору полиции. Хотя до полицейского бюро было всего несколько минут ходьбы, но он решил отправить сначала деньги через посыльного, чтобы избежать лишних объяснений.

Генерал-директор занимал верхний этаж дома, где помещалось полицейское бюро и куда он являлся только в определенные часы, чтобы заняться текущими делами. В этот день он вернулся из дворца позже обыкновенного; выражение лица его доказывало, что аудиенция у короля прошла не совсем благополучно. В полной парадной форме, сосредоточенный и мрачный сидел он перед своим письменным столом и подписывал ворохи лежащих перед ним бумаг. Он старался скрыть от подчиненных причину своего недовольства и в то же время искал предлог, чтобы излить на них дурное расположение духа. Саванье молча стоял около него и с беспокойством следил за движением его руки. Много раз секретарь выкрадывал тайные документы полиции и передавал их французскому посланнику или же обманом подсовывал для подписи генерал-директору такие бумаги, которые соответствовали личным выгодам его или его друзей. Так и теперь в числе приготовленных бумаг находился подложный приказ об аресте ни в чем не повинного человека и самовольное предписание о выдаче денег другому лицу. Между тем Берканьи, против своего обыкновения, тщательно прочитывал каждую бумагу, прежде чем подписать ее; секретарь сообщал ему разные новости, в надежде отвлечь его внимание, но все было напрасно. Наконец, он вспомнил о печати, только что полученной им от резчика, и положил ее на стол. Берканьи взял ее в руки, внимательно оглядел со всех сторон и стал торопливо подписывать бумаги, так как хотел сравнить печати. При полицейском бюро находилась так называемая «черная камера», где вскрывались письма, присылаемые генерал-почт-директором Потау, и,

по прочтении, запечатывались подложными печатями в тех случаях, когда дальнейшая корреспонденция почему-либо имела интерес для полиции. Новая печать, представленная секретарем, была с гербом графа Гарденберга, который в последнее время часто писал в Берлин и Кенигсберг и, между прочим, своей дочери, состоявшей фрейлиной при дворе прусской королевы Луизы.

Когда печати были сверены, Саванье сообщил своему начальнику, что несколько человек немцев и французов желают получить низшие места при полиции. Саванье, со своей стороны, предложил в кандидаты двух французов: Дюкро и Фурмона, которых знал лично; но генерал-директор сухо заметил ему, что он предпочитает поместить немцев.

— Но рекомендованные мною французы достаточно хорошо владеют немецким языком, — возразил секретарь.

— Может быть, они и знают немецкий язык, но французы плохие шпионы. Немцы гораздо усерднее их относительно доносов, у них на это особенное чутье и они вообще добросовестнее исполняют свои обязанности. Впрочем, мне нечего объяснять вам это, Саванье — немцы ваши соотечественники и вы достаточно знакомы с ними!

Генерал-директор говорил на основании опыта: полицейские агенты в Вестфальском королевстве были преимущественно немцы и успели настолько выказать свое усердие, что слово «touchard» обратилось в бранную кличку даже среди полицейских. Кроме того, Беркани был не в духе и, чтобы сказать что-нибудь неприятное своему секретарю, попрекнул его немецким происхождением, которое тот тщательно скрывал и, выдавая себя за француза, переделал свою эльзасскую фамилию Вагнер в Саванье.

Секретарь, видимо задетый, ответил с некоторым раздражением:

— Вы правы, ваше превосходительство, немцы слишком усердны, вследствие врожденного чувства справедливости и сознания долга, но они далеко не так ловки и плутоваты, как французы, и не отличаются таким нахальством.

— Вы прекрасно характеризуете своих соотечественников, Саванье, хотя забыли еще одно качество, а именно, что они не так брезгливы и берутся за такие дела, от которых француз отвернулся бы с отвращением. Но во всяком случае можно будет до известной степени воспользоваться услугами Дюкро и Фурмона, которые уже являлись ко мне... Я считаю наиболее удобным нарядить их в лакейские ливреи и пристроить в немецкие семейства, о которых мы должны иметь сведения. Француз может лучше немца занять такую

должность, у него вернее взгляд и более тонкий слух. Вот, например, у обер-гофмейстерины есть кто-либо из наших?

— Да, ваше превосходительство, наш тайный агент Вюрц ухаживает там за размалеванной горничной графини Антонии и получает через нее все необходимые сведения.

— Что прикажете? — спросил Вюрц, который, услышав свое имя, явился из соседней комнаты.

— Мы еще поговорим с вами, дождитесь, пока до вас дойдет очередь, — сухо заметил генерал-директор и, обращаясь к Саванье, продолжал. — Я слышал, что полковник Сальм ищет камердинера француза, пошлите туда Фурмона, он ловкий и красивый малый; если дело состоится, то дайте ему надлежащую инструкцию. Ну, а из кандидатов немцев кого вы можете рекомендовать?

— Шедтлера и Генцерлинга, — ответил Саванье.

— Отлично! Назначьте на вакантные места этих двух милых немцев: Гедтлера и Шенцерлинга, — сказал генерал-директор, — не забудьте только объяснить им в точности, в чем будут заключаться их обязанности. Вы понимаете меня, Саванье?.. А теперь подойдите сюда, Вюрц! Знайте, что я крайне недоволен вами...

Вюрц, который в это время украдкой смотрелся в зеркало, заметно побледнел, несмотря на румяна покрывавшие его щеки. Это был высокий худощавый человек неприятной наружности, с острым носом и подбородком и тусклыми глазами, широкий рот казался еще некрасивее от черных, испорченных зубов. Каштановые волосы, украшавшие его небольшую голову, были тщательно причесаны и завиты мелкими локонами *a la Titus*. Когда он подошел к письменному столу, от него распространился сильный запах духов.

— Вы изволили сказать, ваше превосходительство, что недовольны мной, — сказал он заискивающим голосом. — Я в полном отчаянии! Вероятно, меня оклеветали, потому что своим усердием к службе я нажил себе врагов среди моих сослуживцев...

— Вы осмеливаетесь говорить о своем усердии! — прервал его Берканьи, который не считал более нужным сдерживать себя. — Убирайтесь к черту с таким усердием! Не рассказывайте мне сказок. От полицейского агента прежде всего требуют дел, а где они? Что вы сделали или открыли за это время? Чем доказали вы свое усердие! Вот, например, что вы узнали о бароне Рефельде?

— Я хожу за ним по пятам, ваше превосходительство. С некоторого времени он стал посещать капельмейстера Рейхардта, и я видел, как он раз, входя на лестницу, до-

стал из кармана письма и стал читать их, из чего можно заключить, что в них было что-нибудь особенно интересное. Я решил также действовать через мою жену, так как готов на все жертвы для достижения цели... Моя жена из Галле, она сразу узнала барона Рефельда, потому что видела его в этом городе и хорошо запомнила его лицо.

— Из Галле, где студенты пропели Наполеону «Regeat!»... — сказал задумчиво Берканьи. — Капельмейстер Рейхардт также из Галле! Очевидно, заговорщики начинают собираться... Но что же дальше, Вюрц? Пока я не узнал от вас ничего существенного... Пожалуйста, спрячьте свой носовой платок, от вас так разит духами, что вы заранее даете знать о своем приближении, а это совсем лишнее для полицейского агента.

Вюрц поспешно спрятал в карман свой носовой платок.

— Теперь, — продолжал он, — я пригласил себе в помощницы красивую мадемуазель Ленхен, по фамилии Виллиг, она постарается сойтись с бароном Рефельдом и влюбить его в себя, а тогда ей не будет стоить никакого труда выпытать у него все, что нам нужно.

— Мне лично он показался пустым человеком с некоторой претензией на франтовство, — заметил Саванье, — я внимательно следил за ним, прислушивался к разговорам и не нашел в нем ничего подозрительного. Впрочем, я не осмеливаюсь навязывать своего мнения...

— Нам необходимо получить самые точные сведения о бароне Рефельде, — продолжал Берканьи, — потому что король находит его подозрительным. Посоветуйте той особе, о которой вы говорили, Вюрц, чтобы она обратила особенное внимание на его переписку. Странно, что барон, как и некоторые другие не совсем надежные личности, не получает никаких писем по почте! Несомненно, что переписка ведется другим путем, потому что существуют тайные сношения с прусскими патриотами и курфюрстом, и даже получают здесь известия из Англии, хотя до сих пор наши агенты ничего не могли открыть. Действительно, у меня замечательно усердные и талантливые слуги! Остается одно — спровадить всех вас к черту! Сведения, доставленные мне вами, Вюрц, и вашей компанией, касаются преимущественно публичных и питейных домов, любовных интриг, уличных скандалов и прочего. На это обращено все ваше внимание, а заговоры и тайные сношения всего менее интересуют вас! Даже о Тугендбунде вы не можете узнать ничего определенного, и приходится обращаться за сведениями к нашему посланнику в Берлине, так что маршал

Даву в насмешку предложил мне прислать сюда своих сыщиков. Помните, что всем вам не одобровать, если в самом непродолжительном времени вы не представите мне таких донесений, которыми будет доволен император и наш милостивый король! Уже не говоря об остальном: появилась безнаказанно целая масса возмутительных сочинений на немецком языке, а вам до этого и дела нет... Кстати, вернулся ли в город этот молодой фантазер, доктор Детлев?

В это время доложили о приходе доктора Тейтлебена.

Берканьи велел принять его и, сделав знак своим подчиненным, чтобы они удалились, откинулся на спинку кресла в небрежной позе важного сановника.

Герман, войдя в кабинет генерал-директора, молча поклонился.

— Давно ли вы вернулись из вашего путешествия, господин доктор? — спросил Берканьи с иронической усмешкой. — Мне пришлось довольно долго поджидать вас!

Герман был несколько смущен этим холодным приемом, но овладел собой и, не дожидаясь приглашения, сел на стул, стоявший перед письменным столом.

— Прошу прощения, — сказал он, — но я не совсем понял, почему могли вы поджидать меня?

Берканьи невольно выпрямился.

— Почему? — повторил он. — Станный вопрос: разве вы забыли, что вам заказана работа?

— Насколько я могу припомнить, ваше превосходительство, мне не было сказано, что моя работа должна быть представлена к известному сроку.

— Черт возьми! — воскликнул с нетерпением генерал-директор. — Его величество уже третий раз спрашивал меня о ней.

— Король? — спросил Герман с удивлением. — Простите, но, если я не ошибаюсь, произошло какое-то недоразумение относительно моей особы, или, вернее сказать, моего донесения, которое касается такого отвлеченного вопроса, как объединение двух наций на почве науки и литературы. При моих слабых силах, едва ли я мог представить что-либо достойное внимания его величества.

Берканьи заметил сделанный им промах, и это не улучшило его расположения духа.

— Почему вы думаете, — сказал он, — что такой вопрос не может иметь интереса для короля? Мне кажется, что он настолько же важен для его величества, как и для всех нас.

— Вашему превосходительству это лучше известно, — заметил Герман. — Но, как ни лестно для меня внимание

короля, во всяком случае я не предполагал ничего подобного и имел в виду только те условия, какие были предложены мне. Из них самое главное, что мне дозволено было работать, не торопясь; мысли, как вам известно, всего лучше зарождаются у нас в спокойном состоянии, и только тогда может выйти из работы что-либо дельное и имеющее значение. К тому же, объединение двух наций в том смысле, как я его понимаю, дело далекого будущего, и этот вопрос едва ли требует немедленного решения.

Берканьи недоверчиво взглянул на своего собеседника.

— Вы так думаете! — сказал он с улыбкой. — Но мне кажется, что, если вы взяли на себя такую работу, то всякие размышления на данную тему совершенно лишние. Его величество не может знать мотивы, почему вы считаете свое донесение неспешным, и требует, чтобы оно было представлено ему теперь же, а короли не отличаются терпением!

— Я отношусь с должным уважением к приказаниям короля, но все это так ново для меня, что я не могу прийти в себя от удивления.

Уклончивые ответы Германа настолько раздражили вспыльчивого француза, что он вышел из себя и, желая поддержать свой авторитет, принял неуместный начальнический тон:

— Не знаю, что тут нового для вас, господин доктор! Кажется, вы могли бы догадаться по моим письменным вопросам и замечаниям, что дело довольно спешное; наконец, я объяснил бы вам все это устно, если бы вы, вопреки всем правилам службы, не отлучились самовольно в деревню без отпуска.

— Без отпуска! — воскликнул Герман, а затем прибавил более спокойным голосом. — Прошу извинения, но я не знал, что должен брать отпуск, чтобы посетить моих друзей, тем более что я не нахожусь на службе...

Берканьи рассмеялся.

— Как вы неопытны в делах! — сказал он. — От кого вы получаете жалованье, от того должны вы получить и отпуск. Быть может, это также новость для вас!

Герман не ожидал, что денежный вопрос, самый щекотливый для него, будет поднят таким не деликатным образом, и быстро вскочил с места. Генерал-директор в испуге бросился в сторону, так как ему показалось, что Герман хочет напасть на него, но тот направился к двери и через минуту вернулся с пакетом денег, который положил перед собой на письменный стол. Берканьи чувствовал себя неловко и, сделав усилие, чтобы казаться спокойным, спросил:

— Что это такое?!

Герман уже заранее придумал, под каким предлогом возвратить деньги, но теперь, когда он считал себя оскорбленным, объяснение не показалось ему затруднительным, тем не менее голос его дрожал от волнения.

— Я приехал в Кассель, ваше превосходительство, — сказал он, — чтобы приискать себе место, которое бы до известной степени обеспечивало меня. А эти 300 франков, выданные мне вперед, настолько тяготили меня, что я старался поскорее представить работу и сделал ее слишком небрежно, как вы сами изволили заметить. Поэтому позвольте мне возвратить вам эти деньги, я постараюсь сначала заработать их...

Берканьи был настолько удивлен, что в первую минуту не нашелся, что ответить, так как подобный случай противоречил всем его понятиям о людях. Он с недоумением посмотрел на деньги, затем на Германа и сказал дружелюбным тоном, в котором слышалась насмешка:

— Вы слишком бескорыстны, господин доктор, но вы должны акклиматизироваться здесь, если желаете иметь успех. В торговле и делах нужно быть более положительным, вы сами согласились тогда взять аванс и обещали представить работу. Но, я надеюсь, что мы сойдемся с вами; если вы не желаете работать на прежних условиях, то мы приищем для вас подходящее место. Быть может, вы уже принесли мне ответы на предложенные мной вопросы?

Герман говорил стоя, так как чувствовал, что долее не в состоянии выдержать своей роли.

— Прошу извинить меня, ваше превосходительство, но я должен совсем отказаться от работы или просить вас назначить для нее более продолжительный срок. Сознаюсь, что до сих пор я еще не освоился с задачей моего сообщения; и пока оно не будет представлено, не считаю себя вправе принять место, которое вы так милостиво предлагаете мне, потому что и тут могу обмануть ваше доверие.

— Вы как будто хотите отказаться от работы! — воскликнул Берканьи. — Что с вами! Это преувеличенная немецкая щепетильность... Садитесь и отвечайте хладнокровно на те вопросы, которые я предложу вам, я сам запишу ваши ответы. Allons! Где ваше первое сообщение?

— Я уничтожил его.

— Как! Что такое! Вы, вероятно, шутите?

— Нет, я говорю совершенно серьезно...

— Вы разорвали ваше первое сообщение? Как осмелились вы сделать это! — сказал Берканьи, повысив голос.

— Я решился на это в минуту недовольства собой, тем более что вы сами нашли мою работу неудовлетворительной и слишком поспешной. Эта оценка казалась мне вполне справедливой, и поэтому я бросил в огонь мой бесполезный труд.

Берканьи был вне себя от ярости. Он прошелся раза два по комнате, затем опять сел в кресло и, глядя пристально на Германа, сказал со злобной усмешкой:

— Вам, вероятно, и в голову не приходит, что вы сами выдали себя!

— Каким образом? — спросил Герман.

— Из вашего сообщения видно, что вы находитесь в дружеских отношениях с теми подозрительными лицами, которые названы вами. Не подлежит сомнению, что вы посвящены во все, а теперь ретируетесь от нас из боязни показаться изменником вашим сообщникам. Вот вы и попались!

Этот оборот дела, при всей своей неожиданности, не смутил Германа, потому что он ясно видел, сколько противоречий в этом обвинении, и решил воспользоваться оплошностью своего противника.

— Мне очень жаль, ваше превосходительство, что вам пришлось так скоро переменить мнение относительно моих способностей и убедиться, что я крайне простоватый человек. Иначе мог ли я добровольно взять на себя такое рискованное сообщение, а затем почему-то прийти к убеждению, что я изменник, когда измена уже была совершена мной. В этом нет ни малейшей логики, и едва ли человек, поступающий таким образом, годится для какого-нибудь дела. Меня особенно удивляет, ваше превосходительство, что вы ожидали от меня разоблачений, из которых можно почерпнуть сведения о тайных сношениях, возмутительных книгах и заговорщиках. Я и не думал писать об этом! Очевидно, что я совсем не понял, в чем должна заключаться моя работа, а отсюда прямой вывод, что мне следует отказаться от мысли продолжать ее. Вероятно, и вы сами разделяете это мнение?

Берканьи насмешливо улыбнулся вместо ответа.

Герман, считая дело законченным, встал с места и, взяв шляпу, удалился с вежливым поклоном.

Генерал-директор был настолько поражен постигшей его неудачей, что, когда вслед затем Саванье и Вюрц вошли в комнату, он воздержался от всяких вспышек гнева и, обращаясь к полицейскому агенту, сказал с некоторой таинственностью:

— Поручаю вам, Вюрц, следить за господином доктором. Хотя он сообщил мне довольно важные сведения, но я не совсем доверяю ему; узнайте, где он бывает и с кем знаком. Только помните, что вы должны быть с ним всегда безукоризненно вежливы. А теперь вы можете идти, Саванье ждет меня с работой.

Х

Предостережение

Герман вернулся домой взволнованный и довольный собой. Объяснение с генерал-директором полиции кончилось для него полным торжеством: хотя он не пренебрег советами друзей, но все-таки действовал по собственной инициативе. С особенным удовольствием вспоминал он тот момент, когда Берканьи, надеясь опять поймать его, дал ему благовидный предлог порвать с ним всякие сношения.

Но ему недолго пришлось предаваться своим размышлениям, потому что его позвали вниз. После отъезда Лины он обедал с ее матерью, за столом они разговорились о Гомберге, госпожа Виттих спросила его: встречал он где-либо в обществе мирового судью Мартина?

Герман ответил, что, к сожалению, ему не удалось лично познакомиться с ним.

— Этот Мартин, — сказала она, понизив голос, — приверженец старого курфюрста и занимал при нем место аудитора, когда курфюрст бежал из Касселя, он перевез вслед за ним полковую кассу в Гольштейн.

— Разумеется, курфюрст был очень доволен им!

— Да, но он пожалел, что никто не последовал примеру Мартина... Только, ради Бога, никому не говорите об этом!

Герман ответил с улыбкой, что она может положиться на его скромность.

— Я знаю, что вы честный человек, — продолжала словоохотливая старушка, — и поэтому смело говорю с вами. Конечно, вы сами догадываетесь, что у курфюрста здесь много приверженцев среди старых гессенцев и местных землевладельцев, которые поддерживают с ним сношения и желают, чтобы он опять вернулся сюда. Дело это хранится в величайшей тайне: мой зять Гейстер знает все до мельчайших подробностей, но никогда не сообщал мне о том, что делается у них. Я случайно узнала, что существует тайная комиссия, в которой участвуют Шмерфельд, Ка-

уц и Будерс, служащий в военном министерстве. Они ведут переписку с курфюрстом...

— Неужели эта переписка идет через почту?

— Разумеется, нет! Еще прежде чем король приехал сюда, почтамт отказался принимать письма на имя курфюрста. Его приверженцы также редко собираются на свои тайные совещания из боязни навлечь на себя внимание полицейских шпионов...

Между тем незатейливый обед подходил к концу. Герман, встав из-за стола, решил немедленно отправиться к Рейхардтам, чтобы сообщить Луизе о результате своего свидания с Берканьи, так как она должна была находиться в полном неведении. Во время иллюминации она настойчиво убеждала его на другой же день отправиться к генерал-директору полиции и объясниться с ним, из боязни, что лишнее раздумье возбудит в нем новые сомнения и усилит его робость. Но он, вместо того чтобы послушаться ее совета, отправился в деревню к Гейстерам, даже не известив ее об этом.

Он застал все семейство Рейхардтов за обеденным столом и с удивлением увидел барона Рефельда, который был, как всегда, в наилучшем расположении духа.

— А, вот и наш таинственный беглец! — воскликнул капельмейстер, лицо которого покраснелось от выпитого вина. — Когда я узнал, что вы знакомы с бароном, то я хотел свести вас с ним сегодня за обедом и послал пригласить вас, но оказалось, что вы бежали из города!

— Не бежал, а уехал верхом! — возразил с улыбкой Герман. — Я вернулся в Кассель сегодня утром и пришел извиниться, что не известил вас о моем отъезде, но это случилось неожиданно. После иллюминации мне не спалось, так как предстояло одно неприятное дело, и я решился уехать отсюда, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. Путешествие принесло мне большую пользу...

При этих словах он взглянул на Луизу, которая, видя его таким веселым, подумала, что, вероятно, его свидание с Берканьи кончилось благополучно. Затем все внимание Германа сосредоточилось на бароне, который был одет со вкусом и показался ему значительно помолодевшим. В манерах его также как будто произошла какая-то перемена.

Рейхардт, заметив удивление Германа, сказал со смехом:

— Вас поражает, как преобразился барон! Вы видите, он сбрил бороду, этот отличительный признак членов Тугендбунда, и таким образом отрекся от всякой добродетели. Теперь Иероним имеет в нем опасного соперника!

Барон Рефельд передал Герману в нескольких словах свое объяснение с королем и шефом жандармов во время приема, и добавил, что может теперь спокойно проживать в Касселе, так как его наружность не представляет ничего крамольного.

— Да, если бы вы барон были сдержаннее на язык, — заметила Луиза, — но, кажется, ничто не заставит вас быть осторожнее. Простите, если я осмеливаюсь говорить об этом.

Барон Рефельд дружески пожал ей руку вместо ответа.

— А теперь, — сказал Рейхардт, наливая Герману стакан старого рейнвейна, — мы можем продолжать наш разговор, прерванный его приходом. Хотя Герман не политик, а философ, но во всяком случае он честный малый, и нам нечего стесняться в его присутствии.

Вопрос был поднят об Испании и успехах инсургентов. Рейхардт с негодованием говорил о так называемом князе мира — Годое, недостойном любимце бывшего испанского короля Карла IV, который был главным виновником бедствий, постигших Испанию.

— В настоящее время, — продолжал он, — вся страна обратилась в Вандею, народная война — в крестовый поход против французов, а они воображают, что можно водворить спокойствие и погасить разгоревшиеся страсти каким-нибудь нелепым приказом. Дайте сюда газету!

Луиза подала отцу последний номер вестфальского «Moniteur», где был напечатан на двух языках, французском и немецком, циркуляр инквизиционного совета, в котором говорилось, между прочим, что «одно правительство может регулировать патриотизм народа и направлять его», и что «возмущения ведут только к гибели отечества, так как при этом ослабевает доверие к правительству и покорность власти, на которой зиждется благоденствие народов»...

Рейхардт, не дочитав до конца, бросил газету.

— Как вам это нравится? — воскликнул он. — Какова наивность! Можно ли проповедовать такие мысли, имея насильственное чужеземное иго? Это все равно, что говорить немцам, что их патриотическими стремлениями должны руководить люди, которые видят все спасение в тесном союзе с французами. Не угодно ли, например, обратиться за инструкциями к такому субъекту, как Шуленбург-Кенерт, который теперь заседает у нас в Касселе в государственном совете! Года полтора тому назад этот господин занимал в Пруссии пост первого министра и, когда французы после Иенской битвы двинулись к Берлину, он опубликовал свое известное воззвание к пруссакам, что «соблюдение спокойствия первая обязанность граждан»...

Рейхардт находился в таком возбужденном состоянии, что все более и более повышал голос, так что Луиза, чтобы переменить тему разговора, подняла вопрос о предстоящем рейхстаге, который тогда занимал все кассельское общество.

— Вероятно, двор не упустит такого удобного случая для устройства пышных празднеств, — заметил барон Рефельд, — говорят, что открытие рейхстага будет сопровождаться особенными церемониями. Король Иероним пользуется всяким случаем, чтобы появляться торжественно на публике, хотя для этого ему недостает надлежащей представительности, но он должен подражать своему брату императору и исполнять те предписания, которые присылаются из Парижа.

Говорят, что уже выбрано несколько известных людей и даже ученых, как, например, профессор Вахлер, Нимейер в Галле, Генке в Геймштедте. Мне любопытно будет послушать политических ораторов Германии.

— Не ожидайте ничего особенного, мой дорогой друг, — возразил Рейхардт. — Немцы плохие ораторы, они не умеют ни начать, ни остановиться во время.

— Вообще все это не более как комедия, — добавил барон, — потому что вестфальская конституция, которая должна служить образцом для государств Рейнского союза, сама по себе никуда не годится, в ней нет никаких задатков для самобытного народного представительства...

Разговор опять перешел на политическую тему, Луиза воспользовалась этим, чтобы отозвать Германа к окну и спросить его о результатах объяснения с Берканьи. Он поспешил удовлетворить ее любопытство, но не мог удержаться, чтобы не прихвастнуть, что в данном случае более руководствовался собственными соображениями, чем советами своих друзей.

Луиза улыбнулась. Ей не совсем понравилось его самодовольство.

— Вас выручила счастливая случайность, — заметила она, — если на этот раз вам удалось выпутаться из расставленных вам сетей, то не приписывайте этого своей ловкости. Не думайте также, что вы гарантированы в будущем от подобных истории, если вы не возьмете себя в руки и не будете следить за собой. Я уверена, что Берканьи не простит вам, что вы одурачили его, и отомстит вам при первом удобном случае...

В это время к ним подошла госпожа Рейхардт и спросила Германа:

— Правда ли, что королевский парк будет открыт по воскресеньям для публики?

— Да, — ответил Герман, — король уже велел объявить об этом, вероятно, с целью выказать свое благоволение кассельцам за иллюминацию. В три часа будут даже бить фонтаны.

Барон Рефельд обернулся при последних словах:

— Не хотите ли вы отправиться туда со мной, господин доктор? — спросил он. — Зайдите ко мне в следующее воскресенье, вам будет по дороге.

XI

Неожиданная встреча

В следующее воскресенье Герман тотчас после обеда отправился к барону, чтобы идти с ним в парк, но, к своему немалому удивлению, застал у него молодую женщину, которая, увидав его, быстро отвернулась, как будто из боязни, что он узнает ее. Присмотревшись ближе, он убедился, что это та самая Ленхен, которая вызвалась проводить его до гостиницы в день его прибытия в Кассель и с которой так бесцеремонно обошелся полицейский комиссар. Барон отрекомендовал ее под именем Елены Виллиг, но теперь Герман отнесся к ней далеко не так благосклонно, как первый раз, и ответил на ее поклон как незнакомый человек, чем она была, видимо, довольна.

Барон попросил своего гостя вооружиться терпением на несколько минут и продолжал беседовать с Еленой Виллиг, которая в качестве коммиссионерши обещала снабдить его бельем и некоторыми вещами для туалета. Он просил ее купить ему жабо из индийской кисеи с тонким, изящно вышитым рубчиком.

— Я куплю жабо у мадам Шопине, «*marchande lingère*», которая только что приехала из Парижа и открыла здесь магазин, — ответила красавица, и голос ее также приятно поразил Германа, как при их первой встрече.

— Затем, сокровище мое, — продолжал барон, — вы купите мне два шелковых клетчатых галстука...

— Их можно будет купить у мадам Нивьер в ее «*Magazin d'etoffes de soie*», она получает товар прямо из Парижа!

— Из Парижа! — повторил с улыбкой барон. — Все, разумеется, должно быть прямо из Парижа!.. Но мне, право, совестно, мой ангел, что я причиняю вам столько хлопот!

Герман был поражен поведением барона — он обращался довольно прилично с красивой комиссионершей, но ухаживал за ней, как влюбленный, по временам украдкой прикасался рукой к ее плечу или щеке, расточал ей самые нежные эпитеты.

Хотя она держала себя крайне сдержанно, но Герман сердился на барона за его доверие к такой подозрительной личности и решил предостеречь его из дружбы.

— А скоро ли доставите вы мне заказанные мною вещи, мадемуазель? — спросил барон, когда она встала и собралась уходить. — Я с нетерпением буду ожидать вас, моя дорогая Элиза, как это ни опасно моему сердцу!

— Меня зовут Еленой, — заметила она с усмешкой.

— Да, правда, — ответил он. — Но вас следовало бы называть Элизой, потому что это имя поэтичнее и более подходит вам. Как жаль, что вам приходится заниматься такой прозой, как белье! Еще одна просьба, дитя мое, не купите ли вы мне одну вещь, только не сердитесь на меня, я даже не знаю, как приличнее назвать это при даме?

С этими словами барон достал из шкафа полотняные кальсоны и подал их комиссионерше.

— Вы можете назвать их «модести», — ответила она со сдержанным смехом.

— Прекрасно — ну, так купите мне две пары «модести», только из тонкого полотна и непременно из Парижа.

— Я куплю их также у мадам Шопине, — пообещала Елена Виллиг.

— Вы находите, что я чужак, не правда ли? — спросил барон с подавленным вздохом. — Ах, черт возьми, если бы я был помоложе, а вы не так скромны, но я даже не смею думать об этом! Однако до свидания, я и так задержал вас слишком долго...

Едва она вышла в прихожую, как барон поспешил за ней.

— Могу ли я просить вас, мадемуазель, зайти на почту? — спросил он.

— О, разумеется, барон! — ответила она с живостью.

— В таком случае, возьмите это письмо, оно очень важное, только не сердитесь, а мы с приятелем идем в парк и нам не по дороге.

— С величайшим удовольствием исполню ваше поручение, — сказала она и, взяв письмо, торопливо удалилась.

— Ну, а что вы скажете на это, господин доктор? — спросил с громким хохотом барон, когда внизу послышался шум запираемой двери.

Герман, стоявший в это время у окна, обернулся и ответил довольно торжественно:

— Сознаюсь, барон, меня крайне удивляет, как вы при вашем уме и опытности могли доверить важное письмо такой особе! Я, как друг, считаю долгом предостеречь вас: знаете ли вы, кем я считаю ее?

— Вероятно, наши взгляды сходятся! — возразил барон. — Эта красавица весьма сомнительной нравственности и вдобавок подослана ко мне полицией.

— Полицией! — воскликнул Герман с таким удивленным видом, что барон снова расхохотался и сказал:

— В этом не может быть никакого сомнения. Еще вчера она так настойчиво предлагала мне свои услуги, что я сразу догадался, в чем дело, и просил ее зайти сегодня, чтобы сообразить все, как следует. Если бы я увернулся от этой ловушки, то они подставили бы мне новую, которую я мог бы не сразу заметить. Они не доверяют мне и не без основания, а я рад случаю обмануть их в свою очередь, и с этой целью написал письмо, которое передал при вас этой скромной девице. А заметили вы, с какой радостью она взялась исполнить поручение? Но письмо, конечно, попадет прямо в руки полицейских агентов, которые таким образом узнают нечто обо мне и моих отношениях, но именно то, что я считаю полезным довести до их сведения. Некоторые вещи будут для них загадкой, но я нарочно писал так, чтобы не показать виду, что я понял их игру... Но что с вами, господин доктор, у вас мрачный, озабоченный вид?

— Все, что я услышал от вас, приводит меня в ужас. Как существовать в этих условиях? Откуда набраться осторожности, когда на каждом шагу вам расставлены западни и вы всегда можете попасть, если не в одну, то в другую.

— Не представляйте себе все это в таких черных красках, господин доктор! Вам лично нечего опасаться: вы идете открытой дорогой, не задаетесь никакими особенными целями и добродушно относитесь к людям. Осторожность и недоверие необходимы для тех, которые сворачивают с прямого пути и идут окольными тропинками... Но довольно об этом; смотрите, все спешат на гулянье, пойдем и мы!

Они вышли из дома. Липовая аллея, ведущая от городских ворот к королевскому парку, была переполнена народом — каждый спешил воспользоваться милостью короля. Ночью была гроза и легкий ветерок, поднявшийся с утра, умерял дневной жар. Направо и налево виднелись горы с раскинутым на них парком, все отчетливее выступал среди

зелени деревьев загородный королевский дворец Шенфельд с окружавшими его зданиями.

Герман спросил спутника: давно ли он знаком с капельмейстером?

— Да, мы уже знакомы много лет, но он гораздо старше меня, теперь ему под шестьдесят, хотя до сих пор он способен увлекаться, как юноша. Он из Кенигсберга, и уже десятилетним мальчиком прославился как виртуоз на скрипке и на фортепьяно. Но ему не хотелось ограничиться музыкой, он отправился в университет, где слушал Канта. Затем он выступил как публицист, то занимался музыкой, то государственной службой и много путешествовал. Своей служебной карьере он особенно повредил изданием «Писем из Парижа», которыми навлек на себя подозрение в симпатии к революционным идеям. Его многочисленные музыкальные произведения, конечно, вам лучше известны, нежели мне.

— Они имеют бесспорное значение, — сказал Герман, — так как в них он стремится соединить красоту и богатство итальянской музыки с искренностью Глюка... Но каким образом Рейхардт попал в Кассель?

— Очень просто. Когда французы после Иенского поражения вступили в Галле, Рейхардт, не считая себя в безопасности, удалился в Данциг. А затем образовалось неожиданно это Вестфальское государство, и король Иероним вздумал приглашать к себе всех своих подданных, живущих в разных местах. Рейхардт тоже явился, и король поручил ему дирекцию французского и немецкого театров в Касселе с жалованьем в 9 тысяч франков...

В это время они вслед за толпой вступили в парк и, минуя гауптвахту, поднялись по крутой дороге к гостинице, построенной на склоне горы. Залы и комнаты нижнего этажа только что опустели, потому что все устремились к фонтанам. Барон предложил своему спутнику дойти до верхней площадки, откуда открывался прекрасный вид на город, обширную долину и цепи гор. Перед ними возвышался главный корпус дворца с боковыми флигелями, широкой красивой лестницей и колоннами у главного входа. Два конных кирасира, поставленные на часах, как будто окаменели на своих местах, и придавали дворцу вид заколдованного замка.

Герман остановился в немом удивлении.

— Вы видите, — сказал барон Рефельд, — природа и искусство дополняют здесь друг друга, строгий стиль этого дворца вполне гармонирует с окружающей его грандиозной природой. А теперь взгляните сюда!

Герман обернулся, и с этой стороны вид показался ему еще величественнее. На далеком пространстве тянулась бесконечная вереница лесистых гор, застилая одна другую, и тонула в туманной дали; на верхушке одной из них возвышалась ярко освещенная солнцем статуя Геркулеса таких громадных размеров, что соседние горы едва доходили до половины ее пьедестала.

Герман был в таком восторге, что барону Рефельду стоило немало труда заставить его сойти с места. Он повел его к фонтанам, где толпилась наибольшая масса публики, уверенный заранее, что и тут Герман будет в полном восхищении. Барон при всей своей скрытности и странностях характера принадлежал к числу тех людей, которые, доставляя наслаждение другим, способны находить в этом искреннее удовольствие. На лице его появилась добродушная улыбка, когда он услышал восторженные восклицания Германа: «Какое великолепие! Посмотрите, как хороши брызги этих высоких фонтанов среди зелени! Я не ожидал ничего подобного!...»

Барон Рефельд в угоду своему приятелю простоял довольно долго перед фонтанами, наконец им овладело нетерпение:

— Ну, кажется, довольно! — сказал он. — Теперь пойдем в гостиницу закусить, там мы увидим много любопытного!

Герман не решился ответить отказом и молча последовал за бароном в гостиницу, где за отдельными столами сидело самое пестрое и разнохарактерное общество. Здесь были чиновники из разных государств Германии, которые толковали о делах на своих местных наречиях. Там знакомились между собой писари, молодые приказчики, бухгалтеры торговых домов и всевозможные ремесленники; слышался одновременно французский и немецкий говор и немилосердно искажались оба языка. В дальнем углу залы виднелась группа людей с типичными физиономиями и в бедной, поношенной одежде, которая свидетельствовала, что они не принадлежат к избранникам судьбы: это были эльзасские евреи, большей частью адвокаты без дела, проворовавшиеся военные поставщики, обедневшие купцы, прибывшие в Кассель с целью наживы. Они говорили между собой шепотом с выразительными жестами, свойственными их нации; из отрывочных, долетавших время от времени восклицаний можно было понять, что они бранили министра финансов Бюлова.

В смежной комнате за столом, уставленным изысканными кушаньями и бутылками вина, сидели человек шесть франтовато одетых французов. Их громкий, веселый смех и хвастливая болтовня, видимо, раздражали чопорных кас-

сельцев, которые с неудовольствием посматривали на чужеземцев. Но и они до известной степени поддались соблазну господствовавшей роскоши, потому что в простое воскресенье на них было надето лучшее платье, которое в былые времена вынималось из сундуков только в большие церковные и семейные праздники. Среди этого разнообразного общества было много женщин; они явились сюда в сопровождении своих мужей или возлюбленных: это были большей частью модистки, бонны, приказчицы, горничные и прочее; некоторые из них расхаживали парами по комнатам или на площадке перед гостиницей, хихикали и кокетливо посматривали по сторонам. Тут были и легкомысленные, податливые существа, которые обменивались многозначительными взглядами с мужчинами, сидевшими за столами. Разговор шел самый разнообразный, одни толковали о делах и последних газетных новостях, другие о лошадях, модах, последнем спектакле и т. п.

— Кстати, не пойти ли нам в театр? — спросил барон. — Теперь, как раз время, мы успеем к началу представления.

Герман сразу согласился, и они отправились в город по прежней дороге.

Когда они отошли от толпы, барон Рефельд обратился к своему спутнику:

— Я желал бы знать, господин доктор, — сказал он, — какое впечатление произвело на вас все это общество? Для вас, как человека, только что вступающего в свет, можно найти тут много любопытного и поучительного. Да и вообще Кассель хорошая школа! Такую смесь людей, интересов и стремлений едва ли можно встретить в каком-либо другом месте. Это искусственное сплочение клочков разных немецких провинций для образования французского королевства представляет весьма интересный процесс для постороннего наблюдателя. Вы должны непременно познакомиться с разными кружками здешнего общества... Однако пойдемте скорее, иначе мы опоздаем в театр...

XII

В театре

Опасение барона Рефельда оказалось напрасным, потому что они успели вовремя, чтобы занять удобные места в партере, где, к удивлению Германа, почти не видно было молодых женщин.

— Что это значит? — спросил он. — Всякий раз, когда я бывал прежде в театре, было много хорошеньких женщин, а сегодня они куда-то исчезли, хотя известно, что король будет в театре!

— Вот именно поэтому вы и не видите их, — ответил вполголоса барон. — Я говорю о партере. Ложи будут переполнены дамами. Вы посещали театр в отсутствие короля, и тогда порядочные женщины смело являлись сюда со своими дочерьми.

— Разве король любит только такие пьесы, которые шокируют публику? — спросил с недоумением Герман.

— Совсем не то! — сказал шепотом барон. — Тут другая причина... Неужели вы ничего не слыхали об этом? Да будет вам известно, что король Иероним является в театр со своей супругой только в торжественных случаях, и тогда их величества сидят в средней ложе. Но большей частью Иероним бывает в театре запросто, тогда он занимает ложу у самой авансцены, там направо, с красными гардинами. Эти-то гардины и шокируют публику, потому что иногда в антрактах они неожиданно задергиваются, особенно во время опереток или балета...

— Ну так что же? — спросил с любопытством Герман.

— В этих случаях, — продолжал барон, — антракты длятся долее обыкновенного, и капельмейстер так громко стучит своей палочкой, как будто сердится на опущенные гардины. Вот та самая причина, которая волнует Рейхардта, удерживает порядочных женщин от посещения театра; вдобавок эти продолжительные антракты возбуждают любопытство молодых девушек и действуют на их фантазию... Злые языки рассказывают, что в это время король уходит из своей ложи через потайную дверь и отправляется за кулисы в уборную той певицы или танцовщицы, которая имела честь обратить на себя его внимание...

Между тем театр наполнился публикой, не оказалось ни одной пустой ложи. Немного погодя, послышался шум, все встали, чтобы ответить на поклон короля, который появился в боковой ложе. Началась увертюра.

Давали оперетку «*Quinault et Lully*», затем следовал балет «*Zeli, ou la journée heureuse*», в котором выступила мадемуазель Кустов.

— Жером видел ее в парижском театре и там познакомился с ней! — шепнул барон на ухо своему приятелю.

Король внимательно следил за каждым движением красивой танцовщицы, и едва опущен был занавес, как закры-

лись красные гардины боковой ложи. В театре послышался шепот Капельмейстер, изучивший привычки Иеронима, на этот раз приготовил заранее соответствующую музыку из «Дон-Жуана», потому что раздражительный старик, под известным впечатлением, мог быть также легкомыслен, как студент. В некоторых углах залы послышались аплодисменты, хотя довольно тихие, и в тот же момент появилось несколько полицейских, а какой-то господин в штатском платье подошел к барону Рефельду и, назвав себя полицейским комиссаром, пригласил его с вежливым поклоном следовать за собой. Он сообщил, что арестовали подозрительного человека, у которого нашли письмо на имя барона, и что поэтому его просят пожаловать в полицию для объяснений.

Барон Рефельд, видимо, смутился и встал с места, чтобы идти за комиссаром, который, не оборачиваясь, пошел вперед, но в это время прилично одетый молодой человек, проходя мимо, шепнул ему на ухо:

— Успокойтесь, господин барон, письмо незапечатанное и понятно только для того, кто имеет к нему ключ!

Затем он любезно поклонился Герману, который сразу вспомнил, что его зовут Вильке, и что это тот самый юноша, который так развязно беседовал с ним о политике в Шомбургском саду.

Герман хотел последовать за бароном, но Вильке остановил его:

— Не советую идти за приятелем, когда его тащат в полицию, — сказал он, — лучше зайдите ко мне, когда выберете удобную минуту...

С этими словами услужливый юноша поспешно удалился, а Герман вернулся на свое место в сильном беспокойстве. Он с нетерпением ожидал окончания спектакля, чтобы подойти к капельмейстеру и сообщить ему о случившемся. Рейхардт растерялся более, нежели можно было ожидать при его обычной смелости, он тотчас же собрался идти вместе с Германом на квартиру барона Рефельда. Они не заставили его и решили отправиться в полицейское бюро, чтобы узнать о его участии, но, выйдя на улицу, вскоре встретили барона, который молча взял их под руки и повел к себе.

Когда они вошли в кабинет и слуга зажег свечи, барон, поблагодарив обоих приятелей за участие, сказал им:

— На этот раз, по-видимому, все сошло благополучно! Проклятые шпионы действительно выследили нашего агента Эйзенгарта и арестовали его. Но, к счастью, догадливый малый явился сюда под именем Зибрата и сбрил себе ба-

кенбарды, так что приметы оказались неверными и его выпустили. Задержанное письмо написано моим управляющим, и они были так любезны, что вручили его мне. Но во всяком случае неизвестный молодой человек оказал мне большую услугу, предупредив меня, в чем дело. Любопытно было бы знать его фамилию!

— Его зовут Вильке, он служит у генерала Бонгара, — сказал Герман, — я случайно познакомился с ним в Шомбургском саду...

Для всех осталось загадкой, что могло побудить молодого чиновника из жандармского бюро оказать такую важную услугу барону Рефельду.

— Поговорим об этом в другой раз! Теперь нужно прочесть письмо, — сказал барон. С этими словами он открыл свой письменный стол и достал из потайного ящика картонную сетку с неправильными короткими и длинными вырезками, которую наложил на первую страницу письма. В отверстия сетки видны были отдельные слова, составлявшие целые фразы, барон торопливо записал их карандашом, то же сделал он и с остальными страницами. Лицо его казалось озабоченным.

— Вот времена! — сказал он, обращаясь к Герману. — Близкие приятели, чтобы переписываться друг с другом, должны прибегать к разным уловкам. Разумеется, передаваемые этим способом известия крайне лаконичны, иногда сообщается только через кого будут посланы бумаги. Однако довольно о делах, я сильно проголодался! Не хотите ли отправиться со мной ужинать в «Hôtel de France»? Там отлично кормят и подают настоящее французское вино.

Герман отказался от приглашения, так как чувствовал сильное утомление и решил отправиться домой. Здесь хозяйка встретила его с сияющим лицом и сообщила, что молодые вернулись из Нейгофа. Лина долго поджидала его, а Людвиг ушел раньше с каким-то пожилым господином.

ХІІІ

Подполковник Эммерих

Герману плохо спалось в эту ночь, он беспрестанно просыпался и встал с восходом солнца, так что еще не успел рассеяться утренний туман в долинах. К желанию видеть друзей у Германа примешивалось нетерпение сообщить им скорее о результате своего свидания с Берканьи, так что он

едва мог дожидаться часа, когда ему показалось возможным отправиться к ним без нарушения приличий.

Когда он вошел в прихожую, то услышал запах кофе, из чего заключил, что Гейстеры, вероятно, сидят за завтраком. В одной из ближайших комнат шел оживленный разговор; при этом его неприятно поразил незнакомый мужской голос, тем более что присутствие постороннего человека могло помешать ему говорить с друзьями о своем деле. Лина, услышав его шаги, выбежала к нему навстречу и повела в столовую, где он застал подполковника Эммериха и сразу узнал его, хотя видел его только издали в Нейгофе. Людвиг поспешил представить его, затем Германа усадили за завтрак.

— Как жаль, — сказала Лина, — что вчера тебя не было дома. Мы долго просидели у матери, поджидая твоего прихода, наш дорогой гость рассказывал много любопытно-го из своей походной жизни в Германии и Америке.

— А теперь пусть господин доктор сообщит нам, чем кончилось его свидание с Берканьи! — сказал неожиданно Эммерих, и этим привел в сильное смущение обоих супругов, особенно, когда Герман спросил его с некоторой досадой: откуда он мог получить такие сведения?

— Я рассказал подполковнику Эммериху всю эту историю, — пояснил Гейстер, — он принадлежит к числу наших друзей и интересуется положением края. Заговорили о генерал-директоре полиции, и я для характеристики этого господина указал на его поступок с тобой, мы все искренно желаем, чтобы ты благополучно выпутался из его когтей!

— Ваше желание исполнилось, вы можете поздравить меня! — ответил Герман с самодовольной улыбкой.

— Мать говорила мне, что ты вернулся из полиции в веселом расположении духа, — сказала Лина. — Значит, ты умно повел дело!

— Меня главным образом выручило счастье, — ответил Герман. — Я пришел сюда, чтобы подробно сообщить вам обо всем, но мне не хотелось бы наскучить своим рассказом вашему гостю...

— Не бойтесь этого, — прервал его с живостью Эммерих, — мне известно, что советовал господин Гейстер, и поэтому я с особенным интересом буду слушать вас.

Герман начал свой рассказ и, едва успел кончить его, как старик вскочил с места, чтобы пожать ему руку.

— Вот это по-моему! — воскликнул он. — Где помогает счастье, там не нужно осторожности! До сих пор во всех моих предприятиях я действовал, как вздумается, и меня

всегда спасала счастливая случайность. Обыкновенно судьба дает одним людям счастье, других наделяет благоразумием, но чтобы сочетать то и другое, нужно поставить во главе нашего предприятия вас, Гейстер, и господина доктора — тогда можно ручаться за успех...

С этими словами Эммерих вопросительно взглянул на Гейстера, который слегка покачал головой.

Лина поняла значение этого знака: несомненно, вопрос шел о том, чтобы вовлечь Германа в таинственное предприятие; у нее появилось опасение за будущность неопытного юноши. Она знала, что Эммерих, не задумываясь, пожертвует им, если это окажется нужным для его целей; и без того считала она немалым несчастьем, что Людвиг так подружился с ним. Но теперь он был их гостем, и она старалась по возможности быть внимательной к нему.

Гейстер поспешил переменить разговор и стал пересчитывать предстоящие им визиты, которые хотел начать со следующего дня. Лина при своем веселом и беззаботном характере не чувствовала особенной боязни, но так как это было ее первое вступление в большой свет, то она не могла относиться равнодушно к такому важному событию. В числе лиц, с которыми Гейстер хотел познакомиться свою жену, были Рейхардты, и Лине хотелось, чтобы Герман отправлялся вместе с ними, так как она надеялась, что благодаря его дружбе с семейством капельмейстера она получит приглашение на их музыкальные вечера. Со своей стороны, она обещала Герману познакомить его с госпожой Энгельгардт.

— Ты не пожалеешь об этом, — добавила она. — Да будет тебе известно, что она пишет стихи, как и Филиппина Каленберг, которую ты видел в Гомберге, хотя вовсе не похожа на нее и вообще очень милая женщина. Кроме того, у нее семь взрослых дочерей, что также нечасто можно встретить: за одной из них, Терезой, ты ухаживал на моем девичнике и несколько раз вальсировал с ней.

— Значит, Герман, твоему сердцу грозит серьезная опасность, — заметил с улыбкой Гейстер, вставая с места; затем он обратился к Эммериху и пригласил его в свой кабинет.

Герман, поговорив немного с Линой, также ушел, потому что теперь избегал оставаться долго наедине с женой своего друга.

Хозяйство Гейстеров еще не было устроено, и они продолжали обедать у матери Лины, что доставило ей большое удовольствие. Людвиг возвращался после визитов усталый и раздраженный, но молодая женщина не чувствовала ни малейшего утомления и с оживлением рассказывала Герма-

ну и матери о том впечатлении, какое произвели на нее знатные дома, где им приходилось бывать. Особенно поразила ее роскошная обстановка некоторых из них, так что, по ее словам, она и во сне не видала ничего подобного.

— Если бы ты знала, что кроется под этой блестящей обстановкой, то вряд ли стала бы восхищаться ей! — заметил Гейстер. — В большинстве случаев жалованье мужа оказывается недостаточным, и многие виденные тобой вещи приобретены в долг или жена получила их в подарок от своего возлюбленного...

— Ну, Людвиг, ты все видишь в мрачном свете, — сказала с неудовольствием молодая женщина, прерывая его.

— Мне кажется, — возразил Герман, — что жалованье служащих настолько велико, что долги и легкомыслие жен в данном случае не обременительны. Жизнь также не особенно дорога в Касселе, за исключением квартир...

— О жалованье не может быть и речи, — сказал Гейстер, — но ведь роскошь перешла все пределы. Подданные Иеронима как будто предчувствуют, что у них нет будущности, и спешат пользоваться настоящим. Двор подает пример расточительности, которая неизбежно ведет к долгам и безнравственности.

— Как будто нет исключений! — воскликнула Лина. — Чтобы убедиться в этом, я предлагаю немедленно отправиться к Энгельгардтам, их ни в коем случае нельзя упрекнуть в мотовстве и безнравственности. Надеюсь, что ты, Герман, ничего не имеешь против того, чтобы познакомиться с ними!

— Разумеется, — ответил тот с улыбкой, — только позволь мне переодеться: ты сама объявила мне, что у госпожи Энгельгардт семь взрослых дочерей!

Когда Герман вышел из комнаты, Лина, краснея, сказала мужу:

— Ты, вероятно, будешь смеяться надо мной, Людвиг, но я очень желала бы, чтобы Герман женился на одной из дочерей госпожи Энгельгардт.

— Почему это пришло тебе в голову, моя дорогая? — спросил Гейстер. — Может быть, Герман уже влюбился в кого-нибудь, так как, по словам твоей матери, он часто уходит из дому по вечерам и возвращается ночью, к тому же подчас он бывает в каком-то ненормальном состоянии духа и часто задумывается. Поверь, что тут замешана любовь или опять-таки полиция. Герман красив, умеет прилично вести себя в обществе, а наши знатные дамы чувствуют слабость к таким юношам, кроме того, при случае любая из них не прочь взять на себя роль сводни.

— Сегодня ты невыносим, Людвиг, с твоими рассуждениями, — сказала с досадой Лина. — Ты и твои сообщники готовы прибегнуть к клевете, чтобы восстановить публику против Иеронима и его двора. Вы унижаете женщин, чтобы...

Приход Германа прервал разговор супругов; и все трое отправились к Энгельгардтам. Хозяйка дома приветливо встретила их и, выразив сожаление, что они не застали ее мужа, представила Герману своих дочерей. Она была в простом домашнем платье и в ее наружности не было ничего особенного, только открытый, прекрасно очерченный лоб придавал своеобразный характер ее лицу. Дочери держали себя также скромно и непринужденно, как их мать, все были недурны собой и более или менее похожи друг на друга.

Но визит не дал тех результатов, каких ожидала Лина, тем более что они явились не во время. Оказалось, что в доме, по случаю предстоящего рейхстага, шли деятельные приготовления к приему депутатов, которых решено было разместить на частных квартирах. Накануне мэр лично обратился с просьбой к господину Энгельгардту, чтобы он поместил у себя несколько человек по крайней мере на первое время; и, так как отказ был неудобен при этих условиях, то приходилось покориться обстоятельствам. Лина постаралась сократить по возможности визит, к тому же она сердилась на Германа, который был так молчалив и рассеян, что на этот раз задуманное ею дело не продвинулось ни на шаг.

XIV

Таинственный посетитель

Графиня Антония после своей размолвки с королем переехала в город под предлогом болезни, между тем как ее муж, занимавший должность камергера, находился почти неотлучно в летней резиденции короля. Дождливые дни и пасмурное небо еще более увеличивали ее дурное расположение духа. Она не знала, чем развлечься, вечера в особенности приводили ее в отчаяние, вследствие чего синяя ваза чаще прежнего стала появляться на окне, что служило для Германа сигналом, что он может прийти на немецкий урок.

Графиня была умная и энергичная женщина, богато одаренная от природы, но в ее характере совмещались все-

возможные противоречия. Обладая пылкой фантазией, она чувствовала постоянное неудовлетворение жизнью, и в то же время ее незанятый ум часто побуждал ее к поступкам, в которых она не отдавала себе отчета, и поэтому удивлялась, когда другие находили в них что-либо предосудительное. Даже те сомнения, какие являлись у нее прежде по поводу уроков Адели, оставили ее; теперь ей и в голову не приходило, что она слишком поспешила дать согласие, не сообразуясь со своим общественным положением, хотя ее муж, который вообще снисходительно относился к придворным интригам, на этот раз прямо высказал, что не одобряет ее поведения.

Расположенность графини к своенравной и необразованной креолке была скорее делом фантазии, нежели сердечной привязанности. Главная причина ее уступчивости в данном случае заключалась в том, что Адель обратилась к ней с просьбой устроить немецкие уроки в ее доме в одну из тех минут, когда скука томила ее и она была недовольна собой и другими. К тому же романическая привязанность молодой девушки представляла для нее интерес своей новизной и казалась ей скорее забавной, нежели опасной. Уроки должны были неизбежно происходить в тайне, во избежание скандала, что поставило гофмейстерину в крайне ложное положение, но пока в отношениях учителя и ученицы не было ничего такого, что, по ее мнению, могло служить поводом для беспокойства.

Избалованная, несдержанная креолка, несмотря на свой живой характер, имела столько природного ума и такта, чтобы внешне встать вровень с тем высоким положением, какое она занимала в обществе благодаря своему брату. В ней проснулось чувство собственного достоинства, и если в известные моменты она поддавалась порывам своего южного темперамента, то вслед затем хладнокровно обдумывала свое положение и внимательнее прежнего следила за собой. Уроки немецкого языка мучили ее, но в то же время ничто не могло бы заставить ее добровольно отказаться от них. Такая же борьба противоположных ощущений происходила в душе Германа. Он не мог оставаться равнодушным к пламенным взглядам очаровательного существа, хотя эту любовь противоречила всем его нравственным принципам и тому идеальному поклонению, с которым он до сих пор относился к женщинам.

Вначале все это забавляло графиню, но когда она увидела, что влюбленные сближаются все более и более, у нее появились некоторые опасения. Но так как уроки постоян-

но проходили в ее присутствии, и Адель, кроме этого, нигде не виделась со своим учителем, то пока не было причин бояться, что дело пойдет слишком далеко под влиянием страсти. Однажды ночью гофмейстерине пришло в голову, что изучение немецкого языка может кончиться серьезной привязанностью и расстроить всю будущность сестры графа Фюрстенштейна. Какая тяжелая ответственность ляжет на нее в этом случае, при том высоком положении, какое она занимает в свете! Ее мучила бессонница и, все обдумав, она дала себе слово на этой же неделе прекратить уроки. Герман особенно заинтересовал ее, когда она услышала его пение, которое, по ее мнению, вполне гармонировало с его красивой наружностью и приличными манерами. Она решила не терять из виду молодого человека и пристроить его куда-нибудь на службу с помощью Бюлова или кого-нибудь из своих влиятельных знакомых. Поэтому на следующий вечер, когда Герман по окончании урока собирался уходить, она сообщила ему о своем намерении хлопотать за него и спросила: куда, собственно, он желал бы поступить на службу? Этот вопрос смутил Германа, так как в нем заключался косвенный намек на его ничтожное общественное положение, что было особенно неприятно для него в присутствии Адели. Он поблагодарил графиню за ее заботу и ответил уклончиво, что пока еще ничего не решил относительно своей будущности.

Затем он торопливо простился с обеими дамами и вышел из гостиной, настолько занятый своими мыслями, что не заметил высокой мужской фигуры, стоявшей в коридоре, которая при виде его моментально скрылась куда-то. Вместо этого появилась нарумяненная горничная графини и, остановив его у дверей своей комнаты, громко спросила:

— Скажите, пожалуйста, *monsieur le docteur*, долго ли намерена пробыть мадемуазель Ле-Камю у графини? Если она собирается домой, то нужно послать кого-нибудь проводить ее...

— Как вы разрядились сегодня, мадемуазель Анжелика! — сказал Герман, не отвечая на вопрос француженки. — Какое благоухание распространяется из вашего будуара! Вы, кажется, чувствуете особенное пристрастие к «*eau de bouquet*»!..

При этих словах за дверью послышался шорох, и Герман поспешно удалился. На лице Анжелики отразился испуг, она вошла в свою комнату с тревожным восклицанием:

— О Боже! Он, верно, узнал вас, месье Вюрц!

— Нет, вы ошибаетесь, моя милочка, — сказал полицейский агент, — но этот господин почуял, что ему не одобровать здесь, и обратился в бегство. Однако мне пора идти.

С этими словами Вюрц наклонился и нежно обнял туго затянутую талию маленькой француженки.

— Вы злодейка, мадемуазель Анжелика! — сказал он с улыбкой, от которой лицо его приняло еще более неприятное выражение.

— *Oh mon cher Wurtz*, какой вы несносный! — воскликнула она, кокетливо отталкивая его. — Ну, сегодня вы сами убедились, что к нам ходит этот учитель немецкого языка...

Герман вернулся домой печальный и расстроенный. Теперь после немецких уроков ему чаще прежнего приходилось переживать горькие минуты внутреннего недовольства; он осуждал себя за безумную страсть к хорошенькой креолке, от которой не мог отделаться в ее присутствии. Несколько раз у него появлялась твердая решимость отказаться от уроков, но в то же время он с лихорадочным нетерпением ожидал назначенного часа, и точно какая-то непреодолимая сила тянула его к дому графини. Он шел с намерением держать себя холодно и сдержанно со своей ученицей, но в ее присутствии ему казалось неловким обращаться сурово с ней и играть роль педанта, тем более что она могла поднять его на смех.

Уроки немецкого языка бывали почти ежедневно, потому что нездоровье графини служило для Адели благовидным предлогом навещать чаще прежнего свою приятельницу. С другой стороны, она уже целую неделю была избавлена от визитов генерала Морио, который не мог отлучиться из дворца, где шли подготовительные работы по случаю предстоящего рейхстага и организации войска. Вдобавок император Наполеон нетерпеливо ожидал уплаты военной контрибуции и требовал дополнительного отряда вестфальской армии для посылки в Испанию. Король для сокращения времени обыкновенно назначал заседания перед обедом или после обеда, так что военный министр Морио и министр финансов Бюлов теперь бывали ежедневно во дворце, равно и члены государственного совета, и представители разных министерств. Заседание должно было происходить и в эту субботу, но Бюлов предполагал, что король постарается по возможности сократить его, так как

был назначен вечер у графа Гарденберга. Обед также запоздал вследствие того, что Берканьи делал какой-то доклад королю. На этот раз генерал-директор полиции вышел из кабинета его величества веселее обыкновенного, на лице его выражалось самодовольство, а в таком настроении он легко впадал в злобный, заносчивый тон. Он подошел к Морио, который был, видимо, в дурном расположении духа и, стоя у окна, задумчиво смотрел, как собираются тучи над горами.

— Добрый вечер, ваше превосходительство, — сказал он вкрадчивым голосом. — Если не ошибаюсь, вы заняты сладкими мечтами, и, вероятно, вас можно поздравить...

— С чем? — спросил Морио.

— Разумеется, с вашей помолвкой, всем известно, что очаровательная мадемуазель Ле-Камю пленила ваше сердце!

— Пока еще не было разговора о помолвке, — ответил Морио немного приветливее.

— Неужели? Я готов был держать пари, что это дело решенное, хотя, говоря откровенно, некоторые обстоятельства должны были убедить меня в противном.

— Какие обстоятельства? Я не понимаю, что вы хотите сказать этим, господин Берканьи?

— Видите ли, ваше превосходительство, мне всегда казалось, что вы принадлежите к нашей партии и не сочувствуете немцам. Но, так как вы требуете, чтобы ваша будущая жена брала уроки немецкого языка...

— Что такое? Кто вам нагородил это? — прервал с нетерпением Морио.

— Мне это достоверно известно! — продолжал Берканьи. — Мадемуазель Ле-Камю берет уроки у красивого доктора... как его... Детлев... Все забываю его фамилию!

— Ну это старая история, которая ничем не кончилась, — сказал Морио презрительным тоном. — Действительно, было такое предположение, но я сам прогнал немецкого учителя, когда он явился к графу Фюрстенштейну с предложением своих услуг. Странно только, что вы, начальник тайной полиции, интересуетесь городскими сплетнями! Неужели у вас нет более серьезных занятий?

Берканьи ничего не ответил и только многозначительно покачал головой, так что Морио не вытерпел и с возрастающим беспокойством спросил:

— Объясните мне, в чем дело, господин Берканьи? Как вам передали эту историю?... Я хочу знать все до

малейших подробностей. Говорите скорее, нас позовут сейчас к столу...

— Простите, генерал, мне и в голову не пришло, что вам хотят сделать сюрприз, и я испортил дело своей болтливостью. Черт возьми! Даже в таких делах нужно быть осмотрительным.

— Сюрприз! Кому хотят сделать сюрприз? Оставьте загадки и выражайтесь яснее.

— Видите ли, ваше превосходительство, тут нет ничего предосудительного! Но, чтобы вас успокоить, я скажу коротко, в чем дело: мадемуазель Ле-Камю берет уроки немецкого языка у молодого доктора в доме обер-гофмейстерины и под ее покровительством...

— Вам это достоверно известно? — спросил Морио, дрожащим голосом, едва сдерживая свой гнев.

— Разумеется, и я могу добавить, что уроки происходят по вечерам в те часы, когда мадемуазель Ле-Камю бывает у графини.

— Вы сказали, что это уроки немецкого языка? — спросил задумчиво Морио.

— Я передаю то, что слышал, — ответил генерал-директор полиции.

В это время всех позвали к столу.

— Мы еще поговорим об этом, господин Берканьи, — пробормотал Морио сквозь зубы, бросив злобный взгляд на своего собеседника.

— В этом нет никакой надобности, ваше превосходительство, — сказал Берканьи. — Поезжайте тотчас после обеда к обер-гофмейстерине, и я ручаюсь, что вы попадете на сопряжение какого-нибудь немецкого глагола...

Морио был вне себя от гнева и беспокойства и, сидя за королевским столом, машинально глотал куски. Графиня, Адель, красивый учитель, которого он возненавидел с первого взгляда, не выходили у него из головы; он не знал, на кого из них излить свое бешенство, и с нетерпением ожидал окончания обеда. Он не мог придумать, как отомстить обеим дамам, но относительно учителя дело казалось ему проще, и фантазия грубого человека живо рисовала ему удары хлыста, пощечины и т. п. Берканьи, сидевший наискось от него, с наслаждением видел тяжелую внутреннюю борьбу, которая отражалась на лице его врага, между тем как член государственного совета Мальх, занимая место рядом с генералом Морио, еще более увеличивал его мучения длинными рассуждениями о качестве подаваемых блюд и вопросами: почему он так мало ест? здоров ли он? и прочее.

Тайна будуара

Уклончивый ответ Германа относительно устройства его будущего показался графине вполне естественным, и она приписала его излишней скромности молодого человека, который с каждым днем все больше нравился ей. Но в этом чувстве не было и тени какой-либо сердечной привязанности, так как графиня Антония была способна увлекаться одним честолюбием, и на это были направлены все ее помыслы. Любовь сама по себе не могла удовлетворить ее, она стремилась к власти и к более широкой деятельности, нежели та, какой обыкновенно удовлетворяются женщины. Если, при ее впечатлительности, красивая и представительная наружность мужчин имела для нее известное значение, то это не вызывало в ней ни сентиментальных мечтаний, ни чувственных порывов, которые были чужды ей как по ее холодной натуре, так и потому, что ее ум был всегда занят более высокими целями. Она дорожила дружбой влиятельных людей, занимавших видное положение в свете, когда могла действовать с ними заодно, как это было с Бюловом. Но так как в подобных случаях ей приходилось играть второстепенную роль, то она предпочитала устраивать судьбу того или другого юноши, которыми она могла руководить по своему усмотрению.

Она перебирала в уме те предложения, какие может сделать Герману относительно его будущего, и хотела в этот же вечер под каким-нибудь предлогом выпроводить пораньше Адель, чтобы побеседовать наедине с молодым человеком. Урок происходил в приемной, и так как дверь в ее будуар была открыта, то она ходила по обеим комнатам, не упуская из виду влюбленных. Но при всей ее наблюдательности, многое ускользнуло от ее внимания: она не подозревала, что даже разговаривая с ней, учитель и ученица пожимали друг другу руки под столом, и что когда она отвернулась от них, чтобы выдвинуть ящик комода, креолка воспользовалась этой минутой, чтобы броситься в объятия Германа.

Тем не менее взволнованные лица и рассеянность обоих настолько встревожили графиню, что она окончательно убедилась, что пора разлучить их, и начала с того, что позвала Германа к роялю и попросила его спеть некоторые из песен Гете, переложенные на музыку Рейхардтом.

Герман повиновался, и она, взяв под руку Адель, села с ней у окна, под предлогом, что издали они будут лучше наслаждаться пением. Но в это время внимание графини было отвлечено экипажем, который неожиданно подъехал к дому.

— О, Боже, это король! — воскликнула она в испуге. Первая ее мысль была о себе, она отскочила от окна и, указывая Герману и Адели на дверь своего будуара, сказала торопливо: — Уходите скорее! Там из спальни вы можете пройти в коридор. Господин доктор, только дождитесь, пока войдет король. Тогда вы, Адель...

С этими словами она поспешно закрыла дверь будуара, потому что в коридоре послышались шаги, а вслед затем лакей отворил настежь противоположную дверь с громким возгласом:

— Его величество король!

Иероним, против своего обыкновения, явился в штатском платье: он был в зеленом фраке и с круглой шляпой. Графиня встретила его с выражением радостного изумления на лице, вызванного неожиданным приездом короля. В этом не было ничего необдуманного или искусственного с ее стороны, а скорее составляло дело привычки и умения владеть собой, которое было особенно необходимо ей в данную минуту при той душевной борьбе, какая происходила в ней. Она живо вспомнила ту сцену, которая еще так недавно произошла между ней и королем и без сомнения была поводом его визита. Во всяком случае она должна была спровадить Германа, но почему сестра графа Фюрстенштейна не могла остаться в комнате? Этот вопрос только теперь пришел ей в голову, но слишком поздно; ее беспокоило и то обстоятельство, что, принимая с такой таинственностью короля, она поставила себя в крайне неловкое положение. К тому же Иероним по своей природной живости мог сказать что-нибудь лишнее, чего не должны были слышать Герман и Адель, если они еще не ушли из будуара, а она в спешке даже забыла опустить портьеру! Но графиня была слишком светская женщина, чтобы выдать чем-либо свое волнение, и ее лицо сохраняло все то же спокойное и приветливое выражение.

Слова, с которыми король обратился к гофмейстерине, равно и тон голоса показывали, что между ними существовали довольно интимные отношения, и что тем не менее при их последнем свидании произошло нечто оскорбительное для графини.

Действительно, сначала внимание и ухаживания короля нравились обер-гофмейстерине, пока им были строго соблюдены все требования светских приличий. Она, собственно, не чувствовала к нему никакого влечения, не считала его милость особенной честью для себя, как некоторые придворные дамы, и не рассчитывала пользоваться ей для корыстных целей. Ее единственной целью было приобрести влияние на короля в высоком значении слова, как это понимал ее друг Бюлов, и заставить его заботиться о благе вверенного ему государства. Но при этом она упустила из виду, что Иероним, удостаивая ее своей милостью, может заявить известные требования, которые поставят ее в затруднительное положение. Она была совсем не подготовлена к необузданным порывам человека, который в своих чувственных проявлениях бывал подчас крайне наивен даже относительно женщин знатного происхождения.

Иероним, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог слышать его, говорил громко и с воодушевлением, но, видя, что графиня почти шепотом отвечает ему, невольно понизил голос:

— Я приехал, чтобы помириться с вами, моя дорогая графиня, — сказал он. — Вы перестали являться ко двору, и королева скучает без вас. Зачем вы наказываете других за то, что я имел несчастье оскорбить вас? Не ожидал я такой жестокости с вашей стороны!..

— Ваше величество, вы несправедливы ко мне! Я не думаю сердиться на вас, но огорчена, что вы объяснили известным образом мое искреннее участие и дружбу к вам и заявили требования, настолько же унижительные для меня лично, как и несовместимые с тем положением, которое я занимаю при вашем дворе. Вы говорили, что ваше сердце жаждет любви, но мне кажется, что вам не приходилось испытывать недостатка в ней, а скорее, наоборот. Но есть другая любовь, ваше величество; она чужда чувственных увлечений и только одна может дать нам полное нравственное удовлетворение. Такую любовь чувствую я к молодому королю, которому дана власть над чуждой ему нацией, и я уверена, что он осуществит не раз высказанное им намерение осчастливить своих подданных. Моя единственная мечта, чтобы король видел во мне преданного ему друга, всегда готового поддержать его на трудном пути; и только с этой стороны радовала меня благосклонность его величества ко мне. Но, когда я увидела, что мои чувства остались непонятыми и король вследствие печального недоразумения позволил себе ос-

корбить меня самым недостойным образом, мною овладело отчаяние...

Графиня говорила искренно в эту минуту, потому что все это выяснилось для нее во время ее уединения и она заранее приготовилась к предстоящему объяснению.

Но Иероним увидел в этом обычную уловку женщины, которая не хочет сдаться сразу. Он мысленно решил, что поступил слишком поспешно и тем более чувствовал себя возбужденным: каждая приличная женщина, думал он, идет на капитуляцию известным способом, а графиня держит себя умнее других!..

При этом он невольно улыбнулся, но, сделав над собой усилие, придал своему лицу серьезное выражение.

— В этом высоком полете мысли я узнаю вас, графиня! — воскликнул он с восторгом. — Вы достойная представительница благородной немецкой нации, только в вас встретил я ту душевную силу и достоинства, которые напрасно искал в других женщинах. Вы одна можете дать мне нравственную поддержку, которая необходима мне в таком трудном и сложном деле, как управление этим французско-немецким государством. Я люблю моих подданных, и во время моего путешествия мог убедиться, что успел также заслужить их расположение. Я писал об этом моему брату императору, но, к несчастью, он лишает меня возможности приступить к необходимым реформам, по крайней мере так скоро, как бы я желал этого для блага моего народа. Требования его относительно Вестфальского королевства невыполнимы, и он, преследуя свои широкие идеи всемирного господства, постоянно парализует все мои действия.

— Но, мне кажется, ваше величество, что вы можете совершенно независимо править своим государством. Сам император возвел вас на вестфальский престол; докажите ему, что вы не только номинальный, но и действительный король!

Иероним усмехнулся.

— Вы не имеете никакого понятия о Наполеоне, моя дорогая графиня! — сказал он. — Если бы я задумал что-либо подобное, то это было бы прямо во вред делу, и вопрос был бы решен оружием. У меня нет недостатка в мужестве, но борьба была бы слишком неравная; к тому же и другие причины заставляют меня быть осмотрительнее. Хотите, я вам открою тайну, но с условием, что вы простите меня.

Король протянул руку, и графиня положила на нее свою маленькую ручку, которую он почтительно поцеловал.

— Я избегаю теперь ссоры с императором, — сказал он, — потому что поднят вопрос об увеличении Вестфальского королевства, а затем, когда моя власть будет усилена, я могу действовать самостоятельнее и принести большую пользу моему народу, нежели в настоящее время. Но пока об этом нужно молчать. Итак, графиня, вы простили меня, а теперь примите это в знак нашего примирения.

С этими словами Иероним подал графине пакет с бумагами.

— Вы хлопотали о Геннеберге, — сказал он, — вот приказ о назначении его префектом в Оккерский департамент. Затем вы рекомендовали мне Вангенгейма — в этом же пакете заключается патент, по которому он получит должность командира батальона третьего линейного полка. Другие назначения, о которых вы говорили, также последуют в самом непродолжительном времени.

— Я тронута вашим вниманием и глубоко ценю его, — сказала графиня, — но не желала бы, чтобы знали о моем ходатайстве перед вашим величеством, тем более что это поставило бы всех этих господ в неловкое положение. Если вы позволите, то я передам обе бумаги Бюлову, и он пошлет их официальным путем.

— Ваша деликатность сказывается во всем, графиня! — воскликнул Иероним. — Руководите мной, я готов во всем следовать вашим советам. Немногие так справедливы и бескорыстны, как вы, но, среди забот об общественном благе, уделите и мне лично немного любви. Я готов, не задумываясь, променять всех женщин, которые когда-либо выказывали расположение ко мне, на вас, Антония; ни в одной из них не встретил я столько очарования, ума, душевных качеств! Вы совмещаете в себе все, чтобы составить счастье короля. Если вы хотите, чтобы я заботился о благополучии других, то необходимо, чтобы я сам чувствовал себя счастливым, чтобы мне позволили любить ту женщину, перед которой я преклоняюсь...

С этими словами король встал с места и, поцеловав руку графини, сказал с улыбкой:

— Я обещал быть сегодня у графа Гарденберга; вероятно, все удивляются, где я мог пробыть так долго, но я скажу, что маленький *sans-culotte* Амур не носит при себе часов!

— Не говорите этого, ваше величество — бедняжка Амур и без того пользуется плохой репутацией! — возразила графиня.

Затем, проводив своего почетного гостя, она хотела пройти в будуар, но в дверях встретила с Аделью, которая поразила ее своей бледностью и расстроенным видом.

— Боже мой, что с вами! — воскликнула графиня с испугом. — На что вы похожи, Адель! Говорите скорее, что случилось?..

Молодая девушка, вместо ответа, со слезами бросилась к ней на шею.

Графиня совсем растерялась, не зная, что подумать, чего опасаться. Горькое чувство недовольства собой поднялось в ее груди, но вместо того чтобы сознаться в собственной вине, она с негодованием стала упрекать девушку, что она не уехала домой.

— Зачем вы так долго оставались в будуаре? — сказала она раздраженным голосом. — Кажется, вы у меня не в первый раз и знаете, что моя карета всегда к вашим услугам!

Адель, видя гнев своей приятельницы, сперва с удивлением взглянула на нее, затем вспыхнула в свою очередь.

— Вы, графиня, решаетесь делать мне упреки? — возразила она. — Не вы ли приказали мне удалиться, когда приехал король? Пока вы шептались с его величеством, говорили друг другу любезности, мы были поставлены в...

— Вы говорите «мы»? — прервала графиня с нетерпением. — Разве доктор оставался с вами?

— Не напоминайте мне о нем, я ненавижу и проклиная его... я... — ответила Адель и поспешно направилась к двери.

Но графиня догнала ее и, взяв за руку, проговорила с усилием:

— Во всяком случае, что бы ни произошло с вами, несчастное дитя, помните, что это должно остаться тайной будуара! А теперь постарайтесь успокоиться, потому что в таком виде вы не можете никому показаться на глаза. Прежде всего подойдите к зеркалу, поправьте свой воротник и причешите волосы!

Но по мере того как молодая девушка становилась покойнее, смущение графини настолько увеличилось, что она едва владела собой. Она с ужасом думала о том, что случилось, и как избежать последствий; единственный возможный исход настолько противоречил всем ее принципам, что ей стоило большого труда заговорить о нем. Наконец, когда Адель надела шляпу и взяла со стола перчатки, она сказала торопливо:

— Еще не все потеряно, Адель, смотрите на это дело, как на ребячество и безумие!.. Если вы даже увлеклись... то можете выйти из этого неприятного положения. Вам остается один выход: объявите немедленно генералу Морио, что вы согласны выйти за него замуж... В случае, если спросят дома, почему у вас такой встревоженный вид, то скажите, что у нас с вами было объяснение по этому поводу, и я довела вас до слез своими наставлениями... Но, может быть, никто не увидит вас сегодня, и вы успеете прийти в себя...

Графиня спешила окончить неприятное объяснение, тем более что ее собственные слова ложились жгучими упреками на ее сердце. Она порывисто позвонила и, не оборачиваясь, велела подать карету мадемуазель Ле-Камю, так что не могла видеть лукавой улыбки, с какой наруганная горничная выслушала ее приказание. Затем, не прощаясь с Аделью, она ушла в свою спальню и бросилась на кушетку с горьким чувством стыда, недовольства собой и печали.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Partie fine

Вечер у графа Гарденберга принадлежал к числу тех празднеств, которыми высшее кассельское общество чествовало возвращение Иеронима в столицу. Королева отказалась от приглашения под предлогом нездоровья, и даже король, вследствие своего визита к обер-гофмейстерине, приехал почти к концу вечера. Он имел озабоченный вид и был настолько рассеян, что, против своего обыкновения, едва ответил на поклон графа Бохльса, который увидел в этом знак немилости и сильно огорчился.

В это время граф добивался вакантного места обер-церемониймейстера при королевском дворе и был озабочен продолжительным отсутствием жены, которая гостила в Мюнстере у своих родственников. Она выехала из Касселя в тот самый день, когда Иероним отправился в свое путешествие, и хотела вернуться в одно время с ним. А теперь, когда все придворные друг перед другом стараются чем-либо выказать свою преданность их величествам, он один лишен возможности принять их у себя благодаря капризу графини Франциски. Но Бохльс мысленно решил, не дожидаясь возвращения своей супруги, устроить что-либо для увеселения короля, который, по его наблюдениям, стал гораздо холоднее относиться к нему, чем прежде. Его мучила боязнь, что в обществе из этого выведут заключение, что в расположении Иеронима к нему, которому все завидовали, скорее играют роль роскошные плечи его жены, нежели его личные заслуги в государственном совете.

Граф Бохльс был среднего роста, хорошо сложен, хотя избыток тучности придавал некоторую неподвижность его фигуре, он держал себя с достоинством и даже немного чопорно. Но выражение гордой решимости, которую можно было подметить на лице графа, совершенно не соответствовало его характеру: он легко подчинялся всякому влиянию

и нередко, в угоду другим, действовал против собственных убеждений. Между тем по природе это был честный и добродушный человек, и он всегда являлся таким в тех случаях, когда был предоставлен самому себе. При этом время от времени в нем пробуждалось благочестие, особенно в те минуты, когда он имел повод быть недовольным собой.

Вечер у графа Гарденберга навел его на мысль устроить нечто в другом роде, а именно одну из так называемых «parties fines», которые были далеко не в его вкусе, но нравились королю и с некоторого времени вошли в моду в Касселе. Это были музыкальные вечера в тесном кругу избранного общества, где музыка служила предлогом и прикрытием далеко не утонченных увеселений. Граф Бохльс хотел, чтобы на этот раз были исполнены одни «posturno» на двух рожках в соединении с арфой, так как это была любимая музыка короля. Он обратился к Благгини, учителю музыки королевы, который с величайшей готовностью взялся сочинить две новые пьесы к назначенному дню, так как ловкий итальянец пользовался всяким случаем, чтобы выдвинуться через влиятельных лиц.

Король не раз потешался над графом Бохльсом, когда тот приходил в смущение от свободного обращения с дамами, которое господствовало в интимных придворных кружках, особенно при «parties fines». Поэтому Иероним был очень удивлен, когда граф, пригласив его на музыкальный вечер, спросил с улыбкой:

— Не угодно ли будет его величеству, после двух «posturno», видеть балет?

— Понимаю, в чем дело, мой милый граф! — воскликнул со смехом король. — Прекрасная мысль! Когда жена долго не возвращается, то нужно искать какого-нибудь утешения... Впрочем, очаровательная графиня Франциска своим долгим отсутствием вполне заслужила это! С удовольствием принимаю ваше приглашение, только переговорите относительно вашего вечера с Маренвиллем. Мне любопытно будет видеть, как вы будете играть роль церемониймейстера в настоящем случае, когда не должно быть никаких церемоний!..

Переговоры с Маренвиллем, о которых упомянул король, касались преимущественно выбора приглашаемых гостей. Естественно, что на подобных вечерах могли присутствовать только люди, пользующиеся особым доверием короля, и при которых он не чувствовал никакого стеснения, а для этого требовалось от них не столько высокое

положение в свете, сколько такт и умение держать себя в обществе. Выбор лиц менялся, смотря по обстоятельствам, и был особенно строг в тех случаях, когда на «parties fines» допускались немцы.

Главным действующим лицом в этого рода увеселениях являлся сам Маренвилль, секретарь, гардеробмейстер короля и его неизменный Меркурий по любовным делам, который по мере накопления сомнительных тайн пользовался все большим доверием его величества. Это был молодой, красивый человек, высокого роста, с умным, выразительным лицом, приличными манерами, обладавший при этом достаточным запасом легкомыслия, что было немалым достоинством при веселом дворе. Когда он оставался наедине с Иеронимом, то разговор их принимал самый интимный характер, всякий этикет был изгнан, но Маренвилль был настолько умен, что никогда не кичился этим, и вестфальский король, со своей стороны, относился к нему дружелюбнее, нежели к кому-либо.

После Маренвилля наибольшей милостью короля пользовался его адъютант Ревбель, женатый на сестре его первой жены, человек средних лет, с предупредительными, вкрадчивыми манерами, посвященный во все закулисные тайны театрального мира. Придворная капелла и дворцовая прислуга находились в его ведении. Затем к числу приближенных короля принадлежали: дворцовый префект Бушпорн, сын бывшего правителя Корсики, женатый на семнадцатилетней дочери одного французского префекта, майор Росси, дальний родственник короля, и капитан гвардии Каррега, брат красивой статс-дамы Бианки Лафлеш, который, наравне с предыдущими, был неизменным посетителем «parties fines». Из немцев обыкновенно допускались немногие, а именно: генерал Лепель, молодой человек изящной аристократической наружности, служивший прежде при вюртембергском дворе, где, по слухам, у него была какая-то романтическая история с принцессой Екатериной, нынешней вестфальской королевой, что, однако, не мешало ему пользоваться благосклонностью Иеронима. В такой же милости был и полковник Гаммерштейн, прозванный «balafre», вследствие глубокого шрама на лице, полученного во время битвы, у которого под личиной беззаботной веселости скрывались более положительные достоинства: неподкупная честность, мужество и любовь к родине.

Все эти лица должны были фигурировать на вечере графа Бохльса, который беспрекословно внес их в список при-

глашенных со слов Маренвилля, но слегка поморщился, когда ему пришлось вписать имя графа Левен-Вейнштейна, так как этот неизбежный участник всех пирушек короля не всегда отличался умеренностью в употреблении спиртных напитков. Тем не менее Бохльс решил покориться обстоятельствам и деятельно занялся приготовлениями к предстоящему вечеру. Но по мере приближения рокового дня он чувствовал все большее беспокойство и накануне не мог заснуть всю ночь. Когда он услышал удар колокола к ранней обедне, им овладела сильная тоска. Он размышлял о том, как трудно совместить спасение души с придворной жизнью, мысленно давал разные благочестивые обеты и готов был проклинать милость короля, которой до этого добивался с таким усердием.

Он не предчувствовал, что его затея, стоившая ему столько нравственных мучений, расстроится сама собой. Около полудня слуга подал ему записку Маренвилля, который извещал его, что король не может быть у него сегодня вечером. Граф Бохльс никогда не чувствовал себя таким счастливым, как в эту минуту, и тотчас же послал отказ приглашенным музыкантам и танцовщицам. В то же утро граф получил письмо от своей супруги с радостным для него известием о ее немедленном возвращении в Кассель.

II

Женский орден

Иероним настолько любил всякие увеселения, что только одна болезнь могла помешать ему воспользоваться приглашением графа Бохльса.

Действительно, в последнее время ежедневные совещания по случаю предстоящего рейхстага, утомительные празднества и ночные кутежи значительно расстроили его слабое здоровье. В надежде восстановить свои силы, он велел влить в свою утреннюю ванну несколько лишних стаканов одеколона, вследствие чего с ним случился обморок, и он должен был лечь в постель. Но к вечеру он уже почувствовал себя лучше и вскоре оправился.

Когда наступили теплые июньские дни, король, отчасти пресыщенный шумными городскими увеселениями, вздумал устроить сельский идиллический праздник. С этой целью он велел, в тайне от королевы, приготовить небольшой загородный замок Шенфельд и расчистить прилегающий к

нему парк. Обед предполагался на открытом воздухе, при этом все время должны были играть музыканты, скрытые за деревьями. На праздник приглашено было небольшое избранное общество.

Графиня Антония также приехала из города, хотя она охотно отказалась бы от почетного приглашения. Время, проведенное ею в уединении, и тяжелые впечатления рокового вечера привели ее в меланхолическое настроение, ей было неприятно возвращаться к веселой и легкомысленной придворной жизни. Между тем карета ее свернула с большой дороги на боковую аллею и направилась к замку, который был скрыт за деревьями и цветущим кустарником. Она велела кучеру остановиться и, выйдя из кареты, пошла пешком по извилистой дорожке, ведущей в парк; лакей следовал за ней на некотором расстоянии. Ей не хотелось расстаться со своими грустными мыслями, упреки совести продолжали мучить ее вместе с беспокойством за Адель; хотя она и дала ей практический совет изъяснить скорее свое согласие на брак с Морио, но не была уверена, кончится ли этим вся эта неприятная история. В первые минуты, когда смущение молодой девушки возбудило в ней наихудшие опасения, она была глубоко возмущена поведением Германа, но по зрелом размышлении ей пришлось во всем обвинить свое собственное непростительное легкомыслие. Когда она пришла к этому выводу, то у нее появилось сомнение: не ошиблась ли она? Тем более что Адель, по своему живому характеру, способна была все преувеличить. На Германа она также взглянула снисходительнее, у нее появилось опять желание помочь ему в устройстве его карьеры, но нужно было придумать, как возобновить с ним отношения...

Среди этих размышлений она незаметно подошла к горе, на которой находился замок; тишина сельской природы живоительно подействовала на нее; в парке слышалось веселое щебетанье птиц, заглушаемое звуками настраиваемых инструментов. Графиня стала подниматься на гору, покрытую группами тенистых деревьев и перерезанную в разных направлениях тропинками, вскоре ее глазам представился замок Шенфельд, который далеко не соответствовал своему громкому названию. Это были два небольших сельских дома, в виде павильонов, соединенные двухэтажным строением с приделанной к нему широкой лестницей. Замок Шенфельд принадлежал прежде одной дворянской фамилии и был куплен Иеронимом, который прельстился его красивым местоположением.

На верхней площадке, окруженной деревьями и цветочными клумбами, собрались приглашенные гости в ожидании прибытия королевской четы. Между ними шел оживленный разговор, который был прерван появлением обер-гофмейстерины, а затем графа Бохльса с женой. Графиню Франциску скорее можно было назвать видной, нежели красивой женщиной; она была средних лет, но сохранила все очарование молодости — живые, выразительные глаза, прекрасный цвет лица и роскошные каштановые волосы. Манеры ее были безукоризненны; она была в самом веселом расположении духа и приветливо поздоровалась со всеми.

— Я только что вчера приехала в Кассель, — сказала она, обращаясь к обер-гофмейстерине, — и едва успела явиться во дворец, как получила милостивое приглашение на сегодняшний вечер. Но что с вами, графиня? Вы чем-то расстроены? Никогда не видала я у вас такого озабоченного вида!

Обер-гофмейстерина ничего не ответила, потому что в эту минуту вдаль показалась королевская карета, и все поспешили выйти навстречу их величествам.

На королеве был в первый раз надет недавно учрежденный Иеронимом женский орден, который был накануне получен от парижского ювелира. Орден состоял из двух скрещенных шпаг, осыпанных бриллиантами. Королева просила своего супруга, чтобы он пожаловал орден ее обер-гофмейстерине прежде других придворных дам. Иероним тем охотнее изъявил свое согласие, что, оказывая любезность королеве, в то же время исполнял свое затаенное желание.

После обмена обычными приветствиями король подал футляр своей супруге, и та собственноручно приколотла орден к плечу обер-гофмейстерины, которая при этом сделала низкий реверанс со свойственной ей грацией. По лицу графини Бохльс пробежала тень неудовольствия, которая не ускользнула от внимания короля, и он воспользовался удобной минутой, чтобы подойти к ней. При этом все стоявшие около них немедленно удалились на известное расстояние, как это делалось всякий раз, когда Иероним говорил с какой-нибудь дамой. Хотя графиня Бохльс, по видимому, относилась к королю очень почтительно, но это было не более как внешнее соблюдение формы и совершенно не подходило к интимному тону их разговора. Иероним нежно упрекал ее за долгое отсутствие. Она отвечала, что считает для себя величайшим счастьем, если король заме-

тил ее отсутствие, потому что принимает это за доказательство его дружбы и расположения к ней.

— Но помимо желания испытать чувства вашего величества ко мне, — сказала графиня, — более серьезные мотивы заставили меня тогда уехать из Касселя. Вам известно, в каком я положении... Мне необходимо было повидаться с моими родными...

— Многие уже подозревают это, моя дорогая Франциска, — заметил с улыбкой король.

— Теперь уже не может быть никаких сомнений относительно самого факта, — сказала графиня, кокетливо опуская свои длинные ресницы.

— Ну, что же! Появится на свет маленький граф!

— Не граф, а принц, — заметила она с легким оттенком упрека в голосе.

— Боже мой, Франциска... Вы требуете от меня невозможного... Но завтра... Ecoutez! Завтра, после обеда, приезжайте сюда в обычное время наших свиданий... Я хотел высказать вам насколько я чувствую себя счастливым. К тому же вы получите от меня небольшой подарок, который будете носить в память радостного для нас события. Не забудьте, что я буду ожидать вас, Франциска! Разумеется, вы застанете меня одного...

Графиня Бохльс почтительно поклонилась в знак согласия.

Иероним поспешил к своей супруге и, взяв ее под руку, предложил ей показать новое убранство замка.

Обер-гофмейстерина воспользовалась отсутствием их величеств, чтобы совершить небольшую прогулку. Бюлов вызвался сопровождать ее.

— Какое прелестное место! — воскликнула графиня Антония. — Неудивительно, что король пожелал приобрести этот замок, уединение среди такой красивой природы может доставить истинное наслаждение...

— Вполне разделяю ваше мнение! — отвечал Бюлов. — Шенфельд по своему местоположению и всем условиям как нельзя более соответствует требованиям сельской жизни. Но внутреннее его убранство мне не по вкусу, я нахожу, что здесь слишком много роскоши. Замок в своем нынешнем виде напоминает жилище какого-то восточного эмира: везде диваны, ковры, вазы для цветов, зеркала и занавеси. Разумеется, вся эта обстановка имеет известное назначение, но она совершенно не гармонирует со строгим характером окружающей природы. Об уединении здесь также не может быть и речи, при

такой близости столицы трудно избавиться от людей и всевозможных дел.

— Вы упомянули о делах, барон, — сказала графиня, — кстати, позвольте обратиться к вам с маленькой просьбой: не можете ли вы пристроить куда-нибудь на службу одного молодого человека, разумеется, немца и даже пруссака. История его довольно интересна, когда я буду в сентиментальном настроении, то расскажу вам ее...

Бюлов почтительно поклонился своей собеседнице и, указывая на вновь пожалованный ей орден, сказал с улыбкой:

— Я вижу, моя дорогая графиня, что эти две скрещенные шпаги не в силах удержать вас от обнаружения затаенных желаний вашего сердца. Но что за странная эмблема для женского ордена!

Она задумалась и ничего не ответила на это замечание.

— Если я не ошибаюсь, — продолжал Бюлов, — то две скрещенные шпаги должны обозначать борьбу любви и в то же время примирения. Вам, моя дорогая графиня, орден этот пожалован королевой в знак отличия; для большинства придворных дам он будет служить средством приманки. Король начнет раздавать его дамам за особые заслуги... Вы, конечно, слышали, что в католическом мире существует монашеский орден иеронимитов, так называемых отшельников св. Иеронима. Не думает ли король устроить в этом замке обитель для вновь учрежденного им женского монашеского ордена иеронимиток! Мне было бы любопытно знать, кто будет настоятельницей этой обители?

— Перестаньте злословить, — сказала со смехом графиня, — и вернемся в замок, вероятно, скоро позовут к столу.

— Известно ли вам, графиня, что король думает еще учредить так называемый орден «вестфальской короны», который будут носить одни мужчины. Рисунок послан на рассмотрение императора, а в случае его одобрения и этот орден будет заказан в Париже.

Бюлов и гофмейстерина подошли к замку в тот момент, когда их величества сходили с крыльца. Иероним подал знак гофмаршалу, чтобы он пригласил гостей к обеду. Назначенный на этот день *chevalier d'honneur* повел королеву к столу, который был накрыт в тенистой аллее, и, как только их величества заняли свои места, за деревьями заиграла музыка под управлением Блангини. Королева взглянула на своего супруга с ласковой улыбкой, в которой выражалась благодарность за оказанное ей внимание.

III

Бриллиантовое ожерелье

На следующий день графиня Бохльс отправилась в Шенфельд в простом домашнем платье, без сопровождения лакея, и привезла оттуда богатое бриллиантовое ожерелье, которое муж ее оценил в двенадцать или пятнадцать тысяч франков. При этом у графа вырвался невольно возглас неудовольствия, но, когда она произнесла повелительным тоном: «Это что за новость, граф?» — он тотчас же смирился и, видимо, взвешивая каждое слово, сказал:

— Извини, Франциска, но этот роскошный подарок удивляет меня... Сделай одолжение, не придавай дурного значения моим словам, но я должен заметить тебе, моя дорогая, что отношения людей уравниваются некоторыми взаимными обязательствами. У нас, юристов, существуют известные аксиомы, как, например, *do, ut facias*, или: *facio, ut des*, но так как ты не понимаешь латинского языка, то я переведу тебе эти изречения, которые имеют такой смысл: «я даю, чтобы ты делал» или: «я делаю, чтобы ты давал» и т. д.

— Что из этого следует? Я все-таки не понимаю, граф, в чем дело! — проговорила она, разглядывая ожерелье.

— Видишь ли, мне кажется... пятнадцать тысяч франков... такой подарок... По какому случаю? — хотел я спросить...

— Этого еще не доставало! — воскликнула она с негодованием. — Пожалуйста, избавьте меня от ваших недостойных подозрений.

— Разумеется... ну, да... знаешь ли, моя дорогая Франциска, я нахожу, что иногда очень выгодно удалиться на время от двора.

— Вот ты и догадался, в чем дело, мой дорогой Лео! — сказала она более ласковым тоном. — Действительно, в некоторых случаях отсутствие бывает крайне полезно: если вас не забудут, то вы получаете еще большую цену в глазах известных людей. Но во всяком случае это рискованная игра, хотя я и решилась на нее!

— В смелости ты не уступишь Ульриху фон Гуттенну, — произнес граф, делая над собой усилие, чтобы улыбнуться, — *jacta est alea!*

— Пожалуйста, избавь меня от своей латыни, — продолжала она. — Помимо всего, подарок этот служит залогом будущего кумовства. Я тебе говорила, что король хотел

побеседовать со мной о каком-то деле: оказалось, что он так милостив... одним словом, его величество обещал быть крестным отцом, если у нас родится сын или дочь... Надеюсь, что ты ничего не имеешь против этого, мой милый Лео?

— Ну, это другое дело! — ответил граф с иронией, в которой слышался едва скрываемый гнев. — Я вижу, Франциска, наше положение самое завидное: мы снисходим принять милость, которой так добиваются другие люди, и даже заранее получаем за это щедрое вознаграждение!

— Какое остроумное замечание! — воскликнула со злобным смехом графиня, поспешно укладывая в футляр разложенное на столе ожерелье. — Я положительно поражена твоим необыкновенным остроумием, Лео, хотя дала бы тебе дружеский совет реже высказывать его или по крайней мере применять к чему-либо другому... а prorsus мы должны непременно дать une fête, в самом непродолжительном времени; не хочешь ли заняться приготовлениями? Король желает этого, заодно пригласим Морио с его невестой и графа Фюрстенштейна, который, вероятно, скоро женится на мадемуазель Сала, хотя я решительно недоумеваю, как мог он найти в ней что-либо привлекательное.

— Мне самому хотелось сделать тебе сюрприз, Франциска, по поводу твоего возвращения, в виде музыкального вечера, но это не удалось мне. Когда же ты хочешь, чтобы я устроил празднество: завтра или послезавтра? Ты должна решить этот вопрос, чтобы я мог сделать необходимые распоряжения.

— Мой добрый Лео! — воскликнула она с такой обворожительной улыбкой, что он не только поцеловал протянутую ему руку, но обнял роскошный стан своей супруги.

— Я не могу требовать от тебя такой поспешности, — продолжала она. — Ты сам выберешь наиболее удобный день и пошлешь приглашения, относительно устройства также мне нечего вмешиваться — такого церемониймейстера, как ты, не найдешь в целом свете. А теперь, до свидания, мне нужно одеться, чтобы ехать с королевой в театр... Кстати, я совсем забыла приказать кучеру, чтобы он заложил сегодня новую карету, будь так добр, распорядись, мой добрый Лео!

Граф Бохльс удалился с легким поклоном.

— Мой добрый Лео, — пробормотал он сквозь зубы, проходя по коридору, — все было бы прекрасно, если бы моя милая супруга... одним словом...

Он не договорил начатой фразы, как бы из опасения, что кто-нибудь может услышать его, и махнул рукой в ответ на собственные мысли.

Уже не в первый раз услужливый муж устраивал при дворе и у себя дома различные празднества, которые доставляли королю удобный случай ухаживать за его женой, и графиня Франциска до известной степени даже гордилась этим, не обращая внимания на мнение кассельского общества, хотя оно вообще не особенно дружелюбно относилось к ней.

На этот раз граф Бохльс превзошел самого себя в блестящем устройстве празднества и убранстве своего дома, где даже сени были увешаны коврами и венками из цветов. Вся лестница до самого верху была уставлена миртовыми и померанцевыми деревьями в виде сплошной аллеи, отсюда из открытых дверей виднелись две ярко освещенные залы, украшенные зеленью и цветами. В каждой был особый оркестр; один предназначался для танцев, другой должен был играть в антрактах в красивой беседке из зелени. За главной залой был устроен буфет со всевозможными десертами, затем следовала анфилада других комнат, искусственно увеличенная с помощью зеркал и транспарантов. В верхнем этаже был накрыт ужин на маленьких столиках.

Музыка приветствовала прибытие их величеств; гости поочередно подходили к ним с почтительными поклонами. По окончании этой церемонии бал начался полонезом: король и хозяйка дома составили первую пару, за ними следовала королева с графом Бохльсом, который был, видимо, польщен такой честью. Графиня Франциска была в своем новом бриллиантовом ожерелье и, как бы назло двусмысленным обращенным на нее взглядам, имела гордый, самоуверенный вид, хотя король обходился с ней крайне сдержанно. Вообще у Иеронима было достаточно такта, чтобы соблюдать внешние приличия в присутствии королевы. Так и теперь он держал себя с большим достоинством, что, по-видимому, не особенно нравилось графине Бохльс, которая в этом отношении считала себя вправе быть требовательнее прежнего.

Едва кончился полонез, как в соседней зале заиграл оркестр, которым дирижировал Блангини. Это были все пьесы итальянских и французских композиторов, хотя немцы-музыканты крайне неохотно исполняли их. Блангини благодаря своей ловкости имел сильную поддержку при дворе, и его покровители хлопотали, чтобы он заменил Рейхардта и занял его должность.

Обер-гофмейстерина воспользовалась перерывом между танцами, чтобы удалиться вместе с Бюловым в небольшую изящно убранную гостиную, где пока никого не было, и они могли без свидетелей продолжать начатый разговор.

— Я вполне разделяю ваше мнение, графиня, — сказал Бюлов, садясь рядом с ней на диван, — маленькая любовная неудача не может отразиться на будущности вашего protégé. Когда пройдет первый пыл страсти, в нем проснется чувство собственного достоинства, и он отнесется, как следует, к изменчивой привязанности красивой креолки. Прежде всего нужно подумать, как пристроить его. На меня он произвел впечатление крайнего идеалиста, и поэтому я нахожу, что ему было бы полезно заняться цифрами в моем министерстве, да и вообще следует засадить его за систематическое занятие. Но, к сожалению, мне предстоит поездка в Париж, а перед этим я должен многое обдумать, составить доклад императору и перечесать массу всяких бумаг; поэтому юноше придется подождать моего возвращения.

— Как! Вы едете в Париж! — воскликнула графиня. — Должно быть, никто не знает о вашей поездке, потому что я первый раз слышу о ней.

— Это случилось совершенно неожиданно. Император все настоятельнее требует доплаты контрибуции и преобразования войска, численность которого он определил в 10 тысяч пехоты, 2 тысячи кавалерии и 500 человек артиллерии. А сколько, помимо этого, поглощает денег здешний двор и вновь устроенное государство! Но об этом распространяться нечего, так как вы имеете надлежащее понятие о здешних порядках. Мы должны, между прочим, содержать в Магдебурге французское войско в 12 500 человек и отправить в Испанию 6 тысяч человек, снабдив их боевыми и всякими другими запасами. При этом император еще упрекает нас в медлительности; ему и в голову не приходит, что он отнял у нас наиболее доходные земли для раздачи своим генералам и что Вестфалия истощена до последней степени, чему немало способствует постоянное передвижение войск с военными постоями, поставкой фуража и прочим. Все письменные переговоры не привели ни к каким результатам, поэтому я еду в Париж для личной беседы с Наполеоном. Быть может, мне удастся убедить его, чтобы он смягчил свои требования или по крайней мере не особенно настаивал на выполнении их, пока не соберется рейхстаг и назначит новые налоги или решит сделать внешний заем.

— Ваше положение довольно критическое, барон, потому что вы должны обладать магическим жезлом, чтобы справиться с нашими финансами! Но, скажите, пожалуйста, долго ли вы пробудете в Париже?

— Постараюсь вернуться как можно скорее и надеюсь, что молодому человеку придется недолго томиться в ожидании. Но если вместо государственной службы он хочет посвятить себя служению науке, то мое мнение... да вот, кстати, сюда идет господин Миллер — это хорошее предзнаменование, графиня!

Эти слова относились к вошедшему в комнату известному историку Иоганну фон Миллеру, который в это время занимал в Касселе почетную должность члена государственного совета. Бюлов тотчас же уступил ему свое место около обер-гофмейстерины и пересел на ближайшее кресло.

— Вы как будто предчувствовали, господин фон Миллер, что графиня желает обратиться к вам с небольшой просьбой, — сказал Бюлов. — Дело заключается в том, что нет ли у вас свободной профессорской кафедры в одном из пяти немецких университетов, которые находятся в вашем ведении, — я мог бы рекомендовать молодого, красивого ученого, который стремится служить науке, а пока завоевывает сердца наших дам...

— Вы говорите — п я т и университетов! Еще не известно, долго ли они просуществуют? Я рассчитываю на вашу помощь, барон, чтобы отстоять их. В ваших руках финансы страны; неужели, в надежде наполнить данаидину бочку государственной казны, вы лишите целые города с их округами умственной пищи и в то же время оставите стольких юношей без высшего образования!

— Во всяком случае Геттингенский университет не будет закрыт, — ответил уклончиво Бюлов, — но, по моему убеждению, он безусловно требует прилива новых сил...

— О, конечно! — ответил Миллер. — Король был так милостив с профессорами в Геттингене, что в этом отношении беспокоиться нечего!.. Да и вообще едва ли можем мы при настоящих условиях желать лучшего правителя, нежели Иероним. Он чувствует все большее расположение к немецкой нации и мог бы через своих министров познакомиться с внутренним положением страны. Но, к сожалению, у нас все идет через префектов, подпрефектов и мэров... Однако, простите, я совсем забыл о молодом ученом; не можете ли вы сообщить о нем какие-либо подробности, а также я желал бы знать его фамилию.

Бюлов передал в общих чертах то, что слышал от графини и сослался на ее рекомендацию.

— Вот все, что мне известно об этом юноше, — добавил он, — а зовут его Герман Тейтлебен, не правда ли какая странная фамилия!

— Простите, не могу согласиться с вами, барон. Имя одного из представителей этой фамилии занимает видное место в старой немецкой литературе. Затем Каспар фон Тейтлебен был в числе главных учредителей известного веймарского общества «Пальм» в 1617 году.

— Что вы скажете на это, графиня? — сказал Бюлов. — Какова память у нашего известного историка!

— Как видно, господин Миллер, вы совсем оправились после вашей болезни, чему я душевно рада, — заметила графиня. — Вы даже посещаете балы, а этого, кажется, никогда не бывало с вами прежде!

— Я сегодня на балу по исключительному случаю: король зачем-то вытребовал меня сюда, пожалуй, заставят еще меня протанцевать кадрили... — ответил с улыбкой Миллер. — Но вообще, где же я бываю? Каждую неделю мне приходится раза два заседать в государственном совете и столько же раз бывать при дворе, затем изредка играю в шахматы у моего друга Simeon'a, а все остальное время я живу отшельником. Но здоровье мое действительно поправилось, и мне остается только благодарить вас за участие, графиня. Главный источник моих болезней — нравственные огорчения, которые неизбежны, когда дело идет не так, как следует, и страдает правда...

В эту минуту вошел хозяин дома, который видимо искал кого-то и, заметив Миллера, заявил ему, что король желает говорить с ним.

Миллер извинился перед обер-гофмейстериной и Бюловом, что должен оставить их.

— Во всяком случае, — добавил он, — пришлите ко мне вашего protégé; нужно решить, на какой факультет он может поступить. К тому же, я узнаю от него не потомок ли он Каспара Тейтлебена?.. Однако до свидания!

С этими словами Миллер поспешно удалился. Обер-гофмейстерина также встала, чтобы присоединиться к остальному обществу. Бюлов проводил ее до дверей залы, где они встретили французского посланника, который любезно поздоровался с ними.

— Вы только что приехали, барон Рейнгард? — спросила обер-гофмейстерина с удивлением.

— Меня задержали дела, — ответил посланник. — Но благодаря этому я застал бал в полном разгаре и тотчас же заметил, что дамы о чем-то таинственно перешептываются между собой. Это так заинтересовало меня, что я попросил генеральшу Сала объяснить мне, в чем дело. Она саркастически улыбнулась и, бросив многозначительный взгляд на

графиню Бохльс, изрекла тоном Пифии: «Высокопоставленный преступник выдал себя!» Тут я невольно обратил внимание на дорогое бриллиантовое ожерелье графини Франциски, очевидно, подаренное ей королем, и, чтобы позлить генеральшу, заметил ей, что я не вижу особенного преступления в том, что графиня Бохльс надела свое новое ожерелье, потому что оно чрезвычайно идет ей...

Обер-гофмейстерина улынулась, но скорее из приличия, так как все ее внимание было обращено на Морио, который шел под руку со своей невестой и казался задумчивее обыкновенного.

Между тем оркестр в соседней зале доиграл *Adaggio*, и граф Бохльс воспользовался этой минутой, чтобы представить Блангини его величеству. Иероним сказал ему несколько приветливых слов относительно выбора и исполнения услышанных им пьес. Французская партия старалась всеми силами выдвинуть музыкального учителя королевы, и он неизменно дирижировал на всех придворных концертах. Блангини не был лишен таланта и имел несомненные достоинства, но он сам сознавал это едва ли не больше всех и вообще у него было довольно высокое мнение о собственной особе. На вид ему было около сорока лет; он был небольшого роста, с худощавым смуглым лицом, отличался живостью движений и необычайной любезностью. Недоброжелатели находили, что у него лакейская наружность, чему способствовал отчасти покрой коричневой форменной одежды с золотым шитьем, в которой его фигура казалась еще невзрачнее и хлыщеватее. Одобрение короля настолько польстило самолюбию итальянца, что он хотел распространиться о своих музыкальных сочинениях, но граф Бохльс успел вовремя остановить его.

В это время составлялись пары для французской кадрили. Ревбель пригласил мадемуазель Ле-Камю и увел ее в соседнюю залу. Морио, не принимавший участия в танцах, подошел к обер-гофмейстерине и попросил позволения сказать ей несколько слов. Видно было, что он не раз посещал буфет, так как находился в возбужденном состоянии и лицо его было краснее обыкновенного.

— Я должен поблагодарить вас, графиня, — сказал он, понизив голос. — Вы совершили чудо с моей Аделью!..

Обер-гофмейстерина не знала, как понять эти слова, и сердце ее усиленно забилося от беспокойства.

— Покаюсь вам, как честный человек, — продолжал Морио, — что за минуту перед тем как Адель осчастливила меня своим согласием, я был в таком бешенстве, что готов

был решиться на все. Король предупредил меня, иначе я ворвался бы к вам во время немецкого урока и, разумеется, досталось бы тогда от меня учителю и ученице... одним словом, не знаю, что вышло бы из этого... Но делать было нечего, я отправился к графу Фюрстенштейну, который был так озадачен всем, что я сообщил ему, что в первую минуту онемел от удивления... Я остался у него, так как решил ждать возвращения Адели; ни одному из нас не пришло в голову отправиться на вечер к графу Гарденбергу, куда мы были оба приглашены. Естественно, что наше нетерпение возрастало с каждой минутой... наконец, отворяется дверь... вбегает Адель, увидя меня, начинает рыдать, и прежде чем мы успели разразиться упреками, она очутилась в моих объятиях... Она едва могла выговорить: «Простите, я буду вашей женой!..» Конечно, в эту минуту все было забыто мной и даже ее прежнее резкое обращение... Теперь я счастливейший из смертных! Но, к сожалению, должен сознаться, что этим обязан вам, графиня, хотя до сих пор для меня загадка: какую роль играла тут немецкая грамматика?.. Вероятно, была какая-нибудь сцена, потому что Адель произносит ваше имя с особенной интонацией. Весь вопрос в том, что собственно произошло!..

— Следовательно, вы знаете о немецких уроках? — спросила рассеянно обер-гофмейстерина, так как в это время обдумывала свой ответ.

— Я узнал о немецких уроках от Берканьи, который сообщил мне о них во дворце и, очевидно, со злым умыслом!

— От Берканьи? — воскликнула она с удивлением.

— Разве вам неизвестно, графиня, что этот ловкий плут везде имеет своих ищеек? Конечно, у вас не совсем надежные слуги...

Обер-гофмейстерина встревожилась и перебирала в уме, кто из ее слуг мог быть подкуплен полицией, но когда Морио опять заговорил о немецких уроках, она ответила шутливым тоном:

— Вы должны учиться у меня, как справляться с Аделью, генерал Морио. В ней столько детского, что всякое противоречие заставляет ее делать наперекор, между тем как, уступая ее желаниям, вы можете постепенно всего добиться от нее.

— Вы не поверите, графиня, как изменилась Адель: она серьезна и сдержанна в обращении с другими, но относительно меня выказывает необыкновенную уступчивость и предупредительность. Я никогда не допускал возможности такого быстрого превращения!

— Очень рада слышать это! Я уверена, что Адель будет верной и любящей женой, — заметила обер-гофмейстерина в надежде, что разговор кончился, и она будет избавлена от неприятного собеседника.

Но Морио не думал прекращать разговора и сказал тихим голосом, старательно подбирая выражения:

— Видите ли, графиня, меня беспокоит еще одно обстоятельство. Адель почему-то возненавидела этого господина... как его фамилия... ну, одним словом, немецкого учителя, хотя говорила прежде, что он нравится ей... Что это значит? Я не мог добиться от Адели никаких объяснений... Вдобавок этот господин имел дерзость явиться к ней, когда она была одна дома, чуть ли не через три дня после того вечера. Конечно, Адель не приняла его! Все это рассказал мне камердинер графа Фюрстенштейна. Молодой человек хотел было оставить какое-то письмо, но передумал и поспешно удалился... Не можете ли вы, графиня, сказать мне: в чем дело? Вероятно, нужно заплатить за немецкие уроки, или чего доброго не вздумал ли он влюбиться и позволил себе... Черт возьми! В таком случае...

Графиня побледнела и не нашлась, что ответить, но, опасаясь какой-нибудь грубой выходки со стороны генерала Морио, попросила его последовать за ней в одну из отдаленных комнат, где никто не мог подслушать их разговора.

Морио повиновался, но для светской женщины достаточно было нескольких минут, чтобы овладеть собой. Когда они очутились наедине, графиня сказала равнодушным голосом:

— Вы говорите, генерал, что она ненавидит его, хотя мне кажется, что это не более как личная антипатия. Такие своенравные девушки, как Адель, часто впадают в крайность и способны все преувеличивать. Когда ей пришла фантазия брать немецкие уроки, она точно также почувствовала к вам ненависть за то, что вы не хотите уступить ее желанию. У меня тогда же мелькнула мысль устроить уроки под моим наблюдением, чтобы заставить ее отказаться от своего каприза. Действительно, мои ожидания вполне оправдались: Адель скоро почувствовала отвращение к немецкому языку, который был слишком труден для нее, а затем невзлюбила и учителя. Вероятно, ей представилось, что он дурно учит, потому что при ее самолюбии не хотела приписать плохие успехи, сделанные ею в языке, собственному нерадению. Не напоминайте об этом Адели, и все уладится понемногу. Относительно платы также не беспокойтесь: молодой человек не будет в убытке!.. По моим соображениям, он приходил поздравить Адель с помолвкой и, быть может, хотел подне-

сти ей стихи собственного сочинения — это в немецком духе и нисколько не удивило бы меня...

Графиня Антония остановилась и невольно покраснела, но тотчас же овладела собой и сказала непринужденным тоном:

— Однако наша беседа продолжается слишком долго, генерал Морио, и может привлечь общее внимание, поэтому я предлагаю вернуться в залу.

С этими словами она направилась к дверям, не дожидаясь ответа своего собеседника, на лице которого выражалось полное недоумение. В зале было душно, перед глазами графини Антонии мелькали фигуры танцующих, но она не различала их, говор и музыка неприятно действовали на нее, тем более что теперь у нее появились новые причины для беспокойства. Мысль, что не все кончено с помолвкой Адели, неотступно преследовала ее, к тому же она узнала от Морио, что у нее в доме между слугами есть изменник, подкупленный тайной полицией, который может во всякое время сделать на нее донос... Что пользы, если она даже откроет его, Берканыи не замедлит подкупить кого-нибудь другого из ее слуг. Но во всяком случае ей следует предостеречь Адель, чтобы она была осторожнее и не выказывала так явно своей ненависти к Герману, так как у Морио уже появились некоторые подозрения...

Она решила подойти к Адели и переговорить с ней по окончании танца, хотя не особенно рассчитывала на успех при тех холодных отношениях, какие установились между ними после памятного для нее вечера.

IV

Перемена

Бал у графа Бохльса продолжался далеко за полночь; ярко горели бесчисленные свечи в люстрах, отражаясь в стенных зеркалах; много было всяких проявлений страсти, любви, зависти и ревности под личиной светских разговоров и любезных улыбок. Одурачивающий аромат тропических цветов еще более увеличивал духоту в обеих залах и раздражительно действовал на нервы. Гул громких и тихих разговоров сливался со звуками музыки, звоном стаканов у буфета и возгласами игроков за карточными столами.

Перед домом стояли ряды экипажей и толпился народ, глазевший в открытые окна, у которых время от времени

появлялись фигуры дам и кавалеров в бальных костюмах. Была тихая июньская ночь, собиралась гроза, но никто не думал о ее приближении. В нескольких шагах от графского дома была гауптвахта, около нее расположились солдаты в ожидании отъезда короля. Пивная, находившаяся по соседству, была переполнена посетителями, слышались громкие голоса пирующих, прерываемые веселым хохотом.

На улицах верхнего города около древней крепости также заметно было оживление. Под арками разгуливали влюбленные пары, из французского ресторана доносилось монотонное пение подгулявшего посетителя, в беседке одного из частных садов собралось много гостей и играл оркестр по случаю какого-то семейного торжества.

Хотя уличный шум был явственно слышен в комнате Германа благодаря открытому окну, но он не обращал на него никакого внимания. Не более как полчаса тому назад он вернулся с музыкального вечера у Рейхардта, где были и Гейстеры; ему пришлось петь дуэт с Линой, что было для него нелегкой задачей при его нравственном состоянии. К тому же он должен был постоянно следить за собой, чтобы казаться веселым из опасения каких-либо шуток или вопросов со стороны друзей. В последние дни он пережил много тяжелого, упреки совести мучили его, и в то же время у него появлялись самые дикие предположения. Он переходил от чувства гордого самодовольства к малодушию и не мог понять, как одно так быстро сменилось другим — счастье и утрата, любовь и ненависть. При его неопытности и идеализме ему казалось чем-то чудовищным, что Адель могла возненавидеть его после того, что произошло между ними, а тем более сделаться невестой нелюбимого человека. Но здоровая, сильная натура Германа помогла ему перенести и это горе. У него появилось стремление к более чистой, высокой любви, что уже было своего рода примирением с жизнью. Все эти разнообразные ощущения придали особенную выразительность и законченность его пению. Друзья тотчас же заметили это и поздравили Германа, не подозревая, что причиной такой перемены было затаенное горе, которому он особенно предавался, когда был наедине с собой.

Но тут его печальные мысли были прерваны звуками музыки в соседнем саду. Оркестр играл «Полонез» Огиньского; рассказывали, что композитор в этой пьесе хотел выразить ощущения человека, который под влиянием отчаяния решает на самоубийство, а затем внезапно чувствует в себе достаточно мужества, чтобы остаться жить. Герман подошел к окну и задумчиво слушал звуки музыки,

которая так гармонировала с его душевным состоянием, в ней находил он отголоски пережитых им ощущений. Все спокойнее и радостнее становилось у него на сердце, в нем проснулось смутное сознание, что не все кончено для него и счастье опять улыбнется ему...

Между тем за горами собирались тучи, с двух сторон засверкала молния, но грома еще не было слышно, мертвящая тишина царила в воздухе, изредка прерываемая легкими порывами ветра. Но вот раздался первый удар грома, начал накрапывать дождь, который скоро перешел в ливень. Разом опустели улицы и смолкла музыка.

Герман закрыл окно и зажег свечу, чтобы прочесть записку баронессы Бюлов, переданную ему Луизой, о которой он случайно вспомнил в эту минуту. Письмо было адресовано Луизе: баронесса просила свою приятельницу сообщить Герману, что ее муж принимает участие в его судьбе и советует ему сделать визит историку Миллеру, который будет заранее предупрежден относительно этого и, вероятно, не откажет господину доктору в своем покровительстве.

Хотя записка не заключала никаких определенных обещаний, тем не менее самолюбие Германа было польщено участием, какое оказывали ему высокопоставленные лица. Но, с другой стороны, его смущало то обстоятельство, что он сам до сих пор не сделал ни одного шага для устройства собственной судьбы и предался безумной любви, которая поглотила все его помыслы. Теперь он решил немедленно приняться за дело и на следующее утро сделать визит Миллеру. Если барон Бюлов успел переговорить с ним, тем лучше, если нет, то все-таки это не может помешать ему представиться известному историку и лично переговорить с ним. Адель своей помолвкой с генералом Морио разрешила все его сомнения и не только избавила от каких-либо обязательств по отношению к ней, но даже отчасти сняла с него ответственность за преступное увлечение. По своему легкомыслию, он ни минуты не задумывался над тем, какие могут быть последствия этого увлечения и насколько они отразятся на будущности обоих.

Он вспомнил слова Эммериха, что «некоторых людей вывозит счастье», и невольно улыбнулся при мысли, как удачно выпутался он из последней любовной истории. Разве не то же слепое счастье помогло ему порвать всякие отношения с Берканьи?.. Размышления на эту тему окончательно успокоили Германа, и он заснул с мыслью, что так проживет всю жизнь и что счастье будет неизменно сопутствовать ему во все трудные минуты.

У историка Миллера

На следующее утро Герман, окончив свой туалет, сел к письменному столу в ожидании времени, когда ему казалось приличным отправиться с визитом к историку Миллеру. Занятия его были прерваны появлением барона Рефельда, который, упрекнув его за долгое отсутствие, рассказал множество городских новостей, не представлявших для него особенного интереса, но одно известие глубоко взволновало его. Дело касалось Адели. Барон сообщил ему, что по случаю близкой свадьбы Морио король собирается устроить при дворе пышный праздник в честь своего любимца, и добавил, что придворные не могут объяснить себе, почему красивая креолка так внезапно решила выйти замуж за человека, к которому она всегда относилась с видимой неприязнью.

— Разумеется, — продолжал барон, — по этому поводу плетут всякий вздор, сочинили целую историю о несчастной любви мадемуазель Ле-Камю к какому-то бедняку, вероятно, немцу, потому что наша знать не особенно разборчива относительно всякого французского сброда. Я убежден, что в основе всех этих толков зависть и недоброжелательство к генералу Морио, который нажил себе много врагов своим грубым обращением с людьми. Говорят, он очень ревнив, а креолки, как известно, отличаются легкомыслием и страстностью...

Герман ничего не ответил и поспешил переменить тему разговора, но едва успокоил он себя мыслью, что действительная история его отношений к Адели останется тайной для всех, как барон Рефельд коснулся другого, не менее щекотливого вопроса.

— Кстати, — сказал он, — чуть было не забыл сообщить вам, что вчера я получил письмо, в котором меня извещают, что по распоряжению министра Штейна арестован Кельн, член прусского военного совета, и будет предан суду за свою последнюю книгу «Интимные письма». Мало того, что этот господин позволил себе осуждать распоряжения прусского правительства и возбуждать против него недовольствие, что более чем неуместно в теперешнее бедственное время, но еще вздумал в своем сочинении распространяться о доходах государства. Понятно, что сообщение каких-либо сведений о наших делах, которыми могут воспользоваться французы, составляет своего рода донос и должно подлежать строгой ответственности...

Герман невольно покраснел, вспомнив о своем докладе генерал-директору полиции, и, чтобы скрыть свое смущение, прекратил неприятный для него разговор заявлением, что должен немедленно отправиться к историку Миллеру.

— Вот вы увидите первостепенного труса! — воскликнул барон Рефельд. — Представьте себе, что этот выдающийся, богато одаренный человек, с его обширным умом, отличается полным отсутствием гражданской доблести. Хотя роковая судьба и его собственное честолюбие вывели Миллера на политическое поприще, но он настолько малодушен, что не может сохранить равновесия в бурном море революционного времени. О нем можно смело сказать: придерживайтесь его слов, но не берите примера с его действий! Быть может, вы слышали, что случилось с ним в Берлине?

— Мне передавали содержание разговора Миллера с Наполеоном после торжественного въезда французского императора в Берлин; но в те времена все это мало интересовало меня и, сознаюсь, что в моей памяти не сохранилось никаких подробностей.

— Ну, я расскажу вам об этой встрече дорогой, потому что вам пора идти, господин доктор, если вы не желаете отложить вашего визита до следующего дня. Надеюсь, что вы ничего не имеете против того, чтобы я проводил вас до квартиры Миллера?

Когда они вышли на улицу, барон Рефельд продолжал начатый разговор.

— Нужно заметить, — сказал он, — что едва ли в ком-либо из нынешних выдающихся людей можно встретить такое малодушие в соединении с детским тщеславием, как у Миллера, чем объясняется шаткость его политических убеждений. Как известно, он служил некоторое время у майнцского курфюрста и в венской государственной канцелярии, после чего поселился в Берлине, в звании академика и бранденбургского историографа. Здесь, с целью поднять патриотизм нации, издал он сочинение Гаммера «Трубный глас священной войны» со своим предисловием. Но после сражения под Иеной, когда Наполеон приблизился к Берлину, на Миллера напал страх, что его привлекут к ответственности и, пожалуй, расстреляют, как Пальма, хотя, разумеется, ничего подобного не могло случиться, так как Наполеон, в виде особенной милости к известному немецкому историку, потребовал его к себе для личных объяснений и принял самым дружелюбным образом. Во время этого свидания произошел знаменитый разговор, о котором

было столько толков. Миллер высказал свой взгляд на историю и развитие народов, и так понравился императору своим широким, всеобъемлющим умом, что тот назначил его членом государственного совета в Кассель и генерал-директором народного просвещения. Почтенный историк несмотря на все свое честолюбие всячески старался отклонить это почетное назначение, вероятно, предчувствуя, что ему придется плохо на таком высоком посту. Но ничто не помогло, и он должен был отправиться в Кассель, где испытал столько неприятностей, что заболел от огорчения... Однако до свидания, мы дошли до его дома... В былые времена я считал бы своим долгом сделать небольшое предостережение, но теперь Миллер больной человек...

— Говорите яснее, барон, я не понимаю вас, — сказал Герман. — Какое предостережение?

— Какое? — повторил со смехом барон Рефельд и, пожав руку Герману, свернул в соседнюю улицу.

Герман вошел в дом, где жил Миллер, и велел доложить о своем приходе. Старый камердинер провел его в кабинет историка, который приветливо встретил его и, указав на стул, просил обождать несколько минут.

Миллер был не один, за его письменным столом сидел доктор Гарниш и прописывал рецепт, давая разные наставления относительно лечения. Герман невольно сравнил между собой этих двух людей, наружность которых представляла полный контраст. Миллеру было более пятидесяти лет, небольшого роста, довольно тучный, с бледным, как бы припухшим лицом, он отличался вялостью и медленностью движений, большие глаза навывкате, лишенные выражения, блестящие лихорадочным блеском, между тем как мягкие очертания полных губ придавали его лицу какое-то детски добродушное выражение. Доктору Гарнишу было под тридцать лет, он также был невысокого роста, но отличался необыкновенной живостью и представлял собой олицетворение здоровья и физической силы: румяный, с мужественными, немного резкими чертами лица, выразительным взглядом и густыми темными волосами. Он одинаково владел французским и немецким языками, имел безукоризненные манеры и при своем блестящем остроумии всегда находил подходящий ответ; знатные дамы охотно избирали его в поверенные своих сердечных тайн, что не мешало ему лечить со спокойной совестью их мужей. При этом доктор Гарниш несмотря на некоторую самоуверенность и гордое сознание своего медицинского авторитета был неизменно приветлив со всеми. Так и теперь, исполнив свою доктор-

скую обязанность, он любезно обратился к Герману и напомнил ему, что не раз имел удовольствие встречать его у Рейхардтов.

— Сегодня я узнал от моего почтенного Гиппократы, что он знаком с вами, господин Тейтлебен! — сказал Миллер. — Его лестный отзыв о вас служит для меня наилучшей рекомендацией, кроме того, министр Бюлов и обер-гофмейстерина принимают самое живое участие в вашей судьбе...

Германа особенно поразило то обстоятельство, что обер-гофмейстерина продолжает благосклонно относиться к нему, хотя он, со своей стороны, настолько чувствовал себя виноватым перед ней, что даже избегал проходить мимо ее дома.

Доктор Гарниш, заметив смущение молодого человека, улыбнулся:

— Вас можно поздравить, господин Тейтлебен, — сказал он, — по-видимому, вы пользуетесь таким же доверием государственных людей, как и знатных дам!

— Это служит лучшим доказательством его дипломатических способностей, — сказал Миллер, — но во всяком случае я рад за него, что он хочет посвятить себя науке. Вот я, например, нахожусь в вечном колебании между ученой и государственной деятельностью и не раз вспоминал изречение моего покровителя и друга, старика Тронхина, что только на поприще науки я буду работать честно и с успехом.

— Этот взгляд кажется мне слишком односторонним! — возразил Гарниш. — Если до сих пор вы способствовали своим пером развитию патриотизма в сердцах наших соотечественников, то теперь наступила пора действовать живым словом. Мы рассчитываем на то влияние, какое вы можете оказать на короля, министров, немецкую нацию; говорю это, не стесняясь присутствия молодого человека, так как он друг Рейхардта и ему все известно. Вы знаете, что готовится в Пруссии и на севере Германии и какое значение имеет там имя Иоганна Миллера! У вас обширные знакомства среди государственных людей и ученых, и вы должны сделаться центром союза друзей родины; теперь не время писать историю, а нужно выступить в ней действующим лицом...

Гарниш говорил вполголоса, но с таким воодушевлением, что лицо его разгорелось; Миллер был также взволнован, но еще более недоволен, что нарушают его душевный покой, и поэтому ответил с некоторым раздражением:

— Вы напоминаете мне древних пророков, мой дорогой medicus; они говорили тем же торжественным тоном, но,

призывая людей к покаянию, не требовали от них невозможного. Пророк Иеремия выплакал себе глаза, видя, что его родина перейдет к вавилонскому царю, но советовал Израилю покориться необходимости, хотя, разумеется, нельзя заподозрить его, что он забыл свой народ или недостаточно любил его. Я не сравниваю себя с Иеремией, но в душе чувствую такое же горе, надеюсь, что вы оба понимаете меня...

Миллер остановился, затем продолжал более спокойным голосом:

— Благодаря событиям 1806 года целые нации попали в силки великого птицелова, так что вся Европа вскоре обратится в *emprisonnement*, но не на 70 лет, как было в Вавилоне, а несравненно долее. Быть может, Наполеон представляет собой орудие судьбы и ему суждено совершить нечто новое и небывалое во всемирной истории. Эта мысль пришла мне в голову во время моей беседы с этим необыкновенным человеком; я был так подавлен ею, что долго не мог успокоиться и наконец заболел. Теперь я опять чувствую себя здоровым благодаря вашему искусству, мой почтенный Гарниш, но, поймите, что я не более как пришелец в этом многогрешном Вавилоне, и сознание моего полного бессилия томит меня более, чем кого-либо!

На глаза Миллера навернулись слезы, но Гарниш не обратил на это никакого внимания и ответил с легкой усмешкой:

— Вы упустили из виду одно обстоятельство, мой почтенный друг, что мы не в плену и не уведены в Вавилон, а продолжаем жить на собственной земле и имеем полную возможность прогнать наших врагов. Разумеется, нам нечего рассчитывать на помощь немецких курфюрстов и королей, которых можно считать главными виновниками вторжения чужеземцев; я не теряю надежды, что немцы рано или поздно придут к сознанию, что вся сила в народе и что правители существуют для него, а не он для них!

— Особа правителя должна быть священной для народа, — пробормотал Миллер, — но никто не станет доказывать, что какой бы то ни было гнет, а тем более чужеземный, был бы желателен или полезен для народа...

— Мы поговорим об этом в следующий раз, — сказал Гарниш и, взяв со стола шляпу, удалился с любезным поклоном.

Миллер был, видимо, рад возможности прекратить разговор о политике, он приветливо обратился к Герману и пригласил сесть рядом с собой у письменного стола. Добро-

душное выражение его глаз и улыбка ясно показывали, что молодой претендент на кафедру произвел на него приятное впечатление.

— Теперь мы одни, — сказал Миллер, — и я просил бы вас сообщить о себе некоторые подробности: к чему вы стремитесь, что намерены делать.

Герман обыкновенно отличался живостью и простотой изложения, но на этот раз присутствие известного историка и его приветливое обращение так благотворно подействовали на него, что он становился все красноречивее.

— Вы, несомненно, обладаете даром слова, господин Тейтлебен, — сказал Миллер, — а это не последнее достоинство в профессоре, так что вы можете смело рассчитывать на блестящий успех. Но прежде всего я должен объяснить вам положение дел: в настоящее время мне приходится главным образом отстаивать существование наших пяти университетов. К осени вопрос будет решен, но если даже некоторые из них будут закрыты, то все-таки нам нужен будет прилив новых сил, и я устрою вас, быть может, в Геттингене. А пока не советую искать службы при дворе, это будет совершенно лишнее для вас и потребует напрасной траты времени. Займитесь лучше какой-нибудь научной работой, переведите, например, «Пир» Платона с надлежащими комментариями относительно тогдашних и теперешних воззрений на любовь. Ни в одном из классических сочинений мы не встречаем такого прекрасного сочетания поэзии и философии и такого возвышенного взгляда на любовь. Появление такой книжки было бы особенно желательно в данный момент и подействовало бы отрезвляющим образом на наше общество, среди безумного карнавала кассельской жизни.

— Какая прекрасная мысль! — воскликнул Герман. — Я считал бы себя счастливым, если бы мог осуществить ее!

— Очень рад слышать это! — сказал Миллер. — В моей библиотеке собрано много литературы как относительно этого, так и других «Диалогов» Платона. Вы получите от меня нужные для вас книги, и мы переговорим подробно относительно вашей работы, но, конечно, вы должны посещать меня, как можно чаще.

— Бесконечно благодарен, — отвечал Герман, — но время так дорого для вас...

— Разумеется, хотя отдых для меня еще дороже. Шумные вечера, где мне приходится бывать время от времени, только усиливают мое утомление; масса просителей, которые ежедневно осаждают меня, также не могут доставить

особенного удовольствия. Одним словом, не стесняясь, приходите ко мне... но опять-таки повторяю вам, не стремитесь к придворной службе, лучше поищите частных уроков в знатных домах или места чтеца — вы сделаете полезные знакомства и у вас явятся кое-какие связи. Я охотно дам вам рекомендательные письма к некоторым лицам...

Миллер не окончил начатой фразы и задумался. Герман воспользовался этой минутой, чтобы проститься с ним и поблагодарить за участие.

— До свидания, — сказал Миллер, также поднимаясь с места. — Счастливее! Глядя на вас, я невольно вспоминаю свою молодость. Было время, когда и я обладал здоровьем и мог надеяться на будущее. Господь да благословит вас!..

VI

Друзья

Герман вернулся домой взволнованный. Он зашел к хозяйке дома, чтобы поздороваться с ней, и застал Лину Гейстер, которая обратилась к нему с вопросом, не захочет ли он почитать с ней что-нибудь:

— Это будет для меня большим одолжением, — добавила она, — со времени нашего возвращения в Кассель, я прочла немало всяких книг, но при моем невежестве многое непонятно для меня, а Людвиг так занят, что я не решаюсь обращаться к нему за какими-либо объяснениями.

Герман охотно согласился, так как рад был случаю развлечься и избавиться хотя на короткое время от тяжелых мыслей, которые в последнее время неотступно преследовали его.

Молодая женщина не могла привыкнуть оставаться целый день дома в полном одиночестве. Гейстер обыкновенно проводил в министерстве время от девяти до пяти часов, когда они садились за обед по французскому обычаю; если случалось, что он утром заходил домой, то не более как на несколько минут, и опять уходил на службу. Лина, деятельная по природе, не знала, как убить время, небольшое и далеко не сложное хозяйство не требовало от нее особенного внимания. Поэтому она много читала и почти ежедневно бывала у матери, которая также скучала без нее.

Когда они вышли на балкон и сели за чтение, Лина заметила, что Герман чем-то взволнован и одет тщательнее обыкновенного. Мысль, что, быть может, он вернулся от

своей возлюбленной, промелькнула в ее голове; она со смущением взглянула на него и, видимо, обрадовалась, когда Герман сообщил ей, что был у генерал-директора народного просвещения, Миллера.

— Вероятно, он объявил, что тебе нечего надеяться на получение места? — спросила она.

— Напротив! Но не это смутило меня... Я не в состоянии передать тебе, какое странное впечатление произвел на меня Миллер. Невольно преклоняешься перед этим человеком, но в то же время он возбуждает в вас какое-то сожаление. Фигура его невзрачная и несмотря на поразительный ум он производит крайне неприятное впечатление своим робким, заискивающим обращением, хотя вообще исполнен добродушия и самых благородных стремлений. Он все сваливает на болезнь, но, мне кажется, что у него просто тоска по родине и он чувствует себя здесь чужим человеком, как многие в Касселе.

— А ты, Герман, разве ты чувствуешь себя чужим среди нас? — спросила она взволнованным голосом.

— Конечно, нет, но только до тех пор, пока я с вами или среди природы, но когда я думаю о своем будущем или о здешнем обществе, то чувствую себя одиноким и несчастным. После того, что мне пришлось испытать в последнее время, я искренно желал бы ограничить все мои отношения с людьми вами и Рейхардтами. Уединение поможет мне сосредоточиться и приготовить себя к той деятельности, на которую указал мне Миллер.

— Какая деятельность, Герман, и как ты будешь готовиться к ней?

— Видишь ли, это ученая работа, которую я должен исполнить под руководством Миллера; осенью он надеется предложить мне кафедру, и даже, быть может, в Геттингене...

— Радуюсь за тебя, — сказала молодая женщина, — хотя из-за этого нам придется расстаться с тобой, и даже теперь, если ты погрузишься в работу, то, пожалуй, забудешь о нашем существовании.

— Это не может случиться по многим причинам, а тем более по характеру заказанной мне работы, так как это трактат о любви. Ты, может быть, имеешь понятие о Платоне и его сочинении «Пир»?

— Я слышала мельком от Людвига, что Платон был греческим мудрецом или философом, но, конечно, это слишком мало, и я просила бы тебя рассказать мне, как можно подробнее, о Платоне и его сочинениях.

Герман охотно исполнил желание своей молодой приятельницы и, коснувшись в общих чертах наиболее известных сочинений Платона, подробно изложил содержание «Пира».

— Ну, а теперь не можешь ли ты сообщить мне, какие именно речи были произнесены в этом «Пире» в похвалу богу любви? — спросила Лина.

— Изучение этих серьезных и юмористических речей, в которых проводится различный взгляд на любовь, и составляет главную задачу моей работы. Здесь требуется не только точный перевод Платона, но и последовательное изложение современных взглядов на любовь. Время, когда был описан пир в Афинах, имеет много общего с нынешними условиями жизни. Высшие классы общества ничего не признавали, кроме наслаждения, как будто это была их неизбежная обязанность, а для остальных смертных дни шли за днями без радости и какой-либо надежды на лучшее существование...

Герман замолчал, потому что в эту минуту явилась госпожа Виттих с приглашением к обеду. Лина не решилась остаться, несмотря на настойчивые просьбы матери, и отправилась домой.

Дорогой самые разнообразные мысли приходили в голову молодой женщине. Она сравнивала свою сегодняшнюю беседу с Германом с рассказами Людвига о разных любовных приключениях при дворе. Идеальные воззрения Германа были настолько же симпатичны ей, насколько она вообще возмущалась взглядами Людвига на жизнь. Отсюда мысли ее невольно остановились на Германе и на той перемене, какую она замечала в нем. Она не думала, чтобы причина заключалась в сердечной привязанности, потому что в этом случае Герман всецело предался бы своему чувству и не стал бы увлекаться наукой; еще менее казалось ей возможным, чтобы ее друг мог потерпеть неудачу в любви. Сказанные им слова, что «он чувствует себя одиноким в Касселе», не выходили у нее из головы, и она решила сделать все от нее зависящее, чтобы по крайней мере у них в доме он не испытывал ничего подобного.

За обедом Лина сообщила мужу о печальном настроении их друга, но Гейстер холодно заметил, что, по его мнению, Герману прежде всего нужна практическая деятельность, которая бы поставила его в необходимость трудиться изо дня в день. «Насколько я мог заметить, — добавил он, — избыток сил чаще нарушает наше душевное

равновесие, нежели недостаток их. Поверь мне, Линхен, Герман недоволен собой, а не Касселем, и в этом главная причина его дурного расположения духа».

VII

Интрига

Тесная дружба обер-гофмейстерины и барона Бюлова не ускользнула от внимания его врагов, равно и то обстоятельство, что благодаря влиянию их обоих немецкая партия заметно усилилась при дворе, а в министерстве финансов наиболее видные места были замещены немцами. Поэтому Берканыи, руководитель французской партии, поставил себе целью низвергнуть министра финансов и заменить его более надежным человеком. После отъезда Бюлова, он вступил в переговоры с членом государственного совета Мальхом, которого склонил на свою сторону обещанием содействовать его назначению на пост министра финансов. Мальх не мог ни в каком случае помешать его планам, потому что индифферентно относился ко всем партиям и готов был пристать к той из них, которая наиболее соответствовала его личным интересам. Это был человек лет сорока, еврей не только по фамилии, но и по типу, который явно свидетельствовал о его восточном происхождении. Изворотливость была отличительной чертой его характера и в значительной мере помогла ему пробить себе дорогу в свете, в соединении с редким трудолюбием, знанием дела и коварством.

Надежда сделаться министром финансов возвеличила Мальха в собственных глазах и отразилась на его обращении с людьми, к которым он стал относиться с небрежной снисходительностью знатного человека. Теперь он принимал посетителей не иначе, как развываясь на диване, с трубкой в руках, давал односложные ответы или слегка кивал головой в знак одобрения. Оставаясь наедине с женой, он ни о чем другом не мог говорить с ней, как об ожидаемом почетном назначении. В один из таких моментов слуга доложил о прибытии Берканыи; госпожа Мальх тотчас удалилась из кабинета, между тем как ее супруг поспешно отложил трубку и сделал несколько шагов навстречу посетителю.

Генерал-директор полиции вошел с торжествующим видом, держа в руках какую-то бумагу.

— Как? Неужели? — воскликнул Мальх, лицо которого просияло от удовольствия. — Могу ли я надеяться!.. Раз-

ве наш план так близок к осуществлению? Говорите скорее, не томите меня...

— Вы угадали, мой друг, — сказал Берканьи развязным тоном, — теперь, более чем когда-либо, я рассчитываю на успех. Кстати, я принес французские стихи, которые оставлю вам для прочтения, они написаны в насмешку над Бюловом и его финансовыми операциями; мы напечатаем их с немецким переводом. Поверьте, что они скорее подорвут авторитет этого господина, нежели что-либо другое, и в обществе неизбежно будет поднят вопрос: действительно ли его заслуги так велики, как нам хотят представить их?..

Мальх, не ожидавший услышать что-либо подобное, был заметно смущен и пробормотал сквозь зубы, что такого рода стихи могут привлечь внимание...

— Чье внимание? Не сыскной ли полиции? — спросил со смехом Берканьи. — Даю вам честное слово, что мои агенты не откроют имени автора этого пасквиля. Но, конечно, все это пустяки, а главное то, чтобы Бюлов по возвращении из Парижа нашел здесь совсем другую атмосферу, кроме того, я не сомневаюсь, что его поездка не будет иметь никаких результатов.

— Мне кажется, — возразил Мальх, — что мы прежде всего должны вооружить против него короля и убедить его величество в том, что Бюлов намеренно уменьшает цифру доходов страны, чтобы придать себе больше цены!

— Я не разделяю вашего мнения, мой милый друг, — сказал Берканьи, — у короля хватит настолько понимания, чтобы не поверить этому, хотя он и не любит заниматься делами. До тех пор, пока доставляются деньги на удовольствия, Бюлов останется «l'homme par excellence, le phénix de la Westfalie»... Но знаете ли, что всего сильнее могло бы подействовать на короля при его настоящем состоянии духа?

— Что именно? — спросил Мальх.

— Если бы можно было убедить Иеронима, что Бюлов имеет тайные отношения с Пруссией и действует заодно с тамошними противниками Наполеона.

— Бюлов пользуется слишком большим доверием его величества, — возразил Мальх, — к тому же это подозрение ни на чем не основано...

— Напротив, — заметил Берканьи. — Я не сомневаюсь, что он принимает известное участие в политическом движении Пруссии, судя по тому, что он посылает и получает письма через особых гонцов. Жаль, что нельзя пересмотреть его бумаги! В левой тумбе его письменного стола есть потайной ящик, где он хранит свою частную коррес-

понденцию. Мне известно, что ключ хранится не особенно тщательно, потому что, кроме секретаря Провансаля, никто из чиновников не смеет войти в кабинет министра без зова. Этот швейцарец так привязан к своему начальнику, как магнит к железу. Бюлов познакомился с ним в Магдебурге, где Провансаль занимал место пастора и при случае помогал ему составлять отчеты и писать донесения на французском языке. Когда Бюлов сделался министром, то призвал сюда Провансаля, назначил его своим секретарем и даже предложил ему жить в своем доме. Теперь такая тесная дружба связывает их, что о подкупе секретаря не может быть и речи, тем более что он человек непрактический, хотя довольно сведущий в делах. Вдобавок, по некоторым данным, Провансаль, вероятно, также принимает участие в прусском заговоре.

— Как вы полагаете, нельзя ли сделать обыск у Бюлова во время его отсутствия? — спросил Мальх.

— В его отсутствие! — повторил задумчиво Берканьи. — Конечно, такая мера вернее всего привела бы нас к цели, но, пожалуй, король найдет это неприличным. Едва ли даже можно будет добиться от его величества разрешения, чтобы мой агент пересмотрел втайне корреспонденцию министра, хотя, конечно, придется подкупить камердинера, который бы впустил его в кабинет.

— Разве вам так необходимо согласие короля? — спросил Мальх.

— Разумеется! Представьте себе, что найдется какой-нибудь документ, который нужно будет представить королю для достижения наших целей, — не могу же я объявить, что обыск произведен мной самовольно!

— Вы правы, — сказал Мальх, — но во всяком случае не мешает сделать попытку хоть до известной степени уронить Бюлова в мнении короля.

Берканьи задумался, а затем сказал решительным тоном:

— Я последую вашему совету, только предварительно постараюсь подготовить почву.

— Через кого?

— Через Дюшамбона.

— Как! — воскликнул с удивлением Мальх. — Неужели вы думаете, что король обратит малейшее внимание на слова этого шута, от которого никто не ждет ничего путного?

— Не в этом дело! Король никогда не видел Дюшамбона в том состоянии духа, в каком он находится в настоящее время! Я встретил его у дверей вашего дома, он вне себя от

ярости, что ему не выдали денег из главного казначейства, так как он намеревался выплатить месячное жалованье придворным певцам. Директор мотивировал свой отказ тем, что нет денег в кассе, и выразил надежду, что они будут скоро получены из провинций. Но, когда Дюшамбон, вероятно, подстрекаемый мадемуазель Галло, начал настаивать на исполнении своего требования, то директор флегматично заметил ему, что прежде следует удовлетворить плачущих, а затем уже поющих, и этим замечанием окончательно рассердил вспыльчивого француза. Этот хотел тотчас же отправиться с жалобой к его величеству, но я объявил ему, что сегодня до обеда нельзя видеть короля, и просил его предварительно зайти ко мне. Я хочу подучить Дюшамбона, чтобы он, жалуясь на директора, сделал бы донос и на самого министра, а именно, что Бюлов, будучи в Магдебурге, отправил в Пруссию всю казну и ценные вещи, не уведомив об этом главного французского интенданта. Таким образом король будет подготовлен и, быть может, сам заговорит со мной об этом, а тогда мне будет нетрудно заручиться дозволением сделать тайный обыск в кабинете министра.

— Прекрасно! — воскликнул Мальх, лицо которого заметно повеселело. — Кстати, не вы ли сказали мне вчера, что на днях должен прибыть сюда из Берлина наш посланник барон фон Линден?

— Мне известно это из верного источника, — сказал Берканьи, — и я могу добавить, что барон едет сюда по приглашению Иеронима, который с нетерпением ожидает известий о положении дел в Пруссии и тамошнем движении. Хотя трудно встретить человека, который писал бы такие подробные и точные донесения, как посланник, но король находит их недостаточными и надеется получить от него еще большие сведения при личном свидании. Вы знакомы с ним?

— Я встречал его в обществе еще в то время, когда он был простым каноником. Это высокий худощавый господин... и, скажу вам по секрету, отчаянный игрок и круглый невежа, хотя получает громадное жалованье...

— Ему выдают ежегодно 40 тысяч франков на непредвиденные расходы, — заметил Берканьи.

— Кроме жалованья в 170 тысяч франков! — воскликнул Мальх раздраженным тоном.

— Но все-таки нам не приходится завидовать ему, — возразил с улыбкой Берканьи. — Он не только в полной зависимости от нашего короля, но должен исполнять приказания Наполеона и даже маршала Даву...

— Не найдете ли вы нужным сообщить посланнику ваши подозрения относительно политической неблагонадежности Бюлова? — спросил Мальх. — Весьма возможно, что барон фон Линден уже имеет некоторые сведения о сношениях Бюлова с Пруссией и, конечно, не замедлит донести о них королю. Если же он узнает об этом от нас, то почувствует себя сконфуженным и передаст наши слова в превеличественном виде, что было бы всего желательнее.

— *Ma foi*, вы поражаете меня своим знанием людей! — воскликнул генерал-директор полиции, дружески пожимая руку своему сообщнику. — Но так как вы знакомы с посланником и более меня заинтересованы в этом деле, то возьмите на себя исполнение придуманного вами маневра. Я сведу вас с бароном фон Линденом, вы переговорите с ним, узнаете, как он относится к Бюлову, а затем уже передадите ему наши подозрения... Однако мне пора идти. *Au plaisir de vous revoir!*

С этими словами Берканьи поспешно удалился. Мальх подошел к окну и задумчиво смотрел вслед отъехавшему экипажу. Его заветная мечта сделаться министром финансов казалась ему теперь более осуществимой, нежели когда-либо; он перебирал в уме различные сложные операции, с помощью которых надеялся поправить расстроенные финансы Вестфалии. У него не было ни малейшего сомнения в том, что в этом отношении он далеко превзойдет Бюлова.

VIII

Кабинет министра

Герман после своего визита к историку Миллеру целую неделю просидел у себя дома за работой, но при тревожном состоянии духа он не мог всецело сосредоточиться на ней. Печальная развязка отношений с Аделью не переставала мучить его; в то же время внимательное изучение речей друзей Платона навело его на мысль, что страсть и любовь имеют между собой мало общего, и что он ничего не чувствовал к хорошенькой креолке, кроме мимолетного увлечения. Это сознание еще более усиливало в нем желание испытать ту глубокую идеальную привязанность к женщине, о какой он мечтал во времена своего студенчества. Научная работа, которая до этого доставляла ему только нравственное удовлетворение, теперь получила для него другого рода интерес, он увидел в ней

средство добиться прочного положения в свете и законных прав на любовь.

При таком настроении, наука сама по себе стала казаться Герману слишком сухой и безжизненной, в нем опять пробудилось стремление к обществу, он стал чаще прежнего бывать у Гейстеров, не пропускал ни одного музыкального вечера у Рейхардтов. Здесь он встречал большей частью обычных посетителей, и поэтому появление нового гостя тотчас же привлекло его внимание.

— Вас, кажется, интересует — кто этот господин? — спросила его баронесса Бюлов, с которой он разговаривал в это время. — Его фамилия Провансаль, это секретарь моего мужа и его друг, хотите, я познакомлю вас с ним? У вас много общего, он, вероятно, понравится вам...

Затем баронесса, не дожидаясь ответа своего собеседника, подозвала Провансалья и, познакомив молодых людей между собой, отошла от них, чтобы не стеснять своим присутствием.

Провансаль был человек лет тридцати, привлекательной наружности, среднего роста, с бледным смуглым лицом и задумчивыми карими глазами. Вежливый и деликатный в обращении, он не отличался особенно блестящим умом, но был хорошо образован, начитан и по своей безукоризненной честности и знанию дела вполне заслуживал то доверие, с каким относился к нему Бюлов.

— Все, что я слышал о вас, господин Тейтлебен, — сказал Провансаль, — давно возбудило во мне желание познакомиться с вами. Министр Бюлов принимает в вас самое живое участие и пишет мне, что если вы не особенно стремитесь к научной деятельности, то он предлагает вам службу в нашем министерстве, где теперь идут преобразования и будет увеличен штат.

Это неожиданное предложение озадачило Германа, так как шло вразрез с его мечтами о научной деятельности. Но лестное доверие министра и надежда скоро занять видное положение в блестящем кассельском обществе были настолько заманчивы, что он не решился ответить отказом и только выразил сомнение относительно своей пригодности к государственной службе при полном отсутствии практических сведений.

— Ваше недоверие к себе может служить мне прямым упреком, потому что я поступил в министерство финансов еще с меньшей подготовкой, нежели вы, — сказал Провансаль, — что же касается практических сведений, то это дело навыка, а пока вы не освоитесь с делами, я всегда к вашим

услугам. Мы поговорим об этом подробнее, если вы навестите меня или, вернее сказать, сделаете визит баронессе, потому что я живу у них в доме. Баронесса фон Бюлов не раз выражала удивление, что вы никогда не зайдете к ней.

Герман был смущен этим лестным для него приглашением и, пробормотав извинения, спросил, в котором часу он может явиться к баронессе?

— Баронесса принимает в обычное время визитов, — пояснил Провансаль, — а меня вы всегда застанете дома, между двенадцатью и часом дня...

Разговор молодых людей прекратился, потому что к ним подошла Луиза Рейхардт и пригласила Германа спеть с ней дуэт.

Предложение места в министерстве финансов застало Германа врасплох; теперь ему предлагалось на выбор: посвятить себя ученой деятельности или поступить на государственную службу. От решения этого вопроса зависела вся его будущность и, хотя он не считал пока возможным дать определенный ответ секретарю Бюлова, но тем не менее через день после музыкального вечера у Рейхардтов собрался к нему с визитом.

Провансаль встретил Германа с изысканной вежливостью, но с некоторым оттенком чопорности, напоминавшей о его бывшей пасторской профессии. Он провел своего гостя в кабинет министра. Это была большая, светлая комната, комфортабельно устроенная, но с первого взгляда поражавшая строгой простотой убранства и всей обстановки. Боковая дверь вела в канцелярию, налево от нее стоял большой письменный стол красного дерева, направо — шкаф с книгами, у противоположной стены поставлен был мягкий диван и несколько кресел. Над письменным столом висел поясной портрет Иеронима в золотой раме, стены были украшены различными пейзажами.

— Эта комната служит министру для работы и отдыха, — сказал Провансаль, — и он не любит, чтобы кто-либо нарушал то или другое. Вы не найдете здесь ничего лишнего, каждая вещь имеет определенное назначение, начиная с шкапиков на столе: в правом хранятся наиболее важные деловые бумаги, в левом находится частная корреспонденция министра. Все остальные бумаги распределены у него по ящикам стола в таком строгом порядке, что ему никогда не приходится тратить время на поиски. Несмотря на близость канцелярии никто из служащих не смеет

явиться без зова, а вот эта потайная дверь ведет в комнаты баронессы, но она всегда умеет выбрать время, когда войти, не помешав занятиям своего супруга...

Провансаль, упомянув о баронессе, воспользовался удобным случаем, чтобы распространиться о ее необыкновенных достоинствах. Он, видимо, преклонялся перед ней; легкий румянец, выступивший на его бледном лице, показывал, что сердце его не осталось равнодушным и что ему приходится выдерживать внутреннюю борьбу между чувством и сознанием долга. Затем, как бы опомнившись, он неожиданно прервал свою восторженную речь и спросил Германа: не желает ли он осмотреть вместе с ним разные отделения министерства, чтобы наглядно познакомиться с назначением каждого из них?

Герман поспешил изъявить свое согласие. Когда они проходили через переднюю, Провансаль приказал слуге доложить о них баронессе.

Несколько минут спустя потайная дверь кабинета открылась, и вошла баронесса Бюлов в сопровождении доктора Гарниша, который казался сильно взволнованным.

— Но где же эти господа? — воскликнула с недоумением баронесса. — На столе оставлена шляпа, — вероятно, они скоро вернутся: не подлежит сомнению, что Провансаль не вытерпел и повел молодого человека в канцелярию, чтобы познакомить его с делами...

— В которых он сам ничего не смыслит, — заметил с усмешкой Гарниш.

— Вы несправимы, доктор, — сказала баронесса строгим тоном, который совершенно не гармонировал с приветливым выражением ее доброго лица. Ласковая улыбка была настолько свойственна ей, что не исчезала даже в те минуты, когда баронесса действительно была недовольна, вследствие чего являлось невольное сомнение: серьезно она сердится или нет? Так было и теперь, хотя назойливое ухаживание Гарниша было крайне неприятно ей и она не знала, как дать ему это почувствовать, не оскорбляя его.

Гарниш принадлежал к числу тех людей, у которых любовь играла первую роль в жизни, он готов был скорее лишиться пациентов, чем отказаться от нежных отношений. Он всего охотнее лечил дам и приписывал все их недуги сердечному неудовлетворению, почему пользовался всяким случаем, чтобы явиться в роли утешителя. Хотя в этом отношении Гарниш нередко терпел неудачи, но ничто не могло образумить его или ослабить той самоуверенности, с какой он шел на приступ в каждом отдельном случае.

— Сделайте одолжение, садитесь, господин доктор, — сказала баронесса.

— Но не иначе, как возле вас, если позволите, — отвечал Гарниш, сделав движение, чтобы подвести ее к дивану.

— Не трудитесь, — возразила она с улыбкой, — я найду себе место, а вы садитесь на диван, против портрета короля, быть может, это заставит вас держать себя несколько приличнее.

Гарниш почтительно поклонился портрету, затем сел на указанное место.

— Ваше желание исполнено, баронесса, я нахожусь теперь под присмотром выбранного вами монарха, но позвольте вам напомнить, что сам Иероним далеко не отличается строгостью нравов и своей смелой тактикой с дамами может ввести в соблазн любого из нас...

— Это ни в коем случае не должно относиться к нам, доктор! У нас, конечно, найдутся более серьезные интересы: на ваших руках больные, меня заботит муж, который так завален делами, что я не знаю, надолго ли хватит у него сил выносить подобную жизнь!

— Вот вы и проговорились, баронесса! — воскликнул Гарниш. — Ваша чрезмерная заботливость о муже служит для меня верным симптомом душевного недуга... Как хотите, это ненормально, и вы должны лечиться у меня! Прежде всего предписываю вам полное доверие ко мне, а я, со своей стороны, всецело преклоняюсь перед теми совершенствами, какие нахожу в вас. Будьте самовластной повелительницей моего сердца, которое также требует исцеления! Испробуйте его, постарайтесь быть благосклоннее ко мне, и вы увидите, что все заботы исчезнут сами собой!..

— Как вы добры, доктор! — заметила она с лукавой улыбкой. — Но мне кажется, что предписанное вами лекарство подействует только в том случае, если вы будете сообразовываться с моими желаниями, или, говоря иначе, ваше поклонение может быть приятно мне, насколько оно соединено с уважением.

— Прелестная женщина! — воскликнул с восторгом Гарниш, делая движение, чтобы обнять ее.

Она отстранила его рукой и сказала серьезным тоном:

— Вы забываетесь, господин доктор!

— Простите, — возразил он, взяв ее руку и почтительно поцеловал.

— Это также совершенно лишнее, врач обязан щупать пульс больной, а не целовать ей руки... Но я слышу шаги, вероятно, эти господа идут сюда!

Гарниш был, видимо, смущен и торопливо пересел на другую сторону дивана.

— Боже мой, что с вами, баронесса? Вы больны? — спросил Провансаль, пораженный ее бледностью, и при этом с укоризной посмотрел на Гарниша.

— Нет, я здорова, благодарю вас, — ответила баронесса, — хотя уход за больным ребенком, действительно, утомил меня.

Затем она любезно поздоровалась с Германом и выразила удовольствие, что, наконец, видит его у себя.

— Мой муж принимает в вас самое живое участие, господин Тейтлебен, — добавила она. — Но, прошу вас, садитесь, господа!

— Скоро ли вернется министр? — спросил Гарниш.

— Мы ждем его со дня на день, — ответила баронесса. — Время рейхстага приближается, он не может долее откладывать свой приезд... На его имя получена масса писем...

— Какие вести из Берлина? — спросил опять Гарниш.

— Не особенно утешительные, — ответила баронесса, — так как пока дела идут плохо. Но одно может радовать нас, как пишет мне моя приятельница, что люди, стоящие во главе движения, такие, как Фихте и Шлейермахер, не падают духом и поддерживают надежду на лучшее будущее. По слухам, много военных и даже государственных сановники вступили в союз, так что можно надеяться, что приступят к более решительным действиям.

— Это несомненно произведет больше впечатления, нежели все, что было сказано с церковной и университетской кафедры, — сказал Гарниш. — Замечательно, что все надежды патриотов связаны с Пруссией: от нее ждут восстановления Германии! В этом обломке монархии все еще сохранилась духовная сила, и народ одарен военными способностями, чего мы не встречаем ни в одном из государств Германии...

— Но везде господствует одна идея, — заметил Провансаль, — и у всех одно желание посвятить себя делу освобождения родины!

При этих словах задумчивый взгляд молодого человека остановился на баронессе, как будто сказанное им относилось к ней одной.

Она была сконфужена и проговорила с улыбкой:

— Я считаю своим долгом посоветовать вам, месье Провансаль, чтобы вы были осторожнее в выражениях. Конечно, здесь, с друзьями, ничто не мешает вам говорить без

стеснения, но если такие мысли будут высказаны вами при незнакомых людях, то это может иметь дурные последствия! Вы служите у моего мужа, у него много врагов, которые не замедлят обвинить его в том, что он разделяет ваши взгляды. Бюлов прусский уроженец и...

Баронесса замолчала, видя смущение Провансаль, и, чтобы сгладить впечатление, произведенное ее словами, обратилась к Герману с вопросом: разделяет ли он мнение Гарниша о необходимости перейти от слов к делу?

— Мне кажется, — ответил Герман, — что после того унижения, которое испытывала немецкая нация, в ней пробудилось сознание своего нравственного упадка и необходимости общего возрождения. Последнее возможно только при условии, если к этому будут направлены все усилия лучших людей Германии, тогда только в народе может пробудиться гражданское мужество и он сумеет отстоять свои права!

— Сначала нужно приобрести их, — возразил Гарниш, — а для этого нет другого средства, кроме пороха и оружия!

— Но духовное возрождение должно во всяком случае предшествовать этому, — сказал Провансаль, — еще долго будут отзываться следы нравственной порчи, охватившей все слои общества после смерти великого короля...

— Об этом можно спорить до бесконечности, — заметил Гарниш. — К сожалению, я должен идти!

— До свидания! — сказала баронесса в ответ на его почтительный поклон. — Пожалуйста, не забывайте вашего маленького пациента...

IX

Приготовление

Герман вернулся домой вполне довольный своим визитом. Провансаль познакомил его в общих чертах со сложным делопроизводством министерства финансов; и он настолько рассчитывал на свои силы, что надеялся в непродолжительном времени освоиться с делами и справиться с работой. Любезное обращение баронессы льстило его самолюбию, хотя он не подозревал, что этому немало способствовал тот интерес, какой был возбужден в ней загадочной историей с Аделью, о которой она слышала от своего мужа.

Многое побуждало Германа принять предложение Бюлова или по крайней мере временно поступить на службу в министерство финансов, чтобы испробовать свои силы. Он не считал Миллера способным рассердиться на него за этот шаг и даже хотел спросить его совета, чтобы не прерывать с ним отношений и на всякий случай не закрывать себе дороги к ученой деятельности. Друзья Германа, со своей стороны, настаивали, чтобы он поступил на государственную службу, особенно Рейхардт, который находил, что это даст ему возможность применить с пользой свои способности и познакомиться с жизнью, вследствие столкновения с разного рода людьми. «Если даже вы не будете принимать участия в предстоящей борьбе, — сказал он Герману, — то во всяком случае молодые силы нужны для возрождения нашей родины, или, вернее сказать, для ее преобразования. Опыт показал, что старые порядки никуда не годятся, и что только благодаря им Наполеону удалось поработить нас...»

Луиза поддерживала мнение отца, хотя не высказала своей тайной надежды, а именно, что Герман, живя среди общества, скорее поддастся господствующему настроению, тем более ей было известно, что Бюлов втайне сочувствует патриотическим стремлениям Пруссии.

Одна Лина Гейстер была недовольна намерением Германа поступить на службу, и даже рассердилась на мужа, когда он высказал по этому поводу свое одобрение.

— Ну, Герман! — воскликнул Гейстер, пожимая ему руку. — Радуюсь за тебя, что ты вступишь на настоящую дорогу и примешься за дело! Поверь, что это лучшее средство против ипохондрии, и ты живо излечишься от нее. Если встретишь какие-либо затруднения в делах и тебе понадобится совет или справка, а также книги из моей библиотеки, то все это к твоим услугам. Вдобавок у нас будет новая тема для разговора...

Лина молчала, хотя ей стоило большого труда скрыть свою досаду, но когда Герман вопросительно взглянул на нее, она сказала с принужденной улыбкой: «Увидим, как еще понравится тебе эта перемена, Герман! Ты оставишь поэтов и мыслителей и подчинишься ярму французских канцелярских порядков, будешь глотать пыль старинных актов и писать никому не нужные бумаги. Сколько раз сам Людвиг жаловался на это, а теперь уговаривает тебя идти по той же дороге!»

Людвиг улыбнулся. Хотя он часто подсмеивался над мечтательностью и возвышенными стремлениями своей же-

ны, но в глубине души радовался этому и не желал видеть ее иной. С другой стороны, он слишком доверял ей, чтобы находить что-либо предосудительное в том живом участии, с каким она относилась к Герману.

Но Лина объяснила по-своему его улыбку и смутилась при мысли, что он мог увидеть упрек в ее словах. Хотя она невольно вспомнила о тех минутах, когда Людвиг возвращался со службы усталый, недовольный, безучастный ко всему, но все-таки ей не следовало говорить об этом при постороннем лице. Ей казалось несомненным, что то же будет и с Германом, и что если он сделается чиновником, то в самом непродолжительном времени круг его интересов сузится и он также, как и Людвиг, станет с воодушевлением толковать о служебных делах, придворных интригах и легкомыслии высшего общества. Сердце ее сжималось при мысли о скорой разлуке с другом: их беседы и совместное чтение прекратятся сами собой, и большую часть дня она будет осуждена на одиночество.

Она была в таком печальном настроении, что почти обрадовалась, когда Герман с Людвигом ушли на прогулку и оставили ее одну. Теперь ничто не мешало ей предаться своим невеселым размышлениям. Не менее огорчало ее и то обстоятельство, что Луиза Рейхардт в последнее время стала неприязненно относиться к ее дружбе с Германом и даже при случае позволяла себе делать по этому поводу обидные для нее намеки. Еще на днях Луиза принесла ей брошюру Шлейермахера «Катехизис разума», которую советовала внимательно прочесть, и при этом добавила, что мысли автора крайне назидательны для каждой замужней женщины, а тем более в Касселе, при господствующей распушенности нравов...

Лина была глубоко оскорблена подозрениями своей новой приятельницы, но тем не менее прочла рекомендованную брошюру; и это заставило ее впервые задуматься над характером ее отношений к Герману. Она, несомненно, была привязана к нему, но разве это мешало ей любить по-прежнему Людвига; к тому же Герман постоянно относился к ней с полным уважением и высказывал такие благородные взгляды на любовь и неприкосновенность брака, что с этой стороны всякие опасения были бы совершенно лишними. Молодая женщина, успокоенная этими мыслями, решила до времени избегать всяких объяснений с Луизой Рейхардт в надежде, что истина рано или поздно обнаружится, и она будет оправдана.

Между тем в городе шли деятельные приготовления к открытию рейхстага, который возбуждал много толков и беспокойства. Некоторые из депутатов приехали заранее: одни — чтобы познакомиться с положением дел, представиться ко двору и министрам, другие — чтобы заручиться знакомством с влиятельными людьми для своих личных дел, приискать себе удобную квартиру и прочее; у иных были знакомые в Касселе, и они хотели провести с ними время до начала заседаний.

Барон Канштейн, занимавший в это время должность кассельского мэра, суетился едва ли не больше всех и без устали разъезжал по городу, делая разные распоряжения. При крайнем педантизме, это был человек, помешанный на внешнем и придававший значение всяким мелочам.

Порядок, установленный при старых гессенских сеймах, не годился для настоящего случая, так как теперешний рейхстаг должен был состояться на ином основании и с особенной торжественностью. Собрание должно было состоять из ста депутатов: были выбраны семьдесят землевладельцев из наиболее известных дворянских фамилий; пятнадцать депутатов из ремесленного и торгового сословия; остальные пятнадцать человек выбраны из высших сановников, профессоров и заслуженных лиц в отставке. Мэр считал наиболее приличным разместить депутатов по частным квартирам, сообразуясь по возможности с положением и вкусом каждого из них, хотя этим распоряжением он неизбежно наносил немалый урон гостиницам. Тем не менее хозяева гостиниц считали не лишним приготовить комнаты для приезжих в надежде, что некоторые охотнее поместятся у них, нежели на частных квартирах, где они будут стеснены во многих отношениях.

Парижские портные, поселившиеся в Касселе, открыли по случаю предстоящего рейхстага новые магазины с хвастливыми вывесками; во главе был «*Legendaire, tailleur breveté de sa majesté le roi de Westfalie*». Фирма Пайоль и Мартель вывесила объявление о продаже готовых мундиров для депутатов со всеми принадлежностями, включая шляпу и верхнее платье, за 777 франков. Газеты были переполнены всевозможными рекламами и объявлениями. Между прочим, какой-то M-eur Augustin, peintre en miniature, племянник и ученик знаменитого Augustin, живописца императора, предлагал свои услуги представителям рейхстага в надежде на выгодный сбыт их портретов.

В числе приезжих было несколько дам сомнительного общественного положения, о которых трудно было сказать,

что, собственно, привлекло их в Кассель: желание ли видеть торжественные шествия и блистательные празднества или надежда утешить представителей рейхстага в разлуке с женами и детьми? Из этих дам особенно обращали на себя внимание госпожа Штейнбах, бывшая в разводе с мужем, и «шведская графиня», снявшая квартиру у ювелира Иолберга, молодая, роскошно сложенная женщина, о которой ходили самые разноречивые слухи.

В театре выступили девицы Пейч из Гамбурга, известные балетные танцовщицы, обладавшие всем необходимым, чтобы привлекать сердца мужчин. Предстояло немало других развлечений, которые должны были вывести кассельцев из колеи обыденной жизни и заставляли их нетерпеливо ожидать открытия рейхстага.

Х

В королевском саду

Наступил конец июня. В загородном королевском дворце готовилось большое торжество по случаю католического праздника Петра и Павла; к королевскому столу в числе других гостей были приглашены приехавшие в Кассель депутаты. Дворцовый сад и примыкавший к нему парк были в этот день открыты для публики и с раннего утра наполнились нарядной толпой. Герман не был там со времени своей первой поездки с бароном Рефельдом и поэтому охотно принял предложение Провансалья отправиться туда вместе в наемном экипаже.

Провансаль явился в условленный час и тотчас же сообщил Герману о возвращении министра Бюлова.

— Но он так занят массой дел, накопившихся в его отсутствие, — добавил секретарь, — что даже отказался сегодня от парадного обеда во дворце!

— В таком случае, мне будет неудобно представиться министру финансов? — спросил Герман, немного смущенный этим известием.

— Напротив, он примет вас дня через два, а пока приказал мне достать вам билет для входа в день открытия рейхстага, так как, вероятно, вы захотите видеть это торжество. Однако нам пора, экипаж ожидает нас!.. Если вы ничего не имеете против этого, то мы заедем по дороге за моим старинным магдебургским приятелем Натузиусом, который приехал сюда в качестве депутата от департамента

Эльбы и также приглашен к королевскому столу. Он остановился у одного из чиновников министерства юстиции, Энгельгардта, и так как он никогда не бывал в Касселе, то я обещал довести его до дворца. Я уверен, что Натузиус понравится вам, редко можно встретить такого симпатичного и хорошего человека, как он!

Герман поспешил изъявить свое согласие, и Провансаль отдал приказ кучеру остановиться перед домом Энгельгардтов. Здесь им не пришлось долго ждать, потому что Натузиус, увидя из окна подъехавший экипаж, тотчас же вышел к ним. Это был человек лет сорока, но моложавый на вид, с приличными манерами, изящно одетый и с красивым, выразительным лицом. Он встретил Германа как старого знакомого и тотчас же разговорился с ним, припоминал приятные часы, проведенные им в доме Бюлова, когда тот жил в Магдебурге, расспрашивал о кассельской жизни и с большой похвалой отозвался о семье Энгельгардтов, которая произвела на него самое приятное впечатление.

За разговором они незаметно доехали до дворцового сада. По главной аллее расхаживали взад и вперед разряженные кавалеры и дамы с длинными шлейфами, в ожидании часа, назначенного для королевского приема. Провансаль знал в лицо всех придворных и даже многих из приезжих депутатов и называл их по имени. Владетельный епископ фон Корвей, служивший в это утро обедню в церкви Петра и Павла, был в полном праздничном облачении; он разговаривал с генералом, который издали поражал своим необычайным сходством с Фридрихом Великим.

— Это граф Шуленбург-Кенерт, член вестфальского государственного совета, — пояснил Провансаль.

— В былые времена я не раз встречал этого господина, который заслужил печальную известность в Германии своей беспримерной трусостью! — сказал Натузиус. — Занимая важный пост прусского военного министра, он пользовался своим влиянием, чтобы уговорить берлинцев покориться чужеземному игу и, между прочим, не нашел нужным заблаговременно вывезти боевые запасы из столицы и оставил их в распоряжении французов! Он же подал голос за второй раздел Польши и поход против Франции. Впрочем, трудно было и ожидать от него чего-либо лучшего! Насколько мне известно его прошлое, он смолоду занимался всякими спекуляциями, играл на бирже, постоянно нянчился с евреями и легкомысленными женщинами и при своей близости к старому прусскому королю занимал его рассказами о городских сплетнях и любовных интригах. Я

уверен, что его деятельность в Вестфалии не принесет ничего, кроме вреда... Но кто эта прелестная женщина, которая идет к нам навстречу?

— Это Бианка Лафлеш, жена королевского интенданта, уроженка Генуи, — сказал Провансаль.

— Редко можно встретить такую красавицу! — продолжал с восторгом Натузиус. — У нее голова и фигура античной статуи, и какой ослепительно белый цвет лица!

— Иероним познакомился с ней в Генуе, — сказал вполголоса Провансаль,

— Когда же король был там?

— Разве вы забыли, что Иероним приезжал в Милан для расторжения своего брака с Елизаветой Паттерсон! Отсюда Наполеон отправил его в алжирскую экспедицию для освобождения пленных генуэзцев. Иерониму, действительно, удалось доставить с собой из экспедиции человек двадцать, которых он привез в Геную, где народ восторженно встретил его; здесь же познакомился он с красивой женой банкира Лафлеша и попал под власть этой кокетки. Когда Иероним сделался вестфальским королем, Бианка переселилась сюда со всеми своими родственниками...

Провансаль замолчал, потому что в эту минуту они снова поравнялись с госпожой Лафлеш, она шла под руку с каким-то смуглым господином, который, видимо, старался занять свою собеседницу интересным разговором.

— Кто этот господин? — спросил Натузиус. — У него умное лицо.

— Это шевалье Пишон, — ответил Провансаль, — первый оратор государственного совета; Бюлов уважает его, как человека идеи и весьма сведущего, он обладает замечательной памятью и редким красноречием; все партии заискивают перед ним, но он не принадлежит ни к одной из них... Однако вам пора идти, вы видите — все спешат во дворец...

Королева в это время только что вернулась из парка и поднималась по главной лестнице в сопровождении первого камергера барона де Шале и своей статс-дамы, мадам Молле де ла Рошет.

Натузиус простился с молодыми людьми, которые, проводив его до дворца, свернули в боковую аллею. Но тут, к ужасу Германа, они встретили обер-гофмейстерину, которая шла в сопровождении двух королевских пажей. Она остановилась, видимо, поджидая его, так как отослала пажей. Провансаль почтительно поклонился и также прошел мимо. Таким образом Герман очутился наедине с обер-гоф-

мейстеринной и, сняв шляпу, в смущении стоял перед ней. Она обратилась к нему с приветливой улыбкой.

— Очень рада видеть вас, господин доктор! Мне уж приходило в голову, что вы уехали из Касселя или умерли, потому что не знала, чем объяснить ваше долгое отсутствие! Между тем я до сих пор в долгу у вас за немецкие уроки.

Герман окончательно растерялся при этих словах, которые живо напомнили ему прошлое, и проговорил с усилием:

— Вы так добры ко мне, графиня... я чувствую себя глубоко виноватым перед вами...

Он остановился из боязни, что сказал слишком много, и не мог придумать, как выйти из затруднительного положения.

— К сожалению, я не могу продолжать нашего разговора, — сказала графиня, — потому что во дворце могут заметить мое отсутствие, но я должна многое сообщить вам... Зайдите ко мне, когда я буду в городе. До свидания!..

Она сделала несколько шагов, затем опять вернулась и добавила торопливо:

— Едва не забыла сказать вам, что генерал Морио узнал о немецких уроках от генерал-директора полиции... Скажите, пожалуйста, вы никогда не встречали переодетых полицейских в моем доме?

— Нет, графиня, я ведь не знаю никого из них, да и вообще мне не приходилось встречать незнакомых в вашем доме.

— Значит, это кто-нибудь из прислуги... вероятнее всего — моя горничная!.. Я знаю, Морио был невежлив с вами, а теперь все изменилось... Адель осчастливила его; поэтому не избегайте встречи с ним и не отказывайтесь, если он обратится к вам с каким-нибудь предложением... Сделайте это для Адели! До свидания!

Графиня поспешно удалилась, оставив Германа в полном недоумении. Последние слова были произнесены ей с особенным ударением и настолько озадачили его, что он напрасно старался уяснить себе их смысл.

Он поспешил нагнать Провансаля, но был так занят своими мыслями, что с трудом мог поддерживать разговор. За обедом он мало-помалу развеселился; приветливое обращение графини Антонии рассеяло его последние сомнения относительно приключения с Аделью, которое несмотря на его легкомыслие все-таки беспокоило его время от времени.

Он встал из-за стола в наилучшем расположении духа и предложил Провансалью сесть в экипаж и отправиться пить кофе в загородный ресторан Кейлгольца.

— Кстати, — добавил он, — никогда не был там, но слышал...

— Allons! — прервал его Провансаль, — Прекрасная мысль! Там можно подчас встретить интересное общество, и во всяком случае нам дадут чашку хорошего кофе.

XI

Полицейский агент

Молодые люди застали у Кейлгольца многочисленную публику, кроме обычных посетителей, было много приезжих. Полицейский агент Вюрц сидел за отдельным столиком, он был в новомодном штатском платье и явился сюда в надежде подслушать неосторожные речи, так как Берканьи поручил ему следить за депутатами. Он разыгрывал роль *bon vivant*, велел подать себе изысканный обед и заговаривал со всеми, прибавляя к каждому слову: «Могу вас уверить! *ma parole d'honneur!* как честный человек!» При этом Вюрц был особенно откровенен с приезжими, рассказывал придворные сплетни, порицал положение дел и лиц, стоящих у «кормила правления», хотя не называл их имен.

Но пока все старания полицейского агента не привели ни к каким результатам; все, видимо, избегали его, так как многие знали в лицо и поспешили предостеречь более доверчивых. Только один депутат из Гарца, Мельгауз, начал возражать Вюрцу и задавать ему вопросы, но его остановил молодой военный врач, сидевший с ним за одним столом.

— Господин Мельгауз, — сказал он громко, — советую вам не особенно доверять господину Вюрцу, если вы сообщите слишком много сведений, то ему трудно будет донести их до полицейского бюро, тем более что он плотно покушал. Пожалейте этого «честного человека»!

— Что вы хотите сказать этим? — воскликнул Вюрц, поднимаясь с места. — Надеюсь, что это сделано не с целью возбудить против меня подозрение этих господ!.. Вы слишком смелы, *monsieur le chirurgien aide-major!* Вы знаете меня...

— Конечно, знаю, потому и говорю! — ответил со смехом молодой врач.

— Я могу пожаловаться на вас полковнику Рюэллю! — сказал Вюрц угрожающим тоном. — Мне уже удалось проучить нескольких!

— Это всем известно, а равно и то, что часть штрафа, наложенного на виновных, попала вам в карман! — продолжал врач. — Но заранее предупреждаю, что от меня будет вам плохая пожива!

— Вы осмеливаетесь порицать закон! — воскликнул Вюрц. — Штрафы установлены законом, и ни один благонамеренный гражданин не может находить в них ничего предосудительного!

— Я никогда не позволю себе ничего подобного! — возразил врач, который, видимо, находился под влиянием выпитого вина и все более возвышал голос. — Напротив, я восхищаюсь ежедневно нашими прекрасными законами и полезными нововведениями! Вот, например, что может быть лучше двух учреждений, заимствованных нами из Франции, которые доставляют заработок стольким людям, а именно: тайная полиция и публичные дома!

Насмешливый тон молодого врача смутил присутствующих, некоторые из сидевших с ним за одним столом встали со своих мест и отошли в сторону, но, к общему удивлению, Вюрц одобрительно кивнул головой.

— Вы правы, молодой человек! — сказал он. — Многим пришлось бы умереть с голоду, если бы не было этих учреждений, хотя между ними большая разница... Но оставим этот вопрос! Разумеется, при том щекотливом положении, в каком я нахожусь в Касселе, у меня много врагов! Но кто эти враги? Безумцы, которые прежде всего вредят самим себе, навлекая подозрение полиции своими незаконными поступками...

— Прекрасно! — заметил врач. — Но в таком случае не следует вводить в соблазн этих людей, пытать их, а затем объяснять в дурную сторону сказанные ими слова.

— Выпытывать! Как вы странно выражаетесь! — воскликнул Вюрц. — Объясните, пожалуйста, что вы понимаете под этим словом?.. Насколько я мог заметить, каждый человек стремится противодействовать закону; это как бы его прирожденный грех, от которого он должен избавиться, если хочет быть хорошим гражданином. Если он не следит за собой, то может наступить момент, когда его нравственный недуг настолько усилится, что общество должно исключить его из своей среды. Если какое-нибудь должностное лицо, допустим, даже полицейский, желает предупредить этот момент и с этой целью задает некоторые вопросы, то едва ли можно найти тут что-либо предосудительное и называть это пытанием! Надеюсь, вы поняли меня?..

— Еще бы! Я уверен, что и все присутствующие здесь поняли, что вы хотели сказать, — возразил молодой врач, — нам остается только поблагодарить вас за откровенность...

Эти слова вызвали общий хохот.

— Что означает этот смех, милостивые государи? — произнес Вюрц повелительным тоном. — Не думаете ли вы издеваться надо мной!.. Я вижу, что попал в невозможное, могу сказать, непозволительное общество... Но куда девался хозяин? Господин Кейлгольд, пожалуйста сюда!

Содержатель ресторана тотчас же явился на зов.

— Что вам угодно? — спросил он почтительным тоном, обращаясь к Вюрцу, хотя был, видимо, доволен происшедшей сценой.

— Я посоветовал бы вам, господин Кейлгольд, — заметил с раздражением полицейский, — побольше обращать внимания на общество, которое собирается у вас, тем более что ваше заведение за городом, и полиции трудно следить за тем, что происходит здесь. Сегодня я имел случай убедиться, что у вас рассказывают анекдоты о придворной жизни, осуждают общественные учреждения и положение дел и вдобавок издеваются над представителями закона.

Вюрц остановился, вытер носовым платком крупные капли пота, выступившие на лбу, и, окинув все общество грозным взглядом, продолжал тем же тоном:

— Мы еще увидимся с вами, господин Кейлгольд! Я справлюсь, когда кончается срок вашего патента! А вас, господа, я также знаю всех в лицо и при случае напому вам о себе!

С этими словами Вюрц торжественно вышел из комнаты.

— Счастливого пути! — крикнул ему вслед молодой врач с громким смехом, но на этот раз весьма немногие вторили ему, потому что угроза полицейского агента смутила большинство присутствующих.

Герман и Провансаль сидели вдаль, но слышали весь разговор. Когда Вюрц прошел мимо них, размахивая своим носовым платком, от которого распространился запах «eau de bouquet», Герман невольно вспомнил тот вечер, когда он, выйдя из гостиной обер-гофмейстерины, остановился в коридоре около комнаты горничной и разговаривал с ней. Сильный запах тех же духов и тогда поразил его, при этом послышался какой-то шорох за дверью, но в то время он не обратил никакого внимания на это обстоятельство. Несомненно, что в комнате горничной скрывался Вюрц; это подтверждалось и словами графини

Антонии, что «она не вполне доверяет нарумяненной француженке».

Герману казалось необходимым сообщить немедленно обер-гофмейстерине свое подозрение и предостеречь ее от-носительно горничной, которая, служа в тайной полиции, могла навлечь на нее много неприятностей. Он настолько погрузился в свои размышления, что не расслышал первых слов хозяина, который, стоя у одного из столов, о чем-то громко рассказывал.

— Это отчаянный плут! — ораторствовал Кейлгольц. — Он также противен мне, как и его духи, которыми он заражает воздух в домах честных людей! Как вам нравятся его угрозы?... Положим, я не особенно боюсь их! Он расплачивается таким образом за еду и вино в гостиницах, потому что не считает нужным тратить на это деньги. Во всех местах, где его личность не известна, он выдает себя за честного немца и беспрепятственно исполняет роль полицейского шпиона, а если очутится среди людей, знающих его, то проклинает свою службу, которая лишает его общественно-го доверия и прочее. Вы не можете себе представить, господа, что это за лицемер и негодяй! Он знакомится с горничными и покоряет их сердца, чтобы следить за господами и проникнуть в семейные тайны. Этим способом Вюрц пробрался в дом Штрейха, который благодаря его доносу недавно потерял место в военном министерстве и очутился с женой и детьми в самом бедственном положении...

— На этот раз я не согласен с вами, — возразил молодой врач. — Штрейх был безусловно виноват, освобождая за деньги сыновей богатых крестьян от солдатчины в ущерб беднякам, и Вюрц хорошо сделал, что донес на него, хотя вы сами знаете, насколько я ненавижу это отвратительное пресмыкающееся животное!

Хозяин заступился за Штрейха; из-за этого начался спор, в котором приняли участие многие из присутствующих. Герман и Провансаль вышли из ресторана и сели в экипаж, чтобы отправиться в город.

Провансаль наскучило продолжительное молчание спутника и он решился наконец заговорить с ним.

— Господин Тейтлебен, — начал он с некоторым смущением, — простите, если я позволю себе не совсем уместное замечание... После встречи с графиней Антонией, вы стали особенно задумчивы... Не думайте, что только праздное любопытство руководит мной, но мне показалось, что между нами существует симпатия! У каждого человека бывают минуты, когда ему особенно приятно поверить свою

сердечную тайну тому лицу, к которому он имеет особенное доверие. Я первый покажу вам пример откровенности и говорю без обиняков, что люблю одну знатную даму, хотя до сих пор никогда не высказывал ей моих чувств, и так как она, по-видимому, не замечает их, то мне остается только молча поклоняться ей.

— Со своей стороны, прошу извинения, если я прерву вас, — сказал Герман. — Глубоко ценю ваше доверие ко мне, не думайте, чтобы в настоящем случае я хотел что-либо скрывать от вас, но действительно между мной и графиней Антонией нет и тени любви. У нас есть одно общее дело, которое еще не кончено, и я не знаю, как поступить в данном случае. Мне кажется, что я напал на след одной тайны, которая имеет большое значение для графини Антонии и, что всего замечательнее, что этим открытием я обязан духам господина Вюрца... Это настолько невероятно, что вы будете смеяться надо мной!

— Нисколько, — возразил Провансаль, — дела, где замешана тайная полиция, можно открывать только чутьем, так как ее агенты также руководствуются этим в большинстве случаев...

— В настоящую минуту я не могу сообщить вам никаких подробностей, — продолжал Герман, — но когда дело выяснится, я все расскажу вам и даже, быть может, попрошу вашего совета.

Провансаль ничего не возражал, и они молча доехали до города.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Открытие рейхстага

Двор покинул на несколько дней летнюю резиденцию и переселился в старинный городской дворец прежних ландграфов. 1 июля назначен был большой смотр войскам, и поэтому все улицы, примыкавшие к дворцовой площади, с раннего утра наполнились праздной толпой. Иероним выехал верхом, окруженный своим штабом, затем появилась королева в сопровождении придворных дам. Выйдя из кареты, она собственноручно привязывала ленты к знаменам и штандартам различных полков; при этом король говорил каждому полку приветственные речи на французском языке, а его адъютант, принц Сальм, тут же переводил их по-немецки.

По окончании этой церемонии начался смотр. Король, объезжая войска, делал некоторые замечания, но возражения сопровождавших его офицеров произвели неприятное впечатление на стоявших поблизости солдат и показались им слишком бесцеремонными. Между прочим, Иероним, увидя ржавчину на пушках, поставленных среди площади и отлитых по приказанию Морио, довольно резко заметил последнему:

— Voilà de vos canons, qui sont bien rouillés, général!

Морио ответил ему тем же тоном:

— Sire, se ne sont pas des voitures de la cour!

Иероним отвернулся и молча проехал дальше.

После смотра в одной из дворцовых зал для высших военных чинов был приготовлен завтрак на двести особ. Милостивое одобрение войскам со стороны Иеронима привело офицеров в хорошее настроение, тем более что еще накануне получен был приказ, по которому каждому пехотному офицеру назначено было по 300 франков и по 500 гвардейским на обмундирование.

Но смотр был только прелюдией дальнейших празднеств. На следующий день, 2 июля, последовало открытие

рейхстага. Город опять оживился, и все пришло в движение. В шесть часов утра в замок «Orangerie» прибыл начальник гвардии, генерал Кудра, и отсюда отдавал приказания войскам, которые выстроились шпалерами вдоль дворцовой площади до ворот Ау.

Замок «Orangerie», где должен был собраться рейхстаг, представлял собой величественное здание, состоящее из трех высоких павильонов и двух флигелей. Здесь были две большие залы, и одна из них приготовлена для предстоящего торжества. На возвышении стоял трон для короля и скамьи для министров. Одна ложа предназначалась для королев и ее свиты, другая для дипломатического корпуса и знатных особ. Перед эстрадой было оставлено пустое пространство, широкий проход разделял залу на две половины; передние скамьи, обитые голубой материей, были приготовлены для членов государственного совета и депутатов; за ними следовали скамьи с красной обивкой для публики, которая допускалась по билетам, предъявляемым при входе.

К одиннадцати часам собрались депутаты. Они были в своей парадной одежде, которая состояла из голубого кафтана, вышитого оранжевым шелком, и белого шелкового шарфа, на плечах были накинуты голубые вышитые мантии из шелковой материи, подбитые белым, черные бархатные шапки *à la Henri IV*, со страусовыми перьями, дополняли их костюм. Они чувствовали себя неловко в непривычной одежде французского покроя, которая плохо гармонировала с их серьезными немецкими физиономиями, беспрестанно оправляли мантию, которая особенно тяготила их, и только весьма немногие держали себя с достоинством.

Члены государственного совета также явились в полном параде: в своих бархатных мантиях и шарфах, с беретами, украшенными страусовыми перьями. Они сели на передние скамьи, на следующих разместились приехавшие депутаты. Публика заранее заняла свои места, и в том числе Герман и Провансаль.

Большая ложа, предназначенная для дипломатического корпуса и других знатных особ, почти моментально наполнилась разряженными дамами и кавалерами, потому что отдан был приказ никого не пускать после одиннадцати часов. Вслед затем подъехал экипаж королевы; президент рейхстага и четыре депутата вышли навстречу ее величеству и проводили в комнату, смежную с залой, где она осталась до прибытия короля.

Ровно в одиннадцать часов двадцать один выстрел из пушки возвестил о выезде Иеронима из дворца. Всеми

овладело чувство нетерпеливого ожидания, а некоторые даже сожалели, что лишены возможности видеть парадный королевский поезд.

Впереди всех ехали верхом кассельский губернатор и молодой бригадный генерал Ревбель со своими адъютантами, в сопровождении отряда кавалерии.

За ними следовали четыре парадные кареты; в них сидели церемониймейстер со своими товарищами по должности, министры, дворцовый обер-маршал господин Мейронэ и адъютант короля, заступивший место обер-шталмейстера.

Король ехал в великолепном экипаже с парадной упряжью; его сопровождали верхом начальник гвардии, адъютанты, шталмейстеры и шеф жандармов Бонгар.

Поезд замыкал ряд карет. В одной из них сидели обер-камергер и духовник короля, в остальных разные придворные чины.

Президент рейхстага, граф Шуленбург-Вольфсбург, вышел из залы с восемью депутатами, чтобы встретить короля у входа, и в тот же момент королева вошла в ложу со своими статс-дамами.

В зале наступила мертвая тишина. Несколько секунд спустя появились два «huissiers», отворили настежь обе половинки дверей. Впереди всех шел президент рейхстага с восемью депутатами, за ними следовали пажи, церемониймейстеры, адъютанты короля, министры, обер-маршал и обер-шталмейстер. Затем вышел король, окруженный высшими придворными сановниками; при этом опять раздался вдали двадцать один пушечный выстрел. На Иерониме была белая парадная одежда и пурпурная мантия, шляпа с перьями, украшенная бриллиантами, белые шелковые башмаки с белыми кокардами и красными каблукми.

Все поднялись при появлении короля и, сняв шляпы, ожидали, пока он вошел на эстраду и сел на трон, после чего все заняли свои места. Церемониймейстеры разместились на ступенях эстрады, пажи выстроились в нескольких шагах от короля. Начальник гвардии, обер-маршал и обер-шталмейстер встали позади трона, а за ними остальная свита. Министры сели на приготовленные для них скамьи; кассельский губернатор, духовник короля, генерал Бонгар и адъютанты его величества поместились позади министров, рядом с креслом обер-камергера. Перед троном на возвышении было приготовлено кресло для президента, который торжественно сел на свое место; около него по обеим сторонам встали «huissiers» рейхстага.

Когда все пришло в порядок, обер-камергер подошел к королю, чтобы выслушать приказания его величества.

Герман в первый раз видел мужа графини Антонии и с любопытством рассматривал его. Это был красивый человек с аристократической осанкой и изящными манерами, но чуждыми торжественности важного сановника, что было особенно заметно, когда он подошел к королю, а затем передал его слова министрам.

Симсон, заведовавший в это время министерством юстиции, поднялся со своего места и, подойдя к трону, спросил у его величества дозволения представить ему депутатов.

Между тем один из церемониймейстеров, по приказанию обер-камергера, обратился к собранию с предложением выбрать кого-нибудь из своей среды для представления депутатов его величеству. Выбор пал на председателя суда из Эйнбека, и он начал вызывать депутатов по департаментам, в алфавитном порядке. Затем каждый депутат поочередно подходил к ступеням эстрады, и министр юстиции Симсон вторично повторял его фамилию, а он произносил присягу на французском и немецком языке.

По окончании этой утомительной церемонии король начал свою речь, и все присутствующие опять сняли шляпы.

После обычных приветствий по поводу открытия рейхстага, король, ссылаясь на министра юстиции, который должен был познакомить депутатов с положением дел, просил собрание обратить особое внимание на два главных вопроса. Первый из них касался введения общего законодательства в государстве, составленном из разнородных частей. При этом король выражал надежду, что существующие погрешности и недостатки в местных законах могут быть устранены, если то, что есть хорошего в старых законах, будет оставлено и будут сделаны некоторые дополнения из «Code Napoleon». Второй вопрос касался погашения долгов, лежащих на отдельных провинциях, для образования общего «национального долга». «Совместно с этим, — добавил король, — разрозненные жители отдельных частей государства составят одну нацию, воодушевленную одним духом и одинаковыми стремлениями, сильную своим единством, кредитом, финансами и военными доблестями, которыми вестфальцы также прославятся, как и их предки». Выполнение этой широкой задачи король возлагал на собравшихся представителей народа и, со своей стороны, обещал заботиться о благе дорогого для него государства.

Слова его были заглушены криком сотни голосов: «Да здравствует его величество! Да здравствует королева!»

Король поднялся с места, и шествие двинулось к выходу в том же порядке; королева в это время вышла из ложи в сопровождении своих дам.

Публика последовала примеру их величеств, и зала сразу опустела. Во избежание давки и беспорядков депутаты, члены государственного совета и все приехавшие в экипажах отправились другой дорогой, так что королевский поезд мог беспрепятственно следовать прежним путем через ворота Ау.

Среди общей суматохи Герман потерял из вида Провансаль и столкнулся лицом к лицу с бароном Рефельдом, который только что вернулся из своей поездки в Берлин и также присутствовал при церемонии открытия рейхстага. Оба поспешили выйти из залы и, выбрав самый короткий путь, поднялись по лестнице до ворот Ау, откуда виден был весь королевский поезд, который медленно поднимался по извилистой дороге среди огромного стечения народа. Возгласы: «Да здравствует король! Виват их величествам!» сливались с грохотом пушек и прекратились только с прибытием Иеронима во дворец.

II

Assister au grand couvert

В день открытия рейхстага у капельмейстера Рейхардта был званый обед в честь трех депутатов, с которыми он познакомился во время своего пребывания в Галле. Герман и барон Рефельд также получили приглашение и явились раньше других гостей.

Герман все еще находился под впечатлением виденного им зрелища, которому придавал особенное значение. Ему грезилось, что отныне король и народ составят нечто нераздельное. Он не сомневался, что Иероним не желает быть самовластным, так как в своей речи, поручив рейхстагу устройство дел в государстве и составление новых законов, предоставлял себе скромную роль покровителя их и блюстителя порядка. Кроме того, торжественная церемония открытия рейхстага повлияла на Германа и в другом отношении. До этого он колебался поступить на государственную службу, но теперь практическая общественная деятельность получила в его глазах иной смысл. Он видел в

ней долг, налагаемый на гражданина в каждом свободном государстве.

Капельмейстер отнесся скептически к этому новому увлечению Германа и поднял на смех, что он нашел в Касселе английский парламент, и спросил: понравился ли ему вычурный наряд депутатов?

— Присмотритесь сперва к ходу дел, — добавил он, — и тогда, быть может, вы излечитесь от вашего восторженного состояния. Результат совещаний рейхстага может совершенно не соответствовать тому, что вы видели и слышали сегодня. Вы скоро убедитесь, что наши депутаты поставлены в полную зависимость от воли Наполеона, равно и король Иероним, который исполняет только приказания своего брата, так что нам нечего ждать каких-либо полезных перемен.

— В одном я согласен с господином Тейтлебеном, — сказал барон, — что вестфальский король несомненно желает объединения своих разрозненных владений, и нам остается только желать ему полного успеха, потому что в этом случае Вестфалия со временем примкнет к будущей Германской империи.

— Да, но для этого необходимо, чтобы Иероним отрешился от своих узких семейных интересов и имел достаточно ума и мужества, чтобы сделаться немецким королем, — возразил Рейхардт, вставая с места, чтобы встретить гостей, которые явились почти одновременно.

В числе их были двое из приглашенных депутатов — барон Бранкони и канцлер Нимейер, которые пришли в парадных костюмах, потому что к пяти часам должны были поспеть во дворец, чтобы присутствовать при парадном обеде их величеств. Третий депутат, землевладелец Кеферштейн, отказался от обеда, но обещал заехать позже и лично извиниться перед капельмейстером.

Во время обеда Рейхардт заговорил об Испании и заметил, что по странной случайности открытие вестфальского рейхстага совпадает с газетными известиями об открытии испанской «юнты», созванной императором Наполеоном в Байоне.

— Как вам известно, — продолжал он, — короля Карла принудили уступить испанский престол Иосифу, брату Наполеона. Новый король издал прокламацию к народу, а «юнта» постановила выразить Иосифу свои верноподданические чувства, объяснить нации великие выгоды, какие она может ожидать от нового правительства и склонить ее к повиновению и соблюдению закона.

Капельмейстер, коснувшись излюбленной темы, никогда не обращал внимания на образ мыслей и убеждения своих собеседников. Так было и теперь. Нимейер не был трусом, но в качестве депутата считал не лишним соблюдать осторожность в присутствии незнакомых людей, и чувствовал себя неловко, слушая Рейхардта. Он недавно получил место канцлера университета и помнил, как полтора года тому назад несколько студентов в Галле своей неосторожностью навлекли гонение на все немецкие университеты.

Нимейер был убежден, что капельмейстер на этом не остановится, и его ожидания не замедлили оправдаться.

Рейхардт распространился на ту тему, что король Иосиф также, как и Иероним, прибег к поддержке высшего духовенства. «Известно ли вам, — продолжал он, обращаясь к депутатам, — что наш министр юстиции Симсон от имени короля разослал циркуляр епископам, где, между прочим, писал о тяжелой обязанности королей заботиться об общественной нравственности и искоренении порока с помощью добродетельных людей? Представьте себе, Иероним заботится об искоренении порока! Что вы скажете на это, господа?»

Рефельд, заметив беспокойство канцлера, резко переменял разговор:

— Удивительно, — сказал он, — как французы любят громкие фразы. Так, например, в постановлении испанской «юнты» проведена та мысль, что Франция и Испания под властью короля Иосифа, будут солидарны в своих интересах, но эта мысль выражена следующей трескучей фразой: «*Qu'il n'y ait pas des Ruygées*», или другими словами: «Пиренеи должны исчезнуть!»

— Скоро ли наступит время, когда и мы скажем, что нет больше Гарца и Тюрингского леса! — воскликнул Рейхардт. — Когда-то мы соберемся с силами, чтобы прогнать за Вогезы угнетателей Германии!

При этих словах канцлер в испуге вскочил со своего места и, обращаясь к Бранкони, торопливо проговорил:

— Однако нам пора, барон! Среди приятных разговоров мы совсем забыли, что должны еще заехать за Риценбергером, чтобы вместе с ним отправиться во дворец. Прошу извинений, господин капельмейстер! Ради Бога, не беспокойтесь и оставайтесь на месте!..

Хозяин дома изъявил сожаление, что они не могут дольше пробыть у него, и, проводив их до передней, вернулся опять в столовую. Госпожа Рейхардт заметила мужу, что он своими смелыми речами приводит в смущение гостей и не успокоится до тех пор, пока его не заставят замолчать.

— Быть может, ты и права, моя дорогая! — ответил капельмейстер. — Мне действительно не следовало пугать Нимейера; он и без того волновался при мысли, что будет присутствовать при *grand couvert*!..

Разговор был прерван прибытием депутата Кеферштейна, который также был при полном параде и объявил, что зашел только на несколько минут, чтобы извиниться перед Рейхардтами, так как должен спешить во дворец.

— Надеюсь, вы не рассердитесь на меня, господин капельмейстер! — добавил он. — Но, к несчастью, я получил вашу записку, где вы меня приглашаете на обед, одновременно с пригласительным билетом из дворца на «*grand repas*» их величеств. Отказаться от такой чести было невозможно, и я должен был лишиться себя удовольствия обедать у вас, чтобы надлежащим образом воспользоваться королевским угощением.

Рейхардт громко расхохотался:

— Мой милый друг! — воскликнул он. — Вы совсем не поняли, в чем заключается приглашение! Вас позвали во дворец, чтобы вы могли видеть, как будут кушать их величества.

Кеферштейн показал пригласительный билет, которым заметно гордился, и возразил с насмешливой улыбкой.

— Прошу извинения, насколько мне известно, слово *видеть* означает по-французски *voir, regarder* — это вы найдете в любом лексиконе, а в билете написано: *assister au repas de leurs majestés*.

— Ну, да! *Assister* значит присутствовать при обеде их величеств!

— Вы ошибаетесь, Рейхардт! — заметил депутат. — *Assister* означает помогать, как это доказывает следующая фраза: *Qui le bon Dieu vous assiste!*

— Из этого все-таки не следует, что вас приглашают кушать с их величествами! — ответил капельмейстер. — Тут о помощи не может быть и речи.

— Полноте! — продолжал Кеферштейн. — Вы слишком буквально понимаете слово *assister*? Я не считаю себя вправе учить вас, но все-таки послушайте мое объяснение. Это слово, как мне кажется, не более как смелое выражение или, лучше сказать, французская любезность. Французы замечательно деликатны и вежливы; в этом отношении мы должны поучиться у них. Вы слышали сегодня, что король в своей речи просил *l'assistance*, то есть содействия рейхстага для составления новых законов и прочее; это слово применено и в приглашении на обед, следо-

вательно, и тут мы будем участниками, а не простыми зрителями!

Барон Рефельд многозначительно взглянул на хозяина дома, чтобы дать ему понять, чтобы он оставил депутата при его счастливой иллюзии.

Но капельмейстер не обратил на это никакого внимания и, пожимая руку Кеферштейну, сказал:

— Когда вы убедитесь на опыте, что я вернее вас понял деликатность французов, то сделайте одолжение, вернитесь сюда для утоления голода, обед будет наготове для вас, а затем мы вместе отправимся в оперу.

Депутат изъявил свое согласие с недоверчивой улыбкой.

— Сегодня, если не ошибаюсь, бесплатный спектакль? — спросил он.

— Да, — сказал Рейхардт, — идет «Дон-Жуан», и я дирижирую оркестром. Вероятно, Жером также из чувства деликатности назначил эту оперу в честь представителей рейхстага. Сегодня их величества будут сидеть в главной ложе...

Кеферштейн спешил во дворец и, простившись со всеми, уехал.

Вскоре раздались выстрелы из пушек, возвещавшие, что во дворце начался парадный королевский обед.

Некоторые из гостей выразили сомнение, чтобы Кеферштейн вернулся назад и воспользовался полученным приглашением, потому что мог ожидать насмешек со стороны капельмейстера. Но тот дал торжественное обещание встретить депутата с серьезным видом и не задавать никаких вопросов, пока он сам не заговорит об этом.

Против общего ожидания Кеферштейн явился довольно скоро и, поздоровавшись с хозяином дома, проговорил с смущенным видом:

— Вы правы, Рейхардт! Теперь уже никогда не забуду, что значит *assister*! Я чувствую волчий голод и буду искренно благодарен, если вы покормите меня чем-нибудь...

Все рассмеялись, и в том числе сам Кеферштейн.

Подали обед, и он сосредоточил на нем все свое внимание.

— Расскажите, пожалуйста, в чем заключается королевский обед и почему все кончилось так быстро? — спросил Герман с непритворным любопытством.

— Подождите немного, молодой человек, позвольте проголодавшемуся депутату, присутствовавшему при «*grand couvert*», подкрепить свои силы, и тогда я охотно исполню ваше желание, — ответил Кеферштейн.

Немного погодя, утолив первый голод, он начал свой рассказ:

— Со стороны великолепия, нельзя было ожидать ничего лучшего! Все подавалось на золоте или вызолоченном серебре, так что королевский стол блестел в буквальном смысле слова. Их величества сидели одни на возвышении под балдахином, в великолепных креслах, наподобие тронов.

— Я был уверен в этом! — заметил Рейхардт. — Ни один подданный не может обедать за парадным королевским столом. У нас также введен строжайший придворный этикет; даже все комнаты во дворце распределены по рангу так, что в некоторые из них могут входить только особы известного чина, другие — нет. Порядок наших празднеств также заранее определяется французским императором...

Между тем Кеферштейн, окончив обед, продолжал:

— Епископ, в полном облачении, украшенный звездой прусского ордена Красного орла, прочел перед обедом молитву. Важные государственные сановники и придворные прислуживали за столом их величеств, принимая кушанья от пажей, которые приносили и уносили их. Немецкие графы и бароны исполняли это с педантичным достоинством и с такой торжественной миной, как будто хотели сказать: «Смотрите на нас, мы прошли хорошую школу при наших старых дворах и знаем, как держать себя!» Французы, наоборот, все время улыбались и, быть может, на смех немцам, относились к своей обязанности легко, с милой небрежностью. Мы, депутаты, министры и придворные любовались зрелищем на приличном расстоянии от королевского стола; при этом нам, представителям рейхстага, дозволили сесть, и мы все время оставались в наших шапочках *à la Henri IV*.

— Так вот что значит французское выражение: «*assister au grand couvert!*» — заметил иронически барон Рефельд. — Я не знал этого!

— Да, и я также убедился сегодня, что не понимал смысла этой фразы! — признался со смехом Кеферштейн. — Впрочем, мне не приходится жалеть, что я не участвовал в королевском обеде. Все делалось только для вида, как в театре. Король и королева едва касались кушаний и только пробовали вина. За двадцать минут вся эта комедия была окончена, но мне она показалась бесконечной, потому что я умирал от голода...

Жена капельмейстера напомнила мужу, что ему пора ехать в театр и неудобно заставить ждать себя. Рейхардт поднялся с места и взял шляпу, но несмотря на все его

убеждения Кеферштейн наотрез отказался ехать с ним, говоря, что хочет отдохнуть, тем более что после оперы обязан явиться на фейерверк и иллюминацию.

III

Тайные замыслы

В то время как в Касселе шли деятельные приготовления к торжественному открытию рейхстага, пришла весть о скором возвращении Бюлова из Парижа. Наполеон чрезвычайно милостиво принял министра финансов и оказал ему особенный почет, который доставил такое удовольствие Иерониму, что враги Бюлова решили отложить исполнение своих замыслов до более удобного времени. Берканы не придавал большого значения ласковому приему Наполеона и, зная его характер, считал это верным признаком, что поездка министра кончится ничем или даже будет иметь дурные результаты.

Действительно, по возвращении Бюлова в Кассель, оказалось, что император ни в чем не отступил от своих требований и только на короткое время отсрочил платежи. Иероним увидел в этом оскорбление своей особе и в то же время почувствовал некоторую зависть к Бюлову: император, не давая никаких льгот вестфальскому королю, отнесся наилучшим образом к министру финансов и всячески старался выказать ему свою милость. Враги Бюлова тотчас же заметили холодное обращение с ним короля и не замедлили воспользоваться этим. За день до открытия рейхстага у них появился новый союзник в лице барона фон Линдена из Берлина.

Этот уполномоченный посланник Иеронима при прусском дворе явился с предвзятым убеждением относительно привязанности Бюлова к Пруссии и к своему прежнему королю. Он знал, что Бюлов, занимая в Магдебурге должность президента камеры военных дел и государственных имуществ, отправил значительную сумму денег несчастному королю после битвы при Иене, когда французы подошли к городу, а затем воспользовался доверчивостью французского главнокомандующего и заставил его умерить свои требования.

Такой человек, как Линден, душой преданный французскому правительству и готовый преследовать всякую политическую неблагонадежность, вполне соответствовал

планам Берканьи, который без особого труда уверил его, что напал на след тайной корреспонденции министра с прусскими заговорщиками.

Король с большим интересом слушал известия, сообщенные ему посланником о сношениях, планах и средствах Пруссии, о тайных обществах, которые стремились возбудить народное восстание, о пребывании гессенского кронпринца в Берлине и прочее. Несмотря на продолжительную аудиенцию многие вопросы остались нетронутыми, и поэтому Иероним велел посланнику опять явиться к нему после оперы.

Линден был худощавый невзрачный человек с черными пытливыми глазами и нервным подергиваньем в лице. Он отличался лстивыми манерами придворного и давно бросил все научные занятия, чтобы всецело посвятить себя политической деятельности, или, говоря точнее, своему полицейскому усердию. В ожидании вторичной аудиенции у короля, фон Линден отправился во дворец до окончания оперы; многие из придворных последовали его примеру.

Иероним оставался до конца представления, потому что был вместе с королевой, и вернулся недовольный исполнением оперы, хотя, по мнению капельмейстера, опера шла вполне удовлетворительно. Неизвестно, что привело короля в дурное расположение духа: надоело ли ему сидеть с королевой в главной ложе, где на него были устремлены все взоры, или грустный конец Дон-Жуана произвел на него дурное впечатление? Но во всяком случае король не считал нужным объяснять что-либо и тотчас же пригласил в свой кабинет фон Линдена, генерал-директора полиции и некоторых из придворных, которые пользовались его особым доверием.

Началась конференция среди грохота пушек, сопровождавших шум фейерверка; треск ракет, огненных колес и бураков смешивался с криками и рукоплесканиями многочисленной народной толпы, собравшейся перед дворцом. Король всего более интересовался тем, что могло способствовать осуществлению его мечты увеличить Вестфальское королевство в ущерб Пруссии. Линден, не подозревая этого, распространялся о патриотических стремлениях Пруссии, которая с целью увеличить свои силы и облагородить военную службу ввела общую военную повинность и приняла меры к поднятию уровня образования и нравственности офицеров. «Кроме того, — добавил посланник, — в Берлине поднят вопрос о всеобщем вооружении, чтобы иметь возможность в короткое время мобилизовать значительное войско».

Иероним отнесся презрительно к этим известиям. По тону его и смелым замечаниям присутствующих можно было заключить, что все более или менее находились в возбужденном состоянии, чему, конечно, способствовал уличный шум и крепкие вина, которые подавались с разными закусками. Одни молчали или говорили отрывистыми фразами, другие горячились без видимой причины, что придавало конференции характер частной беседы, в особенности, когда Линден коснулся тайных отношений Касселя с прусскими патриотами и в числе неблагонадежных лиц назвал Бюлова. Было уже далеко за полночь, когда участники конференции вышли из дворца.

На следующий день был парадный прием у короля. В числе различных лиц представлялось много военных, получивших повышение по службе, а также придворных, назначенных на должности, все они приносили присягу.

Пока длилась эта церемония, значительная часть публики оставалась в соседней зале. Берканьи воспользовался удобной минутой, когда никто не обращал на него внимания, и, отозвав Мальха к дальней оконной нише, сказал с торжествующим видом:

— Мы можем поздравить друг друга с успехом, мой дорогой Мальх! Король уполномочил меня произвести тайный обыск у министра финансов. Линден подготовил почву, сообщив о своем предположении, что между Касселем и Пруссией существуют тайные отношения; при этом он добавил, что не может привести никаких определенных фактов и думает, что для разъяснения дела не мешало бы пересмотреть частную корреспонденцию Бюлова. Я слушал молча доклад посланника, но когда король взглянул на меня, то я позволил себе заметить, что неудобно производить официальный обыск, пока не будет найдено чего-либо предосудительного в бумагах министра, и предложил втайне осмотреть их. Король ничего не ответил, но сегодня утром, когда мы были наедине, передал мне написанное карандашом разрешение на тайный обыск у министра. Иероним отличается замечательным тактом в такого рода делах. Теперь все в наших руках, и мой хамелеон Вюрц уже получил надлежащие инструкции...

— Но весь вопрос в том, как и когда вы умудритесь произвести обыск! — заметил Мальх. — Бюлов вернулся из Парижа и, вероятно, по своему обыкновению почти не выходит из кабинета. Если вы решите эту трудную задачу, то я буду считать вас гениальным человеком! Ну, теперь можно будет выпустить в свет четверостишие на Бюлова,

которое вы оставили тогда у меня для прочтения. Надеюсь, что вы успели напечатать его.

— Да, мы напечатали его на французском и немецком языках и в значительном количестве экземпляров! В следующую ночь, во время придворного бала, пасквиль на Бюлова будет прибит на углах всех улиц.

— Стихи настолько понравились мне, — заметил Мальх, — что несмотря на свою плохую память я выучил их наизусть!

При этом он продекламировал вполголоса:

Midas avait des mains, qui changeaient tout en or
Que Monsieur de Bullw n'en a-t-il des pareilles?
Pour l'état brisé ce serait un trésor
Maish elas' de Midas il n'a que les oreilles

(Все, до чего прикасался Мидас, превращалось в золото. Почему бы мсье де Бюлову не иметь таких рук? Это было бы сокровищем для раздробленного государства. Но, увы! у него только уши Мидаса.)

— Да, это очень мило! — сказал с улыбкой Берканьи, пожимая руку своему приятелю, Затем оба присоединились к остальной публике, наполнявшей залу.

Но противников Бюлова постигла полная неудача с пасквилом, как это бывает иногда с родителями, которые видят гения в неудавшемся сыне, и ожидают для него большого успеха в жизни, а свет не только холодно относится к нему, но и с явным пренебрежением.

В назначенное время на углах всех улиц появились листки с упомянутым четверостишием на двух языках, но пасквиль не произвел ожидаемого впечатления. Простой народ, не слыхавший никогда предания о Мидасе и не понимая смысла стихов, равнодушно проходил мимо, между тем как более образованная публика нашла их вычурными и неостроумными. При этом многие увидели в напечатании пасквиля злобное намерение какой-нибудь партии, сознающей свое бессилие перед министром финансов.

На следующее утро Берканьи, с грустным видом человека, исполняющего по необходимости долг службы, подал королю как бы сорванный со стены листок со следами клея по краям. Но Иероним, утомленный ежедневными торжествами, пасмурно принял его; он был в дурном расположении духа и, видимо, озабочен известиями из Пруссии; к этому присоединилось, быть может, какое-нибудь усложнение в его сердечных делах. Он не только не рассмехался, прочитав стихи, но назвал их нелепыми и велел исследовать дело и под влиянием свойственного ему до-

бродушия заметил, что вполне признает заслуги Бюлова как министра.

Берканьи, из боязни, что король отменит отданный им приказ — произвести тайный обыск у Бюлова, заметил вкрадчивым голосом:

— Теперь мне необходимо поспешить с тайным обыском у Бюлова! Не подлежит сомнению, что французский посланник пошлет донесение в Париж по поводу этих злополучных стихов, и было бы не лишним заручиться какими-нибудь документами, чтобы умиловить императора, так как министр финансов пользуется большим расположением его величества.

— Да, это было бы крайне желательно, но еще вопрос: подтвердится ли чем-нибудь ваше предположение? Иначе за оскорбление чести фон Бюлова нам придется дать ответ перед собравшимся рейхстагом.

— Ваше величество, — возразил генерал-директор полиции, — вы слишком милостивы к Бюлову; я могу обнаружить факты, которые докажут, что он не заслуживает такого доверия.

— Весьма возможно, — сказал Иероним, — что я отношусь к нему слишком снисходительно и придаю ему больше значения, нежели он этого заслуживает! Поэтому я не думаю отменять сделанного распоряжения, а теперь прошу вас отправиться к Бюлову и выразить от моего имени, насколько я возмущен этим глупым пасквилем.

Берканьи был озадачен приказанием короля, которое считал унижительным для своего достоинства, и не знал, как отделаться от него. В это время доложили о прибытии министра юстиции Симсона. Он также явился к королю с оттиском стихов в руках и, высказав свое негодование по поводу оскорбления, нанесенного заслуженному министру, настаивал на том, чтобы Бюлов получил блистательное удовлетворение.

Генерал-директор полиции поспешил воспользоваться этим заявлением, чтобы избавиться от неприятного поручения.

— Ваше величество, — сказал он, обращаясь к королю, — вы только что изволили сделать относительно этого распоряжение, но прошу позволения высказать мое мнение. Не признаете ли вы более удобным поручить объяснение с Бюловым министру юстиции господину Симсону? Должность начальника полиции налагает на меня обязанность преследовать преступление, а не входить в какие-либо объяснения, потому что меня легко могут обвинить в пристрастии.

— Вы совершенно правы, Берканьи! — заметил король. — Поэтому прошу вас, мой милый Симсон, отправиться к Бюлову и передать ему, насколько я возмущен глупостью его озлобленных противников; вы изложите дело в том виде, как найдете нужным. Если он считает себя оскорбленным, то скажите ему от моего имени, что будут приняты все меры, чтобы отыскать виновных, и я не допущу, чтобы он отказался от должности министра финансов, потому что более чем когда-либо нуждаюсь в его услугах.

Таким образом Берканьи пришлось выслушать много неприятных намеков, которые непосредственно относились к нему, хотя он знал, что они были сделаны без намерения задеть его. Мнение короля относительно стихов заставило его прозреть; теперь он сам понял всю их нелепость; и у него появилось опасение, чтобы не заподозрили его в авторстве. Поэтому он воспользовался уходом Симсона, чтобы отвлечь короля от занимавших его мыслей, и заговорил о таинственной даме, выдававшей себя за шведскую графиню.

— Чтобы иметь возможность подробно доложить о ней вашему величеству, — сказал Берканьи, — я лично передал ей письменное разрешение жить в Касселе. Квартира ее убрана с большим вкусом, и сама она произвела на меня необыкновенно приятное впечатление своим свежим, молодым личиком и живостью. Но, сознаюсь, что несмотря на это я вполне убежден, что она вовсе не графиня, а просто авантюристка. Она подробно расспрашивала меня о придворном этикете, потому что намерена представиться ко двору. По этому поводу я потребовал у нее документы относительно ее графского происхождения и назначил самый короткий срок для представления их. Чем меньше будет она иметь времени, чтобы сочинить ту или другую романическую историю, тем скорее доберемся мы до истины.

Берканьи достиг своей цели. Король был, видимо, заинтересован и, задав несколько вопросов относительно наружности шведской графини, поручил генерал-директору полиции устроить как бы нечаянную встречу с ней. Предлогом мог служить осмотр загородного дворца Шенфельд в назначенный час; король обещал приехать туда верхом, как бы для прогулки, чтобы увидеть вблизи мнимую графиню.

Когда этот сюжет для разговора истощился, Берканьи сообщил королю о прибытии любимого романиста короля, который вызвал его из Парижа в качестве своего чтеца и библиотекаря.

— Очень рад слышать это, — сказал Иероним. — Он будет читать мне газеты и бюллетени и, кстати, займется

выбором и покупкой книг для моей библиотеки. Он отличный рассказчик и сообщит мне разные новости из Парижа. Сегодня мы опять возвращаемся в нашу загородную резиденцию, привезите его завтра ко мне, я велю приготовить комнаты, в которых он может поселиться.

Вошел секретарь Маренвилль с бумагами и положил их на стол для подписи. Король так обрадовался его приходу, что Берканьи счел не лишним тотчас же удалиться.

IV

Интимный разговор

Король, оставшись наедине со своим секретарем, встал с кресла и пересел на кушетку.

— Наконец-то! — сказал он с досадой. — Надеюсь, Маренвилль, вы не станете занимать меня глупым пасквилем на Бюлова, а сообщите мне что-нибудь более интересное. Все раздражает меня, потому что дела складываются не так, как я хотел бы. В последнее время я даже не имел возможности поговорить с вами из-за этих несносных празднеств. Между прочим, меня беспокоит то обстоятельство, что Сесиль не хочет больше довольствоваться обществом, которое она встречает в доме Симсонов, и стремится в большой свет, а старик поддерживает в ней эту фантазию.

— Все это в порядке вещей, — отвечал со смехом Маренвилль. — Почтенный дядюшка имеет совершенно превратное понятие о племяннице своей супруги. Он считает ее милым, талантливым ребенком, который случайно попал на ложную дорогу, вступив на сцену, и надеется, что она, пожив в его семье, опять будет вести себя, как следует. Вы знаете, ваше величество, что Сесиль Геберти может разыгрывать какую угодно роль. *Ma parole d'honneur!* — трудно выдумать более комичную историю. Служитель Фемиды очутился с повязкой богини на глазах благодаря своей супруге; он держит в руках весы правосудия, а король держит в объятиях особу, взятую им на свое попечение!

— Перестаньте, Маренвилль, не накликайте на меня беды! — возразил, улыбаясь, король. — Обман может обнаружиться, Сесиль способна сама сорвать повязку с глаз старика. Нужно чем-нибудь умиловить ее, она уже не раз ставила меня в неприятное положение своей неосторожностью. Вспомните, как она неожиданно явилась вслед за мной в Фонтенбло во время празднеств, устроенных по

случаю моей свадьбы. Император был вне себя от гнева и, если узнает, что она опять здесь, то мне несдобровать. Внушите, чтобы она по крайней мере не разглашала своей фамилии; агенты Наполеона извещают его обо всем, что делается у нас.

— Всего было бы лучше, — сказал секретарь, — если бы Сесиль по приезде в Кассель с первого же дня изменила свою фамилию.

— Вот было бы кстати! — воскликнул со смехом Иероним. — Разве могла она явиться в дом своего дяди Симсона под чужим именем и с фальшивым паспортом?

— Pardon! Я упустил из виду это обстоятельство! — ответил секретарь.

— Другое дело, если бы мы нашли подходящего молодого человека и женили его на ней, тогда она могла бы явиться в обществе под новой фамилией. Разумеется, в Касселе столько дам, что я легко могу обойтись без Сесили, но если ее выслать отсюда, то она непременно устроит скандал... Впрочем, она настолько очаровательна, что я ничего не имею против того, чтобы она осталась здесь... Ecoutez! Я устрою себе подобие Sans-Souci, или, говоря попросту, загородный дом в уединенном месте, и буду приезжать туда для охоты. Мы отправим туда Геберти, и чем скорее, тем лучше, а мужа ее мы назначим дворцовым префектом или чем-нибудь в этом роде.

— Одним словом, когда король вздумает отдохнуть после охоты в своем Sans-Souci, муж Сесили будет отсылаться в Кассель с убитой дичью.

— Gaillard!.. — заметил одобрительно Иероним. — Разумеется, впоследствии, когда эта история потеряет для общества интерес новизны, молодая женщина опять вернется в Кассель.

— А вы предоставите ей наслаждаться семейным счастьем и найдете себе что-нибудь новое...

— Eh bien, что-нибудь свежее... Сердце мое безусловно жаждет новой любви! Вообще я решил выключить из списка некоторые имена. Что вы скажете на это, Маренвилль?

— Прекрасно, ваше величество! Но, вероятно, вы желаете опять пополнить список и остановите ваш выбор на лучших здешних фамилиях, чтобы заручиться их преданностью...

— Прежде всего я хочу отделаться от Бабет, как она ни мила, но у нее, на мой вкус, слишком... А propos! Сюда приехал Pigault-Lebren; мы уступим ему Бабет и поселим их во флигеле летнего дворца.

— Конечно, подчас бывает приятно вспомнить старину, а Бабет будет вблизи! — заметил со смехом Маренвилль.

— Поймите, что я умираю со скуки в это лето! — продолжал Иероним. — *Escrutez!* При дворе ходят толки о необычайной красоте одной молодой дамы... *choses!* Если не ошибаюсь, то она замужем за начальником отделения в министерстве внутренних дел...

— Мадам Гейстер? — спросил Маренвилль.

— Совершенно верно, мадам Гейстер... Разве вы знакомы с ней?

— Я встретил ее случайно у министра Симсона, молодые приезжали к нему с визитом... Действительно, она замечательно красива...

— Ну, вот! — прервал король. — Все в восторге от нее, не исключая дам, которые сами имеют притязание на красоту. Говорят, что она бесспорно самая красивая женщина в Касселе, и вы до сих пор не показали ее мне!

— Это совершенно незаслуженный упрек, ваше величество! — возразил, улыбаясь, Маренвилль. — Я хорошо помню, что ни одна красивая женщина не должна существовать в нашей резиденции, иначе как *de par le roi!* и уже навел все необходимые справки...

— Ну, что же? — спросил с нетерпением король.

— Дело в том, что господин Гейстер едва ли согласится перейти в министерство иностранных дел и уехать из Касселя, и вообще, по слухам, он не принадлежит к числу податливых мужей. Молодая чета сделала из приличия необходимые визиты, а теперь они живут вдали от общества, кроме немногих друзей, которые посещают их. Таким образом, трудно найти доступ к молодой женщине и возбудить в ней честолюбие...

— Во всяком случае вы должны как-нибудь устроить это дело, — сказал король. — Я чувствую, что графиня Франциска скоро надоест мне; она становится слишком тяжеловесна благодаря ее положению; с обер-гофмейстериней у меня также самые натянутые отношения. Она требует от меня каких-то возвышенных поступков, соответствующих моему королевскому сану, не принимает никаких подарков и осаждаст меня просьбами. Когда я заговорю о любви, то она распространяется о моих обязанностях относительно народа!

— Другими словами, она игнорирует личные желания И е р о н и м а и помнит, что перед ней король, от которого зависит благополучие подданных! — возразил секретарь

серьезным тоном. — Не разрывайте отношений с ней, ваше величество. В этой женщине сказывается кровь ее благородных предков, она мечтает о славе молодого короля; благодаря обер-гофмейстерине и королева смотрит ее глазами, что придает вам известный ореол у немцев при их крайнем идеализме. Этим не следует пренебрегать! Не забудьте, ваше величество, что графиня Антония представляет собой исключение среди наших дам, которые вообще отличаются довольно реальными стремлениями. Возьмем для примера мадам дю Кудра! Все находят ее очаровательной и, черт возьми, я сам того же мнения...

— Вы кстати напомнили мне о ней, Маренвилль! Вчера, во время *grand souper*, она стояла против меня: я нашел в ее наружности большую перемену к лучшему и решил, что, вероятно, легкомысленная жизнь ей на пользу, или что мужу удалось наконец образумить ее!

— Последнее — ни в каком случае! — возразил секретарь. — Дю Кудра страстно влюблен в свою жену и не в состоянии в чем-либо сдержать ее. Старик Бонгар недаром выразился о ней, что у мадам дю Кудра можно встретить самых безнравственных людей не только вашего двора, но и всего Касселя!..

Король встал с кушетки и сел к письменному столу, чтобы подписать бумаги, принесенные секретарем, но через минуту отложил перо и сказал:

— Поезжайте к ней, Маренвилль, и передайте от моего имени, что если она решится изменить образ жизни из уважения к своему достойному мужу, то я готов оказать ей покровительство: назначу ее статс-дамой королевы и сам привезу ей дамский орден в тот вечер, который она сама назначит.

— Не подлежит сомнению, что она с радостью согласится на это, а тем более из уважения к своему мужу, — заметил с улыбкой Маренвилль.

— Это было бы для меня некоторым развлечением, так как я жду разных неприятностей от рейхстага. Между прочим, поднят будет вопрос о двух миллионах, выданных мне придворным агентом Якобсоном и которые я до сих пор остался должен моей матери. Бюлов в большом затруднении, потому что эти деньги должны быть выплачены, а мои доходы слишком недостаточны, чтобы я мог внести такую огромную сумму. Трудно предвидеть исход при таком роковом стечении обстоятельств!.. Но мы во всяком случае воспользуемся прелестными июльскими ночами! Вечера будут в нашем распоряжении, и вы должны позаботиться,

Маренвилль, чтобы мы провели их как можно веселее и разнообразнее. Иначе стоит ли быть вестфальским королем, чтобы изнывать от скуки!

V

Министр финансов

Первые заседания рейхстага были посвящены выборам членов комиссий: финансовых, гражданских дел и уголовного законодательства. Король вернулся в свою летнюю резиденцию и здесь, сидя на троне, окруженный высшими государственными сановниками и министрами, торжественно принял депутацию рейхстага, которая поднесла ему приветственный адрес. Затем наиболее важные дела, подлежащие обсуждению, перешли из государственного совета на рассмотрение рейхстага. Бюлов, окончив подготовительные работы, спешил воспользоваться свободным временем и охотно принимал посетителей.

Герман, по совету Провансаля, также явился с утренним визитом к министру финансов и застал у него депутата Натузиуса. Бюлов приветливо встретил молодого человека и, задав несколько вопросов, сказал:

— Я слышал господин Тейтлебен, что вы намерены заняться нашим делом, душевно буду рад, если работа увлечет вас; тогда наука будет служить для вас отдыхом, и ничто не мешает вам посвящать ей свободные минуты. Мы сейчас же решим вопрос относительно вашей должности в министерстве. Провансаль не всегда удачно выражается по-немецки, между тем я желаю, чтобы деловые бумаги были написаны безупречным немецким языком, и слог, при отсутствии многословия, отличался бы легкостью и ясностью изложения. К тому же Провансаль настолько завален делами, что нуждается в помощи, а вы, по-видимому, находитесь с ним в хороших отношениях, так что я без всякого колебания определяю вас сверхштатным чиновником в нашем министерстве. В некоторых делах я сам буду вашим руководителем, и уверен, что в самом непродолжительном времени вы свыкнетесь с вашей службой. Разумеется, было бы не лишним для вас основательно познакомиться с политической экономией и различными финансовыми вопросами. Вообще я рассчитываю на ваши хорошие способности, честный образ мыслей и желание трудиться...

С этими словами Бюлов отворил дверь в небольшую, просто убранную комнату, смежную с кабинетом.

— Вот здесь, — добавил он, — у этой конторки, вы будете заниматься, пока не освоитесь с делом; в случае надобности я всегда могу позвать вас, а также оказать вам помощь, если вы встретите какое-нибудь затруднение. Таким образом, мы ближе познакомимся друг с другом, и я постараюсь при первой возможности выхлопотать у короля, чтобы вас определили на штатное место. К сожалению, мы не можем сразу назначить вам постоянное жалованье, и вы должны будете довольствоваться временными денежными наградами. Согласны ли вы на это условие?

— Мне кажется, ваше превосходительство, — отвечал Герман, — что поступая на службу в качестве ученика, я не могу рассчитывать на какое-либо денежное вознаграждение.

— Простите, если я осмелюсь вмешаться в разговор, — сказал Натузиус, — но я нахожу, что вы, господин доктор, напрасно отказываетесь от денег, от вас требуют известного труда, а в этом случае каждый из нас имеет право на вознаграждение.

— Разумеется, — заметил министр финансов, — а теперь, господин Натузиус, мы можем продолжить начатый разговор...

Герман встал и хотел уйти, но Бюлов удержал его:

— Вам нечего обращаться в бегство, вы несколько не стесните нас своим присутствием, а для вас наша беседа будет иметь некоторый интерес, потому что касается печального положения Вестфалии. Но, конечно, все, что вы услышите, должно остаться между нами...

Бюлов произнес последние слова с особенным ударением, затем, обращаясь к депутату, сказал:

— Действительно, мой дорогой Натузиус, с тех пор как я принял должность министра финансов, мне приходится нести нелегкую ношу. Мое положение тем затруднительнее, что Вестфалия скроена из обрезков нескольких государств, которые прежде управлялись своими государями, имели свои законы, учреждения, обычаи. Все это смешанное население безусловно тяготеет к чужеземным игам, между тем от него требуют не только дружелюбного отношения к Франции, но и непосильных жертв в пользу последней. На вестфальский престол возведен легкомысленный человек, который ни о чем другом не думает, как о блеске своей короны, без удержу предаётся расточительности и чувственным наслаждениям. Его окружают всевозможные авантюристы, которые имеют на него дурное влияние, помогают ему

проматывать деньги и пользуются всяким случаем для наживы. Говорю это вам, как честным людям и моим соотечественникам, потому что, занимая пост министра, я не могу публично высказывать такие вещи.

— Для полноты картины, — сказал депутат, — можно было бы добавить, что небольшое Вестфальское государство, с двухмиллионным населением, истощено войной. Не говоря уже о всевозможных поборах, передвижение войск продолжается до сих пор, землевладельцы и крестьянские общины разорены вконец; государственный долг простирается до ста тысяч франков! В то же время промышленность окончательно остановилась, фабрики, не получая больше субсидий от правительства, в большинстве случаев находятся в бездействии, и даже главный источник доходов страны — вывоз зерна и шерсти — прекратился, уничтожена и транзитная торговля... Вот арена деятельности вестфальского министра финансов!

— В ваших словах нет ни малейшего преувеличения, — заметил Бюлов, — но, к сожалению, далеко не все депутаты понимают настоящее положение дел. Мальх в качестве оратора от правительства на ближайшем заседании рейхстага поднимет вопрос о необходимости нового займа в двадцать миллионов франков. Депутаты сделают попытку протестовать против этого, а затем будут вынуждены дать свое согласие.

— Положим, что ваше предсказание сбудется, — предположил Натузиус, — но где надеетесь вы сделать заем? Вестфалия — молодое государство и ведет такой веселый образ жизни, что едва ли пользуется особенным кредитом. Доверие в этих случаях возможно только при условии постоянных источников дохода и при точном соблюдении принятых обязательств. Не подлежит сомнению, что если вы останетесь у нас министром финансов, то мало-помалу создадите кредит для нашего государства, но вы не могли сделать этого за один год.

— Тем не менее, — сказал с улыбкой Бюлов, — я не теряю надежды на заем и уже заручился обещаниями в Голландии. Там лежат большие капиталы без всякого употребления, в связи с застоем в торговле. Один богатый банкир берет на себя устройство этого дела, а наш посланник в Нидерландах, барон Мюнхгаузен, ручается за него, что он выполнит свое обещание...

В эту минуту вошел Фауст, камердинер Бюлова, с докладом, что полицейский комиссар желает видеть министра.

Бюлов отдал приказание принять его, и Герман, к немалому удивлению, увидел Вюрца, который явился с почтительным поклоном и подал запечатанный пакет с бумагами. Министр, не заглядывая в бумаги, стал внимательно читать приложенное письмо.

Натузиус воспользовался этой минутой, чтобы поговорить с Германом, к которому чувствовал особенную симпатию; но тот слушал его рассеяннo, так как мысли его были заняты другим. До сих пор он не успел сообщить графине Антонии о своих подозрениях, и теперь упрекал себя за небрежность. Он внимательно следил за каждым движением Вюрца, и его особенно поразило то беспокойство, с каким полицейский агент осматривал комнату и, по-видимому, настолько увлекся своим занятием, что вздрогнул, когда министр, прочитав письмо, заговорил с ним:

— Прошу передать мсье де Берканьи, — сказал Бюлов, — что я весьма благодарен ему за старание открыть автора сочиненного против меня пасквиля. Но могу поручиться, что ни один из моих подчиненных не написал бы ничего подобного, потому что они слишком хорошо знают мое положение, чтобы завидовать мне. Скажите также господину генерал-директору, что я считаю себя вполне удовлетворенным сделанным розыском, и, если он желает продолжать это дело, то разве для того, чтобы исполнить желание короля. Кстати, возьмите обратно и эти документы.

Как только Вюрц удалился из комнаты, Бюлов пояснил:

— Берканьи хочет уверить меня, что автор стихов один из моих подчиненных, но у меня нет ни малейшего сомнения относительно того, что это кто-нибудь из их партии. Впрочем, не стоит больше говорить об этой глупой истории. Теперь вы, мой друг Натузиус, пойдите к моей жене, а я займусь с господином доктором, чтобы немного познакомиться его с делами.

Герман был поражен необыкновенным умом министра и ясностью его объяснений, и после двухчасовой работы вышел от него в наилучшем расположении духа. Он был уверен, что с помощью такого руководителя и книг ему нетрудно будет освоиться с делом и оправдать надежды своих друзей. Хотя в последнее время в обращении Лины с ним была заметна некоторая сдержанность, которая подчас раздражала его, но он так привык делиться с молодой женщиной своими впечатлениями, что тотчас же отправился к ней. Лина была одна и молча выслушала его восторженный рассказ о свидании с Бюловым, а затем сказала:

— Во всяком случае, мне кажется, что тебе необходимо сходить к Миллеру, который хотел направить тебя на ученую деятельность, ты выбрал другой путь, не предупредив его, поэтому он вправе ожидать от тебя, чтобы ты объяснил ему все, или, вернее сказать, оправдался в его глазах... Но я слышу голос Людвига, он разговаривает с кем-то на лестнице, если не ошибаюсь, это Эммерих!

Разговор был прерван к немалой досаде Германа, который по холодному приему молодой женщины ясно видел, что она недовольна им, и ему хотелось объясниться с ней.

Гейстер вошел в сопровождении Эммериха. Оба только что вернулись с тайного совещания, проходившего в одном частном саду на окраине города. При том оживлении, какое господствовало в столице с открытием рейхстага, они могли смелее собираться для совещаний, не обращая на себя внимания полиции.

— Полковник ночует у нас сегодня, Лина. Вели приготовить ему комнату, — сказал Гейстер.

— Третий раз являюсь я к вам неожиданным гостем, — добавил Эммерих, пожимая руку молодой женщине; затем, обращаясь к Герману, воскликнул: — Очень рад видеть вас, баловень судьбы, мы отлично проведем вечер! Ну, мудрец Гейстер, дайте вина, я умираю от жажды! Нам нужно спокойно побеседовать с господином доктором и убедить его вступить в наш союз.

— Не говорите так громко, подполковник, — заметил Гейстер, — я хозяин дома и считаю долгом напомнить вам, что вы прежде всего можете погубить самого себя при малейшей неосторожности. Не запугивайте молодого человека, если хотите, чтобы он сделался нашим союзником. Мы посвятим его в тайны гессенского союза, который отчасти известен ему, и пусть он сам решит, что ему делать, а брать его штурмом не следует. Он может не иметь с нами ничего общего, но как честный человек и гражданин должен подумать о нашей несчастной родине, которая стонет под чужеземным игом...

— Душевно благодарен вам за доверие, — сказал Герман, — я часто бываю с вами, и мне было бы крайне тяжело, если бы мое присутствие мешало вам говорить о деле, которое всего больше интересует вас. Познакомьте меня с целями и средствами вашего союза и путями, какими вы думаете действовать. Откровенно говоря, я не особенно сочувствую вашему курфюрсту, или, вернее сказать, его притязаниям на престол, потому что он сам по себе не имеет для меня значения. Мне кажется, на первом плане

должны быть интересы Германии, или по крайней мере Пруссии...

— Разумеется, но одно не мешает другому, и мы объясним вам почему, а пока выпьем за друзей отечества! — предложил Гейстер, наливая вино в стаканы.

VI

Бюрц попадает в западню

Герман охотно принялся за работу, тем более что впервые почувствовал под собой почву и непосредственную связь с действительной жизнью. Бюлов обладал особой способностью приохотить к труду своих подчиненных и расположить их к себе благодаря ровному, гуманному обращению и сердечной доброте. Герман, при своей восприимчивости, с первых же дней всецело поддался обаянию светлой личности министра, который относился к нему с особым доверием и, если бывал свободен, часто беседовал с ним и сам руководил его работой. Но вскоре было получено известие, что в Эссене, родовом имении Бюлова, за несколько миль от Брауншвейга, градом был побит весь хлеб на полях. Арендаторы хотели воспользоваться этим случаем, чтобы нарушить заключенные контракты, вследствие чего Бюлов считал необходимым отправиться на место для переговоров с ними. Хотя он был уверен, что король неохотно даст ему разрешение на эту поездку при настоящем положении дел, но не терял надежды получить отпуск, и с этой целью отправился в летнюю резиденцию их величеств. Иероним, против всякого ожидания, не высказал никаких возражений и торопливо изъявил свое согласие, а затем, как бы опомнившись, взял с него слово, что он вернется, как можно скорее. Поэтому Бюлов немедленно собрался в дорогу и выехал в тот же день вечером.

На следующее утро, едва Герман успел приняться за работу в отведенной ему комнате, как услышал шаги в кабинете министра и голоса двух людей, которые шепотом разговаривали между собой. Обыкновенно Бюлов, выходя из дома, запирает дверь кабинета и отдавал ключ своему камердинеру, как это сделал он и теперь вследствие спешного отъезда. Кроме денежной кассы, все ящики стола оставались открытыми, потому что в кабинет можно было войти не иначе, как через потайную дверь из комнаты баронессы.

Герман стал прислушиваться. Один из разговаривающих был, несомненно, камердинер Фауст, другой голос также

показался ему знакомым. Через минуту он услышал, как повернули ключ в письменном столе, выдвинули и задвинули ящик, затем ему показалось, что на стол бросили несколько монет.

Герман был сильно встревожен, хотя в голове у него не было ни одной определенной мысли. Но после приключения с Беркани он сделался недоверчивее и, встав с места, осторожно приоткрыл дверь, чтобы увидеть, что происходит в кабинете.

— Следовательно, я буду здесь в два часа, — шепнул чужой голос.

— Но ведь это время обеда, — ответил нехотя Фауст.

— Тем лучше, вы запрете меня в кабинете, а сами будете прислуживать за столом баронессы, затем вы меня выпустите. Не возражайте — так будет всего удобнее для меня...

Герман был поражен этим разговором и, присмотревшись внимательнее, с ужасом узнал в удалявшейся фигуре полицейского агента Вюрца.

Когда камердинер запер дверь кабинета, Герман подошел к нему быстрыми шагами и сделал знак, чтобы он следовал за ним.

Таинственный жест Германа, его встревоженное лицо объяснили все. Камердинер побледнел и робко вошел за ним в комнату, смежную с кабинетом.

— Что делал этот полицейский в кабинете барона? — спросил Герман строгим тоном. — Я слышал, что он положил какие-то бумаги в ящик письменного стола... Объясните, что это значит? Я знаю этого господина: он сделал вам одно предложение, и вы не знаете, как выпутаться из беды.

Старик растерялся и опустил голову, он дрожал всем телом и наконец под влиянием страха опустился на колени перед Германом.

— Спасите меня, господин доктор, — проговорил он со стоном, — я сделал непростительную глупость... слишком поторопился... и даже, быть может... Но не подумайте обо мне что-либо дурное! Ради Бога!..

— Встаньте, Фауст, сядьте на стул и успокойтесь, — сказал Герман. — Я знаю, вы честный человек и возмущены предложением этого негодяя; он, несомненно, хочет воспользоваться вашей доверчивостью. Разве вы не догадываетесь в чем дело?

— Да, господин доктор, теперь мне все ясно, хотя прежде не пришло в голову... Я думал, что могу оказать ему небольшую услугу, он сказал мне, что на днях был у барона и оставил у него свои бумаги с просьбой о поступ-

лении на службу в министерство финансов, и что барон обещал ему хорошее место. Сегодня он принес свой аттестат, который хотел приложить к остальным документам; сначала я не хотел пускать его в кабинет, но он попросил меня показать ему портрет короля...

— И вы отворили ему дверь. Ну, а затем? — спросил с нетерпением Герман.

— Когда он вошел в кабинет, — продолжал, запинаясь, камердинер, — ему вздумалось посмотреть, не сделано ли какого-нибудь распоряжения относительно его определения на службу, и он сказал мне, что дело должно лежать в левом ящике письменного стола. Но я не позволил ему рыться в бумагах министра, и тогда...

— Тогда этот негодяй дал вам денег!

Камердинер с испугом взглянул на Германа.

— Кто вам сказал это, господин доктор? — пробормотал он. — Да, я взял деньги... возьмите их... они мучают меня! Из-за них я согласился впустить его в кабинет, чтобы он мог прочесть бумагу о своем назначении... Но теперь я не допущу этого и прогоню его отсюда... Впрочем, нет, сделайте это сами, господин доктор, вы — добрый человек, и не выдадите меня, иначе я потеряю место!..

С этими словами Фауст поспешно сунул деньги в руку Германа и с умоляющим видом смотрел на него. На глазах его выступили слезы.

Герман понял, что Вюрц обманул камердинера, и что вся история с определением на службу выдумана им для прикрытия другой цели. Он также не сомневался, что полицейский агент, при своей трусости, не решился бы действовать по собственной инициативе и, вероятно, исполняет приказание Берканьи. Теперь вся задача заключалась в том, чтобы не допустить Вюрца до просмотра частной корреспонденции министра, которая хранилась в левом ящике письменного стола и, очевидно, была целью обыска, и в то же время избежать всякой огласки. Наконец в голове Германа созрел план, который показался ему вполне исполнимым и ни в коем случае не мог повредить делу.

— Возьмите назад деньги, — сказал он, обращаясь к камердинеру, — и не спешите возвращать их этому подлецу, а еще лучше оставьте их у себя. Нужно устроить дело таким образом, чтобы плут сам попал в приготовленную им западню! Прежде всего вы должны исполнить в точности, что я скажу вам, тогда вы не только выпутаетесь из беды, но дадите мне возможность заявить министру, что вы поступили честно и согласно с его интересами. Чтобы не возбу-

дать каких-либо подозрений у полицейского агента, вы встретите его с таинственным видом и осторожно откройте ему дверь кабинета, затем уйдете и оставите его одного. Но если вы вздумаете сделать малейшее предостережение или предупредить его каким-либо способом, то этим докажете, что вы действуете с ним заодно, а этого будет достаточно, чтобы барон отказал вам от места.

Фауст не мог понять, для чего требуют от него, чтобы он разыгрывал комедию, которая казалась ему совершенно не уместной. Но серьезный и уверенный тон Германа рассеял его сомнения, он обещал слепо исполнить полученные приказания и настолько увлекся возложенной на него ролью, что, забыв о полученных деньгах, распространялся о своей неподкупной честности и преданности господину министру.

Герман рассеянно слушал камердинера и, прервав его, послал спросить у баронессы позволения немедленно явиться к ней по важному делу.

К двум часам Герман вернулся в свою рабочую комнату и стал прислушиваться. Вскоре раздались шаги на лестнице, затем отворилась дверь в кабинет и в ту же секунду закрылась снова. Герман слышал, как Вюрц поспешно подошел к письменному столу и стал вынимать бумаги из левого ящика. Сердце его замерло от тревожного ожидания, и он только тогда вздохнул свободно, когда услышал, что баронесса вошла в кабинет через потайную дверь. Но полицейский агент настолько погрузился в свое занятие, что не заметил ее появления.

— Что это значит? — воскликнула баронесса удивленно. — Кто вы такой? Как вы смеете рыться в бумагах моего мужа? Это неслыханная дерзость! Как попали вы сюда?..

С этими словами баронесса потянула шнурок звонка, и через минуту появились из разных дверей Гарниш с Провансалем и камердинер Фауст.

— Я не понимаю, как мог попасть сюда этот человек? — спросила баронесса строгим тоном, обращаясь к камердинеру. — Разве дверь не была заперта на ключ? Еще недоставало, чтобы воры являлись к нам в такую пору дня!

— Барон приказал мне ежедневно проветривать его кабинет во время обеда, — ответил торопливо Фауст. — Вероятно, господин воспользовался открытой дверью, а я в это время прислуживал за столом...

— Меня всего больше поражает смелость этого человека, — продолжала баронесса. — Очевидно, он явился сюда

с целью похитить тайные бумаги министерства, чтобы затем продать их на вес золота. Посмотрите, как он бесцеремонно хозяйничал здесь. К счастью, я услышала, как отворилась дверь в кабинет моего мужа, и вошла вовремя, чтобы помешать приятному занятию непрощенного гостя! Но что станем мы делать с ним?

Гарниш и Провансаль были действительно удивлены, так как баронесса, переговорив с Германом, решила не предупредить их, чтобы придать более серьезный характер подготовленной ею сцене.

Герман, уступая настойчивому требованию баронессы, должен был остаться в своей комнате, хотя в эту минуту ему очень хотелось видеть физиономию пойманного шпиона.

Все случилось так неожиданно, что Вюрц, при всей своей наглости, был смущен и, сознавая, что попал в ловушку, не знал, как выпутаться из беды. Но, когда Гарниш заметил, что, быть может, он исполняет только приказ своего начальства, то полицейский агент тотчас же овладел собой и сказал уверенным тоном:

— Вы не ошиблись, милостивый государь, я здесь по служебной обязанности и получил, хотя тайное, но тем не менее официальное полномочие произвести обыск в кабинете министра.

— В таком случае вы обязаны исполнить приказ вашего начальника, — решил Гарниш, а мы, со своей стороны, будем протестовать против этого. — Господин Провансаль составьте протокол, что присутствующий полицейский комиссар вынул бумаги из письменного стола министра финансов, и мы заставим его подписать этот акт.

Вюрц спохватился, что совершил промах и сказал:

— Я не подпишу протокола, потому что считаю это совершенно лишним, вы можете довольствоваться моим словесным заявлением, что в настоящем случае я действовал как официальное лицо.

— Если вы будете упорствовать в вашем отказе, — возразил Провансаль, — то мы позовем слуг и силой выведем вас отсюда.

— Нет, это было бы не совсем удобно, — заметил Гарниш, — потому что тогда нам пришлось бы связать этого господина и отправить в полицейское бюро как обыкновенного вора. Прошу вас составить протокол, а господин комиссар подпишет его.

Секретарь сел писать. Вюрц более не возражал и, стоя у стола, занялся разглядыванием королевского портрета.

— Я не ошибся, — сказал вполголоса Гарниш, обращаясь к баронессе, — этот господин явился сюда по служебной обязанности. Вы видите, он не чувствует ни малейшего смущения...

Наконец, протокол был составлен. Полицейский агент беспрекословно подписал его; Провансаль и Гарниш скрепили акт своими подписями в качестве свидетелей.

Бюрц попросил позволения уйти и, получив согласие, тотчас же удалился. Герман воспользовался этим, чтобы выйти из своей комнаты, и выслушал как новость рассказ Провансаля о случившемся.

— Не знаю, заговорит ли со мной Берканьи об этой истории! — сказал Гарниш. — В настоящее время он до крайности любезен со мной, потому что я лечу его дочь.

— Разве Розалия больна? — спросила баронесса.

— Да, и очень серьезно. Вам известно, что девочка очаровательно танцует. С тех пор как она вернулась из Парижа, ей приходилось почти ежедневно бывать на вечерах в высшем обществе, где все в восторге от ее грации. Недавно Розалия была на придворном вечере, и так как в девочке развито тщеславие не по летам, то похвалы королевы произвели на нее слишком сильное впечатление; к тому же, возвращаясь ночью в город, она, вероятно, простудилась и слегла в постель. Берканьи в отчаянии, страх за жизнь любимой дочери, быть может, заставит его забыть неудачу, постигшую его агента. Моя подпись на протоколе также не особенно понравится ему, но теперь он не решится выказать мне своею неудовольствие... Однако мне пора идти! До свидания...

Затем Гарниш поцеловал руку баронессы и, дружески простившись с молодыми людьми, поспешно удалился.

VII

Последствия обыска

Баронесса и ее друзья не придавали особого значения таинственному обыску, который приписывали инициативе Берканьи и людей его партии. Но сам Бюлов, узнав о случившемся по возвращении в Кассель, отнесся к делу серьезнее. Он невольно вспомнил, что застал генерал-директора полиции в королевском кабинете, когда явился во дворец просить об отпуске, и, что король при этом многозначительно взглянул на Берканьи, на лице которого выра-

зилось едва скрываемое удовольствие. Не ускользнула тогда от внимания Бюлова и та поспешность, с какой король изъясил согласие на его несвоевременную просьбу об отпуске. Теперь, взвесив все это, он пришел к убеждению, что попытка произвести обыск в его кабинете была сделана по повелению Иеронима и решена заранее.

Ласковый прием, оказанный ему королем по возвращении, еще более утвердил его в этой мысли, так как, очевидно, имел целью смягчить нанесенное ему оскорбление. Поэтому во время разговора с его величеством он вел себя крайне сдержанно и даже не упомянул о неудавшемся обыске.

Хотя Бюлов не чувствовал никакой злобы против добродушного короля, но решил не оставлять дела без последствий, так как враждебная партия не замедлила бы воспользоваться его уступчивостью для новых козней. Из опасения упустить удобный момент, он немедленно подал королю жалобу на генерал-директора полиции, который самовольно поручил своему агенту Вюрцу произвести обыск в его кабинете, вопреки всем правилам установленным в подобных случаях.

Иероним был поставлен в затруднительное положение, но дело получило такую огласку, что он не мог ни замять его, ни оставить без внимания, и после долгих совещаний с Берканьи решился передать его на рассмотрение государственного совета. Здесь начались оживленные прения. Противники Бюлова употребили все усилия, чтобы его жалоба оставлена была без последствий, и оправдывали поступок Берканьи с точки зрения тайной полиции, которая для достижения своих целей не всегда может быть разборчива в средствах. Друзья Бюлова, со своей стороны, не особенно энергично отстаивали его интересы, потому что им наметнули, что король не только знал о предполагаемом обыске, но даже разрешил его. Таким образом, вопрос об удовлетворении, поднятый Бюловым, мог кончиться ничем, если бы не вмешался Симсон, министр юстиции, который считал долгом чести заступиться за товарища:

— Я уверен, — сказал он, — что эта история произведет тяжелое и неприятное впечатление как на собравшихся депутатов, так и на все население нашего небольшого государства. Может ли быть что-либо возмутительнее того факта, что лучший из наших министров, деятельно заботившийся о благосостоянии страны, подвергается подозрению в тайных сношениях с нашими врагами! Недоброжелатели Бюлова не имеют даже гражданского мужества официально призвать его к ответу и выступить в качестве

обвинителей. Я француз по происхождению, но смело ручаюсь за неподкупную честность моего товарища по службе, хотя не могу назвать его своим соотечественником. Насколько мне известно, все преступление Бюлова заключается в том, что, живя в немецкой Вестфалии, он игнорирует так называемую французскую партию, а эта из ненависти к нему хочет во что бы то ни стало обвинить его в политической неблагонадежности. Скажу словами Тацита: «Causa periculi non crimen ullum aut querela laesi cujusquam, sed gloria viri ac pessimum inimicorum genus». Кто после этого захочет быть министром в государстве, где семейная переписка может попасть в руки полицейских шпионов, которые бесцеремонно врываются в дом с уполномочием перерывать все бумаги, хотя бы в них заключались важнейшие государственные тайны!.. Во всяком случае виновники этой дерзкой попытки подвергнутся строгой ответственности! Император Наполеон не замедлит сделать запрос: в чем заключается преступление человека, которого он удостоил своей высокой милости?..

Последний довод был всего убедительнее и произвел сильное впечатление на присутствующих, в особенности на Иеронима. Чтобы удовлетворить Бюлова, он не видел другого выхода, как выразить формально Берканьи свое королевское неудовольствие по поводу обыска, который был втайне разрешен им. Государственный совет, со своей стороны, постановил подвергнуть генерал-директора полиции домашнему аресту, а полицейского агента Вюрца тюремному заключению.

Сначала Берканьи был неприятно озадачен неожиданным исходом дела, но, зная, что король щедро вознаградит его, безропотно взял на себя ответственность за неудавшийся обыск. К тому же Розалия начала поправляться, и он был даже отчасти доволен домашним арестом, который давал ему возможность проводить большую часть дня со своей любимицей. Благодаря этому он находился в таком хорошем настроении, что вздумал разыграть роль великодушного человека и благодарного отца относительно доктора Гарниша. Последний не только получил щедрое вознаграждение за визиты и богатый подарок, который был ему прислан на дом, но, когда он явился в последний раз к своей пациентке, Берканьи подал ему с улыбкой небольшой запечатанный пакет.

— Возьмите это с собой, господин доктор! — сказал генерал-директор. — Tenez! Хотя эти бумаги не имеют такой цены, как ваши превосходные рецепты, которыми вы

воскресли мою милую Розалию, но они доставят вам удовольствие, потому что от них зависит ваше благополучие... Разумеется, в будущем вы будете осторожнее!

Гарнишу пришло в голову, не заключается ли в пакете подписанный им недавно протокол, и краска гнева выступила на его лице, но Берканьи на прощание так добродушно пожал ему руку, что он успокоился.

Гарниш, выйдя на лестницу, поспешно сорвал печать с таинственного пакета и с удивлением увидел свои собственные письма к заграничным друзьям. В этих письмах, перехваченных тайной полицией, заключалось много такого, что компрометировало его и могло иметь для него дурные последствия. Гарниш, улыбаясь, спрятал пакет в карман. «В этом бывшем иезуите есть известная доля благородства!» — пробормотал он сквозь зубы, довольный тем, что так легко выпутался из беды.

Для Германа приключение с обыском имело самые благоприятные последствия. Министр финансов тем более оценил оказанную ему услугу, что, по счастливой случайности, его тайная переписка с Пруссией не попала в руки врагов. Он стал приглашать Германа к себе на обеды и вечера и, ближе познакомившись с ним, откровенно высказывал ему свои душевные мысли и взгляды на положение их общей родины.

Баронесса Бюлов также относилась благосклонно к Герману и явно показывала ему предпочтение перед Прованселем и Гарнишем, из которых один наскучил ей своим сентиментальным поклонением, другой — своей назойливой любовью.

Помимо нравственной пользы, которую извлекал Герман в кругу образованных и развитых людей, его настоящее положение было выгодно для него и в другом отношении. Министр знакомил своего молодого подчиненного со всеми знатными сановниками, которые посещали его, и при этом обходился с ним как с человеком равным себе, чтобы открыть ему доступ в высшее общество. Последнее было тем достижимее, что французы, занимавшие видные места в Касселе, большей частью были сами незнатного происхождения и гордились тем, что обязаны всем своим личным заслугам. Униженное немецкое дворянство, со своей стороны, чувствовало известное нравственное удовлетворение, если среди его соотечественников появлялась какая-нибудь выдающаяся личность и обращала на себя общее внимание.

Из числа лиц, посетивших Бюлова, чтобы выразить ему сочувствие по поводу нанесенного ему оскорбления, был и

военный министр Морио. При виде его, Герман хотел тотчас же удалиться, но Бюлов удержал его и представил генералу в самых лестных выражениях, назвав его «вольноопределяющимся» на службу. Герман едва мог скрыть овладевшее им смущение, но сам Морио вывел его из затруднения своей любезностью:

— Мы уже имели случай познакомиться, — сказал он с улыбкой. — У нас была маленькая стычка: вольноопределяющийся держал себя слишком смело с генералом, что не согласуется с требованиями военной дисциплины, и я немного погорячился. Жаль, барон, что вы засадили молодого человека за ваши счеты, ему следовало бы остаться учителем, потому что он обладает даром превращать своих учениц в невест!

— Мне рассказывал об этом ваш будущий шурин Фюрстенштейн. Я надеюсь, что господин доктор обладает также даром превращать в золото все, до чего прикоснется рукой, а у меня, как уверяют мои недоброжелатели, только ослиные уши Мидаса...

— Bravo! C'est charmant! — воскликнул с громким смехом Морио и, обращаясь к Герману, добавил: — Теперь мы заключили с вами мир, господин доктор, не правда ли? Я сердился на ваши уроки, а они сделали меня счастливейшим из смертных. Немецкий язык оказался слишком трудным для Адели; она с досады возненавидела учителя и сбежала от него в мои объятия! Характер Адели заметно изменился к лучшему... Elle est aimable, elle est charmante!..

Герман, встревоженный и смущенный, не находил слов для ответа и выжидал удобной минуты, чтобы удалиться, но Морио продолжал тем же добродушным тоном:

— Вот еще что, господин доктор... Наша свадьба назначена через восемь дней, мы пришлем вам пригласительный билет. Вероятно, вы не откажетесь поздравить Адель, но, надеюсь, что на этот раз дело обойдется без стихов!

При этих словах Морио опять захохотал.

Герман окончательно смутился и, поклонившись, молча поспешил уйти в свою комнату. Воспоминание о последнем часе, проведенном с Аделью, живо воскресло в его памяти. Внезапная ненависть, которую она почувствовала к нему, имела в его глазах нравственную основу, а теперь — какое глубокое разочарование! Он терялся в догадках: было ли все сказанное генералом Морио придумано им самим для собственного успокоения, или Адель сыграла всю эту комедию, чтобы выпутаться из беды?

Он сел в кресло, печально опустив голову. Глубокая тоска овладела его сердцем под влиянием гнетущих впечатлений. Сколько лжи и обмана было в этой любви, которая представлялась ему в таких поэтических красках! Неужели он должен присутствовать на ненавистной для него свадьбе и принести свои пожелания новобрачным?

«Нет, этого никогда не будет! — решил он мысленно. — Впрочем, кто знает... Быть может, Адель, увидя меня, образумится и пожалеет, что вздумала связать свою жизнь с любимым человеком. Но что делать в этом случае?..»

Однако эти сомнения и вопросы недолго занимали Германа. Мало-помалу поведение Адели показалось ему менее возмутительным, когда он вспомнил легкомыслие и распущенность нравов, которые господствовали в высшем кассельском обществе. Какое ему было дело до этого общества? Что мешало ему создать для себя, вне его, другой, более нравственный, духовный мир и вернуться к тем идеальным воззрениям на любовь и супружеские отношения, какие были у него во времена студенчества! История с Аделью могла быть поучительна для него.

Герман, после ухода Морио, сел писать под диктовку министра, который вслед затем поручил ему перевести одну важную служебную бумагу на немецкий язык. Дела незаметно отвлекли Германа от тревожных дум, но печальное настроение не оставляло его.

В этот день он был приглашен к Гейстерам на званный вечер, где должен был собраться интимный кружок. Луиза Рейхардт также обещала прийти, хотя до этого под разными предложениями несколько раз отказывалась от приглашений Лины к немалому огорчению молодой женщины.

Прежде всех явилась госпожа Энгельгардт, так как до прихода гостей хотела переговорить наедине с Линой о занимавшем ее деле. Оно касалось гостившего в их доме депутата Натузиуса, который, по словам госпожи Энгельгардт, близко сошелся с ее семейством и на днях, говоря о супружеской жизни, выразился таким образом, что можно было почти точно сказать, что он собирается сделать предложение одной из ее дочерей.

— Я сама пришла к такому же заключению в последний раз, когда была у вас, — сказала Лина. — Натузиус пользуется такой прекрасной репутацией, что против него ничего нельзя возразить, кроме того, что он немного стар для ваших дочерей.

— Мои дочери так воспитаны, что некоторая разница лет не может быть препятствием! — возразила госпожа Эн-

гельгардт. — Я считаю эту партию блестящей во всех отношениях, не говоря уже о том, что Натузиус славится как богатейший фабрикант. Но, к сожалению, из моих дочерей ему, по-видимому, всего больше нравится Тереза, а я не знаю, свободно ли ее сердце...

Лина поняла, что заботливая мать предназначала эту дочь Герману, но ничего не возразила.

В эту минуту в комнату вошли Людвиг с Германом, вскоре затем явилась Луиза Рейхардт и остальные гости. За чаем разговор зашел о браке и супружеских отношениях. Лине хотелось втянуть Германа в разговор и заставить его высказать свой взгляд на строгое соблюдение супружеских обязанностей, которому он придавал особое значение. Молодая женщина надеялась этим доказать Луизе Рейхардт несправедливость ее подозрений и оправдать свое дружеское отношение к Герману.

Но пока все ее усилия оставались напрасными. Герман молчал или отделялся общими фразами.

— Мне кажется, — заметил один из гостей, — что главная причина несчастья в браке заключается в том, что сходятся люди, совершенно не подходящие друг другу вследствие какого-нибудь расчета.

— Разумеется! — поддержал его Гейстер. — Но и помимо этого в частной, как и в общественной жизни бывают периоды, когда люди начинают тяготиться нормальными условиями существования, устают от серьезного труда, и жажда к наслаждению всецело поглощает их. Разнузданные страсти нарушают равновесие, подрывают основы, которыми держится общественная нравственность. Наступает полная деморализация, которая прежде всего сказывается на супружеских отношениях...

— Мы переживаем один из таких периодов, — заметила с волнением Луиза. — Не говоря уже о высшем обществе, даже в семьях немецких бюргеров супружеская верность стала редкостью. Меня особенно поражает в этих случаях легкомыслие женщин, быть может, потому, что мы вообще относимся снисходительнее к мужу, который изменяет своей жене.

— Это вполне естественно! — сказал Герман. — Супружеская верность только в мужчине составляет добродетель, в женщине она — нормальное явление.

— Я не понимаю в чем заключается это различие, — возразил Гейстер.

— Прошу извинения, если буду называть вещи своими именами, — продолжал Герман, — но для меня это разли-

чие вполне ясно. Мужчина по своей организации более склонен к половому развлечению, чем женщина, и в нем сильнее потребность перемены, ему нужно бороться с собой, чтобы преодолеть свою природу. Поэтому супружеская верность с его стороны — добродетель, а в женщине — нормальное явление. Ее назначение — воспринять и взлелеять зародыши жизни, и всякая честная, нравственно не испорченная женщина инстинктивно отклоняет от себя все то, что может помешать росту медленно развивающегося человеческого существа. Ей не приходится насиловать свою природу, а только ограждать себя от внешних соблазнов. Когда женщина изменяет мужу, то она совершает преступление не только против нравственности, но и против своей природы, и заслуживает полного презрения. Отступая от своих обязанностей, она нарушает святость семейного очага, является каким-то вырождаком, вредным для общества!..

Резкий приговор Германа смутил Лину и остальных дам; одна Луиза Рейхардт сохранила прежнее спокойствие, видимо, довольная своим молодым приятелем.

Гейстер подошел к Герману и, взяв под руку, увел с собой в кабинет, а затем неожиданно обнял его с порывистой нежностью, которая совершенно не соответствовала его обычному сдержанному обращению.

— Что с тобой, Людвиг? — спросил с удивлением Герман. — Что случилось?

Гейстер ласково взглянул на него и ответил взволнованным голосом:

— Если ты понимаешь то, что я чувствую в эту минуту, то всякие объяснения будут лишними, если нет — тем лучше для тебя! — С этими словами он еще раз обнял Германа и, пожимая ему руку, сказал: — Мы останемся навсегда друзьями! Я доверяю тебе, как родному брату...

Гейстер не договорил своей мысли и вышел из кабинета, чтобы присоединиться к остальному обществу. Герман последовал его примеру.

VIII

Свадьба

Несколько дней спустя Герман получил приглашение на свадьбу Морио, и невольно улыбнулся, вспомнив, как он намеревался смутить Адель своим появлением и заставить ее отказаться от необдуманного брака. Теперь его занимала

мысль, какое впечатление произведет на него Адель в белом подвенечном наряде, и в состоянии ли он будет выдерживать свою роль насколько этого требовали приличия большого света, о котором он думал с некоторым трепетом. Не раз приходило ему в голову, что он может не присутствовать на свадьбе и избавить себя от тягостного испытания, но его удерживал совет обер-гофмейстерины: «не отвергать любезностей Морио, ради Адели». Бюлов, со своей стороны, также стал уговаривать его не отказываться от почетного приглашения, когда об этом зашел разговор за ужином, на котором никого не было из посторонних, кроме Провансала.

— Насколько мне известно, — добавил Бюлов, — общество будет довольно разнообразное. Между прочим, приглашено несколько дам, которые вовсе не принадлежат к высшему обществу, так что трудно сказать, чем руководствовались при выборе гостей!

Улыбка, которая сопровождала эти слова, ясно показывала, что для него лично тут не было ничего загадочного.

Приглашения были разосланы Маренвиллем, которому король поручил устроить свадебное пиршество для своего военного министра и бывшего адъютанта. При этом Маренвилль должен был представить его величеству нескольких молодых дам, из которых бы он мог выбрать жену для будущего префекта своего загородного дворца, Ваберна. Один из приглашенных молодых людей предназначался в мужья Сесили Геберти, племянницы министра юстиции и тайной любовницы короля. О Германе не могло быть и речи, потому что Маренвилль не слышал о его существовании. Но сам Морио, зная, что выбор лиц, приглашенных на его свадьбу, не отличается особенной строгостью, воспользовался случаем, чтобы оказать любезность молодому человеку, перед которым чувствовал себя в долгу за немецкие уроки, тем более что не мог предложить ему денежное вознаграждение.

Бракосочетание было торжественно совершено архиепископом в католической церкви. Затем следовал королевский праздник, устроенный в саду, чему благоприятствовал теплый июльский вечер. Кругом были расставлены войска, что было сделано во избежание наплыва посторонней публики, но еще более для того, чтобы оказать почет военному министру.

Новобрачные принимали поздравления в богато убранной палатке. Герман подошел вместе с другими гостями, приехавшими в одно время с ним, и заметил, что Адель смутилась, увидя его. Она, краснея, ответила на его по-

клон, затем торопливо отвернулась к молодой даме, сидевшей рядом с ней, но Морио с торжествующим видом принял его поздравления и сказал, улыбаясь:

— Mersi, monsieur le professeur!

Быстро пролетела минута, которую Герман ожидал с таким трепетом; все показалось ему таким пошлым и нелепым, что он едва не расхохотался; но боязнь обратить на себя общее внимание заставила его овладеть собой. В конце аллеи он встретил Бюлова, который шел под руку с женой, и вернулся вместе с ними, чтобы еще раз взглянуть на новобрачных.

Морио был в богатом мундире лейб-гвардейского полка, шефом которого он был только что назначен; на Адели было белое атласное платье, затканное серебром и украшенное золотым кружевом и драгоценными камнями. Ее пышный наряд, выписанный из Парижа, занимал всех дам; одна баронесса Бюлов не обратила на него никакого внимания и задумчиво следила за выражением лица Адели.

Когда они отошли от толпы, баронесса сказала вполголоса мужу:

— Заметил ли ты, Виктор, какое бледное и печальное лицо у новобрачной? Я уверена, что ее мучит какое-нибудь затаенное горе...

— Может быть, — ответил Бюлов, — только я ничего не заметил. Но говори тише и успокойся! Ты слишком взволнована, посмотри, какие у всех сияющие и довольные физиономии; генеральша Сала с удивлением смотрит на тебя!

— Не знаете ли вы, баронесса, кто эта молодая дама, которая сидит рядом с генеральшей Морио? — спросил Герман, который отчасти слышал ответ Бюлова и не мог понять, о ком идет речь.

— Это графиня Гарденберг, бывшая фрейлина прусской королевы Луизы, — сказала баронесса. — Она приехала сюда из Кенигсберга, но с какою целью, неизвестно...

Разговаривая между собой, они пошли дальше по саду, чтобы взглянуть на приготовления к иллюминации и фейерверку. Лучи заходящего солнца просвечивали сквозь листву деревьев, поднявшийся легкий ветерок разносил запах цветущих лип. Но среди собравшейся публики было мало людей, которые были способны поддаваться очарованию природы или прислушиваться к гармоничным звукам оркестра, скрытого за деревьями. Говор в раскинутых палатках и в буфете, устроенном под навесом из сосновых ветвей, становился все громче и оживленнее, хотя некоторые из гостей, в особенности немцы, держали себя довольно чопор-

но в ожидании прибытия короля, который мог появиться неожиданно.

Новобрачные, приняв поздравления, прохаживались между палатками; Герман старался избежать встречи с ними, но Морио увидел его издали и, подзвав к себе, представил какому-то господину, который, видимо, наскучил ему своей болтовней:

— Вы должны непременно познакомиться друг с другом! — воскликнул со смехом генерал Морио. — Очень рад, что в числе моих гостей два ученых представителя двух литератур. Вот, доктор, знаменитый Pigault-Lebren, или Лебрэн, как мы его называем здесь, романы которого, вероятно, известны вам, а молодой человек — немецкий философ и тайный преподаватель немецкого языка!..

Морио захохотал при последних словах и вернулся к своей молодой супруге, которую оставил в аллее.

Слова генерала Морио на этот раз не произвели никакого впечатления на Германа. Его интересовала личность известного французского писателя, с которым он давно был знаком по его занимательным рассказам «*L'enfant du carnaval*», «*Angelique et Jeannetton*» и другим. Лебрэн, со своей стороны, был рад познакомиться с молодым ученым из Касселя, тем более что наружность Германа произвела на него приятное впечатление. Он взял его под руку и увел в отдаленную часть сада, где мог говорить без стеснения о том, что приходило ему в голову.

Лебрэну было лет пятьдесят. Это был невзрачный худощавый человек, со смуглым лицом, которое носило отпечаток веселой фантазии, легкомыслия и неистощимого остроумия. Он говорил без умолку, постоянно переходя с серьезного тона на насмешливый, и по живости характера и свойственной ему доверчивости с первого же знакомства выболтал Герману много лишнего, что далеко не соответствовало тому положению, какое он занимал при дворе.

— Король выписал меня сюда в качестве своего чтеца, — сказал он, между прочим, Герману, — но так как мудроно читать без книг, то мне приходится занимать его величество рассказами наподобие Шехерезады из «Тысяча и одной ночи». Король читает только правительственные газеты и бюллетени, а литературу заменяют ему дамы qu'il connaît par соеиг, и при этом он не упускает из виду предостережения поэта Горация: «*Nocturna versate manu, versate diurna!*» Я познакомился с Иеронимом в Париже, где отчасти принимал участие в его увеселениях. Теперь он

вспомнил об этом и отлично устроил меня в своей летней резиденции. Мне отведены две комнаты в левом флигеле замка, из окон открывается прекрасный вид на горы, покрытые лесом. Надеюсь, что вы посетите меня... Даже я чувствую себя там немцем и предаюсь романтизму! Поздно вечером, когда мы сидим с Бабет у окна, до нас доносится чудный лесной аромат, в горах слышен какой-то таинственный шорох.

— Я не знал, что вы женаты! — сказал Герман.

Лебрен многозначительно улыбнулся, так как не мог удержаться от тщеславного желания похвастаться перед простодушным немцем, что и он несмотря на свои годы пользуется благосклонностью прекрасного пола. Затем он внимательно осмотрел ближайшие кусты и, убедившись, что никто не может подслушать его, сказал:

— До сих пор Бабет принадлежала к литературе, которую король знает, *раг с о е и г*. Видите ли, я посвящаю вас в его тайны, так как убежден, что вы не выдадите меня... Дело в том, что Иероним охотно делится с другими предметами своего изучения как во избежание сцен ревности, так и ради приличий, и ничего не имеет против того, если некоторые из его приятельниц становятся женами или приятельницами его приближенных. Таким образом Бабет попала в мои руки. Теперь она заботливо ведет наше маленькое хозяйство и с нетерпением ожидает, когда моя пьеса «*Les rivaux d'eux mêmes*» будет поставлена на здешней сцене!

— Вероятно, этот культ любви совершается втайне от королевы? — спросил Герман.

— Разумеется, — ответил Лебрен, — но это несколько не мешает королю любить и уважать свою супругу. Кроме того, Иероним должен соблюдать некоторую осторожность ради императора, который требует, чтобы он меньше увлекался любовью и обращал больше внимания на управление государством. «Каждый должен заниматься своим ремеслом, — еще недавно писал Наполеон брату, — мы, государи, должны поступать соответственно нашему призванию»...

Лебрен остановился и быстро повернул голову.

— Что с вами? — спросил с удивлением Герман.

— Вы видите, куда идет какая-то дама на *rendez-vous*! Спрячемся скорее! — С этими словами Лебрен, взяв за руку Германа, скрылся вместе с ним за деревьями.

— Вот не ожидал! — воскликнул он со смехом, потирая руки. — Это генеральша Сала! Ah, Madame, vous venez planter des cornes dans ce jardia là?.. Впрочем, нет, сам супруг спешит сюда. Pardon, Madame, я напрасно заподоз-

рил вас! *Voilà!* Теперь достанется бедному генералу — увидим, в чем будет заключаться суд!

Герман чувствовал себя неловко при мысли, что он будет подслушивать, но Лебрен делал такие комические жесты, что ему стоило большого труда не расхохотаться. В это время раздался резкий голос генеральши:

— Сколько же времени должна я ожидать вас! — воскликнула она, обращаясь к своему супругу. — Сидя за бутылками, вы, разумеется, не могли заметить, что происходит между Фюрстенштейном и мадемуазель Гарденберг?

— Действительно, я не успел еще обратить внимания на графа Фюрстенштейна, — ответил генерал своим обычным грубым басом, хотя в тоне его слышалась безответная покорность супруге.

— Ну, так теперь постарайтесь найти время, чтобы переговорить с ним, — приказала она, — или приведите его сюда: я сама спрошу его, что он думает относительно нашей Мелани. Адель оставит теперь дом своего брата. Как вам известно, мы ожидали этого момента для решительных действий, а тут, как назло, граф Фюрстенштейн стал бывать у нас реже прежнего. Сегодня он открыто ухаживает за Гарденберг; все говорят, что, вероятно, дело кончится свадьбой. Поймите, что это позор для нас в глазах всего общества!

— *Ah bah, Madame!* — воскликнул генерал. — Вы знаете, что Фюрстенштейн дружен с отцом молодой графини. Она приехала из Кенигсберга и не имеет здесь знакомых, естественно, что граф, как любезный кавалер, считает своим долгом занять ее. *Voilà ce que c'est!..*

— Можно ли быть таким простофилей! — прервала с нетерпением генеральша. — Неужели вы не сознаете, что тут задета честь вашей дочери?

— *Madame*, если вы желаете беседовать со мной, то прошу не употреблять неприличных выражений, — вскипел обиженный генерал, краснея от гнева. — Черт возьми, представьте себе, если кто-нибудь подслушает наш разговор!.. *Ventre Saint-Grish!*.. Вы сами виноваты, если Фюрстенштейн действительно удалится от нас, потому что прежде времени объявляли всем, что он женится на Мелани, хотя, быть может, ему и в голову не приходило делать ей предложение! Вот он вам и покажет, что считает себя вправе располагать собой... Однако успокойтесь, уверяю вас, что его сегодняшнее ухаживание за молодой графиней не имеет серьезного значения!

— А я убеждена, что она приехала из Кенигсберга с известной целью. Не забудьте, что она была фрейлиной

королевы Луизы, и не без причины рассталась с ее величеством.

— Разве вы не слыхали, что прусский двор вообще сокращает свой штат?..

— Вы смешите меня своими остроумными догадками, генерал! То, что я слышала от Берканьи, совершенно противоречит вашим словам. Но вот идет Маренвилль с майором Росси... Пойдемте, дайте вашу руку! Вы увидите, как я проучу этого коварного Фюрстенштейна!..

— Надеюсь, сударыня, вы не посмеете устроить скандал на королевском празднике?

Ответ генеральши Сала нельзя было расслышать, потому что в эту минуту супруги свернули на боковую тропинку.

Невидимые свидетели происходившей сцены поспешили выйти из своей засады, чтобы присоединиться к остальному обществу. Лебрен был в самом веселом расположении духа и так громко высказывал свои соображения по поводу подслушанного разговора, что Герман, заметив издали французского посланника с супругой, поспешил подойти к ним, чтобы избавиться от своего болтливого собеседника.

— Очень рад видеть вас! — сказал барон Рейнгард, любезно здороваясь с ним. — Побудьте с моей женой; говорят, приехал король, я должен встретить его.

Герман предложил руку баронессе Рейнгард и, по ее желанию, направился вместе с ней к оркестру, чтобы послушать «Свадьбу Фигаро». Здесь они застали барона Бюлова с женой и сели рядом с ними на скамейку.

Немного погодя, к ним присоединился посланник и, выждав окончание музыкальной пьесы, предложил перейти в более отдаленную часть сада, где можно было говорить без стеснения.

— Я сейчас видел короля и узнал не совсем утешительные вести относительно нашего почтенного капельмейстера, — сказал он, когда небольшое общество разместилось в беседке, где не было никого из посторонней публики.

— Разве король уже здесь? — спросила баронесса Бюлов.

— Да, он только что явился, и во фраке, чтобы показать, что он здесь как частное лицо и не желает стеснять гостей. Я застал его в тот момент, когда он говорил приветственную речь солдатам, если можно назвать так две произнесенные им немецкие фразы: «Храбрые солдаты, вас также угостят вином! Сегодня радостный день, выпейте за здоровье генерала Морио!» Солдаты ответили на немецкое приветствие короля заученным французским возгласом: «Vive le roi!» Иероним улыбнулся и спросил сопровождав-

шего его фон Мальсбурга: «Надеюсь, что это сделано бескорыстно со стороны солдат?» и, получив утвердительный ответ, остался, видимо, доволен этим...

— Но каким образом зашла у вас речь с королем о капельмейстере? — спросил Бюлов.

— Король, увидя меня, подозвал к себе и с первых же слов объявил, что намерен закрыть немецкий театр в Касселе. Хотя он сообщил мне об этом как бы вскользь, но я заметил по его смущенному виду, что он не знает, как отнесется император к подобному факту. Вероятно, король хотел заручиться моим одобрением, чтобы в случае затруднения сослаться на меня.

— Но для чего хотят уничтожить немецкий театр? — спросила баронесса Бюлов.

— Я уверен, что это делается в угоду французской партии и по ее настойчивому требованию, — сказал посланник. — Все дело в том, что желают устранить Рейхардта и выдвинуть Блангини. Кроме того, мне достоверно известно, что захвачено несколько зашифрованных писем, адресованных Рейхардту, довольно подозрительного содержания, а кто поручится за легкомысленного капельмейстера, что с тех пор не нашлось против него новых улик?..

— Что же вы сказали на это? — спросил с волнением Бюлов. — Мы, немцы, должны протестовать против закрытия нашего театра!

— Я это имел в виду, — отвечал посланник, — и категорически объявил Иерониму, что в силу инструкции, данной мне императором, не могу допустить закрытия немецкого театра в столице немецкой Вестфалии. Но так как, со своей стороны, я должен был сделать какую-нибудь уступку, то решил пожертвовать нашим другом капельмейстером!..

— Как мог ты это сделать, Карл? — воскликнула с упреком баронесса Рейнгард. — Бедная Луиза!

— Связь капельмейстера с Пруссией ни для кого не составляют тайны! — продолжал посланник спокойным голосом. — Если бы он остался здесь, то его постигла бы самая печальная судьба, поэтому я не вижу особенной беды, если он на некоторое время оставит Кассель. Я подал мысль королю присоединить к немецкой опере итальянскую «Орега биффа», а для поиска хороших певцов для обеих опер отправить капельмейстера Рейхардта в Вену и Прагу, и в случае надобности в Италию. При этом я упомянул, что в его отсутствие Блангини может управлять оркестром...

— Лучше нельзя было ничего придумать, — заметил Бюлов, — но весь вопрос в том, как отнесется тщеславный

старик к этой перемене. Он поймет, что это почетное поручение, не более как предлог, чтобы отставить его от должности.

— Мне кажется, что всего удобнее сообщить обо всем Луизе Рейхардт, чтобы она сама переговорила с отцом, — сказал Герман. — Если вам угодно, то я тотчас же отправлюсь к ней.

— Да, сделайте одолжение, — сказал посланник, — и передайте также Луизе, что я устроил это дело, тогда она поймет, что не было иного выхода.

— Насколько я знаю характер капельмейстера, — сказала жена посланника, — он с радостью возьмется за это поручение и будет ликовать при мысли, что может оказать покровительство истинным талантам. Вы увидите, что ваши опасения совершенно лишние!

— Возвращайтесь скорее, господин доктор, чтобы увидеть иллюминацию и фейерверк, — сказала баронесса Бюлов вслед уходившему Герману, который ответил почтительным поклоном на эту любезность.

— Ваш новый подчиненный становится совсем светским человеком, — сказал с улыбкой посланник, обращаясь к Бюлову. — Вам скоро придется дать ему более высокую должность...

Герман был так занят своими мыслями, что едва не прошел мимо обер-гофмейстерины, не заметив ее.

Графиня Антония приехала прямо из дворца и должна была передать новобрачной поздравления королевы и вместе с ними приятную новость о ее назначении статс-дамой.

— Вы уже уходите и чем-то озабочены? — спросила она Германа по-французски. — Надеюсь, что с вами не случилось ничего неприятного!

— Нет, графиня, я тотчас вернусь назад, но едва ли мне удастся опять говорить с вами; поэтому пользуюсь случаем, чтобы сообщить о сделанном мною случайном открытии: ваша французская горничная Анжелика связана с полицейским агентом Вюрцем...

— Высокий противный господин с острым носом и подбородком? — спросила графиня.

— Да, и при этом нарумяненный и надушенный!

— Несомненно, это он! Мне самой он показался подозрительным, я откажу Анжелике. Благодарю вас! До свидания!

Графиня вошла в сад. Герман поспешно отправился к Рейхардтам.

Визит к Миллеру

На следующий день вечером у французского посланника собрался небольшой кружок друзей Рейхардта, чтобы узнать о результатах переговоров Луизы с отцом, так как она обещала через Германа явиться к назначенному часу. Оказалось, что баронесса Рейнгард не ошиблась в своем предположении — капельмейстер остался очень доволен новым назначением, которое считал весьма почетным для себя. Он даже, по-видимому, не допускал мысли, что его отстранили от должности, и, подробно распространяясь о предстоящем путешествии, ни разу не упомянул о том, что занимаемое им место будет передано другому и он навсегда лишится его.

— Дело это окончательно решено! — продолжала Луиза. — Сегодня утром гофмаршал Бушпори официально заявил моему отцу, что король поручает ему набрать артистов для оперы-буфф и уже ассигновал для этой цели соответствующую сумму. Время отъезда зависит от воли отца, так что благодаря вашему дружескому участию, барон Рейнгард, его отставка от должности, которую можно было ожидать со дня на день, пройдет незаметно для него.

С этими словами Луиза поблагодарила посланника крепким пожатием руки. Но она была, видимо, огорчена отъездом отца, который должен был нарушить весь строй их домашней жизни, не только с нравственной, но и с материальной стороны. Известие, сообщенное ей накануне Германом, застало ее врасплох, она провела тревожную ночь и целый день не могла избавиться от мучившей ее тоски. Теперь она делала напрасные усилия, чтобы казаться веселой, но почти не принимала участия в общем разговоре. Шла речь о вчерашнем празднике. Все заметили натянутые отношения между Фюрстенштейном и генеральшей Сала, которая была в таком дурном расположении духа, что уехала до начала иллюминации.

Герман, краснея, передал подслушанное им объяснение генеральши Сала с ее супругом и вызвал этим общий смех.

— Едва ли мадемуазель Сала может нравиться кому-либо! — заметила баронесса Бюлов. — Если Фюрстенштейн предпочтет графиню Гарденберг, то никто не осудит его за это...

— Разумеется, тем более что такие случаи бывают ежедневно, — сказал посланник. — Но я сообщу вам новость, которая произведет немалую сенсацию в Касселе: оказывается, Морио приобрел молодую жену, но лишился места военного министра!

— Действительно, это будет неожиданностью для всех! — воскликнул Бюлов. — Но кто же заменит его?

— Генерал Эбле, о котором вы, вероятно, слышали в Магдебурге. Это талантливый и энергичный человек и при этом крайне доброжелательный и любезный. Вам не придется жалеть о смене Морио, барон Бюлов!

— Но когда состоялось это назначение?

— Приказ об отставке Морио получен вчера, — ответил посланник, но король не хотел огорчать своего любимца в день свадьбы, и только завтра объявит ему неприятную весть. Наполеон давно недоволен Морио, чуть ли не с того времени, когда он из привязанности к Иерониму оставил французскую службу и поступил на вестфальскую. Кроме того, Морио слишком медлил с отсылкой 6 тысяч человек вестфальской армии, назначенных в Испанию, и навлек на себя гнев Наполеона, который вообще не отличается терпением...

Разговор был прерван приходом слуги, который доложил, что ужин подан; и гости, по приглашению хозяйки дома, перешли в столовую.

Было уже довольно поздно, когда разошлось небольшое общество. Герман довел Луизу до ее дома.

С тех пор как его занятия определились и ему приходилось проводить ежедневно несколько часов за работой, он не чувствовал прежнего стремления к уединению и охотно посещал своих друзей, в особенности Гейстеров.

Обыкновенно по вечерам он заставлял их дома и вместе с ними совершал далекие прогулки по живописным окрестностям города. Но дня через два после свадьбы Морио, когда ему более, чем когда-либо, хотелось поделиться с друзьями своими мыслями и впечатлениями, он смог пробыть с ними всего несколько минут, потому что они собирались на званый вечер.

Лина была уже одета. Герман застал ее одну в приемной и вошел в ту минуту, когда она надевала перед зеркалом свое жемчужное ожерелье.

— Как жаль, что мы приглашены на сегодняшний вечер! — воскликнула она. — Но что ты намерен делать, Герман? Не мешало бы тебе посетить Миллера, он давно приглашал тебя, а ты до сих пор не можешь собраться!

— Объясни мне, пожалуйста, почему тебя так интересует Миллер? — спросил с удивлением Герман.

— Я знаю, что надоела тебе, напоминая столько раз об этом визите! К сожалению, мне едва ли удастся познакомиться с Миллером, но я уверена, что беседа с таким умным и знающим человеком доставила бы мне истинное наслаждение. Вдобавок я хотела поблагодарить его, потому что никогда не забуду тот вечер, когда ты вернулся от него и прочел мне лекцию о греческих философах! Ты говорил так красноречиво и с таким воодушевлением, что смысл Платонова «Пира» сразу стал ясен мне, и, перечитывая его, я все более и более увлекаюсь этим образцовым произведением. Один Миллер сумел так воодушевить тебя, и я преклоняюсь перед ним; под руководством такого учителя ты бы мог составить себе почетное имя в ученом и литературном мире!..

— Не ожидал я от тебя такого честолюбия, Лина! — удивился Герман. — У тебя мужской склад ума при любящем женском сердце, так что я окончательно убеждаюсь, что ты принадлежишь к тем избранным существам, которые совмещают в себе отличительные свойства обоих полов. Но чтобы ты не возгордилась этим преимуществом, я буду молить Юпитера восстановить равновесие: он разделит тебя на две половинки, и одну из них я возьму себе, потому что от моей будущей жены я требую только половину твоих достоинств, и тогда буду совсем счастлив с ней!

— Мне остается только благодарить тебя за любезность, — промолвила, улыбаясь, молодая женщина. — Но твоя мечта неосуществима: обе половинки моей особы вместе или порознь принадлежат Людвигу, и он никому не уступит их...

— А вот и он сам идет заявить об этом! — добавил со смехом Герман.

Гейстер вошел со шляпой в руке, и все вместе вышли на улицу. Здесь Герман простился со своими друзьями и пошел дальней дорогой, чтобы быть у Миллера не раньше восьми часов.

Он застал историка, окруженным книгами, перед ним лежали две толстые тетради со всевозможными выписками, которыми он пользовался для своих исторических работ. Герман, войдя в кабинет, остановился в смущении и пробормотал извинение, что явился не вовремя.

— Нет, пожалуйста, оставайтесь! — сказал Миллер, поспешно откладывая перо. — Сегодня я не чувствую ни малейшего желания заниматься, но сел за работу, потому

что не знал, как убить время. Такова судьба нас, холостяков, когда наступит старость с ее немощами: день тянется за днем в печальном одиночестве! Никому нет дела до нас... Вот пожалуйста сюда, садитесь на этот диван, здесь вам будет удобнее...

Герман сел на указанное ему место. В эту минуту он мысленно упрекал себя, что до сих пор не объявил Миллеру о своих занятиях у министра финансов, и не знал, с чего начать неприятное для него объяснение. Но дело оказалось проще, чем он предполагал. Хотя Миллер и спросил его, как подвигаются его комментарии к «Пиру» Платона, но, не дожидаясь его ответа, начал длинное рассуждение о цивилизирующем влиянии Греции для древнего мира. Таким образом Герман имел достаточно времени, чтобы обдумать свои слова, и, наконец, выждав удобную минуту, объяснил мотивы, побудившие его принять предложение Бюлова.

— Я только хотел испытать свои силы на новом пути, — продолжал Герман, — и не думаю отказываться от ученой деятельности. Одно не мешает другому. В Библии говорится, что «нельзя служить двум господам», но пока я и не думаю служить, а только учусь...

— Я не могу осуждать вас за это, — отвечал Миллер. — Мы переживаем такие смутные времена, что человек должен подготовить себя к самой разнообразной деятельности. С одной наукой далеко не пойдешь!.. Вот послушайте, что, между прочим, пишет мне мой друг Пертес!

Миллер взял со стола распечатанное письмо и начал читать:

«... У нас, немцев, никогда не было недостатка в широких мировых задачах; мы предавались науке ради самой науки. Разве не была Германия общей академией наук для Европы? Разве сделано было какое-либо открытие, изобретение, высказана новая идея, которые бы не были тотчас же усвоены и переработаны нами? Мы жили всегда обще-европейской жизнью. Но мы никогда не умели пользоваться нашими материальными и духовными богатствами, потому что недостаточно уметь думать, нужно уметь и действовать! Ученость, сама по себе, не мешает людям быть дураками!»...

— Что вы скажете на это? — спросил Миллер, задумчиво складывая письмо. — Вот я хотел совместить профессорскую и государственную деятельность в Майнце и Вене. Последняя не удалась мне — все находят это... Может быть, с вами будет иначе!..

Миллер положил руку на плечо Германа и продолжал взволнованным голосом:

— Но прежде всего, мой друг, вооружитесь мужеством; это важнее денег, славы, самой жизни! Никогда не измените своим убеждениям... Служите правде, общему благу... Трусость приводит к самым печальным результатам! Я избегал всяких столкновений с властью из чувства самосохранения, больше всего дорожил жизнью, и ошибся в расчете. Вечная борьба и трепет за драгоценное существование настолько истощили мои силы, что в 57 лет я чувствую себя разбитым человеком и не знаю, доживу ли до следующего мая! Но моя смерть ничего не изменит и пройдет также бесследно, как и моя жизнь.

Сильный кашель прервал слова Миллера, он в изнеможении опустился на подушку дивана.

— Зачем вы говорите о смерти? — сказал Герман. — Неужели человек с таким обширным умом, как вы, с такими сведениями может считать себя негодным ни для какой деятельности, даже отказаться от всякой надежды на будущее. Мужество опять вернется к вам, если вы дадите волю своему перу. Вы способны воодушевить немецкую молодежь! Предусмотрительные люди ждут больших перемен в следующем, 1809 году...

— Против этого можно многое возразить, но я чувствую себя слишком утомленным, и мы поговорим об этом при следующем свидании... Но ни в каком случае я не позволю себе отговаривать вас от политической и общественной деятельности и, чтобы способствовать ей, дам вам рекомендательные письма моим друзьям — министру Симсону, члену государственного совета Лейсту, молодому Якову Гримму, подающему такие блестящие надежды, и другим. Если не ошибаюсь, вы посвящены в тайну гессенских и прусских отношений, но не забывайте, что безусловная опасность грозит тому, кто в делах этого рода поступает слишком самонадеянно или выказывает неуместную доверчивость к людям...

Герман собрался идти. Миллер ласково простился с ним и, пожимая руку, сказал:

— До свидания! Я пришлю вам обещанные рекомендательные письма... Не забудьте посетить Симсона, хотя он служит Наполеону, но это человек безусловно честный и непоколебимый в своих убеждениях. Только, пожалуйста, не передавайте ему нашего сегодняшнего разговора и вообще не упоминайте при нем о немецких патриотических стремлениях...

Непонятая любовь

На следующий день Миллер прислал обещанные рекомендательные письма, но Герман не мог тотчас воспользоваться ими, потому что все утро был занят делами, а после обеда получил записку от Лины, которая просила его немедленно зайти к ней.

Герман отправился к Гейстерам и по обыкновению застал Лину одну в приемной, потому что Гейстер в последнее время проводил все вечера у себя в кабинете под предлогом занятий.

— Я давно жду тебя, — сказала Лина, — мы отправимся вместе к госпоже Энгельгардт, которая хочет переговорить с тобой о каком-то важном деле...

С этими словами она надела шляпу и перчатки и, взяв под руку Германа, вышла вместе с ним.

Госпожа Энгельгардт приняла их в своей комнате и с некоторой торжественностью пригласила сесть. Сначала она завела речь о посторонних предметах, но так как разговор шел вяло, то она решилась приступить к делу. Вопрос касался депутата Натузиуса, который сватался к одной из ее дочерей.

— Это замечательно добрый и благовоспитанный человек! — добавила она. — Вчера, во время объяснения, он так прекрасно говорил о своей будущей семейной жизни, что я была тронута до слез.

Герман был в таком веселом расположении духа, что несмотря на все усилия не мог придать своему лицу серьезного выражения и, выслушав госпожу Энгельгардт, с улыбкой спросил, на которую из ее семи дочерей пал выбор Натузиуса?

Шутливый тон, с каким был сделан этот вопрос, оскорбил госпожу Энгельгардт, но она не выказала своего неудовольствия и продолжала тем же тоном:

— Вот по этому поводу я и хотела поговорить с вами, господин доктор! Ваш взгляд на супружество, который вы недавно высказали на вечере у Гейстеров, так понравился мне, что я решилась спросить у вас совета в данном случае. Натузиус, делая предложение одной из моих дочерей, не объяснил, которая из них особенно нравится ему, и предложил нам решить этот вопрос. Но такое отношение к будущей жене доказывает, что с его стороны нет истинной любви, и на меня нашло сомнение...

— Следовательно, вы думаете, что подобное сватовство может привести к неудачному супружеству? — спросил Герман к немалому смущению госпожи Энгельгардт, которая начинала досадовать на его недогадливость.

— Быть может, Натузиус по каким-либо соображениям хочет предоставить другим женихам право первого выбора!.. — заметила Лина, чтобы вывести из затруднения свою приятельницу.

— Мне кажется, что тут действуют совсем другие мотивы! — возразил Герман. — Насколько я мог понять из намеков почтенного депутата, выбор вовсе не затрудняет его, но он считает себя слишком старым сравнительно с вашими дочерьми. К этому, вероятно, присоединилось опасение, чтобы не подумали, что он слишком ценит свое богатство и видное положение в свете, — и вот ему пришлось в голову сделать предложение в такой форме.

— Я сама не раз имела случай убедиться в его деликатности, — сказала госпожа Энгельгардт, — но если действительно он влюбился в одну из моих дочерей, а она, со своей стороны, не настолько расположена к нему, чтобы принять его предложение, то его мечта о супружеском счастье будет разрушена.

— Едва ли! Натузиус в таких годах, когда рассудок и сознание долга берут перевес над увлечением. Он примирится с необходимостью и перенесет свою привязанность на ту из ваших дочерей, которая согласится быть его женой.

— Но я хотела бы знать, на которую из них пал его выбор! — вздохнула госпожа Энгельгардт.

— Если не ошибаюсь, то ему всего больше нравится фрейлейн Тереза!

— Тереза? И вы так спокойно объявляете мне об этом! — воскликнула госпожа Энгельгардт печальным тоном, забывая, что выдает свою затаенную мысль.

— Не знаю, почему вас удивляет это! — продолжал Герман, не обращая внимания на ее слова. — Хотя между вашими дочерьми довольно большое фамильное сходство, но мне вполне понятно, почему фрейлейн Тереза могла произвести особенно сильное впечатление на Натузиуса. Во всей ее грациозной фигуре, исполненной чувства собственного достоинства, в задумчивых глазах видна прекрасная душа, способная к глубокой, прочной привязанности. Если она выйдет замуж за человека, который будет в состоянии оценить ее, то в ней проснется сознание своей духовной силы, она будет чувствовать себя счастливой и даст счастье окружающим ее.

Слова эти успокоительно действовали на сердце матери, хотя она была обманута в своих ожиданиях. Очевидно, Герман, отдавая должное достоинствам ее дочери, не подозревал, что молодая девушка интересуется им, и, следовательно, она ни в чем не могла упрекнуть его.

— Благодарю вас, вы разрешили мои сомнения, — сказала госпожа Энгельгардт, делая усилие, чтобы улыбнуться. — Я переговорю с дочерьми; муж мой наотрез отказался высказать свое мнение, говоря, что такого рода дела должны решаться матерью.

Разговор был прерван появлением Терезы. Она была бледнее обыкновенного и, торопливо поздоровавшись с гостями, сказала матери, что господин Натузиус просит позволения прийти к ней.

Госпожа Энгельгардт встревожилась, заметив расстроенный вид дочери, и нетерпеливо поправила чепчик на своей голове, затем, вместо ответа, молча обняла смущенную девушку.

— Что должна я сказать господину Натузиусу? — спросила Тереза, с трудом удерживая слезы, которые готовы были выступить на ее глазах при ласке матери.

— Проси его в гостиную и скажи, что я сейчас приду, — ответила госпожа Энгельгардт.

Девушка вышла из комнаты, не поворачивая головы.

Лина воспользовалась этой минутой, чтобы проститься с хозяйкой дома. Герман последовал ее примеру.

— Что с тобой, Лина? — спросил он, когда они вышли на улицу. — Я давно не видел тебя такой молчаливой и задумчивой, как сегодня!

— Слушая ваш разговор, я невольно задала себе вопрос: почему одни так серьезно смотрят на любовь и супружество, а другие даже не считают нужным задумываться над этим?..

— Все зависит от характера, — ответил Герман. — Госпожа Энгельгардт, несомненно, принадлежит к людям первой категории, сегодня она произвела на меня особенно приятное впечатление, потому что не ухватила обеими руками за выгодного жениха, подобно большинству матерей, а подняла вопрос о том, составит ли он счастье ее дочери? Заметила ли ты, как она была огорчена, когда ей показалось, что я не понял ее?

Лина не нашлась, что ответить. При других условиях она подняла бы на смех простодушие Германа, но теперь решила молчать ради Терезы, и спросила с улыбкой:

— Почему ты думаешь, что это было причиной огорчения госпожи Энгельгардт?

Герман, не обращая внимания на ее вопрос, продолжал:

— Мне вполне понятны сомнения этой почтенной женщины при решении такого важного дела, как брак дочери. Трудно перечислить те осложнения, какие бывают в отношениях людей в этих случаях! Любовь овладевает душой человека, помимо его желания; она не подчиняется никаким законам, но над ней тяготеет роковая судьба: счастье дается случайно, помимо каких-либо расчетов и внутреннего сознания права. Недаром Юпитер смеялся над клятвами влюбленных и неудержимо предавался своим чувственным увлечениям. В большинстве случаев, чувственность играет главную роль в любви, и только в виде исключения мы встречаем женщину, которая может дать нам нравственное удовлетворение — и тогда только возможно полное, ничем не нарушаемое счастье...

В это время они дошли до квартиры Гейстеров. Оказалось, что Людвиг вышел из дома за полчаса до их возвращения.

— Не знаю, замечаешь ли ты, Лина, что в последнее время твой муж как-то особенно грустен и молчалив, — сказал Герман, когда они сели в столовой, где подан был кофе. — Мне не раз приходило в голову, что он, вероятно, нездоров или с ним случилось что-нибудь неприятное!

Сердце молодой женщины болезненно сжалось при этих словах. С некоторых пор она сама терялась в догадках относительно мрачного настроения мужа и переживала тяжелые минуты неопределенного беспокойства и внутренней борьбы. Ей казалось, что она любит своего Людвига по-прежнему; и тем оскорбительнее для нее была перемена их отношений. Если он недоволен ее свободным обращением с Германом, то почему ни разу не пришло ему в голову заговорить с ней об этом? Неужели она должна удалить от себя преданного друга, который не подал к этому ни малейшего повода, и под каким предлогом может она отказывать ему от дома? В этом случае ей пришлось бы сознаться, что она не уверена в себе, или же представить Людвига в нелепой роли ревнующего. То и другое было немыслимо. Не раз собиралась он переговорить с мужем, но ее останавливала боязнь, что, быть может, он вовсе не думает о ее отношениях к Герману и найдет ее объяснение совершенно не уместным. Таким образом, ей ничего не оставалось, как молчать и внимательнее прежнего следить за собой.

Но это тяжелое душевное состояние настолько не соответствовало веселому и беззаботному характеру Лины, что под конец удалось уверить себя, что ее муж озабочен какими-нибудь неудачами в политических делах, и, что это

в связи с усиленной работой настолько повлияло на его слабое здоровье, что он впал в дурное расположение духа.

Замечание Германа смутило ее, потому что он, не подозревая этого, коснулся наболевшей раны ее сердца; прежние сомнения проснулись в ней с новой силой. Она печально улыбнулась ему в ответ и сказала, что, вероятно, Людвиг слишком устает от работы и это отражается на его душевном состоянии.

— Как бы я желал помочь ему и облегчить его труд! — воскликнул Герман. — Мы должны позаботиться о том Лина, чтобы по возможности уменьшить его усердие к службе, нельзя ли будет уговорить Людвига взять отпуск и отправиться на дачу? Может быть, ему нужно морское купание? Вообще располагай мной и придумай, что я могу сделать для него!..

Она протянула ему обе руки:

— Да, Герман, мы сделаем все, чтобы успокоить и развлечь моего бедного Людвиг! Мы оба одинаково любим его! Не правда ли? На этой любви основаны наша дружба и взаимное понимание...

Он молча потянул ее к себе и прижал к своей груди.

Она, краснея, оттолкнула его от себя и после минутного колебания сказала:

— Знаешь ли, что мне пришло в голову? Тебе следовало бы жениться, Герман — это внесло бы новый интерес в нашу жизнь, и наши отношения приняли бы более нормальный характер. Я вижу по твоим глазам, что ты не понимаешь меня!.. Я хочу сказать, что присутствие постороннего лица заставит Людвиг хотя бы на время отвлечься от своих усиленных занятий и проводить больше времени в нашем обществе...

Она остановилась, смущенная пристальным взглядом Германа, ей показалось, что он догадывается, какие мысли и ощущения волнуют ее в эту минуту. Но тут, как бы опомнившись, она торопливо заговорила о своей привязанности к Людвигу, его великодушном характере, святости дружбы и, путаясь в словах, под конец бросилась на шею Германа с громким рыданием.

Он заключил ее в свои объятия, чувство жалости к ее душевному состоянию пересилило ощущение безумной радости, охватившей его в первую минуту. Он поцеловал ее в лоб и бережно усадил в кресло.

— Я понял в чем дело, Лина! — сказал он взволнованным голосом. — Наша дружба беспокоит твоего Людвиг... Но, что делать? Я не в силах расстаться с тобой, лишиться дружбы вас обоих... Научи, как должен я вести себя, чтобы

не нарушать твоего счастья?.. Жениться? Неужели ты серьезно желаешь этого?.. Впрочем, ты права... Моя женитьба прекратит всякие недоразумения — это единственный выход! Нужно обдумать все; ты сможешь мне найти невесту... Моя единственная цель остаться с тобой, ты, вероятно, также желаешь этого... Прощай, я хочу уйти до прихода Людвига!

Он взял ее руки, прижал их к губам, к груди и быстрыми шагами направился к двери. Она смотрела ему вслед, ожидая от него прощального приветствия, он еще раз оглянулся и кивнул ей головой.

Улыбка на минуту осветила ее лицо и тут же сменилась выражением глубокой задумчивости: «Он думает, что понял меня! — проговорила она тихо. — Но это неправда...»

В эту минуту в прихожей послышались шаги Гейстера, она встала, чтобы встретить его.

XI

Новые знакомые

Герман не спал всю ночь. Он усиленно думал о том, как ему лучше и честнее поступить относительно Гейстера, и не мог ничего решить. Утром ему подали письмо от Лины, в котором она умоляла его ничего не говорить ее мужу.

«...Я объяснилась с Людвигом, — писала она. — Он пришел тотчас после тебя и в самом веселом расположении духа. Пользуясь этим, я сообщила ему о нашем намерении отвлечь его тем или другим способом от его усиленных занятий и высказала по этому поводу, насколько он должен ценить твою дружбу к нему. Тут я убедилась, что совершенно напрасно вообразила себе, будто он недоволен нашими отношениями, и мне стало совестно, что я поторопилась высказать тебе мои опасения. Во всяком случае я не отказываюсь от моего плана. Ты должен жениться не ради нашего общего спокойствия, а для твоего личного счастья. Домашний очаг — единственное убежище от невзгод теперешнего бурного времени! Не думай, что так трудно найти невесту. Жаль только, что ты не замечаешь тех, которые любят тебя, как это случилось с тобой вчера... я говорю об Энгельгардтах! Помни, что сегодня воскресенье, и приходи к нам обедать вместе с моей матерью... Людвиг не совсем здоров, мы послали за доктором.

Твоя Лина».

Это письмо рассеяло мучительные сомнения Германа, и так как до обеда оставалось еще много времени, то он решил последовать совету Миллера и сделать визит министру юстиции Симсону, который занимал казенную квартиру в бывшем дворце курфюрста.

Симсон, прочитав рекомендательное письмо Миллера, велел слуге просить молодого человека в приемную.

— Очень рад познакомиться с вами, — сказал он, сделав несколько шагов навстречу Герману. — Рекомендации Миллера достаточно, чтобы я принял вас с особенным удовольствием. Позвольте представить вас моей жене! А вот ее дочь и моя падчерица, мадемуазель Люси Делагэ, а это мадемуазель Сесиль Геберти, племянница мадам Симсон, наша общая любимица — она приехала из Парижа и гостит у нас... А теперь, господин доктор, назовите вашу фамилию — Миллер написал так неразборчиво, что я не могу прочитать ее.

— Тейтлебен, ваше превосходительство, — ответил Герман.

— Тейтлебен, — повторил Симсон с видимым усилием, затем, обращаясь к дамам, сказал с улыбкой: — А вы, *mes enfants*, называйте его господин доктор — это почетный титул в Германии, но помните, что он *docteur en philosophie — pas médecin...*

С этими словами он пригласил Германа сесть. В его манерах и осанке проглядывало спокойное сознание собственного достоинства. Он был во фраке и своим костюмом и напудренными волосами с косичкой напоминал юристов прежних времен, чему способствовала его изящная, художественная фигура. Жена его была полная женщина с живыми движениями, смуглым цветом лица и зеленоватым оттенком глаз, что придавало ее лицу неприятное выражение.

Дочь ее была небольшого роста, бледная и невзрачная, но с замечательно красивыми глазами, которые кокетливо выглядывали из-под темных вьющихся волос.

Герман только мельком взглянул на нее, потому что все его внимание было поглощено мадемуазель Геберти, которая поразила его своей пикантной, своеобразной красотой и изяществом пропорциональной фигуры. Ее выразительное немного смуглое лицо было бледно и казалось утомленным, как бы от глубоких переживаний; но во взгляде прекрасных глаз ничего нельзя было прочесть, кроме гордого равнодушия.

Вначале дамы молча слушали разговор между Германом и хозяином дома, который сразу спросил его откуда он родом — и, получив ответ, продолжал:

— Значит, вы земляк Бюлова! Ваша родина, как и многие другие немецкие провинции, была некогда насильственно присоединена к Пруссии Фридрихом Великим; теперь все эти земли мало-помалу войдут в состав нашего Вестфальского государства, которое должно занять видное место среди европейских держав.

— Вы пророчите блестящую будущность новому Вестфальскому королевству, — сказал Герман, — но оно возникло так недавно, что едва ли можно сказать с уверенностью — оправдает ли те надежды, какие возлагаются на него! Для этого необходимо, чтобы, с одной стороны, Наполеон упрочил мир в Европе, а с другой — чтобы Иероним мудрым правлением обеспечил существование своего престола.

— Вы безусловно правы, — согласился Симсон, — но, что верно в теории, не всегда применимо на практике! Не так легко восстановить прочный мир в Европе, как полагают многие; для этого недостаточно одной воли Наполеона! Что касается второго указанного вами условия, то, мне кажется, что наши дела идут недурно. Все подданные Иеронима равны перед законом, все вероисповедания ограждены от каких-либо притеснений. Крепостное право уничтожено, каждый пользуется плодами своего труда, не отдавая заработанных денег господам, и вносит только установленную законом государственную подать. Даже народное образование, чему придадут такое важное значение в Германии, поручено известному ученому, которого современники называют немецким Тацитом. Вы знаете его — это мой друг Миллер...

Разговор был прерван появлением изящно одетого молодого человека, который вошел совершенно неожиданно, но, увидя Германа, извинился перед хозяйкой дома, добавив, что был наверху, в комнатах мадемуазель Геберти, где надеялся увидеть дам.

— Доброе утро, папá Симсон! — сказал он, обращаясь к хозяину дома.

— Здравствуйте всеобщий кузен, — ответил Симсон. — Позвольте познакомить вас — кузен Маренвилль! А это господин доктор!.. Прочтите, кузен, письмо Миллера, вы увидите, что он пишет о молодом человеке...

Маренвилль прочитал письмо и, взглянув на Германа, сказал с лукавой улыбкой:

— Ma foi, мы знакомы с вами, господин доктор, или, вернее сказать, мне говорил о вас генерал-директор полиции. Ecoutez, mesdames! Этот плут Берканьи хотел вос-

пользоваться неопытностью молодого человека и сделать из него тайного полицейского шпиона, но господин доктор догадался в чем дело и ловко выпутался из беды.

Герман был так удивлен, что в первую минуту не нашелся, что ответить.

Маренвилль, видя его смущение, продолжал тем же тоном:

— Берканьи не думает сердиться на вас, господин доктор, напротив, он почувствовал к вам уважение, потому что при всей своей раздражительности это вовсе не злопамятный человек. Разумеется, ему было досадно: он обещал королю сделать необыкновенные открытия и вместо этого должен был сознаться, что ошибся относительно ваших связей и готовности служить его целям...

— Теперь господин доктор поступил в министерство финансов, — сказал хозяин дома, — и можно надеяться, что он уже не будет иметь подобных столкновений, которые немислимы с такими честными людьми, как Бюлов и его секретарь!

— Я слышал, что вы хотели прежде посвятить себя ученой деятельности, — сказал Маренвилль, обращаясь к Герману, — но если вы решились покинуть ее, то почему бы вам не сделаться дипломатом? Проницательность и изворотливый ум довольно редко встречаются у молодых немцев...

— При этом господин доктор прекрасно владеет французским языком! — заметил добродушно Симсон.

— Если нужна представительная наружность для лиц, служащих в посольстве, то в настоящем случае... — сказала госпожа Симсон и, не окончив фразы, бросила многозначительный взгляд на Германа.

— Не правда ли, — воскликнул Маренвилль, — такого ловкого и красивого молодого человека можно послать куда угодно!..

Смысл этих слов был понятен для одной госпожи Симсон, она засмеялась, но из боязни, что Герман может обидеться, сказала с любезной улыбкой:

— Секретарь короля пользуется всяким новым интересным знакомством для своих целей: он отыскивает способных людей, чтобы рекомендовать их королю и показать этим свою проницательность. Не придавайте особенного значения его любезности, он делает многое из тщеславия!

Герман, подобно большинству молодых людей, сам обладал немалой долей этого порока, хотя вообще чувствовал инстинктивное отвращение к лести и преувеличенным по-

хвалам, которые поэтому не производили на него никакого впечатления. В то же время по своей доверчивости он не раз принимал за чистую монету то, что говорилось с определенной целью. Так и теперь, он не придавал никакого значения двусмысленным улыбкам и намекам Маренвилля и госпожи Симсон и, считая весь разговор веселой французской болтовней, ответил в том же тоне:

— Если месье Маренвилль желает доказать свою проницательность, то я не советовал бы ему рекомендовать меня в дипломаты, потому что этим он окончательно подорвет свой кредит у короля. Вдобавок служба при посольстве считается привилегией нашего дворянства, и я не имею никакого желания состязаться с ним.

— Происхождение само по себе еще не дает права на занятие мест и должностей, — заметил Симсон, — все дело в способностях. Дворянство может кичиться своими рыцарскими доблестями; вестфальская конституция не предоставляет ему никаких особенных прав; оно пользуется уважением, насколько того заслуживает, и ничто не мешает ему служить примером для прочих сословий...

Маренвилль сел рядом с хозяйкой дома, и они начали разговаривать между собой вполголоса. Герман воспользовался этой минутой и стал прощаться.

Госпожа Симсон любезно пригласила его на свои *soirées fixes*.

— Обыкновенно мы принимаем по пятницам, но теперь только воскресенье, и так как мой муж и Маренвилль совсем овладели вами сегодня, господин доктор, то я приглашаю вас завтра вечером, запросто, к нам, в наше дамское общество, чтобы мы могли ближе познакомиться с вами. Я вижу по глазам Сесили, что она желает этого, так как находит, что вы, по своей любезности, составляете исключение среди немцев.

— Вы беспощадны, *таман!* — воскликнула Сесиль, слегка краснея.

Герман был поражен необыкновенно приятной интонацией голоса молодой девушки и с нетерпением ожидал, чтобы она опять заговорила.

— Вы никак не можете расстаться с вашими строгими нравственными принципами, мадемуазель Сесиль! — заметил Маренвилль с едва уловимой усмешкой. — Почему молодая девушка не может прямо сказать, если кто из нас нравится ей?

— Я также не нахожу в этом ничего предосудительного! — сказала госпожа Симсон. — Но Сесиль не разделяет

нашего мнения. Оставим ее в покое!.. До свидания, господин доктор, — добавила она, отвечая на поклон Германа. — В следующий раз, когда вы явитесь к нам, прикажите прямо доложить мне; иначе вас проведут в кабинет моего мужа, и он засадит вас за шахматы.

Герман вышел из дома Симсона в несколько возбужденном состоянии. Хотя он не придавал большого значения светским любезностям, но общее впечатление было крайне приятное; ему оказали самый теплый прием, и он сам был доволен своими ответами и непринужденной манерой держать себя.

Вечер, проведенный им у Симсонов, окончательно убедил его в справедливости сделанного им наблюдения, что некоторые личности действуют парализующим образом на присутствующих, другие — наоборот. В этом отношении общество Сесили и Маренвилля повлияло особенно благотворно на него. Любимец короля понравился ему своей привлекательной наружностью и смелыми, свободными манерами. Он завидовал его беззаботной веселости и припомнил где-то прочитанную мысль, что житейская мудрость состоит в том, чтобы равнодушно относиться ко всякой перемене обстоятельств и ничему не придавать серьезного значения.

Совсем другое впечатление произвела на него Сесиль Геберти. Ему казалось, что с ней связана какая-то скрытая тайна и что все в одинаковой степени испытывают обаяние ее красоты. Она почти все время молчала и только по выражению глаз можно было видеть, что разговор интересует ее. Когда она встала и прошла по комнате, то его особенно поразила своеобразная грация ее походки. Образ Лины бледнел в присутствии красивой француженки; сравнивая их обеих, он живо чувствовал, что Сесиль не только нравится ему, но может очаровать его. Она была для него живой загадкой, которую он хотел разгадать, чтобы избавиться от неопределенного, но в то же время мучительного беспокойства.

Он решил не говорить Лине о том впечатлении, какое произвела на него таинственная красавица, из опасения, что она не поймет его и опять будет уговаривать жениться. Сознание, что он совершенно не знает ее с нравственной стороны, доставляло ему своего рода удовольствие. «Сесиль по своему общественному положению недоступна для меня, — думал он, — и я не женюсь до тех пор, пока не найду девушки, которая имела бы хотя половину достоинств моей Лины...»

ХП

Дружеское предостережение

На свете бывают любимцы судьбы и горемыки, но это общеизвестное явление остается неразрешимой загадкой. Кто может сказать, почему поток жизни, текущий в силу вечных, неизменных законов, везде настигнет человека, обреченного на гибель, и тянет ко дну, а других людей, при всей их беззаботности, доносит до цели их желаний и раньше, нежели они предполагали? Принято это называть счастьем или случаем, который таким образом играет роль какого-то мифического существа, действующего произвольно.

Между тем, над этим вопросом стоило бы задуматься и сделать попытку исследовать его. Быть может, задатки счастья заключаются в прирожденных свойствах человека и высшем инстинкте, благодаря которому, он умеет приноровиться к условиям жизни и уловить моменты взлета и падения.

Герман сознавал, что многое дается ему легче, чем другим людям, и что он не столько обязан этим своим заслугам, сколько милости судьбы. Даже Луиза Рейхардт высказала ему это по поводу удачного завершения его истории с Берканьи. То же повторил, хотя в других выражениях, подполковник Эммерих, и укрепил его веру в собственное счастье. При этом условии люди смелее относятся к жизни, между тем как постоянное несчастье и неудачи ослабляют их волю и парализуют способности. Герман, рассчитывая всего более на благоприятную судьбу, испытывал такое душевное спокойствие, что не хотел нарушать его напрасными размышлениями.

Ту же игру случая видел он вокруг себя. Он был в резиденции молодого короля, которого слепое счастье возвело на престол из купеческой семьи и который, смеясь, носил пурпурную мантию и искал в жизни одни наслаждения. Такие же авантюристы окружали его и пользовались не только одинаковыми, но еще большими правами, нежели гордое местное дворянство. Вместе с тем и тихий Кассель, малоизвестный при курфюрстах, сделался резиденцией блестящего двора. Хотя весь церемониал его был составлен по шаблону, присланному из Парижа, но все-таки этикет соблюдался довольно строго и служил кулисами, за которыми разыгрывались всякие комедии и водевили.

Отец Германа, при своем знании света и людей, не колеблясь, отправил сына искать счастья в столицу возни-

кающего государства в надежде, что он здесь легче пробьет себе дорогу, чем где-либо. Он не боялся, что сын собьется с пути. Зная характер и нравственные правила Германа, он был уверен, что, если сердце и фантазия заставят его перейти границы благоразумия, то все-таки он не в состоянии будет погрязнуть в грубом реализме или отрешиться от своих идеалов.

Неделя прошла незаметно для Германа среди утренних занятий и вечеров, проводимых в обществе, но для Рейхардтов это было временем тяжелых забот и беспокойства. Капельмейстер должен был устроить разные дела, касающиеся его должности, и усиленно заняться приготовлениями к поездке. Наконец все было окончено, вещи уложены, и Рейхардт, сделав визиты, решил устроить прощальный музыкальный вечер для своих друзей.

Герман пришел раньше всех. Луиза тотчас же увела его в свою комнату под предлогом, что хочет дать некоторые поручения, которые ему придется выполнить после ее отъезда.

— Какие поручения, Луиза? — спросил Герман, проходя вслед за ней по коридору. — Разве мы расстаемся надолго?

Она ничего не ответила и, войдя в свою комнату, пригласила его сесть рядом с собой на диване.

— Я позвала вас сюда, Герман, чтобы проститься с вами наедине, хотя не думаю, чтобы наша разлука была особенно продолжительна. Но кто может сказать, при каких обстоятельствах мы опять встретимся с вами... Я провожу отца до Гибихенштейна, не доезжая Галле. Вы, вероятно, бывали в этой живописной местности? Стефенс писал, что наше имение сильно пострадало от войны, но, быть может, мне удастся кое-что поправить в доме, чтобы мы могли поселиться в нем с матерью до зимы, а к этому времени отец, вероятно, вернется из своего путешествия.

Луиза говорила таким печальным тоном, что Герман с беспокойством взглянул на нее.

— Что с вами, дорогая моя? — спросил он. — В тот вечер, когда я со свадьбы Морио явился к вам по поручению барона Рейнгарда, мне и в голову не приходило, что сообщенная мной новость может огорчить вас. Я понял из слов ваших друзей, что дело заключается в том, чтобы спасти вашего отца от серьезной опасности и во что бы то ни стало убедить его не отказываться от предлагаемого ему путешествия. Поэтому я с радостью взялся исполнить возложенное на меня поручение, не ожидая, что выйдет из этого... Я не говорю о себе и о том, как мне тяжело рас-

статься с вами! Никогда не забуду я того дружеского участия, с каким вы отнеслись ко мне по приезде моем в Кассель, и тех приятных вечеров, какие я проводил у вас! Вы первые приютили меня в чужом городе, ваши дружеские советы, Луиза, не раз спасали меня, но чем выразил я вам свою благодарность!..

— Мне приятно слышать, Герман, что разлука с нами не безразлична для вас, и что вы по-прежнему расположены к нам, — сказала Луиза, пожимая ему руку. — Но вы напрасно упрекаете себя! Во всяком случае вы явились к нам тогда с хорошей вестью, потому что отъезд отца из Касселя единственный возможный для него выход. В его годы люди не меняются, а он так неосторожен, что его могла постигнуть несравненно худшая участь...

— Но почему вы сами, Луиза, не хотите остаться в Касселе до возвращения отца? Он должен будет приехать сюда по окончании порученного ему дела! При этом вы имеете в Касселе верных и преданных друзей!

— Вы забываете, Герман, что отца лишили должности, и он только на короткое время вернется сюда, потому что его положение было бы в высшей степени неприятное, да и мне самой не хотелось бы долее оставаться в Касселе по многим причинам!.. Быть может, отцу удастся получить место в Праге или где-нибудь в Австрии, которая скоро сделается единственным убежищем для людей, которые не перестали любить родину и желают принять участие в великих событиях, которые готовятся там. Что касается меня лично, то вам известно, Герман, насколько мне ненавистна вестфальская столица с ее распущенными нравами.

— Но вы не можете сомневаться в ваших друзьях, Луиза! — сказал он, прерывая ее.

— Вы, конечно, имеете прежде всего в виду барона Рейнгарда и его жену, — ответила Луиза. — Я считаю их безусловно хорошими людьми, но при некоторых обстоятельствах наилучшие отношения должны прерваться помимо нашей воли. Положение французского посланника налагает на барона Рейнгарда известные обязательства, при которых наша дружба становится невозможной. Он сам понимает это и должен желать нашего удаления из Касселя! Но довольно об этом... Я собственно хотела поговорить с вами о деле, которое лично касается вас... Вообще мой отец оказал вам плохую услугу, и в этом я окончательно убедилась в последние дни...

— Вы находите, что ваш отец не прав относительно меня? — спросил с удивлением Герман.

— Да, я объясню вам почему. Если вы помните, что в первый день нашего знакомства, когда мы были с вами в парке Ауэ, я протестовала против намерения отца отрекомендовать вас генералу Сала и графу Фюрстенштейну в качестве учителя немецкого языка. Не думайте, что в этом случае мной руководила ненависть к французам, живя в Касселе, трудно избежать знакомства с ними. Причина была другая: придворные не доверяют отцу, и поэтому его навязчивая рекомендация могла только повредить вам, мои опасения оказались не напрасными. Уроков вы не получили, а вас отправили к Берканьи как подозрительного человека; но этот сразу убедился, что вы не прусский шпион, и вздумал сделать из вас вестфальского toucharda. К счастью, барон Рейнгард случайно прочел ваше тайное донесение и сообщил мне об этом, и нам удалось вовремя предупредить вас о грозившей опасности. Теперь опять у вас появились новые знакомства; советую вам не сближаться с ними, чтобы не навлечь на себя больших неприятностей. Я не говорю о Бюлове — это прекрасный человек во всех отношениях и хороший патриот. Но вы бываете у Симсонов, и не только в назначенные дни, когда у них собирается большое общество, но получили приглашение на их интимные вечера. Маренвилль, *maitre de la garde-robe* Иеронима, там свой человек, и успел понравиться вам, так что, быть может, когда мы встретимся с вами через несколько недель, мне придется опять вытягивать вас из грязного омута, в который вы попадете по своей излишней доверчивости!

Самолюбие Германа было задето, он ответил с некоторым раздражением:

— Не знаю, почему у вас составилось такое дурное мнение о Маренвилле! Вы несправедливы к нему, Луиза... Мне самому он показался немного легкомысленным, но в нем столько привлекательного, что трудно не полюбить его, тем более что это крайне простодушный человек...

— Нет, это ужасный человек! — прервала его Луиза. — И он тем опаснее, что очаровывает всех своей приятной наружностью и непринужденным обращением. К сожалению, я не имею времени распространяться о нем, потому что гости, вероятно, уже собрались... Быть может, вы будете недовольны, но я сообщила свои опасения барону Рейнгарду и просила в случае надобности помочь вам своим советом; но он рассчитывает на ваше благоразумие и осторожность. Что касается меня лично, то, поручая вас такому другу, я спокойнее уеду отсюда! Дайте мне слово, что вы на днях побываете у него, это будет не лишним для вас...

Герман был тронут таким участием к его судьбе.

— Даю слово исполнить все, что вы желаете, моя дорогая Луиза! — воскликнул он, целуя ее руки. — Чем заслужил я такую дружбу? Научите меня, как могу я выразить вам свою благодарность...

— Это совершенно лишнее, — сказала она, вставая с места, — между друзьями не может быть никаких счетов... Но вот, кстати, едва не забыла сказать вам, что вчера был у нас барон Рефельд и, между прочим, сообщил мне, что вы связаны с приверженцами курфюрста, но пока еще не вступили окончательно в их союз. Но я не могу понять какой интерес представляет для вас курфюрст и почему вы желаете его возвращения? Поверьте, Герман, что все эти единичные попытки вредят делу. Только широкое повсеместное восстание может иметь успех и привести к желанной цели!..

Герман хотел ответить, но в эту минуту Луиза отворила дверь в коридор и приложила палец к губам в знак молчания.

Когда они вошли в гостиную, общество было в полном сборе.

ХІІІ

Прощальный вечер

Сегодня в последний раз собрались почти все знакомые Рейхардта, когда-либо посещавшие его музыкальные вечера, барон Бюлов и французский посланник были также в числе гостей. Многие еще не успели занять места и разговаривали стоя, но с приходом Луизы все общество сгруппировалось вокруг нее.

Луиза вообще пользовалась особым расположением своих знакомых; и сегодня, в ожидании скорой разлуки, каждый хотел поговорить с ней или по крайней мере узнать цель ее поездки.

— Я еду по университетскому делу, — ответила со смехом Луиза, — и поэтому проведу несколько недель вблизи Галле. Вы, вероятно, слышали, что император изъявил свое согласие на восстановление университета, и там требуются новые силы. Говорят, что некоторые кафедры уже замещены...

— Вероятно, фрейлейн Рейхардт будет назначена профессоршей музыкального искусства в Галле, — сказал Гарниш с почтительным поклоном.

— Нет, вы ошибаетесь, — возразила Луиза, — король утвердил Тюрка, который и получил звание профессора.

— Это мой старый знакомый! — сказал барон Рефельд, но я не подозревал, что Иероним такой ценитель его музыки, хотя она не имеет ничего общего с его знаменитыми «Nocturno».

— Значит, мое предположение неверно, — сказал Гарниш, — и я теряюсь в догадках относительно мотивов, побуждающих фрейлейн Рейхардт избрать Галле целью своего путешествия.

— Мотивы эти проще, нежели вы думаете, — продолжала Луиза более серьезным тоном. — Дело в том, что мой зять Стефенс переселяется в Галле, где благодаря субсидии правительства думает открыть горную коллегию. Вы можете себе легко представить, как мне хочется увидеться с ним и сестрой!

— Значит, Стефенсу разрешили вернуться в Галле?! — воскликнул с радостью Герман.

— Да, и я при свидании посоветую ему быть осторожнее с рекомендательными письмами или по крайней мере не писать в них о посторонних вещах.

Хотя Луиза говорила, шутя, но Герман невольно покраснел, вспомнив, как в первое утро по его приезде в Кассель письмо Стефенса едва не попало в руки полицейского комиссара.

— Вообще начинается общее передвижение, так что наш Кассель совсем опустеет! — заметил барон Рефельд. — Король уезжает 7 августа на воды в Ненндорф.

— Да, это вопрос решенный! — сказал Гарниш. — Я слышал вчера от лейб-медика Цадига, что король чувствует себя настолько истощенным, что не в состоянии бывать в государственном совете и отказался назначить аудиенцию нескольким знатым иностранцам, приехавшим в Кассель. Говорят, что Иероним страдает от ревматизма.

— Странное дело! — воскликнул со смехом барон Рефельд, — В городе ходят упорные слухи, что веселые вечера истощают короля, а на деле оказывается, что во всем виноват ревматизм...

— Королева уезжает в Тейнах для укрепления нервов, и даже раньше своего супруга! — сказал французский посланник с очевидным намерением переменить разговор. — К этому путешествию делают разные приготовления. Генерал Сала сопровождает ее величество в качестве обер-гофмейстера; затем, кроме графини Антонии, из придворных дам поедет баронесса Оттерштедт.

— Морио также оставляет нас, — добавил Бюлов. — Он везет свою молодую жену в Италию и Неаполь. Трудно придумать лучшее путешествие для медового месяца.

— Военный министр? — спросило разом несколько голосов.

Всем было известно, что Морио отставлен от должности, но никто не знал никаких подробностей и только французский посланник мог сообщить их.

— Почему это удивляет вас? — произнес барон Рейнгард своим обычным сдержанным тоном. — Морио настолько известен своими военными заслугами, что Иероним решил отправить его в Неаполь, чтобы поздравить нового короля Мюрата с восшествием на престол, и для большего почета возвел своего любимца в звание дивизионного генерала.

— По крайней мере, — сказал со смехом Гарниш, — это повышение и мягкий климат Италии излечат бывшего министра от душевной раны, нанесенной ему немилостью императора!

— Насколько я мог заметить, Морио очень доволен этим назначением, — ответил уклончиво французский посланник. — Вероятно, он уедет с молодой женой после помолвки шурина, если только сватовство графа Фюрстенштейна не пустые городские слухи.

Разговор перешел на помолвку графа Фюрстенштейна и графини Гарденберг. Удивлялись, что такая хитрая и умная женщина, как генеральша Сала, не умеет скрыть своей досады по поводу неудавшегося брака дочери. Гарниш заметил, что поездка в Тейнах весьма полезна для генерала Сала, потому что несмотря на крепость его нервов ему не мешает набраться сил для зимы ввиду неизбежных нападений со стороны воинственной супруги.

— Мы также собираемся с женой уехать на Рейн недели на две, — сказал французский посланник. — Надеюсь, что господин Герман не откажется сопутствовать нам...

— Я только что спрашивала его об этом, но, вероятно, сердечные дела не позволят ему уехать из Касселя, — сказала баронесса Рейнгард, взглянув с улыбкой на Германа, сидевшего рядом с ней.

— Видеть Рейн — моя давнишняя мечта! — возразил Герман. — Но помимо всяких других соображений, я могу сказать то же, что ответил один из министров курфюрста французскому посланнику Биньону, когда тот стал уговаривать его съездить в Париж: «Ah, votre Excellence, si j'étais mon propre Monsieur!»

Все засмеялись.

— Ну, положим, вы можете быть настолько «собственным господином», чтобы проехать из Майнца до Ремагена и пробыть у нас несколько дней в Фалкензухте, — сказал посланник. — Вы увидите лучшую часть Рейна, а наше поместье славится своими прекрасными видами!

Герману ничего не оставалось, как благодарить барона Рейнгарда за его любезное приглашение.

— А я предложил бы господину доктору, — сказал Бюлов, — совершить предварительно путешествие в Голландию, а на обратном пути подняться вверх по Рейну до Ремагена и захватить в поместье к барону, чтобы воспользоваться его гостеприимством.

— Но с какой целью должен господин Герман отправиться в Голландию? — спросил посланник.

— Совещания рейхстага, как вам известно, — сказал Бюлов, — настолько продвинулись вперед, что некоторые дела уже окончены. Долги, лежащие на отдельных провинциях, внесены в общий государственный долг. Для погашения назначен общий поголовный налог и, кроме того, будет сделан внешний заем в двадцать миллионов. Представители сословий хотят, чтобы дело шло через их руки; поэтому король решил, по моему совету, послать депутацию из членов рейхстага в Голландию, где есть надежда сделать заем на выгодных условиях. В депутации будут участвовать два надежных человека: фабрикант Натузиус и банкир Якобсон, а я, со своей стороны, думаю послать в качестве чиновника от моего министерства господина Тейтлебена, который будет вести всю письменную часть, составлять протоколы и прочее. Такие случаи представляются нечасто, и молодому человеку не следует упускать их; я уверен, что барон Рейнгард разделяет мое мнение!

Герман, приятно удивленный таким неожиданным предложением, поспешно встал с места, чтобы выразить свою благодарность Бюлову, но капельмейстер остановил его:

— Нет, друг мой, слова сами по себе не имеют никакого значения, а в знак благодарности барону, вы споете: «Am Rhein, am Rhein, da wachsen unsre Reben!» Этим начнется наш музыкальный вечер... А пока мы нальем стаканы!..

С этими словами Рейхардт поднял стакан с вином и, чокаясь с гостями, сказал взволнованным голосом:

— Пью за здоровье дорогих друзей, которые удостоили меня сегодня своим посещением; но я не прощаюсь с вами, а говорю «до свидания!», и надеюсь, что оно будет радостным!.. А теперь, Герман, начинайте, мы слушаем ваше пение!..

Герман был в голосе и пропел песню «Am Rhein» с таким выражением, что капельмейстер пришел в восхищение и, едва дождавшись последней строфы, заключил певца в свои объятия под громкие аплодисменты всего общества.

Веселый напев знакомой песни живоительно действовал на присутствующих, даже Луиза под влиянием общего хорошего настроения заметно повеселела. Общество разделилось на группы; слышен был неумолкаемый говор; некоторые из гостей удалились в кабинет хозяина, другие остались в гостиной.

Баронесса Бюлов воспользовалась удобной минутой, чтобы подойти к своему мужу.

— Если не ошибаюсь, — сказала она вполголоса, — то господин Герман вполне доволен своим назначением.

— Мне тоже показалось, — ответил Бюлов, — и я радуюсь этому, значит, госпожа Симсон еще не успела опутать его своими сетями! Иначе он не решился бы уехать из Касселя. Во всяком случае путешествие в Голландию, хотя на время, спасет его от этого общества!

— Но пока не известно, имеют ли наши опасения какое-либо основание! — сказала госпожа Бюлов и, обращаясь к французскому посланнику, который в эту минуту проходил мимо, остановила его вопросом: — Скажите, пожалуйста, барон, не знаете ли вы, кто такая эта таинственная особа, приехавшая недавно к Симсону?

Рейнгард улыбнулся.

— Для вас это еще тайна, баронесса, — сказал он, — но в Касселе уже все известно. Это Геберти, старинная приятельница Иеронима из Парижа! За день до своей свадьбы он вздумал навестить ее в Фонтенбло и этим навлек на себя сильный гнев Наполеона, который долго не мог простить ему этот легкомысленный поступок.

— Правда ли, что она племянница госпожи Симсон?

— Да, она дочь ее сводной сестры, вышедшей замуж за итальянца Геберти, который, заметив талант дочери, стал обучать ее сценическому искусству, а после его смерти ей действительно пришлось сделаться актрисой, вследствие стесненных средств матери. Говорят, она хорошо образованна, но одно несомненно, что она красива и имеет очаровательные манеры. Я видел ее на вечере у Симсона, она была представлена мне под именем мадемуазель Сесиль, племянницы госпожи Симсон, потому что фамилию Геберти они избегают произносить из боязни, чтобы император не узнал о ее пребывании в Касселе и не выпроводил ее

отсюда. Такой случай был с госпожой Генин, которую Иероним привез сюда втайне от своего брата...

— Теперь ясно, — сказал Бюлов. — Они будут употреблять все усилия, чтобы выдать ее замуж, а с переменной фамилии Сесиль может свободно бывать в обществе.

— Не думают ли они женить на ней господина Германа? — сказала нерешительно баронесса Бюлов.

— Я слышал, что он часто бывает там, и Маренвилль оказывает ему особое внимание, — ответил посланник, — но, мне кажется, что он не из тех молодых людей, неразборчивых в средствах, которые всеми путями пробивают себе дорогу.

— Я разделяю ваше мнение, барон, — продолжил Бюлов, — но считаю нашу опеку лишней; быть может, ему будет полезно очутиться в затруднительных обстоятельствах, когда ему придется самому выпутываться из беды, без посторонней помощи.

— Для этого необходимо, чтобы он знал о грозящей ему опасности и не строил иллюзий относительно Сесили, — заметила госпожа Рейнгард.

— Я не советовал бы вмешиваться в дело, которое непосредственно касается короля, и где Маренвилль расставил свои сети, — сказал посланник. — С другой стороны, что можем мы сообщить молодому человеку, кроме предположений, и какое ручательство, что он не злоупотребит нашим доверием! К тому же, он уезжает отсюда и пока беспокоиться нечего... Но прекратим наш разговор, вот начинается квартет.

За квартетом следовало пение; Луиза пропела несколько песен, переложенных ею на музыку; финалом служил дуэт, пропетый Линой и Германом.

Когда они отошли от рояля, Бюлов подозревал Германа.

— Вам, очевидно, покровительствует судьба, господин доктор, — сказал он, — известно ли вам, что вы заочно успели заслужить милость его величества?

Этот вопрос был, вероятно, задан с целью поразить Германа неожиданностью, но против ожидания лицо его ничего не выразило, кроме удивления.

— Дело в том, — продолжал Бюлов, — что на вечере у Симсонов, когда зашла речь о доброте сердца и веселости короля, вы сравнили Иеронима с французским королем Генрихом IV, о котором говорили современники: «qu'il faisait part aux Siens de sa gayeté»... Маренвилль передал ваше замечание королю, который очень милостиво отнесся

к нему, так что можно ожидать, что его величество назначит вам аудиенцию.

— Я слышал, что в последнее время все аудиенции прекращены вследствие нездоровья короля, — сказал Герман, — слегка задетый ироничным тоном Бюлова. К тому же, вы подали мне надежду, барон, что отправите меня в Голландию.

— Вы должны вдвойне благодарить барона за ваше назначение, — сказал Рефельд, вмешиваясь в разговор. — Этим путем ваша будущность мало-помалу устроится и вам не совестно будет смотреть в глаза честным людям. К сожалению, у нас в Касселе большинство юношей пробивают себе дорогу с помощью красивых дам, будто бы добровольно покинувших придворную жизнь, которые приносят своим мужьям патенты на чины и должности. Естественно, что они льнут ко двору, от которого ждут всех благ, а вы будете избавлены от этой необходимости...

Наступила минута неловкого молчания. Рефельд, заметив это, тотчас же переменял разговор.

Между тем подан был незатейливый ужин, который задержал гостей позже обыкновенного. Герман и Гейстеры остались долее других. Герман, прощаясь с Луизой, просил ее побывать у его родителей в Галле и передать им лично письма, а также подарки сестре.

— Отец, вероятно, будет подробно расспрашивать вас о том, чего я не успел написать в своих письмах, а сестре моей скажите, что в Касселе у меня есть другая сестра, которую также зовут Линой...

— Да, передайте ей это, — добавила Лина Гейстер, — и, когда будете возвращаться в Кассель, привезите ее с собой. Она будет жить у нас или у моей матери, мы примем ее, как дорогую гостью!...

XIV

Два визита

Опасения друзей Германа не были лишены основания. Красота Сесили и лестный прием, который он встречал на вечерах госпожи Симсон, неотразимо действовали на него и располагали к доверию. При этом настроении все представлялось ему в наилучшем свете, всякий раз он находил новые достоинства у Геберти, но это еще более увеличивало тот интерес, какой она возбуждала в нем. Даже тогда, когда он

делал попытки вызвать ее на откровенность, его поражало искусство, с каким она умела обойти сложные вопросы.

Геберти не только прекрасно читала вслух трагедии Расина, но обладала редким сценическим талантом для девушки ее круга. Иногда, по вечерам, когда не было других гостей, кроме Маренвилля и Германа, она являлась в различных костюмах, и по просьбе госпожи Симсон декламировала монологи из наиболее известных театральных пьес. Герман с наслаждением вслушивался в интонации ее звучного голоса и любовался ее грациозными движениями, когда она изображала страсть Клеопатры, являлась в роли нежной Габриэль д'Эстре или феи Уржель в опере Бланшны и пела прелестную арию: «Pour un baiser faut-il perdre la vie»... В эти минуты Герману казалось, что она удаляется от общества, чтобы создать вокруг себя особый поэтический мир для немногих избранных. В остальное время Сесиль была одинаково приветлива и любезна со всеми, всегда внимательно выслушивала то, что говорили другие, умела с тактом задавать вопросы, и поэтому собеседники могли считать ее более ученой и умной, чем это было на самом деле. Маренвилль постоянно относился к ней с особенным уважением, что еще более увеличило благоприятное мнение, какое Герман составил себе о таинственной красавице. Вначале он думал, что секретарь короля ухаживает за Сесилью, и испытывал неприятное чувство, похожее на ревность, когда они вполголоса разговаривали между собой или обменивались многозначительными взглядами. Но вскоре характер их отношений неожиданно разъяснился для него.

Раз вечером, когда они вышли вместе от Симсона, Маренвилль сам начал об этом разговор.

— Щекотливое дело, по которому наша прелестная Сесиль приехала в Кассель, — сказал он, — по-видимому, подходит к концу; оно заключается в денежном иске ее матери против французского правительства, который Наполеон перевел на своего брата, вестфальского короля. Мне, как секретарю его величества, приходится вести словесные переговоры с Сесилью; при других условиях они были бы крайне приятны для меня, но я должен прежде всего отстаивать интересы его величества, и поэтому поставлен в ложное положение относительно очаровательной девушки. Симсон хлопочет за племянницу и торопит нас; но, что всего досаднее, Сесиль хочет уехать отсюда тотчас по окончании дела. Она расположена к вам, господин доктор, уговорите ее остаться по крайней мере до тех пор, пока у нее составитсa лучшее понятие о Касселе. Я уверен, что, когда

она познакомится с обществом, то оно увлечет ее, тем более что наша молодежь будет ухаживать за ней и добиваться ее маленькой ручки.

Слова Маренвилля объяснили многое Герману, но в то же время встревожили его. Он сознавал, что с отъездом Сесили вечера у Симсона, которые так нравились ему, потеряют для него всякий интерес. Госпожа Симсон и ее дочь не привлекали его, а сам министр, к которому он чувствовал искреннее расположение, редко появлялся в своей семье и всего на несколько минут. Он был целиком занят по случаю рейхстага, а вечера большей частью проводил в клубе, где играл в шахматы, следил за карточной игрой у ломберных столов и прочитывал получаемые там французские и немецкие журналы.

Теперь Герман думал с тоской о поездке в Голландию, которая сначала радовала его; он не мог примириться с мыслью, что по возвращении в Кассель не застанет больше Сесили, которая казалась ему привлекательнее, нежели когда-либо. После разрыва с Аделью он дал себе слово быть осмотрительнее в любви. Убеждения Лины и неясные намеки Луизы навели его на мысль о браке; и так как в этом новом увлечении у него участвовала более фантазия, нежели сердце, то он мог спокойно взвесить все шансы. Сесиль была свободна, по словам Маренвилля, и ничто не мешало ему добиваться ее руки. Но для устройства домашнего очага у него не было самого главного, а именно: определенного положения в свете. Герман самодовольно улыбнулся при этой мысли: разве ему не обещаны кафедра и государственная служба? От него зависит выбрать то или другое. Если для брака необходимо прочное общественное положение, то для помолвки достаточно надежды приобрести его в недалеком будущем. Боязнь скорой разлуки с Сесилью в значительной степени способствовала этим размышлениям и усиливала его желание жениться на ней вопреки всем препятствиям.

Таким образом поездка в Голландию, придуманная Бюловом, чтобы удалить своего protégé от опасности, могла привести к обратным результатам и вынудить его действовать с большей поспешностью.

Между тем Герман решил из вежливости сделать визиты обоим депутатам, с которыми ему предстояло ехать в Голландию. Выйдя с этой целью из своей комнаты, он встретил на лестнице еврея Зусмана, который по временам являлся к его хозяйке с разным товаром. Герман при случае охотно поддразнивал Зусмана, который принадлежал к ревностным приверженцам древнего закона, не стесняясь, бранил новые учреждения и пророчил им неизбежную гибель.

— Здравствуйте, Зусман, — сказал Герман. — Вы пришли кстати: не можете ли сообщить мне адрес банкира Якобсона?

— Разумеется, кто не знает адреса коммерц-советника Якобсона! — ответил Зусман со злобной усмешкой. — Это великий человек; он пользуется большим доверием брауншвейгского герцога и даже заслужил расположение Наполеона!.. Он живет в «Königsstrasse», домов за шесть от его конторы...

— Я встречал Якобсона в обществе и даже однажды разговаривал с ним, — сказал Герман. — У него представительная наружность, но я не знаю, почему вы называете его «великим».

— Вы не хотите понять меня, господин доктор. Разве вам не известно, что Наполеон и Якобсон возвели Иеронима на престол? В прошлом декабре Якобсон дал новому королю два миллиона, чтобы расплатиться с парижскими долгами и приехать в Кассель. Иероним не забыл оказанной ему услуги и хочет назначить Якобсона президентом еврейской консистории, что должно радовать всех нас, потому что он достаточно выказал свою заботливость о сынах Израиля!..

Зусман произнес последние слова с иронической улыбкой.

— В каком отношении? — спросил Герман.

— Вас еще не было тогда в Касселе, господин доктор, — объяснил Зусман. — Это было в феврале нынешнего года. Сюда собрались разные еврейские депутации для подачи петиции королю, после чего было устроено пышное благодарственное празднество. Якобсон по этому поводу обратился к королю с речью и, между прочим, сделал такое заявление, что сыны Израиля считают своим долгом охранять священную особу его величества наравне с другими подданными и будут также нести военную службу, давать рекрутов в королевское войско. Так и случилось... Мой сын Лазарь попал в линейный полк, который будет отправлен в Испанию!

— По-видимому, Зусман, вы не особенно благодарны королю, что он предоставил вашим соотечественникам права гражданства, иначе воинская повинность не показалась бы вам такой тягостной.

— Права гражданства! — возразил еврей, презрительно пожимая плечами. — Да, если бы это было в другом месте, а не в королевстве, скроенном из разнородных частей, как наша Вестфалия. Теперь в моде одеяла из лоскутков, но какая в них прочность? В самом непродолжительном вре-

мени они разорвутся по швам; то же будет и с Вестфалией. Она распадется на куски, а мы обратимся опять в «жидов»; права наши будут отняты, но это не помешает им удержаться в войске поставленных нами солдат... Мой бедный Лазарь! Его пошлют в Испанию, там он может попасть в руки инквизиции; его сожгут, как еврея, и я не буду даже иметь возможности похоронить его прах...

Герман в раздумье вышел на улицу. Слова еврея навели его на мысль о непрочности нового государства, с падением которого могли рухнуть все его мечты об устройстве дальнейшей жизни. Явное недоброжелательство, с каким Зусман относился к своему богатому соотечественнику, могло быть объяснено тем, что Якобсон как образованный человек восставал против бессмысленного фанатизма своих единоверцев и стремился к их религиозному и нравственному возрождению. Приверженцы древней веры, недовольные его образом мыслей, боялись, что он воспользуется своим званием президента еврейской консистории, чтобы отменить старые молитвы и ввести новые порядки. Герман придавал гораздо больше значения отзыву Бюлова, который считал Якобсона довольно тщеславным, но в то же время либеральным и гуманным человеком, всегда готовым помочь ближнему в беде, без различия вероисповедания.

Герман встретил банкира на крыльце, выходящим из дома, и хотел тотчас же удалиться. Но Якобсон настойчиво упросил его зайти к нему и принял в богато убранной гостиной. Это был человек лет сорока с уверенными манерами, которые явно показывали, что он знает себе цену и приписывает своим личным заслугам видное положение, занимаемое им в свете. По наружности он представлял собой чистокровный еврейский тип — с черными курчавыми волосами, правильным лицом, красивыми, выразительными глазами и грубыми очертаниями чувственного рта.

— Мы уже встречались с вами, господин доктор, — сказал он, приглашая Германа сесть рядом с собой на диване. — Я слышал о вас самые лестные отзывы и душевно рад, что буду иметь такого приятного товарища по поездке в Голландию. Там все знают банкира Якобсона, а теперь увидят его в роли депутата; и я надеюсь, что фирма «Якобсон» будет надежной гарантией для предстоящего дела. Но это не мешает мне живо интересоваться научными вопросами, как вы сами увидите, господин доктор.

— Не думайте, господин советник, что финансовые операции не занимают меня, хотя я новичок в этом деле, так как хотел сперва посвятить себя служению отвлеченной

науке. Как вам известно, я поступил в министерство финансов и надеюсь многому научиться у вас при совместной поездке в Голландию.

— Буду считать честью услужить вам в этом отношении по мере моих сил, — ответил Якобсон. — Но вы прежде всего умный человек, и я желал бы убедить вас, что не одни деньги имеют для меня значение! Не говорю о еврейской теологии, которую основательно изучил, но я также много занимался философией и преклоняюсь перед Моисеем Мендельсоном, этим великим мыслителем! Но вы должны согласиться с моим мнением, господин доктор, что философия при своей крайней отвлеченности оказала слишком большое влияние на умы людей, «*et les hommes n'ont pas regardé autour d'eux!*» Возьмем для примера еврейский вопрос. Либералы ораторствуют о свободе негров, которая едва ли нужна им, но глухи к мольбам людей одного цвета кожи с ними и стоящих на той же степени цивилизации. Фридрих Великий хотел облегчить положение евреев, но не решился идти против предрассудков, установленных веками. Вестфальский король сделал это, и я при случае сказал ему: «*Sire, c'est a des héros que l'Eternel a confié le soin de nos destinées, et déjà vous avez égalé les bienfaits de Cyrus, dont bientôt vous passerez la gloire!*»

Якобсон произнес последние слова с особенным пафосом и был, видимо, доволен, когда Герман одобрительно улыбнулся и кивнул ему головой в знак согласия.

— *Gloire!* — продолжал Якобсон. — Это магическое слово для француза и всегда имеет доступ к его сердцу. Вся их глупость заключается в том, что они думают, что можно приобрести славу только среди боя барабанов!

— Едва ли это можно назвать глупостью с их стороны, — сказал Герман. — Они действительно приобрели славу с помощью оружия, и до сих пор ни Австрия, ни Пруссия не могут победить их. С другой стороны, благодаря настоящему положению дел вам удалось добиться гражданского равноправия для своих единоверцев, что было бы немыслимо в мирное время.

— Мне предстоит еще больше хлопот с ними в будущем, — сказал Якобсон. — Необходимо очистить наши устарелые обычаи, устранить многое из нашей религии, что препятствует сближению евреев с прочими гражданами вестфальского королевства. Впрочем, все это уже было высказано мной в речи, произнесенной при закладке здания новой синагоги. Вы, вероятно, слышали об этом?

— Закладка синагоги происходила до моего прибытия в Кассель, — ответил уклончиво Герман.

— В таком случае позвольте поднести вам печатный экземпляр моей речи, прочитайте ее и сообщите мне ваше мнение...

Якобсон встал с места, чтобы достать речь из письменного стола. Герман воспользовался этой минутой, чтобы проститься с хозяином дома, и, поблагодарив за брошюру, удалился.

Натузиуса он не застал дома, но в прихожей встретил госпожу Энгельгардт, которая с таинственным видом пригласила его зайти к ней, а затем торжественно объявила, что известное ему дело окончено и что вчера ее дочь Тереза приняла предложение Натузиуса.

Герман, поздравив ее, спросил: не может ли он видеть невесту, чтобы лично пожелать ей счастья по случаю предстоящего брака?

— Терезы также нет дома! Добряк Натузиус бросил все дела и разъезжает с невестой по лавкам, он не знает, как выразить свою радость. Я передам ваши поздравления Терезе, а завтра вечером вы должны сделать это лично. Натузиус скоро уезжает, и мы хотим отпраздновать помолвку с друзьями: вы должны непременно прийти, равно как и Гейстеры.

Герман поблагодарил за приглашение и добавил, что непременно воспользуется им.

— Вы не можете себе представить до чего требовательны богатые люди! — сказала с улыбкой госпожа Энгельгардт. — Вчера Натузиус был совершенно счастлив и доволен, а сегодня объявил нам, что хочет увезти с собой не только Терезу, но и всех ее сестер.

— Это почему? — воскликнул со смехом Герман. — Не хочет ли он подражать султану?

Госпожа Энгельгардт также рассмеялась.

— Разумеется, — ответила она, — Натузиус не может взять себе в жены всех моих дочерей! Но он говорит, что у него на фабрике служит много молодых людей, настолько образованных и порядочных, что ему было бы желательно осчастливить их, а с другой стороны, он находит, что мои дочери слишком хороши для легкомысленного Касселя...

— Я вполне разделяю его мнение, — сказал Герман. — Но разве вы не будете скучать, когда все дочери уедут от вас?

— Рано или поздно этим кончится, — заметила госпожа Энгельгардт, — буду ожидать внуков и искать в них утешения. Дай Бог только, чтобы у Натузиуса родились

сыновья, а не дочери, потому что ему нужны будут помощники по управлению фабрикой...

Герман невольно улыбнулся такой заботе о будущем потомстве и, прощаясь с госпожой Энгельгардт, подтвердил свое обещание прийти завтра вечером.

XV

Прием депутации

На следующее утро баронесса Бюлов в утреннем платье сидела в кабинете своего мужа, который беспокойно расхаживал взад и вперед, видимо, раздраженный.

Супруги говорили о Германе. Накануне король изъявил желание видеть лиц, посылаемых в Голландию; и так как двое депутатов были ему хорошо известны, то у Бюлова появилось подозрение, что дело прямо касалось Германа.

— Не подлежит сомнению, — сказал он, — что Иероним хочет воспользоваться этим предложением, чтобы взглянуть на молодого человека, которого Маренвилль выбрал в *chevalier d'honneur* его любовницы!

— Если твоя догадка справедлива, — заметила баронесса, — то во всяком случае Герман не причастен к этому и, вероятно, опять попал в ловушку...

— Тем хуже для него! — возразил с досадой Бюлов. — Допустим, что Тейтлебен честнейший человек и ему неизвестна предыдущая жизнь Геберти, но почему в своем детском честолюбии он поддается влиянию этой безнравственной женщины и Маренвилля, который, наверное, проведет его! Должно быть, открытый путь постепенного повышения по службе кажется ему слишком медленным и ему больше нравится потайная лестница.

— Но если ты считаешь возможным, что молодой человек не знает с кем имеет дело, то почему бы не предостеречь его?

— Это было бы неудобно во всех отношениях, — сказал Бюлов. — Какое мы имеем право разглашать то, что французский посланник говорил в интимной беседе с друзьями; поверь, что дело серьезнее, нежели ты думаешь. В этой истории меня всего больше сердит сам Тейтлебен: никто не мешает ему нарядиться в обноски короля, если ему нравится, но напрасно эти господа рассчитывают на мое посредничество!

— Ты забываешь, мой друг, что тебя просят только представить Германа королю как твоего подчиненного, тем более что ты сам выбрал его для поездки в Голландию. Я не вижу в этом ничего унижительного для тебя!

— К несчастью, этим дело не ограничивается! Маренвилль хочет воспользоваться моей мыслью, чтобы поймать на удочку простака, которого я надеялся спасти от опасности. Черт побери! Им не удастся провести меня...

Баронесса замолчала, так как, зная настойчивость своего мужа, считала дальнейшие возражения бесполезными.

В эту минуту вошел Герман и почтительно поклонился обоим супругам.

Бюлов молча кивнул ему и сел за письменный стол, а баронесса, чтобы отвлечь внимание Германа, спросила с улыбкой — успел ли он поздравить юного жениха Натузуса?

Шутливый тон, с каким Герман стал рассказывать о своем последнем свидании с госпожой Энгельгардт, еще больше рассердил Бюлова. Он неожиданно встал с места и, обращаясь к Герману, сухо спросил его:

— Скажите мне, пожалуйста, господин Тейтлебен, сразу ли согласился Маренвилль представить вас королю, или вам пришлось долго упрашивать его.

— Меня представить королю? — воскликнул Герман. — Я в первый раз слышу об этом...

Недоумение, которое выразилось на лице Германа, было настолько красноречиво, что Бюлов не мог сомневаться в его искренности и продолжал более спокойным голосом:

— Видите ли, Маренвилль имеет большое влияние на короля и успел расположить его величество в вашу пользу. Но я должен предупредить вас, что Маренвилль *bon vivant* и не отличается строгостью принципов; к тому же, он предан французским интересам, как и сам король... Они могут сделать вам предложение, которое будет соответствовать их целям, но противоречить моим намерениям, направленным на пользу государства и народа. Хотя я не считаю их покровительство особенно желательным для вас, но во всяком случае предоставляю вам выбрать тот или другой путь. С вашей стороны я требую одного, чтобы вы были чистосердечны со мной уже ради того, чтобы не противодействовать вашему счастью, если вам вздумается покинуть меня.

Герман видел по тону Бюлова, что он чем-то недоволен, и, хотя не считал себя виновным, но чувствовал потребность оправдаться.

— Маренвилль не делал мне никаких предложений, — сказал он, — и я ни о чем не просил его, потому что совершенно доволен моим настоящим положением. С другой стороны, я настолько благодарен вашему превосходительству, что помимо вашего ведома и одобрения не решусь сделать ни шагу на пути, который бы вы сами не указали мне.

— Я вполне доверяю вашей честности и принципам, — сказал Бюлов, — но молодой, неопытный человек легко может очутиться на распутье в кассельском обществе; и поэтому вы совершенно успокоили меня своим заявлением. Что же касается ваших сердечных и домашних дел, то обращайтесь за советом к жене; если вы будете откровенны с ней, то этим избавите себя от многих неприятностей... А теперь все останется по-старому!..

Разговор был прерван приходом слуги, который доложил о прибытии депутации ремесленников и торговцев.

Бюлов велел принять ее. Баронесса тотчас же удалилась через потайную дверь в свои комнаты.

Вестфальский министр финансов благодаря своей честности, твердости характера и гуманному обращению с просителями приобрел за короткое время расположение и доверие народа, несмотря на общее безденежье и связанное с этим недовольство новыми порядками. Во главе явившихся депутатов был цеховой мастер Бюхлинг, который начал свою речь с объяснения причин, побудивших ремесленников и торговцев подать жалобу правительству. Дело касалось нового закона о патентах, предложенного рейхстагу. Патентные пошлины были, по их мнению, ничто иное как французская затея, совершенно не подходящая к условиям вестфальского королевства, а тем более в настоящее время при общем упадке промышленности.

Бюлов терпеливо выслушал многословную речь Бюхлинга, затем, расспросив по очереди присутствующих бюргеров о промысле каждого из них и получаемой прибыли, стал доказывать им со свойственной ему ясностью, что их требования настолько же не выполнимы, как и лишены всякого разумного основания.

— В настоящее время, — сказал он, — все толкуют о необходимости ввести налог на чистый доход, получаемый от земли; но эта мысль не встретила сочувствия в Германии, равно и в нашем государственном совете. Между тем мы должны распределить по возможности равномерно тяжесть податей, и если часть их приходится на долю ремесленного и торгового сословий, то в этом вы не можете видеть нового налога. Вся разница в названии; прежний поземельный на-

лог, городские и другие повинности уничтожаются при новом муниципальном порядке, и вместо этого вводится патентный сбор. Следовательно, не может быть и речи об увеличении налогов, а только о более правильном распределении их. Если вы, судя по названию, хотите считать патентный сбор французской затеей, то позвольте заявить вам, что, если мы и воспользовались опытами, какие в этом отношении были сделаны во Франции, то в той степени, насколько это было применимо к Вестфалии и с различными видоизменениями. Так, например, наложив налог на ремесла, мы отменили сбор за наем помещений, и даже размер налога для той или другой отрасли промышленности назначен сообразно с местными условиями: количеством населения, степенью распространения ремесла, легкости сбыта и прочим. Равным образом во избежание каких-либо злоупотреблений решено подчинить сборщика податей главному директору, избираемому из среды сословий, подлежащих патентному сбору. Из этого вы можете видеть, что закон о патентах ни в коем случае не вредит интересам промышленных классов, а, напротив, ограждает их от произвола администрации.

Депутаты, выслушав возражения министра финансов, стали жаловаться на иностранных торговцев и ремесленников, которые, по их словам, отбивают у них последний кусок хлеба, тем более что публика предпочитает французские товары немецким, а кассельцы при мошенничестве иностранных купцов не в состоянии конкурировать с ними.

— В этом вы сами отчасти виноваты, друзья мои! — сказал с улыбкой Бюлов, пожимая плечами. — Я не понимаю, почему вы считаете брауншвейгцев, пруссаков и других немцев иностранцами, и не вижу особенной пользы для промышленности в том, если только одни уроженцы Касселя будут пользоваться преимуществами нашей столицы. Что касается французов, то вам известно, что я не поклонник их, но должен сказать по совести, что изготовляемые ими вещи искуснее ваших, и они вообще отличаются большим вкусом. Разумеется, причина этого главным образом заключается в том, что до сих пор вам были закрыты все пути к усовершенствованию; но теперь поднят вопрос об учреждении технических школ, а с открытием их из наших ремесленников будут получаться художники. На ваши жалобы я могу дать один ответ: не падайте духом, учитесь и со временем вы превзойдете французов. Только этим способом вы можете устранить их. Возьмем для примера подряды для французских войск: наши гессенцы не думают брать их и, выпустив из рук лакомый кусок, смотрят с затаенной злобой, когда им пользуются

французские авантюристы. Вы думаете, что все изменится с возвращением курфюрста, но неужели ваши патриотические стремления не идут дальше этого, вы хотите, чтобы из-за вашей личной выгоды были нарушены законы справедливости в ущерб государству?

Некоторые из депутатов были, видимо, смущены, другие задеты словами Бюлова, и один из них заметил с раздражением:

— Если гессенцы и виноваты в чем-либо, то не относительно подрядов! Мудрено предпринять что-либо там, где интенданты и подрядчики мошенничают заодно...

— Я желал бы знать: имеете ли вы в виду кого-либо из служащих в интендантстве или ваше обвинение совершенно голословное? — спросил Бюлов.

— Помилуйте, ваше превосходительство, всему городу известно корыстолюбие и пристрастие генерал-интенданта Дюплэ. Подрядчики увиваются около него; вначале, для виду он упорно заявляет невозможные требования, потом приглашает их в свой кабинет и дело улаживается. Получив взятку, он беспрекословно подписывает поданный счет, а затем, когда наступит срок платежей, то деньги выдаются не по очереди, но первый получает тот, кто внес наибольшую дань генерал-интенданту.

— Если так, то я попросил бы вас подать об этом письменное заявление в министерство финансов или же обратиться к моему главному секретарю — он составит протокол, а вы подпишете его.

— Ворон ворону глаз не выклюет! — бросил с досадой депутат.

Бюлову стоило большого труда, чтобы скрыть свой гнев.

— Я посоветовал бы вам быть сдержаннее на язык, — сказал он по возможности спокойным голосом. — Как вам известно, Дюплэ не мой соотечественник и, с другой стороны, каждый честный бюргер может рассчитывать на мою помощь и готовность заступиться за его права.

— Мы уверены в этом, и потому относимся к вам с таким уважением, — заговорили остальные депутаты, делая знаки смущенному товарищу, чтобы он удалился.

— Оставьте его в покое, друзья мои! — сказал Бюлов. — Надеюсь, что в другой раз, если его выберут в депутаты, то он будет рассудительнее и поймет, что мне нет никакой выгоды поддерживать господ вроде Дюплэ. Напротив, я требую от всех вас, чтобы вы не скрывали злоупотреблений французской администрации. В этих случаях вы всегда можете обращаться со своими заявлениями ко

мне или к министру юстиции Симсону, и мы не оставим их без внимания. Король будет также на вашей стороне... А пока, до свидания! Вооружайтесь мужеством и не теряйте надежды на лучшее будущее...

Когда удалилась депутация, Бюлов обратился к Герману и сказал довольнолюбовно:

— Ну, что вы скажете о Дюплэ, господин доктор! Насколько лет тому назад этот господин был бедным маклером и с трудом зарабатывал себе на существование в Париже. Но, обладая чутьем хищной птицы, он последовал за армией, оказал кое-какие услуги маршалу Виктору, а тот пристроил его в здешнем военном министерстве, чтобы дать ему возможность набить карман.

— Насколько я слышал, — отвечал Герман, — в Касселе немало примеров такого случайного повышения разных авантюристов.

— Да, к несчастью, — и это всего более вредит делу! — продолжал Бюлов. — Вот и наши новые законы, как они ни хороши сами по себе, но при общем недовольстве только усиливают брожение. Гласный суд, мировые судьи, нотариусы, менее сложная администрация и прочее, все это, разумеется, значительно лучше прежних учреждений, но для многих представляет свои неудобства. Дворяне, утратив право суда в своих поместьях и те привилегии, какими они пользовались на гражданской и военной службе, попрятались в своих родовых гнездах и гневаются на нынешние порядки. Те из них, которые пристроились при дворе вестфальского короля, также недовольны, потому что из-за господствующей роскоши не могут справиться с долгами. Наконец, недовольство коснулось промышленных классов; этот общий ропот еще более усложняет настоящее положение дел в несчастной Германии и побуждает многих принимать участие в заговорах, которые едва ли приведут к каким-нибудь результатам. Ведь это не единодушное народное восстание против чужеземного ига, и тут людьми руководит только узкий личный эгоизм... Каждый думает исключительно о своих частных интересах и жалуется на понесенные убытки. Но едва ли кто-нибудь задается вопросом: как помочь общей беде?! К чему, например, привела сегодняшняя депутация? Министр высказал свои взгляды, а почтенные бюргеры остались при своих убеждениях.

— Но во всяком случае вы разъяснили им сущность нового закона о патентах, положение страны и благие намерения правительства и рассеяли их сомнения...

Бюлов грустно улыбнулся.

— Милый друг, — сказал он, — не придавайте такого значения словам; в известных случаях нам приходится показывать товар лицом, чтобы скрыть его погрешности!

XVI

Помолвка

Герман, окончив работу в министерстве, собирался уйти домой, но Бюлов остановил его вопросом: готов ли его новый мундир?

— Мне обещали принести его сегодня, ваше превосходительство.

— Тем лучше, завтра назначена аудиенция у короля для депутации, посылаемой в Голландию. Хотя завтра воскресный день, но я прошу вас явиться в обычный час. Общая инструкция уже написана, но мне необходимо объяснить вам лично, на что, собственно, должно быть обращено ваше внимание как чиновника министерства, затем мы отправимся вместе во дворец...

Герман, вернувшись домой, примерил новое форменное платье, принесенное в его отсутствие, оно состояло из темно-зеленого мундира с золотой вышивкой на воротнике и обшлагах, панталон такого же цвета, белого жилета, шпаги и французской шляпы с кокардой. Новый мундир и предстоящая аудиенция у короля настолько его занимали, что неприятное объяснение, какое он имел в это утро с Бюловым, совсем изгладилось из его памяти, тем более что ему и в голову не приходило, что Сесиль могла иметь к этому какое-либо отношение. Еще недавно, очарованный ее красотой и любезностью, он довольно ясно высказал ей свои чувства, хотя теперь, ввиду предстоящей разлуки, находился в полном недоумении, как выйти из этого положения. Быть может, от него ждали решительного слова, и он не знал хватит ли у него мужества отступить в критический момент.

Между тем наступил вечер. Он переоделся во фрак и отправился к Гейстерам, чтобы идти вместе с ними на помолвку Терезы Энгельгардт. Лина, изящно одетая, ожидала его в приемной и объявила, что готова сопутствовать ему, но что Людвиг нездоров и останется дома.

Общество, собравшееся у Энгельгардтов, было немногочисленно и состояло из родственников и самых близких знакомых. По окончании церемонии обручения и обычных поздравлений, началось угощение; гостям прислуживали

сестры невесты, одетые в одинаковые платья, что еще более увеличивало их фамильное сходство.

Все гости более или менее были знакомы друг с другом, и поэтому никто не чувствовал никакого стеснения. В то время как дамы и молодежь занимались музыкой и пением, пожилые мужчины, сидя за столом, уставленным винами и закусками, разговаривали об общественных делах.

Энгельгардт, юрист по профессии, основательно изучивший свое дело, откровенно высказывал свои взгляды. Будучи приверженцем курфюрста, он тем не менее отдавал должное нововведениям правительства и выражал надежду, что они не будут отменены в случае изгнания французов из страны. По этому поводу начался горячий спор. Хотя некоторые из присутствующих соглашались в душе с мнением хозяина дома, но в это время общего недовольства весьма немногие даже в интимной беседе решались открыто хвалить правительство Иеронима из боязни выказать сочувствие чужеземцам. Между тем противники нововведений, на стороне которых было большинство, доказывали, что либеральные реформы сами по себе не имеют никакого значения при существующих порядках. Бангер, товарищ Энгельгардта по службе, поднял вопрос о тяжести налогов, содержании многочисленной армии, огромных суммах, которые тратились двором и любимцами короля, посылались в виде контрибуции императору или шли на подкуп его приближенных. Наряду с этим другие указывали на злоупотребления администрации, безнравственность высшего общества и заносчивость французов, находящихся на государственной службе. Между тем президент Бидерзе под влиянием выпитого вина распространялся о вреде тайной полиции, к немалому смущению его собеседников, так что хозяин дома поспешил переменить разговор, который принял за ужином более веселый оборот благодаря присутствию дам.

Было уже довольно поздно, когда гости простились с гостеприимными хозяевами, пожелав всякого благополучия обрученным.

Герман, провожая домой Лину Гейстер, заговорил с ней о Терезе.

— Вы, женщины, гораздо счастливее нас мужчин, — сказал он, — для вас замужество — конечная цель жизни, а мы должны составить себе положение в свете, избрать круг деятельности, и тогда уже получаем право думать о женитьбе. Какую тяжелую борьбу приходится нам переживать, пока достигнем этого момента, сколько соблазнов, напрасной траты чувств! Между тем сердце девушки оста-

ется нетронутым и заключает богатый запас любви, а тем более сердце такой девушки, как Тереза. Как она была мила сегодня! Я уверен, что она способна на глубокую, сильную привязанность, и что Натузиус будет счастлив с ней, каждый из нас может позавидовать ему.

Лина улыбнулась и после минутной нерешительно сказала:

— Тебе не пришлось бы завидовать Натузиусу, если бы ты был догадливей. Ты хвастаешься, что понял Терезу, и не заметил самого главного, что она влюбилась в тебя при первой же встрече на моем девичнике. Оскорбленная твоим невниманием, она мужественно поборолла свое чувство и обратила его на достойного человека, который сумел лучше оценить ее, нежели ты.

Герман остановился и, взяв руку молодой женщины, проговорил взволнованным голосом:

— Неужели это правда, Лина?

Она высвободила руку и молча пошла вперед.

— Но теперь все кончилось, Лина? — сказал он, догнав ее. — Если бы я знал это раньше!.. Впрочем, все к лучшему; что мог я сделать в этом случае?.. Теперь я остался в стороне и ей легче было решиться. Но...

— Но в чем дело? Что ты хотел сказать, Герман?

— А вот что... Я очень благодарен тебе за сообщенное тобой о Терезе; этот случай ясно показал мне, что любовь девушки может остаться для нас тайной, если мы не вызовем ее на объяснение.

Он замолчал и задумался. Но она инстинктивно угадала его мысли своим любящим сердцем, которое более принадлежало ему, нежели он подозревал это.

— Если я не ошибаюсь, Герман, то твои слова относятся к Сесили и той любви, которая кроется в ее сердце!

— Как тебе пришло это в голову, Лина? — спросил он со смущением, которое было для нее красноречивее открытого признания.

— То, что ты говорил о Сесили было достаточно, чтобы понять тебя или, вернее сказать, ты настолько умалчивал о ней, что я могла догадаться, что происходит в твоей душе.

— Я ожидал, что ты придешь к такому заключению, и поэтому не говорил с тобой о Сесили. Говоря откровенно, племянница госпожи Симсон до сих пор интересовала меня, как милая, очаровательная загадка...

Герман увлекся занимавшей его темой и, не замечая, что Лина почти не слушает его, распространялся о достоинствах Геберти. В сердце молодой женщины происходила

борьба самых различных ощущений. Сказанное ею только побудило его видеть в загадочной француженке то, чего он не заметил в Терезе; и теперь она упрекала себя, что так долго оставляла его в неведении. Она сознательно умалчивала о любви Терезы, и даже радовалась, что Герман не платит ей взаимностью, а теперь, быть может, будет еще хуже, и ей придется навсегда расстаться с ним. Чувство необъяснимого страха примешивалось к ее душевным страданиям и еще больше увеличивало их. Слезы подступали к глазам, она не решилась заговорить, чтобы не расплакаться. Но тем не менее ей хотелось во что бы то ни стало вызвать Германа на объяснение. Они уже свернули в улицу, где был ее дом, и Лина видела издали при лунном свете Людвига, который сидел у окна, ожидая ее возвращения.

Они прошли молча несколько шагов, наконец Лина овладела собой и сказала торопливо:

— Насколько я слышала, госпожа Симсон пользуется не особенно хорошей репутацией, и поэтому мне кажется сомнительным, что она держит свою племянницу вдали от общества... Она не стала бы прятать ее без основательной причины, а, напротив, гордилась бы такой родственницей и стала бы из тщеславия вывозить ее в свет. Не думай, пожалуйста, чтобы я имею что-либо против Сесили, которую ты так расхваливаешь. Но прошу об одном: дай мне честное слово, что ты не сделаешь никакого решительного шага до тех пор, пока я сама не увижу ее и не наведу о ней точных справок...

Герман в задумчивости молчал, и она сказала еще настойчивее:

— Я чувствую себя виновной перед тобой, Герман, и поэтому решаюсь вмешаться в это дело. Мне не следовало бы вовсе сообщать тебе о любви Терезы, но я не ожидала, что это может побудить тебя действовать, очертя голову. Кто не понял истинной любви, тот должен быть еще более осторожным, чтобы не ошибиться относительно обманчивой привязанности. Не упрямясь, Герман! Я сделаю визит Сесили, предупреди ее об этом и уговори принять меня...

В это время они подошли к дому.

— Ты права, моя милая Лина. Я сам едва ли решился бы на окончательное объяснение, но во всяком случае меня радует твое намерение посетить Сесиль, потому что ты скажешь мне, какое впечатление она произвела на тебя.

— Значит, ты обещаешь исполнить мое желание? — спросила она шепотом, протягивая ему руку.

— Даю честное слово! — сказал он, отвечая на пожатие ее руки. Затем, взглянув на окно, он крикнул: — Покойной ночи, Людвиг!

XVII

Аудиенция у короля и Бабет

В суровое наполеоновское время государственная служба считалась выше всяких других обязанностей, даже молитвы. Герман, сын пастора, воспитанный в благочестии, несмотря на воскресный день должен был во время обедни сидеть за письменным столом и записывать инструкции, которые Бюлов диктовал ему по пунктам, и по поводу каждого из них давал подробные объяснения на словах. Затем оба отправились на аудиенцию в летний дворец короля, куда одновременно с ними прибыли Натузиус и Якобсон.

Король, утомленный весело проведенной ночью и еще более ослабевший от ванны и туалета, принял их в своей комнате, стены которой были обиты голубым бархатом с золотыми бордюрами. Занавеси и портьеры были из такого же голубого бархата, с белой атласной подбивкой, и окаймлены золотой бахромой, на столе стоял чайный сервиз такого редкого фарфора, что он скорее годился на показ, чем для домашнего употребления. Изящные стенные часы были приделаны к алебастровому бюсту короля, которого короновала богиня победы, внизу была лъстивая надпись: «*Chaque heure est marquée par la Victoire*».

Король, одетый по своему обыкновению в белый мундир, поднялся с кушетки и приветствовал вошедших с принужденной улыбкой:

— Я хотел видеть господ, посылаемых в Голландию в качестве депутатов, чтобы пожелать им счастливого пути, — сказал он. — А вас, господин Натузиус, я, кроме того, могу поздравить, — говорят, вы женитесь...

— Вы крайне милостивы, ваше величество, — ответил в смущении Натузиус, — я приехал в Кассель по делам государства и не ожидал, что мне предстоят заботы о домашнем очаге.

— Ma foi, барон Бюлов, — заметил со смехом король, — если подобные случаи будут повторяться, то нам придется издать постановление, чтобы при назначении депутатов в рейхстаг избирались только женатые. Иначе депутаты увезут из Касселя всех красивых девушек!

— Такое постановление было бы не лишним, ваше величество, — подтвердил Бюлов, — но при этом следовало бы прибавить такую оговорку, что женатые депутаты должны привозить с собой жен, что доставило бы многим немалое удовольствие.

— Прекрасная мысль, барон; во всяком случае это было бы назидательно для ревнивых мужей!.. — сказал король и при этом окинул Германа внимательным, как бы недоумевающим взглядом.

Бюлов заметил этот взгляд и приписал форменному платью Германа, который в качестве сверхштатного чиновника не имел права носить его.

— Ваше величество, — сказал он, — прошу извинения за молодого человека, но он надел мундир по моему требованию; а я считал это необходимым ввиду важного поручения, возложенного на него, тем более, что за границей форма имеет немалое значение.

— Разумеется, хотя в данном случае форма министерства иностранных дел была бы уместнее, ведь это своего рода посольство...

— Но оно главным образом касается министерства финансов, — возразил Бюлов, — и мундир пригодится господину Тейтлебену, если ему удастся заслужить одобрение вашего величества.

— Только не мундир министерства финансов, потому что, если молодой человек с успехом выполнит возложенное на него дело, то мы дадим ему новое поручение за границу... *Eh bien, nous verrons!*

Затем король обратился к Герману и после обычных расспросов относительно его происхождения, воспитания и прочего, сказал общее приветствие депутатам. Прощаясь, он пожелал им счастливого пути.

Депутаты, проходя через главную залу, встретили обергофмейстерину, которая шла к королеве, и почтительно поклонились ей. Ответив на их поклон, она подозвала Германа и спросила его с удивлением:

— Вас ли я вижу, господин доктор? Вы удостоились чести попасть на аудиенцию к королю и не сочли нужным уведомить меня о счастливой перемене вашей судьбы!

— Я не посмел беспокоить ваше сиятельство, но теперь пользуюсь случаем, чтобы выразить мою глубокую благодарность, потому что всем обязан вашему покровительству. Министр финансов назначил меня в депутацию в качестве чиновника от своего министерства.

— Очень рада за вас! — сказала графиня Антония. — Мне не могли назвать фамилию третьего лица, посылаемого в Голландию. Только будьте настороже: если вы дорожите мнением друзей, желающих вам добра, то не добивайтесь слишком быстрого повышения при нашем дворе... Кстати, на днях я уезжаю из Касселя с королевой и воспользовалась этим предлогом, чтобы отказать моему домашнему шпиону Анжелике... До свидания!

Обер-гофмейстерина удалилась, ласково кивнув головой Герману, который, нагнав обоих депутатов у дверей гостиной, договорился с ними заказать общий обед и в ожидании его решил сделать давно обещанный визит Леброну.

Ему указали левый флигель дворца, где на дверях была прибита дощечка с крупной надписью: «Pigault-Lebren, lecteur de S. M. le Roi». Когда он постучал в дверь, раздался визгливый собачий лай и приятный женский голос сказал: «Entrez!»

Герман, войдя в комнату, остановился в смущении. Молодая женщина в полном *negligé*, лежа на диване, со смехом унимала лающую крысоловку и силилась зажать ей морду маленькой ручкой. Неожданное появление красивого молодого человека в первую минуту лишило ее обычной самоуверенности. Она соскользнула с дивана, чтобы одеть туфли, но так как юбка едва доходила до колен и ноги оставались обнаженными, то она поспешно поджала их и прикрыла концом шали, в которую была укутана.

Все это она делала быстро и с такой грацией, что Герман уже без всякого стеснения извинился, что побеспокоил ее и спросил, может ли он видеть Лебрена?

Красавица снисходительно отнеслась к его извинениям и сказала, что Лебрена нет дома, и что он ушел на генеральную репетицию своей пьесы «*Les rivaux de eux mêmes*», которая пойдет сегодня вечером по случаю отъезда королевы.

— Следовательно, Лебрен в городе? — спросил Герман.

— Нет, он здесь; за нашим флигелем очень хороший театр. Прошу вас садиться, — сказала она, указывая на ближайший стул. — Подождите немного, Лебрен сейчас придет: театр в нескольких шагах от нас.

При этих словах Герман невольно вспомнил, что Лебрен рассказывал о какой-то прелестной Бабет, которая заведует его хозяйством и интересуется его пьесами и спросил: не имеет ли он удовольствие говорить с мадам Лебрен?

Этот вопрос поставил Бабет в немалое затруднение. Она выпрямилась на диване, придумывая ответ, при этом шаль

как бы случайно соскользнула с ее полных плеч и в то же время выглянула обнаженная белая ножка. Смущенная улыбка исчезла с ее лица и темные глаза, с оттенком грусти, приняли плутоватое выражение:

— Нет, милостивый государь, — сказала она с легкой усмешкой, — старик Лебрэн мой друг и покровитель!

— Прошу извинения за мою недогадливость. Лебрэн с таким восторгом описывал мне тогда свою жизнь в «заколдованном» замке, как он выражался, что я мог бы сообразить, что, кроме красивой местности, здешняя жизнь имеет для него и другие привлекательные стороны.

— Мне остается только поблагодарить вас за любезность, — сказала она с кокетливой улыбкой. — Но почему вы не хотите сесть и подождать возвращения моего дяди?

Герман объяснил, что его ждут знакомые, и обещал зайти в другой раз.

— Но вы мне не сказали вашей фамилии, дядя, наверное пожелает знать, кто был у него с визитом.

— Моя фамилия довольно трудная, вы не запомните; если позволите, то я запишу ее...

Он подошел к открытому люкитру, стоявшему у окна, и на листке бумаги записал свою фамилию, выразив при этом сожаление, что «не застал дома знаменитого Pigault-Lebrén, дядю очаровательной племянницы».

Когда он подошел к Бабет, чтобы проститься с ней, она протянула ему руку и застенчиво сказала:

— Мне очень совестно, что я принимаю вас лежа, но в этом туалете я не могу встать с места. Жаль, что вы не хотите дожидаться Лебрэна. Приходите опять к нам и как можно скорее...

Герман хотел уйти, но в эту минуту он почувствовал, что нежная ручка красавицы судорожно сжимает его руку и как будто притягивает его к дивану. Он отскочил в испуге и поспешно удалился. Собака залилась ему вслед неумолкаемым лаем, а Бабет с гневом крикнула на нее:

— Куш, Бабиш! Замолчишь ли ты, несносная собачонка!

XVIII

Прощальный вечер

Отъезд депутатов в Голландию был назначен в среду утром, так что Герману оставалось всего два дня для устройства личных дел. Но он был в таком тревожном состоянии духа,

что должен был сделать над собой усилие, чтобы заняться приготовлениями в дорогу, хотя ему предстояло только уложить кофр и нанести несколько прощальных визитов.

У Бюлова он пробыл не более десяти минут, потому что застал в его кабинете генерала Эбле, только что прибывшего в Кассель. Бюлов сдавал ему дела военного министерства, которым заведовал после отъезда Морио. Оба они были давно знакомы между собой и уважали друг друга. После Иенской битвы Эбле был назначен губернатором Магдебурга и имел постоянные сношения с Бюловым, который в это время управлял там министерством государственных имуществ. Жители Магдебурга с сожалением проводили генерала Эбле, успевшего за свое недолгое пребывание в городе заслужить общее уважение благодаря неподкупной честности.

Хотя Бюлов также любезно встретил своего protégé, как всегда, и тотчас же познакомил его с новым военным министром, но сам Герман счел необходимым по возможности сократить визит и отправился к французскому посланнику.

Барон Рейнгард ждал с часу на час отпуска, чтобы уехать в свое поместье Фалькенлуст на Рейне. Сперва он хотел пробыть там до возвращения короля из Ненндорфа, а теперь хлопотал о том, чтобы продлить срок своего отпуска до поздней осени. Он опять пригласил Германа заехать к нему в поместье на обратном пути из Голландии, но не задал ему ни одного вопроса о его личных делах; и сам Герман, несмотря на обещание, данное Луизе, не решился обратиться за советом к барону Рейнгарду относительно своего затруднительного положения.

Он обещал провести последний вечер у Гейстеров, которые по этому поводу хотели пригласить нескольких близких знакомых. Кроме того, он должен был зайти к Симсону, чтобы проститься с его семейством, так как утром его не приняли и велели слуге передать, что его будут ждать вечером. Герман считал долгом вежливости воспользоваться приглашением, при этом ему хотелось объяснить с Сесилью и высказать ей, как он хотел бы застать ее в Касселе по возвращении из Голландии. Уложив вещи, он решил сперва отправиться к Симсонам, а затем к Гейстерам, и провести у них остаток вечера.

Хотя он пришел к Симсонам раньше обыкновенного, но застал уже нескольких мужчин и дам, и тотчас же заметил, к своему огорчению, что Сесили нет в зале. Госпожа Симсон разговаривала с генеральшей Сала и сочла своей обязанностью представить ей Германа, хотя ей было известно, что они давно знакомы друг с другом. Генеральша

сделала вид, что не узнает Германа, хотя, отвечая на его поклон, с трудом могла удержаться от улыбки. Но как только Герман отошел от них и заговорил с Люси, падчерицей Симсона, она отвела в сторону хозяйку дома, говоря, что хочет сообщить ей довольно пикантную тайну.

Между обеими дамами существовали своеобразные приятельские отношения. У них были общие дела, которые они тщательно скрывали от всех, и хотя это налагало на них известные взаимные обязательства, но не мешало обоим при всяком удобном случае говорить друг другу колкости.

— Известно ли вам, мадам Симсон, — шепнула генеральша Сала, — что этот молодой человек, который, по-видимому, пользуется вашим особенным расположением, способствовал женитьбе Морио... Разумеется, никто не мог сообщить вам об этой тайне, потому что она никому не известна, но я при случае воспользуюсь ей, чтобы отомстить некоторым господам... Только вам одной, из дружбы, я расскажу все, потому что вы рассчитываете на молодого человека для одного дела. Знайте, что он главный виновник брака Адели или, вернее сказать, принудил ее выйти замуж, за Морио... Называйте, как хотите. Положим, *c'est une bêtise*, но *bêtise*, такого рода, что нескоро услышишь что-либо подобное...

— Боже мой, я не знаю, что и подумать!.. Какое несчастье, мне нужно идти!

Разговор был прерван прибытием новых гостей. Хозяйке дома пришлось встречать их, представлять друг другу, делать над собой усилие, чтобы занять их; но она думала только об одном: как бы поскорее отделаться от них, чтобы дослушать рассказ генеральши Сала.

Между тем Герман узнал от Люси, что Сесиль нездорова и лежит в постели. Перед этим он только что заявил, что должен отправиться на вечер к друзьям, и не мог решиться уйти. Его занимал вопрос: не найдут ли неприличным, если он попросит позволения пройти к Сесили, чтобы проститься с ней, хотя знал, что француженки в Касселе не стеснялись принимать мужчин в своих спальнях.

В это время вошел слуга с письмами, одно из них он подал Люси, другое оставил на подносе.

— Кому другое письмо? — спросила Люси, распечатывая поданную ей записку.

— Мадемуазель Сесиль от господина Маренвилля, очень нужное! — ответил слуга.

— Очень нужное? В таком случае отнесите его наверх и положите на стол, если мадемуазель Сесиль...

Этот приказ смутил Германа.

«Что это значит? — думал он. — Положите на стол!.. Значит, Сесили нет дома, а мне сказали, что она больна!..»

Между тем госпожа Симсон, выбрав удобную минуту, оставила гостей и поспешила к своей приятельнице, которая с таким же нетерпением ожидала ее.

— Как же это могло случиться? Расскажите, пожалуйста? — спросила она, усаживаясь на диване около генеральши Сала.

— Вы, конечно, слышали, — начала шепотом генеральша, — что раз вечером Адель вернулась домой от обер-гофмейстерины бледная и взволнованная и, застав Морио у своего брата, бросилась с рыданием к нему на шею, умоляла о прощении, а затем дала ему слово. Влюбленный проstack рассказывал это всем знакомым, приписывая внезапное согласие Адели на брак увещаниям обер-гофмейстерины... Неправда ли, это забавно?.. Жаль, что уехал Морио, я открыла бы ему глаза! Впрочем, он скоро вернется, и Фюрстенштейн поплатится за оскорбление, нанесенное им моей бедной Мелани! Достанется брату и сестре! Клянусь вам, мадам Симсон... Если мне удастся расстроить супружеское счастье генерала Морио, то нечего и желать лучшей мести! Не правда ли?..

— Вы пугаете меня, мадам Сала, хотя я все-таки не понимаю в чем дело, — сказала вполголоса хозяйка дома и, поручив дочери занимать гостей, попросила свою взволнованную собеседницу перейти в более отдаленный угол комнаты.

— Если вы позволите, то мы отложим этот разговор до следующего раза, — сказала генеральша. — Я не желала бы обратить на нас внимание общества!

Но госпожа Симсон хотела во что бы то ни стало узнать тайну, хотя бы в общих чертах:

— Объясните мне по крайней мере сущность дела в нескольких словах!.. — упрашивала она. — Я желала бы знать: откуда могли вы собрать такие подробные сведения о семье, с которой вы в ссоре?

Хотя в тоне, с каким были сказаны эти слова, выражалось явное недоверие к правдивости рассказа, но генеральша Сала не обратила на это никакого внимания и с увлечением продолжала:

— Вероятно, до вас также дошли слухи о немецких уроках, благодаря откровенности Морио?.. Ну, вот, во время одного из этих уроков неожиданно приехал король к обер-гофмейстерине и так смутил ее своим внезапным визитом,

что она, не долго думая, спрятала влюбленную парочку, учителя и ученицу, в своем будуаре... Анжелика, горничная обер-гофмейстерины, вздумала подслушать, о чем разговаривает король с ее госпожой, и через спальню пробралась в будуар, не подозревая, что там наши влюбленные...

Генеральша Сала договорила остальное на ухо хозяйке дома, которая в первую минуту онемела от удивления, а затем разразилась неудержимым смехом.

— Не правда ли, восхитительно? — спросила генеральша.

— Вы узнали все это от Анжелики?

— Разумеется! Она поступила ко мне в услужение, и чтобы отомстить обер-гофмейстерине, отказавшей ей от места, рассказала мне эту историю со всеми ее подробностями.

Прибытие генерала Эбле прекратило пикантную беседу двух приятельниц.

В этот момент опять появился слуга и, подойдя к Герману, пригласил его в комнату мадемуазель Сесиль. Герман незаметно вышел из залы и последовал за слугой, который провел его в верхний этаж и, указав на дверь в коридоре, скромно удалился.

Герман нерешительно отворил дверь и онемел от удивления, когда ему навстречу вышла Сесиль в костюме паж. Лицо ее имело серьезное, задумчивое выражение, увидя Германа, она сказала тихим торопливым голосом:

— Хотите прогуляться со мной до «Bellevue» и назад. Я накину плащ, теперь уже сумерки, никто не обратит на нас внимания... Подождите одну минуту...

Она подошла к зеркалу и поспешно застегнула две пуговицы атласного жилета, плотно облежавшего ее полную грудь.

— Дайте мне платок, он, кажется, там, на диване! — добавила она рассеянно.

Герман машинально повиновался и, взяв с дивана надутый батистовый платок, почувствовал в своей руке смятое письмо. «Быть может, любовное объяснение от Маренвилля!» — промелькнуло в его голове; он опустил письмо в карман и затем, в смущении, подал платок Сесили.

— Положите его на туалет! — сказала она, поправляя прическу.

В эту минуту дверь отворилась и в комнату вошла госпожа Симсон. Видимо, пораженная костюмом племянницы, она принужденно улыбнулась:

— Ну, Сесиль, ты опять в мужском наряде, и еще принимаешь молодых людей в своей комнате! Если бы ты

знала, как опасен господин доктор в дамском будуаре!.. Тебе, вероятно, пришло в голову сделать сюрприз нашим гостям и ты позвала на помощь господина доктора. Это будет кстати, потому что в зале довольно скучно! Немецкие бароны невыносимы в обществе, никто не хочет сделать первого шагу, и разговор не клеится... Однако приходите скорее, я с нетерпением буду ждать вашего появления!

Она стала поправлять туалет племянницы и шепнула ей на ухо несколько слов, затем, ласково кивнув головой Герману, поспешно вышла из комнаты.

Письмо Маренвилля застало Сесиль во время ее переодевания и расстроило ее. Обманутая в своих ожиданиях, она под влиянием досады послала за Германом.

Слова тетки заставили ее опомниться. Она только теперь поняла, что ее туалет, вероятно, удивил Германа и что своей опрометчивостью она могла навести его на след тщательно скрываемой тайны. В первую минуту она не нашлась, чем объяснить свое переодевание, но скоро овладела собой, накинула плащ и, взяв под руку Германа, с веселой улыбкой взглянула на него:

— Предоставляю вам на выбор, господин доктор, хотите, сделаем небольшую прогулку или же сойдем вниз занимать гостей?

Герман отрицательно покачал головой.

— Нет, — сказал он печальным голосом, — ни за что на свете я не хотел бы видеть вас теперь в обществе, мадемуазель Сесиль, и еще в этом наряде! В «Bellevue», по улицам, я также не пойду с вами. Прошу вас, снимите скорее этот костюм, хотя он очень идет вам, но мне противно смотреть на него. Духи, которыми пропитано это платье, раздражают мои нервы... Объясните мне, с какой целью носите вы этот костюм? Очевидно, он сшит для вас... Чей же вы паж, Сесиль?

Она молчала, опустив глаза.

— Завтра я уезжаю в Голландию и пришел сегодня, чтобы проститься с вами. Если вы чувствуете ко мне малейшее расположение, то исполните две просьбы...

Она вопросительно взглянула на него.

— Обещайте мне, — продолжал он, — что по моему возвращению в Кассель я застаю вас здесь. Не уезжайте, не повидавшись со мной!

— Хорошо, я останусь, — сказала она, с едва скрываемой улыбкой, — подожду вашего возвращения, и тогда уеду в Париж.

— Кроме того, госпожа Гейстер, жена начальника отделения министерства юстиции, желает познакомиться с вами, примите ее, когда она явится к вам с визитом. Это мой первый друг, я желал бы иметь такую жену... вы увидите прелестную женщину!..

Она недоверчиво и с удивлением посмотрела на него и после минутного колебания кивнула ему головой в знак согласия.

— Очень благодарен вам! — сказал Герман, взяв ее за обе руки. — Уже поздно, мне пора идти. Прощайте, мадемуазель Сесиль, вспоминайте иногда обо мне.

— Adieu! Bon voyage! — весело произнесла она с ласковой улыбкой.

Беззаботный тон, с каким она произнесла эти слова, не соответствовавший сентиментальному настроению Германа, а еще более костюм пажа, удержали его от желания обнять Сесиль. Он торопливо вышел из комнаты и спустился по лестнице, которая вела к боковому выходу из дома министерства.

Ночь уже наступила. Герману предстоял неблизкий путь до моста Фульды; но в душе его происходила такая борьба противоречивых мыслей и ощущений, что он незаметно очутился у дома, где жили Гейстеры, и только тогда опомнился, когда увидел освещенные окна их квартиры. Он старался овладеть собой, чтобы скрыть свое печальное настроение от друзей. Но его встретили так сердечно, Лина так мило поддерживала разговор за ужином, что он незаметно перешел от грусти к неудержимой веселости.

Было уже далеко за полночь, когда он вернулся домой. Утомленный пережитыми волнениями, он тотчас же лег в постель и заснул безмятежным сном.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I

Признание

Утром, после отъезда Германа, Гейстер молча сидел за завтраком, собираясь идти на службу. Лина выжидала удобной минуты, чтобы заговорить с мужем о занимавшем ее вопросе, хотя боялась вызвать его неудовольствие. Она торопливо выпила две чашки кофе и стала убирать со стола, чтобы скрыть мучительное беспокойство, овладевшее ею.

Гейстер докуривал трубку, а она все медлила с объяснением. Дело касалось ее визита к Сесили. Накануне Герман не сообщил ей никаких подробностей о своем последнем свидании с загадочной красавицей и только мимоходом сказал, что Сесиль ожидает ее. Задуманный визит имел тем большее значение для молодой женщины, что между ней и Людвигом было решено избегать по возможности знакомства с госпожой Симсон. Теперь она сама напомнила ему об этом и добавила, что вопрос заключается не в знакомстве с госпожой Симсон, а в визите к мадемуазель Геберти, у которой отдельная комната. «Но если даже я встречу госпожу Симсон у племянницы, — добавила она, — то я надеюсь, милый Людвиг, что ты ничего не имеешь против этого? Я воспользуюсь случаем, чтобы извиниться, что мы до сих пор не могли быть у нее. Вспомни сколько раз мы были приглашены на ее вечера и как будто намеренно пренебрегаем всеми светскими приличиями...»

Гейстер слушал с нетерпением, тем более, что ему казалось слишком скучным возвращаться к давно решенному вопросу. Если он восставал против сближения с госпожой Симсон, то не в виде исключения, так как вообще хотел оградить жену от знакомства с высшим кассельским обществом. Ему было досадно, что Лина не хочет понять этого, и он спросил ее насмешливым тоном:

— Уж не влюбился ли наш Герман в эту так называемую мадемуазель Сесиль?

— Кажется, никто не знает ничего дурного о ней! — возразила с досадой Лина. — Она недавно приехала в Кассель...

— Все-таки она живет здесь достаточно времени, и пора бы ей прекратить свою игру в прятки! Вероятно, за этой таинственностью скрывается что-нибудь не совсем хорошее, если такая светская дама, как госпожа Симсон, держит свою родственницу вдали от большого света!

— Но почему ты не хочешь допустить, Людвиг, что сама Сесиль избегает сближения с кассельским обществом, которое не соответствует ее серьезному характеру и благородным стремлениям.

— Ты забываешь, что она парижанка! Поэтому не ругайся за нее, Лина, и не суди по себе... Я уверен, что Герман попался на удочку и душевно жалею, если это приведет к разрыву нашей дружбы. Однако, несмотря на всю мою любовь и уважение к нему, я не позволю какой-нибудь француженке переступить мой порог, хотя бы она была одарена всеми совершенствами.

— Разумеется, ты вправе поступать, как ты хочешь, Людвиг! — согласилась она. — Я хотела познакомиться с мадемуазель Геберти, чтобы сказать о ней свое мнение Герману, так как он надеется, что его женитьба еще больше укрепит нашу дружбу. Мне будет очень обидно, если я не найду ничего сказать против Сесили, кроме того, что она француженка! Твое упрямство ставит меня в неловкое положение относительно Германа: я сама уговаривала его жениться, чтобы прекратить толки знакомых относительно его дружбы с нами. Поэтому на мне лежит обязанность заботиться о том, чтобы он не ошибся в выборе жены...

— Ну отправляйся выбирать невесту Герману, увидим, что ты найдешь в ней, а они выведут свои заключения из твоего визита! — сказал раздраженно Гейстер и, взяв шляпу, направился к двери.

Лина удержала его за руку.

— Ты уходишь, Людвиг, на целый день, не прощаясь со мной, — сказала она печально. — Твой гнев скоро пройдет, ты начнешь беспокоиться обо мне и не будешь в состоянии работать, а я измучаюсь при мысли, что ты сердишься на меня.

Он взглянул на нее; она сделала усилие, чтобы улыбнуться, но глаза ее были влажны от наворачнувшихся слез:

— Если ты непременно желаешь познакомиться с этой мадемуазель Сесиль, — сказал он более ласковым голо-

сом, — то сделай ей визит, хотя я знаю заранее, что она не понравится тебе... Но мне пора идти. До свидания!..

Лина задумчиво посмотрела ему вслед. «Почему Людвиг думает, что Сесиль не понравится мне? — спрашивала она себя. — Может быть, он в самом деле уверен, что в ней нет ничего хорошего или же предполагает, что я из ревности к Герману увижу в ней одно дурное?..»

Занятая своими мыслями, она опять принялась убирать со стола, и делала это так машинально, что удивилась, когда все оказалось прибранным. Объяснение с Людвигом настолько расстроило ее, что она решила отложить визит к Сесили до другого дня и, сделав необходимые распоряжения по хозяйству, отправилась к матери.

Она застала ее в комнате Германа, занятой сниманием гардин! На полу лежал узел с грязным бельем. Беспорядок в комнате неприятно подействовал на Лину при ее тревожном состоянии.

— Как пусто здесь! — воскликнула она, забыв поздороваться с матерью.

— Я хочу привести все в порядок к его приезду, — ответила госпожа Виттих. — Как ты думаешь, не велеть ли побелить потолок и покрыть лаком дверь?

— Разве Герман должен скоро вернуться, что ты так хлопочешь, мама?

— Он и сам не знает, когда вернется... Но ты знаешь, я не люблю ничего откладывать на завтра, если что сделано, то и слава Богу! Нужно еще выколотить шерстяные вещи, чтобы не завелась моль... Сделай одолжение, открой шкаф и посмотри — нет ли в карманах платков, нужно бросить их в грязное белье.

В шкафу висело только домашнее платье Германа и фрак, который он надевал накануне. Действительно, в одном кармане оказался носовой платок, в другом — смятая бумага. Лина раскрыла ее и увидела, что это письмо, написанное по-французски красивым почерком и с гербовой печатью. Любопытство мучило ее; и она не знала на что решиться. Но почерк был явно мужской, и письмо было так смято, что не могло заключать какой-либо важной тайны... Наконец она поддалась искушению и перешла в соседнюю комнату, где с замиранием сердца прочла следующее:

«Спешу уведомить вас, дорогая Сесиль, что король прибыл в город, но не может принять вас. Он очень сожалеет, что должен лишить себя такого приятного свидания, хотя я лично того мнения, что наша милая Сесиль вовсе не будет так огорчена этой неудачей, и даже, быть может, прощание

с красивым молодым доктором доставит ей больше удовольствия, чем rendez-vous с его величеством. Надеюсь, что мое письмо избавит вас от напрасного переодевания, но если вы уже собрались идти и мое письмо застанет вас в костюме пажа, то в наказание за свою медлительность я с удовольствием исполню роль вашей горничной и помогу вам раздеться... Затем мне поручили передать вам, чтобы вы пока не допускали молодого доктора до какого-либо объяснения, но если это окажется невозможным, то во всяком случае не лишайте его надежды. Он очень понравился его величеству, но Иероним, быть может, под влиянием ревности, хочет сперва переговорить с вами относительно вашей будущности... Завтра я зайду к вам, а до этого наш лейб-медик Цадиг убедит добряка Симсона, что Люси необходимо ехать на воды в Пирмонт для поправления здоровья. Разумеется, вы поедете вместе с Люси. Таким образом, дядя Симсон будет убежден, что вы в Пирмонте, а на деле вы очутитесь в Ненндорфе. Неправда ли, хорошо придумано! До свидания!»

Фамилия была подписана довольно неразборчиво — первые буквы покрупнее можно было прочесть за слово Magin, а четыре последние за lle, но Лина в эту минуту не могла разобрать их, а тем более сообразить, кем могло быть написано письмо. Она слышала, что мать зовет ее, но не в состоянии была ответить, и выбежала на балкон. Мысли путались в ее голове от наплыва противоречивых ощущений. Голос матери, которая шла к ней с каким-то вопросом, заставил ее опомниться; она поспешно спрятала письмо в карман. Ею овладело такое беспокойство, что она с трудом поддерживала разговор с матерью и воспользовалась каким-то предлогом, чтобы уйти домой.

Она не находила точки опоры для своих размышлений. Хотя смысл письма был достаточно ясен, но ее занимал вопрос: каким образом оно могло попасть к Герману? Вероятно, Сесиль получила его во время визита Германа и оставила распечатанным, а он заинтересовался таинственным посланием и положил к себе в карман для прочтения. Но это противоречило всем его принципам. Неужели сама Сесиль отдала ему подобное письмо? Не играет ли она роль кающейся грешницы, и Герман хочет поднять ее, а она через короля доставит ему видное положение в свете?..

— Нет, этого быть не может! — воскликнула молодая женщина, в досаде на себя за подобное подозрение. Образ Германа предстал в ее воображении, как бы упрекая ее за это, и она залилась горькими слезами, чувствуя себя вино-

ватой перед ним. Но он был слишком далеко, чтобы дать хотя бы короткий письменный ответ на тревожившие ее вопросы. День казался ей бесконечным, пока, наконец, Людвиг вернулся из министерства. Она не умела ни владеть собой, ни скрыть своих ощущений, так что, взглянув на ее расстроенное лицо, он спросил с беспокойством:

— Что с тобой, Лина? Ты, вероятно, была у Симсонов и что-нибудь огорчило тебя?

Она с улыбкой взглянула на него, тронутая его участием.

— Надеюсь, тебе не сказали ничего неприятного? У тебя такой странный вид — говори, в чем дело!

Присутствие Людвига, как всегда, успокоительно подействовало на нее, и она почувствовала, что у нее сразу стало легко на сердце. Веселое настроение опять вернулось к ней, и она бросилась к нему на шею:

— Я не была там, Людвиг, — сказала она с таинственным видом, — но убедилась, что в этой Сесили действительно нет ничего хорошего! Отгадай, как это случилось...

Он с недоумением посмотрел на нее.

— Ну так и быть, не стану мучить тебя. Видишь ли я была у матери, мы убрали комнату Германа и случайно в кармане фрака, в котором он был у Симсонов, нашлось это письмо, которое подтверждает твои подозрения.

Гейстер взял письмо и стал читать, а она, не спуская с него глаз, внимательно следила за выражением его лица.

— Ну вот, — сказал он, складывая письмо, — теперь ты сама убедилась, что заставляло ее играть роль затворницы, пренебрегающей обществом! Не говоря уже о содержании письма, подпись Маренвилля достаточно красноречива...

— Но скажи мне, Людвиг, как могло попасть это письмо в карман Германа?

— Не берусь ответить на такой вопрос. Там, где все покрыто таинственностью, трудно выводить какие-либо заключения.

— Если бы ты знал сколько страданий доставило мне это письмо. Я чувствовала себя такой несчастной...

— Несчастной? Почему это, моя дорогая? — сказал он, ласково взяв ее за руку.

— Неужели ты не понимаешь причины моего огорчения? Представь себе, если наш Герман...

Она замолчала, чувствуя, что он пристально смотрит на нее.

— Нет, Лина, твое горе мне вполне понятно! — сказал он, понизив голос. — Ты любишь Германа...

Она вздрогнула. Мертвенная бледность покрыла ее лицо, но это продолжалось одно мгновение, она подняла голову и спокойно встретила его взгляд:

— Да, Людвиг, ввиду постыдного обмана, который готовился ему, я окончательно убедилась, что люблю его! Но мне нечего краснеть за эту любовь, и я знаю, что ты поймешь меня... Герман не знает и никогда не будет знать того, что чувствует к нему мое сердце, которое по-прежнему принадлежит тебе. Не отталкивай меня, Людвиг, от твоей честной груди, только с тобой я могу быть счастлива...

Она закрыла лицо обеими руками и заплакала.

Гейстер, тронутый ее признанием, крепко обнял ее; она прижалась к нему и положила голову на его плечо. Несколько минут они сидели молча, под влиянием отрадного чувства, вызванного сознанием полного взаимного понимания и доверия друг к другу.

О письме они больше не упоминали в этот день.

II

Визит

На следующее утро Лина проснулась в более спокойном расположении духа и могла хладнокровно обдумать свое положение. Она не жалела о том, что во всем призналась мужу, потому что, вместе с чувством глубокой благодарности за его великодушие, у нее появилось как бы оправдание ее привязанности к Герману.

Разве она не любила по-прежнему мужа и не отдавала должное его высоким нравственным достоинствам? Она не изменит ему, всегда останется нежной, заботливой женой, будет предупреждать его малейшие желания.

Успокоенная этими размышлениями, она начала усиленно думать о Германе, который стал еще дороже ее сердцу, и она решила во что бы то ни стало спасти его от грозившей ему опасности. Через несколько дней она собралась с визитом к Сесили и, доехав в наемном экипаже до дома министерства юстиции, где была квартира Симсонов, велела доложить о себе.

Слуга, согласно полученному заранее приказанию, провел ее в гостиную госпожи Симсон, которая приняла гостью с изысканной вежливостью, под которой старалась скрыть свое смущение. Сесиль сообщила тетке о намерении госпо-

жи Гейстер посетить ее; и жена министра объяснила это по-своему, предположив известные отношения между Германом и красивой молодой женщиной. Но не в этом заключалась причина ее смущения. Сесиль скоро заметила, что письмо исчезло; и, так как все ее поиски оказались напрасными, то она не могла отделаться от мысли, что Герман унес его. Поэтому она находилась в сильном беспокойстве, как и ее тетка, которая была поверенной всех ее тайн; между ними было решено сделать попытку что-либо выведать у Лины, хотя, конечно, им не могло прийти в голову, что письмо очутилось в ее руках.

— Вы желали видеть мою племянницу, — сказала хозяйка дома, усаживая Лину на диван, — но Сесиль уехала вчера...

— Во Францию? — спросила с живостью Лина, прерывая ее.

Госпожа Симсон увидела в этом вопросе ревнивую радость влюбленной женщины и ответила с лукавой улыбкой:

— Нет. Да и мне было бы слишком тяжело расстаться с моей любимицей! Она уехала не дальше Пирмонта. Дочь моя больна с весны, и доктор Цадиг прописал ей пирмонтские воды; я не могла ехать с ней, и Сесиль вызвалась сопровождать ее. Моя племянница будет сожалеть, что не видела вас, а я позволила себе воспользоваться вашим редким визитом, хотя он и не относится ко мне!

Лина извинилась, что до сих пор, вследствие слабого здоровья мужа, не могла воспользоваться любезными приглашениями госпожи Симсон и выразила сожаление, что не застала мадемуазель Сесиль, о которой она так много слышала от Тейтлебена.

— Он говорил вам о Сесили? — спросила госпожа Симсон, взглянув пристально на свою собеседницу. — В последний вечер мы были немного удивлены... Скажите, пожалуйста, когда он пришел к вам, вы не заметили ничего особенного... Как объяснить это... Не был ли он печальнее обыкновенного?

— Нет, я ничего не заметила. Он застал у нас небольшое общество, и мы очень приятно провели время.

— В самом деле?... Если я решилась спросить вас об этом, то потому, что господин доктор внезапно исчез от нас, хотя я уговаривала его сойти вниз с Сесилью и занять моих скучающих гостей... Сесиль позвала его в свою комнату, она была одета пажом и, кажется, они репетировали вдвоем какую-то сцену... Вы не можете себе представить

какой сценический талант у моей племянницы; когда у нас собирается интимное общество, она появляется в разных ролях и, кроме того, с замечательным искусством копирует некоторых лиц... Кстати, не говорил ли вам господин доктор, почему он скрылся от нас с такой поспешностью?..

— Ни слова! Он пришел к нам в самом веселом настроении, но довольно поздно, когда уже собрались остальные гости, и тотчас же увлекся общим разговором. Только мимоходом сообщил он мне, что мадемуазель Сесиль изъявила согласие принять меня. На следующее утро он уехал...

Лина, занятая своими мыслями, говорила довольно рассеянно и тотчас же поднялась с места, когда хозяйка дома объявила ей, что ожидает визита Маренвилля. Она хотела избежать встречи с ним, но это не удалось ей, и они встретились на лестнице. Маренвиль почтительно поклонился и выразил сожаление, что опоздал на несколько минут.

— Мне тем досаднее на себя, — сказал он, — что я мог бы задержать вас хотя бы на несколько минут у госпожи Симсон, и знаете ли, каким способом? Я передал бы вам лестный отзыв его величества о Людвиге Гейстере. Надеюсь, что об этом вы позволяете мне говорить с вами, а после вашего ухода у нас был бы богатый сюжет для беседы с мадам Симсон, так как можно, не стесняясь, восхищаться красотой женщины в ее отсутствие.

Лина не привыкла к такой утонченной лести и в первую минуту не нашла, что ответить, тем более что приятная наружность Маренвилля совершенно не соответствовала тому мнению, какое она составила о нем. Она недоверчиво улыбнулась и, напомнив ему, что госпожа Симсон ожидает его, стала спускаться с лестницы.

Вернувшись домой, она рассказала мужу о своем визите к госпоже Симсон и встрече с Маренвиллем.

— Знаешь ли, Людвиг, какое впечатление он произвел на меня сегодня? Я убеждена, что человек с такой привлекательной наружностью не может быть настолько дурен, как о нем говорят. Кто поручится, что в этом случае не играет роль людская зависть?

— Прекрасно, Лина! — возразил со смехом Гейстер. — Я вижу, что ты вполне поняла личность Маренвилля и даже являешься его защитницей. Ты ведь также дочь Евы: сделай одолжение, не протягивай руки к древу познания добра и зла, иначе мне придется высказать такие истины, которые будут неприятны тебе. Эти *goués* имеют редкий успех у женщин. Вы гонитесь за новизной, не хотите ве-

рить общественному мнению, вам нужно убедиться — действительно ли за приятной наружностью скрывается столько пошлости и пороков, как говорят другие.

— Ну вот, ты опять попал на свою любимую тему, — сказала Лина, немного задетая словами мужа, и чтобы переменить разговор, она опять подняла вопрос о таинственном письме. — Теперь, — сказала она, — можно отчасти объяснить, каким образом письмо попало в руки Германа; сама госпожа Симсон проговорила, что он застал Сесиль в костюме пажа...

— Вероятно, в таком костюме она делает визиты королю. Это можно предположить не только по смыслу письма, но и по общему характеру придворных интриг. Ведь у нас в Касселе постоянный карнавал! Мы видим здесь самое разнородное общество людей, собравшихся со всех концов Европы, женщин, не признающих никаких нравственных принципов, для которых наслаждение составляет конечную цель жизни. Они милы, ловки, обходительны, искусно играют всевозможные роли, не хуже актрис *par profession*, и чтобы привязать к себе своих поклонников пускаются на все уловки...

— Ты прав, Людвиг, сама госпожа Симсон хвасталась, что ее племянница обладает редким сценическим талантом, что, вероятно, и обольстило нашего Германа. Но, быть может, костюм пажа показался ему подозрительным, и он, найдя письмо в ее комнате, потихоньку унес его. Вероятно, Сесиль заметила пропажу и заподозрила в этом Германа; иначе госпожа Симсон не стала бы расспрашивать меня, в каком расположении духа явился тогда к нам Герман...

— Разумеется, — ответил Гейстер, — но если даже Герман действительно унес письмо, то он едва ли мог прочитать его на улице, а затем забыл о нем среди веселого разговора и, вернувшись домой усталый и немного навеселе, тотчас лег спать. Таким образом, письмо осталось в кармане фрака, потому что если бы оно было прочитано им, то он или разорвал бы его, или взял бы с собой...

— Если так, то Герман никогда не узнает о злополучном письме! — сказала Лина. — По крайней мере он будет избавлен от того огорчения, что полюбил недостойную женщину и ошибся в ней.

— Я ничего не имею против этого, — сказал Гейстер, — но если Маренвилль имеет виды на Германа и хочет провести его, то мы ничем не разуверим нашего друга, а только этим письмом, после которого у него не

может быть никаких сомнений. Мы обязаны предостеречь его, иначе по возвращении в Кассель он опять возобновит отношения с Геберти, и мы упустим удобный момент.

Лина не разделяла мнения своего мужа, так как боялась задеть самолюбие Германа. Она скорее готова была передать письмо Сесили, чтобы заставить ее выехать из Касселя до приезда Германа, но, зная настойчивость Людвига, не решилась противоречить ему.

Следующие дни прошли незаметно. Герман послал министру донесение, а Лине длинное письмо с подробным описанием путешествия, которое доставило ей тем большее удовольствие, что она видела в этом доказательство его дружбы к ней.

Между тем король со своими приближенными уехал на воды в Ненндорф, и Лина менее всего могла ожидать, что это будет иметь какое-либо отношение к ней. Поэтому она была очень удивлена, когда Людвиг однажды утром в необычное время вернулся домой из министерства в самом веселом настроении и спросил ее:

— Не хочешь ли ты, Линхен, ехать со мной в Ненндорф?

— Ты едешь в Ненндорф! По какому случаю?

— Для словесного доклада королю об одном деле...

— Видишь, — заметила она с довольной улыбкой, — Маренвилль сказал мне тогда правду! Значит, с его стороны, это вовсе не была одна светская любезность, как ты предполагал.

— На этот раз ты была права. Перед своим отъездом он зашел к Симсону и сказал, чтобы он посылал меня в Ненндорф для словесных докладов королю во всех сомнительных случаях, когда письменные донесения покажутся ему недостаточными. Симсон сообщил мне об этом сегодня, потому что теперь у него на очереди несколько таких дел. Помимо разных других вопросов, нужно представить его величеству для предварительного просмотра речь Миллера, которую он произнесет в отсутствие короля при закрытии рейхстага. Затем один из депутатов рейхстага, Геберлин, безнадежно болен: он занимал место профессора права в Гельмштедте и при этом пользуется большой известностью за свои сочинения и почтенную общественную деятельность. Симсон не хочет упустить такого удобного случая и, чтобы выставить легкомысленного короля в благоприятном свете перед его подданными, предлагает его величеству назначить пенсию в 1800 франков вдове Геберлина и воспитать его детей на казенный счет.

— Но когда ты думаешь ехать? — спросила Лина.

— Не далее как сегодня, часа через два. Я нарочно зашел домой сказать тебе, чтобы ты занялась приготовлениями к дороге. Надеюсь, ты поедешь со мной. Ненндорф и вся долина Везера славятся своими прекрасными видами, а на обратном пути мы заедем в Пирмонт.

Лина не могла прийти в себя от удивления. Хотя ее муж постоянно заботился о том, чтобы доставить ей то или другое удовольствие и предупреждал все ее желания, но любезность его никогда не простиралась до решимости представить ее ко двору и ввести в знатное кассельское общество. Ревность Гейстера к жене была, так сказать, рассудочная; сердце мало участвовало в ней. Он сравнительно спокойно выслушал, когда Лина призналась ему в любви к Герману, потому что одинаково доверял обоим; но всякое ухаживание за его женой со стороны развратного человека он считал унижением ее женского достоинства и личным оскорблением для него самого. В этом случае он не мог бы поручиться за себя и был в состоянии дойти до последней крайности. Но теперь ничего подобного не приходило ему в голову; они не предполагали провести сезон на водах, или знакомиться с обществом. Он не имел пока никаких поводов для беспокойства; к тому же здоровье его значительно улучшилось, а почетное поручение удовлетворяло его честолюбие.

Молодая женщина поспешила изъявить свое согласие, тем более что предстоящее путешествие рисовалось ее воображению в самых заманчивых красках. Кроме того, с мыслью о Ненндорфе у нее была связана надежда встретить там Сесиль, хотя она не сочла нужным высказать этого.

— Очень рад, что мы поедем вместе! — говорил Гейстер. — Я окончу работу в министерстве и закажу экипаж, а ты уложи белье и платье к моему возвращению. Распорядись также, чтобы пораньше был подан обед; мы тотчас же двинемся в путь. Ночевать будем в Карлсгафене, проведем там вечер и насладимся прелестным утром. Ты увидишь отвесные горы, отчасти покрытые растительностью, частью совершенно обнаженные, которые поразят тебя своим величием. Везер необыкновенно красив в этом месте, а когда мы переедем мост и спустимся на бременскую дорогу, перед нами откроется долина, грандиозная по своей величине. Ты будешь в полном восторге, Лина!.. Однако мне пора идти, я скоро вернусь...

С этими словами Гейстер поспешно удалился.

III

Денежные и другие дела

Донесение Германа вполне удовлетворило министра финансов по форме и ясности изложения, хотя содержание его было далеко не утешительное.

— Я был уверен, что из этого дела ничего не выйдет, — сказал Бюлов, обращаясь к своему секретарю, — и поэтому хлопотал, чтобы переговоры вели депутаты рейхстага. Заем в Голландии не удался, она вовсе не желает идти на подобный риск.

— Действительно, в данном случае вашему превосходительству ничего не оставалось, как устраниться от всякого участия в деле, — подтвердил Провансаль. — Теперь никто не подумает обвинять депутатов и для всех будет ясно, что недоверие биржевого мира прямо относится к молодому государству; но если бы переговоры шли через вас, то враги ваши могли бы сказать, что Бюлов не имеет кредита и не годится в министры финансов.

— Тем не менее мне придется дать богатую пищу злоблию моих врагов, — сказал Бюлов, — так как я хочу пустить в ход мой личный кредит и попытаться сделать внутренний заем. Вот тут я набросал общий план в цифрах. Одно из двух: государство должно иметь или внешний, или внутренний кредит, если претендует на существование. Теперь весь вопрос в том, в состоянии ли наше королевство выйти из затруднения собственными силами. Я предлагаю заем внутри государства; нужно только сделать точный расчет, чтобы он не был слишком обременителен. Мой проект должен быть выработан до возвращения депутатов из Голландии...

— Ваше превосходительство имеет в виду добровольный заем?

— Да, и я рассчитываю собрать таким образом требуемые двадцать миллионов, потому что долг будет обеспечен доходами государства и погашаться постепенно. Разумеется, придется прежде всего выпустить облигации; но если после трех назначенных для этого сроков облигации не разойдутся, то мы вынуждены будем прибегнуть к принудительным мерам... Но пока я не сообщаю вам никаких подробностей, потому что нужно хорошенько все обдумать...

— Но разве нет никакой надежды на Голландию? — спросил Провансаль.

— Никакой, кроме жалкого займа в два миллиона франков и на довольно обременительных условиях! Скажу вам по секрету, Провансаль, что я хочу предоставить эту сумму в распоряжение главного казначея Дюшамбона, пусть он нянчится с голландцами. Все равно необходимо во что бы то ни стало покрыть долг Иеронима. Как вам известно, он занял ровно два миллиона, чтобы иметь возможность выехать из Парижа и водвориться королем в Касселе. На него самого рассчитывать нечего: вместо того чтобы выплачивать постепенно свой частный долг, как этого требуют честь и справедливость, он самовольно перевел эти два миллиона на государственное казначейство. Должно быть, не одни Бурбоны способны сказать: «*L'Etat c'est moi!*...» Легкомысленному Иерониму и в голову не приходит, что из-за него между мной и главным казначеем происходят постоянные столкновения, не только неприятные для нас, но и вредные для дела...

Новый задуманный им проект настолько занимал Бюлова, что он в тот же день написал Герману, чтобы тот обращался за дальнейшими инструкциями к королевскому секретарю Маренвиллю и при первой возможности возвращался в Кассель. В числе других новостей он сообщал, что в сентябре Наполеон прибудет в Эрфурт для свидания с императором Александром, вследствие чего французский посланник отказывается от поездки в Фалкенлуст и только уедет дня на два в Веймар для свидания с Гете.

Герман, получив это известие, отложил экскурсию на Рейн и написал Лине о своем скором возвращении, но письмо его не застало Гейстеров в Касселе и было отправлено матерью Лины в Ненндорф.

Гейстеры, переночевав в Карлсгафене, на следующий день вечером прибыли в Ненндорф, где остановились в главной гостинице. Начиная от Роденберга, вся тенистая аллея, которая ведет через Клейн-Ненндорф к минеральным водам, была переполнена публикой. Присутствие короля привлекло многих посетителей из соседних Ганновера, Бюкебурга и Миндена, не считая семейств, следовавших за двором из Касселя. Вдали слышались звуки музыки, игравшей перед замком, где на террасе собралось избранное общество.

Все номера гостиницы были заняты, только на втором этаже случайно освободилась большая комната с альковым, где и поместились Гейстеры. Он поспешил в замок, чтобы передать письма и представиться дежурному камергеру, который должен был доложить королю о его прибытии. Лина

занялась туалетом, так как Людвиг обещал по возвращении идти с ней гулять.

Дома, построенные еще при курфюрсте, были переделаны заново и украшены красивыми балконами и террасами, обвитыми зеленью. В тенистых местах были поставлены скамьи или устроены беседки, которые почти все были заняты публикой. Гейстеры, пройдя несколько шагов по аллее, увидели баронессу фон Шеле, статс-даму вестфальской королевы, с которой познакомились у Энгельгардтов на помолвке Терезы. Она сидела одна на скамейке с книгой и, видимо, обрадовалась встрече с ними. После взаимных приветствий и расспросов баронесса вызвалась сопровождать им в прогулке.

Лина спросила ее: не лечится ли она минеральными водами в Ненндорфе?

— Нет, — отвечала баронесса, — я хочу посетить родных в Ганновере и заехала сюда, чтобы взглянуть на эти места, которые дороги мне по воспоминаниям. В Ненндорфе я познакомилась с моим мужем, и мы провели здесь медовый месяц.

— Но где ваш муж? — спросила Лина.

— Королева назначила его своим камергером и увезла с собой в путешествие. Кстати, расскажите, что делается в Касселе, я думаю, он сильно опустел после отъезда двора?

Гейстер, напав на любимую тему, начал описывать в мрачных красках пустоту и безнравственность кассельской жизни, которая, по его словам, оставалась неизменной.

В это время они дошли до вершины горы и остановились, чтобы полюбоваться прелестным видом, который открывался перед ними. Заходящее солнце освещало обширный ландшафт золотистым светом и отражалось в готических окнах церквей, разбросанных по долине.

Когда они возвращались домой через парк, почти пустынный в этот час дня, баронесса заговорила о легкомысленном образе жизни вестфальского короля.

— Хотя я здесь недавно, но убедилась, что дамы едва успевают сменять друг друга. На прошлой неделе приезжала графиня Эрнестина и провела несколько дней в Ненндорфе под предлогом болезни, хотя вместо доктора ее навещал Иероним, и, вероятно, успокоил ее нервы. Затем явилась сюда красивая Бианка Лафлеш и получила в подарок самое дорогое ожерелье, какое можно было купить здесь. Она уступила место генеральше Кудра, которая в свою очередь получила дамский орден от

Иеронима. Этой дочери тюремного зрителя в Меце и во сне не снилось ничего подобного во времена ее веселой юности...

— Вы слишком строго относитесь к этим дамам! — заметил с улыбкой Гейстер.

— Нет, я только сообщаю факты; меня нельзя упрекнуть в пристрастии, потому что я занимаюсь наблюдениями из любви к искусству. Наши придворные дамы делятся на две партии: те из них, которые на стороне короля, только следят друг за другом из тщеславной ревности или корыстолюбия, остальные, стоящие на стороне королевы, стараются из любви и уважения к ней не знать и не видеть того, что делается при дворе. Я единственная среди них занимаюсь наблюдениями, и, как вы думаете, с какой целью?

— Чтобы как можно скорее забыть о них! — заметила с улыбкой Лина.

— Напротив, я записываю все, что вижу и слышу; у меня уже получилась целая поэма и такая длинная, что вряд ли кто решится прочесть ее... Вот мы дошли до вашей гостиницы! — добавила баронесса, понизив голос. — Здесь также король бывает довольно часто у мадемуазель Делагэ, падчерицы министра Симсона.

— Разве Люси здесь? — спросила Лина. — Мне сказали, что она пьет железные воды в Пирмонте!

— Нет, она лечится серными водами в Ненндорфе, или, вернее сказать, ежедневно ходит к источнику в виде прогулки. Она приехала сюда не с целью поправления здоровья, а ради пикантной красавицы, которая изредка появляется на публике. Вы, вероятно, слышали о ней в Касселе: ее фамилия Геберти... А теперь — до свидания, я отправлюсь в мою гостиницу.

Баронесса остановилась и хотела идти. Но Гейстеры вызвались проводить ее, так как уже стало заметно темнеть.

Разговор продолжался на ту же тему. Лина попросила позволения у баронессы прийти к ней на следующее утро, пока ее муж будет у короля с докладом.

— Пожалуйста, вы доставите мне этим большое удовольствие! Я готова остаться здесь лишний день, чтобы побыть в вашем милом обществе; вы также пробудете здесь недолго и, вероятно, не будете заводить новых знакомств. Но вот мы и дошли! Благодарю вас...

С этими словами баронесса простилась с ними. Гейстеры молча вернулись к себе в гостиницу.

Случайность

На следующее утро король, окончив туалет, велел позвать Гейстера, о прибытии которого ему доложили накануне.

Когда Гейстер явился в замок, Маренвилль тотчас же вышел к нему и провел в кабинет короля, который принял его очень милостиво и изъявил желание выслушать приготовленный им доклад. Но к делам Иероним отнесся со своим обычным легкомыслием и некоторые из них решил сразу, чему отчасти способствовала его природная сметливость и быстрота соображения. Когда зашла речь об обеспечении семьи депутата Геберлина, он беспрекословно изъявил свое согласие и велел написать об этом Симсону, говоря, что забота о существовании еще более увеличила бы горе несчастной женщины при потере мужа. Но так как молодой король вообще не отличался усидчивостью, то внимание его скоро рассеялось, и, не дослушав окончания доклада, он попросил Гейстера прийти к нему на следующий день.

— Вы прекрасно сделали, что привезли с собой жену, господин Гейстер, — сказал он. — Но есть ли у нее здесь знакомые, чтобы она не скучала в те часы, когда я разлучаю ее с мужем?

— Баронесса фон Шеле обещала, ваше величество, пробить здесь лишний день ради моей жены, — ответил Гейстер.

— Ну, это не особенная находка для вашей жены, если она не чувствует пристрастия к декламации! — возразил со смехом Иероним. — Впрочем, здесь, на водах, легко завязываются знакомства, и в этом не может быть недостатка... Маренвилль говорит, что ваша жена красавица и очень милая женщина...

— Мне очень лестно слышать это, ваше величество! — сказал Гейстер. — Конечно, я, как любящий муж, нахожу в ней всевозможные достоинства.

— Так и должно быть! Постарайтесь провести как можно приятнее время в Ненндорфе. До свидания!

Гейстер удалился с почтительным поклоном, и постепенно шум его шагов затих в соседней зале.

— Eh bien, Маренвилль! — сказал с живостью король, обращаясь к своему секретарю. — Что вы решили? Я хочу непременно видеть эту красавицу, которая так очаровала вас. С чего мы начнем?

— Гейстер привез ее сюда, что значительно облегчает дело. Я не мог предвидеть ее приезда, хотя отчасти рассчитывал на это, отдавая распоряжения прислать сюда ее супруга для доклада. Надеюсь, вы отдадите должное моей сообразительности.

— Не хвастайтесь, Маренвилль! Пожалуй, вы испортите все дело своей самоуверенностью... Ну, а дальше?

— Красавица изъявляла желание познакомиться с Сесилью; не знаю, что руководит ею в этом случае: дружба с красавцем-доктором или ревность.

— Тем лучше: если она в связи с ним, это доказывает только, что ее сердце жаждет любви. Но каким образом вы устроите мне свидание с ней?

— Я пойду к Сесили, — продолжал Маренвилль, — чтобы убедить ее сделать ответный визит госпоже Гейстер и условиться с ней о совместной вечерней прогулке. Разумеется, все это будет сделано, как бы для меня, я разыграю роль влюбленного. А вашему величеству остается только приказать, в каком месте вам будет угодно познакомиться с этой прелестной женщиной!

— Я думаю, у минерального источника!

— Прекрасно! Это тем удобнее, что у нас там все устроено для подобных случаев. Дамы, пройдя длинную аллею до источника минеральных вод, с удовольствием примут предложение хозяйки зайти в зеленую комнату для отдыха. Люси, по обыкновению, останется в саду, Сесиль выйдет, чтобы распорядиться относительно десерта. Красавица очутится одна, вы войдете неожиданно и познакомитесь с ней. Нужно только придумать благовидный предлог, чтобы удалить Сесиль.

— Я вполне одобряю этот план, — сказал король, — но согласится ли молодая женщина пойти на прогулку с Сесилью?

— Да, если она пригласит и супруга.

— Разве нельзя обойтись без его общества, Маренвилль?

— Супруг не отпустит ее одну, но я беру его на свое попечение. В тот момент, когда все они соберутся на прогулку, он должен будет явиться ко мне по экстренному делу, так что дамы пойдут вперед.

— А вы, Маренвилль, задержите его на некоторое время и затем вызовитесь идти вместе с ним к источнику. Проходя по саду, вы можете блеснуть сведениями в ботанике и обращать внимание своего спутника на все редкие растения.

— Одним словом, вашему величеству угодно, чтобы я по возможности продлил свой tête-a-tête с этим скучным немцем, пока вы не убедитесь: принадлежит ли его жена к виду мимоз «*poli me tangere*» или нет.

— Что это за растение, Маренвилль?

— Его называют «не тронь меня», потому что при малейшем прикосновении у него свертываются листочки.

— Вы вдаетесь в поэзию, мой друг, — заметил с улыбкой Иероним. — Но во всяком случае отложим это дело до завтрашнего вечера. Сегодня у меня rendez-vous с хорошенькой женой гвардейского капитана, которого я отправил с поручением в Бюкебург.

— А я до этого переговорю с Сесилью, — сказал Маренвилль, — и постараюсь объяснить ей, что она должна покровительствовать моему ухаживанию за мадам Гейстер, чтобы разлучить ее с красивым доктором, ее теперешним любовником, потому что только при этом условии она позволит ему жениться на Сесили...

Во время разговора король подписал приготовленные бумаги и отправился принимать ванну.

В это же утро, пока Гейстер был у короля, Лина собралась с визитом к баронессе фон Шеле, но, дойдя до дверей ее номера, невольно остановилась и стала прислушиваться. В первую минуту ей показалось, что кто-то громко разговаривает, но вскоре она узнала голос баронессы, которая с пафосом декламировала какие-то стихи, и решилась войти.

Баронесса сердечно приветствовала ее и, усадив рядом с собой на диване, предложила позавтракать с ней. Лина отказалась, говоря, что недавно встала и не чувствует ни малейшего голода.

— В таком случае, вы, вероятно, не откажетесь прослушать несколько стихотворений Поля Флеминга. Хотя его поэзия несколько устарела, но нигде вы не найдете такой искренности и глубины чувств...

Баронесса начала читать; Лина слушала со вниманием, хотя чтение не доставляло ей особенного удовольствия, и она воспользовалась небольшим перерывом, чтобы спросить о том, как они проведут день. Решено было отобедать вместе, а затем совершить небольшую экскурсию по окрестностям. Лина отправилась домой, подходя к гостинице, она встретила Маренвилля, который возвращался от Сесили. Он заметно ускорил шаг и, поравнявшись с ней, торопливо снял шляпу.

— Очень рад видеть вас в Ненндорфе, мадам Гейстер, — сказал он с любезной улыбкой. — Сегодня утром

я присутствовал при докладе вашего мужа и слышал, как его величество выразил опасение, что вы соскучитесь здесь среди незнакомого общества...

Но потому ли, что задуманный им план придавал ему смелость, или он надеялся на податливость молодой женщины, только его тон был далеко не так почтителен, как в первый раз. Забывая предостережение короля, что можно испортить дело поспешностью, он становился все развязнее и позволил себе разные двусмысленные шутки и намеки. Лина сразу остановила его, но это не произвело на него никакого впечатления и даже, когда она свернула с дороги с очевидной целью избавиться от его общества, он утешил себя мыслью, что «мужья часто делают *bonne mine à mauvais jeu*, а женщины, наоборот, принимают суровый вид при хорошей игре».

Между тем Лина была настолько оскорблена бесцеремонным обращением Маренвилля, что решила всеми способами избегать встречи с ним.

Дома она застала мужа, который с нетерпением ожидал ее. Он был доволен приемом короля и в таком веселом настроении, что Лина не решилась высказать ему своей досады на Маренвилля и только сообщила о предложении баронессы относительно обеда и прогулки. Гейстер изъявил согласие и отправился в замок, чтобы сдать бумаги в придворную канцелярию и освободиться от дел на сегодняшний вечер.

Лина села у открытого окна с книгой, которую дала ей баронесса фон Шеле.

Но едва успела она прочесть страницу, как ей доложили о визите двух дам. Это были падчерица Симсона и Сесиль.

Появление их не особенно удивило Лину, потому что они жили в той же гостинице. Но разговор шел вяло, как это часто бывает при первом знакомстве; к тому же Лина не совсем свободно говорила по-французски.

— Я рассчитывала на обратном пути застать вас в Пирмонте, — сказала Лина.

Мадемуазель Делагэ, очевидно, ожидала этого вопроса и ответила с живостью:

— Мы, действительно, предполагали остаться в Пирмонте более долгое время по совету лейб-медика Цадига, но пирмонтский доктор тотчас же послал меня сюда. Это не особенно порадовало нас, потому что, вследствие присутствия двора, в Ненндорфе слишком большое стечение публики. Но мы объявили Маренвиллю, что мы здесь на положении больных и хотим остаться инкогнито.

— Король уважает наше инкогнито, — сказала Сесиль, — или, лучше сказать, инкогнито моей кузины, потому что моя особа ему почти не известна.

Во время разговора, который беспрестанно прерывался, мадемуазель Делагэ расспросила Лину, как она думает провести вечер.

— Вы сегодня, — продолжала она, — осмотрите ближайшие окрестности, но немного подальше есть необыкновенно живописное место, где главный минеральный источник. Вы отправитесь туда вместе с нами, мы укажем вам дорогу, чтобы иметь возможность побыть в вашем обществе. У нас здесь нет никаких знакомых, а Сесиль почти не появляется на публике. Завтра, после обеда, мы зайдем за вами. Это прелестная прогулка по тенистой аллее, и можно будет зайти куда-нибудь выпить кофе.

Лина ответила уклончиво, что должна спросить мужа и не знает, как он решил провести завтрашний день.

— Мы попросим его пойти вместе с нами, вероятно, он не откажется быть нашим кавалером.

Лина, успокоенная тем, что будет под покровительством своего мужа, тем охотнее приняла предложение, что представлялся случай ближе познакомиться с Сесилью и составить о ней более определенное мнение. Вообще Сесиль произвела бы на нее хорошее впечатление, если бы не роковое письмо, которое было слишком явной уликой против нее; так что она не могла придавать никакого значения скромности и приличным манерам молодой француженки.

Гейстер вернулся домой вскоре после ухода обеих дам и, узнав о принятом приглашении, сказал с улыбкой:

— Приглашение сделано в такой вежливой форме, что ты не могла ответить отказом, Лина, да к тому же ты, вероятно, намерена заняться наблюдениями.

— На это мало надежды. Если бы ты видел, Людвиг, как она была скромна и застенчива сегодня! У нее, действительно, сценический талант... Однако пойдем скорее, баронесса ожидает нас...

Обед на открытом воздухе и прогулка в экипаже по живописным окрестностям Ненндорфа доставили Лине большое удовольствие. При всей своей скромности она не могла не заметить эффекта, производимого на публику ее красотой, и это немало способствовало ее веселости. К тому же баронесса, несмотря на слабость к поэзии доходившую до комизма, была самой приятной собеседницей, очень любезной и остроумной.

На следующее утро Лина встала раньше обычного и, проводив мужа до замка, отправилась к баронессе фон Шеле, с которой должна была сделать несколько покупок.

Обойдя лавки, они зашли в «Kursaal» послушать музыку, затем Лина через сад отправилась домой, так как наступило время обеда, и Людвиг мог вернуться из замка.

Перед гостиницей она увидела Маренвилля и мадемуазель Делагэ, которые прогуливались взад и вперед по аллее, видимо, поджидая кого-то, и ускорила шаг, в надежде, что они не заметят ее. Но в это время Люси обернулась и позвала ее. Услыхав свое имя, она быстро свернула с аллеи и бросилась к крыльцу гостиницы, сердце ее усиленно билось, ей казалось, что кто-то догоняет ее; при мысли, что это Маренвилль, на нее напал безотчетный страх — не помня себя от ужаса, она вбежала по лестнице, повернула направо в коридор и поспешно отворила вторую дверь от входа, в убеждении, что войдет к себе в номер. Но вместо Людвига она увидела Сесиль, которая быстро соскочила с колен мужчины, сидевшего на диване, и заслонила его собой.

Лина обомлела от удивления и испуга и в первую минуту не могла ничего сообразить, затем, пробормотав извинения, выбежала вон, затворив за собой дверь. Тут только, оглядевшись кругом, она убедилась, что поднялась этажом выше и попала в комнату Сесили, которая находилась над их номером.

Когда она вернулась к себе и рассказала мужу о том, что случилось с ней, то он изменился в лице и сурово заметил, что ее неосмотрительность может навлечь на него серьезные неприятности.

— Разве ты не догадываешься, — добавил он шепотом, — что ты застала у Сесили самого короля?

— Короля! — воскликнула она. — Я была так озадачена, что не заметила его лица, тем более что Сесиль заслонила его от меня. Неужели это был король?

— Разумеется! — воскликнул с досадой Гейстер, так как ее удивление раздражало его, при том беспокойстве, какое овладело им. — Не сердись на меня, Лина, но я нахожу, что это непростительное ребячество с твоей стороны — бежать таким образом от человека, который был даже не один, а с мадемуазель Делагэ. Пойми, что это нелепо! Порядочная женщина должна держать себя с достоинством и этим импонировать людям вроде Маренвилля, а не бежать от них, сломя голову. Знаешь ли, что он подумает об этом, при его нахальстве? Что женщина, которая способна бежать таким постыдным образом, близка к падению.

— Что с тобой, Людвиг? — спросила она, бросив на него взгляд, исполненный такого глубокого негодования, что он тотчас же опомнился и сознался, что думал только о себе и последствиях, которые может иметь для него это приключение.

— Прости меня, Лина, — проговорил он, целуя ее руку.

— Я вовсе не жалею, что это случилось, — сказала она, — а ты останешься в стороне, потому что не можешь быть ответственным за опрометчивость твоей жены. Теперь по крайней мере не может быть никакого сомнения в том...

Она замолчала, но он понял, какая мысль занимает ее, и ответил спокойным голосом:

— Ты права, Лина, эта случайность не повредит мне, а относительно Сесили, действительно, не может быть никакого сомнения, что она в связи с Иеронимом. Я надеюсь, что после этой истории она сама решится на отступление, потому что, вероятно, сообразит, что при твоей дружбе к Герману, ему будет все известно... Кстати, я забыл сказать, что мои дела почти окончены, и мы можем уехать отсюда сегодня после обеда.

— Нет, Людвиг, мне кажется, что нам неудобно двинуться из Ненндорфа, пока они не совсем отпустили тебя.

— Этого ждать слишком долго! Маренвилль сказал, что меня могут позвать только по какому-нибудь экстренному случаю, а если мы уедем до этого случая, то они обойдутся и без моих услуг.

— Не лучше ли остаться, Людвиг, и обдумать заранее, что тебе ответить, если Маренвилль заговорит с тобой о моем странном поведении. Кроме того, я обещала за тебя этим дамам идти с ними гулять, и они хотели зайти после обеда. Если мы уедем, то это будет иметь вид бегства, а ты сам только что упрекал меня за это, — добавила она с улыбкой.

— Ну, едва ли состоится сегодня наша прогулка! — возразил Гейстер.

— Я сама думаю, что нет, — продолжала она. — Сесиль не явится к нам, а если у нее хватит на это нахальства, то я заставлю ее удалиться вот чем. — С этими словами, она торопливо достала письмо из портфеля и бросила его на стол. — Не прерывай меня, Людвиг, — продолжала молодая женщина взволнованным голосом, видя, что он хочет возражать ей. — Не думай, чтобы я заговорила с ней о виденной мной сцене, это было бы слишком унижительно для меня. Я оставлю письмо на столе, чтобы оно попало ей в руки, и она знала бы, что ее тайна давно

известна нам, а если после этого она не уйдет, то я вызову ее на объяснение...

— Дорогая моя, во имя чего возьмешь ты на себя подобную роль? — спросил Гейстер. — Неужели у тебя хватит безумия сделать это!.. Но, к счастью, до их прихода еще несколько часов, а я уверен, что ты успокоишься и взглянешь на дело иначе. А теперь пойдем обедать, я устал от работы и голоден...

V

Возвращение Германа

Гейстер не ошибся в своем предположении: прогулка к источнику не состоялась, и Маренвилль больше не посылал за ним. Поэтому Гейстеры воспользовались свободным вечером, чтобы выехать из Ненндорфа. Прекрасная погода, благоприятствовавшая им до сих пор, внезапно изменилась, стало прохладно и полил мелкий затяжной дождь, который продолжался все время их обратного путешествия. Но это не нарушило их хорошего настроения, они не переставали разговаривать; Гейстер указывал жене места, с которыми были связаны какие-либо исторические события, и обращал ее внимание на красивые виды, встречавшиеся по дороге, хотя пасмурное небо придавало всему печальный колорит.

Лина по возвращении в Кассель отправилась навестить мать и, встретившись с ней, рассказала в общих чертах о своем путешествии. Затем она прошла в комнату Германа под предлогом, что хочет взглянуть, как все устроено к его приезду, открыла платяной шкаф и поспешно сунула в карман фрака письмо Маренвилля к Сесили.

Теперь при хладнокровном размышлении она сознавала, что, собственно, даже не имела права вынимать письмо из чужого кармана, но чтобы успокоить себя, приписывала это вмешательству судьбы для спасения Германа. Переговорив с мужем, она решила скрыть от их друга, что им известно содержание письма, а также не рассказывать ему о своем приключении в Ненндорфе, пока он сам не начнет с ними разговора о Сесили. Таким образом, Лина была избавлена от неприятного объяснения, которое поставило бы ее в неловкое положение относительно Германа и было бы оскорбительно для его самолюбия. Но в то же время ее богатая фантазия получила новую пищу для всяких соображений,

она задавала себе ряд вопросов: пойдет ли Герман к Симсонам, примут ли его там, как его встретит Сесиль?

Между тем дурная погода не замедлила отразиться на здоровье короля, что побудило его остаться в Ненндорфе долее, нежели он предполагал. Депутация, посланная в Голландию, вернулась в его отсутствие с известием о полной неудаче займа. Вследствие этого проект внутреннего займа, представленный министром финансов, был принят в рейхстаге большинством голосов, затем утвержден бюджет расходов на 1809 год, а 22 августа Миллер явился на последнее заседание рейхстага, чтобы закрыть его от имени короля. Блестящая речь, сказанная по этому поводу знаменитым историком, произвела большую сенсацию в Касселе.

Депутаты рейхстага уехали почти одновременно, и город точно вымер, чему способствовало отсутствие двора. Только Натузиус и Якобсон должны были остаться на некоторое время, чтобы представить официальный отчет о своей поездке в Голландию.

Они были приглашены Бюловом на вечер, устроенный в честь их возвращения, на котором собрался небольшой круг лиц, близко знакомых между собой. Разговор шел о речи Миллера, недавно произнесенной им при закрытии рейхстага, и так как сам хозяин дома, не стесняясь, высказывал свое мнение, то гости следовали его примеру. Даже французский посланник на этот раз немного отступил от своей обычной осторожности.

— Я желал бы знать, барон, — сказал Якобсон, обращаясь к хозяину дома, — не поразила ли вас в речи Миллера его фраза о Наполеоне? Насколько я помню, он выразился следующим образом: «Тот, перед которым мир безмолвствует, потому что Господь предал мир в его руки»...

— Выражение Миллера, вероятно, показалось вам странным потому, что мир слишком много кричит о Наполеоне, — заметил министр финансов. — Но, быть может, фраза — «le monde se tait» имеет такой смысл, что «мир потворствует, покоряется Наполеону».

— Этому объяснению противоречит другое место той же речи, — возразил французский посланник. — Миллер говорит, между прочим, что народы германского племени только тогда вступают в новый фазис развития, когда им дан толчок извне, и, что время от времени для них необходимы потрясения, чтобы нарушить их покой и вывести из полусонного состояния. Следовательно, Миллер говорил о пробуждении, а не о покорности врагам. Только приверженцы курфюрста и прусский Тугендбунд, быть может,

придумают, как согласовать противоречие между *se taire* и *s'éveiller du sommeil*, так как толкуют о том, что немцы должны молча поднять знамя восстания.

— Мне кажется, — заметил Герман, — что в речи Миллера нет никакого противоречия, потому что высказав мысль, что немцам необходим внешний толчок для развития их культуры, он добавил: император создал королевство из двадцати различных стран *et lui a donné son frère!* Очевидно Вестфалия, по его мнению, должна сделаться очагом высшей немецкой культуры.

— Вы забываете, что это французская колония с французскими учреждениями, законодательством и нравами! — заметил барон Рейнгард.

— Вестфалия, — сказал Бюлов, — представляет собою пункт, где приобретаемые нами выгоды не окупаются той опасностью, которая грозит нам, и где мнения людей и стремления партий диаметрально противоположны. Я допускаю, что в политике и военном деле мы можем брать уроки у Франции, но нравы наши и язык должны остаться вне всякого чуждого влияния.

— Вообще толчки извне едва ли могут иметь благотворные результаты, — сказал Якобсон. — Германия, благодаря своему положению между Францией и Россией, достаточно раздроблена; толчок извне может оказать то действие, о котором говорит Миллер: «*De vingt provinces il a fait un Royaume*» — или, другими словами, из множества немецких государств образуется единая французская империя.

— Ну, этого трудно ожидать, — возразил Натузиус, — но во всяком случае Наполеон окажет нам великую услугу, если данный им толчок будет настолько силен, что мы отрешимся от многих традиций, отживших свой век, и в нас проснется сознание нашей силы...

В это время баронесса Бюлов, окончив свои хозяйственные распоряжения, сделала знак Герману, чтобы он подошел к ней, и усадила его рядом с собою на диван, стоявший у противоположной стены. Она подробно расспросила его о путешествии, а затем, как бы мимоходом, заметила, что надеялась встретить его на вечере у Симсонов, хотя улыбка, сопровождавшая эти слова, ясно показывала, что, собственно, об этом ей и хотелось переговорить с ним.

Герман понял, к чему клонится разговор, и ответил с некоторым смущением:

— Я был у них с визитом, но они не пожелали принять меня. Быть может, вам известно почему, и вы из сострадания взяли на себя роль утешительницы?

— Уверяю вас, что мне ничего не известно, — возразила баронесса Бюлов. — Мой вопрос был вызван тем, что до вашего отъезда в Голландию вы часто проводили вечера у Симсонов.

— Простите, если я осмелюсь выразить сомнение относительно правдивости ваших слов, — сказал Герман. — Но я убежден, что вы знаете больше, нежели хотите сказать. Помните ли вы то утро, когда ваш супруг выразил свое неудовольствие по поводу моего знакомства с Маренвиллем? К счастью, дело разъяснилось, и он тогда сказал мне, чтобы я обращался к вам за советом относительно моих сердечных дел и что это избавит меня от серьезных неприятностей... Теперь я догадываюсь, что слова его относились к племяннице госпожи Симсон.

— Если вы намекаете на ее отношение к королю, то они, действительно, были известны нам, но мы не могли предостеречь вас. В некоторых вещах нужно убедиться самому, чтобы поверить...

— Вот это со мной и случилось, — сказал Герман взволнованным голосом. — Впоследствии расскажу вам все подробно, а теперь изложу одни факты в общих чертах. В последний вечер, когда я зашел к Симсонам, чтобы проститься с ними, мне случайно попало письмо Маренвилля к Сесили, и так как я имел некоторые поводы к подозрению, то решился похитить письмо и положил его в карман. Затем я отправился к друзьям и за веселым ужином совершенно забыл о нем; равным образом во время путешествия мысль о злополучном письме ни разу не пришла мне в голову. По возвращении в Кассель я сделал визит Симсонам, но меня не приняли, а камердинер сообщил мне по секрету, что обе молодые дамы в Ненндорфе. Тогда у меня возник вопрос: что могло привлечь их туда? Я стал припоминать разные подробности моего прощанья с Сесилью и невольно вспомнил о письме, которое оказалось в кармане моего платья...

Баронесса слушала молча этот рассказ, не решаясь прервать его каким-либо замечанием.

Герман остановился в смущении, но, сделав над собой усилие, продолжал:

— Трудно передать словами то, что я испытал по прочтении этого позорного письма, когда увидел в настоящем свете ту, для которой я должен был служить ширмой. Удар был слишком силен, но это послужило для меня спасением, я сразу исцелился от безумия. При более хладнокровном размышлении мне стало ясно, что в данном случае страдает

не сердце, а мое уязвленное самолюбие. Не знаю, поверите ли вы мне, баронесса, но я душевно рад, что так легко выпутался из этой истории... Но почему госпожа Симсон не пожелала принять меня, остается для меня загадкой! Если она предполагает, что письмо в моих руках, то ей, как умной женщине, следовало бы сообразить, что в этом случае я не явился бы к ним с визитом...

— Быть может, она не приняла вас потому, что обе девушки были тогда в отсутствии. Впрочем, теперь они уже вернулись, но вчера я видела одну Люси, а Сесиль не выходила к гостям. Вообще, можно предположить, что у них случилась какая-нибудь неприятность, потому что госпожа Симсон, несмотря на все старания, не могла скрыть, что она чем-то расстроена. При этом у нее было довольно продолжительное совещание с Лебреном, который также появился в ее салоне. Говорят, что этот знаменитый писатель правая рука Маренвилля; один хлопочет о доставлении королю новых любовниц, а другой пристраивает отставленных.

— Что касается Лебрена, то слухи эти, вероятно, не лишены основания, — заметил Герман, — судя по тем подробностям, которые он сообщил мне о любовных делах Иеронима при первом же знакомстве.

— Если хотите послушаться моего совета, — сказала баронесса, вставая с места, — то нанесите визит этому болтливому старику, у него вы можете собрать сведения, которые могут вам пригодиться... Однако наша беседа продолжалась слишком долго. Послушаем, о чем говорят другие.

С этими словами хозяйка дома присоединилась к обществу. Герман последовал ее примеру.

VI

Визит к Лебрену

Герман вернулся домой довольно поздно и нашел на своем письменном столе лист бумаги, исписанный крупным размашистым почерком, с подписью Pigault-Lebren. Он прочел следующее:

«Вы вернулись из вашего путешествия, но я, к сожалению, не застал вас дома и с трудом мог добиться от вашей старой хозяйки листа бумаги, чтобы написать несколько строк. Я хотел передать вам извинение госпожи Симсон в том, что она не могла принять вас, когда вы были у нее с

визитом, и объясниться с вами от ее имени. Завтра воскресенье, может быть, вы вздумаете отправиться на прогулку в королевский парк и навестить меня. Я буду ожидать вас к тому времени, когда откроют фонтаны.

Кроме того, мы получили из Парижа много интересных книг для будущей библиотеки короля; некоторые из них вы прочтете с удовольствием. Пока они не отданы в переплет, вы получите их от меня. Быть может, решено судьбою, что когда короли покупают книги, то среди их подданных находятя люди, которые читают их. Мой друг Андрие говорит в своем «Meunier de Sans-Souci»:

Et ces malheureux rois,
dont on dit tant de mal, ont du bon quelquefois.

Герман, читая записку Лебрена, невольно улыбнулся, вспомнив совет баронессы Бюлов нанести ему визит с целью выведать от него то, что ему нужно. Очевидно, Лебрэн желал видеть его с той же целью. Предстоящее объяснение теперь имело для него двойной интерес, и он решил во всяком случае воспользоваться приглашением, а также скрыть от Лебрена, что письмо Маренвилля к Сесили в его руках. Помимо того что ему было неловко упоминать о самом факте кражи письма, он боялся восстановить против себя любимца короля и этим испортить свою дальнейшую жизнь. Ввиду той опасности, которая грозила ему, он мысленно благословлял судьбу, что держал себя с Сесилью на известном расстоянии, так как теперь ничто не мешало ему отступить без нарушения приличий.

Быть может, он отложил бы визит к Лебрэну до другого раза, если бы, помимо этого, ему не предстояло отправиться на прогулку в королевский парк.

Натузиус перед своим отъездом из Касселя, предложил невесте и ее сестрам съездить в Левенбург, резиденцию прежнего курфюрста, и по дороге завернуть в королевский парк, чтобы еще раз взглянуть на фонтаны. Госпожа Энгельгардт была нездорова и попросила Лину отправиться вместо нее с дочерьми, а Натузиус, со своей стороны, пригласил Германа. После раннего обеда они двинулись в путь. Погода стояла прекрасная, но по случаю отсутствия короля в парке не было видно никого из высшего общества. Хозяин гостиницы воспользовался этим, чтобы устроить празднество для горожан. В разных местах слышался смех и веселые возгласы. Публика была довольно разнообразная: молодые горничные в белых платьях и с венками на головах расхаживали парами или под руку

со своими возлюбленными. Жены бюргеров торжественно выступали в длинных турецких шалях, под которыми скрывались корзиночки и мешки со съестными запасами для мужа и детей, между тем как их дочери с упоением предавались танцам.

Герман простился со своими спутниками у фонтанов, говоря, что должен сделать визит Лебрену, и обещал присоединиться к ним в Левенбурге.

Он застал старого романиста в довольно небрежном туалете — но на этот раз Бабет была при полном параде — одетая с большим вкусом, она сияла молодостью и красотой, чему отчасти способствовали и косметические средства.

После обмена взаимными любезностями и поверхностного осмотра книг, присланных для королевской библиотеки, Лебрен стал придумывать разные предлоги, чтобы удалить Бабет. Но она делала вид, что не понимает его намеков, и со смехом отказывалась от разных поручений, которые он давал ей. Герман начал терять терпение и наконец прямо спросил Лебрена, что хотел он передать ему от имени госпожи Симсон, добавив, что должен поспешить в Левенбург, где его ожидают знакомые...

— Я провожу вас туда, — сказал Лебрен. — Что касается госпожи Симсон, то она сама хотела объяснить вам причину, почему не могла принять вас.

— Это очень любезно со стороны ее превосходительства! — отвечал Герман. — Но я могу винить только самого себя, потому что своими частыми посещениями вполне заслужил, чтобы мне напомнили о моей неуместной навязчивости.

— *Comment, Monsieur le docteur!* — воскликнул с испугом Лебрен. — Как это могло прийти вам в голову? Клянусь честью, вы ошибаетесь. Поверьте мне, что мадемуазель Сесиль...

Лебрен остановился и украдкой взглянул на Бабет, которая в это время с равнодушным видом поправляла прическу перед зеркалом, хотя не пропустила ни одного слова из происходившего разговора.

— Вероятно, вам известно, что обе молодые дамы были в Ненндорфе? — спросил Лебрен.

— Да, я слышал от мадам Гейстер, что она имела удовольствие видеть их там, и они даже сделали ей визит.

— Если не ошибаюсь, то мадам Гейстер была с ними на какой-то прогулке в Ненндорфе? — продолжал Лебрен, внимательно следивший за выражением лица своего собеседника.

— В первый раз слышу об этом! — сказал Герман. — Насколько я мог понять из слов самого Гейстера, он ездил в Ненндорф по делам и пробыл там с женой самое короткое время. Быть может, поэтому они и не сообщали мне никаких подробностей о своем путешествии.

— В таком случае, мне нечего и расспрашивать вас! — воскликнул со смехом Лебрен. — А теперь вернемся к нашему разговору: вы явились с визитом к мадам Симсон в такое время, когда она в ожидании приезда дочери и племянницы не велела принимать никого из посторонних. Но она надеется, что это не помешает вам снова навестить их.

— Если бы я был уверен, что меня ожидает прежний радушный прием, — ответил с улыбкой Герман, — то непременно отправился бы к ним в следующий *jour fixe*...

— В пятницу? — прервал Лебрен. — Нет, вам нечего откладывать так надолго свой визит! Вы явитесь к ним завтра вечером и запросто, как вы бывали прежде. Завтра я сам собираюсь к ним, а Сесиль...

Лебрен замолчал и опять взглянул на Бабет, затем быстро поднялся со своего места и, обращаясь к Герману, сказал:

— Однако простите, господин доктор, вы заявили, что друзья ожидают вас в Левенбурге, я провожу вас... Подождите одну секунду, позвольте мне одеться...

С этими словами Лебрен торопливо вышел в соседнюю комнату, оставив дверь открытой. Бабет посмотрела ему вслед и, убедившись, что он занят своим туалетом, осторожно подкралась к Герману и шепнула ему на ухо:

— Сесиль должна уехать отсюда по приказанию императора... Лебрен провожает ее до Майнца... Это трагическая история!.. Зайдите ко мне на днях, когда Лебрена не будет дома... я все расскажу вам!

При этом Бабет так низко наклонилась к Герману, что он отодвинулся и указал ей на открытую дверь. Она поспешно вернулась на свое место.

Тишина в соседней комнате показалась подозрительной Лебрену, и он, не окончив своего туалета, выглянул из дверей:

— Я сейчас выйду, господин доктор! — крикнул он.

Действительно, Лебрен появился через несколько секунд, совсем одетый и с шляпой в руке. Бабет поспешно накинула шаль и, с видимым желанием подразнить своего сожителя, сказала торжественным тоном:

— Я иду с вами, милый дядя!

— Нет, вы не пойдете с нами, Бабет! — возразил Лебрэн и стал уговаривать ее остаться дома, но, видя, что она упрямо настаивает на своем и отвечает смехом на его увещевания, потерял терпение и крикнул сердито:

— *Sacré mille*, Бабет! Ты останешься, я тебе приказываю!...

С этими словами Лебрэн выбежал из комнаты и, закрыв дверь на ключ, догнал Германа, который в это время уже спускался с лестницы. Но едва успели они дойти до крыльца, как Бабет появилась из других дверей и крикнула с громким смехом:

— Счастливого пути, мой седой Меркурий, но ты напрасно беспокоишь себя!

Этот насмешливый возглас смутил Лебрэна, он прошел молча несколько шагов и только тогда решился возобновить прерванный разговор, когда они свернули на главную аллею, где Бабет не могла наблюдать за ними.

— Наконец-то мы можем поговорить с вами наедине! — сказал Лебрэн. — Я должен сказать вам, что Сесиль... Но что это значит? Сюда спешит камердинер Симсонов, не за мной ли?

Предположение Лебрэна оказалось верным. Это был посыльный от госпожи Симсон, которая ожидала на площадке перед дворцом.

— Вот досада! — произнес Лебрэн вполголоса, видимо, удивленный таким неожиданным приглашением. — Мне приходится оставить вас... Но вы зайдете завтра к Симсонам, и мы постараемся уговорить Сесиль не покидать Касселя. *Ecoutez*, дело, по которому она приехала сюда, окончилось благополучно. Король был так милостив, что посетил ее в Ненндорфе и сам сообщил ей об этом. Все устроилось к выгоде мадемуазель Сесиль или, вернее сказать, ее матери... Она стремится в Париж; госпожа Симсон в отчаянии... Однако до свидания, победитель сердец!

Герман с улыбкой посмотрел ему вслед и направился к Левенбургу. В это время Лебрэн подошел к госпоже Симсон, которая сидела на скамье под тенью деревьев.

— Вас нужно отыскивать, ме-сье Лебрэн, — сказала она, едва кивнув головой в ответ на его поклон. — Чтобы иметь честь видеть вас, я должна была приехать сюда, когда здесь собрался простой народ и не видно ни одного порядочного человека!

— Прошу прощения у вашего превосходительства, но сегодня утром я назначил свидание молодому доктору... как его... все забываю его фамилию! А вечером я собирался к

вам... Представьте себе, ему совершенно не известно о том, что произошло в Ненндорфе. Он только жаловался мне, что вы его не приняли, и приписывает это своей навязчивости.

— Я не ожидала от вас такой наивности, месье Лебрэн! Разве вы не видите, что он хочет провести вас?

— Меня провести! Вы очень ошибаетесь, мадам Симсон... Нелегко обмануть автора таких романов, как «*Les barons de Felsheim*» и «*L'enfant du carnaval*»... Откажитесь от ваших слов, мадам Симсон!

— Хорошо, не будем говорить об этом! — возразила она, с трудом удерживая улыбку. — Во всяком случае мы избавлены от главной заботы...

— Я только что докладывал вам это!

— Мы, кажется, не понимаем друг друга, месье Лебрэн...

— Вы беспокоились, что доктор узнает о связи Сесили?

— Не в этом дело! — возразила с нетерпением госпожа Симсон. — Меня всего больше заботил вопрос, как объяснить моему мужу внезапный отъезд Сесили. К счастью, сестра моя догадалась послать ему письмо, в котором требует возвращения Сесили в Париж, а мне она прямо пишет, что император приказал ей вызвать дочь из Касселя не позже августа. Симсон, очевидно, ничего не подозревает, а это для меня всего важнее... Сесиль укладывает свои вещи, а вы, месье Лебрэн, готовьтесь в путь: послезавтра, вы должны выехать с ней.

— Вот было бы хорошо, если бы нам удалось выдать ее замуж!

— Тогда скрываться будет нечего, и мы опять вызовем ее сюда, — возразила госпожа Симсон раздраженным тоном. — Кажется, об этом распространяться нечего!

— Значит нужно выехать во вторник? — спросил Лебрэн, который был не особенно доволен предстоящим путешествием. — Но, говорят, Иероним возвращается в среду, он, вероятно, пожелает видеть Сесиль, чтобы проститься с нею...

— Королеву также ожидают в среду, следовательно, Иероним должен встретить ее величество. К тому же он простился с Сесилью в Ненндорфе и, нужно отдать ему должное, он выказал необыкновенную щедрость, как это всегда бывает с ним в тех случаях, когда имеется в виду новая привязанность.

Госпожа Симсон произнесла последние слова насмешливым тоном, потому что она слишком презирала Лебрэна, чтобы выразить ему свое огорчение, и была осторожна, чтобы не сказать что-нибудь лишнее, зная, что он все может выболтать королю.

— Вы говорите, что у Иеронима новая привязанность? — спросил с живостью Лебрэн.

Госпожа Симсон молчала, как бы обдумывая свой ответ, затем сказала серьезным тоном:

— Насколько я могла заметить, у Иеронима бывают роковые минуты, которые играют большую роль в его жизни. Вы знаете, до какой степени он был привязан к моей племяннице, страсть эта была во всей силе, когда он выписал ее в Ненндорф, и продолжалась до того утра или, вернее сказать, момента, когда красавица ворвалась неожиданно в комнату Сесили. Тут произошло как бы магическое превращение с сердцем короля. Он сразу охладел к Сесили и воспылал страстью к прелестной женщине, которая на секунду предстала перед ним в «милом смущении», хотя, конечно, трудно сказать, что она чувствовала тогда.

— Вы правы, мадам Симсон, я сам мог убедиться, какое значение имеют для короля известные минуты. Но объясните мне, пожалуйста, от кого узнали вы все эти подробности?

— От Маренвилля, который вчера прибыл в Кассель, чтобы узнать какие празднества готовятся к приезду Иеронима. Кроме того, он хочет воспользоваться таким удобным случаем, чтобы предоставить его величеству возможность увидеть вблизи красавицу. Король сгорает от нетерпения познакомиться с ней и объясниться в любви. Гейстеру предстоит блестящая будущность, я заранее предсказываю это!

— Но каким образом Маренвилль решился сообщить все это вам, родной тетке Сесили?

— Я не вижу в этом ничего особенного. Письмо императора получено было в Ненндорфе вечером, в тот же день отношения короля с Сесилью были прерваны, и Маренвилль своим рассказом задел гордое и ревнивое сердце Сесили. Ей будет легче уехать отсюда!.. Кроме того, ему известно, что я была в постоянном страхе, что муж мой тем или другим путем узнает эту историю... Вы видите, Маренвилль понимает людей не хуже автора «*L'enfant du carnaval*».

— Если так, то *à la bonne heure, Madame!* — возразил Лебрэн. — Но мне кажется, что вашей племяннице было бы еще приятнее выйти замуж за красивого доктора и остаться в Касселе, наперекор королю.

— Вы забываете приказание императора, которым нельзя пренебрегать! — сказала госпожа Симсон, поднимаясь с места. — Не говоря о том, что пропавшее письмо, наверное, в руках молодого человека, и на него нельзя рассчитывать, обстоятельства настолько переменились, что

Иероним не станет заботиться о его повышении, а если у него не будет видного положения в свете, то нечего и желать этого брака. Allons, проводите меня до экипажа...

VII

Adieu, mademoiselle Cecile!

Между тем Герман достиг Левенбурга и, пройдя подъемный мост, вступил на вымощенный двор, окруженный строениями. В это время Натузиус с дамами выходил из дворцовой капеллы и собирался идти в арсенал, где была коллекция старинного оружия. Он был в наилучшем настроении и, взяв под руку Германа, остановил его посреди двора, чтобы указать ему на великолепную архитектуру дворца, построенного бывшим курфюрстом во вкусе XV века. В том же стиле были меблированы все комнаты верхнего этажа, не исключая кабинета, который по приказанию Иеронима остался в том виде, в каком был в момент бегства курфюрста. На подставке висел парик, и рядом на стульях лежали мундир с красными отворотами и длинный жилет с вышитыми золотыми и серебряными цветами. На письменном столе стоял прибор для письма, были раскинута бумаги, которые также остались нетронутыми, начиная с листка с нацарапанными черточками и буквами, выведенными для пробы пера. Стены были обиты тем же пунцовым бархатом, как и вся мебель, того же цвета были и шелковые занавеси у двух маленьких окон. Шкафы, богато украшенные резьбой, довершали убранство кабинета.

После осмотра дворца все поднялись на площадку башни, откуда открывался очаровательный вид на окрестности. Затем Натузиус предложил своим спутникам двинуться в обратный путь.

Веселое настроение счастливого жениха было тем более кстати для Германа, что его рассеянность была не так заметна, и он мог предаваться своим мыслям. Одна Лина с беспокойством следила за ним, она ясно видела по его ответам, что мысли его далеко, он или не слышал того, о чем его спрашивали, или смеялся над пустяками, на которые в обыкновенное время не обратил бы никакого внимания. Она не могла представить себе, что сообщил ему Лебрэн, и не решалась прямо спросить его об этом. Беспокойство ее увеличивалось при мысли, что он, быть может, объяснился с Сесилью и не в состоянии скрыть своей радости.

Она провела невеселый вечер у Энгельгардтов, и напрасно ожидала посещения Германа весь следующий день. Наконец, во вторник утром, он послал сказать, что придет обедать к ним; и этим только подтвердил ее подозрения: она не сомневалась, что Герман намерен сообщить ей что-нибудь важное и хочет сделать это в присутствии ее мужа.

Людвиг по возвращении из министерства, увидя на столе три прибора, спросил: кто будет?

Она ответила, что в его отсутствие Герман велел сказать, что собирается обедать у них. «А вот и он сам!» — добавила молодая женщина, краснея.

— Очень рад видеть тебя и догадываюсь, о чем ты пришел сообщить нам, — сказал Гейстер, пожимая руку приятелю. — Что же, Лина, приготовила ли ты бутылку шампанского?

— Да, потому что ты любишь шампанское, Людвиг, и всегда приказываешь подавать его, когда у нас обедают гости. Но я не придавала этому другого значения... разве?

Она не решилась досказать своей мысли и молча поздоровалась с Германом, который с недоумением смотрел на них.

— Нет, Лина, ты не отгадала! — сказал Гейстер. — Мы будем пить шампанское, чтобы утешить Германа в его горе. Быть может, придется откупорить и другую бутылку, смотря по обстоятельствам... Вообрази себе, Сесиль уехала в Париж!

На лице Германа выразилось радостное изумление.

— Правду ли ты говоришь, Людвиг? — спросил он с недоверием.

— Откуда же я мог выдумать это?

— Значит, ты предупредил меня, многоуважаемый *chef de division*! — воскликнул Герман. — Я пришел сегодня с целью сообщить вам, что Сесиль должна выехать из Касселя, а ты говоришь, что она уехала!..

— Благодарю небо за такой оборот дела, друг мой! И позволь от души поздравить тебя, — сказал Гейстер, протягивая руку приятелю.

Лина не в состоянии была долее сдерживать свое волнение и со слезами бросилась Герману на шею.

— Теперь по крайней мере мы будем избавлены от страха и беспокойства! — воскликнула она, затем видя, что поступила неловко, опустила руки и со смущением взглянула на мужа.

— Ну, слушайте, — сказал Гейстер, — я расскажу вам, каким образом я узнал об отъезде таинственной кра-

савицы. Сегодня утром, подходя к министерству, я увидел, что ворота отворены, и воспользовался этим, чтобы пройти через двор в мое отделение. Прежде всего поразил меня дорожный экипаж с почтовыми лошадьми, стоявший у крыльца, так что я не сразу заметил Симсона, который тут же, во дворе, разговаривал с Лебреном, одетым в дорожное платье. Поравнявшись с ними, я снял шляпу. Министр ответил на мой поклон и, вероятно, прочел на моем лице недоумение, потому что обратился ко мне с такой фразой: «Вы не ожидали меня встретить здесь, любезный Гейстер, но я провожаю племянницу моей жены, которая возвращается в Париж по требованию своей матери. Месье Лебрен из любезности едет с нею до Майнца»... При этих словах Лебрен коварно улыбнулся, но я услышал голос госпожи Симсон, которая спускалась по лестнице со своей племянницей, и поспешно удалился... А теперь, Герман, соберись с силами, чтобы мужественно перенести неожиданную разлуку. Выражаясь поэтическим языком, «зашло блестящее светило; ты напрасно будешь томиться и искать его; оно скрылось с глаз твоих!»...

— Но ведь это было только ночное светило, спутник Юпитера! — возразил со смехом Герман. — Я не стану особенно оплакивать его. А теперь выслушайте мой рассказ, который, вероятно, еще больше удивит вас.

— Не хвались раньше времени, Герман, — посоветовала Лина. — Быть может, то, что ты хочешь сообщить нам, не будет для нас новостью...

Гейстер сделал знак жене, чтобы она молчала и, обращаясь к Герману, пригласил его перейти в столовую и сесть за обед.

— Мы успеем еще выслушать твой рассказ, — сказал он, — а теперь позволь мне заметить, что твое отчаяние выражается довольно странным образом! Я давно не видал тебя таким веселым, и приписываю это расстройству нервов.

— Ты поймешь мое состояние, — пояснил Герман, — если я скажу тебе, что исчезнувшее светило так низко упало в моих глазах, что я сразу утешился, когда прочел одно письмо, которое случайно попало ко мне.

— Действительно, в Касселе письма часто попадают не к тем лицам, которым они адресованы. Но я все-таки удивляюсь твоему легкомыслию: мне кажется, что потеря любимой девушки должна быть тем больнее для тебя, что ты вместе с тем утратил веру в нее...

Герман был несколько смущен этим замечанием и ответил серьезным тоном:

— Любимой девушки! В этом и заключалось мое безумие или ребячество, называй, как хочешь, что я вообразил себе, что могу заставить себя полюбить Сесиль и даже решил домогаться ее руки. И, знаешь ли, с какой целью?

— Знаю, и поэтому ты можешь прямо говорить со мной, — отвечал Гейстер.

— Я надеялся, что этим успокою тебя, Людвиг! — говорил Герман взволнованно. — Разлука с вами пугала меня... Моя женитьба прекратила бы все толки; с другой стороны, при виде вашего семейного счастья я стал мечтать о подруге жизни, и вместо золотой монеты едва не навязал себе потертую игорную марку. Одна мысль об этом приводит меня в ужас!..

— Успокойся, мой дорогой Герман, — сказал Гейстер, — беда миновала и слава Богу! Не будем больше говорить об этом и вообще отложим наше объяснение до другого раза. А теперь выпьем шампанского за нашу дружбу!

После обеда Герман отправился домой, чтобы закончить срочную работу, и обещал зайти завтра утром, чтобы идти вместе на прогулку, так как все присутственные места велено было закрыть по случаю возвращения их величеств; и Гейстер тоже мог располагать собой.

На следующий день Иероним вернулся из Ненндорфа в девять часов утра, чтобы иметь время отдохнуть с дороги и принять королеву по ее возвращении. Высшие государственные сановники и придворные встретили его величество на крыльце загородного дворца. Король был в мрачном настроении и, обменявшись несколькими словами с приближенными, велел позвать к себе Берканьи.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, — кто здесь ведет переписку с Парижем? Императору известно все, что касается меня и даже моей частной жизни. Неужели вы до сих пор ничего не узнали об этом?

— Несмотря на все старания я не мог напасть на след этой корреспонденции, ваше величество, — ответил генерал-директор полиции. — Мы с Потау учредили самый строгий надзор за письмами, адресованными в Париж; ни одно из них не остается непрочитанным, но пока ничего не открыто!..

— Вам, конечно, известно, что Геберти не могла скрыться даже в доме министра юстиции! Мне жаль бедного Симсона, который был совсем одурачен этим милым

созданием... Но так как в Париже Геберти пользуется самой дурной репутацией, то ее отъезд не особенно огорчил бы меня, если бы не вмешательство императора! Ведь она не первая, которую мой августейший брат выпроваживает из Касселя. Во всяком случае, советую вам, Берканьи, принять более решительные меры, чтобы открыть шпиона, иначе мне придется назначить начальником полиции человека более способного к этой должности, нежели вы.

Берканьи удалился, совершенно расстроенный. В кабинет вошел Маренвилль.

— Все будет устроено по желанию вашего величества, — доложил он. — Барон Бушпорн уже разослал билеты на свой костюмированный бал; из министерств будут приглашены все начальники отделений; и я позабочусь, чтобы не забыли Гейстера и его хорошенькую жену.

— Но захотят ли они воспользоваться приглашением? Вы говорили, что они предпочитают избегать всякого общества.

— Все, получившие приглашение, должны явиться на праздник, устроенный в честь их величеств, потому что этим они могут показать свои верноподданнические чувства!..

В этот момент раздался рожок почтальона, а вслед затем послышался стук колес подъехавшего экипажа.

Иероним встал и, стараясь придать своему лицу веселое выражение, поспешил навстречу своей супруге.

Королева привезла с собой принцессу Гогенлоэ-Кирхберг и представила ее Иерониму, который после обмена обычными приветствиями, взял под руку обеих дам и повел их по лестнице. Едва поднялись они на несколько ступеней, как под окнами раздались звуки оркестра, игравшего национальный гимн: «*Où peut-on être mieux qu'au sein de la famille!*»...

VIII

Ярмарка

Сентябрь начался ясными, теплыми днями, обещавшими хорошую осень. Оживление, вызванное возвращением двора в Кассель, на этот раз было менее заметно, потому что совпало с последними днями кассельской ярмарки. Улицы были переполнены народом, среди общего веселья почти никто не обращал внимания на вереницу экипажей с нарядными дамами и кавалерами, ехавшими во дворец к парадному обеду.

Обширное пространство от Königstrasse до ворот Ауэ было занято балаганами, каруселями, панорамами и прочим. Многочисленные музыканты с барабанами и кларнетами, певицы, играющие на цитрах, и шарманки еще более увеличивали оглушительный ярмарочный шум. Но тем рельефнее выступала торжественная тишина окружающего осеннего ландшафта, хотя все были слишком заняты, чтобы заметить этот контраст. Молодежь больше всего теснилась около панорамы, где за четыре сантима показывали Наполеона и его маршалов, и сиплый голос скороговоркой прославлял геройские подвиги нового Александра Македонского. В другом месте толпа спешила к зверинцу, чтобы взглянуть на львов, тигров, гиен и всяких редких зверей, пока громкие рукоплескания на противоположном конце площади не возвестили, что канатные плясуны начали свое представление, и часть публики тотчас же устремилась в эту сторону.

В лавках и балаганах было также немало народа. Лина, при хороших средствах мужа, еще в начале ярмарки сделала все необходимые покупки для зимнего туалета и хозяйства, и теперь пришла сюда с Германом и Людвигом на прогулку. Они уже не раз бывали вместе на ярмарке и постепенно познакомились с ее достопримечательностями. Чтобы не пропустить ни одного зрелища, они решили сегодня зайти к месье Жанет, чтобы взглянуть на его канареек, которые клювами доставали складные буквы из ящичка и составляли из них слова, придуманные кем-нибудь из присутствующих. Это редкое зрелище, как всегда, привлекло многочисленную толпу, которая с нетерпением ожидала появления самой искусной канарейки, которую Жанет называл «monsieur le professeur». Перед началом представления он торжественно вынес ее на своей руке.

— Господа! — воскликнул он, обращаясь к публике. — Вы видите перед собой ученого профессора, который в своем искусстве не имеет себе равного в Европе. Это не простая желтая канарейка! Рассмотрите ее внимательно: у нее серые перья и зеленоватое брюшко, как у ее прародителей на Канарских островах. Девять лет занимался я обучением этой птицы, чтобы надлежащим образом подготовить ее в азбуке и алгебре, и труды мои не пропали даром. Allons, monsieur le professeur, travaillez для вашей собственной славы!

Началось представление: еврей Зусман пробрался в первый ряд зрителей и передал Жанету написанное слово, которое должна была сложить канарейка. Исполнив это с

некоторой торжественностью, он окинул глазами публику и, заметив Германа, крикнул ему:

— Господин доктор, я написал знаменитую фамилию Якобсон, пусть маленький профессор сложит ее по буквам!

При этом Зусман, чтобы привлечь внимание Германа, стал махать ему своим пестрым платком и так перепугал «маленького профессора», что он кинулся к золоченой клетке, в которой сидели его товарищи, ударился головой о проволоку и упал со стола.

— Тише! Бога ради, не шевелитесь! — закричал Жанет взволнованным голосом, бросаясь на землю, чтобы спасти «профессора». Но испуганная птица, избегая руки хозяина, стала кидаться под ноги зрителям. Жанет в исступлении кричал во все горло, стоявшие около него, желая помочь его горю, стали также ловить птицу и нечаянно раздавили ее.

Жанет пришел в полное отчаяние и, не помня себя от ярости, поднял кулаки, чтобы ударить виновника несчастья, но так как Зусман успел исчезнуть в толпе, то он схватился обеими руками за собственную голову. Проклятия, угрозы и жалобы быстро следовали одни за другими.

— Бедный мой профессор! — проговорил он сквозь слезы. — Девять лет дрессировал я тебя! Кормилец ты мой.. *adieu!* Наполеон *de tous les canariens...* *adieu!* Et sarsé cochon, погибнуть из-за какого-то *canaille de juif!*..

При последних словах, оскорбительных для евреев, послышался голос из толпы:

— Остановитесь, месье Жанет! Полковник Бонгар приказывает вам замолчать!

Голос показался знакомым Герману, и он увидел, что говорил молодой человек, которого он знал под именем Вильке. Рядом с ним виднелась стройная фигура шефа жандармов Бонгара.

— Зачем вы упоминаете имя Наполеона и оскорбляете евреев, граждан Вестфалии! — продолжал молодой человек. — Успокойтесь, месье Жанет! Вас постигло несчастье: знаменитая канарейка отправилась к праотцам. Но кассельские евреи щедро вознаградят вас за то, что вы, по неосторожности одного из них, лишились вашего «профессора»... А пока мы закроем ваш балаган на сегодняшний день. Многочисленные сограждане, прошу вас, разойдитесь!

Толпа зрителей двинулась к выходу. Старик Бонгар в знак одобрения потрепал по плечу находчивого молодого человека.

Выйдя из балагана, Лина выразила свое сочувствие бедному владельцу птицы, но Гейстер уверил ее, что обе-

щение Вильке будет выполнено, и Жанет не останется в убытке.

— Заметили ли вы, — добавил он, обращаясь к своим спутникам, — что этот молодой человек сначала заступился за евреев и назвал их гражданами Вестфалии, а затем бесцеремонно распоряжается их карманами и заявляет, что кассельские евреи должны нести ответственность за неосмотрительность одного из своих единоверцев...

Разговаривая таким образом, они незаметно выбрались из толпы и дошли до угла дома министерства юстиции. Здесь им встретился Симсон, который возвращался домой с парадного королевского обеда, он выглянул из окна кареты и подозвал к себе Гейстера.

— Вероятно, какое-нибудь поручение от короля, — заметил Герман, идя медленно под руку с Линой.

— Только бы не на сегодняшний день! — воскликнула она. — Погода такая прелестная, что мне будет очень жаль, если Людвиг сядет за дела, и расстроится наша прогулка в королевский парк... На следующей неделе мы собираемся в Гомберг, на нашу дачу. Ты, конечно, поедешь с нами, Герман.

— Не знаю, удастся ли, но во всяком случае я постараюсь побывать у вас...

В это время их нагнал Гейстер.

— Что с тобой, Людвиг? — спросила с удивлением молодая женщина. — У тебя такое сияющее лицо, можно подумать, что тебя назначили префектом?

— Нет, — ответил он со смехом, — но нам оказали другую честь. Гофмаршал Бушпорн хочет устроить костюмированный бал во дворце Belle-Vue по случаю возвращения их величеств; и Симсон объявил мне, что я также получу приглашение в числе высших чиновников министерства юстиции. Должно быть, король обратил на меня свое милостивое внимание после моего доклада в Ненндорфе, потому что иначе я не удостоился бы приглашения на придворное празднество.

— Ты, конечно, отказался от этой чести? — спросила Лина.

— Нет, потому что отказ мог повредить мне, хотя я вообще не люблю таких многочисленных сборищ! Пойми, Лина, что это своего рода выражение верноподданнических чувств, и таким приглашением нам оказывают особый почет, так что мне ничего не оставалось, как принять его... Ты должна придумать себе туалет, Лин-

хен, ведь это костюмированный бал! Не забудь также, что времени терять нельзя, так как праздник будет на днях...

Вопрос о костюме настолько занял Лину, что первое неприятное впечатление прошло бесследно; она спросила: будет ли приглашен Герман на праздник гофмаршала?

— Разумеется, нет! — ответил Герман. — Ты забываешь, что я не имею никакого официального общественного положения или определенного занятия, и пока не состою на службе!

— Как жаль, что тебя не будет там, Герман! — воскликнула она. — Не могу же я весь вечер не отходить от Людвига, в свете это считается *mauvais ton*, а между тем не найдется, пожалуй, ни одной дамы, с которой мне было бы приятно провести время.

— Об этом не может быть и речи, — заметил с досадой Гейстер. — Если ты, Лина, говоришь о светских приличиях, то должна соблюдать их. Женщина, которая не желает никого видеть, кроме друзей и близких знакомых, напоминает ребенка, когда он при ходьбе придерживается за столы и стулья. Но я могу успокоить тебя: разумеется, ты встретишь на балу многих дам, которым мы делали визиты после свадьбы, и прекрасно проведешь с ними время в продолжение двух-трех часов.

— Перестань ворчать, Людвиг, я уверен, что Лина удивит тебя своим тактом и умением держать себя! — пообещал Герман, вмешиваясь в разговор. — Вспомни, как ты был доволен ею, когда вы делали визиты, и сам рассказывал, что она вела себя, как светская дама.

— Постараюсь вести себя так и на этот раз! — добавила Лина. — Ты знаешь, Людвиг, что если ты этого желаешь, то я охотно поеду на бал. Но вот и наш дом, а после обеда мы отправимся в парк...

IX

Костюмированный бал

Приглашения на костюмированный бал были разосланы до приезда их величеств, но так как до назначенного вечера оставалось всего несколько дней, то приходилось спешить с приготовлением костюмов. В семейных домах заметно было особенное оживление; дамы осаждали лавки и модные магазины, приискивали портних и модисток.

Лина была озабочена не менее других и придумывала разные костюмы, хотя в то же время хотела одеться по возможности просто, чтобы не обратить на себя общего внимания. Гейстер сначала подсмеивался над ней, а затем объявил, что она должна выбрать себе нарядный и изящный костюм, который бы соответствовал его общественному положению.

Между тем прошло два дня, и Лина не могла ничего решить; наконец она отправилась к матери, чтобы посоветоваться с ней и пересмотреть ее вещи, в надежде найти среди них что-нибудь подходящее для костюма. Вначале все ее поиски казались напрасными, наконец в одном из сундуков ей попало подвенечное платье госпожи Виттих из дорогого серебристого штофа, затканного голубыми цветами. Она, смеясь, померила его и решила, что не может желать лучшего костюма. Покрой платья представлял полный контраст с новой французской модой и ее уродливо короткой талией. Длинный узкий лиф красиво обрисовывал стройную фигуру молодой женщины, и хотя фижмы и турнюр казались ей лишними, но она не хотела делать никаких изменений в старинном наряде и обрадовалась, когда в том же сундуке нашлись башмаки с высокими голубыми каблуками и оказались ей по ноге.

Госпожа Виттих помнила все подробности тогдашней моды и, отыскав белый кисейный платок с голубой бахромой, объяснила дочери, что она должна будет накинуть его на плечи и завязать узлом на груди. При этом на шею ей следовало надеть жемчуг и слегка напудрить волосы, которые она придумала украсить васильками с примесью золотых колосьев. Недоставало веера, но и он был найден к полному удовольствию Лины. Затем госпожа Виттих вынула из другого сундука подвенечное платье своего покойного мужа, которое, по ее мнению, могло пригодиться Людвигу.

Лина пригласила к себе портниху, которая переделала платье по ее росту, и, когда весь наряд был готов, она одела его перед приходом мужа из министерства. Заслышав его шаги в прихожей, она вышла к нему навстречу с веером в руке и с чинным реверансом подвела к стулу, на котором было разложено приготовленное для него платье. Она была так хороша в своем костюме, что Гейстер сделал невольное движение, чтобы обнять ее, но за это получил легкий удар по щеке веером.

— Ну, Людвиг, скажи мне, доволен ли ты нашими костюмами? — спросила она.

— Разумеется! Ты не могла придумать ничего лучшего, тем более что этот наряд необыкновенно идет тебе. Мы изобразим с тобой чету старинных немецких бюргеров, и я могу только поздравить тебя с такой прекрасной мыслью, Линхен!..

Наконец наступил вечер, назначенный для празднества у гофмаршала. Гейстеры, одетые в свои костюмы, ожидали наемной кареты, которая должна была довезти их до дворца Belle-Vue. Оба были в веселом настроении, Гейстер любовался своей красавицей женой, которая была очаровательна в своем костюме. По совету матери она распустила по локону за ушами, с обеих сторон шиньона, и наклеила на лицо несколько мушек из черной тафты.

Наемный экипаж заставил ожидать себя довольно долго, так что залы, приготовленные для бала, были переполнены гостями, когда приехали Гейстеры, и они могли только издали поклониться хозяйке дома.

Барон Бушпорн был сыном интенданта Корсики, изгнанного оттуда во время революции. По слухам, он торговал кружевами в Гамбурге до получения звания гофмаршала, и как человек ограниченного ума держал себя с напыщенной важностью. Он женился недавно на единственной дочери французского префекта, Флоре Делапорт, миловидной стройной женщине с бледным лицом. Это был первый парадный вечер молодых супругов, которые любезно, хотя и с некоторой торжественностью встречали гостей.

Гейстеры очутились в пестрой толпе. Сначала никто не садился, и гости расхаживали по комнатам, любясь их великолепным убранством. Две ярко освещенные залы, разделенные несколькими ступенями, были приготовлены для танцев; по обеим сторонам нижней залы шли крытые галереи с зеркальными стенами, уставленные цветами, они примыкали к лестнице, покрытой ковром из зеленого мха. Последняя вела в зимний сад. Это была длинная зала, освещенная разноцветными фонарями, с аллеями из тропических растений и искусственным звездным небом. Вдоль стен, драпированных зеленью, стояли вазы с цветами и между ними устроены были низкие скамьи из дерна. У входа стояла мраморная статуя Минервы с лавровым венком, направо и налево были статуи Аполлона и Бахуса, а в конце залы богини Цитеры в зеркальной нише, убранной венками из роз.

Вскоре все общество устремилось в верхнюю танцевальную залу, где ожидали прибытия их величеств; и едва те

появились, как заиграл оркестр и раздались громкие возгласы: «Vive le Roi! Vive la Reine!»

Король и королева заняли приготовленные для них места. Иероним был, как всегда, в белом гвардейском мундире с оранжевым воротником и обшлагами; на королеве было кружевное платье, затканное золотом, с длинным шлейфом, все украшенное гирляндами цветов.

Гофмаршал, по желанию короля, попросил своих гостей пройти из нижней залы в верхнюю мимо их величеств, попарно, группами или в одиночку, смотря по характеру их костюмов. Затем он встал за стулом короля, чтобы называть имена лиц, не знакомых его величеству, и объяснять некоторые загадочные наряды. Тут было собрание всевозможных народностей, олимпийских богов и богинь, разных знаменитостей старой и новой истории и прочее. Среди всех этих пестрых и богатых костюмов рельефно выделялся незатейливый наряд Гейстеров, тем более что редкая красота Лины сразу привлекла общее внимание. Королева предупредила желание своего супруга и попросила гофмаршала подвести к ней заинтересовавшую ее чету. В то время как Гейстер отвечал на вопросы ее величества, Иероним встал со своего места, чтобы посмотреть вблизи на красивую женщину, которую он видел мельком в комнате Сесили. При этом он не мог устоять от искушения и взял ее за руку, под предлогом показать ее костюм королеве.

Бал начался полонезом, в котором приняли участие их величества. Гофмаршал был в первой паре с королевой; Иероним составил вторую пару с баронессой Бушпорн, за ними чинно выступала длинная вереница пар. Но порядок тотчас же нарушился по окончании полонеза. Гейстеры старались по возможности держаться вдали от остального общества, тем более, что некоторые из придворных, завидуя милостивому вниманию, которого они удостоились от их величеств, выказывали им явное пренебрежение, и даже знакомые только мимоходом раскланивались с ними. Поэтому они решили не оставаться до конца праздника и уехать незаметно во время танцев.

Между тем оркестр заиграл вальс, и стали составляться пары танцующих. Гейстеры воспользовались этим моментом, чтобы выйти в зимний сад, и, выбрав уютное место, принялись за десерт, разносимый в изобилии придворными слугами. Но им недолго пришлось оставаться в одиночестве, потому что вслед за ними вошла королева со своими дамами, чтобы отдохнуть от шума и духоты танцевальной залы.

Лина с беспокойством взглянула на своего мужа; у обоих была одна мысль, как бы скорее выбраться отсюда и пройти к выходу, не обратив на себя внимания. Но в этот момент появился гофмаршал и торопливо подошел к ним.

— Очень рад, что встретил вас здесь! — сказал он, обращаясь к Лине. — Не угодно ли вам следовать за мной? Его величество желает протанцевать вальс со старогессенской невестой.

Лина хотела ответить отказом, но Гейстер остановил ее.

— Ты должна идти, это для нас большая честь, — шепнул он.

Гофмаршал подал ей руку и повел в залу. Гейстер пошел за ними.

Иероним вальсировал плохо, но Лина сумела соблюсти такт, и на этот раз ему удалось исполнить удовлетворительно немецкий танец, чем он остался, видимо, доволен. Поблагодарив Лину, он назвал ее своей учительницей.

— Я не ошибся! — сказал он. — Вы очаровательно танцуете, потому что, помимо костюма, соединяете в себе силу и грацию женщин старого времени. Как счастливы были мужчины, которые пользовались их расположением... Вы должны уделить мне немного любви, чтобы заставить меня полюбить ваших соотечественников! Повелевайте мною, я готов предупреждать малейшие желания такого прелестного существа...

Из этих слов можно было догадаться, к чему клонится разговор. Иероним, по окончании вальса, подвел свою даму к стулу и, усадив ее, сел рядом. При этом, согласно установленному этикету, все, находившиеся поблизости, удалились на известное расстояние. Этого одного было достаточно, чтобы перепугать Лину, но то, что говорил ей Иероним, внушило ей еще больший ужас.

Гейстер наблюдал издали за выражением ее лица и видел происходившую в ней душевную борьбу, он не сомневался, что только боязнь нарушить светские приличия заставляла ее сдерживать свое негодование. Но им овладело еще большее беспокойство, когда Лина отодвинула стул и, судя по движению головы, резко ответила королю. Сердце его замерло при мысли, что может произойти какой-нибудь скандал, что и случилось.

Лина поднялась со своего места и, слегка кивнув головой королю, отошла от него с таким гордым и недовольным видом, что в зале послышался шепот удивления. Испуганный Гейстер торопливо подошел к ней и, взяв за руку, шепнул ей: «Опомнись, Лина! Иди и сейчас же представь меня королю!..»

Он произнес эти слова таким повелительным, раздраженным тоном, что молодая женщина невольно повиновалась и, подойдя вместе с ним к королю, произнесла глухим голосом:

— Ваше величество, мой муж!

Иероним сделал несколько шагов им навстречу и, обращаясь к Лине, сказал с любезной улыбкой:

— *Eh bien madame!* Теперь все ясно для меня, а в первую минуту я не мог сообразить, что явилось причиной вашего бегства... вы пошли за вашим мужем! Это очень мило и вполне соответствует принятой вами роли. Вы представили нам добродетельную даму старых времен, которая довольствуется домашним очагом и не допускает мысли, что умная, красивая женщина может принимать поклонение света. Тем не менее прошу принять меня в число поклонников вашей красоты!.. Мне остается только просить вас, господин Гейстер, чтобы вы привозили почаще вашу жену в наше общество, а мы, со своей стороны, постараемся доставить вам такое положение в свете, что это не будет особенно тяготить вас. *Bon soir!* Желаю вам приятно провести вечер! Бушпорн превзошел самого себя в устройстве празднества, нужно отдать должное его изящному вкусу...

Лина часто слышала, что Иерониму ставили в упрек недостаток воспитания, но в эту минуту она не могла не признать его умения держать себя в обществе и редкой находчивости. Это сознание заставляло ее тем сильнее чувствовать нанесенное ей оскорбление. Гейстер, заметив, что она сильно побледнела и вся дрожит, поспешил вывести ее из залы в соседнюю комнату. Едва прошли они несколько шагов, как с ней сделалось дурно, и голова ее опустилась на его плечо. Он положил ее в кресло и с отчаянием думал о том, что ему делать и к кому обратиться за помощью. Но в эту минуту в дверях показалась пара: пожилая некрасивая дама, одетая пастушкой, и кавалер в костюме фернейского философа, с которым он представлял поразительное сходство. Дама поспешно подошла к Лине, дала ей понюхать какой-то флакон и стала усиленно тереть ей виски.

Гейстер узнал в удалявшемся кавалере барона Барраля, одного из камергеров короля, который, по слухам, очень гордился своим сходством с Вольтером и даже старался подражать его привычкам. Между тем Лина очнувшись и с удивлением взглянула на незнакомую женщину, стоявшую перед ней на коленях, в костюме пастушки, с розовым бантом на груди, на котором были напечатаны слова: «*Vive la joie!*» Но она едва успела поблагодарить ее, как вошла

хозяйка дома, баронесса Бушпорн, которую Барраль уведомил о случившемся. За ней следовал слуга с десертом. Она с участием спросила о здоровье Лины и заставила ее выпить немного вина.

Лина ответила, что чувствует себя лучше и выразила желание скорее уехать домой.

— Моя карета к вашим услугам, — сказала баронесса. — Я не смею удерживать вас, хотя мне очень жаль, что вы так рано уезжаете с нашего вечера...

С этими словами она проводила Лину другим ходом до дверей передней и, пожелав ей спокойной ночи, простилась с ней.

Х

Супружеская ссора

Лина прижалась в углу кареты и сделала вид, что дремлет, из боязни, чтобы муж не заговорил с нею. Она чувствовала сильную усталость и с тоской думала о предстоящем объяснении. Между тем карета быстро катилась по ровному шоссе, мимо ворот Ауэ и старого замка, к рынку Altstädter, у которого была их квартира.

Когда они вошли в дом, Лина разделась с помощью горничной и послала ее спать, но едва закрылась за ней дверь, она с громким рыданием бросилась на диван.

Гейстер, зная, что Лина недовольна им, ожидал от нее упреков, но ее слезы окончательно смутили его, он не мог понять причины их и со страхом смотрел на нее. Когда рыдания ее немного затихли, он наклонился к ней и, взяв за руку, спросил с участием:

— Что с тобой, Лина?

— Вспомни, как ты вел себя относительно меня... Ты изменил мне... унизил...

Она не договорила и опять залилась горькими слезами.

— Я изменил тебе, Каролина? — спросил с удивлением Гейстер.

— Ты даже не сознаешь этого! — сказала она, приподнимаясь с дивана.

— Объясни по крайней мере, в чем дело. Вероятно, король сказал тебе что-нибудь неприятное или сделал какое-нибудь неприличное предложение...

— Ну разумеется! — воскликнула она с раздражением. — Ты говоришь это своим ледяным голосом, как будто,

так и следует. Я была возмущена до глубины души и отошла от короля, а ты взял меня за руку и насильно подвел к нему, как будто я совершила преступление и должна извиниться перед ним. О Боже! Могла ли я ожидать такого унижения!..

— Моя милая, дорогая Лина, все это сильно преувеличено! Твое негодование было вполне законно и, как мне показалось, ты резко отвечала ему. Но затем ты убежала от короля и оставила его одного! Этим ты нарушила все приличия, светские и придворные обычаи; и я должен был как-нибудь загладить твою оплошность.

— Придворные обычаи! — она принужденно рассмеялась. — Скажи лучше придворную безнравственность!

— Пойми, Лина, что мы должны признавать существующие обычаи и приличия! Во всяком случае король и по своему сану...

— Да король! — прервала она его с нетерпением. — Когда король оскорбляет честь порядочной женщины, то ее единственное убежище — муж, если не в качестве судьи, то защитника! Неужели безнравственность короля считается более священной, нежели супружество и добродетель женщины! Людвиг, я перестаю понимать тебя!..

— Ты называешь меня своим защитником, Лина! Но сделай одолжение, сообрази, что я мог сделать в качестве твоего рыцаря и защитника. Поспешить к тебе на помощь, дать пощечину Иерониму и вызвать его на дуэль! Не так ли? Рассуждай как добрая и благоразумная женщина. Разве я не поспешил выручить тебя?.. О безнравственности этого человека и говорить нечего, я вполне понимаю твоё негодование и сочувствую ему! Но мне пришлось бы защищать тебя, против тебя самой, Лина... Порядочная женщина в этих случаях не должна отступать от приличий — иначе она складывает оружие или сама себя побивает им...

— Ты умен, как всегда, Людвиг, и тебя не переспоришь! Изволь! Я сознаю, что погрешила против приличий и придворного этикета, хотя, с другой стороны, не считаю особенной бедой, если бы сказали, что я не умею вести себя в обществе! Но что могли они подумать, когда я подвела тебя к королю, благодаря твоей рассудительности, которую он даже не в состоянии оценить? Этот отвратительный Иероним позволил себе сказать, что я прекрасно исполняю роль добродетельной женщины старых времен! Я играю комедию!.. Да простит тебя Бог, Людвиг! Ты нанес неизлечимую рану моему сердцу...

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Гейстер стоял перед ней в грустном раздумье. Он хотел только загладить оплошность Лины в глазах целого общества; и поэтому находил, что его поведение не заслуживает такого строгого порицания. С другой стороны, если негодование Лины и казалось ему преувеличенным, то он невольно сочувствовал ему и понимал, насколько ее благородное сердце было возмущено и унижено предложением короля. Но разве он мог быть ответственным за это и предвидеть, что его доброе намерение будет истолковано таким несправедливым образом!

Люди с такой болезненной впечатлительностью, как Гейстер, легко теряют терпение и приходят в раздражение. Мысли путались в его голове. «Существуют же такие выродки человеческого рода, — думал он, — которые не понимают нравственного чувства честной женщины! Быть может, Лина права, и свет объяснит по-своему, что я заставил ее вернуться к королю. Скажут, что красавица жена в связи с королем, а будущее повышение мужа — цена ее падения»...

Когда она перестала плакать, он сел рядом с ней на диван и сказал ласковым голосом:

— Выслушай меня терпеливо, моя добрая Лина. Если я провинился перед тобой, то единственно из-за любви к тебе. Естественно, что человек, который любит свою жену, гордится ею, а в этот злополучный вечер твоя красота возбудила мое тщеславие. Мне было обидно думать, что все эти высокомерные женщины, которые завидовали твоей красоте, будут радоваться, что ты нарушила придворный этикет, который они считают выше всего на свете. Вот это чувство и заставило меня опять подвести тебя к королю, чтобы они объяснили твое внезапное удаление желанием его величества видеть меня. Мне не могло прийти в голову, что Иероним придаст моему поступку такой оскорбительный смысл для тебя! Поверь мне, Лина, что в этом только выразилась его досада; он увидел из твоих ответов, с кем имеет дело...

— Разумеется, Людвиг, ты всегда останешься правым! — сказала она равнодушным тоном.

— Я вовсе не желаю этого, а хочу только, чтобы ты извинила меня: мне очень жаль, что я невольно причинил тебе такое горе! Ты должна успокоиться, Лина... Если хочешь, уезжай завтра же в Гомберг, на нашу дачу. Деревенская тишина благотворно подействует на тебя, а когда ты изъясвишь желание, я приеду к тебе. Эта временная разлука излечит твою сердечную рану... надеюсь, что ты простишь меня.

— Почему ты думаешь, что разлука с тобой будет приятна мне? Но ты прав, я уеду завтра.

— А теперь ложись в постель, Лина, уже поздно.

— Нет, Людвиг, я останусь здесь, на этом диване! Принеси мне сюда подушку и одеяло. Печальное недоразумение возникло между нами: дай мне успокоиться, я не хочу быть около тебя эту ночь. Неси же скорее одеяло и подушку.

Гейстер молча исполнил ее желание и пожал ей руку на прощание. Утреннее солнце освещало каменный парапет моста, когда он опустил шторы в спальне.

Лина от усталости скоро задремала, но он не мог уснуть ни на минуту и, припоминая подробности разговора с женой, напрасно старался согласить примирить сердца с рассудком.

Когда пробило восемь часов, он приказал служанке нанять почтовый экипаж в Гомберг и, дождавшись ее возвращения, пошел будить Лину. Но она уже встала и ласково протянула ему руку. Хотя оба дружески разговаривали между собой о предстоящей поездке, но в их отношениях заметна была некоторая натянутость. Экипаж должен был приехать к двенадцати часам. Гейстер по дороге в министерство хотел зайти к госпоже Виттих и попросить ее проводить дочь до Гомберга, а на эти дни приглашал к себе Германа.

Лина одобрила этот план и занялась укладкой вещей в дорогу. Ее беспокоил вопрос, как отнесется Герман к ее горю и поведению Людвига, когда узнает об их ссоре. Она боялась нового разочарования и не хотела быть обвинительницей мужа; поэтому была отчасти довольна, что скорый отъезд избавляет ее от необходимости объясниться с Германом.

Она уехала в назначенное время. Гейстер, возвращаясь со службы, зашел за Германом и дорогой рассказал ему о приключении на балу и размолвке с женой. Когда они вошли в дом, горничная сообщила им, что вскоре после отъезда госпожи Гейстер явился какой-то незнакомый господин, чтобы осведомиться о ее здоровье, и узнав, что она уехала из Касселя, очень подробно расспрашивал, где она поселится, на какой даче и далеко ли от Гомберга. «Он не назвал своей фамилии, — добавила горничная, — но мне показалось странным, что на его голубом фраке, сбоку, пришиты три пуговицы — одна большая и две поменьше...»

Гейстер был так занят своими мыслями, что не обратил особенного внимания на рассказ горничной, и решил, что приезжал гофмаршал, с ответным визитом оказать любез-

ность Лине, хотя ему было известно, что барон Бушпорн не говорил по-немецки и не носил камергерского мундира.

За обедом между обоими приятелями завязался горячий спор. Герман безусловно оправдывал Лину и говорил, что вполне понимает ее благородное негодование.

— Разумеется, каждый поступает сообразно своему личному характеру, — продолжал он, — но ты не можешь требовать, чтобы Лина была также осторожна и осмотрительна, как ты, хотя она отдает должное твоему благоразумию и рассудительности. Я мог убедиться в этом в Гомберге, когда приехал к вам после вашей свадьбы в надежде, что вы научите меня, как вывернуться из сетей Берканьи. Ты хладнокровно выслушал меня и с обычной ясностью начертил мне план действий, который сделал бы честь мудрейшему из дипломатов. Затем мне захотелось узнать мнение твоей жены. Сначала она убеждала меня слепо исполнить твои советы, ввиду твоего замечательного ума и осмотрительности, но когда я возразил ей, что предложенный тобой план действий противен моей натуре, то знаешь ли, что она ответила мне? «Нелегко следовать голосу рассудка, когда это противоречит нашим чувствам; в эти минуты человек признает свое ничтожество и как бы утрачивает сознание собственного я». Из этой фразы, сказанной как бы мимоходом, я увидел, что Лина может быть счастлива только в том случае, если ей позволят остаться собой и, мне кажется, что всякое насилие в этом направлении причинит ей напрасные страдания. Так, например, Лина, отойдя от короля, действовала по собственному побуждению, а ты, из желания соблюсти светские приличия и придворный этикет, потребовал от нее, чтобы она отрешилась от своей индивидуальности или, другими словами, поступила бы против своих убеждений и совести...

— Все это прекрасно! — возразил с раздражением Гейстер. — Но самые благородные и возвышенные чувства все-таки должны подчиняться рассудку. Чувство собственного достоинства не должно выражаться таким способом! Весь вопрос в форме; я вполне понимаю Лину, но она не хочет понять меня. Необходимо приспособливаться к людям, среди которых нам приходится жить. Нельзя требовать, чтобы все думали и поступали так, как нам хочется.

— Но всякие уступки имеют свои границы, — сказал Герман. — Лина так же смотрит на нравственность, как и мы с тобой; вся разница в том, что мы в значительной степени испорчены влиянием этих чужеземцев и на многое стали смотреть иначе, чем прежде, а она осталась вне этого влияния.

Гейстер сознавал, что Герман прав, и поэтому ничего не возражал ему, а затем спросил его с улыбкой:

— Что же следует из этого?

— То, что мы должны прогнать этих чужеземцев.

— А, наконец, и ты пришел к этому убеждению! — воскликнул Гейстер. — Но, разумеется, нужно прежде всего прогнать короля, который первый подает пример безнравственности.

— Прекрасно! Но я мог бы сделать на это одно возражение...

— Говори.

— Вы все, — сказал Герман, — возмущаетесь безнравственностью двора, мечтаете о народном восстании и в то же время ставите в упрек честной женщине, что она не захотела выслушивать оскорбительные предложения короля, которого даже Наполеон называет «un petit polisson», и находите, что она нарушила придворный этикет! Прости за откровенность, Людвиг, но, по моему мнению, тебе не следовало унижать свою жену и подводить ее к королю, а надо было подать ей руку и увести из зала, несмотря на злобные улыбки придворных дам и кавалеров.

Гейстер молчал, и Герману ничего не оставалось, как переменить тему разговора.

XI

Неожиданное посещение

Путешествие успокаивающе подействовало на Лину, через несколько часов она уже не чувствовала прежнего раздражения против Людвига, у нее появилось желание помириться с ним.

Мать провела у нее ночь, чтобы отдохнуть с дороги, и вернулась тем же экипажем в Кассель. Лина осталась одна и среди окружавшей ее тишины могла на свободе предаться своим размышлениям. На нее нашло сомнение, что, быть может, она напрасно обвинила Людвига, и, со своей стороны, если даже имела законное право оскорбиться поведением короля, то слишком поддалась чувству негодования. Поэтому вопрос: должна ли она сделать первый шаг к примирению или ожидать объяснения от Людвига, остался для нее нерешенным. Наступал вечер, и ею мало-помалу овладела глубокая грусть, отчасти вызванная полным одиночеством. Чтобы несколько рассеяться, она пошла в Гомберг

сделать визит настоятельнице Валленштейнского монастыря.

Она застала Марианну фон Штейн в саду за чтением истории Швейцарии Иоганна Миллера. Увидя издали неожиданную гостью, она вышла к ней на встречу и так сердечно приветствовала ее, что Лине пришла в голову мысль: не рассказать ли о своем горе почтенной наставнице, которая при своем знании людей и придворной жизни, скорее, чем кто-либо, могла дать ей добрый совет.

Марианна фон Штейн провела свою гостью по саду, мимо клумб с роскошными осенними цветами, и, усадив ее рядом с собой в беседке, придвинула к ней корзину с фруктами.

— Попробуйте эти груши, — сказала она. — Весной, когда вы были здесь с мужем, он говорил мне, что хочет развести у себя плодовые деревья... Кстати, скажите, скоро ли вы ожидаете его сюда? Мировой судья Мартин недавно спрашивал меня: не имею ли я о нем каких-либо известий?

Лина невольно вспомнила при этих словах о прелестных весенних днях, проведенных ею в Гомберге с Людвигом, и лицо ее приняло печальное выражение.

Настоятельница посмотрела на нее своими ясными голубыми глазами и спросила с участием:

— Что с вами, дитя мое? Не случилось ли чего с вашим мужем?

Лина хотела ответить, но слезы не давали ей говорить.

— Вы хотите сообщить мне о своем горе, — сказала фрейлейн Штейн. — К счастью, вы пришли вовремя; никто не помешает нам; дамы наши уехали в Баумбахсгоф и вернутся не ранее ночи.

В тоне, с каким были сказаны эти слова, было столько сердечной доброты и искренности, что Лина откровенно рассказала о приключении на балу, о своей ссоре с мужем и мучивших ее сомнениях.

Фрейлейн Штейн слушала ее с возрастающим волнением; в сердце ее накопилось столько злобы против чужеземного ига, что все напоминавшее о нем, глубоко огорчало ее.

— Мне кажется, дорогая моя, что ваше негодование было вполне законно, — сказала она. — Поступать соответственно придворному этикету, не значит поступать правильно. Если королевская власть попала в недостойные руки, то из этого не следует, что мы должны уважать ее! Вы можете благословлять судьбу, что ваше общественное положение дает вам право действовать смелее, нежели тем, которые по своему рождению или высокому сану обязаны подчиняться всем требованиям придворного этикета... Но мы поговорим

об этом в другой раз. Сюда идет ротмистр Погвиц, который часто бывает у нас, потому что кирасирский полк стоит недалеко отсюда, в Мельзунгене. Он также мог бы рассказать вам нечто об Иерониме...

К ним подошел красивый, стройный офицер и поцеловал руку настоятельницы, которая представила его своей молодой гостье и пригласила сесть.

— Нет, благодарю вас, — ответил Погвиц, — привратник сказал мне, что дамы уехали; я отправлюсь к ним навстречу, потому что должен передать одно поручение фрейлейн Услар. Если позволите, то я буду у вас завтра вечером... Извините, что помешал вашему разговору!

— В таком случае, завтра я прочту вам письмо моего брата...

— Из Берлина? Надеюсь, все идет хорошо?

— Прекрасно! Майор Шиль также написал мне!..

Ротмистр удалился с почтительным поклоном.

Фрейлейн Штейн задумчиво смотрела ему вслед. Лина возобновила прерванный разговор вопросом:

— Вы сказали мне, что этот красивый офицер мог бы сообщить мне нечто об Иерониме?

— Извольте, я расскажу вам эту историю, которая известна весьма немногим. Нужно вам сказать, что Погвиц недавно служил в гвардии, а именно в гренадерском полку. Он влюбился в девушку знатной фамилии и сделал ей предложение, но ее родители обещали дать свое согласие при условии, если он получит повышение или придворную должность. Все хлопоты влюбленного юноши оказались напрасными, потому что у него не было достаточно сильной протекции. В это время разнесся слух, что Иероним намерен обновить старый замок Ваберн, чтобы иметь pied à terre во время охоты, и что туда будет назначен особый дворцовый префект, или так называемый *Maéchal du logis*. До этого никто не слыхивал в Германии о такой должности. Тем не менее она казалась многим соблазнительной. Матери знатного происхождения старались представить ко двору своих дочерей, потому что всем было известно, что дело заключается не в дворцовом префекте, а в его жене, которой предстояло развлекать короля во время его пребывания в Ваберне. Между тем Иероним, не дожидаясь окончательной отделки замка, неожиданно приехал туда вечером и остался на ночь. Дежурный офицер оказался больным, вместо него назначили Погвица и ему пришлось быть на карауле перед кабинетом его величества. В первом часу ночи явился камергер с дамой под густой вуалью и хотел провести ее к

королю. Погвиц, не получивший относительно этого никакого приказания, загородил ему дорогу и торжественно объявил, что это *le cabinet du roi*! Камергер возразил, что исполняет только приказ короля, и просил пропустить его, но все его убеждения оказались напрасными. В это время бывшая с ним дама старательно прятала вуаль на лицо и беспрестанно поглядывала на входную дверь, очевидно, выжидая момента, чтобы ускользнуть из комнаты. Фигура и манеры таинственной дамы показались Погвицу настолько знакомыми, что он не в состоянии был долее выносить мучительной неизвестности и откинул вуаль с ее лица, говоря, что «должен знать, кто идет к королю»... Перед ним оказалась любимая им девушка, бледная, как смерть, которой не оставалось иного выхода, как обратиться в бегство. Камергер поспешил в кабинет, чтобы доложить о случившемся и, выйдя оттуда, объявил караульному офицеру, что король рассчитывает на его скромность. На следующий день Погвиц получил приказ о своем переводе в кирасирский полк, стоявший в Брауншвейге...

Рассказ фрейлейн Штейн был прерван появлением слуги, который доложил о прибытии гостей из города. Лина простилась с хозяйкой и обещала опять навестить ее в самое ближайшее время.

По возвращении домой она нашла на своем столе письмо от Людвига. Никогда еще, даже в то время, когда она была невестой, сердце ее не билось так при распечатывании его письма. Он подробно сообщал ей о своем разговоре с Германом и кончил письмо словами: «Не будем больше говорить об этом, я приеду, когда получу отпуск»...

Лина видела по тону письма, что Людвиг сознает, что она права, но все-таки недоволен ею. Она еще раз перечитала его письмо и улыбнулась при мысли, что Герман не забыл ее слов, сказанных давно и по другому поводу, и воспользовался ими, чтобы оправдать ее в глазах мужа. «Все опять пойдет по-старому, — думала она, — и мы с Людвигом обязаны будем нашим примирением общему другу».

С этого дня Лина стала ежедневно ожидать приезда своего мужа и поэтому почти не выходила из дома и только изредка бывала в городе и делала визиты знакомым.

Одиночество начинало томить ее, ей казалось, что Людвиг должен также скучать и явится тотчас по получении ее письма. Раз вечером, когда по ее расчету, он должен был непременно приехать, она вышла встретить его. Едва дошла она до соседнего холма, как увидела двух всадников, ехавших по дороге, и остановилась в уверенности, что это

Людвиг с Германом, но вскоре заметила, что один из всадников едет на почтительном отдалении от другого. Из этого она вывела заключение, что это, вероятно, один из кирасирских офицеров со своим денщиком, и свернула с дороги, чтобы избежать встречи, так как была одна. Но прежде чем ей удалось дойти до дома, она услышала за собой конский топот и оглянулась из любопытства. Оба всадника были в штатском платье, в одном из них она узнала короля и бегом бросилась к калитке своего сада, которая оказалась открытой.

Иероним своим зорким взглядом бывшего моряка издали разглядел ее и благодаря ей самой нашел дом, где она жила. Он соскочил с лошади и, передав ее шталмейстеру, вошел вслед за Линой на балкон.

В первую минуту молодая женщина онемела от смущения, но, овладев собой, вежливо пригласила короля в гостиную.

Он поблагодарил ее почтительным поклоном и сказал с улыбкой:

— Я приехал на время в мой замок Ваберн и в качестве соседа не мог отказать себе в удовольствии нанести вам визит, мадам Гейстер.

— Это незаслуженная честь, ваше величество! — возразила она, приглашая его сесть грациозным жестом руки. — Я ожидаю сюда моего мужа, он будет очень жалеть, если...

— Он не может сегодня приехать к вам, потому что Симсон задержал его по очень важному делу. Душевно рад, что мне представился случай переговорить с вами относительно его будущности. Гейстер безусловно заслуживает повышения, и теперь есть несколько вакантных должностей, но мне хотелось бы дать вашему мужу такое место, которое бы и вам нравилось.

Лина слушала рассеянно, она видела из слов короля, что визит его будет довольно продолжительный, и не знала, как сократить неприятный *tête-a-tête*. Наконец ей пришла в голову счастливая мысль, которую она решила тотчас же осуществить.

Она попросила позволения у Иеронима угостить его деревенским десертом и несмотря на его отказ настояла на своем, говоря, что это местный обычай и не следует отступать от него. Затем, выйдя из комнаты, она приказала горничной подать вина, фруктов и свежих орехов, а сама поспешила в кабинет мужа и написала записку фрейлейн Штейн: «Король приехал неожиданно и, по-видимому, на-

мерен долго просидеть у меня. Я в большом затруднении и решила прибегнуть к вашей помощи. Не согласитесь ли прийти ко мне?..

Лиана Гейстер».

Эту записку она передала садовнику и велела немедленно отнести ее в Валленштейнский монастырь, после чего вместе с горничной принесла десерт королю.

Иероним, оставшись наедине с Линой, заставил ее сесть возле себя. Она беспрекословно повиновалась, сознавая, что должна держать себя с достоинством и не выказывать робости.

— Я слышал, — сказал он, — что ваши родители жили в замке Ваберн, и вы провели там свое детство. Помните ли вы это место?

— У меня больше всего остался в памяти прекрасный вабернский сад, где я проводила целые дни, — ответила она. — Но отец часто рассказывал мне о том времени, когда ландграф Фридрих проводил там летние месяцы. Его сопровождала всякий раз блестящая свита, несколько полков, происходили парады, устроен был французский театр, балет, опера, соколиная охота и прочее. Затем замок был заброшен, но следы прежней роскоши все еще были заметны в нем...

— Это прелестное место, — сказал король, — несмотря на теперешнее запустение; но я намерен, по возможности, восстановить замок в прежнем виде и опять пробудить в нем некоторую жизнь. Вот по поводу этого я и хотел посоветоваться с вами, мадам Гейстер... Симсон предлагал мне дать вашему мужу место главного секретаря префектуры. Но я желал бы иметь его при моей особе, потому что, слушая его доклады в Ненндорфе, убедился, что он умный и способный человек, прекрасно знает страну и отличается ясностью изложения в делах. Мне нужны такие люди, тем более что я еще недостаточно освоился с местными условиями. Но вы понимаете, что неудобно сразу выдвинуть такого молодого человека, как ваш муж, и вдобавок бюргера и кассельского уроженца! Это возбудило бы зависть партий и происки, от которых ему пришлось бы пострадать так же, как и вам, а я никогда не допущу этого!.. Но, если я назначу вашего мужа префектом Вабернского замка или на какую-нибудь другую придворную должность, то я могу в случае надобности всегда обратиться к нему за советом или дать работу, и никто, кроме нас, не будет знать об этом. Надеюсь, что вы одоб-

ряете мой план? А я считал бы для себя величайшим счастьем, если бы вы поселились в прекрасном замке, где протекло ваше детство, и жили в нем королевой...

Он взял ее руку и с нежностью смотрел на нее.

Лина внутренне содрогнулась от этого взгляда и прикосновения дерзкого человека, который таким недостойным образом пользовался своим высоким положением и ее одиночеством. Она чувствовала, что Иероним все крепче сжимает ее руку и не решалась освободить ее из боязни, чтобы он не прибегнул к насилию и не заставил бы ее защищаться или звать на помощь.

— Ваше величество, вы очень милостивы к нам, — проговорила она, с трудом переводя дыхание. — Я откровенно выскажу вам мое мнение.

— Милая Каролина, мы пойдем друг друга! — прошептал он, объясняя ее волнение в благоприятном для себя смысле и целуя ее руку. — Не отвергайте мою любовь, будьте властительницей вашего короля!..

Лина сделала вид, что не расслышала его последних слов и ответила серьезным тоном:

— Я также думаю, ваше величество, что слишком быстрое повышение моего мужа неудобно во многих отношениях, но мне кажется, что если бы он получил место в замке Ваберн, то этим возбудил бы еще большую зависть не только со стороны лиц, рассчитывавших на это место, но и со стороны дам. Вашему величеству, вероятно, известно сколько знатных семейств в Касселе добиваются, чтобы какая-нибудь из их дочерей удостоилась чести обратить на себя ваше высокое внимание и сделалась женой вабернского префекта!.. Что касается меня лично, то я не могу конкурировать с дамами знатного происхождения и выполнить надлежащим образом те обязанности, какие были бы возложены на меня в Ваберне...

Иероним видел по решительному тону молодой женщины, что не может быть и речи о подкупе, и молча обдумывал, что сказать ей.

— Простите, ваше величество, — продолжала она, — что я так откровенно высказываю то, что думаю. Вы видите, я не гожусь в жены дворцового префекта даже потому, что недостаточно владею французским языком. Нет, ваше величество, мы должны остаться вдали от двора и только скромное общественное положение и деятельность на пользу страны могут осчастливить нас!

— Вы будете удовлетворены с этой стороны, мадам Гейстер, — возразил Иероним, впадая в дурное расположе-

ние духа. — Теперь, когда я познакомился с вашими скромными вкусами и желаниями...

Он не кончил начатой фразы, потому что послышался легкий стук в дверь и в комнату вошла Марианна фон Штейн. Она сделала вид, что удивлена присутствием короля и чинно раскланялась с ним, согласно придворному этикету. Лина видела по рассеянному виду короля, что он не может припомнить, кто перед ним, и поэтому поспешила представить свою гостью:

— Вашему величеству, вероятно, известна настоятельница Валленштейнского монастыря госпожа фон Штейн из Гомберга!

— А, фрейлейн фон Штейн! — произнес Иероним со злобной улыбкой, ощупывая боковой карман своего платья. — Вы пришли сюда в удачный момент, я могу сообщить вам интересную новость.

Марианна Штейн видела по выражению его лица, что новость будет неприятная, и она со страхом взглянула на короля. Он вынул из кармана газету и развернул ее.

— Это «Moniteur», только что присланный мне из Парижа, — сказал он. — А proros! Вы, вероятно, знакомы с князем Виттгенштейном?

Настоятельница, еще более встревоженная, утвердительно кивнула головой в знак согласия.

— Этот князь, — продолжал Иероним, — недавно писал в а ш е м у б р а т у, министру фон Штейну из Добберана, но ответ в а ш е г о б р а т а случайно попал в руки маршала Сульма, который тотчас же отправил его в Париж для напечатания в «Moniteur». Может быть, вам угодно будет прослушать выдержку из письма прусского министра, которое, вероятно, будет интересно и для Наполеона! Если позволите...

Он пробежал глазами газету и, отыскав те строки, которые казались ему наиболее рельефными, прочел их с особенной интонацией:

«Озлобление все более и более увеличивается в Германии; необходимо поддерживать его и в этом смысле действовать на наших соотечественников. Искренно желаю, чтобы связь Гессена с Вестфалией не прерывалась; и ввиду известных случаев продолжались сношения с энергичными благомыслящими людьми, которые бы в свою очередь входили в соприкосновение с другими»...

Иероним сложил газету и, бросив многозначительный взгляд на Марианну фон Штейн, обратился к ней с вопросом:

— Быть может, вы также получили письма и сообщите нам о каких случаях здесь идет речь?

Фрейлейн фон Штейн сделала вид, что не расслышала этого вопроса. Ей стоило немалого труда сохранить видимое спокойствие и не выказать того мучительного страха, который овладел ей.

— Действительно, ваше величество, это для меня печальная новость! — ответила она. — Но письмо прусского министра было, конечно, написано по-немецки, и переводчик мог совершенно исказить смысл, даже без злого умысла, а по незнанию немецкого языка. Таким образом мой бедный брат будет нести ответственности не за свое письмо, а за этот перевод.

— Ваш бедный брат из числа тех министров, которые доведут до беды доброго прусского короля! — возразил запальчиво Иероним. — Я уверен, что из-за них он лишится престола в самом непродолжительном времени...

Фрейлейн Штейн побледнела при этих словах, но ответила спокойным голосом:

— Душевно сожалею, что мое присутствие, по-видимому, возбуждает неудовольствие вашего величества, и я сочла бы своим долгом немедленно удалиться отсюда, но, к сожалению, я чувствую себя настолько нездоровой, что буду просить мою милую мадам Гейстер проводить меня до монастыря.

Иероним встал при этих словах и, обращаясь к Лине, сказал повелительным тоном:

— Прикажите шталмейстеру подать мою лошадь!

Лина вышла. Иероним остался наедине с Марианной Штейн.

— Я вижу, *Madame la Doyenne*, вы разделяете образ мыслей вашего брата, министра, и не уступаете ему в *loyauté* относительно прусского короля.

Настоятельница ответила с почтительным поклоном:

— Такой отзыв в устах вашего величества особенно лестен для меня. Что же касается письма моего брата, то оно служит только новым доказательством его неизменной преданности своему королю, какие бы ни были последствия этого...

Смелый ответ фрейлейн Штейн смутил короля, он молча кивнул ей головой и, взяв шляпу и хлыст, поспешно вышел из комнаты.

Лина проводила его до крыльца и, вернувшись назад, застала настоятельницу в полном отчаянии.

— Я не узнаю моего осторожного брата! — воскликнула она. — Можно ли было ожидать, что подобное письмо

попадет в руки французов! Одному Богу известно, нет ли тут подлога или измены со стороны посланного...

Лина выразила сожаление, что своим приглашением навлекла такую неприятность на фрейлейн Штейн.

— Не обвиняйте себя в этом, дитя мое, — ответила настоятельница. — Я собиралась идти к вам, когда явился ваш посыльный с запиской. Поверьте, что французы употребят все усилия, чтобы раздуть эту историю, так что я отчасти рада, узнав заблаговременно, что письмо брата напечатано в «Moniteur». Сейчас отправлюсь в город, чтобы посоветоваться с друзьями. Пойдемте, вы проводите меня немного...

Лина довела настоятельницу до городских ворот. Наступали сумерки.

XII

Разлука

В это время Луиза Рейхардт вернулась в Кассель, чтобы все устроить для своего окончательного переезда в Галле. Герман часто бывал у нее и помогал ей в хлопотах насколько позволяли его занятия в министерстве. При этих почти ежедневных свиданиях им приходилось часто беседовать между собой, и разговор их неизменно переходил на политику. Луиза была посвящена своим зятем Стефенсом и его единомышленниками в план общего восстания в Северной Германии. Теперь она находила полное сочувствие со стороны Германа. Речи Фихте, которыми он всегда восхищался, собственный опыт и приключение с Линой заставили его окончательно примкнуть к Гессенскому союзу, который все более и более принимал характер заговора.

— Я и прежде отговаривала вас вступать в этот союз, — сказала она, — и опять повторяю, что вы напрасно хлопочете о восстановлении власти курфюрста! Неужели все это предприятие не приведет нас к чему-нибудь лучшему, чем бывшее положение Германии, и мы не создадим себе более блестящую будущность?.. Я слышала, что вы связаны с прусским Тугендбундом, но, разумеется, если нельзя иначе поднять гессенцев, а только именем их курфюрста, то и придерживайтесь этого знамени, чтобы увеличить силу восстания, которое неизбежно поглотит отдельные интересы. Во всяком случае вы должны идти рука об руку с Пруссией, если хотите достигнуть каких-либо результатов, а также следите за тем, чтобы не испортить

дела излишней поспешностью. Легкомыслие двора Иеронима, по-видимому, заражает даже предприятия направленные против него, и поэтому победа может остаться на стороне короля. Жаль, что служба настолько поглощает вас, Герман, что вы не можете иметь личных отношений с прусскими единомышленниками. В настоящее время Галле и Магдебург представляют собой центры прусско-гессенского движения. Пруссакки особенно рассчитывают на Магдебург...

Луиза еще долго говорила на эту тему; и они решили вести постоянную переписку через тайных агентов Тугендбунда.

Наконец все вещи были уложены и отправлены, и Луиза, уступая настойчивому приглашению барона Рейнгарда и его жены, переехала к ним вместе с мачехой, чтобы провести у них последние дни. Здесь принимали они своих близких знакомых.

Вечером, накануне отъезда, госпожа Рейнхардт ушла спать ранее обычного, так что, когда приехали Бюловы, Луизе пришлось извиниться перед ними.

— Мать изнемогла не так от усталости, как от огорчения, — сказала она. — Всю жизнь ее оберегали от всего неприятного, а в последнее время она испытала много горя, и даже теперь мне не удалось исполнить ее желания! Она хотела поселиться на нашей даче в Гибихштейне, и я надеялась, что мне удастся поправить дом и сделать его обитаемым, но он доведен до такого разорения, что пришлось отказаться от этой мысли, тем более что опустошенный сад и вся местность производят слишком грустное впечатление. Мы устроимся на время у моего зятя Стефенса в Галле, хотя этот город также в самом плачевном состоянии. Соппротивление жителей французам не прошло бесследно; бедность все увеличивается из-за непосильных налогов и постоянного передвижения войск. Силы населения истощены; одни с тупым равнодушием относятся к будущему, другие втайне ненавидят Наполеона и проклинают иноземное иго.

— Это общее явление! — заметил барон Рейнгард. — Несчастный народ потерял веру в своих прежних властителей и видит, что они бессильны, унижены и проникнуты эгоистическими стремлениями. Появилась потребность действовать общими силами, проснулось патриотическое чувство. По крайней мере оно заметно усиливается среди интеллигенции и мало-помалу проникнет в народ...

Вошел Миллер. Французский посланник поспешно встал, чтобы встретить его.

— Здесь Луиза Рейхардт! — произнес он вполголоса, пожимая руку своему гостю. — Не упоминайте при ней о злополучном письме Штейна, чтобы не расстроить ее, тем более что она проводит последний вечер в Касселе!.. Не знаете ли вы чего-либо нового о предстоящей конвенции в Эрфурте? — добавил он вслух, когда Миллер, поздоровавшись со всеми, занял место около хозяйки дома.

— К сожалению, я ничего не могу сообщить вам, — ответил Миллер, — потому что в последние дни безвыходно сидел дома.

— Наш король также готовится к поездке в Эрфурт, — сказал Бюлов, — ожидают блистательного собрания. Но, если окажется слишком много владетельных особ, то, пожалуй, цена им понизится вследствие конкуренции.

— Вот выражение, достойное министра финансов! — воскликнул со смехом барон Рейнгард. — Вы смотрите даже на коронованных особ со своей точки зрения и оцениваете их, как товар на рынке.

— Вероятно, Наполеоном в настоящем случае руководят высшие соображения, — заметил Миллер. — Чем больше соберется на этот съезд королей, герцогов, графов, баронов и знатных сановников, тем рельефнее выступят в глазах народов величественные фигуры двух императоров: Наполеона и Александра.

— Прекрасно, — отозвался Бюлов, — но я желал бы знать в чем будет заключаться эта конвенция? Коснется ли она одной Пруссии или всей Германии?

— Мне кажется, что дело ясно, — возразил с усмешкой французский посланник. — Наполеон решил подавить народное восстание в Испании и утвердить там на престоле своего брата. Естественно, что он желает обеспечить себя мирными сношениями на северо-востоке и заручиться дружбой русского императора.

— Разумеется, но весь вопрос в том, какими залогами дружбы они пожелают обменяться между собой? — спросил Бюлов. — Германия служит местом их rendez-vous, не пришлось бы ей поплатиться за такую честь!

Французский посланник молча пожал плечами.

— На это я могу ответить словами моего друга Генца, — сказал Миллер, — вот что он пишет мне: «После холода, смерти и французов, я всего больше ненавижу русских. Австрийцы возбуждают мое негодование, но когда я вижу, что северные варвары попирают их ногами, то моя немецкая душа глубоко возмущается этим, и я чувствую, что австрийцы мои братья...»

— Если вы хотите сказать, что положение Германии не завидное между этими двумя государствами, — возразил Бюлов, — то, разумеется, вы правы. Ей грозит не меньшая опасность со стороны русских...

Бюлов не успел досказать своей мысли, потому что в эту минуту вошел Герман с таким бледным и взволнованным лицом, что Луиза с испугом спросила: что с ним?

Он не ответил на ее вопрос и, торопливо поздоровавшись с дамами, обратился к Бюлову:

— Не известно ли вашему превосходительству, чье это распоряжение? Начальник отделения Гейстер уволен из министерства и назначен мировым судьей в Гомберг!..

Бюлов был настолько поражен этой неожиданной новостью, что ничего не ответил, и Герман продолжал более спокойным голосом:

— Я слышал это от самого Гейстера. Сегодня утром он пошел к Симсону просить об отпуске, который был давно обещан ему, и взамен этого получил приказ о назначении его в Гомберг. Куда переведут прежнего мирового судью Мартина, неизвестно. По-видимому, Симсон старался смягчить немилость короля и обнадежить Гейстера, но, что король разгневался на него, в этом не может быть никакого сомнения. Гейстер отправился домой, чтобы обдумать, под каким предлогом отказаться от своего назначения, но, прежде нежели он решился на что-либо, из Гомберга приехала неожиданно его жена, и ему пришлось изменить свое намерение. Она рассказала ему, что король удостоил ее визитом и объявил ей, что хочет сделать Гейстера дворцовым префектом в Ваберне. Молодая женщина наотрез отказалась от этой чести и избавила себя от непрошенных любезностей короля, заявив, что не хочет вступать в составление со знатными дамами, которые добиваются этого места для мужей своих дочерей. Она добавила к этому, что больше всего желает для своего мужа спокойной должности вдали от двора, где бы он мог приносить пользу своему отечеству. На это король с неудовольствием ответил, что ее скромное желание будет исполнено. Разумеется, Гейстер, выслушав рассказ жены, решил принять место мирового судьи в Гомберге.

Хотя Герман не стеснялся в выражениях, но все чувствовали, что он многого не договаривает. Тем не менее никто не решался высказать свои мысли, так что хозяйка дома, чтобы прекратить наступившее молчание, подняла вопрос об обязанностях, налагаемых должностью мирового судьи, говоря, что Гейстер, вероятно, будет тяготиться ими.

— Едва ли, — возразил Герман, — если должность мирового судьи далеко не соответствует широкому образованию и знаниям Гейстера, то, с другой стороны, она может удовлетворить его патриотические чувства. Он будет иметь непосредственные отношения с народом, решать спорные дела относительно поземельной собственности, опеки и прочего, участвовать в семейных совещаниях, от него будет зависеть и земская полиция. Такая почтенная деятельность с избытком вознаградит Гейстера за королевскую немилость...

Герман говорил с таким раздражением, что можно было ожидать от него какой-нибудь резкой выходки против короля. Поэтому французский посланник, по своей обычной осторожности, поспешил увести Миллера в кабинет. Бюловы воспользовались этим моментом, чтобы проститься с хозяевами дома, так как в этот вечер ожидали к себе гостей.

Луиза осталась наедине с Германом, который сидел молча, печально опустив голову. Предстоящее прощание с Луизой напомнило ему другую, еще более тяжелую разлуку.

— Что с вами, друг мой? — спросила она с участием, протягивая ему руку.

— Я думал в эту минуту о разлуке с вами и с Гейстерами, — ответил он. — Боже мой! До чего я буду чувствовать себя одиноким и покинутым после отъезда самых близких мне людей. Жизнь потеряет для меня всякий интерес!

— Этого не должно быть, Герман! В настоящее время никто из нас не имеет права ограничиваться узкой сферой личных привязанностей. Я уверена, что разлука с нами не будет особенно тяжела для вас, если вы решите посвятить себя общему делу. Быть может, в Эрфурте готовится гибель Германии; старайтесь иметь влияние на народ и возбудить в нем стремление восстать для спасения родины. Разлука не нарушит нашей дружбы, будем надеяться, что наступит лучшее время, и мы увидимся...

Герман поцеловал ее руку и с тоской в сердце отправился домой.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I

Тайная почта

Гейстер, оскорбленный незаслуженной отставкой, ускорил по возможности свой отъезд в Гомберг; Лина, со своей стороны, чтобы не огорчать его, старалась скрыть печальное настроение, овладевшее ей при разлуке с матерью и городом, где протекли лучшие годы ее жизни. По приезде они поселились на своей даче и решили остаться на ней до окончательного устройства их городской квартиры.

Герман проводил их до Гомберга и пробыл с ними несколько дней. Ему отвели ту самую комнату, в которой он жил весной; но как изменилось все с тех пор, начиная с его собственного положения и положения его друзей. Он еще ближе сошелся с ними и тем грустнее было ему уезжать одному в Кассель. Они решили вести постоянную переписку и пересылать ее с тайной почтой, которая была недавно учреждена руководителями Гессенского союза. Торговля съестными припасами служила прикрытием для этой опасной почты, по которой нередко посылались известия о действиях, направленных против французов. Письма и бумаги, скрытые в лотках и потайных ящиках тачек, безнаказанно передавались по назначению разносчиками, исполнявшими роль гонцов. Они странствовали из города в город, заходили в дома, не возбуждая ни малейшего подозрения со стороны жандармов и полицейских шпионов.

Когда Герман в первый раз после разлуки собрался написать Лине, она так живо представилась его воображению, что ему казалось, что он видит ее перед собой. Он вспомнил до малейших подробностей последнее утро, проведенное у них на даче, и почувствовал, как сильно забилося его сердце. Он невольно задумался над своим отношением к молодой женщине и должен был впервые сознаться перед собой, что любит ее.

Пораженный этим неожиданным открытием, он вскочил со своего места и подошел к окну. Торжественная тишина ясной лунной ночи плохо гармонировала с его душевным состоянием, он начал ходить по комнате. Одна мысль сменяла другую; он чувствовал себя то бесконечно счастливым, то опять тоска овладевала им. Одно было ясно для него, что он должен скрывать свою любовь, чтобы не нарушить душевного блаженства, которое могло продолжаться только до тех пор, пока его чувство будет тайной для всех. Лина, считая его своим братом, так просто и доверчиво обращалась с ним, что он не хотел портить этих отношений. Счастье, думал он, немыслимо для него, если бы даже она разделяла его чувство. Признание может только обратить его любовь в страсть, нарушить спокойствие Лины и сделать его самого недостойным дружбы ее мужа...

Под влиянием этих размышлений он сел к столу и написал следующее письмо:

«Не знаю какому божеству молиться по поводу начала нашей переписки, моя дорогая Лина. Мне грустно думать, что прошли те счастливые дни, когда я пользовался вашим обществом, осталась только слабая надежда, что они опять вернутся. Досадно, что я лишен возможности беседовать с тобой и должен письменно обращаться к тебе... Но оставим в стороне всякие жалобы, они ни к чему не ведут; не стану также распространяться о моих чувствах — вы оба верите в мою дружбу, дорогая сестра Лина; поэтому перехожу к делам.

Завтра наш король уезжает в Эрфурт — это побудило его раздать ряд милостей, между прочим, он произвел Бюлова в потомственные графы, и сегодня я поздравил его с этой честью! Вероятно, Иероним в связи со своей дорогостоящей поездкой понял, как он должен ценить человека, который, после отказа Голландии, решился сделать внутренний заем. Последний состоится — и в самом скором времени. Вообще проект Бюлова встретил общее сочувствие, и можно ожидать самых блестящих результатов...

Но так как милость, оказанная Бюлову, могла возбудить неудовольствие французской партии, то капитан Мейроннэ произведен в обер-гофмаршалы и ему пожалован титул графа Веллинрода. Граф Бух назначен обер-церемониймейстером; поговаривают, что Иероним удостоил обратить свое милостивое внимание на графиню...

Даже со мной едва не произошла благоприятная перемена судьбы. Министр предложил назначить меня

inspecteur des éconômats. Неправда ли какое громкое название? Но в сущности под словом «экономат» нужно понимать управление имениями и доходами епископств, аббатств, приоратов и бенефиций в католических землях, принадлежащих Вестфалии. Из этих доходов в течение десяти лет должно быть отчислено до 500 тысяч франков в кассу погашения государственных долгов; и поэтому Бюлов как министр финансов заинтересован в том, чтобы на вышеупомянутую должность был назначен человек, пользующийся его доверием.

Но, к несчастью, в дело вмешался Берканьи. Мне говорили незадолго перед этим, что он не думает гневаться на меня, и, быть может, в настоящем случае им руководили только интересы французской партии, а не личная неприязнь ко мне. Он участвовал в том заседании, на котором министр Бюлов предложил назначить меня inspecteur des éconômats, и тут же представил своего кандидата французам, говоря, что эту должность следует предоставить католику. Бюлов, который принял за правило не назначать французов в свое министерство, сумел отклонить предложение генерал-директора полиции, но в то же время не решился отстаивать и своего кандидата.

Когда он увидел, что я не особенно огорчен постигшей меня неудачей, то сообщил мне причину своей недавней ссоры с Берканьи и другими представителями французской партии, которые стали еще враждебнее относиться к нему после получения им графского титула. На последнем заседании государственного совета поднят был вопрос об увеличении почтовых доходов. Бюлов восстал против повышения платы за письма, вследствие чего начался оживленный спор, всех больше горячился главный почт-директор Потау. Это человек ограниченный, не способный к делу, но он зять Ле-Камю, графа Фюрстенштейна, и ловкий интриган. Бюлов упорно защищал свое мнение, так что под конец Иероним, быть может, заранее подготовленный французской партией, с раздражением заметил:

— Говорите яснее, господин министр, — восстаете ли вы против общей администрации почты или главного директора?

— Против того и другого, ваше величество! — объявил Бюлов, не стесняясь присутствия Потау...

Вот из-за этой ссоры мне и пришлось пострадать, моя дорогая Лина! Если подобные дела не занимают тебя, то прочитай мое письмо Людвигу, он интересуется ими. Кроме того, передай ему, что я не могу сообщить никаких даль-

нейших подробностей относительно письма Штейна, потому что мы не имеем никаких известий из Берлина.

Твой Герман».

На следующее утро Герману сообщили в министерстве, что вестфальский король отправился на несколько дней в Вах, чтобы повидаться со своим братом при проезде его в Эрфурт. Наполеон остановился во дворце принца Гессен-Филиппсталя и, отобедав вместе с ним и Иеронимом, продолжал свой путь.

3 октября вестфальский король и королева отправились в Эрфурт в сопровождении блестящей свиты.

II

Загадочная личность

Все следили с напряженным вниманием за ходом событий в Эрфурте. Делались разные предположения, но никто из рассудительных людей, преданных своему отечеству, не мог ожидать чего-либо хорошего для угнетенной Германии от свидания Наполеона с русским императором. Между тем как в высших, так и низших слоях общества было немало лиц, которые исключительно интересовались великолепием празднеств, неизбежных при стечении такого множества владетельных особ, генералитета и высших государственных сановников. Сам Наполеон поставил себе задачей окружить особым блеском темное зерно эрфуртской государственной тайны и представить себя в качестве центра властелинов Европы.

Естественно, что события, занимавшие все умы, не могли не повлиять на рассеянных по Гессену членов Тугендбунда, которые деятельнее, нежели когда-либо, поддерживали между собой личные и письменные сношения. Они спокойно относились к опасности, перед которой трепетали их соотечественники, и видели в ней ту пользу, что она благоприятствовала их тайному предприятию. При этом, пользуясь тем, что общее внимание было обращено на Эрфурт, они перестали соблюдать прежнюю осторожность.

Герман сильно скучал после отъезда Луизы и Гейстеров, особенно по вечерам, которые привык проводить в их обществе, и поэтому ради развлечения стал усердно посещать собрания Гессенского союза, хотя они далеко не удовлетво-

ряли его. Предприятие, которое представлялось ему таким грандиозным в речах Фихте, приняло в его глазах совсем иную окраску, когда он ближе познакомился с планами членов союза. Народное восстание, несомненно, увлекло бы его за собой, но многое казалось ему пошлым и возмутительным в том способе, каким оно подготовлялось. Имея в виду конечную цель, он не сознавал, что его пугает практическое осуществление такого смелого предприятия и что оно совершенно чуждо его личному характеру.

В гостинице «Лондон» уже не раз бывали тайные собрания, на которых присутствовали члены союза, приехавшие с этой целью в Кассель. В один дождливый вечер, когда Герман явился к назначенному времени, хозяин гостиницы, Керштинг встретил его и повел в ту самую комнату, в которой он останавливался по приезду в Кассель. Здесь он застал за бутылкой вина Шмерфельда и одного пруссака, по фамилии Шепелер.

— Сегодня не будет собрания! — сказал Шмерфельд вполголоса. — Мы возбудили против себя подозрение, и полиция хотела накрыть нас. Мы сидим тут, чтобы предупредить об этом приходящих, а затем и сами отправимся домой.

Герман хотел уйти, но Шмерфельд остановил его вопросом:

— Кстати, вы, кажется, знакомы с молодым чиновником, который служит у Бонгара?

— Если вы говорите о Вильке, то я действительно знаю его в лицо, потому что мне случалось встречаться с ним.

— Ну так слушайте. Перед приходом сюда, ко мне на дом явился человек в плаще и шляпе надвинутой на лицо. У меня в это время были гости — полковник Лангенштурц и господин фон Ягов.

— Камергер Ягов? — спросил Герман.

— Нет, его племянник, лейтенант, — ответил Шмерфельд. — Но не в этом дело! В присутствии этих господ тайный незнакомец отвел меня в сторону и шепнул на ухо: «Ваши собрания обратили на себя внимание полиции, сегодня вечером она явится к вам с жандармами». После этих слов он поспешно удалился. Полковник Лангенштурц уверяет, что это был Вильке, письмоводитель Бонгара.

— Странно! — заметил Герман. — Я помню, что этот самый Вильке предостерег в театре и барона Рефельда, когда он имел столкновение с полицией.

— Трудно предположить в этом какую-либо хитрость или ловушку! — продолжал Шмерфельд. — Тем не менее

по всем отзывам, упомянутый молодой человек известен, как ревностный приверженец французов. Он постоянно участвует во всех оациях в честь иноземного ига и первый кричит «Vive le Roi!», когда Иероним появляется на публике. Между тем вот уже второй случай, когда он предостерегает добрых людей от распоряжений шефа жандармов, которые проходят через его руки!..

Герман, уходя, обещал собрать подробные сведения о молодом человеке, который при первой встрече в Шомбургском саду произвел на него довольно неприятное впечатление своей навязчивостью и сочувствием французской нации. Он вспомнил по этому поводу, что Бюлов ожидал к себе завтра утром Бонгара по какому-то делу, и решил спросить мнение шефа жандармов о Вильке.

На следующий день Бонгар приехал к Бюлову, чтобы переговорить с ним об инструкции жандармам, которым вменялось в обязанность помогать сборщикам податей. Наконец, беседа была окончена, и Герман, услышав из соседней комнаты, что Бонгар собирается уходить, вошел в кабинет, как бы с той целью, чтобы взять со стола оставленные бумаги. Бюлов, по своему обыкновению, поспешил представить его шефу жандармов, который приветливо поздоровался с ним, говоря, что знаком с господином доктором по отзывам своего любимца Вильке.

— Этот молодой человек заинтересовал меня с первого знакомства, — отвечал ему Герман. — Он, вероятно, имеет несомненные достоинства, если заслужил такое расположение вашего превосходительства.

— Я смотрю на него, как на родного сына, и он вполне заслуживает этого! — ответил Бонгар. — Прошлой весной он явился ко мне с просьбой дать ему какое-нибудь место при жандармском управлении. Я охотно принял его на службу, потому что, помимо надежной рекомендации, он сразу понравился мне. Это впечатление оказалось верным, потому что в самое непродолжительное время он приобрел мое полное доверие своим усердием, трудолюбием и безусловной преданностью интересам короля. К тому же я должен заметить, что Вильке сын бедных, но почтенных родителей. Он часто бывает у нас в доме, и я с каждым днем убеждаюсь, что это прекрасный человек и всей душой преданный нам.

Старик Бонгар с таким умилением говорил о молодом Вильке, что слезы навернулись ему на глаза, затем он сразу переменял разговор и стал прощаться.

Бюлов, проводив его до дверей, сказал Герману:

— Какая почтенная личность этот Бонгар! Он настолько же хороший семьянин, как и верный слуга короля, и хотя при исполнении своих обязанностей бывает подчас резок и груб, но вообще крайне честный и добродушный человек.

Герман был настолько поражен противоречием между поведением Вильке и похвалами его начальника, что, забывая всякую осторожность, рассказал Бюлову все, что слышал накануне от Шмерфельда.

Лицо Бюлова приняло серьезное выражение. Некоторое время он ходил молча по комнате, затем позвонил и, отдав приказание слуге, чтобы он никого не принимал, обратился к Герману:

— Вы только что упомянули о собраниях, в которых вы принимаете участие, — сказал он, — я давно слышал о них и мог игнорировать, но теперь это невозможно, и мне необходимо переговорить с вами. Разумеется, вы никому не передадите моих слов!

Герман невольно покраснел при этом предостережении, в котором заключался косвенный намек на его нескромность.

Бюлов продолжал:

— Освобождение Германии такое великое, святое дело, что, разумеется, в сравнении с ним почетная занимаемая мной должность министра не имеет для меня значения; но я связан присягой и должен соблюдать верность королю, которого признала вся Европа. В противном случае мне ничего не остается, как отказаться от должности. Но пока я не имею никакой основательной причины сделать это, потому что, исполняя свою обязанность, иду к той же цели, забочусь о благосостоянии народа, поддержке наших старых обычаев и языка. Этим путем каждый из нас мог бы принести больше пользы, нежели какими бы то ни было тайными совещаниями. Поэтому беру с вас слово соблюдать осторожность и не портить себе будущности...

В голосе Бюлова было столько сердечного участия, что Герман, глубоко тронутый, с чувством пожал ему руку.

— А теперь, — добавил Бюлов, — скажите мне: поступать в ваш союз такие члены, которые, не принимая участия в его деятельности, посвящены во все тайны его?

— Да, ваше превосходительство, я сам принят в члены на этих условиях.

— Еще попрошу вас ответить мне на один вопрос: считаете ли вы меня человеком, заслуживающим доверия?

— Разве может быть в этом хотя бы малейшее сомнение! — воскликнул Герман.

— Прекрасно. В таком случае познакомьте меня в общих чертах с характером вашего предприятия. Какое отношение имеет Гессенский союз к курфюрсту и Тугендбунду? К чему вы стремитесь?

— Что касается конечной цели союза, то нет еще ничего определенного, — сказал Герман. — Пока хотят только вернуть курфюрста и восстановить прежний порядок, хотя в этом, конечно, немалую роль играет ненависть к королю и его приближенным. Весьма немногие понимают значение Тугендбунда, который наряду с восстановлением Пруссии поставил себе задачей коренное преобразование всего общественного строя Германии. Наиболее разумные члены союза пришли к соглашению относительно необходимости восстания и изгнания французов. При этом они сознают, что восстание должно быть общее, иначе Наполеону будет слишком легко справиться с Германией...

По словам Германа, руководителями Гессенского союза были несколько человек, в том числе два бывших министра курфюрста и некоторые из членов военного совета. Переписка с курфюрстом шла через Готу при посредстве кассельского банкира Бюдинга. Что касается деятельности Тугендбунда, то Герману было только известно, что Шарнгорст и Гнейзенау принимали в нем тайное участие и что переговоры с Гессеном велись через капитана фон Люцова. Кроме того, с этой целью приехал на днях майор Шепелер и будет жить в Касселе, а барону Рефельду придется чаще прежнего переезжать с места на место для исполнения разных поручений. В гонцах и тайных агентах не было недостатка, и за ними особенно наблюдала полиция. Недавно она выследила одного из них, по имени Фезрштейн, на которого ей указала берлинская полиция, но тот успел вовремя переодеться, сбрить бороду и ускользнуть из ее рук.

Момент восстания зависел от обстоятельств. Известно было, что Наполеон собирался послать свои лучшие силы в Испанию, если бы Австрия воспользовалась этим, чтобы напасть на французов, то это послужило бы сигналом к восстанию, которое началось бы в Северной Германии и сразу охватило бы всю страну.

— Чтобы обеспечить успех, — продолжал Герман, — необходимо заранее все подготовить и распределить силы, хотя, разумеется, теоретические соображения не всегда оказываются верными в подобных делах. Весьма возможно, что восстание вспыхнет раньше, нежели мы предполагаем,

или заговор будет открыт вследствие какой-нибудь случайности...

Бюлов внимательно выслушал своего молодого соотечественника и после минутного раздумья сказал:

— Разумеется, в подобных предприятиях нужно всегда принимать в расчет непредвиденное. При этом каждый должен строго следить за собой, потому что любовь к родине прежде всего требует осмотрительности. Судьба народа не в наших руках, и никто не может предугадать будущего. Дипломаты являются подчас наихудшими советниками, потому что они, подобно всем людям, облеченным властью, склонны верить, что от них зависит ход исторических событий и считают себя «*faiseurs*» того, что происходит при их участии. Между тем сознание, что есть высшая, вечная власть над нами, дает мужество в борьбе и смирение в победе...

Бюлов замолчал и занялся бумагами, лежавшими на его столе. Герман, считая разговор оконченным, удалился в свою комнату.

III

Фаншон

Эрфуртские события продолжали занимать кассельское общество; поэтому литературный «Casino» в Königstrasse более, чем когда-либо, был переполнен посетителями. Всякий, кто имел какое-нибудь известие из Эрфурта, спешил туда в надежде произвести эффект и найти внимательных слушателей.

Самые новые и верные известия сообщал секретарь французского посольства, который получал их от барона Рейнгарда, бывшего очевидцем торжественной встречи, устроенной Наполеону при въезде в Эрфрут 27 сентября.

Дня через два после этого события Герман зашел в «Casino», при котором была читальная зала, и, взяв со стола «*Journal de l'Empire*», погрузился в чтение статьи, где автор иронически относился к военным приготовлениям Австрии и в числе других известий сообщал, что в различных немецких провинциях собираются школьники, составляют полки, проводят маневры и прочее. Тон статьи был самый оскорбительный, и глубоко возмутил Германа.

В это время к нему подошел барон Рефельд, также прочел статью и сказал с усмешкой:

— Вы напрасно огорчаетесь, друг мой! Когда остроумие изменяет французу, и он начинает говорить пошлости, то это верный признак, что он старается скрыть свою досаду... А вот и месье Лефевр!..

Секретарь французского посольства вошел с письмом в руке и тотчас же все бывшие в зале столпились около него. В письме было описано первое свидание двух императоров. Наполеон выехал навстречу за милю от города и сошел с лошади, Александр I вышел из экипажа — и они заключили друг друга в объятия. После этого оба императора сели на лошадей и совершился их торжественный въезд в город, среди грохота пушек, звона колоколов и восторженных криков жителей. На Александре I был орден Почетного легиона, на французском императоре орден Александра Невского.

На следующий день Наполеон принимал у себя разных владетельных особ, которые явились к нему целой толпой.

Во французском театре даны были классические пьесы «Андромаха» и «Заира», с участием Тальма и Лафона, а также известных актрис Дюшенуа и Бургуан. В числе знаменитостей, прибывших в Эрфурт, назван был скрипач Роде из Петербурга. Затем барон Рейнгард сообщал в своем письме, что австрийский посланник, граф С. Винцент, имел продолжительную аудиенцию у Наполеона...

Эта новость всего более заинтересовала присутствующих и послужила поводом для оживленных толков, одни видели в этом признак миролюбивого настроения Наполеона, другие наоборот.

Несколько дней спустя, в пасмурный октябрьский вечер, Герман, вместе с бароном Рефельдом, вышел довольно поздно из «Casino». В передней какой-то господин остановил Рефельда, говоря, что должен сказать ему наедине несколько слов. Герман стал спускаться один по освещенной лестнице и заметил женскую фигуру, которая на минуту выглянула из входной двери и опять скрылась за ней. Когда он вышел на улицу, то увидел ту же фигуру, стоявшую перед крыльцом. Это была молодая горничная с пикантной, оживленной физиономией, волосы ее были слегка прикрыты маленьким чепчиком, красивые ножки кокетливо выглядывали из-под черного шелкового салопы.

— Сделайте одолжение, милостивый государь, укажите мне, куда идти, — сказала она Герману по-французски. — Я недавно приехала из Парижа и сбилась с дороги.

— Куда вы хотите попасть, мадемуазель, или, лучше сказать, где вы живете? — спросил Герман.

— Я нахожусь в услужении у генеральши Кудра, мы живем напротив королевского замка.

— А я живу по соседству с вами, мадемуазель, и доведу вас до дому.

При этих словах она быстро схватила его под руку и хотела идти, но Герман остановил ее.

— Одну минуту! Мне нужно подождать приятеля.

— Я спешу домой, пойдемте! — шепнула она.

— Вот и он! — сказал Герман. — Посмотрите, барон, какую я поймал восхитительную парижанку!..

— Ah! j'y retiens part! У нас с приятелем все пополам! — воскликнул Рефельд, беря правую руку красавицы, которая с досадой отдернула ее.

Дождь начал накрапывать. Чтобы сократить дорогу, они перешли площадь и свернули в узкую Jacobigasse.

— Это ночная птица! — сказал Рефельд, по-немецки, обращаясь к Герману. — Любопытно было бы знать, куда хочет она заманить нас? Разумеется, вдвоем можно отважиться на какое угодно приключение...

В эту минуту француженка остановилась у большого дома и вынула ключ из кармана, чтобы отворить дверь.

— Вы живете здесь? — спросил барон. — Действительно, это квартира генерала Кудра... Жаль, что нам приходится пожелать вам доброй ночи! Мы охотно проводили бы вас куда угодно. Однако, как зовут вас, мое прекрасное дитя?

— Меня? Меня зовут мадемуазель... Какое вам дело до моего имени?

— Мадемуазелями называют девиц, которые ночью прогуливаются по улицам. Но вы, конечно, имеете собственное имя.

— Меня зовут Фаншон, если вас так интересует это!

— Прелестное имя, Фаншон! Я должен сказать вам, мадемуазель Фаншон, что, хотя вы служите у мадам Кудра, но из вас обеих всякий отдал бы вам предпочтение!

— Что можете найти вы дурного в генеральше? — спросила она.

— Вы видите, барон, дождь усиливается, — заметил Герман. — Пойдемте скорее домой.

— Зайдите ко мне и переждите, пока пройдет дождь, — сказала Фаншон, обращаясь к Герману. — Никого нет дома, кроме меня, так что вам стесняться нечего! Генеральша на вечере и вернется нескоро, а генерал уехал из Касселя вместе с королем...

Герман отказывался, но барон Рефельд сказал ему по-немецки:

— Идите, не упускайте такого прекрасного случая, к несчастью, меня не приглашают, и поэтому я уступаю вам поле битвы!

С этими словами он втолкнул в дверь Германа, который со смехом потащил его за собой. Они поднялись по лестнице вслед за Фаншон, которая быстрыми шагами шла перед ними. Она отворила дверь в переднюю, из которой упал свет на лестницу.

Когда они сняли промокшее платье, Фаншон ввела их в красиво убранную комнату наподобие будуара, которая освещалась матовой лампой и была пропитана духами. Между большим зеркалом и шелковыми ширмами стояла кушетка, к которой был придвинут стол с десертом и вином, как бы в ожидании гостей.

Фаншон была необыкновенно мила в светлом коротком платье и шелковом переднике. Она небрежно опустилась на кушетку и пригласила гостей занять места; вся ее любезность была обращена на Германа, тогда как барон Рефельд не мог ничего добиться от нее, кроме коротких и отрывочных ответов. Этим она давала ему почувствовать, что считает его присутствие лишним. Но барон не обращал на это ни малейшего внимания, принимал деятельное участие в разговоре и с таким серьезным видом говорил глупости, что Герман с трудом удерживался от смеха.

Когда разговор на минуту прекратился, Герман, увидя письмо, лежавшее на столе, спросил:

— Не можете ли вы, мадемуазель Фаншон, сообщить нам, какие вести получены от генерала?

— Мы получили это письмо сегодня утром, впрочем, нет, получила его, конечно, мадам Кудра... Если вас интересует, господин барон, как сидят короли в театре, то прочитайте сами.

С этими словами она подала письмо Рефельду с очевидным намерением занять его и добавила торопливо:

— Представьте себе, в Эрфурте находятся теперь сорок два коронованных лица, помимо четырех королей, двух великих герцогов, пятидесяти генералов и прочих. Начинайте отсюда!

Барон Рефельд посмотрел на нее с лукавой улыбкой, покачал головой и прочел вслух указанное ему место письма: «... За музыкантами, в первом партере, посреди театра сидят обыкновенно два императора — Александр по правую руку, около него баварский король, затем саксонский и владетельный архиепископ. Налево, около Наполеона, сидят король вюртембергский, великий князь Константин

Павлович и принц Вильгельм прусский. Средняя ложа, обитая алым бархатом, предоставлена их величествам королю и королеве вестфальским и их свите, в которой нахожусь и я. Остальные владетельные особы, князья, принцы, генералы и прочие занимают места в амфитеатре между партером и первым ярусом лож»...

Рефельд, возвращая письмо Фаншон, заметил с усмешкой:

— Вы находитесь, по-видимому, в крайне приятельских отношениях с генералом, мадемуазель Фаншон. Он пишет вам самое любезное письмо!

— Мне! Вы слишком дерзки, господин барон. Посмотрите, письмо адресовано генеральше!

— Ах, простите, очаровательная Фаншон! Я не знал, что вы в такой дружбе с вашей госпожой, хотя мог догадаться, потому что вы так грациозно лежите на кушетке, как настоящая генеральша. Собственно говоря, мадам Кудра следовало бы ехать за королем в Эрфурт, а генералу остаться с Фаншон.

— Я не хочу говорить с таким чудовищем! Убирайтесь отсюда! — сказала она с принужденным смехом.

— Вы рассердились на меня, Фаншон, и гоните отсюда. Ну, нечего делать! — сказал барон Рефельд, поднимаясь с места. — Извольте, я уйду! Пусть мой приятель останется с вами и выпросит мне прощение!

Фаншон была, видимо, довольна догадливостью барона. Она засмеялась и, закрыв рот носовым платком, бросила нежный взгляд на Германа.

Но ее ожидания оказались напрасными. Герман в первую минуту смутился, а затем встал с места.

— Шутки в сторону, — сказал он. — Нам пора домой, барон! Мы не можем долее пользоваться гостеприимством мадемуазель Фаншон. Дождь не скоро прекратится — вы слышите, льет, как из ведра.

— Вы можете взять мой зонтик, — сказала Фаншон, обращаясь к Герману. — А барона пусть промочит дождь, он заслужил это.

Герман стал отказываться, говоря, что он живет по соседству и что зонтик гораздо нужнее барону, которому предстоит длинный путь.

Наконец Рефельд вмешался в разговор и заметил со смехом:

— Неужели вы не понимаете, что дело не в зонтике, а в том, чтобы вы, господин доктор, возвратили его мадемуазель Фаншон.

Между тем Фаншон достала зонтик из шкафа, и Рефельд тотчас же завладел им.

— Позвольте вас спросить, мадемуазель, — сказал он, — может ли мой приятель занести вам зонтик завтра в восемь часов?

— Завтра, в восемь часов вечера я выйду на крыльцо и получу зонтик обратно, — ответила Фаншон и позвонила в колокольчик. Вышла горничная со свечей, чтобы проводить господ, а Фаншон, кивнув им головой в знак прощания, скрылась за дверь.

Когда они вышли на улицу, Рефельд разразился громким смехом:

— Ну, господин доктор, как вам нравится это приключение? — воскликнул он. — А теперь нам остается только распределить роли. Вы недаром получили этот зонтик, Фаншон довольно ясно выказывала свои чувства...

— Предоставляю ее вам, барон, в полное распоряжение!

— Бесконечно благодарен, мой друг! — сказал Рефельд. — Надеюсь, вы поняли в чем дело. Я давно искал случая завести такое знакомство, которое дало бы мне возможность узнать вблизи интимную жизнь Иеронима. Теперь я нашел то, что мне нужно: мадам Кудра в данный момент пользуется особой милостью короля, а Фаншон ложится на кушетки, читает получаемые письма, распоряжается зонтиком генеральши как своей собственностью, и, вероятно, посвящена во все ее тайны. Нетрудно догадаться, что такая женщина, как мадам Кудра, должна иметь доверенное лицо при своих тайных отношениях с королем за спиной мужа. Если мне удастся заслужить благоволение Фаншон, то цель моя будет достигнута...

В эту минуту они подошли к дому, где жил Герман.

— А пока, до свидания! — продолжал барон Рефельд. — Я возьму зонтик и возвращу его в назначенное время. Увидим, что из этого выйдет! Ожидают вас, и поэтому мое появление будет еще неприятнее... Она и сегодня была недовольна моим присутствием. Жаль, что вы не годитесь для этого дела, а то вам было бы удобнее выполнить его, нежели мне. Я должен тратить деньги, а от вас только требуется сердце.

— Берегитесь, чтобы оно не заговорило у вас, барон! Мадемуазель Фаншон настолько соблазнительна, что вы можете увлечься ею... Однако нам пора расстаться, покойной ночи!..

— Прощайте, философ! — ответил барон Рефельд и отправился домой под проливным дождем.

Возвращение короля из Эрфурта

Жажда новостей, привлекавшая многочисленную публику в литературный «Casino», отразилась и на приемах графа Бюлова, которые посещались усерднее, нежели когда-либо. Теперь все с нетерпением ожидали известия о возвращении Иеронима в Кассель и рассчитывали, что министр финансов при своих дружеских отношениях с французским посланником узнает об этом раньше других.

Приемные комнаты Бюловых уже были переполнены гостями, когда явились генерал Сала с супругой и госпожа Симсон с дочерью. Хотя Герман за несколько дней перед тем при встрече с госпожой Симсон выразил сожаление по поводу внезапного отъезда ее племянницы, но тон его и манера держать себя окончательно убедили ее, что письмо Маренвилля к Сесили похищено им, и она решила отомстить ему. Лебрен также перестал бывать у них в доме, после того как она подняла на смех его переговоры с Германом и объявила, что молодой немец не только понял, но и одурачил автора «L'Enfant du Carnaval». Ссора с Лебреном еще более усилила ее злобу, и она употребила все усилия, чтобы восстановить Маренвилля против Германа. Но это не удалось ей — королевский секретарь не менее самого Иеронима был доволен удалением Сесили, и на все жалобы госпожи Симсон отвечал в шутиливом тоне.

Поэтому, когда Герман поздоровался с госпожой Симсон на вечере у Бюлова, то она не особенно ласково встретила его. Но теперь Герман нелегко приходил в смущение и, сказав несколько вежливых фраз, незаметно удалился.

Между тем к госпоже Симсон подошла генеральша Сала, которая также была не в особенно хорошем настроении, и обе дамы обменялись разными колкостями, хотя под прикритием улыбок и ласковых эпитетов.

После обычных приветствий генеральша сказала взволнованным голосом:

— Eh bien! Говорят, Морио возвращается на днях в Кассель!

— Очень рада за вас, моя дорогая! Теперь я понимаю, почему вы так любезно поздоровались сегодня с молодым доктором. Вы, конечно, уделите ему частичку мести, которую вы готовите Морио, тем более что он был главным действующим лицом в приключении с Аделью.

— Вы ошибаетесь, мой друг, то, что вы называете громким именем месть, относится исключительно к графу Фюрстенштейну, брату Адели. Я душевно жалею, что в настоящем случае должна огорчить Морио! Разумеется, он расвирепееет и ярость этого грубого человека может обрушиться на молодого доктора. Я вполне понимаю, что вам это неприятно, моя милая мадам Симсон, потому что вы хотели женить его на вашей очаровательной племяннице. А prorsus! имеете ли вы какие-нибудь известия от мадемуазель Сесили?

Госпожа Симсон старалась скрыть свое неудовольствие, но в тоне ее слышалось раздражение.

— Мы получили от Сесили короткое письмо из Меца, где ее встретила мать. Вероятно, вы желаете, моя милая мадам Сала, предупредить молодого учителя, чтобы он остерегался генерала. Теперь ваша Мелани свободна и могла бы брать уроки немецкого языка; этот вежливый доктор имеет прекрасную методику обучения молодых дам...

Генеральша при этих словах торопливо поднялась с кресла и, бросив ядовитый взгляд на свою приятельницу, сказала:

— Никому я не сообщала своих тайн, кроме вас, мадам Симсон! Если что-нибудь будет известно в обществе, то этим я буду обязана вам и найду, чем отблагодарить за такую услугу...

В эту минуту в залу вошел французский посланник, приехавший несколько часов тому назад из Эрфурта. Он привез известие, что их величества вернутся в Кассель на следующий день вечером.

Хотя крайняя осторожность барона Рейнгарда была известна всем, но к нему обращались с разными вопросами. Он отвечал общими фразами.

— Судя по дружеским отношениям обоих императоров и их министров, — сказал он, — можно заключить, что между ними водворилось полнейшее согласие. Александр I ежедневно обедал у Наполеона. Затем они вместе отправлялись в театр, а по окончании представления Наполеон проводил остаток вечера у русского императора. Таким образом, они ежедневно угощались французским обедом и русским чаем.

— Не известно ли что-либо вашему превосходительству о разделе государств? — спросил полковник Гаммерштейн с многозначительной улыбкой.

— Нет, я ничего не слыхал об этом, — отвечал посланник, — но поговаривали в частных кружках, что будет новый король...

Эти слова возбудили общее любопытство, хотя никто не решился высказать своих догадок.

— К сожалению, это пока величайшая тайна и я не могу разглашать ее, — продолжал посланник. — Но расскажу вам случай, бывший при мне в Эрфурте: один из многих германских государей возвращался домой после приема у Наполеона. Наружность его была настолько величественная, что караульный на гауптвахте, увидя его издалека, хотел созвать солдат, чтобы отдать ему честь, но офицер остановил его, говоря: «Laissez donc! Ce n'est qu'un Roi!»

Все улыбнулись, хотя ожидали более интересного рассказа от французского посланника. Но он встал с места и, взяв под руку хозяина дома, перешел с ним в соседнюю комнату, в которой в эту минуту не было никого из гостей.

— Вы сказали, барон, что король будет в Касселе завтра вечером? — спросил Бюлов.

— Да, он сам объявил мне об этом, хотя я застал его в самом дурном расположении духа.

— Это почему?

— Право не знаю. Говорят, он недоволен тем, что Наполеон пожаловал табакерки разным придворным и ничего не дал графу Фюрстенштейну и генералу Кудра, которые пользуются его особым расположением. Кроме того, Иерониму пришлось выслушать упреки от брата за легкомысленный образ жизни, что также не могло порадовать его!..

На следующий день в 10 часов вечера Иероним прибыл в Кассель со своей супругой. Несмотря на проливной дождь улицы, по которым должны были ехать их величества, были иллюминированы и в собравшейся толпе слышались крики «виват!»

Королевский экипаж остановился перед городским дворцом, который служил зимней резиденцией их величеств. Здесь они были встречены целой толпой придворных и высшими сановниками. Иероним ответил общим поклоном на их приветствия и, жалуюсь на усталость от дурной дороги, ушел в свой кабинет.

На следующее утро Берканьи явился первым на аудиенцию. Иероним принял его, лежа на кушетке, и, выслушав составленный им доклад, спросил равнодушным тоном: найден ли шпион, который извещает императора о событиях в Касселе?

— До сих пор полиция не могла напасть на его след, ваше величество! — ответил Берканьи, встревоженный хо-

лодным приемом короля, и чтобы смягчить его гнев, добавил торопливо: — Но мне удалось сделать одно открытие, о котором считаю долгом донести вашему величеству. Мадам Кудра опять вернулась к своим старым привычкам и по вечерам прогуливается по улицам, переодетая. Прикажете ли мне следить за ней или нет?

— Да, следите за ней, но делайте это, как можно осторожнее, из уважения к ее почтенному супругу... А теперь пошлите ко мне Бонгара!

Берканьи удалился с почтительным поклоном, немного погодя, вошел шеф жандармов.

— Выслушайте меня внимательно, Бонгар, — сказал король, приподнимаясь с кушетки. — Вот уже несколько месяцев кто-то доносит императору обо всех происшествиях при моем дворе; ему известен каждый мой шаг, чуть ли не всякое сказанное слово! Берканьи до сих пор не мог ничего узнать. Не придумаете ли вы какой-нибудь способ, чтобы выследить этого негодяя и схватить его?

Шеф жандармов, после минутного молчания, ответил:

— Устроить это нетрудно, если только вашему величеству угодно будет дать свое согласие. Я пошлю в Париж ловкого человека с полномочием вскрывать все письма, получаемые из Вестфалии, потому что едва ли этот господин посылает их прямо из Касселя.

— Браво, Бонгар! — воскликнул король. — Приятно иметь дело с умным и деловым человеком! Даю вам *carte blanche* распоряжаться, как вы найдете нужным. Только переговорите с Маренвиллем... А вот и он сам!

Вошел Маренвилль; король передал ему предложение шефа жандармов; и они начали совещаться о том, как все устроить и какое жалованье назначить тайному агенту, который будет послан в Париж.

Но тут королю доложили о прибытии генерала Сала, и Бонгар поспешил удалиться.

Иероним принял генерала Сала с видимым смущением, так как хотел переговорить с ним по поводу возлагаемого на него поручения и не знал, как он отнесется к нему.

— Я пригласил вас к себе, генерал, — начал он, — чтобы сообщить вам, что я хочу доверить вам одно дело как старому, испытанному другу. Дело заключается в том, что вы должны ехать с поручением в Испанию к моему брату Иосифу. Вы получите все необходимые объяснения от Ле-Камю и Маренвилля, а я приготовлю для вас особые инструкции. Вам будет любопытно взглянуть на Мадрид при нынешних обстоятельствах...

Иероним остановился, ожидая каких-либо возражений, но генерал молчал и добродушно улыбался, видимо, польщенный оказанным ему доверием.

— Кроме того, я советую вам взять с собой ваше семейство, по крайней мере до Парижа, — добавил король.

Лицо генерала Сала приняло при этих словах мрачное выражение, он ответил, что неудобно в такое беспокойное время пускаться с дамами в дальнюю дорогу.

— Мой милый Сала, я имею особую причину настаивать на этом, — возразил король, — вам известно, что между вашей женой и Ле-Камю вышли недоразумения. Они могут возобновиться, потому что с возвращением Морио из Неаполя состоится свадьба Ле-Камю с графиней Гарденберг. Ваша жена и дочь будут рады удалиться из Касселя на время этой свадьбы и связанных с нею празднеств. Они не захотят участвовать в них; и это будет принято как доказательство их неудовольствия. Между тем путешествие в Париж развлечет ваших дам и возвратит им хорошее состояние духа. Надеюсь генерал, что вы поймете мои добрые намерения и поступите так, как я вам говорю...

После долгих убеждений, генерал Сала мало-помалу успокоился и отправился известить свою супругу о предстоящем путешествии.

Иероним, оставшись наедине с секретарем, выразил ему свое удовольствие по поводу благополучно оконченного дела.

— А propos! — продолжал он. — Мне необходимо видеть сегодня моего доброго Кудра, но я так устал от всех этих переговоров, что не в состоянии принять его. Он, вероятно, здесь, выйдите к нему, Маренвилль, и передайте от моего имени, что завтра же я произведу его в генерал-лейтенанты. Это будет приятнее табакерки, которую он мог получить в Эрфурте! А затем пойдите к его жене и скажите, чтобы она остерегалась полицейских шпионов, когда будет совершать свои вечерние прогулки. Если у нее выйдут неприятности с полицией, то мне придется удалить ее от двора.

V

День рождения Иеронима

С возвращением их величеств из путешествия начался зимний сезон в Касселе. Внимание горожан, поглощенное в продолжение двух недель событиями в Эрфурте, обратилось на ближайшие и менее сложные интересы.

Разговоры об Эрфурте мало-помалу прекратились в высшем обществе. После целого ряда празднеств, немецкие князья должны были принять участие в торжестве 14 октября, устроенном в годовщину победы Наполеона над пруссаками при Ауэрштедте, после чего они вернулись в свои резиденции. В Касселе рассчитывали, что знаменитые французские актеры, бывшие в Эрфурте, проездом в Париж дадут несколько представлений в столице вестфальского короля, но эта надежда не осуществилась. Между тем некоторые результаты эрфуртских переговоров были втайне сообщены членам Пруско-гессенского союза.

Герман нашел нужным известить об этом своих друзей в Гомберге. Зная, насколько они интересуются всем, что касалось прусского министра Штейна, он подробно сообщил Лине, каким образом письмо министра, наделавшее столько шума, попало в руки французов.

«...По всей вероятности, — писал он, — после этого скандала Штейн должен будет выйти в отставку, и несчастный прусский король лишится своей главной поддержки. Кроме того, моя дорогая Лина, мы узнали в общих чертах, чем кончились совещания в Эрфурте. Опасения немецких патриотов оказались не напрасными: говорят решено уничтожить Германию, преобразовать Европу и произвести новый раздел государств. Более подробные сведения сообщит вам полковник Дернберг, который хочет взять отпуск на две недели под предлогом охоты, и явится к вам в будущий понедельник.

Что касается придворных новостей, то могу сообщить, что Морио вернулся из Неаполя и привез с собой орден Обеих Сицилий; кроме того, император перед отъездом из Эрфурта, прислал Иерониму два ордена Почетного легиона: один из них пожалован Бюлову, другой графу Буху. Затем всех занимает поспешный отъезд генерала Сала, который отправился с тайным поручением в Испанию. Рассказывают, что по этому поводу произошла бурная сцена между генералом и его супругой, которая неохотно последовала за ним...

О себе могу только сказать, моя дорогая Лина, что Бюлов опять намеревается хлопотать об определении меня на штатное место. Тут вопрос не в жалованьи, а в известном общественном положении, которое мне необходимо приобрести. Я считал бы себя бесконечно счастливым, если бы мне удалось приехать к вам с полковником Дернбергом, хотя бы на несколько часов, но это едва ли

будет возможно. Твоя мать, Лина, и я надеемся, что вы сами приедете в Кассель по случаю празднеств, которые готовятся здесь к дню рождения короля. Она уже приготовила вам комнату, а я хочу бросить политику, службу и забыть, что существуют какие бы то ни было деловые бумаги, на все время, пока буду с вами, мои дорогие друзья, Лина и Людвиг. По слухам, празднества будут отличаться необыкновенной пышностью, а календарь предсказывает сухую, ясную погоду. Ожидаем вас с нетерпением.

Твой Герман».

Предсказание календаря относительно хорошей погоды оправдались вполне, но против всякого ожидания Гейстер остался в Гомберге, и Лина приехала одна к матери, 14 ноября, перед обедом.

После радостной встречи, она передала Герману извинения Людвигу. Он ссылаясь на дела, но из ее слов оказалось, что не эта причина удержала его от поездки в Кассель. Министр Симсон предложил своему бывшему подчиненному подать прошение его величеству и обещал дать ему другое место, добавив, что король жалеет о своем опрометчивом поступке и можно надеяться, что все уладится к лучшему. После этого письма, Гейстер по приезде в Кассель должен был сделать визит министру и поблагодарить его за участие, но он считал это неудобным для себя, потому что ввиду нанесенной ему обиды не хотел идти ни на какие уступки. К тому же со времени переезда в Гомберг он окончательно погрузился в дела Гессенского союза и не хотел выехать из местности, где готовилось восстание. В случае успеха, он рассчитывал вернуться в Кассель одновременно с курфюрстом и занять там место, соответствующее его способностям.

— Мне кажется, — продолжала Лина, — что неудовлетворенное честолюбие привело Людвигу к этому решению, хотя и прежде он принимал участие в Гессенском союзе, но не отдавался ему всей душой, как теперь. Он считает себя оскорбленным и не желает принять предложение министра, чтобы не быть ничем обязанным нынешнему правительству, а также из боязни возбудить к себе недоверие своих сообщников...

Герман слушал молча и с таким рассеянным видом, что Лина переменяла тему разговора.

Теперь она опять была в доме матери, где все напоминало ей первые дни ее знакомства с Германом. Разлука

еще более усилила их взаимную привязанность, но оба были настолько поглощены радостью свидания, что не замечали этого. Лина не испытывала более прежних терзаний, с тех пор как создалась мужу в своей любви к Герману, и он спокойно выслушал ее, не выказав ни малейшего недоверия или ревности. Это служило как бы оправданием ее чувства, и она еще более поддалась ему. В редкие минуты, когда у нее являлась смутная боязнь, что любовь может довести ее до падения, она давала себе слово следить за собой и быть сдержанной с Германом, но при этом, обыкновенно, успокаивала себя тем доводом, что Герман смотрит на нее, как на сестру, и ничего не чувствует к ней, кроме дружбы.

Но в этом она ошиблась. Герман понял, что любит ее не братской любовью еще тогда, когда писал ей первое письмо в Гомберг, ясно сознавал это и теперь и, слушая ее, думал о том, что только в ее присутствии он может быть счастлив. Ему невольно припомнился дуэт Гайдна, который он в последний раз пел с ней:

С тобою жизнь для меня блаженство

Когда госпожа Виттих вышла из комнаты, чтобы распорядиться по хозяйству, и оставила их наедине, он почувствовал такой прилив нежности к Лине, что должен был собрать всю силу воли, чтобы не заключить ее в объятия. Но эта минута томительной борьбы между сознанием долга и порывом страсти так болезненно отозвалась в его сердце, что ему стоило большого труда удержаться от слез. Он поспешно вскочил и почти выбежал из комнаты.

Лина видела, что он взволнован, и не могла понять, что с ним, хотя его волнение передалось ей, и она чувствовала какое-то неопределенное беспокойство. Но Герман за обедом был веселее и разговорчивее обыкновенного. Лина рассказала ему, как они устроились в Гомберге и с кем познакомились, и особенно хвалила вдову одного офицера, по фамилии Стелтинг, и ее дочь.

С наступлением сумерек раздался двадцать один пушечный выстрел, возвещавший о наступлении начала королевского праздника.

— Не хочешь ли отправиться в театр, Лина? — спросил Герман. — Я достал два места в партере для тебя и Людвига из 1200 бесплатных билетов, которые розданы были придворным чинам. Ты должна видеть все, относящееся к празднеству.

— Разумеется, — ответила она, — но я пойду в театр в том случае, если ты воспользуешься другим билетом, потому что Людвиг выразил желание, чтобы ты всюду сопровождал меня и был моим кавалером. Подожди немного, я сейчас займусь туалетом, потому что все будут сегодня при полном параде.

— Только одевайся скорее, Лина. Тебе нечего заботиться о туалете — ты украсишь собою всякий наряд!..

Театральная площадь была переполнена праздной толпой, которая за неимением билетов, при мерцающем свете горящих плашек с любопытством следила за экипажами, подъезжавшими к театру. Герман с Линой пробрались с трудом до своих мест в партере. Театр представлял великолепное зрелище. Пышные гирлянды цветов, украшавшие стены, рельефно выступали при ярком свете бесчисленных восковых свечей. Партер и ложи были заполнены нарядными дамами, придворными в богатых костюмах и военными в блестящих мундирах. При появлении их величеств в средней ложе, началась увертюра. По ее окончании подняли занавес.

Давали в первый раз драму, написанную стихами к дню рождения Иеронима молодым французом Брюгье, который за два года перед тем получил академическую премию за свои стихотворения. Сюжет пьесы был самый лестный для короля и представлял эпизод из его жизни, а именно его поход в Алжир, куда он отправился из Генуи по приказанию Наполеона для освобождения пленных. В первом акте сцена изображала набережную Генуи, на которой толпился народ, напуганный известием о приближении английского флота — но к общей радости это оказывается французская эскадра. Затем начиналась драма с неизменной любовной завязкой.

Госпожа Флорвилль восемнадцать лет живет в разлуке со своим мужем, который отправился на Восток и пропал без вести. Французская революция принудила ее оставить родину и переехать в Геную с единственной дочерью Лаурой и слугой Робертом, у которого под суровой наружностью скрываются благородное сердце и безграничная преданность своим господам.

В Генуе некто Лео, сын богатого купца, ведущего морскую торговлю, случайно знакомится с Лаурой и влюбляется в нее. Однако, несмотря на его хорошие качества и взаимную любовь молодых людей, госпожа Флорвилль противится их браку — вследствие неравенства состояний — и решает уехать из Генуи. Приходит Лео и сооб-

щает, что отец его, бывший в плену в Алжире, возвращается на родину. Лео послал деньги, чтобы выкупить отца, но получил известие, что какой-то молодой герой освободил его в числе других пленных без выкупа, и что теперь они плывут на корабле, который виден вдали. Госпожа Флорвилль разделяет его радость, но при этом объявляет ему о своем намерении уехать из Генуи. Затем следует объяснение в любви и сцена отчаяния влюбленных, потому что мать не соглашается изменить своего решения. Появляется слуга Роберт и сообщает о прибытии кораблей из Алжира. Раздаются пушечные выстрелы, и Лео спешит навстречу отцу.

Меняются декорации. Народ на берегу окружает морского офицера, который в самых лестных для присутствующего короля выражениях рассказывает о его экспедиции и освобождении пленных: султан потребовал выкуп, но Иероним велел направить пушки на стены города, говоря, что заплатит огнем и кровью, если не последует немедленное освобождение всех пленных.

Естественно, что подобные места пьесы были встречены громкими рукоплесканиями зрителей. Герман заметил в партере молодого Вильке, который, видимо, старался выказать свое усердие, суетился и шумел больше всех.

Второй акт начинался выходом на берег пленных, которые отправляются в церковь, чтобы вознести благодарственную молитву за свое освобождение. На берегу остается старик, он с грустью вспоминает о том, как после кораблекрушения был взят в плен и в продолжение восемнадцати лет не имел никаких известий от своей жены. Вероятно, смерть похитила ее и ребенка, который должен был родиться после его отъезда, и он не может радоваться, как другие, освобождению из плена. Он хочет идти в церковь за товарищами, но, изнемогая от горя и волнения, падает в обморок на площади у фонтана. Проходит Лаура, видит старика, наклоняется к нему и приводит в чувство; необъяснимая симпатия влечет их друг к другу. Затем является Лео с отцом, которому старик спас жизнь во время плена. Отец Лео уводит старика к себе в дом.

В третьем и последнем акте старик приходит к Лауре, чтобы поблагодарить ее за участие. Он видит госпожу Флорвилль и не узнает свою жену после долгой разлуки, она также равнодушно встречает его. Один Роберт узнает по голосу своего бывшего господина. Происходит трогательная сцена, которая производит сильное впечатление на зри-

телей. В театре наступает мертвая тишина. Но тут старик вырывается из объятий жены и дочери и, обращаясь к королю, выражает желание, чтобы Господь вознаградил его за совершенный им подвиг.

Занавес опустился среди оглушительных рукоплесканий и криков: «Bravo! Vive le Roi!»

По окончании спектакля была иллюминация, а при дворе раут.

Следующий день начался залпом из пушек.

Во дворце был большой большой прием; представлялись штатские и военные сановники, придворные дамы, различные корпорации, муниципалитет, а после обедни во дворце король принимал всех офицеров армии.

В полдень, среди пушечных выстрелов, отслужен был молебен в католической церкви в присутствии двора и высших сановников; в два часа происходил смотр войск, а в шесть был парадный королевский обед.

Вечер кончился пышным празднеством у графа Фюрстенштейна, которое было удостоено присутствием их величеств.

Лица, не принадлежавшие к высшему обществу, и в том числе Герман и Лина, представляли собой праздных зрителей и, пользуясь хорошей погодой, целый день провели на улице, чтобы видеть народный праздник. Во всех церквях было торжественное богослужение; некоторые проповеди носили льстивый характер, в других проглядывала скрытая досада и недовольство настоящим положением дел. В Касселе и во всех главных городах департаментов венчали в этот день по две пары невест, из которых каждая получила в приданое сто талеров из общественного фонда. Народ толпился в церкви, чтобы видеть это редкое зрелище; одни с умилением смотрели на счастливых невест, другие подсмеивались над ними, говоря, что они, вероятно, обязаны своим благополучием королю, который поручился за их благонравие.

Среди народных увеселений видное место занимала бесплатная лотерея — всем горожанам еще накануне были розданы билеты, и сегодня, в 11 часов утра, проходил розыгрыш различной снеди, расставленной на площади под навесами, которые были красиво убраны елками. Главный выигрыш состоял из кабаньей головы и двух бутылок шампанского; к каждому куску жареного мяса, домашней птице или дичи выдавалась бутылка французского или немецкого вина; и даже те, кто ничего не выиграл, получили по куску колбасы с хлебом.

Отсюда молодежь устремилась к шестам для лазанья (mats de cosagne) с развешанными на них призами. Два оркестра странствующих музыкантов играли на площади, представлявшей любопытное и разнообразное зрелище для многочисленной публики, которой были заполнены все окна соседних домов.

С наступлением ночи площадь осветилась разноцветными фонарями, одновременно с этим началась иллюминация по всему городу. Часть публики двинулась к театру, чтобы присутствовать на бесплатном представлении «Волшебной флейты»; другие спешили к дворцу, перед которым был устроен павильон из сосновых ветвей в виде волшебного храма, украшенный гирляндами плоских — ветер раздувал желтоватое пламя, придавая ему фантастические очертания. Не менее оживлены были и остальные улицы, во многих местах были транспаранты с затейливыми надписями, из открытых окон пивных и ресторанов слышался говор и смех.

На углу одной улицы Герман и Лина встретили Натузиуса, который шел под руку с невестой. Он только что приехал из Магдебурга и на самое короткое время; поэтому свадьба была назначена на следующий день.

Натузиус с первых же слов начал просить Лину, чтобы она осталась лишний день в Касселе ради их свадьбы. Но так как из-за сновавшей взад и вперед толпы неудобно было останавливаться на улице, то он поспешил предложить руку Лине и пошел с ней.

— А вы поневоле должны быть моим кавалером! — сказала Тереза, взяв под руку Германа. — Разумеется, прежде всего беру с вас слово, что вы будете на моей свадьбе, а затем, — добавила она, понизив голос, — вы расскажете мне, как жилось Лине это время. Вероятно, ей нелегко было расстаться с Касселем?..

Герман не обратил внимания на тон с каким сделан был последний вопрос, потому что в эту минуту был занят проходившей мимо парой. Он тотчас узнал Рефельда, несмотря на длинный плащ и низко надвинутую шляпу, дама по фигуре и походке живо напомнила ему Фаншон, горничную генеральши Кудра.

В последнее время Герман встречал барона Рефельда только на тайных собраниях Пруско-гессенского союза и однажды спросил его: чем кончилось приключение с зонтиком? Барон заметно смутился и ответил уклончиво: «Все обошлось гораздо благополучнее, нежели можно было ожидать»! Из этих слов Герман заключил, что его приятель

потерпел неудачу, но теперь это предположение оказалось ошибочным; он терялся в догадках и рассеянно слушал Терезу.

VI

Неожиданный подарок

На следующее утро Герман явился на службу позже обыкновенного и застал в кабинете госпожу Бюлов, которая с улыбкой встретила его.

— Муж мой уехал сегодня во дворец по какому-то делу! — сказала она. — Я вызвалась заменить его — поэтому садитесь, господин доктор, и начинайте свой доклад, прежде всего я желала бы знать, как вы провели вчерашний день и понравилась ли вам иллюминация?

Герман ответил, что накануне провел целый день на улице среди толпы и что благодаря хорошей погоде наслаждался вполне королевским праздником, равно и иллюминацией. Затем он сообщил о встрече с Натузиусом и его скорой свадьбе.

Графиня Бюлов была в веселом расположении духа и в этом случае любила поддразнивать своих друзей, особенно Германа, с которым не считала нужным стесняться, тем более что была уверена в его расположении. Герман не подозревал, что она знает его историю с Аделью, и это придавало особенную пикантность ее шутивым намекам. Затем она спросила о Лине; и по тону его и выражению лица угадала женским чутьем тайну его нового романа.

Она подошла к роялю и пропела ему на мелодию менуэта любовные стихи, обращенные к какой-то Лине.

Герман вскочил с места и, чтобы скрыть свое смущение, ответил с принужденным смехом:

— К несчастью, графиня, вы так высокопоставленны, что я лишен возможности отомстить вам, но это доставило бы мне большое удовольствие. Не знаю только, какой род мести я придумал бы для вас...

В это время послышался шум подъехавшего экипажа.

— Я решительно не понимаю, чем вы недовольны, господин доктор! — удивилась графиня. — Дамы слишком избаловали вас... Но вот муж мой, я слышу его шаги!

Бюлов, войдя в кабинет, торопливо поздоровался с женой и, обращаясь к Герману, сказал:

— Вы пришли кстати, господин доктор! Я могу сообщить вам приятную новость: король только что назначил вас «Inspecteur des économats».

— Ваше превосходительство!.. — проговорил Герман взволнованно, не находя слов, чтобы выразить свою радость.

— Значит, господин доктор не будет больше служить под твоим начальством, и мы должны проститься с ним! — воскликнула графиня.

— Напротив, — возразил Бюлов. — Я уверен, что господин доктор будет навещать нас чаще прежнего в качестве нашего друга. А теперь присядем, я сообщу вам много интересного... Когда я приехал во дворец, меня провели в приемную и объявили, что Иероним принимает ванну. Вслед за мной явился Бонгар и стал настойчиво требовать, чтобы скорее доложили о нем королю. Когда мы остались наедине с шефом жандармов, он сказал мне шепотом: «Я сообщу королю очень приятное известие; поэтому если у вас есть какое-нибудь дело, которое вы желаете провести, то воспользуйтесь удобной минутой». Тут Бонгара позвали к королю и их совещание продолжалось довольно долго. Я с нетерпением ожидал конца и даже испытывал некоторый страх при мысли, что не получены ли какие-нибудь вести из Пруссии вроде злополучного письма Штейна. Наконец, вошел Бонгар, он улыбался, но в то же время можно было видеть по выражению его лица, что он чем-то недоволен. «Идите, вас ждут, граф Бюлов! — сказал он мне. — Пожалуйста, окажите мне услугу, отговорите короля от его намерения. Он хочет в виде награды навязать мне ненавистную для меня должность генерал-директора полиции и, вероятно, спросит вашего совета!» «Вы говорите это серьезно или ради приличия?» — спросил я. «Нет, я серьезно прошу вас об этом, — сказал он, — потому что не желаю быть преемником Берканьи!»

Бюлов замолчал и задумался.

— Ну что было дальше? Говори скорее, Ганс! — сказала с нетерпением графиня.

— Когда я вошел в кабинет, — продолжал Бюлов, — король встретил меня очень дружелюбно, но он был настолько взволнован, что не знал с чего начать разговор, кусал ногти и расхаживал взад и вперед по комнате. Наконец он объяснил мне, в чем дело. Оказывается, Бонгар открыл тайного шпиона, который писал доносы императору, благодаря тому, что отправил в Па-

риж ловкого агента с поручением вскрывать все письма, получаемые из Вестфалии. Шпионом оказался никто иной как Саванье, главный секретарь Берканьи. Письма свои он отправлял не из Касселя, а через провинциальную почту, на имя какого-то частного лица, которое передавало их императору. Одно из таких писем с подробным описанием последних придворных событий в Касселе попало в руки посланного агента, который поспешил известить об этом шефа жандармов. Иероним очень доволен сделанным открытием и решил выпроводить Саванье из Касселя, если почему-либо не удастся повесить его. Но он настолько же зол на Берканьи, который позволил себя одурачить своему секретарю и, по видимому, сообщал ему разные тайны, которые он мог слышать только от короля или Маренвилля...

— Но чем объяснить такую болтливость со стороны начальника тайной полиции? — спросил Герман.

— Я приписываю это тому обстоятельству, — отвечал Бюлов, — что Берканьи всегда кичился доверием короля и подчас бывал слишком откровенен со своими подчиненными, которые не могут чувствовать к нему особой привязанности при его вспыльчивости и крутом нраве. Но во всяком случае ему нечего ждать пощады от Иеронима, который решил соединить в лице Бонгара две должности: шефа жандармов и генерал-директора полиции. Когда король спросил по этому поводу мое мнение, то я предложил ему уничтожить самостоятельное существование полиции и подчинить ее министерству юстиции, заметив, что это избавило бы двор от шпионства и возбудило бы общую радость в стране, потому что все население относится крайне враждебно к тайной полиции. Король задумался и, немного погодя, ответил, что дело это слишком серьезное, чтобы сразу решить его...

Разумеется, после этого, — продолжал Бюлов, — мне ничего не оставалось, как заговорить о текущих делах, и я воспользовался этим, чтобы возобновить мой доклад о назначении господина доктора на должность инспектора. Король тотчас же вспомнил, что Берканьи восстал против предложенного мною кандидата и это ускорило дело. «Я уверен, — сказал он, — что вы, граф, лучше знаете людей, чем Берканьи: он хотел превратить этого молодого человека в литературного шпиона, а вы сделаете из него полезного *«inspecteur des éconômats»*. Маренвилль хвалит его!» После этих слов, король подписал поданную мною бумагу, так что нужно выполнить еще некоторые формаль-

ности, и вы можете вступить в свою новую должность, господин доктор...

Герман сердечно поблагодарил Бюлова за неизменную заботу о его судьбе.

— В данном случае вы должны благодарить короля, — заметил Бюлов. — У него, безусловно, доброе сердце, но он обладает также всеми слабостями добрых людей. Когда на него находит порыв великодушия, то он не может ограничиться одним каким-либо делом, и его тогда легко эксплуатировать. Я уже собирался уходить, когда он остановил меня вопросом: видел ли я двух коней, подаренных ему императором? Я ответил отрицательно, и он сказал: «Это дивные лошади, одна из них неаполитанская, другая чистокровная арабская, но так как у меня слишком много верховых лошадей, то я подарил вчера моего вороного полковнику Дернбергу. Он отличный наездник и вообще славный малый, преданный мне, а вам граф презентую моего серого коня в яблоках из варварийских владений, вы недавно любовались им!..» Мне ничего не оставалось, как только поблагодарить его. «Знаете ли, что я придумал, — сказал при этом король, — на днях приедет в Кассель владетельный епископ Корвей; как вам известно, он не из числа апостолов, готовых проповедовать Евангелие среди дикарей, но зато не пропустит ни одного леса, чтобы не поохотиться на оленей и кабанов. В первый раз, как мы отправимся с ним на охоту, я предложу ему сесть на мою новую неаполитанскую лошадь, присланную императором. Он крепко сидит на седле и под конец справится с ней, но потешно будет видеть, как с его головы слетит треуголка, которую он всегда носит на охоте»...

Бюлов улыбнулся при мысли, что вестфальского короля может забавлять подобное.

— Значит, тебя можно поздравить с приобретением лошади! — сказала графиня.

— Разумеется, если император подарил лошадь королю, то его министр может также принять от него подарок.

— В таком случае, — решила она, — *inspecteur des économes* должен последовать твоему примеру, Ганс, если ты решишься подарить ему твою мекленбургскую верховую лошадь. Ему пора завести свое хозяйство; если Лина не может выйти за него замуж, то он найдет себе другую Лину — или Иду.

Герман покраснел при этих словах; Бюлов также чувствовал себя неловко, так как ему было тяжело расстаться со

своей любимой лошастью, но он овладел собой и ответил с любезной улыбкой:

— Я ничего не имею против этого! Если новый инспектор будет разъезжать на своей новой лошади по делам службы, то все пойдет прекрасно, но если он возьмет на себя роль одного из предводителей восстания, то скажут, что министр разделяет его образ мыслей и даже подарил ему лошадь для большего удобства.

— Ничего подобного не случится, — возразила графиня Бюлов, — потому что мы возьмем с него торжественное обещание, что он женится, а тогда ему и в голову не придет участвовать в восстании. Что вы скажете на это, господин доктор?

— Не знаю, что ответить вам, графиня! До сих пор вопрос остается для меня неразрешимым: должен ли я совершить ряд подвигов, прежде чем заслужить руку Дульцинеи, или следует мне сперва завести домашний очаг, чтобы было из-за чего бороться с ветряными мельницами и великанами? Собственно говоря, я не думал еще о женитьбе — но завтра свадьба Натузиуса, быть может, у меня появится желание последовать его примеру.

В эту минуту появился слуга с докладом, что приехал Натузиус с невестой.

— Проси, очень рад! — сказал Бюлов.

VII

Свадьба

На следующий день Бюлов, заранее предложивший себя в свидетели на свадьбе своего давнишнего приятеля Натузиуса, заехал в своей парадной карете за женихом, невестой и ее свидетелем, чтобы отвезти их в церковь. После венчания все собрались у Энгельгардтов, где был приготовлен завтрак, после которого Натузиус должен был отправиться в путь с молодой женой и двумя ее сестрами.

Общество было самое интимное, и только присутствие министра и его жены заставляло госпожу Энгельгардт и ее дочерей удерживаться от слез при мысли о предстоящей разлуке. Их грустное настроение передалось гостям, разговор постоянно прерывался, в особенности после завтрака, когда Тереза вышла из комнаты и вскоре вернулась в дорожном платье. Приближался отъезд молодых, и все, види-

мо, приуныли. Тереза, чтобы развлечь мать и занять гостей, стала просить Германа и Лину пропеть ей на прощание дуэт Гайдна.

Лина села за фортепьяно, Герман встал за ее стулом. Они начали петь, сначала как бы нехотя, но мало-помалу, увлекаемые звуками знакомой мелодии, всецело отдались своему чувству, что придало особенную выразительность их пению. Если бы присутствующее общество внимательнее наблюдало за ними, то могло бы легко заметить их взаимную любовь. Одна Тереза поняла, что происходит в их душе и, подойдя к ним, сказала вполголоса: «Можно пожелать вам обоим, чтобы вы пережили то, что выражено в пропетом вами дуэте, и могли бы сказать друг другу:

«С тобою жизнь для меня блаженство! »

Тереза остановилась, потому что в эту минуту раздался рожок почтальона, и к дому подъехал дорожный экипаж, запряженный тройкой лошадей. Началось прощание: гости наперебой высказывали различные пожелания молодым, мать и сестры плакали, сам Энгельгардт, бледный и взволнованный, печально простился с зятем и дочерьми. Наконец путешественники заняли свои места, опять затрубил рожок почтальона, лошади тронулись, экипаж скрылся из виду.

— Пора и нам домой! — сказал Бюлов жене. — Гости в такие минуты стесняют хозяев своим присутствием. Уйдем скорее, прощаться нечего!

Примеру Бюловых последовали многие из гостей, в том числе Лина и Герман. Оба были смущены словами Терезы, в которых заключался явный намек на то, что они так тщательно скрывали не только от посторонних, но и друг от друга. Они шли молча всю дорогу, и, только войдя в дом, Герман решился заговорить со своей названной сестрой.

— Ты скоро уедешь, Лина, — сказал он, — расскажи мне, что было на последних совещаниях Пруссско-гессенского союза? Тебе, вероятно, приходилось слышать о них.

— Сделай одолжение, Герман, не напоминай мне об этих собраниях. Я поневоле должна была принимать в них участие, потому что они не раз происходили на нашей даче. Пришлось для этого приготовить залу нижнего этажа и самой заботиться об угощении, чтобы не вошел кто-нибудь из прислуги. Недавно в этой самой зале сидел у меня король, а тут я видела его врагов, которые готовили ему

гибель. Воспоминание об Иерониме могло бы, по-видимому, расположить меня в их пользу, но, к сожалению, я не могу одобрить те средства, какими они хотят достигнуть цели и о которых говорят, не стесняясь, под влиянием страсти. Хуже всех подполковник Эммерих! У меня сердце замирает от страха, когда я слушаю его дерзкие речи, я уверена, что он погубит дело своей беспардонностью! Одна мысль, что ты или Людвиг можете поплатиться жизнью за него, приводит меня в ужас...

При этих словах молодая женщина заметно побледнела.

— Что с тобой, Лина? Можно ли так поддаваться игре фантазии! — сказал Герман, взяв ее похолодевшую руку.

Она с улыбкой взглянула на него, затем печально опустила голову. В глубине души она ясно сознавала, что это не игра фантазии, а с ней случилось то, что бывает с самыми благородными людьми под влиянием страсти. Она мысленно задала себе вопрос: кого из двух — Германа или Людвиг — она согласилась бы потерять, если бы ей предоставлен был выбор?

— Оставим этот разговор, Герман! — сказала она, вставая с места. — Он слишком тяжел для меня: благодаря этому безумному предприятию мне придется испытать еще немало огорчений и горьких минут...

Она открыла дверь в кухню и спросила:

— Не знаешь, мама, приехал экипаж или нет?

— Только что приехал! — ответила мать, которая была занята приготовлением обеда.

— Неужели, Лина, ты уедешь сегодня в Гомберг? — спросил Герман.

— Да, это необходимо! Я и без того осталась долее, нежели предполагала. Завтра Людвиг выедет ко мне навстречу.

— Подожди немного, я приготовил тебе подарок!

Он пошел в свою комнату и принес красиво написанную тетрадь.

— Это «Пир» Платона, переведенный мной, — сказал он.

Лина была тронута его вниманием:

— Какой ты милый, Герман, нельзя было придумать лучшего подарка! Тебе, вероятно, пришлось долго сидеть за этим. Не правда ли?

Она протянула ему руку в знак благодарности.

— Это было для меня хорошее время, Лина! Мне все казалось, что ты сидишь передо мной, и я мог повторять слова дуэта: «С тобою жизнь для меня блаженство!...»

— Зачем ты говоришь это, Герман?! — прервала она в смущении и, чтобы он не видел выражения ее лица, прижалась к его плечу.

Герман не мог более владеть собой и в безумном порыве охватил ее обеими руками, покрывая поцелуями ее лицо и шею. Наконец она вырвалась из его объятий и сказала раздраженным голосом:

— Я никогда не подам тебе больше руки, Герман... Ты отравил лучшую минуту моей жизни.

— Ты права, Лина, — ответил он печально. — Это случилось помимо моей воли и против моих убеждений! Прости меня, не подавай мне больше руки — только теперь в знак прощения, позволь пожать ее в последний раз.

— Хорошо, — сказала она, протягивая ему руку. — Но дай мне слово, что ничего подобного не случится впредь! Быть может, мы имеем право любить друг друга, потому что это не в нашей власти, но я никогда не буду принадлежать тебе, и наша любовь должна остаться платонической... Заверни свою рукопись, я пойду к матери.

Герман начал машинально заворачивать свою тетрадь в бумагу. Вошла Лина с матерью и простилась с ним. Он проводил ее до экипажа и поспешно ушел в свою комнату, чтобы избежать беседы со словоохотливой хозяйкой. Он чувствовал себя глубоко виноватым перед Людвигом; и никогда еще разлука с Линой не была так тяжела для него, как теперь; ее слова, что «она никогда не будет принадлежать ему», болезненно отзывались в его сердце.

VIII

Вступление в новую должность

Герман не мог долго предаваться грустным размышлениям, потому что для него началась новая жизнь, и ему пришлось вступить в отношения с незнакомыми людьми.

Он должен был явиться к своему новому начальнику, барону Конинксу. Это был человек средних лет, привлекательной наружности, прекрасно образованный, но любитель удовольствий, считавший наслаждение первой задачей своей жизни. Узнав о назначении нового инспектора, который должен был также исполнять должность секретаря при его особе, он тотчас же навел о нем подробные справки у Бюлова, так как прежде всего хотел приобрести усердного и неутомимого работника. Это было для него тем необхо-

дмее, что при своем рассеянном образе жизни он не мог посвящать много времени делам. Он любил прогуливаться по улицам без определенной цели, болтать с дамами и ухаживать за ними. Вечером его можно было всегда встретить в обществе, и если он не получал особых приглашений, то отправлялся в какой-нибудь ресторан или в «*Cafe au laid*», где обыкновенно собиралась холостяцкая компания.

Благоприятный отзыв Бюлова был важен для Германа в том отношении, что барон Конинкс сразу уверовал в хорошие способности и трудолюбие нового инспектора и встретил его самым дружелюбным образом. К тому же личность Германа произвела на него такое приятное впечатление, что при следующем свидании он обошелся с ним, как с товарищем, и под разными предлогами сдал ему на руки целый ворох дел. Герман усердно принялся за исполнение своих обязанностей, но вскоре должен был убедиться, к своему немалому огорчению, что в течение нескольких месяцев его служба будет исключительно состоять из канцелярских занятий и что ему придется отложить до весны какие бы то ни было поездки по должности.

По совету своего нового начальника, он нанес визиты министрам и директорам различных отраслей администрации и, между прочим, решил посетить бывшего военного министра Морио. Он не застал его дома, а встретил на лестнице Адель, которая также собиралась куда-то ехать. Она поздоровалась с ним с непринужденной любезностью светской дамы, выразила сожаление, что мужа нет дома, и после минутного колебания пригласила его войти. Герман объяснил ей причину своего визита; она поздравила его с получением новой должности и держала себя так просто и вместе с тем сдержанно, что ему не верилось, что перед ним прежняя Адель Ле-Камю, и он невольно волновался в ее присутствии.

Но, вернувшись домой, он мало-помалу успокоил себя выводом, что все кончилось наилучшим образом: Адель, по-видимому, была довольна своей судьбой; Морио говорил всем, что он вполне счастлив. К тому же, рассуждал про себя Герман, красивая креолка, осознав свою ошибку, много выиграла и в нравственном отношении; у нее появился более серьезный взгляд на жизнь, самообладание и добросовестное отношение к своим семейным обязанностям...

Между тем открытие, сделанное Бонгаром, привело к разным переменам в администрации. Саванье за свои тайные доносы был уволен с должности и выслан из Вестфа-

лии. Берканьи, хотя и не был причастен к делу, но своей неосмотрительностью и неумением выбирать людей навлек на себя гнев короля, который в течение нескольких дней держал его в полной неизвестности относительно ожидавшей его участи. В высшем обществе составилось убеждение, что он в немилости у короля, так что, когда он явился на придворный вечер с женой, то все стали сторониться их. Наконец, вошел король и, против общего ожидания, проходя мимо генерал-директора полиции, ласково сказал ему: «Bonsoir, Vercagny!» — и тогда придворные опять заговорили с ним и сделались приветливыми. Но король был в хорошем расположении духа вследствие того, что после долгого колебания решил сделать следующее: высшая полиция присоединялась к министерству юстиции в виде особого отделения, и начальником ее был назначен некто Вариньи, который пользовался репутацией гуманного и сведущего человека. Одновременно с этим, чтобы облегчить работу Симсона, заведовавшего двумя министерствами, назначен был исполнять должность министра внутренних дел член государственного совета Вольфрадт.

Герману предстояло иметь с ним отношения по делам службы и поэтому он решился сделать ему визит.

Слуга, спросив его фамилию, сказал:

— Не знаю, примет ли вас сегодня господин Вольфрадт, потому что он должен ехать во дворец на заседание.

Тем не менее Герман был принят. Слуга провел его в комнату хозяина, наполненную табачным дымом; здесь он застал Миллера, который приветливо встретил его и представил хозяину дома:

— Вот мой юный друг Герман Тейтлебен! Рекомендую его вам и прошу не оставить своим расположением, хотя он изменил мне, или, вернее сказать, науке.

Вольфрадт привстал с кресла, чтобы поздороваться с посетителем, в руках у него была трубка с длинным чубуком. Это был пожилой человек, довольно полный, с важной осанкой. Во время разговора он поставил свою трубку у стены, где была целая коллекция всяких чубуков. Вообще, обстановка комнаты была самая незатейливая, ее главным украшением служил большой портрет герцога Фердинанда Брауншвейгского, висевший над письменным столом.

Герман, не желая стеснять хозяина, старался по возможности сократить свой визит и через несколько минут встал, чтобы проститься с ним. Миллер последовал его примеру.

Когда они вышли на улицу, Миллер начал расхваливать своего давнишнего приятеля Вольфрадта, которого он глухо уважал несмотря на его странности.

— Это прекраснейший человек во всех отношениях, — сказал он, — но страсть к курению окончательно овладела им. Когда он едет во дворец, ему приходится менять платье, потому что несмотря на одеколон, которым он обливает себя в этих случаях, король все-таки чувствует запах табака, который также ненавистен ему, как усы у штатских чиновников. Разумеется, Иероним слишком добродушен, чтобы считать это пороком в таком почтенном человеке, хотя при случае подсмеивается над его постоянным курением. Вообще Вольфрадт не только умный человек, но и честнейший. Вам известно, что он был министром герцога Брауншвейгского и пользовался его полным доверием. Когда этот замечательный государь и полководец был смертельно ранен при Иене-Ауерштедте и во время бегства нашел убежище в Оттенсене, Вольфрадт последовал за ним и присутствовал при его последних минутах. Умирающий герцог связал своего бывшего министра обещанием заботиться об отнятых у него брауншвейгских владениях, вошедших теперь в состав Вестфальского королевства, и Вольфрадт поселился в Касселе, чтобы исполнить данный ему завет...

Миллер остановился, видимо, взволнованный, затем, как бы отвечая на собственные мысли, продолжал:

— У Вольфрадта на первом плане интересы Брауншвейга. Бюлов всей душою предан Пруссии, хотя можно поручиться, что ни тот, ни другой не нарушат данной присяги и будут честно исполнять возложенные на них обязанности. Они трудятся с верой в будущее и в ожидании того времени, когда Вестфальское королевство, составленное из разрозненных кусков, снова распадется. В противоположном лагере мы видим Морию и Ле-Камю, которые стоят во главе французской партии, но оба зависят от императора и руководствуются его указаниями. Что касается честного Симсона, то он не принадлежит ни к той, ни к другой партии, и едва ли не более всех предан Иерониму, охотно скрывает его слабости и старается доставить ему случаи блеснуть великодушием. Все это я говорю вам, молодой человек, потому что вы наравне с другими увлекаетесь патриотическими стремлениями. Но все придет в свое время! Будьте осторожны!.. Не упускайте из виду, что это революционное движение, что всего более пугает меня и не дает покоя. Я не питаю никаких надежд и поэтому дошел до полного отчаяния!

— Мне кажется, — возразил Герман, — что вы лично, как представитель науки находитесь в лучших условиях, чем кто-либо. Король также, как и вы, желает просвещения страны, и вам, вероятно, удастся отстоять университеты. Вы могли бы быть самым счастливым из наших сановников, потому что ваша деятельность не противоречит вашим убеждениям...

— Не это одно терзает меня, — возразил Миллер. — Помимо патриотических стремлений и науки есть целый мир. Что предстоит ему? Я внимательно следил за ходом совещаний в Эрфурте. Самое имя Наполеона приводит меня в смущение; вам известно, как я высоко ценил его. Но теперь мое доверие к нему окончательно подорвано и, если Иероним закроет университеты, то жизнь потеряет для меня всякий интерес. Конечно, мне, как историку, следовало предвидеть, что если человек в 29 лет успеет пресытиться славой, то от него нечего ждать добра! Мир во власти этого демона, но кто поручится, что люди, пережив эти страшные времена, не вернуться к своим прежним, отжившим формам... Однако до свидания! В этом доме живет профессор Эйхгорн, я обещал зайти к нему. Желаю вам всякого благополучия! А прогос! Придерживаетесь ли вы совета, который я дал вам при нашем последнем свидании?

— Да, по возможности!.. — ответил уклончиво Герман, невольно краснея при мысли, что далеко не всегда соблюдал мудрый совет Миллера: не говорить лишнего, в особенности при посторонних людях.

IX

Зимние удовольствия

Разговор с Миллером оставил в Германе тяжелое впечатление. Почтенный историк, перед умом которого он преклонялся, с недоверием относился к прусско-гессенскому движению и не ожидал от него никаких результатов. Его страх за будущее невольно передался Герману, который по своему характеру был склонен к созерцательной жизни и не мог сочувствовать разрушительной деятельности. «Быть может, — рассуждал он про себя, — слова Миллера оправдаются, и люди после ниспосланных на них бед опять вернуться к прежним отжившим формам. Но в таком случае, зачем стремиться к насильственным переменам? Не лучше

ли предоставить Вестфалию ее неизбежной судьбе: при первом более или менее сильном толчке она распадется на свои составные части...»

Размышления Германа были прерваны приближением королевского охотничьего поезда. Иероним ехал верхом в сопровождении блестящей свиты; из его спутников особенно выделялся красивый высокий господин с типичной внешностью католического прелата и *bon vivant*'а. Это был Фердинанд фон Люнинг Оствиг, владетельный епископ Корвей, он был в полном охотничьем наряде, в высоких сапогах со шпорами, и только своеобразная треугольная шапочка отличала его от остальных придворных. Епископ принадлежал к числу верных приверженцев короля и часто появлялся при веселом вестфальском дворе, который вполне соответствовал его вкусам.

Блестящая кавалькада быстро промелькнула мимо и повернула на дорогу, ведущую в Гомберг, из чего Герман заключил, что король едет в свой любимый Вабернский замок.

Эта случайная встреча напомнила Герману о Гомберге и об отсутствующих друзьях. У него появилось непреодолимое желание отправиться к ним, увидеть Лину и насладиться ее присутствием, хотя бы ценой новых страданий и еще более тяжелой душевной борьбы.

... Наступила поздняя осень. Стояли сумрачные дни с нависшими снеговыми тучами, которые действовали удручающим образом на Германа при его одиночестве. Занятия его были несложные, у него оставалось много времени на чтение и научную работу. Единственным его развлечением были вечера, проводимые у графини Бюлов.

Время от времени он получал через тайную почту письма от Луизы Рейхардт из Галле, а также от своего отца, но известия, сообщаемые ими о Пруссии, не были особенно утешительны. Король должен был отстранить Штейна от должности; в тот самый день, когда Наполеон совершил свой торжественный въезд в Мадрид, Штейн выехал из Кенигсберга. В Берлине ожидали возвращения короля, так как французы очистили город; народное восстание в Пруссии было делом еще далекого будущего.

Театр в Касселе был переполнен зрителями. Некоторые балеты приводили в восторг публику изяществом и пышностью постановки. Но Герман не любил балет и редко бывал в театре.

Высшее общество и двор всего усерднее посещали Зекендорфа, который заехал в Кассель во время своего артисти-

ческого турне. Он давал представления вместе со знаменитой госпожой Гендель. Наряду с этим во дворце и в интимных придворных кружках бывали parties fines и оргии, которые служили темой для пикантных рассказов и анекдотов, ходивших по городу.

Все с нетерпением ожидали карнавала и связанных с ним увеселений. Король выразил желание, чтобы каждый министр устроил у себя маскарадный бал с угощением за счет двора, и обещал быть на всех этих балах вместе с королевой.

Бюлов был озабочен не менее других этой новой затеей Иеронима и хотел устроить нечто особенное. Он не раз советовался с женой по этому поводу и наконец решил пригласить на совещание Германа и Провансаля, чтобы услышать их мнение.

Среди этих и других более серьезных дел и интересов незаметно подошло Рождество. Выпал снег и наступили сильные холода. Герман взял десятидневный отпуск и 24 декабря отправился с рассветом в Гомберг.

Х

Праздник в Гомберге

Герман, въезжая в Гомберг, заметил необычайное оживление на улицах. Гарнизон был в полном сборе; во многих семействах были гости, приехавшие, подобно ему, с единственной целью — провести праздники с друзьями. Лина встретила Германа радостным восклицанием, Гейстер торпливо вышел из своего кабинета и заключил его в объятия, лучшая комната в доме была заранее натоплена и приготовлена к его приезду.

Но Герман опоздал к обеду, так как холод не раз заставлял его сворачивать с дороги и заходить в гостиницы и постоялые дворы, чтобы немного обогреться.

— Ты видишь, — сказал Гейстер, — мы живем по старогессенским обычаям и не придерживаемся дурной привычки французов садиться за стол не ранее пяти часов. Впрочем, это не должно смущать тебя: пойдем в столовую, Лина накормит тебя.

Но едва успел он приняться за еду, как служанка доложила о прибытии поручика Вольфа из Гуденсберга. Вошел стройный офицер в мундире кирасирского полка и с приятными манерами. Он любезно поздоровался с Германом

и, услышав его фамилию, сказал, что знаком с ним заочно, по отзывам их общих друзей.

— Наш полковник опять отправился в Мельзунген! — добавил он со смехом, обращаясь к Гейстерам. — В момент отъезда он отдал нам строжайший приказ не отлучаться со своих постов и по своему обыкновению отпустил при этом целый залп всяких проклятий и бранных слов. Разумеется, в его присутствии мы не могли бы двинуться с места, а теперь ничто не мешает нам сегодня вечером быть у Дарфлера и свидеться с прибывшими друзьями. Майор Вюртен, оба брата Краммоны и Погвиц также явятся туда к назначенному часу... Надеюсь, что вы, многоуважаемый *juge de paix*, не пропустите такого важного собрания и приведете с собой вашего гостя.

— К сожалению, господин Тейтлебен не может присутствовать сегодня на ваших совещаниях, — сказала Лина. — Я обещала госпоже Стелтинг прийти с ним на елку, и она будет ожидать нас.

— Признаю власть женщины и покоряюсь ей! — ответил поручик с почтительным поклоном. — Наша елка немного запоздала и будет готова разве что к Пасхе... А *groros!* Мне нужно сказать вам несколько слов наедине, многоуважаемый мировой судья!

Гейстер встал, и оба удалились в кабинет.

Лина села ближе к Герману, налила ему стакан вина и сказала вполголоса:

— Не сердись на меня, что я помешала тебе идти сегодня на это собрание! Но, по моему мнению, ты должен сперва познакомиться с положением дел, тем более что заговор в пользу курфюрста принимает серьезный оборот. Ты как будто нарочно явился в день сходки единомышленников, я не решаюсь называть их заговорщиками, так как ты и Людвиг в их числе!

— Дело не в словах, Лина! — заметил он с улыбкой. — Как ни называй их — смысл остается тот же!

— Не совсем: единомышленниками называют людей одинаковых убеждений, а заговорщики — это люди готовые приступить к решительным действиям с оружием в руках. У меня сердце замирает от страха, когда я думаю об этом...

При этих словах она бессознательно положила свою руку на плечо Германа, он прикоснулся к ней губами.

— Ты говоришь, Лина, что дело принимает серьезный оборот? — спросил он.

— Да, к несчастью! Во главе предприятия стоят влиятельные дворяне, не только здешнего, но и соседних округов, наняты люди из разных сословий; нет недостатка в тайных складах оружия. Старые солдаты курфюрста, наскучив долгим бездействием, с радостью примкнули к восстанию; и что, особенно важно, кирасирские полки, расположенные здесь и в Мельзунгене, участвуют в деле. Кроме того, полковник Дернберг, один из главных руководителей движения, рассчитывает на карбины своих егерей.

— Значит, офицеры здешних полков, — спросил Герман, — также принадлежат к числу заговорщиков?

— Да, большинство сочувствует предприятию, хотя некоторые из них не совсем надежны, но рассчитывают, что в момент восстания они увлекутся примером товарищей и не захотят отстать от них.

— Но может случиться обратное, — заметил Герман, — и они перейдут на сторону наших врагов!..

— Во всяком случае, — продолжала Лина, — на праздниках должны быть решены главные вопросы, так как теперь им удобнее собираться, нежели в обыкновенное время. Сходки назначаются в разных местах, но всего чаще у хозяина гостиницы Дарфлера. Мне кажется, что ты, Герман, должен сперва обдумать, как вести себя относительно этих фанатиков. Если ты не последуешь слепо за ними и выразишь малейшее колебание, то этого достаточно, чтобы возбудить их подозрение. Лучше всего поговори с Людвигом и спроси у него совета, а сегодня вечером, если ты ничего не имеешь против этого, мы отправимся на елку к госпоже Стелтинг.

— Если не ошибаюсь, — сказал Герман, — ты упоминала ее фамилию в первый день твоего приезда в Кассель, когда рассказывала мне о твоих новых знакомых.

— Да, это вдова одного офицера, очень образованная женщина из старинной дворянской семьи и при этом вполне обеспеченная. Сын ее служит в кирасирском полку, который стоит в Мельзунгене, кроме того, у нее есть дочь Кордула, замечательно милое и доброе существо, но, к несчастью, с органическим пороком сердца; бывают дни, когда она так дурно себя чувствует, что мать ежеминутно опасается за ее жизнь...

Госпожа Стелтинг, высокая, стройная женщина со сдержанными манерами, приветливо встретила Германа и Лину, дочь ее привстала с кресла, чтобы поздороваться с гостями, и опять опустилась в него с видимым усилием.

Она походила на мать, но черты лица были более правильные и казались еще изящнее из-за прозрачной белизны кожи. Худенькая фигура и кроткое выражение миловидного лица придавали ей нечто детское и беспомощное, что заставляло окружающих оказывать ей особенное внимание. На Германа она произвела такое приятное впечатление, что он сел рядом с ней и с первых же слов выразил столько сердечного участия к ее положению, что молодая девушка почувствовала себя с ним, как со старым знакомым.

— Я давно слышала о вас, — сказала она тихим, прерывающимся голосом. — Но в последнее время все стали величать вас господином инспектором!

— Предупреждаю вас, что моя дочь ненавидит какие бы то ни было титулы, — заметила с улыбкой госпожа Стелтинг, обращаясь к Герману.

— Да, сознаюсь в этом! — сказала Кордула. — Человека и без того нелегко узнать, а тут еще он является перед вами с кличкой, которая не имеет ничего общего с его личностью. Разве недостаточно его имени? Какая надобность объявлять всем о роде его занятий или службы, или же, кто были его предки?

— Быть может, это делается из скромности, — заметила Лина, — потому что многие должны сознавать, что их личность сама по себе не имеет никакого значения, но они все-таки в состоянии заниматься тем или другим делом.

— Мне кажется, что им следовало бы радоваться, когда их называют по имени и не игнорируют их личность.

— В таком случае, я буду просить вас, фрейлейн Кордула, называть меня по имени, — сказал Герман, — надеюсь, что вы не откажете мне в этом!

Девушка кивнула головой в знак согласия.

— Вы должны как можно чаще бывать у нас, — продолжала она. — Если бы вы знали, как я люблю общество, но, к несчастью, доктора запрещают мне всякое движение, и люди сами должны являться ко мне. Только книги и газеты до известной степени заменяют мне их, так как сообщают мне о том, что делается в мире. Надеюсь, что и вы, господин Герман, расскажете мне сегодня что-нибудь интересное.

— С величайшим удовольствием, — ответил Герман. — Вы, вероятно, любите музыку, я могу передать вам последние новости о Бетховене и других знаменитых артистах из Вены. Луиза Рейхардт переслала мне несколько

писем, полученных ею от отца, если хотите, я прочту вам когда-нибудь наиболее интересные из них.

— Какой вы милый! Прочитайте мне прежде всего о Бетховене! — воскликнула больная. — При этом на щеках ее выступил яркий румянец, так что мать все время следившая за ней, видимо, встревожилась.

В эту минуту раздался звонок, и госпожа Стелтинг поспешила навстречу гостям.

Приехала Марианна фон Штейн.

— Я немного опоздала, — сказала она, входя в гостиную. — У нас также была елка: начальница не хотела отступать от старого обычая, и по этому случаю сделала подарки всем молодым девушкам, живущим у нас.

Как вы себя чувствуете моя дорогая? — добавила она, садясь возле Кордулы. — Господин доктор прекрасный рассказчик, я с удовольствием послушаю его.

Госпожа Стелтинг вышла вместе с Линой зажигать елку, приготовленную в соседней комнате. Несколько минут спустя, двери отворились настежь, и разукрашенная елка предстала в ярком свете зажженных свечей. Лицо больной девушки просияло от радости. Фрейлейн Штейн осторожно взяла ее под руку и повела к елке, сделав знак Герману, чтобы он придвинул кресло.

На столе были разложены подарки: Герман получил от Лины красивый портфель; мать подарила Кордуле вновь вышедшую книгу «Путешествие вокруг света» с картами и гравюрами, которая доставила ей видимое удовольствие.

— Давно ли вы приехали в Гомберг, господин доктор? — спросила фрейлейн Штейн, обращаясь к Герману. — Сообщите мне, что вы слышали в Касселе о моем брате, бывшем прусским министре.

— Я слышал только, что он выехал из Кенигсберга.

— А я получила сегодня письмо от брата, и могу передать вам самые последние известия. Оказывается, что Наполеон отдал приказ, чтобы все поместья du «nommé Stein», как сказано в акте, находящиеся во владениях Рейнского союза, были конфискованы. Но, вероятно, этим дело не ограничилось бы, поэтому брат мой скрылся заблаговременно и теперь находится в Праге...

Фрейлейн Штейн печально улыбнулась при последних словах и выразила надежду на лучшие времена; хозяйка дома не разделяла этой надежды; и хотя все думали о предстоящем восстании, но никто не решился заговорить о нем.

Остальной вечер прошел в дружеской беседе и пении. При прощании Кордула взяла с Германа обещание, что он вскоре навестит их.

Когда Лина с Германом шли домой мимо гостиницы Дарфлера, окна верхнего этажа были ярко освещены.

XI

Заговор

Рождественские праздники проходили незаметно для Германа. Тайные собрания заговорщиков сменялись парадными обедами, охотой в окрестных лесах и другими развлечениями. Но Герман придумывал разные предлоги, чтобы остаться наедине с Линой, так как это доставляло ему особенное наслаждение, хотя оба избегали всякого намека на то, что занимало их всего более, и в их отношениях появилась некоторая принужденность. Из общих знакомых они всего чаще бывали у госпожи Стелтинг, где проводили вечера в чтении, дружеских разговорах и пении.

Полный контраст с этими интимными вечерами представляли обеды в Валленштейнском монастыре, на которых собиралось разнообразное и более или менее многочисленное общество. Но так как, кроме членов Пруско-гессенского союза, бывали и посторонние лица, то ничего прямо не говорилось, а приверженцы курфюрста рассказывали разные случаи из его жизни, восхваляя его справедливость и редкую заботу о благосостоянии страны. Все это делали они с целью возбудить невольное сравнение между прежними и существующими порядками и при всяком удобном случае распространялись о том, насколько было бы желательно, чтобы дворянство могло спокойно пользоваться своим имуществом, а торговля и промышленность были бы поставлены в более нормальные условия. «Да, — добавлял кто-нибудь из присутствующих, — нельзя не желать этого! Среднее сословие настолько сроднилось с прежним государственным строем, что его благосостояние тесно связано с ним и едва ли можно искоренить привязанность к бывшему владетельному дому, господство которого продолжалось несколько столетий»...

Если разговор продолжался слишком долго на эту тему или возникал спор, то фрейлейн Штейн старалась отвлечь внимание гостей каким-нибудь рассказом или сообщала интересную новость, вычитанную из газет.

Герман познакомился на этих обедах со многими новыми членами Пруско-гессенского союза и решил отправиться на одно из собраний, назначенных в гостинице Дарфлера.

Когда все заняли свои места, пастор Мартин обратился с речью к присутствующим, начав ее латинским изречением из Сенеки:

— «*Ubi non adest pudor, nec pietas fidesque, haud stabile regnum est!*» Истина эта, — продолжал он, — подтверждаемая непреложными законами всемирной истории, может служить лозунгом нашего предприятия и гарантировать успех. Я изложил письменно главные результаты наших совещаний, которые мы можем считать оконченными, потому что многие из наших друзей уезжают сегодня вечером. Необходимо сообщить принятые нами решения отсутствующим членам союза и войти с ними в соглашение. Я написал на отдельном листке все то, что должно быть выполнено с особенной осмотрительностью. Господин Дернберг, которого мы признаем главой нашего предприятия, наиболее подходящий человек, чтобы провести его с успехом, и располагает необходимыми для этого средствами. Что касается добродушного молодого короля, который сам едва сознает, зачем он попал на немецкий престол, то мы хотим оградить его от всякого насилия, поэтому решили за день до восстания арестовать его ночью и запереть в крепости. Но для этого необходимо заручиться поддержкой коменданта и кого-нибудь из офицеров гвардии, который взял бы на себя в эту ночь дежурство во дворце. Вооруженное восстание в здешнем округе обеспечено, так как лучшие офицеры кирасирских полков примкнули к нашему союзу. Дернберг должен заручиться поддержкой своего егерского полка, чтобы он немедленно перешел на нашу сторону, когда мы явимся в Кассель, а тогда остальные полки, которые могли бы стоять за короля, присоединятся к нам или принуждены будут сложить оружие. Дернберг займет с войсками столицу, а Шмерфельд и Вицлебен создадут временное правительство до прибытия курфюрста.

«Таков в общих чертах план наших действий внутри государства. Но момент выполнения зависит от воли Провидения и положения дел в Европе. Во всяком случае необходимо подождать весны. Можно рассчитывать, что до этого Австрия пойдет против Наполеона, а Пруссия решится наконец присоединиться к ней: тогда по примеру мужественного Гессена восстанет весь угнетенный народ и подавит тех, кто окажет ему сопротивление. Германия ос-

вободится от чужеземного ига и с новым государственным строем вступит на путь величия и славы...

Речь почтенного пастора произвела глубокое впечатление на присутствующих не столько по содержанию, сколько по искреннему и убежденному тону, с каким она была сказана. Все в эту минуту готовы были верить в успех предприятия и в возможность соблюдения тайны; при этом поднят был вопрос: каким образом сообщить Дернбергу и другим о результатах совещаний? Некоторые стояли за письменную передачу, ввиду большей точности, но большинство решило, что необходимо сделать это словесно, если окажется возможным.

Герман предложил свои услуги, говоря, что завтра едет в Кассель и тем легче может выполнить поручение собрания.

Предложение это было единогласно принято, потому что дружба Германа с Гейстером была для всех достаточным залогом его честности.

Решено было, что он зайдет на следующее утро к пастору Мартину и получит от него подробную инструкцию относительно тех сведений, какие должны быть сообщены через него Дернбергу и другим заговорщикам в Касселе.

Герман приехал в Кассель 2 января и узнал, что в его короткое отсутствие успели произойти некоторые события. Вольфрадт, только что назначенный исполняющим должность министра внутренних дел, был утвержден министром. Затем ему сообщили неприятную для него новость, которая могла отразиться на общем ходе дел Пруссско-гессенского союза: во время передвижения войск оказано вооруженное сопротивление, и виновных велено было отправить в Падерборн. В театре также произошли беспорядки, и сторонники Берканьи не замедлили приписать это отмене тайной полиции.

XII

Маскарад у Бюлова

Предстоящий маскарад у министра финансов служил предметом оживленных толков среди высшего кассельского общества. Все ожидали чего-то необыкновенного от праздника, устроенного таким умным человеком, как Бюлов, и старались выбрать себе оригинальные костюмы, чтобы блес-

нуть перед ним и не отстать от других. Поэтому маскарад обещал быть особенно блистательным и многолюдным, сам Иероним настолько интересовался им, что явился в числе первых гостей.

Среди отдельных масок, разнообразных групп и процессий по верности и изяществу костюмов выделялись четыре нюрнбергские крестьянки. В числе них была графиня Бюлов, но ее тотчас же узнали, потому что она оказывала слишком много внимания входившим маскам и отдавала распоряжения прислуге как хозяйка дома.

Некоторые костюмы произвели эффект своей фантастичностью. Явилась география, покрытая нашитыми и наклеенными ландкартами всевозможных размеров.

Астрономия торжественно выступала среди пестрой толпы costumированных, на лбу у нее была комета с длинным хвостом, а под рукой огромный глобус.

Генеалогия была украшена с головы до ног крупными и мелкими гербами на белом фоне платья и держала в руках елку, также увешанную гербами, которая изображала родословное дерево.

Любитель цветов выглядывал из цветочной клумбы, которую тащил на себе.

Карточный игрок явился в костюме из карт и в четырехугольной шапочке, изображавшей четыре масти.

Но всего больше привлекал к себе внимание аптекарь со ступкой на голове вместо шапки и пестиком, привязанным к затылку, в виде косички. Грудь его была увешана рецептами, в левой руке был аршинный прејскурант разных медикаментов, по правую руку его шел провизор, нагруженный, как разносчик, банками, склянками, коробками, пакетами и прочим. Тем, кто толпился около него и обращался с вопросами, он раздавал медикаменты или рецепты, в которых были не только лекарства от болезни, но и предписания относительно образа жизни вообще, написанные в ироническом тоне. Таким образом запас лекарств и рецептов скоро истощился и аптекарь, доставив приятное развлечение остальным маскам, расхаживал между ними в качестве постороннего зрителя.

Король, по своему обыкновению, постоянно менял костюмы, но его нетрудно было отличить от других, как по фигуре и манере держать себя, так и по смелому обращению с дамами. Тем не менее все делали вид, что не узнают его и бесцеремонно обращались с ним, что особенно нравилось ему.

Под конец переодевания и ухаживание за дамами настолько утомили короля, что он решил остаться в костюме крестоносца, и вместе с маской, одетой монахом, прошел в кабинет Бюлова, драпированный в виде палатки и освещенный сверху матовой лампой.

Оба сели на диван, стоявший в нише, и сняли маски.

— Ну что, Берканьи? Отыскали ли вы среди масок генеральшу Кудра? — спросил с живостью Иероним.

— Если не ошибаюсь, ваше величество, то она сегодня в костюме цветочницы. Этот легкомысленный наряд вполне подходит к ее нравам. Когда я попросил ее дать мне цветок, который бы служил символом любви, мне показалось, что это ее голос, как ни старалась она его изменить.

— Странно! Она почему-то ни разу не попалась мне на глаза, а я тотчас бы узнал ее по роскошным формам и страстным телодвижениям. Известно ли вам, здесь ли ее таинственный друг, с которым она видится по вечерам? Неужели вы до сих пор ни узнали, кто он! Вам положительно не везет Берканьи относительно тайных корреспондентов и тайных любовников.

— Прошу извинения, ваше величество, вы сами стеснили меня своим приказом щадить его. Если бы можно было арестовать его, то нетрудно было бы обнаружить эту тайну, хотя он меняет часы своих посещений, является в разной одежде и всегда хорошо вооружен, так что мои агенты не решаются подойти к нему. Если они начинают следить за ним, чтобы узнать, где его квартира, то он тотчас же исчезает куда-то.

— Вы должны приискать молодого и более ловкого агента или увеличить число ваших шпионов. Мне не хотелось бы прибегать к насилию, во избежание огласки, потому что неизвестно в каком положении дела смелого рыцаря. Не забывайте, что ваши агенты не числятся больше на государственной службе и подлежат строгой ответственности за всякое насилие!

— Раза два во время давки при театральном разъезде, — заметил Берканьи, — он садился в карету генеральши и уезжал с ней.

— Не может ли Вюрц провести что-либо через горничную генеральши?

— Нет, потому что она окончательно подкуплена и выдает моего агента, так что всякий раз после его расспросов таинственный посетитель становится еще осторожнее и пускается на новые уловки...

— Тише! Сюда идет шутовской аптекарь! — шепнул Иероним. — Не известно ли кто это?

— Говорят, что это граф Липпе.

— Ну, едва ли!

— Во всяком случае такой костюм может придумать только немец.

Оба надели маски и вышли из комнаты в тот момент, когда оркестр заиграл кадрили.

Одним только приближенным короля было известно, в каких отношениях находился с ним бывший генерал-директор полиции. Иероним был вполне доволен, что новая полиция перешла в руки Вариньи и шпионы уничтожены, но сам не мог обходиться без тайной полиции, к которой приучил его Берканьи. Поэтому бывший генерал-директор сделался его доверенным лицом и наберёвывал несколько человек, которые занимались шпионажем для личных целей короля. Главным агентом был Вюрц, который не понравился новому начальству и был уволен, вследствие чего обратился к своему старому начальнику, который опять принял его к себе. Вюрц, поступив на частную службу, усердствовал более, чем когда-либо, но так как не мог открыть тайного посетителя генеральши Кудра, то старался выслужиться другими способами. Он же сообщил Берканьи о приключении Адели в будуаре обер-гофмейстерины.

Королю было крайне неприятно, что тайна будуара, которая могла глубоко огорчить его любимца Морию, известна таким людям, как Берканьи и его агент, и такой своенравной женщине, как мадам Сала. Он отдал приказ Берканьи объявить Вюрцу и Анжелике, что, при малейшей нескромности с их стороны, они будут немедленно высланы из Касселя; и сам за придворным обедом намекнул генеральше Сала, что она должна хранить втайне известное ей приключение.

Между тем аптекарь, пользуясь удалением крестоносца и монаха, сел в самый темный угол комнаты в надежде, что до конца кадрили никто не потревожит его и ему удастся отдохнуть на свободе. Но это ожидание оказалось напрасным, потому что тотчас же вошли две женские фигуры: цветочница и пилигримка, которые с видимым раздражением разговаривали друг с другом.

— Наконец-то, мы одни! — сказала цветочница по-французски.

— Кто вы такая? И что вам угодно сообщить мне? — негодовала пилигримка.

— Я хочу вас спросить: как вам могло прийти в голову кокетничать с королем? Зачем вы навязываетесь ему, жалкая тварь! Вы напрасно воображаете, что крестноносец сжалится над вами? Чем вы можете прельстить короля? Кто бы вы ни были... видите, вот для чего я привела вас сюда!

С этими словами разгоряченная маска ударила по голове пилигримку с такой силой, что ее шляпа слетела на пол.

Пилигримка в свою очередь схватила цветочницу за руку и, сняв со своего лица маску, стала звать на помощь.

Аптекарь подбежал к ним и удержал цветочницу, которая хотела обратиться в бегство. Оскорбленной пилигримкой была Люси Делагэ, падчерица Симсона.

— Остановись, маска! — приказал он. — Мадемуазель Делагэ желает знать: кто осмелился оскорбить ее таким недостойным образом!

Люси, успокоенная появлением неожиданного защитника, сама сорвала маску с лица цветочницы. Аптекарь снял свою маску: это был Герман. Взглянув на цветочницу, он едва не вскрикнул от удивления.

— Фаншон! Вы ли это? — спросил он.

— Ах, господин доктор? Вы не поверите, как я вам благодарна, — сказала Люси. — Все это случилось так неожиданно!

— Но кто мог подумать! Горничная! Как смели вы явиться сюда, мадемуазель, и вдобавок вести себя таким образом?! — воскликнул Герман.

Он взял за руку растерявшуюся цветочницу, вывел из дверей и, указывая на выход, сказал ей вполголоса:

— Уходите скорее, иначе вам будет плохо: вот вам моя благодарность за зонтик!

Несмотря на звуки музыки, шум голосов был слышен в соседней комнате и привлек нескольких лиц. В числе их была графиня Бюлов.

— Что случилось? — спросила она с недоумением.

— Графиня, — пояснил Герман, — я был свидетелем оскорбления, нанесенного мадемуазель Делагэ горничной генеральши Кудра, и выпроводил ее отсюда.

— Горничная! В нашем обществе под маской! — воскликнула с негодованием графиня Бюлов. — Этого еще не доставало! Мы не посылали приглашений прислуге!..

— Вы ошибаетесь графиня, это была не горничная, а сама генеральша Кудра, — сказала мадемуазель Делагэ.

Но прежде чем дело разъяснилось, слух, что в обществе очутилась горничная, разнесся по зале. Многие поспешили в кабинет, Иероним также пришел в сопровождении Берканьи и спросил о случившемся.

— Мне только что сообщили, что генеральша Кудра нанесла оскорбление мадемуазель Делагэ, — сказала графиня Бюлов.

— Она ударила меня по голове, ваше величество, — добавила пилигримка.

— Где же генеральша Кудра? — спросил Иероним.

— Господин Тейтлебен принял ее за горничную и вывел отсюда, — ответила графиня Бюлов.

— За горничную? Как могло это случиться? — спросил король с недоумением.

Герман был озадачен в первую минуту, но, припоминая свое приключение с Рефельдом, сообразил, что мнимая Фаншон была сама генеральша Кудра. Но так как ему было неудобно рассказывать об этом, то он решил молчать.

Король, не дождавшись ответа на свой вопрос, вернулся в залу с Берканьи.

— Вот, ваше величество, мы и накрыли ночного посетителя! — сказал бывший генерал-директор полиции. — Вы сами видели, как аптекарь вошел в кабинет... Вероятно, у него была назначена встреча с цветочницей, а Делагэ, которая сегодня пристаёт ко всем мужчинам, не исключая вашего величества, должно быть помешала влюбленным, и вспыхивая генеральша угостила ее пощечиной. *Voilà ce que c'est!* После этого вежливому рыцарю ничего не оставалось, как выпроводить ее отсюда... Какое счастье для генерала Кудра, что он не приехал сегодня на бал!

Между тем госпожа Симсон, не помня себя от гнева, отыскала мужа и настойчиво потребовала от него, чтобы он немедленно просил у короля удовлетворения за обиду, нанесенную ее дочери. Добродушный Симсон, имея в виду только неприличный поступок генеральши Кудра, не сообразил, что ему следовало бы выбрать более удобное время и место для подобного объяснения. Он торжественно подошел к королю и в тяжеловатых выражениях, переполненных юридическими терминами, просил его величество о расследовании дела и законном удовлетворении мадемуазель Делагэ, дочери его жены.

— Хорошо! Все будет сделано по вашему желанию, мой дорогой Симсон! — ответил с нетерпением Иероним. — Но теперь прошу вас успокоиться и не нарушать общего ве-

селья из уважения к почтенному хозяину дома и вашему товарищу Бюлову. Мадемуазель Делагэ, позвольте пригласить вас на вальс!

— Ваше величество, вы бесконечно осчастливили меня! — воскликнула пилигримка с почтительным реверансом.

— Берканьи, прикажите оркестру играть вальс!

В то время как маски двинулись толпой из других комнат в танцевальную залу, графиня Бюлов подозвала Германа и спросила его: каким образом он мог спутать генеральшу Кудра с ее горничной.

Строгий тон, каким был задан этот вопрос, вынудил Германа рассказать графине в общих чертах историю его случайного знакомства с мнимой горничной.

— Когда Люси Делагэ сорвала маску с цветочницы, — продолжал Герман, — и я увидел ее лицо, то пришел в ужас при мысли, что горничная ворвалась в ваше общество, и поспешил выпроводить ее. Простите мою невольную ошибку, но я сам был введен в обман.

Графиня Бюлов задумалась. Романтические приключения госпожи Кудра были ей достаточно известны, равно как и наивная доверчивость Германа, поэтому ей и в голову не пришло усомниться в его искренности. Она ласково протянула ему руку и, как бы в ответ на собственные мысли, сказала:

— Теперь все понятно, я могу объяснить королю в чем дело.

С этими словами она встала и пошла в танцевальную залу, где все еще продолжался вальс. Герман остался один, он был в мрачном настроении и решил отправиться домой, не дожидаясь окончания бала.

Наступали последние дни карнавала. Наряду с костюмированными балами, parties fines при дворе и другими увеселениями, устраивались общедоступные маскарады в театре. Иероним также бывал на них в домино и без маски; но он ни кого не стеснял своим присутствием, и веселая маскарадная публика всегда встречала его появление с видимым удовольствием.

В понедельник, в виде отдыха, устроена была «partie de plaisir» в Шенфельде, на которую приглашено было избранное общество. При этом Иероним потребовал, чтобы дамы и кавалеры были в костюмах.

Во вторник, накануне «mercredi des cendres», была теплая погода, поэтому маски переполняли улицы, разъезжали в одиночку и целыми группами. Около полудня из театра двинулся поезд разряженных масок, среди большого стече-

ния народа. Актеры ехали в театральных экипажах в самых пестрых и причудливых костюмах, их сопровождало шествие пастушек в высоких сапогах и солдат в женских юбках. За ними мясники вели разукрашенного быка. Затем следовали носилки с телом умершего Синьора Карнавала в халате, окруженные толпой в масках, которые громко оплакивали его и своими воплями и причитаниями возбуждали общий хохот зрителей.

Поезд остановился перед королевским дворцом, затем перед министерствами и направился к так называемым Голландским воротам, где для участвующих в поезде было приготовлено угощение на счет короля. Кроме того, им было роздано до сорока луидоров.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

I

Неопределенные ожидания

Прошли холодные зимние дни, наступила оттепель. Западный ветер и проливные дожди уничтожили последние остатки снега, мартовское солнце пригрело зеленеющую озимь, ожили пустынные поля и сады. Везде шла деятельная работа, повеяло весной.

Но в это время в Германии весьма немногие были способны наслаждаться идиллическими картинами весенней природы, все чувствовали какое-то неопределенное беспокойство в ожидании предстоящих событий, хотя весьма немногие имели ясное представление о том, какого рода могут быть эти события. Ходили самые странные слухи, и, чем они были невероятнее, тем более верили им. Только лица, довольные существующим порядком вещей и не желавшие никаких перемен, успокаивали себя относительно этой «*tumeur sourde*», как они выражались, и приписывали ее действию тайных обществ, которые, по их словам, стремились возбудить недовольство, чтобы склонить общественное мнение в пользу восстания.

С наступлением весны Герман начал свои поездки по делам службы в соседние округа, это дало ему возможность не только познакомиться с экономическими условиями посещаемых местностей, но и с настроением жителей. Чиновники, с которыми ему приходилось иметь дело, составляли два противоположных лагеря. Те из них, которые достигли чинов и видного положения в свете благодаря новому правительству, являлись горячими сторонниками Иеронима и враждебно относились к патриотическому движению Германии. Они зорко следили за старыми чиновниками, занимавшими высокие должности при курфюрсте, и подозревали, что они связаны с ним. Подтверждением этого служили упорные слухи, ходившие в народе, о скором возвращении курфюрста.

Священники католических приходов в большинстве случаев безразлично относились к политике и легче остального общества переживали тяжелые времена, между тем как пасторы, несмотря на осторожность, соблюдаемую ими относительно незнакомого молодого человека, едва скрывали свою преданность бывшему курфюрсту. Простой народ также стоял на стороне прежнего правительства и высказывал это еще определеннее даже в публичных местах, несмотря на преследования полиции. Из этого Герман вывел заключение, что если будет сделан призыв к восстанию во имя курфюрста, то можно рассчитывать на полное сочувствие со стороны низших классов городского и сельского населения. В это время он получил следующие известия о дальнейшем ходе события: комендант кассельской крепости согласился принять под свою охрану короля и его генералов в случае их ареста, а капитан фон Борк предложил взять на себя караул в роковую ночь. Это было тем удобнее для него, что вновь назначенный командир гренадерского полка фон Лангенштурц, его непосредственный начальник, принимал участие в предприятии Дернберга. Граф фон Гребен, служивший в карабинерском полку, ручался за него в случае восстания. Многие офицеры примкнули к Пруско-гессенскому союзу.

Европейские события также благоприятствовали предприятию. Газеты ежедневно сообщали известия о возрастающем патриотическом движении в Австрии и усиленных приготовлениях к войне. Вскоре стало известно, что образуются три корпуса: одним из них будет командовать австрийский император, другим — эрцгерцог Карл, третьим — эрцгерцог Йоганн. Австрия, по слухам, намеревалась двинуть свои войска через Саксонию для соединения с союзниками; в то же время пруссаки должны были овладеть Магдебургом, который мог служить центром для всего северогерманского восстания.

II

Арест

Теплые весенние дни благотворно действовали на здоровье короля, он был в самом веселом настроении и более, чем когда-либо, расположен оказывать милости своим приближенным.

В это время в казну поступили два богатых поместья: Бернтероде и Кейделштейн. Первое из них король пожало-

вал своему любимцу Кудра вместе со званием графа Бернтероде. Он знал, что генерал огорчен легкомысленным поведением своей жены, которая продолжала прежний образ жизни несмотря на то, что ей был запрещен доступ ко двору после скандального приключения с мадемуазель Делагэ. Иероним, помимо желания сделать что-нибудь приятное генералу Кудра, имел в виду и его жену, которая не переставала пользоваться его расположением. Он надеялся, что титул графини заставит ее образумиться, и послал к ней Маренвилля, чтобы он уговорил ее вести себя приличнее, сообразно новому званию ее мужа.

Тайна ее ночных свиданий с неизвестным посетителем оставалась неоткрытой, но Берканьи продолжал уверять короля, что молодой *inspecteur des économats* и есть избранник сердца генеральши Кудра. При этом бывший генерал-директор полиции хотел воспользоваться неприязнью короля к мнимому сопернику, чтобы отстранить Германа и отдать его место своему бывшему кандидату Берольту. План его состоял в том, чтобы захватить молодого человека по выходе из театра, в тот момент, когда он сядет в карету генеральши, а затем отправить его к отцу в сопровождении жандармов. Король тем охотнее изъявил свое согласие, что, по словам Берканьи, этим способом можно было избежать вторжения полиции в дом генерала Кудра.

Другое поместье, Кейделштейн, вместе с баронским титулом было пожаловано главному интенданту Лефлешу, мужу прекрасной Бианки, который даже по отзывам его соотечественников был человеком ничтожным и малоспособным. Но король постоянно выказывал ему особенное расположение и несмотря на значительный недочет в кассе интендантства, обнаруженный незадолго перед тем, нашел нужным удостоить его новой милостью.

Хорошее расположение духа короля отразилось на его приближенных и в другом отношении. Он постоянно придумывал новые увеселения: охоты, вечера, загородные прогулки и прочее, не обращая ни малейшего внимания на ход европейских событий и на то, что делалось внутри его государства. Движение в Австрии предвещало близость войны. Известия, о которых умалчивали газеты, сообщались в частных письмах.

Герман писал своим друзьям в Кассель 9 апреля: «Австрийцы переправились через Инн. Все ожило. Ландвер приходит в движение. Князья, графы, богатые землевладельцы взялись за оружие, многие из них вступили в отряды, где начальниками простые бюргеры. Торговые дома остаются

без служащих; сформированы целые батальоны из учащейся молодежи; театры опустели, лучшие актеры записываются в полки. Те, которые почему-либо не могут поступить в военную службу, делают разные пожертвования в пользу войск ландвера и осиротевших семейств»... Рейхардт сообщал, со своей стороны, что бывший курфюрст приехал в Прагу, где принят с почетом. Граф Валлис явился к нему во главе депутации и передал ему рескрипт, в котором австрийский император давал торжественное обещание водворить его в прежних гессенских владениях. Вслед затем получено было известие, что курфюрст, тронутый преданностью своих бывших подданных, жертвует в случае успеха предприятия 30 тысяч талеров для покрытия расходов, связанных с его возвращением в Кассель».

Между тем заранее были распределены роли главных руководителей восстания, которое могло вспыхнуть раньше назначенного времени, хотя вообще решено было ждать помощи от Пруссии, обещанной через майора Шиле. Герман не получил никакого самостоятельного назначения и должен был состоять при полковнике Дернберге для исполнения различных поручений. Хотя подобная должность была далеко не безопасная в случае столкновения с войсками, но Герман был настолько польщен оказанным ему доверием, что с радостью согласился принять ее на себя. Между тем барон Рефельд, который до этого добивался чести арестовать короля, теперь настойчиво требовал, чтобы ему поручили засадить в крепость генерала Кудра.

Со времени их вечернего визита к Фаншон, барон Рефельд, видимо, избегал Германа из опасения каких-либо объяснений относительно возвращения зонтика. Последствием этого могли быть близкие отношения барона с мнимой горничной, или же его спровадили таким бесцеремонным способом, что ему неловко было рассказывать о своей неудаче. Не менее загадочным казалось Герману его желание арестовать генерала Кудра; он не мог решить: собирался ли барон отомстить своему сопернику за безуспешное ухаживание, или спасти человека, отданного в его распоряжение.

Прошли первые дни апреля. Заговорщики ожидали возвращения короля из небольшого путешествия, предпринятого им по Вестфалии, чтобы подать сигнал к восстанию.

Герман был доволен, что в это время дела службы заставили его вернуться в Кассель, потому что со дня на день ждал известий из Пруссии, которые должен был получить через тайную почту. Он не отдавал себе ясного отчета в

том, что собственно побудило его принять участие в Пруско-гессенском союзе. Хотя нравственная распущенность, господствовавшая в Касселе, глубоко возмущала его, но это не мешало ему видеть светлые стороны либерального правления Иеронима, и он вообще не имел никакой личной неприязни к легкомысленному королю. Если он чувствовал ненависть, то к Наполеону, и вынес ее из своего пребывания в университете; наряду с этим общение с выдающимися людьми объяснило ему печальное и унижительное положение Германии. С другой стороны, таинственность, связанная с заговором, и нарушение порядка обыденной жизни представляли особенную прелесть для молодого человека, тем более что самые близкие друзья его принимали участие в предприятии. Все это настолько привлекало его, что он очутился в числе членов Пруско-гессенского союза и готов был всем пожертвовать для него, даже жизнью.

В эти дни тревожного ожидания Герман получил приглашение от Бюлова явиться к нему по важному делу.

Герман пришел в назначенный час; и, хотя Бюлов встретил его приветливо, как всегда, но был, видимо, чем-то озабочен.

— Не далее как вчера, — сказал он, — был у меня Берканьи и сообщил мне, что королю прислан донос из Брауншвейга на сборщиков податей в Верраском департаменте, которые позволили себе в публичном месте заявлять о своей преданности прусскому королю. Можно поздравить их, что эти заявления не относились к курфюрсту, потому что тогда дело их приняло бы еще худший оборот. Берканьи передал мне приказ короля, чтобы я подробно исследовал дело и непременно через вас...

Герман был настолько озадачен, что не находил слов для ответа.

— Вы, конечно, удивлены не менее меня таким неожиданным поручением, — продолжал Бюлов. — Не подлежит сомнению, что тут кроется какая-нибудь интрига, направленная против вас; поэтому вы должны быть настороже и вести дело, как можно осмотрительнее. Мое недоверие главным образом возбуждено тем, что Берканьи передал мне этот приказ. Вероятно, король велел только сделать дознание, а Берканьи подал ему мысль возложить на вас щекотливое поручение... Но это теперь не имеет значения — приказ короля должен быть исполнен без всяких возражений. Собирайтесь в дорогу, завтра утром вы получите от меня нужные бумаги.

Герман не разделял подозрений Бюлова; и хотя возложенное на него поручение было неприятно ему во многих

отношениях, он утешал себя мыслью, что по пути заедет в Гомберг и увидит Лину.

Вернувшись домой, он нашел на своем письменном столе письмо, принесенное в его отсутствие каким-то неизвестным человеком.

Письмо состояло из нескольких слов: «Предостерегают господина Тейтлебена, чтобы сегодня, выходя из театра, он не подходил к экипажу графини Кудра».

— Сегодня! — проговорил с удивлением Герман. — Разве я подходил когда-нибудь к ее карете?.. Письмо действительно адресовано на мое имя: если это не какое-нибудь недоразумение, то, нечего сказать, хорошей репутацией пользуюсь я в Касселе!

После минутного колебания Герман все-таки решил отправиться в театр, где в первый раз давали новую оперу Мегула «Иосиф». Все билеты были заранее разобраны, и он с трудом достал себе место в последних рядах.

Опера прошла блистательно. Герман вышел до окончания представления, чтобы наблюдать за разъездом. Сходя с крыльца, он столкнулся лицом к лицу с графиней Кудра, но она не заметила его и, быстро проскользнув между поданными экипажами, остановилась перед каретой, стоявшей в отдалении, где ее ожидал мужчина в плаще. Он подал ей руку и посадил ее, но в тот момент, когда он хотел сесть с ней в экипаж, его схватили два вооруженных жандарма и, укутав в его же плащ, посадили с собой в коляску, которая быстро покатила по улице. За ними следовал третий жандарм верхом.

Герман невольно улыбнулся. «Теперь моя репутация спасена! — подумал он. — Мой неизвестный доброжелатель убедится, что я не имею ничего общего с этим господином»...

III

Набат

На следующий день Герман, получив бумаги от Бюлова, отправился в путь и, согласно своему намерению, решил сначала заехать в Гомберг. Стояла теплая погода, фруктовые деревья были в полном цвету и наполняли воздух своим тонким ароматом, солнце ярко освещало весенний ландшафт. Герман был в самом радостном настроении; зная хорошо местность, он свернул с большой дороги и пробирался верхом по тропинкам, проложенным пешехода-

ми. Не доезжая Гомберга, он услышал бой часов на городской башне, возвещавший время обеда, а вслед затем раздался набат, смешанный с боем барабанов и звуками военной музыки. В первую минуту он подумал, что это, вероятно, вестфальские войска, которые, по слухам, должны были выступить против Австрии, но набат приводил его в полное недоумение.

Он пришпорил лошадь и, к удивлению своему, увидел кирасиров, ехавших в разных направлениях, и вооруженных крестьян, спешивших толпами в город. Вслед затем послышался набат в окрестных местечках и деревнях, как бы в ответ на сигнал, данный в Гомберге.

У Германа замерло сердце. Въехав в город, он должен был сойти с лошади, так как все улицы были заполнены народом, который стремился на площадь, где развевались старогессенские знамена и время от времени раздавались крики: «Да здравствует курфюрст! Виват! Долой французов!...»

Герман с трудом добрался до квартиры Гейстеров. Он был вне себя от беспокойства. Народное восстание вспыхнуло раньше назначенного времени и застало Германа врасплох. Он должен был находиться в Касселе и ждать распоряжений Дернберга, но по странному стечению обстоятельств очутился в Гомберге и не знал, что ему делать.

Одна Лина услышала его шаги и вышла к нему навстречу бледная и расстроенная. Она молча подала ему руку и поспешно провела его мимо кабинета Людвига, где были слышны мужские голоса. Войдя в свою комнату, она с рыданием бросилась на шею Герману.

— Что привело тебя сюда? — воскликнула она. — Ты будешь также участвовать в этом ужасном деле? О Боже! Все вы погибнете! Могла ли я ожидать этого!..

Герман старался успокоить ее и рассказал, как он попал в Гомберг и насколько его удивило неожиданное смятение в городе.

— Объясни мне Лина, — спросил он, — почему все это случилось так внезапно? Что намерены они предпринять?

— В этом нужно видеть такое же злополучное стечение обстоятельств, как и то, которое привело тебя сюда. Никогда не желала я так, чтобы ты не приезжал, как теперь, потому что еще сегодня утром Мартин объявил нам, что вспыхнет восстание. Дело ведется слишком опрометчиво и успеха быть не может, я потеряю мужа и тебя Герман!..

В комнату вошел Гейстер с ружьем, видимо, взволнованный, рукав его был перевязан красной лентой.

Лина со слезами бросилась к нему, он нетерпеливо отстранил ее, — увидя Германа, протянул ему руку.

— Очень рад видеть тебя, — сказал он. — Пойдем с нами, я был уверен, что ты приедешь!

— Нет, Людвиг, я попал сюда случайно и не ожидал, что так скоро начнется восстание!

— Такова воля Провидения! — отвечал Гейстер. — Отечество призывает нас... Медлить нечего! Следуй за мной, ты можешь взять ружье в моем кабинете!..

— Но я должен быть при Дернаберге и немедленно поеду в Кассель, — сказал Герман. — Объясни в каком положении дело и когда вы двинетесь из Гомберга?

— В эту же ночь. Мы ждем только приказа Дернаберга, останься здесь и, когда окажется нужным, ты поедешь вперед, чтобы доложить ему о том, что делается у нас... А ты, Лина, перестань беспокоиться! Поверь, что дело не дойдет до стычки, потому что прежде, чем мы прибудем в Кассель, король будет арестован со своими приближенными, войска присоединятся к нам, и мы войдем победителями в столицу Вестфалии.

Гейстер говорил это не для утешения Лины; он был также убежден, как и остальные руководители восстания, что дело примет подобный оборот, но, как нервный человек, находился в крайне возбужденном состоянии. Он рассказал Герману, что сам король ускорил восстание, отдав приказ войскам выступить против Австрии, так как это лишало заговорщиков помощи двух полков — кирасирского и егерского, на которые они всего более рассчитывали. Накануне было последнее заседание членов Пруско-гессенского союза в Касселе; и Дернаберг прислал гонца в Гомберг с приказом подать сигнал к восстанию, которое заметно усилилось после полудня. Три эскадрона кирасиров явились на площадь, большинство офицеров были здесь, кроме нескольких человек, которые отказались прийти под предлогом нездоровья. В солдатах, по словам Гейстера, не было заметно особенного воодушевления — многие были довольны своей настоящей службой и не желали возвращения к старым порядкам, но решились принять участие в деле, чтобы не отстать от товарищей. В местном населении, наоборот, заметна была полная готовность участвовать в деле; отставные солдаты, лесная стража, чиновники, учителя, пасторы, трактирщики, даже евреи и женщины старались выказать свое усердие. Они приносили на площадь приготовленное оружие, боевые и съестные запасы и угощали солдат, выразивших готовность стоять за народное дело.

Гейстер говорил торопливо и, едва окончив свой рассказ, ушел, чтобы отдать некоторые распоряжения и расставить караул по городу.

Между тем Лина получила записку от госпожи Стелтинг, которая умоляла ее прийти и успокоить Кордулу, которая была напугана городским шумом. Лина упрашивала Германа пойти с ней, но он отказался и отправился на городскую площадь.

IV

Тревожная ночь

Герман, подходя к площади, был поражен царившей там тишиной, но вскоре он услышал мужской голос, произносивший речь. Это был полковник Дернберг: он убеждал собравшуюся толпу придерживаться строгого порядка и тишины. Громкий крик «виват!» был ответом. Герман хотел пробраться вперед, но это не удалось ему; в это время Дернберг направился к монастырю в сопровождении Гейстера и других предводителей. Герман остался на площади в ожидании его возвращения, теперь он не сомневался, что ему придется принять непосредственное участие в восстании.

По данному сигналу кирасиры опять выстроились на площади, но число их заметно уменьшилось с наступлением ночи; офицеры молча прохаживались перед фронтом.

Совсем иной вид представляли волонтеры, к которым присоединились несколько карабинеров и большинство солдат, служивших при бывшем курфюрсте; они с нетерпением ожидали начала военных действий. Тут был и довольно сильный отряд из того стрелкового батальона, который после бегства курфюрста должен был сложить оружие, и теперь единодушно примкнул к восстанию. Кругом стояла вооруженная народная толпа настолько многочисленная, что заняла собой значительную часть площади и соседние улицы. На лицах видна была неизменная решимость вместе с надеждой на успех. Герман невольно поддался общему настроению и не чувствовал прежних опасений за благополучный исход предприятия.

Вскоре раздался бой барабана, и из соседней улицы выступило шествие. Впереди шел пастор; за ним несли вышитое знамя, за которым следовал Дернберг верхом в сопровождении предводителей восстания и вооруженной толпы крестьян. Пастор встал на приготовленное возвышение и начал

произносить речь, призывая Бога на помощь великому предприятию, затем благословил знамя и передал знаменосцу со словами: «Победа или смерть за отечество!» Растроганная толпа трижды повторила этот возглас. Когда крики стихли, женщины и дети пробрались вперед, чтобы проститься со своими; слышались рыдания, иные громко молились.

В это время Дернберг увидел в толпе Германа и подзывал его.

— Я не ожидал встретить вас здесь! — сказал он. — Намерены ли вы принять участие в предстоящем деле?

— Я ожидаю ваших приказаний, полковник!

— Хорошо! Будьте наготове, я сейчас вернусь... Господа офицеры! — добавил он. — Прошу вывести войска в боевом порядке на дорогу. Ночь скоро наступит, мы должны двинуться в путь.

Дернберг отправился к госпоже Стелтинг. Она сама отворила ему дверь.

— Это вы, полковник! — воскликнула она с удивлением. — Очень рада видеть вас, по крайней мере вы водворите порядок: сегодня с раннего утра такой шум в городе!

— Завтра у вас будет мертвая тишина, — ответил он, целуя ее руку. — Не говорите Кордуле, что вы видели меня, это взволнует ее. Я зашел на минуту, чтобы проститься с вами...

— Надеетесь ли вы на успех, полковник? — спросила она, понизив голос.

Дернберг оглянулся.

— Мы одни, — сказал он, — и я вам объясню в каком положении дело. Никто не знает этого, кроме меня! Вышло какое-то недоразумение, потому что весть о восстании уже распространилась в Касселе и дошла до короля. К счастью, я узнал вовремя, что отдан приказ о моем немедленном аресте, тотчас же сел на лошадь и поскакал во весь опор в Гомберг...

Голос Дернберга задрожал при последних словах, но он овладел собой и, пожав руку госпоже Стелтинг, вышел на улицу.

Площадь начала пустеть, когда появился Дернберг; Герман ожидал его.

— Господин Тейтлебен, — сказал он, — поезжайте ближайшей дорогой в Кассель и сообщите нашим друзьям, что завтра, перед рассветом, 8 тысяч человек будут под стенами города. Дальнейшее вам известно, но будьте осторожны и не попадитесь... разумеется, вы должны быть без оружия. До свидания!

Герман хотел идти, но Дернберг остановил его.

— А вам известен наш пароль? — спросил он.

— Нет, господин полковник.

— Я не ожидал от вас подобной опрометчивости. Пароль наш: «Гессен!» Ведь наши аванпосты не пропустили бы вас в город... Не теряйте времени, вы должны опередить нас на несколько часов...

V

В Касселе

Герман поспешил к Гейстерам, чтобы проститься с ними. Лина в первую минуту обрадовалась ему, но узнав о его неожиданном отъезде, упала духом. Страх за Людвига более прежнего овладел ею, она рассчитывала, что они будут вместе и, быть может, в случае опасности окажут друг другу помощь, но теперь эта надежда оставила ее. Герман не мог ничего сказать ей в утешение, и, торопливо простившись с ней, уехал.

Недалеко от Касселя он был остановлен аванпостом, поставленным на дороге, но офицер оказался знакомым и велел тотчас же пропустить его.

При въезде в город Германа прежде всего поразили объявления, прибитые на углах улиц, в которых перечислялись имена многих участников восстания. Они были названы бунтовщиками и разделены на три разряда: первые подлежали смертной казни, вторые подвергались наказанию как дезертиры, третьих должны были судить обыкновенные суды за участие в восстании. У Германа замерло сердце от этих угроз, как бы заранее предвещавших неудачный исход восстания. Но так как имена некоторых главных участников не были упомянуты, то можно было думать, что правительство не имеет подробных сведений о членах Пруско-гессенского союза.

Несмотря на ранний час, Герман отправился к Бюлову, чтобы посоветоваться с ним и узнать о положении дел, но застал его выходящим из дома. Карета уже была подана, так как Бюлов спешил во дворец, чтобы быть при короле, который собрал около себя значительную часть войска. Он внимательно выслушал рассказ Германа и сказал:

— К счастью, тайна союза раскрыта только отчасти, и если не будет измены, то многие уцелеют; попались только самые неосторожные... А вы тотчас приготовьте рапорт, что вследствие восстания не могли окончить дела и принужде-

ны были вернуться ночью в Кассель. Однако до свидания! Мне пора ехать.

Герман, вернувшись домой, застал на своем столе письмо барона Рефельда.

«Вышло забавное недоразумение, — писал он, — меня привезли в Галле вместо вас. Еще дорогой, среди жандармов, ко мне вернулось мое душевное равновесие, а затем я воспользовался необычайным случаем, который привел меня в дом вашего отца, чтобы сообщить ему самые свежие сведения о вас. Ваши родители, равно как и Луиза Рейхардт, посылают вам поклон, а я, со своей стороны, обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой: вероятно, мне не скоро удастся вернуться в Кассель, велите уложить мои вещи и пошлите их по прилагаемому адресу. В бюро лежат деньги: расплатитесь с прислугой. На всякий случай прилагаю полную доверенность...»

Герман читал рассеянно, но тут раздался глухой выстрел из пушки, и заставил его вздрогнуть. Он бросил письмо на стол, не дочитав его: беззаботный тон барона Рефельда представлял неприятный контраст с пушечной пальбой, которая все усиливалась. Герман не мог долее оставаться дома и выбежал на улицу, где все было в движении: с разных сторон выступали войска, жители под влиянием страха бежали, не зная куда. Наконец, на повороте улицы Герман встретил доктора Гарниша, который подробно рассказал ему о том, что произошло в Касселе во время его непродолжительного отсутствия.

Кто, собственно, открыл заговор было не известно: носился слух, что один из членов Пруссско-гессенского союза навел на след своей опрометчивостью, другие утверждали, что камергер фон Ягов первый предупредил короля о предстоящем возмущении. Иероним не допускал возможности измены со стороны Дернберга, пока его внезапное бегство и начавшееся народное восстание не рассеяли его сомнений.

— Насколько я мог видеть и слышать от других, — продолжал Гарниш, — король ведет себя с примерным великодушием и тактом. Он объехал ряды войск в сопровождении Бюлова и барона Рейнгарда и, напомнив солдатам об их присяге, предоставил желающим сложить оружие и присоединиться к народному восстанию; затем он обратился к офицерам и предложил отправиться в Англию и Америку тем из них, которые не расположены сражаться за него... Никто не двинулся с места и раздался единодушный крик: «Vive le Roi!» Иероним снял шляпу и сказал, что «принимает эти слова за новую присягу!» «Я знаю солдат, — добавил ко-

роль, обращаясь к Бюлову, — так как провел несколько лет в лагере, но в первый раз встречаю между ними человека, который воспользовался моим расположением и милостями, чтобы предать меня с таким коварством...»

Герман слушал с напряженным вниманием, но Гарниш неожиданно остановился и воскликнул раздраженным голосом:

— А знаете ли вы, кто командует бригадой, которая в этот момент угощает картечью несчастный народ, восставший за свои права? Догадаться мудрено, и поэтому я назову его... Это один из предводителей восстания, полковник Л., он присутствовал на последнем заседании у Дернберга, за ночь успел одуматься, а сегодня утром предложил свои услуги королю, и произведен в бригадные генералы!..

Герман изменился в лице. Новость была настолько неожиданная, что он не мог ничего сообразить в первую минуту.

— А теперь, — продолжал Гарниш, — советую вам успокоиться! Не хотите ли зайти ко мне? Вы увидите баронессу Рейнгард... Когда вспыхнуло восстание, посланник привез ко мне свою жену и детей и отдал их на мое попечение, говоря, что я, вероятно, принадлежу к числу заговорщиков. Сам он решил сопровождать Иеронима в том случае, если его величеству придется искать спасения в бегстве.

Герман чувствовал себя настолько расстроенным, что отказался от приглашения и отправился домой. Проходя мимо открытых окон одной гостиницы, он слышал, как хозяин успокаивал свою жену: «*Chère, Catherine! Bonnes nouvelles! Король в городе, мы победили!..*»

VI

Просьба

Народное ополчение с рассветом достигло вершины горы, с которой открывался вид на Кассель и окрестности; и здесь глазам его представилось неожиданное зрелище. Перед ним на незначительном расстоянии находились королевские войска, расположенные в боевом порядке, так что место ожидаемого приступа предстояла битва в открытом поле. Тем не менее мужество не покинуло их. Они двинулись вперед, несмотря на превосходство неприятельских сил; но картечные залпы быстро опустошили их ряды. Дернберг показывал чудеса храбрости и присутствия духа, так как ре-

шился победить или обречь себя смерти; и она постигла бы его, если бы ополчение, состоящее преимущественно из крестьян, не обратилось в бегство и не увлекло за собой храброго предводителя. Солдаты кирасирского и других полков, принявшие участие в восстании, последовали их примеру и рассеялись в разные стороны. Только незначительная часть их осталась на поле битвы и отступила по команде офицеров, преследуемая неприятельскими выстрелами; к ним присоединились остальные предводители восстания, дворяне, чиновники и другие члены Прусско-гессенского союза. Весьма немногие добрались до ближайшей границы, где все было приготовлено для их бегства: одни были убиты, другие взяты в плен, в том числе Дернаберг и Гейстер, которые были захвачены по дороге в Гомберг.

Между тем роковая тишина, наступившая по окончании битвы, и неизвестность были настолько мучительны для Германа, что он велел оседлать лошадь и выехал за город. Здесь увидел он печальное зрелище: обширная равнина была усеяна убитыми и ранеными; вооруженные отряды вели партии пленных. Герман сошел с лошади, сердце его усиленно билось — исход битвы был очевиден, но от кого узнать об участии Гейстера, Дернаберга и других?

Ему недолго пришлось ждать: мимо него провели новую партию пленных, между ними он увидел Гейстера, который, по-видимому, изнемогал от усталости, но лицо его оживилось, когда Герман, не помня себя от горя, бросился к нему на шею. Слезы навернулись на глаза Гейстера.

— Бедная Лина! — проговорил он с усилием.

Герман пошел рядом с ним.

— Тебя нужно спасти, Людвиг! — шепнул он.

— Это невозможно! — возразил Гейстер. — Моя участь решена...

— Не падай духом, Людвиг! Остается одно средство — просить короля о помиловании. Не можешь ли ты назвать кого-нибудь, кто имеет на него влияние? Я совсем потерял голову...

— Нет, это был бы напрасный труд! Ни один мужчина не решится в подобном случае просить за государственного преступника. К Иерониму самый верный доступ через какую-нибудь легкомысленную даму, а ты знаешь, я не знаком с ними...

— Прекрасная мысль! — воскликнул Герман. — Я знаю женщину, которая имеет влияние на короля, хотя ее ни в коем случае нельзя назвать легкомысленной. Это прекрасная и высоконравственная личность. Она спасет тебя...

Герман замолчал, потому что в эту минуту они подошли к крепости, и он едва успел наскоро проститься со своим другом. Пленных ввели в железные ворота, которые тотчас же закрылись за ними, ввиду собравшейся толпы.

Герман отправился в старый замок, служивший зимней резиденцией короля, и велел провести себя в комнаты обер-гофмейстерины. В замке царила неразбериха из-за поспешных сборов к отъезду королевы. При первом известии о народном восстании решено было, что ее величество отправится в Страсбург; и, хотя победа осталась за королевскими войсками, но отъезд королевы не был отменен, тем более что она получила лестное приглашение от французской императрицы приехать в Париж.

Графиня Антония была крайне удивлена визитом Германа и велела просить его в свой кабинет. При виде его расстроенного лица, она с беспокойством спросила:

— Что с вами, господин доктор? Вероятно, случилось какое-нибудь несчастье, и вы пришли сообщить мне о нем...

— Да, графиня! И трудно представить себе большее несчастье: друг мой Людвиг Гейстер, занимавший в последнее время должность мирового судьи в Гомберге, захвачен с оружием в руках и отведен в крепость. Он принимал участие в восстании, и ему, как государственному преступнику, грозит смертная казнь... Вы сказали мне однажды, что я могу обратиться к вашей помощи в случае нужды, и поэтому теперь, умоляю вас, спасите Гейстера!..

С этими словами Герман бросился на колени перед изумленной обер-гофмейстериной.

— Встаньте, ради Бога, и успокойтесь! — сказала она. — Объясните в чем дело, какую помощь могу я оказать вам?..

— Вы одна, графиня, можете спасти его... Просите короля о помиловании Гейстера!..

Графиня Антония побледнела и с испугом взглянула на Германа.

— Вы требуете невозможного! — воскликнула она. — Сегодня никто не решится беспокоить короля подобной просьбой...

— Быть может, завтра будет слишком поздно, и не далее как сегодня нужно сделать попытку спасти Гейстера. Сжалось над ним, графиня!

— Не забывайте, господин доктор, что вы компрометируете себя, заявляя о своей дружбе с бунтовщиком.

— Вот и вы, графиня, называете бунтом народное восстание! Разумеется, король разделяет это мнение, но, мне кажется, что можно было бы представить его величеству в

числе других доводов, что он сам своим поступком с госпожой Гейстер вынудил ее мужа принять участие в восстании... Казнь Гейстера будет вопиющей несправедливостью со стороны короля!

Обер-гофмейстерина была взволнована и ответила нерешительно:

— Едва ли власть короля в этих случаях выше закона, но, если вообще он может даровать жизнь государственным преступникам помимо суда, то, конечно, будет много таких просьб, как ваша. Я лично отказываюсь от всякого вмешательства в подобном деле...

— Но только вы, графиня, при вашем общественном положении и влиянии на короля можете обратиться к нему с подобной просьбой, и она будет исполнена!

— Вы, конечно, не знаете моих отношений с королем! — возразила обер-гофмейстерина раздраженным голосом. — Считаете ли вы уместным, чтобы госпожа Гейстер, после ее истории с Иеронимом, обратилась бы к нему с какой-либо просьбой?..

Герман был настолько поражен таким неожиданным признанием, что не сразу нашелся, что ответить.

— Если я понял вас графиня, то вас останавливает опасение, что король за исполнение вашей просьбы потребует слишком большой награды!.. Неужели из-за этого вы дадите погибнуть человеку?.. Вы были откровенны со мной, позвольте и мне ответить вам тем же: главным поводом моей просьбы к вам не одна дружба к Гейстеру... Я люблю его жену... Многим известно, что я бывал в вашем доме и, следовательно, могу просить вас ходатайствовать перед королем за Гейстера, если завтра он пойдет на казнь, то всякий вправе заподозрить меня, что я не захотел спасти его, так как с его смертью связано мое благополучие... Графиня, спасите не одного Гейстера, но и мою честь!

Он опять встал на колени перед ней, чем окончательно смутил ее.

— Встаньте, прошу вас, — проговорила она с усилием. — Помните, что вы в королевском дворце и сюда могут войти.

— Простите, графиня, — отвечал Герман, — но вы сами видите, что я в безвыходном положении... Неужели при дворе не найдется ни одной женщины, которая решилась бы обратиться к великодушию короля...

В эту минуту в соседней комнате слышались голоса. Обер-гофмейстерина торопливо встала со своего места и, обращаясь к Герману, сказала взволнованно: «Оставайтесь здесь и ждите моего возвращения!»

С этими словами она вышла из комнаты. Прошло более получаса; ожидание казалось Герману бесконечным, то у него являлась надежда на успех, то он приходил в отчаяние и старался успокоить себя мыслью, что сделал все, что мог, для спасения Гейстера.

Наконец графиня Антония вернулась. Паж нес за ней большой запечатанный пакет на серебряном подносе. Герман в первую минуту едва не вскрикнул от радости, но у него замерло сердце, когда он увидел строгое и печальное лицо графини.

— Идите! — сказала она. — Барон фон Лестен проведет вас к коменданту крепости! Там вы узнаете, на каких условиях отпущен Гейстер... Позаботьтесь, чтобы друг ваш уехал как можно дальше от Касселя, и чем скорее, тем лучше... Прощайте, мы никогда не увидимся с вами!..

Прежде, нежели Герман успел выразить ей свою благодарность, она исчезла из комнаты. Герман в сопровождении пажа отправился в крепость.

VII

Бегство

Несмотря на успешный исход дела Герман чувствовал невольное смущение, вспоминая печальное лицо графини Антонии: он спас друга, но, видимо, доставил тяжелую минуту великодушной женщине, которая решилась просить за него короля. Но ему некогда было ни задумываться над этим вопросом, ни отдать себе ясного отчета, почему он не чувствует особенной радости при мысли, что Людвиг спасен от смертной казни.

Новым комендантом крепости был тот самый полковник, участвовавший в заговоре, который предал Дернберга в момент восстания и за свою измену в то же утро был произведен в бригадные генералы. Но он не принадлежал к числу людей, которые из желания отличиться перед правительством выказывают особенную ненависть или усердие в преследовании своих бывших товарищей. Хотя несколько часов тому назад он дал письменное удостоверение в своей неизменной преданности королю, но, вступив в должность коменданта, делал все от него зависящее, чтобы облегчить участь узников.

Прочитав бумагу, присланную королем, он сказал: «Я готов исполнить приказ его величества, но он так странно сформулирован, что нужно спешить с выполнением. Гей-

стер должен бежать сегодня ночью... более я ничего не могу сообщить вам. Приготовьте все, что нужно, он выйдет из ворот с наступлением сумерек... Подпись короля ничем не скреплена, но она достаточна для моего оправдания; вероятно, приказ написан под влиянием женщины и может быть отменен... поэтому не теряйте времени...»

Герман поспешно вышел из крепости и, заняв денег у банкира Якобсона, послал гонца к Лине с письмом, в котором сообщал о скором прибытии Людвига и просил немедленно заняться приготовлениями для его дальнейшего бегства. С наступлением сумерек он велел своему слуге оседлать верховую лошадь, а сам направился к крепости, где вскоре увидел переодетого Гейстера, выходившего из ворот. Они встретились на мосту. Герман молча проводил его до своего дома и, только войдя во двор, решился заговорить с ним. Здесь он вручил ему деньги, занятые у Якобсона и, сообщив о сделанных приготовлениях для его бегства, советовал ехать ближайшей дорогой в Гомберг, а затем, не теряя ни минуты, продолжать путь во избежание погони. Друзья обнялись в последний раз. Гейстер сел на лошадь и уехал, не заходя в дом, чтобы не потревожить госпожу Виттих своим неожиданным появлением.

Наступили тяжелые дни. Кирасиры, принимавшие участие в восстании и захваченные в плен после битвы, были расстреляны как государственные преступники. Той же участи подверглись офицеры и солдаты других полков, а равно и крестьяне, взятые с оружием в руках. Казни совершались в соседнем лесу, и роковые выстрелы, долетая до слуха кассельских жителей, наполняли ужасом их сердца. К этому присоединились печальные известия о поражениях, которым подверглась австрийская армия. Вестфальский «Moniteur» ежедневно заполнялся поздравительными адресами Иерониму по поводу неудавшегося восстания и изъявлениями верноподданнических чувств.

Королева уехала из Касселя. Просьбы о вспомоществовании немецким семействам, обедневшим после восстания, не дошли до ее величества. Обер-гофмейстерина отказалась ехать в Париж под предлогом нездоровья, хотя причина была другая. Она откровенно рассказала мужу об отношении короля к ней, и после продолжительного совещания они остановились на решении уехать навсегда из Касселя, хотя это было одинаково тяжело для обоих. Мечты честолюбивой женщины о влиянии на короля для блага соотечественников были окончательно разрушены, тяжелое сознание своего полного бессилия подавляло ее. Будущее

представлялась ей в самых мрачных красках, а, с другой стороны, предстоящее объяснение с королем усиливало ее дурное расположение духа, которое мало гармонировало с окружающей обстановкой. Изящная гостиная имела праздничный вид: на этажерках и в вазах везде были поставлены цветы, графиня Антония была в дорогом платье, сшитом по последней моде. Она отдала приказ не принимать других гостей, кроме короля. Вскоре слуга в ливрее отворил настежь дверь и доложил о прибытии его величества.

Иероним, улыбаясь, поздоровался с обер-гофмейстериней, при этом на лице его выразилось удивление.

— Что это значит, — спросил он, окинув взглядом гостиную. — Слуга в парадной ливрее, везде расставлены букеты цветов, хозяйка дома в нарядном платье. Я надеялся, что меня встретят запросто, и мне удастся провести несколько счастливейших минут с моей милой графиней Антонией... но вместо этого мне приготовили торжественный прием. Быть может, это не имеет ни малейшего значения, и я напрасно мучаю себя разными предположениями... Не так ли, моя дорогая Антония?

Он сделал движение, чтобы обнять ее, но она отстранила его рукой:

— Мне кажется, ваше величество, что я не подала вам повода к такому фамильярному обращению. Прошу терпеливо выслушать меня. Я пришла тогда просить вас о помиловании несчастного человека по настоянию его друга, доктора Гейтлебена, который обратился к моей помощи, так как никто из придворных не решился бы говорить о подобном деле с разгневанным королем. Теперь я сознаю, что и мне не следовало делать этого! Я решилась прибегнуть к вашему великодушию, потому что в этом случае законная кара, которой должен был подвергнуться преступник, имела вид личной мести со стороны вашего величества... Всем известно в Касселе, что госпожа Гейстер отвергла вашу любовь, и казнь ее мужа послужила бы поводом для новых нареканий. Я осмелилась предостеречь короля, но мне, конечно, не могло прийти в голову, что у него может появиться прежняя и, как мне казалось, давно забытая фантазия. С другой стороны, великодушная готовность вашего величества помиловать важного государственного преступника — и в такое время — настолько тронула меня, что я молча выслушала предложенные вами условия и этим как бы выразила свое согласие. Я утешала себя мыслью, что вы одумаетесь, но теперь вижу, что эта надежда оказывается напрасной, и мне остается только жалеть о моей опрометчивости...

Иероним нетерпеливо выслушал объяснение графини Антонии, по-видимому, заранее придуманное ею, и резко прервал ее:

— Надеюсь, графиня, вы не посмеете дурачить меня? Я могу напомнить вам с кем вы имеете дело!

— Это будет напрасный труд, ваше величество! — возразила она с надменной улыбкой. — Вы достаточно пользуетесь преимуществами своего положения, так что едва ли можно забыть об этом.

Наступила минута молчания.

Графиня Антония овладела собой и продолжала более спокойным голосом:

— Прошу извинения у вашего величества. Я надеялась расстаться с вами в более дружеских отношениях. Мы с мужем решили уехать из Касселя, как можно дальше, чтобы ничто не напоминало о нем. Здесь многое волнует и огорчает меня до глубины души; все классы общества одинаково тяготятся ненормальными политическими условиями и вопиющими злоупотреблениями в различных отраслях управления. Трудно предвидеть, чем кончится все это!..

— Я теряюсь в догадках, что, собственно, так печалит вас, — ответил король раздраженным голосом. — Женщинам не следует вмешиваться в политические дела — это не их сфера!.. К сожалению, я попал к вам не вовремя, хотя имел право рассчитывать, что вы не забыли на каких условиях я согласился тогда исполнить ваше желание! Теперь все ясно для меня... Я давно не видал вас в таком изящном наряде, вы даже как будто помолодели!

— Я не понимаю, что вы хотите сказать этим, ваше величество? — удивилась графиня Антония.

Иероним разразился злобным смехом.

— Если не ошибаюсь, — сказал он, — рядом с этой комнатой тот самый будуар, в который вы некогда спрятали Адель Ле-Камю с молодым учителем во время моего визита. Теперь обстоятельства несколько изменились: он, вероятно, сидит там один и с нетерпением ожидает вашего появления, чтобы выразить свою благодарность. Я уйду, чтобы не задерживать вас...

Он взял шляпу и торопливо поднялся со своего места.

Графиня Антония побледнела от гнева и, бросив презрительный взгляд на короля, открыла настежь дверь будуара.

— Вы видите, ваше величество, — сказала она взволнованным голосом, — никто из прислуги не мог подслушать нашего разговора. Что касается подозрения, высказанного вами, то я считаю лишним возражать на него, потому что

вы сами не верите этому... Мы расстаемся навсегда, я считала себя виноватой перед вами, но теперь вы рассеяли все мои сомнения. Король Иероним недаром жил в Балтиморе — он даже в любви видит торговую сделку и, следовательно, тут не может быть и речи о каких-либо нравственных страданиях. Прощайте...

Она слегка поклонилась ему с величественным видом королевы, которая желает прекратить аудиенцию, и прошла в свой будуар.

Иероним был вне себя от ярости, но ему ничего не оставалось, как последовать примеру хозяйки дома и немедленно удалиться, чтобы выйти из неловкого положения, в котором он очутился так неожиданно.

На следующий день в вестфальском «Moniteur» было напечатано известие об отъезде обер-гофмейстерины и ее супруга из Касселя.

VIII

После восстания

Неожиданное бегство Гейстера удивило всех и послужило поводом для всевозможных предположений и слухов, тем более что по городу вслед затем разнеслась весть, что Дернбергу также удалось бежать из крепости и что он находится вне опасности. В Касселе наступило затишье; смертные казни прекратились; начался суд над остальными участниками восстания, сидевшими в крепости; но было известно заранее, что значительная часть их будет помилована и что весьма немногие подвергнутся ссылке и конфискации имущества. Но общая радость, возбужденная этими известиями, оказалась преждевременной; пронесся слух, что начались аресты в Гомберге и что в Валленштейнском монастыре был сделан строжайший обыск. Обитательницы его обвинялись в том, что вышивали знамя для бунтовщиков и пожертвовали на восстание три тысячи дукатов. Настоятельница монастыря Марианна фон Штейн и ее помощница были отправлены в Майнц под конвоем жандармов. Хотя в захваченных бумагах не было ничего предосудительного и вообще не было найдено никаких явных улик, но тем не менее монастырь был закрыт, а все громадное принадлежавшее ему имущество конфисковано в пользу казны.

Штат полиции был снова увеличен. Иероним вернулся к своему первоначальному плану и решил соединить в лице

Бонгара две должности: начальника полиции и шефа жандармов. В помощники ему был назначен швейцарец Шальх, который методически записал в свою книгу имена всех жителей Касселя, разделив их на три разряда: французских, старонемецких и сомнительных патриотов.

Иероним вернулся к прежнему образу жизни; он с увлечением предавался всевозможным увеселениям и празднествам, устроенным по поводу свадьбы его любимца графа Фюрстенштейна с графиней Гарденберг. Тем не менее последние события произвели на него некоторое впечатление. Он сделался серьезнее, держал себя с большим достоинством и хотя продолжал относиться враждебно к немецкой партии, но стал обращать внимание на политическое движение Германии и не выказывал к нему прежнего легкомысленного пренебрежения.

Герман решился наконец сообщить своей хозяйке об опасности, которой подвергался ее зять, и о его бегстве, но госпожа Виттих, как это часто бывает со старыми людьми, равнодушно выслушала его и принялась рассказывать ему о какой-то городской новости, занимавшей ее в эту минуту. Лина редко писала матери и Герману; она с нетерпением ожидала известий от Людвига, но когда получила от него письмо, то сильно встревожилась, увидав почерк. Буквы были выведены слабой, дрожащей рукой, строчки набегали одна на другую:

«На днях я приехал в Прагу, — писал Гейстер, — но мне пришлось преодолеть немало всяких затруднений и опасностей, которые окончательно измучили меня. Дорогой я встретил Дернаберга; мы ехали то вместе, то врозь, смотря по обстоятельствам, а в Праге остановились в одной гостинице — «Ротенгаузе», куда и адресуй твои письма. К счастью, капельмейстер Рейхардт еще здесь, он собирался в Галле, но остался лишних два дня, чтобы побыть со мной. Я и Дернаберг, отдохнув немного с дороги, отправились к курфюрсту; он принял нас чрезвычайно милостиво, заставил подробно рассказать ему о последних кассельских событиях и во время разговора спросил: «Не знакомы ли мы с молодым человеком по имени Вильке?» Я ответил, что не раз встречал его в обществе, но, что он показался мне довольно загадочной личностью. Курфюрст многозначительно взглянул на меня и похвалил Вильке в таких выражениях, что я сразу догадался, в чем дело. Не подлежит сомнению, что этот молодой человек служит курфюрсту в качестве агента, и в то же время сумел приобрести полное доверие своего начальника Бонгара, так что можно только удивляться его дипломатическим способностям. Я обратил-

ся было к курфюрсту с просьбой оказать денежную помощь семьям казненных участников восстания ввиду конфискации их имущества. Он задумался на минуту, а затем таинственно шепнул мне: «Разве вы не понимаете, Гейстер, мне нужно избегать всякого повода к подозрению, что я принимал какое-либо участие в вестфальском восстании!..»

Нечего объяснять тебе, Лина, насколько поразил меня ответ курфюрста. Для такого человека мы жертвовали жизнью стольких людей!.. Я не помню, как я дошел до гостиницы... Вот уже второй день у меня лихорадка и сильнейшая головная боль, хочу лечь в постель. Думал еще написать тебе, но не могу, и потому посылаю письмо, чтобы ты не тревожилась. Тяжело быть изгнанником и жить в чужой стране! Но скоро придет Рейхардт и развеселит меня...

Людвиг».

Лина, прочитав письмо мужа, решила немедленно ехать к нему в Прагу и только на несколько минут зашла к госпоже Стелтинг, чтобы попросить ее написать Герману об ее отъезде. Между тем Герман уже получил письмо от Рейхардта с известием об опасной болезни Гейстера и уговорил госпожу Виттих отправиться вместе с ним в Гомберг, чтобы лично сообщить об этом Лине.

Но они не застали ее на даче, и решили вернуться в Кассель в ожидании новых известий из Праги. Наконец пришло письмо с черной печатью. Писала Луиза Рейхардт, которая, узнав от отца о болезни Гейстера, поспешила к нему и вместе с Линой находилась при нем неотлучно: «Не беспокойтесь о Лине, — добавляла она в своем письме. — Как только Лина немного оправится после постигшего ее горя, я намерена увезти ее к нам в Галле: это новое место для нее, и ничто не будет вызывать в ней тяжелых воспоминаний».

Письмо выпало из рук Германа. Бессознательное чувство радости охватило его душу. Мысль, что Лина может быть его женой явилась непрощенной гостьей; и он почувствовал себя глубоко виноватым перед умершим другом, вспомнив, что его могила послужит основой их будущего счастья. Но все его усилия не думать о том, что всего больше занимало его, были напрасны; чем дальше, тем сильнее и томительнее становилось его желание увидеть Лину. Только чувство приличия и отчасти боязнь упреков со стороны Луизы Рейхардт удерживали его в Касселе, но он утешал себя мыслью, что пока ничто не может помешать ему переписываться с Линой и выражать в письмах все то, что он хотел бы сказать ей на словах...

В Касселе все шло по-старому. Но едва кончился суд над участниками восстания, как начались студенческие беспорядки в Галле и Марбурге. Разгневанный король призвал к себе министра просвещения Миллера и, осыпая его упреками за упорную защиту университетов, резко сказал ему: «*Toutes vos universités ne valent rien, je les brulerai toutes!*»

Миллер молча выслушал выговор короля и удалился с почтительным поклоном, но сцена эта настолько потрясла его, что он слег в постель. Французский посланник поспешил к Иерониму, чтобы сообщить ему об этом и напомнить, что он может навлечь на себя гнев Наполеона в случае смерти знаменитого историка, который пользовался особым уважением императора. Но в это время французские войска были разбиты при Асперне, и Наполеон был настолько занят этим событием, что кончина Миллера прошла для него незаметно.

В Марбург и Галле были посланы войска для прекращения беспорядков. Главные зачинщики были схвачены, в том числе подполковник Эммерих: он был приговорен и расстрелян на месте.

Вскоре затем умер от насильственной смерти бывший военный министр Морио, занимавший в это время должность обер-шталмейстера при вестфальском дворе. Он так грубо обращался с подчиненными и так щедро награждал их побоями и ударами хлыста, что один из них решился отомстить ему и, выждав удобный момент, убил его наповал выстрелом из ружья. Король почтил великолепными похоронами своего любимца; Блангини сочинил для этого торжественного случая новый погребальный марш; министр Симсон произнес надгробную речь, в которой перечислил редкие достоинства умершего.

Противникам Бюлова удалось наконец оклеветать его перед Иеронимом, который послал ему через Бонгара приказ немедленно оставить Кассель и отправиться в свое брауншвейгское поместье Эшенроде. Бюлов выехал из вестфальской столицы под охраной жандармов. Толпа горожан проводила его до городских ворот; все старания полиции разогнать ее оказались напрасными; многие громко выражали свое сожаление об отставке почтенного министра финансов. Герман, не задумываясь, отказался от занимаемой им должности *inspecteur des éconômats* и последовал за своими друзьями в Эшенроде. Граф Бюлов выхлопотал для него профессорскую кафедру в Берлинском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Студент из Галле	3
II. Собака и комиссарская шляпа	8
III. Надежды на будущее	11
IV. В прихожей и на лестнице	20
V. Давнее горе	28
VI. Невольный шпион	31
VII. Две невесты	37
VIII. Вопрос будущего	46
IX. Неожиданное приглашение	50
X. Попытка приняться за работу	55
XI. Девичник	58
XII. Учить или учиться?	65
XIII. Сомнительное донесение	73
XIV. Новые знакомые	77
XV. Летучая мышь	82

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Утренний прием у короля	87
II. Совещание по поводу шпиона	96
III. На перепутье	100
IV. За городом	105
V. Неожиданные известия	112
VI. Герман в роли утешителя	117
VII. Новое знакомство	120
VIII. Маргаритка	126
IX. Перед полицией	129
X. Предостережение	137
XI. Неожиданная встреча	141
XII. В театре	146
XIII. Подполковник Эммерих	149
XIV. Таинственный посетитель	153
XV. Тайна будуара	159

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Partie fine	166
II. Женский орден	169
III. Бриллиантовое ожерелье	174
IV. Перемена	183
V. У историка Миллера	186
VI. Друзья	192
VII. Интрига	195
VIII. Кабинет министра	199
IX. Приготовления	205
X. В королевском саду	209
XI. Полицейский агент	213

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Открытие рейхстага	218
II. Assister au grand couvert	222
III. Тайные замыслы	228
IV. Интимный разговор	234
V. Министр финансов	238
VI. Вюрц попадает в западню	243
VII. Последствия обыска	248
VIII. Свадьба	255
IX. Визит к Миллеру	264
X. Непонятая любовь	269
XI. Новые знакомые	274
XII. Дружеское предостережение	280
XIII. Прощальный вечер	284
XIV. Два визита	290
XV. Прием депутации	297
XVI. Помолвка	303
XVII. Аудиенция у короля и Бабет	307
XVIII. Прощальный вечер	310

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

I. Признание	317
II. Визит	322
III. Денежные и другие дела	328
IV. Случайность	332
V. Возвращение Германа	339
VI. Визит к Лебрену	343
VII. Adieu, mademoiselle Cecile!	350
VIII. Ярмарка	354
IX. Костюмированный бал	358

X. Супружеская ссора	364
XI. Неожиданное посещение	369
XII. Разлука	378

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I. Тайная почта	383
II. Загадочная личность	386
III. Фаншон	391
IV. Возвращение короля из Эрфурта	397
V. День рождения Иеронима	401
VI. Неожиданный подарок	409
VII. Свадьба	413
VIII. Вступление в новую должность	416
IX. Зимние удовольствия	420
X. Праздник в Гомберге	422
XI. Заговор	427
XII. Маскарад у Бюлова	429

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

I. Неопределенные ожидания	437
II. Арест	438
III. Набат	442
IV. Тревожная ночь	445
V. В Касселе	447
VI. Просьба	449
VII. Бегство	453
VIII. После восстания	457

Г. Кениг
**КАРНАВАЛ
КОРОЛЯ ИЕРОНИМА**

Редактор
И. Шурыгина
Художественный редактор
И. Марев
Технический редактор
Н. Привезенцева
Корректоры
В. Антонова, М. Александрова,
В. Рейбекель

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 16.05.95. Уч.-изд. л. 28,6.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280,
Москва, Автозаводская, 10, а/я 73.

Оригинал-макет и диапозитивы подготовлены
ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г.Долгопрудный,
ул.Первомайская, 21.

ТАЙНЫ

В историческом романе немецкого писателя Г.Кенига «Карнавал короля Иеронима» раскрывается малоизвестная страница истории Германии начала девятнадцатого столетия.

В 1807 году по Тильзитскому договору на территории Германии было создано Вестфальское королевство. Королем стал младший брат Наполеона Жером (Иероним), который процарствовал до 1813 года, когда после Лейпцигской битвы это искусственное государственное образование было уничтожено.

Волею судьбы в центре хитросплетенной интриги и заговора оказывается главный герой романа — доктор философии Герман Тейтлебен, молодой красавец с изысканными манерами, пользующийся успехом у женщин. Герман приехал ко двору вестфальского короля в надежде сделать карьеру, но его сначала принимают за прусского шпиона, затем пытаются сделать агентом французской охраны, вовлекают в заговор тугенбундовцев. При этом то он влюбляется, то влюбляются в него...

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах